Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина

В. В. Лазарев, С. В. Липень

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

4-е издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030500 (521400) «Юриспруденция» и специальностям 030501 (021100) «Юриспруденция», 030505 (023100) «Правоохранительная деятельность»

Москва • Юрайт • 2013

УДК 34
ББК 67.0я73
Л17

Авторы:

Лазарев Валерий Васильевич — профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук;

Липень Сергей Васильевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Лазарев, В. В.

Л17 Теория государства и права : учебник для бакалавров / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2013. — 634 с. — Серия : Бакалавр. Углубленный курс.

ISBN 978-5-9916-2781-8 (Издательство Юрайт)
ISBN 978-5-9692-1464-4 (ИД Юрайт)

Учебник полностью соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения изучения теории государства и права в высшем учебном заведении.

Издание отличается оригинальной подачей материала, является разноуровневым и предназначено как для базового, так и для углубленного изучения теории государства и права. В нем анализируются принципиальные теоретические проблемы и дается обзор доктрины на основе общих и специальных работ по каждой теме на качественно более высоком уровне.

Для студентов вузов, обучающихся по специальностям юридического профиля 030501 (021100) «Юриспруденция», 050402 (032700) «Юриспруденция (учитель права)», 030505 (023100) «Правоохранительная деятельность», 030502 (250600) «Судебная экспертиза», 030500 (521400) «Юриспруденция (бакалавр)», а также для аспирантов и преподавателей юридических факультетов университетов, правовых академий и других юридических учебных заведений.

УДК 34
ББК 67.0я73

ISBN 978-5-9916-2781-8
(Издательство Юрайт)
ISBN 978-5-9692-1464-4
(ИД Юрайт)

© Лазарев В. В., Липень С. В., 1998, 2001, 2005
© Лазарев В. В., Липень С. В., 2010, с изменениями
© ООО «ИД Юрайт», 2013

Оглавление

Принятые сокращения 8
Предисловие к четвертому изданию 9
Предисловие к первому изданию 12

Раздел I.
Введение в теорию государства и права

Глава 1. Теория государства и права как наука и учебная дисциплина 17
1.1. Понятие теории государства и права. Предмет теории государства и права 17
1.2. Методология теории государства и права 22
1.3. Место теории государства и права в системе общественных и юридических наук 28
1.4. Функции теории государства и права 32
1.5. Теория государства и права как наука и учебная дисциплина 34
Обзор специальной литературы по теме 48

Глава 2. Возникновение и историческое развитие государственности 61
2.1. Возникновение государственности 61
2.2. Историческое развитие государственности 67
2.3. Теории происхождения государственности 71
Обзор специальной литературы по теме 75

Раздел II.
Теория государства

Глава 3. Понятие государства 83
3.1. Понятие и признаки государства 83
3.2. Сущность государства 88
3.3. Государственная власть 92
Обзор специальной литературы по теме 99

Глава 4. Функции государства 108
4.1. Понятие функций государства 108
4.2. Классификация функций государства 110
Обзор специальной литературы по теме 121
Глава 5. Механизм государства 125
5.1. Понятие и назначение механизма государства... 125
5.2. Принципы организации и функционирования механизма государства 127
5.3. Понятие и виды органов государства 131
Обзор специальной литературы по теме 133
Глава 6. Форма государства 147
6.1. Понятие и элементы формы государства 147
6.2. Форма правления 147
6.3. Форма государственного устройства 160
6.4. Политический режим 171
6.5. Общие проблемы понимания категории «форма государства» 176
Обзор специальной литературы по теме 178

Раздел III. Теория права

Глава 7. Право в системе социальных норм общества 189
7.1. Понятие и признаки социальных норм общества 189
7.2. Классификация социальных норм общества 192
7.3. Соотношение норм права с иными социальными нормами 193
7.4. Право и экономика, право и культура, право и политика 197
Обзор специальной литературы по теме 205
Глава 8. Понятие права 211
8.1. Общая характеристика теорий права (подходы к пониманию права) 212
8.2. Нормативное определение права 229
8.3. Сущность права 232
Обзор специальной литературы по теме 236
Глава 9. Основные правовые системы современности 248
9.1. Общая характеристика основных правовых систем современности 248
9.2. Особенности российской правовой системы 252

Обзор специальной литературы по теме 256
Глава 10. Источники права **259**
10.1. Понятие источника права 259
10.2. Нормативный правовой акт — основной источник права 261
10.3. Общая характеристика различных источников права 268
Обзор специальной литературы по теме 286
Глава 11. Нормы права **299**
11.1. Понятие нормы права и ее структура 299
11.2. Виды правовых норм 303
11.3. Изложение нормы права в статье нормативного акта 308
Обзор специальной литературы по теме 312
Глава 12. Структура и система права **315**
12.1. Структура права и ее элементы. Понятие системы права 315
12.2. Основания построения системы права 316
12.3. Общая характеристика основных отраслей права 320
Обзор специальной литературы по теме 338
Глава 13. Правотворчество. Систематизация нормативных правовых актов **344**
13.1. Понятие и виды правотворчества 344
13.2. Принципы правотворчества 346
13.3. Стадии правотворческого процесса 349
13.4. Установление и восполнение пробелов в праве 353
13.5. Систематизация нормативных правовых актов 359
13.6. Понятие и основные требования юридической техники 363
Обзор специальной литературы по теме 367
Глава 14. Пределы действия нормативных правовых актов **379**
14.1. Понятие юридического действия нормативных правовых актов 379
14.2. Действие нормативных правовых актов во времени. Обратная сила закона. Переживание действия нормативных правовых актов 380

14.3. Действие нормативных правовых актов в пространстве. Случаи экстерриториального действия закона 388
14.4. Действие нормативных правовых актов по кругу лиц. Особенности правового положения иностранцев и лиц без гражданства 390
Обзор специальной литературы по теме 391
Глава 15. Правовое сознание 394
15.1. Понятие, структура и виды правосознания 394
15.2. Основные типы правосознания 398
15.3. Понятие о правовой культуре. Правовое воспитание 402
Обзор специальной литературы по теме 407
Глава 16. Правовые отношения 413
16.1. Понятие, структура и виды правоотношений 413
16.2. Субъекты правоотношений 416
16.3. Субъективные права и обязанности участников правоотношений 419
16.4. Объекты правоотношений 421
16.5. Юридические факты 422
Обзор специальной литературы по теме 424
Глава 17. Реализация права 431
17.1. Понятие и формы реализации права. Виды правомерного поведения 431
17.2. Применение как особая форма реализации права 441
17.3. Стадии процесса применения права 445
17.4. Правоприменительные акты 450
17.5. Применение права по аналогии 454
17.6. Законность — основной принцип реализации права 457
17.7. Правопорядок — конечный результат реализации права 464
Обзор специальной литературы по теме 467
Глава 18. Толкование норм права 484
18.1. Понятие и виды толкования норм права 484
18.2. Субъекты толкования норм права 488
18.3. Способы толкования норм права 493
18.4. Объем толкования норм права 495

18.5. Особенности толкования норм обычного, договорного, прецедентного права 497
Обзор специальной литературы по теме 502
Глава 19. Правонарушение и юридическая ответственность 505
19.1. Понятие и виды правонарушений 505
19.2. Юридический состав правонарушения 507
19.3. Причины правонарушений. Борьба с правонарушениями 513
19.4. Понятие и виды юридической ответственности 518
19.5. Реализация юридической ответственности 525
Обзор специальной литературы по теме 528

Раздел IV. Общество и государство. Право и личность

Глава 20. Государство в политической системе общества 537
20.1. Политическая система общества: понятие и структура 537
20.2. Государство в политической системе общества 542
20.3. Государство и другие элементы политической системы общества 543
20.4. Типология политических систем. Развитие политических систем 554
20.5. Государство и общество России в постсоветский период 556
Обзор специальной литературы по теме 560
Глава 21. Взаимосвязь и взаимодополняемость государства и права 567
21.1. Механизм государственно-правового регулирования 567
21.2. Личность, государство, право 569
21.3. Теория правового государства 573
Обзор специальной литературы по теме 584
Алфавитно-предметный указатель 600
Именной указатель 612

Принятые сокращения

Конституция РФ — Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ; часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ; часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ

Предисловие к четвертому изданию

Предлагается к очередному переизданию позитивно воспринятый студенчеством учебник. Что позволяет нам в очередной раз рекомендовать его обучающимся? Не только та формальная причина, что, в отличие от других, он оказался пригодным для изучения курса как на первом, так и на выпускном курсе высшего учебного заведения. Дело заключается в постоянном переосмыслении самого предмета изучения — государства и права, общих закономерностей их развития и функционирования. Для образованного, глубокого юриста вопросы о том, что есть государство, что есть право, являются ключевыми. И единого ответа на них нет до сих пор. В Отечестве нашем сегодня, как, впрочем, и раньше, сильны голоса, ратующие за укрепление государства, но не все с этим соглашаются: есть государственники и есть либералы, есть авторитаристы и есть демократы. Так было и раньше: великий философ Гегель воспевал государство, а марксисты (Маркс, Энгельс, Ленин) видели в нем зло, полагали, что наступит время, когда общество обойдется без государства и права. Правда, марксистов сегодня мало кто принимает во внимание, но ведь и другие неглупые люди, даже с противоположным марксистскому мировоззрением, видели в государстве некое многоголовое чудище, Левиафана (Гоббс), олицетворяющего насилие и не только. Что такое государство? — задается вопросом Фридрих Ницше. И отвечает: «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: «Я, государство, составляю народ».

Это ложь! Созидателями были те, кто создали народы и дали им веру и любовь: так служили они жизни.

Разрушители — это те, кто ставит ловушки для многих и называет их государством: они навесили им меч и навязали им сотни желаний.

Если где еще существует народ — не понимает он государства и ненавидит его, как дурной глаз и нарушение обычаев и прав» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 43). Для Ницше и право в своей основе — присвоение, узурпация, насилие, и эту характеристику не стали

бы сегодня оспаривать те, кто сегодня полагает, что посредством права государство регулирует общественные отношения отнюдь не в интересах всего общества, что законы делаются по заказу, становятся предметом сделок, закулисного лоббирования и т.д.

Думаем, что и студенту будет что противопоставить именитому философу после освоения курса теории государства и права. Надеемся, что наш учебник послужит лучшему пониманию отраслевых юридических наук, в которых праву отведено особое значение. Но полемика возможна лишь с приобретением глубоких знаний. Однако сегодня, в особенности со вступлением России в так называемый Болонский процесс (отказ от подготовки специалистов и подготовка бакалавров и магистров), все чаще говорят об усреднении знаний. Известный наш юморист печалится об «оскуднении образования». Мы бы вполне серьезно констатировали оскопление юридического образования, чему свидетельством является, например, «специализация» отдельных издательств на такой продукции, как шпаргалки, ответы на экзаменационные вопросы и т.п. и открытое распространение их в стенах юридических вузов. Пользуются спросом, приносят доход. О системном усвоении учебной программы в целом (а не перечня экзаменационных вопросов) часто не думают. Предлагаемый учебник выпадает из ряда подобных изданий. И это еще одно обстоятельство, позволяющее без ложной скромности рекомендовать его читателю. Не имеет большого значения, как именовать выпускника вуза, имеет значение, что и как ему дают в вузе. Напрасно наши практические органы боятся бакалавров и магистров. И тому и другому можно найти место исходя из уровня их подготовки. Исторически магистратура (фр. magistrature, от лат. Magistratus) означала во Франции судейский персонал, с включением прокуратуры (в этом значении слово употреблялось и в России), а иногда и совокупность административных чиновников, например префектов и даже мэров. Таким образом, высшая ступень образования может быть сориентирована на подготовку высших слоев юридической иерархии, включая сферу управления.

В предисловии к первому изданию (мы оставили его без изменения) указаны концептуальные особенности учебника. Уже тогда он рассчитывался и на бакалавра, и на специалиста; и на магистра, и на аспиранта благодаря тому, что разные уровни освещения соответствующих тем подаются разным шрифтом, благодаря обзорам литературы, позволяющим проникать в проблемные вопросы науки. В предисловии ко второму изданию мы оговорились: авторы не преследуют цель заполнения того «сосуда», который именуют студентом. Они хотят зажечь его. Именно этим объясняется кон-

статация разных позиций ученых по большинству излагаемых вопросов. Учение без размышления оказывается во многом бесполезным, а масла в огонь подливает всегда дискуссия, противопоставление взглядов по одному и тому же вопросу. Причем нельзя думать, будто это пустое теоретизирование, бесплодные схоластические споры. За каждой теоретической конструкцией следует видеть сугубо практические следствия, совсем неодинаковую деятельность правотворческих и правоприменительных органов. Учебник сориентирован на то, чтобы студент «пытал» преподавателя по поводу того, какие законодательные нормы могли бы обеспечивать тот или другой подход в оценке и выборе средств государственно-правового воздействия на общественные отношения. Там же констатировалось, что тиражи книги разошлись, что издательство «Спарк», удовлетворяя потребности рынка, делает предложение о новом, исправленном и дополненном издании. Теперь такое предложение исходит уже от другого издательства. Мы расцениваем это как свидетельство того, что студенты по достоинству оценили преимущества новых подходов в изложении учебного материала, что преподаватели не остались безучастными в своих рекомендациях и среди других источников данному учебнику в определенном отношении отдавалось предпочтение.

Учебник не имеет какого-либо грифа. Нас это не особенно тревожит. Нас вполне удовлетворяет то, что в течение вот уже более десяти лет, прошедших после первого издания, букет разноцветья, собранный из положений, содержащихся в трудах сотен ученых (см. именной указатель), не рассыпался и не завял.

В предисловии к предшествующему изданию указывалось, что особенности подготовки настоящего учебника (в одном их фактически два) обязательно через некоторое время требуют обновления. Строго говоря — внесения дополнений. Причем та часть учебника, которая рассчитана на стандартное освоение предмета, в дополнениях практически не нуждается. Она содержит все энциклопедические знания, раскрывает все классически значимые вопросы теории государства и права. Напротив, тот материал, который излагается петитом и рассчитан на более глубокое проникновение в проблемы курса, нуждается в изменении. В настоящем издании авторы следуют этой методике, хотя изменения в сторону улучшения подачи материала касаются и первой части.

Авторы выражают признательность руководству своих вузов, коллегам и работникам издательств, чье благожелательное отношение позволяет осуществить очередной выход настоящего труда.

Декабрь 2008 года

Предисловие к первому изданию

Теория государства и права преподается на первом курсе юридических вузов и факультетов и является одной из базовых дисциплин, изучение которых обязательно.

За последние три-четыре года по теории государства и права появилось новое поколение учебной литературы; учебники и учебные пособия, написанные разными авторами либо коллективами авторов, во все большем количестве продолжают издаваться и сейчас. Этот процесс имеет под собой объективные основания, одно из которых — сложность, неоднозначность теоретического юридического знания. В курсе теории государства и права рассматривается достаточно большое количество самостоятельных проблем, причем исследование каждой из них может основываться на разных методологических подходах, а результаты могут незначительно либо существенно различаться между собой.

Современное состояние науки теории государства и права характеризуется многообразием определений многих юридических понятий и подходов к построению юридических конструкций и классификаций юридических явлений. Отсутствует общее понимание практически всех политических и правовых доктрин, нет единства взглядов даже относительно названия и структуры данной вузовской дисциплины.

Авторы настоящего издания предлагают свое видение учебного курса теории государства и права. Учебник отличает новизна изложения материала по существу и по форме. В этой связи представляется необходимым обратить внимание на следующие концептуальные моменты.

1. Учебник преследует цель наиболее широко охватить общетеоретические вопросы государства и права. Речь идет не только о полном наборе изучаемых студентами тем, но и об обозначении едва ли не всех проблем в рамках отдельной темы. Такой подход к преподаванию предмета был вполне успешно апробирован авторами в Международном институте экономики и права в 1996/1997 учебном году. Авторы не идут по пути монографического исследования и не дают детального обоснования всех приводимых позиций, рассчитывая на качественные лекции преподавателя, вопросы самих студентов, дискуссии во время семи-

нарских занятий. Материал подается диалектически, с учетом самостоятельной работы студента под методическим руководством преподавателя.

Для учебников классического плана не свойственно обращение к первоисточникам. Авторы настоящего издания по ряду тем предлагают достаточно объемные цитаты, а также дополнительный материал, который полезен для более детального ознакомления с теоретическими проблемами, но в принципе не является обязательным для ответа на минимальную положительную оценку на семинарских занятиях и экзаменах.

2. После изложения учебных вопросов каждой темы помещен обзор специальной литературы. Изучение теории государства и права при получении высшего юридического образования не ограничивается материалом, предлагаемым в лекции и учебнике. Как минимум одну (а то и несколько) тему каждому студенту придется проработать более глубоко, с обращением к дополнительным источникам в процессе подготовки курсовых работ (они планируются на первом курсе юридических вузов, как правило, по теории государства и права), рефератов, иных письменных работ, устных сообщений и индивидуальных заданий. Кроме того, и при изучении отраслевых юридических дисциплин, при решении отдельных практических вопросов возникает необходимость обращения к научному теоретическому знанию.

Многие проблемы теории государства и права фундаментально разработаны на научном уровне, существует обширная научная литература в виде монографических изданий, научной периодики. Давно назрела потребность в упорядочении этого материала, поскольку трудности подбора литературы по той или иной проблеме (особенно частной, специальной) весьма значительны, а библиографические указатели или устарели, или же большого распространения не получили. Обычно списки рекомендуемой литературы содержатся в работах методического характера, однако их объемы и тиражи нередко ограничены и не позволяют показать всего многообразия источников по самым разным проблемам теории государства и права. Принципиальное отличие настоящего издания от библиографических указателей и методических разработок как раз и состоит в том, что предлагаемые «обзоры специальной литературы» являются не просто перечнем источников, а органическим продолжением содержания многих тем. Такое пристальное внимание в учебном курсе к научным проблемам вполне согласуется с традициями, сложившимися в преподавании юридических дисциплин в дореволюционной России (конец XIX — начало XX в.), современными тенденциями в подготовке учебной литературы

по теории государства и права, общей направленностью развития высшего образования (получение степени магистра).

Учитывая изложенное выше, учебник будет полезен студентам и дневной, и особенно заочной формы обучения. Аудиторное общение с преподавателем у студентов-заочников в 4—5 раз меньше, чем у обучающихся на стационаре, поэтому предполагается значительная самостоятельная работа с литературой по теории государства и права, своеобразным путеводителем по которой может служить настоящее издание. Учебник во многом сориентирован на самостоятельную работу студентов новой для отечественного высшего образования дистанционной формы обучения, которая наряду с традиционными предполагает и новые формы общения студента с преподавателем.

3. Учебник содержит иллюстрации теоретических положений казуистическим материалом. Теория государства и права является общей юридической дисциплиной, она занимается изучением юридической действительности в принципе безотносительно к конкретным государственно-правовым учреждениям той или иной страны, того или иного периода. В то же время многие теоретические положения для лучшего их понимания традиционно разъясняются с использованием примеров именно из современного отечественного законодательства и практики его применения. Так, учебники по теории государства и права, издаваемые до начала 90-х гг., были ориентированы на законодательство СССР, а издаваемые в России в настоящее время — преимущественно на современное российское законодательство.

4. В целях удобства пользования настоящее издание снабжено предметным и именным указателями, что в учебной литературе по теории государства и права практически не встречается.

Из всех изданных в последние годы учебников нет ни одного, который мог бы быть рекомендован студентам, получающим диплом специалиста или готовящимся к освоению знаний на уровне магистра. Предлагаемое издание восполняет этот пробел. Кроме того, в нем содержится материал для тех, кто только начинает изучать теорию государства и права по программе бакалавра. По рекомендации преподавателя или самостоятельно он может упускать из поля зрения обзоры литературы, не сосредотачиваться на разных позициях ученых, а использовать основной текст, в котором раскрываются основные понятия, даются классификации государственно-правовых явлений и т.д. Предполагая совершенствовать учебник в дальнейшем, авторы будут признательны за все замечания по его структуре и содержанию.

1997 год

РАЗДЕЛ I

Введение в теорию государства и права

ГЛАВА 1

Теория государства и права как наука и учебная дисциплина

1.1. Понятие теории государства и права. Предмет теории государства и права

Термин «теория» — греческого происхождения и в переводе означает «рассмотрение», «исследование». В настоящее время он имеет два основных значения. В широком смысле это форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Теоретическое знание с этой точки зрения — это вообще любое научное, систематическое, глубокое знание, противопоставляемое и знанию обыденному, поверхностному, и практике как деятельности человека.

В узком смысле теория — это система основных идей, законов, понятий в той или иной отрасли знания. В реальной жизни действуют такие объективные закономерности, которые являются общими, присущими всей группе определенных явлений и без познания которых невозможно основательное изучение этих явлений. Сказанное относится и к юриспруденции: глубокое исследование своего предмета отраслевыми юридическими дисциплинами было бы затруднительно без познания общих для всей юридической действительности связей и отношений. Так, общие определения государства, государственного аппарата, органа государства, права, системы права, нормативного правового акта, правонарушения и многих других юридических явлений в рамках курса теории государства и права облегчают изучение специальных проблем (отраслевых юридических дисциплин). Таким образом, тер-

мин «теория» употреблен в названии предмета преимущественно во втором, в узком, значении.

Теория государства и права — это система знаний о наиболее общих закономерностях государства и права, о возникновении, сущности, функционировании и развитии государственно-правовых явлений.

Каждая наука имеет свой предмет — определенный круг изучаемых закономерностей какой-либо сферы человеческой деятельности. Под закономерностями понимаются реальные устойчивые связи, которые выражают сущность явлений, процессов. **Предмет теории государства и права** образуют наиболее общие закономерности существования и развития государственно-правовых явлений. История человечества дает обилие и разнообразие форм, институтов государства и права; на основании изучения мирового опыта выявляются определенные закономерности. Теория государства и права, опираясь и на другие отрасли научного знания, формулирует научные законы, понятия, определения государственных и правовых явлений, что позволяет познать сущность последних, совершенствовать их в целях наиболее эффективного управления обществом.

Следует иметь в виду, что теория государства и права ставит своей задачей изучение не всех (это цель многих юридических наук), а только *наиболее общих закономерностей* функционирования государства и права. В отличие от иных юридических наук теория государства и права изучает не какую-либо одну сферу, область юридической действительности, не историю государственной и правовой жизни, не государственно-правовые явления какой-либо одной страны, а общие закономерности развития государства и права в целом.

Государство и право изучаются в единстве и во взаимодействии, поскольку это две очень тесно связанные между собой части юридической действительности. Органы государства издают нормативные акты, в которых содержатся нормы права, принимают меры к их реализации. С другой стороны, деятельность государства осуществляется прежде всего в правовых формах. Структура учебного курса теории государства и права прямо зависит от специфики ее предмета. Во всех учебных изданиях, как правило, присутствуют два крупных раздела — теория государства и теория права. В *теории государства* обычно рассматриваются проблемы общего понятия государства, возникновения и исторического развития государственности, функций и форм государства, аппарата государства, значения государства в политической системе общества. В *теории права* изучаются проблемы общего понятия права,

возникновения и исторического развития права, норм и системы права, нормативных правовых актов, правосознания, правоотношений, реализации права, правонарушений, юридической ответственности, законности и некоторые другие.

Возможны различные варианты структуры учебного курса теории государства и права. Обычно сначала изучается теория государства, затем — теория права, иногда предлагают эти блоки проходить в обратном порядке: сперва — теорию права, затем — государства. Отдельные темы могут выделяться в самостоятельные разделы, последние добавляются к теории государства и теории права, например: «Государство, право и общество», «Действие права и государства» и т.п. В настоящем издании в заключительный раздел вынесены отдельные проблемы взаимосвязи и взаимодействия общества, государства и права.

Одно из структурных и содержательных нововведений 90-х гг. XX в. — предложение изучать вместо теории государства и права только теорию права, отдавая общие проблемы государства на откуп или политологии, или конституционному праву. Такое сужение предмета учебного курса (и, соответственно, науки) представляется не вполне оправданным. Юридическая действительность, которую исследует теория государства и права, — это не только действительность правовая (нормы права, правоотношения, идеи о праве и т.д.), но и государственная (органы государства, правовые формы их деятельности и т.д.), они очень тесно связаны. Общетеоретические аспекты государственности такого глубокого специально юридического осмысления, как в теории государства и права, более нигде не получают, — та же политология является наукой неюридической, в рамки конституционного права многие проблемы теории государства также не укладываются. Кроме того, неразрывная связь государства и права подчеркивается в названии исторических юридических дисциплин: «История государства и права», «История политических и правовых учений». Если исключить из структуры курса теорию государства, многие исторические и отраслевые юридические дисциплины теряют теоретическое основание.

Тесная связь государства и права со всей очевидностью просматривается там, где идет речь об их воздействии на общественные отношения. Поэтому логично появление в отдельных учебных изданиях раздела о роли государства и права в сфере экономики, культуры и т.д.

С учетом специфики предмета представляется возможным остановиться на следующих характеристиках теории государства и права.

Теория государства и права — это наука *общественная* (не естественная и не техническая), поскольку она изучает определенную сферу общественной жизни — государство и право.

В отличие от других общественных наук, непосредственно не изучающих государственно-правовые явления, теория государства и права — это наука *юридическая*.

Теория государства и права — это *общая*, общетеоретическая юридическая наука. Она занимается исследованием проблем, общих для всех юридических дисциплин. Последние, в отличие от теории государства и права, имеют более конкретный, прикладной характер. Поскольку теория государства и права раскрывает глубинные связи и отношения и на этой основе формулирует главные, основополагающие выводы, можно говорить о том, что теория государства и права — наука *фундаментальная*.

В курсе теории государства и права изучаются юридические понятия, категории, классификации, процессы, имеющие значение для государственно-правовой действительности не только конкретной страны в конкретное время, но и для человеческого общества в целом. Общий характер теории государства и права нередко находит выражение в названии науки, соответствующей учебной дисциплине, учебных пособий — «Общая теория государства и права». Да и сам термин «теория», как уже отмечалось, обозначает основополагающее, общее знание. Кстати, абстрактный характер настоящего учебного курса определяет специфику его преподавания и изучения.

Ставится вопрос о создании наряду с общей теорией государства и права и *специальной* теории государства и права; так, о необходимости создания теории российской государственности говорит А. Б. Венгеров (см.: Теория государства и права. Ч. 1: Теория государства / Под ред. А. Б. Венгерова. М., 1995. С. 4, 254). Следует отметить и то, что ряд тем («Нормы права», «Система права», «Нормативные правовые акты» и др.) в большинстве учебников по теории государства и права традиционно носят именно специальный, а не общий характер, поскольку теоретические положения рассматриваются почти исключительно на примере отечественной государственно-правовой действительности. Таким образом, наметившаяся в последние годы тенденция — включать в название учебных курсов и учебных пособий слово «общая» — не во всем соответствует пока реальному положению вещей. Отсюда представляется наличие двух уровней теоретического знания — общего (безотносительно к юридической действительности конкретной страны в конкретное время) и специального (применительно к юридической действительности конкретной страны в конкретное время). Необходимо разобраться в состоянии этих двух уровней. Современное состояние предмета таково, что по отдельным темам собственно *общее* теоретическое знание отсутствует, оно заменено знанием более конкретным. В то же время важно и теоретическое осмысление современной отечественной юридической действительности, поскольку такое осмысление недостаточно в рамках какой-либо иной юридической дисциплины, кроме теории государства и права. Поэтому необходимо органичное сочетание в рамках теории государства и права общего и спе-

циального уровня знаний (не случайно чтение в вузах специальных курсов в рамках теории государства и права). Один из таких вариантов предлагается в издании: Теория государства и права : Учеб. / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. Здесь последняя тема в разделе «Теория государства» называется «Российское государство: прошлое, настоящее, будущее», а в разделе «Теория права» — «Российская правовая система». Обсуждение вопроса можно вести и в рамках соотношения общей теории государства и права и отраслевых теорий. Так, теоретические вопросы российской государственности могут осмысливаться в рамках отечественной истории, конституционного права России и т.д. Против разделения теоретического знания на общий и специальный уровни возражает В. Н. Протасов (см.: Протасов В. Н. К вопросу о «специальной» теории государства и права // Государство и право. 2007. № 11. С. 28—33).

Теория государства и права — наука, которая имеет направляющее, *методологическое* значение, и прежде всего — в отношении отраслевых юридических дисциплин. Положения теории государства и права являются наиболее существенными для характеристики основных тенденций развития государственно-правовых явлений. Теория государства и права вырабатывает понятия, категории, классификации, идеи, концепции, которые используются в иных юридических науках. В изучении отраслевыми юридическими науками соответствующей сферы юридической действительности, т.е. определенной части целого, общие теоретические выводы являются отправными точками, объединяющим стержнем, основанием для частных исследований.

В значительной степени можно даже говорить о том, что от уровня развития теории государства и права в целом зависит уровень развития юриспруденции вообще, о том, что на данной дисциплине лежит особая ответственность — ответственность за состояние дел в юридической науке. Именно на долю теории выпадает задача аккумуляции новейших достижений как в общественных, так и — в необходимых случаях — в естественных и технических науках. Теоретическое знание должно развиваться быстрее, для того чтобы не сдерживать развитие других юридических дисциплин, чтобы их уровень соответствовал потребностям практики.

Теория государства и права — это наука *вводная* к курсу юридических наук. Перед тем как приступить к изучению основного массива юридических дисциплин — отраслевых, студенты должны получить развернутое, цельное представление о государственно-правовой действительности. Именно эти самые общие знания им и дает теория государства и права.

1.2. Методология теории государства и права

Методология науки — это совокупность принципов, приемов, способов научной деятельности, применяемых для получения истинных, отражающих объективную реальность знаний.

Таким образом, предмет — это то, что изучает данная наука, а метод — то, как, какими средствами наука изучает свой предмет.

Выделяют *общенаучные* и *частнонаучные* методы исследования.

Общенаучные методы — это самые общие подходы к исследованию, всеобщие принципы познания, используемые всеми науками. Прежде чем приступать к любому познавательному процессу, следует определиться по некоторым вопросам, имеющим принципиальное значение: реально ли существует объективный мир, действуют ли в нем какие-либо закономерности, познаваемы ли они и т.п.

В качестве общенаучных методов, или методологической основы исследования, выступает определенное философское направление. Современные отечественные научные исследования базируются, как правило, на материализме и диалектике. Методологической основой юридических исследований могут служить и иные философские направления: неокантианство, неогегельянство, определенная религиозная идеология, позитивизм, экзистенциализм, утилитаризм и т.д.

Материализм — это философское направление, которое исходит из того, что мир материален, существует объективно, вне и независимо от сознания, что материя первична, никем не сотворена, существует вечно. Сознание, мышление — это свойство материи; как правило, утверждается познаваемость мира, его закономерностей.

Диалектика — это наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Диалектика является всеобщим методом познания и требует учитывать в процессе познания окружающей действительности всеобщую взаимосвязь и постоянное развитие явлений. Эти принципы конкретизируются законами диалектики (единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицания отрицания), а также категориями диалектики — понятиями, отражающими всеобщие связи бытия (сущность и явление, содержание и форма, необходимость и случайность, возможность и действительность, единичное, особенное и общее и др.).

На основе материалистического и диалектического подходов можно утверждать, что государство и право — это реальные, объективные явления, которые находятся в постоянном развитии, которые существуют не сами по себе, а в тесной связи с экономическими, политическими, духовными условиями жизни общества, с природой человека. Государство и право имеют свои закономер-

ности возникновения и развития, и эти закономерности можно познавать. Таким образом, самые общие *методологические предпосылки* для исследования государственно-правовых явлений сводятся к следующему:

- государство и право как реально существующие явления могут быть объектом научного анализа;
- изучая государство и право, следует учитывать их постоянное развитие, момент изменчивости. Например, при анализе современной правовой системы Российской Федерации необходимо представлять, что так было не всегда, что эта правовая система имеет свою историю развития, что все, что есть сейчас, развилось, выросло из правовой действительности, существовавшей ранее, что нынешнее состояние правовой системы — только определенный этап ее развития, а не венец истории, что в этом развитии существуют и определенные тенденции. Таким образом, одним из основополагающих принципов любого научного исследования является принцип историзма;
- изучая государство и право, следует учитывать многообразные связи, существующие между различными сферами общественной жизни, между экономическими, политическими, правовыми, культурными, демографическими, национальными процессами. В отдельных случаях эта связь становится определяющей для развития юридической сферы общества. Любое научное исследование должно быть всесторонним;
- следует изучать государственно-правовые явления, ориентируясь на юридическую практику, на государственно-правовую действительность. Любая наука важна не сама по себе, она необходима прежде всего для обслуживания потребностей практики, именно в этом — значимость и ценность любой научной теории. И в конечном счете истинность теории проверяется практикой. С этой точки зрения любое научное исследование должно быть объективным.

Философские направления, выступающие в качестве методологической основы исследования, не могут дать ответов на вопросы юридических наук, они указывают лишь самые общие подходы к разрешению проблем. Поэтому используются различные приемы сбора, обработки, осмысления научной информации, так называемые *частнонаучные* методы исследования — это правила, приемы, способы непосредственного получения конкретного знания. Они многообразны и зависят от уровня и направленности процесса исследования.

Частнонаучными рассматриваемые ниже методы называются весьма условно, поскольку они имеют применение во многих науках, причем

не только в гуманитарных. Это название не столько подчеркивает вообще частный характер разнообразных способов научного освоения действительности, сколько характеризует отношение последних к методологической основе, к так называемым общенаучным методам, к диалектико-материалистическому подходу. Существуют и иные классификации методов. Популярным, в частности, является их деление на всеобщий диалектико-материалистический метод, методы, общие для наук, но специальные по отношению к всеобщему, и частноправовые методы (см: Фельдман Д. И., Курдюков Г. И., Лазарев В. В. Теоретические проблемы методологии исследования государства и права. Казань, 1975. С. 5). О различных подходах к классификации методов см.: Сырых В. М. Метод правовой науки: Основные элементы, структура. М., 1980. С. 10—18.

Конкретно-социологические методы исследования применяются в основном на этапе сбора научной информации. Это наблюдение (объектами наблюдения в теории государства и права могут служить юридическая практика, государственные учреждения и т.д.), опрос, анкетирование, интервьюирование, эксперимент (этот метод применяется для получения знаний о явлениях, не существующих в действительности, моделируемых в небольшом объеме, например для практической проверки эффективности деятельности отдельных государственно-правовых институтов) и т.д. Здесь исследователь имеет дело с конкретными материалами, с фактами. Далее необходимы отбор и анализ полученной информации.

Теория государства и права относится к общественным наукам, и к исследованию ее предмета очень часто возможно применить лишь абстрактное мышление. Абстракция в самом общем виде представляет собой мысленный образ, который создается о каком-либо предмете, явлении с использованием различных операций. Один из важнейших методов, которые использует теория государства и права, — *логический*. Логика — это наука о приемах и способах мышления. Разнообразные логические операции (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение, моделирование и др.), законы логики (тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания и др.) используются также в научном познании юридической действительности.

Анализ представляет собой расчленение целого на составные элементы, их изучение в отдельности (например, деление права на отрасли, исследование особенностей каждой отрасли права). *Синтез* — это логический прием, противоположный анализу, заключающийся в обобщении в рамках целого знания, полученного в результате исследования отдельных элементов этого целого (например, синтезируя знания об отдельных отраслях права, мы получает знание о праве в целом).

Индукция — это логический прием, позволяющий на основании частного знания получать знание общее. *Дедукция* — это такой логиче-

ский прием, при помощи которого на основании знания общего приходят к знанию частному.

Моделирование — мыслительное, идеальное воспроизведение исследуемых объектов. Эта операция позволяет формулировать научные понятия, отражающие общие свойства явлений, абстрагироваться от их конкретных, случайных свойств. Так, в курсе теории государства и права изучается понятие «государство». Такого явления — абстрактного государства — не существует в реальной действительности, есть только конкретные государства — Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Франция и т.д. Выработка общих понятий имеет огромное значение для постижения сущности, для поиска оптимального варианта развития государственно-правовых явлений.

Из общего диалектического подхода прямо следует необходимость применения *исторического* метода во всяком научном исследовании. Любое явление или процесс имеет свою историю развития; используя данный метод, это развитие изучается и воспроизводится в динамике во всех деталях.

Структурно-функциональный метод основан на том, что все государственно-правовые явления имеют внутреннюю структуру, и в то же время сами входят в качестве составного элемента в другую, более общую структуру. В ходе структурно-функционального анализа вычленяются отдельные элементы структуры, дается их функциональная характеристика, анализируются их взаимосвязи.

Системный подход — это направление в методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем, которое ориентирует исследования на раскрытие целостности объекта, на выявление в нем многообразных типов связей и сведение их в единую теоретическую картину. Системный подход включает в себя также и структурно-функциональный метод, однако здесь упор делается прежде всего на исследование взаимодействия объекта как целостной системы с внешней средой.

При анализе текстовой информации, например при исследовании содержания нормативных правовых актов, может использоваться *лингвистический* (филологический) метод.

Не все объекты научного юридического исследования подлежат количественным измерениям. Однако если такое возможно, во многих случаях цифры говорят красноречивее любых логических доказательств. Поэтому в теории государства и права для изучения фактического состояния определенных явлений, процессов, выявления тенденций их развития используются *статистические* методы сбора информации, *математические* методы обработки данных, выражающих количественные изменения в юридической жизни.

Все эти так называемые частнонаучные методы исследования, как уже отмечалось, имеют общий характер, поскольку в той или иной степени используются всеми общественными науками. Все методы связаны между собой и применяются, как правило, не по отдельности, а в различных сочетаниях друг с другом, что зависит от объекта исследования.

Каждая наука на основе этих методов вырабатывает свою методологию; в рамках каждой науки складываются особые традиции исследования своего предмета. Есть особенности и в методологии юридических наук, поэтому принято считать, что здесь сложились особые *специально-юридические* методы. Существуют и более частные особенности методологии теории государства и права, обусловленные спецификой теоретического знания, необходимостью формулирования и разработки общих понятий, классификаций, юридических конструкций, концепций и т.д. Методы исследования права и государства представлены на схеме 1.

С 90-х гг. XX в. научное юридическое знание развивается быстрыми темпами, что обусловливает и новые тенденции в исследовании проблематики юридической науки.

Из новых, нетрадиционных подходов к проблемам предмета и методологии теории государства и права стоит отметить взгляды А. Б. Венгерова. Он пытается в своих работах опровергнуть распространенную точку зрения относительно того, что всеми социальными процессами возможно и необходимо управлять, поскольку в обществе имеются и такие процессы, которые успешно протекают на основе саморегуляции и менее всего нуждаются во внешнем управляющем воздействии. И теория государства и права, как и любая другая наука, должна изучать не только закономерности, но и случайности, поскольку в реальной жизни наряду с первыми действуют и вторые. Соответственно, методология теории государства и права должна дополниться синергетикой — наукой о самоорганизующихся, случайных процессах.

Позитивистской методологии (в рамках которой в целом развиваются социологический, системный подходы, иные частнонаучные методы) В. Н. Синюков в своем исследовании особенностей российской правовой системы противопоставляет культурно-исторический подход, основанный на феноменологии и герменевтике.

Для позитивизма характерно изучение конкретного фактического материала и выведение на этой основе универсальных законов, служащих в дальнейшем для объяснения фактов. «Исходной методологической основой культурно-исторического подхода выступают те общефилософские концепции, которые не предполагают обобщений «воспроизводимых», «предсказуемых» и жестко детерминированных явлений правопорядка — норм, правоотношений, актов реализации и т.п. объектов позитивистского, марксистского, социологического изучения права. Познавательная канва работы проложена доктри-

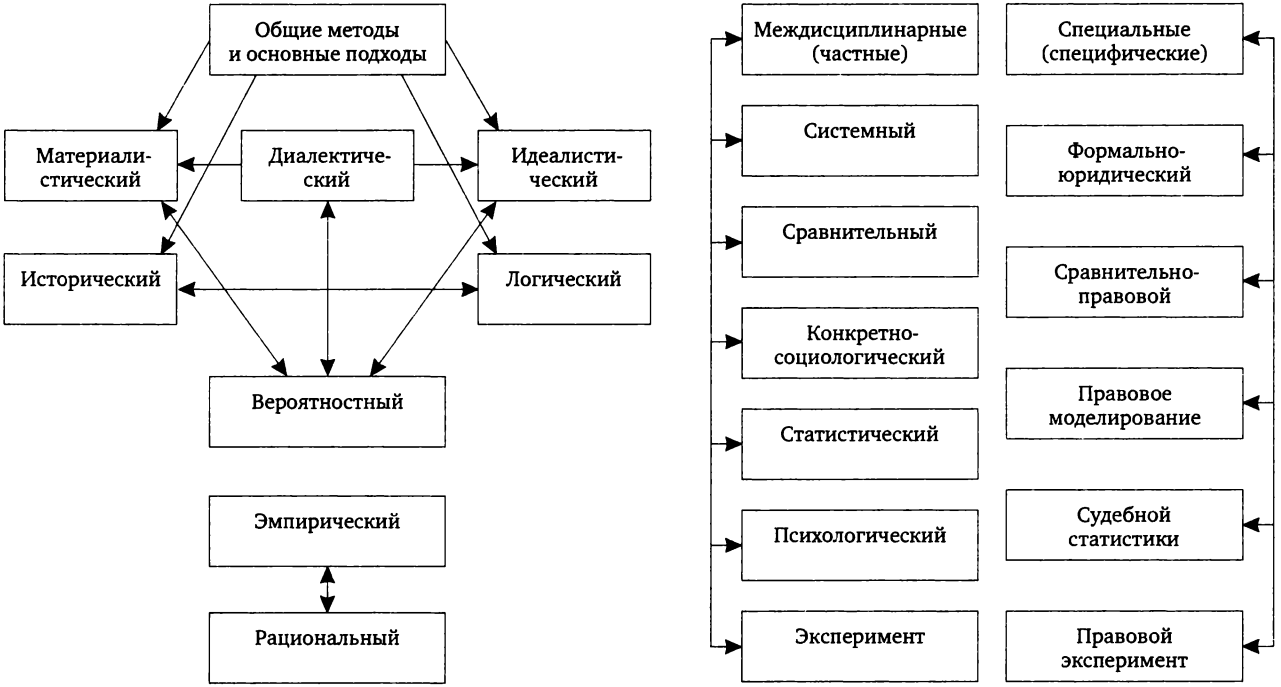

Схема 1. Методы исследования права и государства

нами, ориентированными на изучение индивидуальных, неповторимых особенностей объектов исследования — изначальных, неразложимых феноменов правового сознания. К таким философским доктринам относятся прежде всего феноменология и герменевтика — непозитивистские направления современной общенаучной методологии (Э. Гуссерль, В. Дильтей, Г. Зиммель, Г. Гадамер, В. Виндельбанд, М. Вебер, Г. Риккет и др.), в рамках которых (в частности, герменевтика — «искусство интерпретации») центральными понятиями выступают интенциональность — направленность сознания на что-либо и «понимание» — сверхчувственное постижение предмета. Если для позитивизма характерна методология объяснения объекта, т.е. причинное (казуальное) подведение эмпирических факторов под гипотетические общие законы, то герменевтическое понимание есть форма вчувствования, непосредственного и во многом интуитивного проникновения в сущность исследуемого явления» (см.: Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 34—35).

1.3. Место теории государства и права в системе общественных и юридических наук

Для того чтобы уяснить специфику предмета теории государства и права, необходимо рассмотреть связь изучаемой науки с иными общественными и юридическими науками.

К общественным наукам относятся философия, экономическая теория, социология, политология, история, этнография, кибернетика, психология, педагогика, этика, логика, лингвистика и многие другие. Государство и право изучаются не только юридическими, но и другими общественными науками. Однако последние исследуют проблемы государства и права лишь в пределах, способствующих раскрытию собственного предмета. Юридические науки занимаются специальной разработкой проблем государственно-правовой действительности.

Два следующих принципиальных положения важны для *характеристики связи* между теорией государства и права и различными общественными науками.

Во-первых, изучая государственно-правовые явления, невозможно абстрагироваться от остальной социальной действительности, невозможна «чистая» юридическая наука (хотя именно за это ратовали отдельные научные школы; известна, в частности, «чистая» теория права Ганса Кельзена). Поэтому при изучении государства и права в обязательном порядке используются достижения самых разных общественных наук. Например, для анализа

представлений людей о праве или механизма правомерного или противоправного поведения используются данные психологии.

Во-вторых, юридическая действительность настолько переплетена с другими явлениями, что исследование самых разных сфер общественной жизни — экономической, культурной, политической и т.д. — также будет неполным без обращения к данным юридических наук, и прежде всего — к теории государства и права как к общей, фундаментальной юридической науке.

Таким образом, связь теории государства и права с различными общественными науками носит *двусторонний* характер. С одной стороны, теория государства и права использует достижения общественных наук, с другой — последние учитывают в той или иной степени разработки по теории государства и права. Этот вывод следует из фундаментального принципа единства и взаимосвязи научного знания.

Юридические науки также относятся к общественным, в зависимости от особенностей их предмета все юридические науки можно разделить на несколько групп. Рассмотрим подробнее систему юридических наук, имея в виду, что ей соответствует система учебных дисциплин, изучение которых обязательно для получения высшего юридического образования. *Система юридических наук* выглядит следующим образом.

1. *Теоретические* юридические науки изучают наиболее общие вопросы понимания государственно-правовых явлений; эти науки представлены теорией государства и права. Соответствующий учебный курс может называться по-разному: и «теория государства и права», и «общая теория государства и права», и «общая теория права и государства», и, наконец, «общая теория права» (хотя здесь в большинстве случаев темы по теории государства не исключаются).

2. *Исторические* юридические науки рассматривают процесс развития государственно-правовых учреждений (история государства и права) или учений о государстве и праве (история политических и правовых учений).

3. *Отраслевые* юридические науки (конституционное, уголовное, гражданское, административное, семейное, трудовое, гражданско-процессуальное право и т.д.) исследуют конкретные юридические учреждения и предписания, а также соответствующую юридическую практику. Это основной по объему блок юридических наук и учебных дисциплин. Изучение конкретных правовых норм, получение навыков их реализации — одна из важнейших составляющих юридического образования.

4. *Прикладные* юридические науки (криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия и т.д.) используют достижения естественных и технических наук для решения юридических вопросов.

Это не единственная классификация юридических наук. Иногда первые две группы объединяют в одну — теоретико-исторических наук. В других случаях дополнительно к предложенным четырем группам выделяют науки, изучающие какую-либо часть юридической действительности, но не относящиеся к отраслевым (например, организация суда и прокуратуры, криминология), а также науки, изучающие государство и право зарубежных стран и правовое регулирование международных отношений.

Теория государства и права, как говорилось ранее, для различных юридических наук имеет общее, фундаментальное, направляющее, методологическое значение. Вместе с тем теория государства и права опирается и на достижения отраслевых и исторических юридических наук, обобщает, синтезирует и систематизирует их выводы.

Из указания на фундаментальный характер теории государства и права совсем не следует, что иные юридические дисциплины имеют второстепенное значение. Так вообще нельзя ставить вопрос. Каждая наука имеет самостоятельную ценность, изучая свой предмет. Исторически сложившееся деление всех наук на фундаментальные и прикладные оправдано практической целесообразностью. Действительно, с одной стороны, необходимо разумное разделение труда между исследованиями разного уровня, поскольку в любой сфере человеческой деятельности есть и общие, фундаментальные проблемы, и вопросы, имеющие более или менее частный, прикладной характер. Теория государства и права как фундаментальная наука обнаруживает общие закономерности функционирования государственно-правовых явлений, которые получают свою конкретизацию в таких науках, как конституционное, гражданское, уголовное право и т.д.

С другой стороны, разделение труда между теоретиками и представителями отраслевых наук является условным, а не абсолютным. Развитие теории государства и права показывает, что ряд фундаментальных юридических проблем успешно разрабатывается в рамках отраслевых наук. Ряд исследований в конституционном, уголовном, гражданском праве и иных дисциплинах по уровню теоретических выводов выходит за пределы исключительно отраслевой проблематики (например, анализ в уголовном и гражданском праве таких конструкций, как вина, юридическая ответственность). Этот материал органично вписывается в иссле-

дования специалистов по теории государства и права, а иногда является основой для дальнейшего движения научной мысли. Так, в 90-е гг. прошлого века осмысление современных проблем формы государства — заслуга практически исключительно конституционалистов (см. тему 6).

Более чем когда-либо в современный период теория государства и права, как и любая наука, не может развиваться изолированно, без сотрудничества с другими отраслями знания. В процессе научных исследований по теории государства и права достаточно часто возникают ситуации, когда ученому необходимо привлечь достижения смежных дисциплин, вторгнуться в исследование предмета социологии, политологии, психологии, иных наук. Таким образом, в современном научном знании получили активное развитие процессы взаимопроникновения, интеграции наук, в результате которых возникают новые научные направления, в том числе такие, в которых исследования могут проводиться только специалистами, имеющими и юридическую, и специальную подготовку. К примеру, перспективны исследования, проводимые на стыке юриспруденции и медицины, в частности, интересны правовые проблемы многих аспектов медицинской деятельности (см. обзор литературы по теме), юриспруденции и общей психологии (см., например: Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология: Учеб. 5-е изд. СПб., 2003. 752 с.; Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: теоретические аспекты, практическое применение. М., 1996. 352 с.), юриспруденции и компьютерных технологий (см. обзор литературы по теме).

Возможна и ситуация, когда научное направление, развившееся на базе таких «стыковых» исследований, приобретает статус самостоятельной дисциплины. Так, авторы учебника «Современная социология права» утверждают: «Не будет ошибкой сказать, что на стыке социологии и правоведения сложилась новая научная дисциплина — социология права, имеющая комплексный характер (Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учеб. М., 1995. С. 28). Заслуживает внимания и юридическая (правовая) конфликтология — научное направление, возникшее на стыке юриспруденции и общей конфликтологии — комплексной социально-психологической дисциплины. Неразработанность проблем конфликтологии вплоть до начала 1990-х гг. привело к фактическому отсутствию научных рекомендаций по разрешению социальных конфликтов (к примеру, на почве национальных противоречий). В 1990-е гг. литература как по общей, так и по юри-

дической конфликтологии уже появилась (см. в обзоре специальной литературы по теме).

На стыке юриспруденции с рядом других гуманитарных дисциплин (социальной антропологией, этнологией, социологией, культурологией, историей, философией истории и др.) возникла юридическая антропология — наука о человеке как о социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней. Из юридических дисциплин заметное влияние на ее становление оказали история права и сравнительное правоведение (см.: Нерсесянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина // Рулан Н. Юридическая антропология: Учеб. / Пер. с фр. под общ. ред. А. И. Ковлера; отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1999. С. 1).

Таким образом, объективными закономерностями развития научного знания являются его интеграция (сочетание методологических подходов и достижений нескольких дисциплин в одном научном направлении) и дифференциация (выделение самостоятельных наук).

Интеграционные и дифференционные процессы следует учитывать при рассмотрении системы общественных и юридических наук.

1.4. Функции теории государства и права

Доктрина и практика высшего юридического образования ориентируется на подготовку всесторонне образованных юристов, способных к активному, творческому участию в юридической практике и общественно-политических делах.

Отсюда становится ясным значение общей теории государства и права, которая включает в себя мировоззренческие аспекты государственно-правовой жизни вообще и юридической деятельности в частности. А мировоззрение это не замыкает юриста в мире частного и индивидуального или в мире юридических конструкций и фикций. Оно выводит его на путь служения общественному идеалу, на путь широкой преобразовательной деятельности во имя общегосударственных, групповых и индивидуальных интересов. Последние часто ставятся даже на первое место, поскольку их удовлетворение усиливает позиции правового государства и служит процветанию гражданского общества.

Значение общей теории государства и права определяется ее предметом и, соответственно, функциями данной науки. На уровне

общих закономерностей теория призвана констатировать что и как происходит в сфере государства и права, а затем объяснить (интерпретировать), почему это происходит. Это так называемая *онтологическая* функция, состоящая в раскрытии закономерностей объективно существующей реальности.

Выполняя *гносеологическую* функцию, теория государства и права вырабатывает теоретические приемы и способы познания, что в конечном итоге приводит к развитию правового познания.

Теория государства и права продолжает исследовать известные уже закономерности развития государства и права и связанных с ними явлений и открывать новые закономерности, порожденные новыми реалиями общественной жизни (*эвристическая* функция).

В той мере, в какой разрабатываемые общей теорией понятия и концепции (государства, права, правового отношения, законности, ответственности и т.д.), а также способы и приемы исследования политико-правовой действительности являются руководством для последующей научной и практической деятельности, можно говорить о *методологической* функции данной науки.

Основное значение общей теории не ограничивается познанием государства и права. Соответствующие разделы этой науки излагаются так, чтобы указать средства преобразования и развития социальных связей. Из данного обстоятельства вытекают такие функции науки, как управленческая (политическая), идеологическая, практически-организаторская, прогностическая.

Государство и право — это политические понятия, они необходимы для удержания политической власти в руках той или иной социальной прослойки. Для того чтобы знать, как управлять государством (*управленческая* функция), как пользоваться таким мощным средством воздействия на массы, как право, необходимо иметь научные основы внутренней и внешней политики. Такие основы призвана создавать политическая наука, использующая выводы науки теории государства и права. *Политическая* функция предопределена не только тем фактом, что теория поставлена на службу тем или другим общественным интересам, но и особенно тем обстоятельством, что государство и право играют значительную роль в социально-экономической и культурной жизни.

Курс теории государства и права выполняет также *идеологическую* функцию. Идеология — система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Иногда для большой группы населения или нации существует единая идеология. В качестве примера можно привести СССР, где

существовала только одна идеология — марксистко-ленинская. При потере обществом идеологического ориентира в государстве начинают происходить смуты и волнения, резко вырастает кривая преступности. Поэтому, даже если теория государства и права вырабатывает своего рода рекомендации, которые следует применять для формирования определенной правовой и политической культуры, не противоречащей политике, проводимой государством (тоже своя идеология), она реализует свою идеологическую функцию. Очевидно, можно проводить научные исследования в русле определенной идеологии, но во всем должна быть мера. Чрезмерное усиление государства ведет к тоталитаризму и бескрайней идеологизации государственной деятельности и науки о ней.

В той части, где теория определяет тенденции в развитии государства и права и выдвигает соответствующие гипотезы, речь идет о *прогностической* функции. Теория государства и права не только изучает общие закономерности возникновения, функционирования и развития государства и права, их места в жизни общества и политической системе, но и прогнозирует дальнейшее развитие государственно-правовой сферы. Человека, который готовит себя к практической деятельности, в большей степени будет интересовать *практически-организаторская* функция теории государства и права.

Следует, однако, иметь в виду, что все функции тесно связаны между собой, а практические рекомендации не могут не базироваться на том, что дают знания, получаемые в ходе реализации онтологической, методологической, политической и идеологической функций теории государства и права. В этом практическое значение теории государства и права для юриста любого направления его деятельности. Причем связь общей теории с практикой является более глубокой, хотя и менее наглядной, чем, например, в отраслевых юридических науках.

Говоря о функциях теории государства и права, как правило, не разделяют функции науки и функции учебного курса, между тем они совпадают далеко не полностью.

1.5. Теория государства и права как наука и учебная дисциплина

Развитие любой науки проходит сложный путь от одного уровня знаний к другому, более высокому, оно представляет собой последовательную смену научных парадигм. Парадигма (от греческого paradeigma — пример, образец) — это исходная концептуальная

схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в науке в течение определенного исторического периода. В философии, к примеру, на смену теологической парадигме средневековья пришла рационалистическая парадигма Нового времени, которая, в свою очередь, уступила место социальной парадигме. Смена парадигм может рассматриваться как научная революция.

Если мы обратим внимание на попытки решения какой-либо одной юридической теоретической проблемы философами Древней Греции, римскими и средневековыми юристами, представителями различных направлений современной западной науки и отечественными учеными 1950—1980-х гг., которые специализировались в области теории государства и права, обнаружатся весьма существенные различия: в самых общих подходах и в терминологии; в стиле изложения и характере аргументации; в направлении исследования и круге используемых понятий и категорий; в методологии исследования и иных моментах.

Впрочем, в юридической науке в концептуальном виде смена парадигм не описана. Поэтому остановимся лишь на отдельных аспектах развития теоретического знания, имеющих значение для общего понимания учебного курса.

Теория государства и права как обособленная совокупность знаний о наиболее общих закономерностях функционирования и развития государственно-правовых институтов начала складываться в XIX в. Ранее такой специальной науки не было. Формирование теоретического знания шло в двух основных направлениях. Во-первых, общие вопросы понимания государства и права, изучавшиеся сквозь призму философских, политических, этических, иных неюридических учений, со временем стали предметом специальной общей юридической науки — теории государства и права. Во-вторых, к формированию теоретического знания привело становление отраслевых юридических дисциплин, которое шло совместно с развитием общества, законодательства, юридической практики. В гражданском, уголовном, государственном праве накопилось достаточно много общих проблем, и постепенно их научное исследование обособилось в рамках теории государства и права.

Немаловажное значение имеют методологические основания теоретических юридических исследований. Понимание эволюции методологии отечественной юридической науки необходимо для качественного усвоения современных теоретических знаний.

В дореволюционной России мы наблюдаем методологический плюрализм. Правовые явления исследовались с использованием самых разных подходов: и собственно формально-юридического,

и философского, и нравственного, и социологического, и психологического. Некоторое время такое положение сохраняется и после революции 1917 г. Однако затем, начиная с 1920-х гг. и далее, за несколько десятилетий своего развития советская правовая наука стремилась создать единый методологический подход к изучению юридических явлений. Сам этот факт дал определенные познавательные результаты (как позитивные, так и негативные).

Одновременно подчеркивалась слабость зарубежных социальных наук, а именно их мировоззренческий и методологический плюрализм.

Методологической основой всех гуманитарных наук до недавнего времени признавался только исторический материализм как общая научная теория общества. Поэтому юридическая наука применяла общие принципы социального познания, выработанные на основе исторического материализма. К таким *общим принципам* относятся: ограничение общественных идей привязкой к общественно-экономическим отношениям; примат закономерностей развития общественно-экономических формаций и порождаемых ими отношений; главенство классовых противоречий, их роли в развитии общества; конкретно-исторический подход; партийность. Утверждалось, что в конечном счете и политико-правовые учреждения, и политико-правовые доктрины определяются материальными условиями жизни общества, уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Закономерное изменение и качественное преобразование последних понималось как главная определяющая причина возникновения и последующего развития политико-правовой надстройки в целом. Указывалось на необходимость вскрывать классовую сущность, с позиций тех или иных классов оценивать служебную роль и назначение любого государственного учреждения, правового института, любой юридической теории, концепции (см., например: Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 114—135).

Именно с точки зрения классового подхода анализировались современные западные государственно-правовые институты, отмечалось, что, несмотря на возможную формальную демократию, по своей сущности они выражают волю экономически господствующего класса, являются орудиями насилия в руках имущего меньшинства. Буржуазное государство, как и буржуазное право, не имеет перспектив развития и в конце концов будет заменено более прогрессивными учреждениями. Буржуазная юридическая наука была подвергнута критике за свой идеализм, за отрыв от материальных общественных явлений, за то, что она, занимая якобы надклассо-

вую позицию и прикрывая свою партийность, направлена в конечном счете на обслуживание интересов эксплуататоров.

Напротив, советское государство и право назывались общенародными, т.е. по своей сущности выражающими волю не меньшинства населения, а всего народа. Они характеризовались как более передовой, прогрессивный, неэксплуататорский тип государства и права. Марксистско-ленинской юридической наукой была присвоена монополия на истину. По мнению классиков марксизма-ленинизма, любая наука является партийной, т.е. направленной на защиту, оправдание взглядов, выгодных определенному классу или группе. Подлинно истинной объявлялась наука, отстаивающая интересы рабочего класса, трудящихся масс; иные утверждения считались лживыми. Говорилось о том, что марксистско-ленинской юридической науке нет нужды скрывать классовую природу государства и права и свою партийность, что эта партийность совпадает с научной объективностью.

Исторический материализм в его советском понимании и принцип партийности нанесли весьма существенный методологический вред подлинно научным исследованиям. Во-первых, юридическая наука оказалась зашоренной жесткой связью, якобы существующей между материальными, экономическими и политико-правовыми явлениями. В результате закономерности экономической жизни общества механически переносились в юридическую сферу, а собственно внутренние ее закономерности были недостаточно изучены. Часто цитировались слова о том, что право, как и религия, не имеет собственной истории, так как они — лишь проявления идеологической силы, обусловленной материальными факторами (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 64). Во-вторых, научные дискуссии подменялись возможностью апеллирования к партийности ученого или науки. Для доказательства правильности того или иного утверждения, прогрессивности того или иного государственно-правового института достаточно было сослаться на их соответствие интересам рабочего класса, привести в подтверждение своих взглядов цитату из работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Для доказательства обратного требовалось лишь сказать о «буржуазном» характере того или иного явления и подобрать соответствующую цитату. Кстати говоря, вредность такого способа научного мышления в современной литературе, по нашему мнению, осознана далеко не полностью. А ведь он уничтожает науку как таковую! И наконец, наука постепенно приобрела апологетический характер, служила средством оправдания и обоснования политики партийного руководства.

Следует признать то обстоятельство, что в 1990-е гг. отечественная юридическая наука вполне успешно выходила из методологического кризиса, преодолела жесткую связь с марксизмом-ленинизмом и начинала свое самостоятельное развитие. Много писали о необходимости деидеологизации научного знания (см., например: Мамут Л. С. Наука о государстве и праве: необходимость радикального обновления // Философские науки. 1989. № 11; Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10; Темнов Е. И. О деидеологизации методологических подходов в историко-политических и государственно-правовых исследованиях // Государство и право. 1992. № 3. С. 73—79). Получило признание утверждение: «Только критическая наука конструктивна. Апологетическая же не только бесполезна, но и вредна» (Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: очерк теории. Новосибирск, 1991. С. 7—8; Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. С. 110).

Развитие любой науки характеризуется чередованием экстенсивных и революционных периодов. Для характеристики последних обычно используется термин «научная революция» — как изменение принципов познания, структуры, категорий, методов науки, форм ее организации. Теперь появилась возможность сказать о том, что такой революционный период, выразившийся прежде всего в изменении методологической основы, переживала в последние годы юридическая наука. А становление нового уровня юридических знаний только начинается.

Особого внимания в связи с этим заслуживает проблема взаимосвязи теории государства и права и истории политических и правовых учений, которая изучает закономерности возникновения и развития политико-правовых доктрин.

Люди всегда пытались познать и объяснить окружающий мир, в том числе социальную и, в частности, юридическую действительность. С древнейших времен известны самые разные политико-юридические теории, продолжают они создаваться и в настоящее время. Многообразие концепций о происхождении, назначении, функционировании и развитии государственно-правовых явлений обусловлено различным исторически определенным уровнем развития общественных наук в тот или иной период времени, различными методологическими позициями ученых, наконец, спецификой гуманитарного знания, проявляющейся, к примеру, в возможности существования различных взглядов, иногда трудно согласующихся между собой или даже диаметрально противоположных, на одно и то же явление. Концепции о государстве и праве — это предмет специальной науки — истории политических

и правовых учений; учебный курс с таким же названием обычно преподается в юридических вузах.

Отечественная теория государства и права традиционно и достаточно давно рассматривала некоторые политико-юридические доктрины, однако до 1990-х гг. — лишь в плане их критики, противопоставления немарксистских «псевдонаучных» концепций подлинно истинным взглядам, базирующимся на марксизме-ленинизме. Так, в самом, пожалуй, популярном учебнике по теории государства и права второй половины 1980-х гг. внимание обращалось на критику добуржуазных и буржуазных взглядов на происхождение государства и права: теологической, патриархальной, договорной, психологической теорий, теории насилия (см.: Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 32—35). В самостоятельный раздел книги вынесена глава «Критика буржуазных учений о государстве и праве», в которой рассматривались теория правового государства, теория «государства всеобщего благоденствия», теория «плюралистической демократии», элитарные и технократические теории, теория конвергенции, теория «естественного права», юридический позитивизм, нормативизм, психологическая школа права, теории солидаризма, социологическая юриспруденция (см.: Там же. С. 453—471).

В настоящее время предлагаются более взвешенные подходы к оценке различных учений о государстве и праве. Теперь подчеркивается, что каждая концепция, возникнув в определенный момент времени, была обусловлена исторически определенным уровнем развития науки, который зависит от уровня развития всего общества.

Более того, одним из современных направлений развития теоретической юридической науки является активное привлечение знаний, предоставляемых наукой истории политических и правовых учений, т.е. идей, содержащихся в произведениях классических мыслителей. Они представляют собой богатое теоретическое наследие, которое по причинам идеологического характера далеко не в полном объеме введено в научный оборот. Представляется, что только на основании мирового и отечественного исторического интеллектуального опыта могут быть созданы современные, ориентированные на отечественную государственно-правовую действительность доктрины.

Восприятию классического политико-правового наследия в учебном курсе теории государства и права способствуют хрестоматии (см. ниже). Это относительно новая разновидность учебной литературы по теории государства и права (о популяризации всего многообразия политико-правовых взглядов во времена идеологического диктата, до 1990-х гг., не могло быть и речи).

Отношение к теории государства и права на юридических факультетах вузов всегда было очень серьезным. Как уже отмечалось, теория государства и права является дисциплиной, вводной по отношению ко всему курсу юридических наук. Она в достаточно большом объеме изучается студентами на первом курсе. Кроме

того, на выпускном курсе по теории государства и права может быть запланирован спецкурс. Этот предмет выносится и на государственный экзамен.

В революционный период развития науки возникает немало спорных, дискуссионных вопросов буквально по каждой теоретической проблеме, что сопровождается значительным усложнением теории государства и права. В настоящее время намного труднее изучать и соответствующий учебный курс. Предмет учебного курса уже предмета науки теории государства и права, он ограничивается, как правило, самыми простыми, наиболее устоявшимися знаниями. Но сейчас наряду с традиционными появилось много новых проблем, новых аспектов изучения «классических» тем теории государства и права.

Перечисленные выше обстоятельства требуют в процессе изучения теории государства и права постоянного обращения к дополнительной литературе, причем не только к учебной, но и к научной. Поэтому в настоящем издании после изложения учебных вопросов каждой темы приводится обзор специальной литературы, которая может быть использована для подготовки сообщений, написания рефератов, курсовых, контрольных работ. По некоторым темам приведено очень много — несколько десятков источников, что обусловлено прежде всего множественностью проблем, рассматриваемых в каждой теме. Выбирая литературу для самостоятельной работы, следует ориентироваться на рекомендации преподавателя.

Основные знания, которые необходимо усвоить студентам, содержатся в учебниках по теории государства и права. Небезынтересен и обзор учебной литературы, ее тоже нельзя упускать из виду при углубленном изучении тем курса. При написании письменных работ или при подготовке научных сообщений желательно ознакомиться с изложением соответствующих тем в доступных учебных пособиях.

В дореволюционной России литература по предмету появляется во второй половине XIX в. Одна из первых работ — Капустин М. Н. Теория права. Т. 1: Общая догматика. 352 с. М., 1868. См. также: Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1868. 315 с. (2-е изд. Киев, 1880).

Известны также следующие основные издания:

Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915. 156 с.

Грабарь В. Э. Энциклопедия права. Юрьев, 1906. Ч. 1: Определение энциклопедии права. 100 с; Ч. 2: Образование права. 165 с.

Гримм Д. Д. Энциклопедия права. С приложением краткого очерка философии права: Лекции. СПб., 1895. 238 с; 104 с.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1886. 313 с. (до 1914 г. выдержали еще восемь изданий); То же. СПб., 2003. 430 с. (с 9-го изд. 1914 г.); То же. 2-е изд. СПб., 2004. 430 с.

Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. 632 с.

Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. 109 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1—2. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1909—1910. 758 с; То же. СПб., 2000. 608 с. (это издание, однако, более относится к научному труду, чем к учебной литературе; тем не менее студенты Санкт-Петербургского университета в бытность там профессором Л. И. Петражицкого изучали именно его психологическую теорию (т.е. научную доктрину!), а не классическую теоретическую юриспруденцию).

Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1889. 293 с. (до 1914 г. — еще три издания).

Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права. Ярославль, 1919.

Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. 534 с; он же. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001. 553 с.

Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М., 1899. (до 1914 г. — еще шесть изданий); То же. СПб., 1998. 224 с.

Хвостов В. М. Общая теория права: Элементарный очерк. М., 1905. 211 с. (до 1914 г. — еще пять изданий).

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1—4. М., 1910—1912. 805 с.

В курсах, энциклопедии права давалось то же теоретическое, общее знание, но обычно в более упрощенном варианте. Солидной учебной литературы по теории государства и права в сравнении, например, с государственным, гражданским правом имелось не очень большое количество, и данное обстоятельство вполне объяснимо. В тот период собственно теоретическое знание еще не вполне выделилось из отраслевых юридических дисциплин; в последних разрешалось множество самостоятельных теоретических проблем. Да и ученых — специалистов только по общим проблемам юриспруденции, только «теоретиков» — тогда, в конце XIX — начале XX в., практически еще не было. Так, В. М. Хвостов — историк государства и права, Н. М. Коркунов известен своими работами и научными исследованиями в области государственного права, Н. К. Ренненкампф и Г. Ф. Шершеневич по первоначальной подготовке цивилисты, как специалист по гражданскому праву начинал свою научную деятельность и Л. И. Петражицкий и т.д.

Первый учебник по теории государства и права советского периода появился в 1940 г. (см.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940).

В послевоенное время вышел учебник А. И. Денисова (см.: Денисов А. И. Теория государства и права. М., 1948. 532 с). Но большей популярностью пользовался учебник коллектива авторов 1949 г. издания.

После этого учебные издания начали выходить достаточно регулярно. Поколения студентов юридических вузов 1980 — начала 1990-х гг. изучали теорию государства и права по следующим основным учебникам:

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. А. М. Васильева. 2-е изд, перераб. и доп. М., 1983. 416 с.

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. 480 с.

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1987. 431 с.

Теория государства и права: Учеб. / Отв. ред. А. И. Королев, Л. С. Явич. Л., 1987.

Затем на некоторое время в связи с деидеологизацией общественных наук выпуск учебной литературы по теории государства и права приостановился. Необходимо было переосмыслить многие фундаментальные положения, которые лежали ранее в основании представлений о юридической действительности. Литературу нового поколения открывает учебное пособие одного из авторов настоящего издания, вышедшее в 1992 г. (см.: Лазарев В. В. Теория государства и права (актуальные проблемы): Учеб. пособие. М., 1992. 183 с).

Вот некоторые учебники и учебные пособия, вышедшие в России с 1990-х гг.:

Актуальные проблемы теории права: Курс лекций / Под ред. К. Б. Толкачева, А. Г. Хабибулина. Уфа, 1995. 257 с.

Алексеев С. С. Теория государства и права: Учеб. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002. 595 с.

Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учеб. М., 1998. 624 с.; То же. 3-е изд. М., 1999. 528 с.; То же. М., 2000; 2002; 2006; То же. 5-е изд., стер. М., 2008. 608 с.

Комаров С. А. Общая теория государства и права. Саранск, 1994; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. 312 с.; То же. М., 1996; То же. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1997. 416 с.; То же. 4-е изд. М., 1998. 416 с.; То же. 6-е изд., доп. СПб., 2001. 352 с.

Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: Учеб. М., 1998. 448 с. (рецензия: Глебов А. П. // Государство и право. 1998. № 12. С. 107—108); То же. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. 511с.; То же. 3-е изд., испр. и доп. М.: 2004. 528 с.

Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Теория государства и права: Учеб. Ташкент, 2007. 737 с. (рецензия: Бакаева Ф. Х. Теория государства и права как система базовых знаний // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 140—142).

Лившиц Р. З. Теория права: Учеб. М., 1994. 224 с.; То же. 2-е изд. М., 2001. 224 с.

Малько А. В. Теория государства и права: Учеб. М., 2000. 304 с.; То же. М., 2001. 304 с.

Марченко М. Н. Теория государства и права: Учеб. М., 1996. 432 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 637 с.; То же. М., 2004. 633 с.; То же. М., 2006. 637 с.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учеб. М., 2001. 511 с.; То же. М., 2002. 512 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 541 с.

Морозова Л. А. Теория государства и права: Учеб. М., 2002. 414 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 447 с.

Мухаев Р. Т. Теория государства и права: Учеб. М, 2001. 464 с.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учеб. М, 1999. 552 с.; То же. М., 2000, 2002.

Оксамытный В. В. Теория государства и права. Учеб. М., 2004. 563 с.

Общая теория государства и права: Академический курс в двух томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 1: Теория государства. 416 с.; Т. 2: Теория права. 656 с.; То же. Академический курс. В 3 т. / Под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2001. 534, 518, 518 с. (рецензия: Морозова Л. А. // Государство и право. 2002. № 11. С. 129—131); То же / Отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. 2007. Т. 1: Государство. 568 с. Т. 2: Право. 816 с. Т. 3: Государство, право, общество. 712 с.

Общая теория государства и права: Курс лекций. Вып. 1 / Под ред. В. И. Гоймана. М., 1996. 152 с.; То же. Вып. 2. Т. 1. М., 1998.

Общая теория государства и права: Учеб. / Под ред. В. А. Кучинского. М., 2006.

Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 544 с.

Общая теория права: Учеб. пособие / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1994. 396 с.; То же: Учеб. / Под ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. 384 с.; То же. М., 1998.

Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред В. В. Лазарева. М., 1994. 360 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. 472 с.; То же. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 520 с.; То же. М., 2000, 2002; То же. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 575 с.; То же. М., 2007. 575 с.

Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникат. подхода: Курс лекций. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.

Поляков А. В. Общая теория права (феноменолого-коммуникативный подход): Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003. 845 с.

Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учеб. СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005. 472 с. (рецензия: Поцелуев Е. Л. // Правоведение. 2005. № 4. С. 225—239).

Радько Т. Н. Теория государства и права: Учеб. М., 2004. 576 с.; То же. М., 2005. 811 с. (рецензия: Казаков В. Н., Захарова М. В. // Государство и право. 2007. № 7. С. 118—121).

Скакун О. Ф., Подберезский Н. К. Теория права и государства. Харьков, 1997.

Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Курс лекций. СПб., 1995. 301 с.; То же: Учеб. М., 1996, 1997, 1999, 2001.

Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода: Учеб. Барнаул, 2007. 512 с.

Сырых В. М. Теория государства и права: Учеб. М., 1998. 512 с.; То же. М., 2001, 2002; То же. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 704 с.; То же. М., 2007. 704 с.

Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. 560 с.; То же. М., 1997. 672 с.; То же. 2-е изд., пересм., и доп. М., 2001. 776 с.; То же. М., 2002.

Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1996. 475 с; То же. М., 1998, 1999; То же. Учеб. 3-е изд., расш. и доп. М., 2001. 624 с.; То же. М., 2002. 611 с.

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. 592 с.; То же. М., 2001, 2002, 2003; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 637 с.

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. 570 с.; То же. М., 1998, 1999; То же. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002. 616 с.

Теория государства и права: Учеб. / Отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 496 с.; То же. М., 2008. 496 с.

Теория государства и права / Под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2005. 630 с. (рецензии: Черноков А. Э. // Правоведение. 2005. № 5. С. 251—253; Честнов И. Л. Новый учебник по теории государства и права // Государство и право. 2005. № 11. С. 111—112).

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2007. 496 с. (рецензия: Оксамытный В. В. // Государство и право. 2008. № 4. С. 177—120; Честнов И. Л. // Правоведение. 2007. № 3. С. 254—259).

Теория государства и права: Учеб. / Под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. М., 2000. 640 с.

Теория права и государства / Под ред. Н. А. Катаева и В. В. Лазарева. Уфа, 1994.

Теория права и государства: Учеб. / Под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. 336 с.

Теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. 424 с.; То же. М., 1997. 424 с; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 576 с.; То же. М., 2002; Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В. Я. Кикотя, В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 626 с.

Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1993; То же: Учеб. пособие / Под ред. В. Г. Стрекозова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. 384 с.; То же. 2-е изд. М., 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002. 377 с.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учеб. М., 1999. 432 с; То же. М., 2001. 432 с.

Издания, указанные выше, иногда значительно различаются между собой по степени полноты теоретического материала. В то же время получили распространение и учебные пособия, представляющие собой сжатое, конспективное изложение курса теории государства и права — в виде альбомов схем, конспектов лекций, ответов на экзаменационные вопросы и т.п. См., например:

Алексеев С. С. Государство и право: Начальный курс. М., 1993. 176 с.; То же. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1996.

Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997.

Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория права и государства в схемах и определениях: Учеб. пособие. М., 1998. 256 с.

Жеругов Р. Т. Теория государства и права: Учеб. пособие. Нальчик, 1995. 247 с.

Комаров С. А. Общая теория государства и права в схемах и определениях. М., 1998. 64 с.; То же. М., 2001.

Малько А. В. Экзамен по теории государства и права: 100 ответов на 100 возможных вопросов: Учеб.-метод. пособие. М., 1996. 128 с.

Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учеб.-метод. пособие. М., 1997; То же. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 272 с.; То же. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 298 с.; То же. М., 2006. 298 с.

Марченко М. Н. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учеб. пособие. М., 2000. 192 с.; То же. М., 2001. 192 с.

Марченко М. Н. Теория государства и права. Элементарный курс: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. М., 2007. 384 с.

Нерсесянц В. С. Теория права и государства. М., 2001. 262 с. (Краткие учеб. курсы юрид. наук); То же. М., 2005. 261 с.

Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М., 1999. 240 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 346 с.

Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права: Учеб. СПб., 2006. 279 с.

Темнов Е. И. Теория государства и права: Учеб. пособие. М., 2002. 238 с.; То же. М., 2003. 320 с.

Теория государства и права (ключевые вопросы, определения, схемы): Учеб. пособие / Под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб., 2002. 148 с.

Червонюк В. И. Теория государства и права: Учеб. пособие. М., 2000. 168 с.

Ряд изданий совмещают в себе качества учебного и методического пособия, см.:

Азаров Н. И. Теория государства и права: Конспекты лекций и метод, указания. М., 1998. 144 с.; То же. 2-е изд. М., 2001. 144 с.

Жеругов Р. Т. Активные технологии преподавания и изучения теории государства и права: Науч.-метод. пособие. М., 2000. 50 с.

Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособие: Краткий учебник для вузов. М., 1999. 448 с.; То же. М., 2001. 440 с.; То же. М., 2004. 448 с.

Кузнецов Э. В., Сальников В. П. Наука о праве и государстве. СПб., 1999. 410 с.

Кулапов В. Л., Сенякин И. Н. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособие. Саратов, 1998; То же. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1999. 252 с.

Малько А. В. Теория государства и права: (Программа, экзаменационные вопросы и ответы, словарь, схемы, литература): Учеб.-метод. пособие. Саратов, 1999. 232 с.

Марченко М. И. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособие. М., 2001. 623 с.; То же. М., 2002. 338 с.

Посконин В. В., Посконина О. В. Изучение теории государства и права в высшей школе: Учеб. пособие. Ижевск, 1998. 300 с.: То же. Ижевск, 1999.

Как видно, за последние годы по теории государства и права, как ни по какой другой юридической дисциплине, издано значительное число учебных пособий. В скором времени можно предвидеть дискуссии по поводу совершенствования содержания учебного курса теории государства и права (см. одну из первых публикаций: Глебов А. П. Новое поколение учебников по теории государства и права // Государство и право. 1997. № 4. С. 63—69. См. также: Мартышин О. В. О концепции учебника по теории государства и права // Государство и право. 2002. № 8. С. 59—67; Об учебниках и литературе по курсу «Теория государства и права» // Государство и право: теория, история, современность: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. Е. А. Певцовой. Ростов н/Д., 2001. С. 8—23; Петрова Л. В. О естественном и позитивном праве: (Критические заметки по поводу учебника С. С. Алексеева) // Государство и право. 1995. № 2. С. 32—41).

При совершенствовании содержания и структуры учебного курса теории государства и права следует иметь в виду как отечественные дореволюционные традиции (см. издания, указанные выше), так и зарубежный опыт. О последнем дает представление работа французского ученого Ж.-Л. Бержеля, см.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права: Пер. с фр. / Под общ. ред. В. И. Даниленко. М., 2000. 576 с. (Рецензия: Липень С. В. Французский юрист об основных проблемах общей теории права // Актуальные проблемы государствоведения: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2002. С.143—151.

Изданы учебные пособия, представляющие собой «введение» в курс теории права и государства, см.:

Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства: Для юрид. вузов и фак. М., 1998. 288 с.; То же. М., 1999. 288 с.

Четвернин В. А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1997. 120 с.

Сама идея с «введением» нуждается, однако, в дальнейшей проработке. Опыт преподавания теории государства и права показывает, что оптимальным введением в теоретические проблемы юриспруденции могли бы послужить требующие юридической оценки или разрешения конкретные жизненные ситуации. Именно такой подход был использован в свое время в учебнике под редакцией С. С. Алексеева (М., 1985). С анализа практических ситуаций там начиналось большинство глав.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на работу С. С. Алексеева (см.: Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.). Автор предлагает комплексное исследование права. Оно начинается с анализа конкретных ситуаций, норм, законов, деятельности судебных и иных юридических учреждений — юридических реалий, с которыми сталкивается в своей

практической жизни человек (азбука права). Далее право рассматривается как особое сложное социальное образование, имеющее свою природу и логику (теория права), и далее — как явление мирозданческого порядка, одно из начал и проявлений жизни разумных существ (философия права) (см.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 3). Это оригинальное для нашей юридической литературы издание рассчитано и на использование в учебном процессе.

Заметным событием стало издание академического курса общей теории государства и права, рекомендованного в качестве учебника для студентов юридических вузов (см.: Общая теория государства и права: Академический курс в двух томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 1998; То же. В 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001).

Возобновилось издание учебных пособий по спецкурсу «Проблемы теории государства и права», читаемому на старших курсах юридических вузов, см.:

Абдулаев М. И., Комаров С. А. Проблемы теории государства и права. Учеб. СПб., 2003. 576 с.

Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: Учеб. М., 2001. 756 с.; То же. М., 2005; То же. М., 2006. 756 с.; То же. М., 2008. 768 с.

Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: Учеб. в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1 Государство. 752 с. Т. 2. Право. 656 с.

Проблемы общей теории права и государства: Учеб. / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1999. 832 с.; То же. М., 2002. 832 с.

Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1999. 504 с.; То же. М., 2001, 2002. 656 с.

Проблемы теории государства и права: Учеб. / Под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 784 с.

Наряду с учебной литературой следует отметить и научные издания, охватывающие круг вопросов, изучаемых в учебном курсе теории государства и права. Прежде всего, здесь необходимо указать на фундаментальное четырехтомное исследование (к сожалению, в силу давности многие содержащиеся там положения утратили свою актуальность и научную ценность): Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. 1—4. М., 1970—1973. Т. 1: Основные институты и понятия. 1970: Т. 2: Исторические типы государства и права. 1971; Т. 3: Социалистическое государство 1972; Т. 4: Социалистическое право. 1973.

Особого внимания заслуживают хрестоматии как разновидность учебной литературы по теории государства и права. Подборки текстов, принадлежащих выдающимся мыслителям, обогащают учебный процесс (см. выше о взаимосвязи теории государства и права и истории политических и правовых учений). Хрестоматия, содержащая в основном фрагменты из произведений дореволюционных российских ученых, появилась в 1998 г. (см.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Хрестоматия: Учеб. пособие / Под ред. Т. Н. Радько. М., 1998. 937 с.); см. также:

Марченко М. Н. Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. М., 2004.

Радько Т. Н. Теория государства и права: Хрестоматия. М., 2005. 720 с.

Авторами настоящего учебника подготовлена двухтомная хрестоматия по теории государства и права, см.:

Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. М., 2001. 620, 604 с. (рецензии: Баранов В. М. О «хрестоматийных истинах» теории государства и права // Государство и право. 2002. № 8. С. 109—111; Сырых В. М. // Правоведение. 2002. № 2. С. 260—262; Мецаев Б. К. // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2 (7). С. 219—220).

Хрестоматия включает более 400 фрагментов произведений известных философов, политических мыслителей и юристов разных времен и народов, распределенных в соответствии с ключевыми теоретическими проблемами по 28 темам. В учебнике далее изложение многих вопросов связывается с материалом хрестоматии, что позволяет предложить новую концепцию преподавания курса теории государства и права.

Обзор специальной литературы по теме

Проблемы предмета, а в еще большей степени — методологии теории государства и права, давно питают научные исследования. Кроме того, для изучения этих проблем необходимо привлечение широкого спектра знаний, относящихся к различным наукам. Данные обстоятельства объясняют наличие по теме значительного количества источников.

О ***значении теории государства и права, ее месте*** в системе научного знания см.:

Байтин М. И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4. С. 5—9.

Денисов А. И. Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права: Критика буржуазных теорий. М., 1954.

Зиманов С. З. Место общей теории права в советском правоведении // Советское государство и право. 1989. № 4.

Кононов А. П., Ильина Л. Н., Донская Н. А. Предмет, метод и место общей теории права и государства в системе общественных неюридических и юридических наук: Учеб. пособие. М., 2005. 52 с.

Мартышин О. В. Общетеоретические юридические науки и их соотношение // Государство и право. 2004. № 7. С. 5—11.

Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук: Сб. ст. / Отв. ред. Б. М. Кедров и др. М., 1981. 360 с.

Различные аспекты проблемы ***соотношения философии и юриспруденции*** (философия как методологическая основа юридических исследований, философские проблемы юриспруденции, формирование самосто-

ятельной науки — философии права, преподавание соответствующего учебного курса и т. д.) разработаны в следующих изданиях:

Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. 256 с. (переиздание работы 1924 г.).

Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.

Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 1997. 336 с.; То же. М., 1998, 1999. 329 с.

Баскин Ю. Я. Очерки философии права. Сыктывкар, 1996.

Бачинин В. А. Морально-правовая философия. Харьков, 2000. 208 с. (рецензия: Осипов Д. И. // Правоведение. 2001. № 3. С. 256—258).

Бачинин В. А., Сальников В. П. Философия права: Краткий словарь. СПб., 2000. 400 с. (рецензия: Быков В. П. // Государство и право. 2001. № 10. С. 116—117).

Дамирли М. А. История права и философское знание // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 75—83.

Демидов А. И. Учение о политике: философские основания. М., 2001. 288 с.

Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. СПб., 2003. 548 с.

Каламкарян Р. А. Философия международного права. М.: Наука, 2006. 205 с.

Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.

Керимов Д. А. Методологические функции философии права // Государство и право. 1995. № 9. С. 15—22.

Керимов Д. А. Основы философии права. М., 1992. 191 с.

Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. В 3 т. Т. 2. Философия права. М., 2002. 271 с.

Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. 332 с.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998. 800 с.

Кузнецов Э. В. Философия права в России. М., 1989.

Малахов В. П. Концепция философии права. М., 2007. 751 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2008. № 3. С. 115—117).

Малахов В. П. Философия права: Учеб. пособие. М. — Екатеринбург, 2002. 448 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2004. № 2. С. 112—114).

Малинова И. П. Классическая философия права: Материалы лекций. Екатеринбург, 1997.

Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995.

Мальков Б. Н. Основы философии права: Курс лекций. М., 2005. 355 с.

Моисеев С. В. Философия права: Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2004. 262 с.

Нерсесянц В. С. Философия права: Учеб. М., 1997. 652 с. (Рецензия: Деев Н. Н. // Государство и право. 1998. № 7. С. 122—124).

Овчинникова З. Л. Философские проблемы государства и права. М., 1989.

Поздняков Э. А. Философия государства и права. М., 1995. 312 с.

Синха Сурия Пракаш. Юриспруденция. Философия права: Краткий курс. М., 1996. 304 с.

Сорокина Ю. В. Введение в философию права: Курс лекций. М., 2008. 336 с.

Тихонравов Ю. В. Основы философии права: Учеб. пособие. М., 1997. 608 с.

Философия права: Учеб. / Под ред. О. Г. Данильяна. Харьков, 2005. 384 с.

Философия права: Учеб. пособие / П. П. Баранов и др. Ростов н/Д., 2004.

Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика. СПб., 2004. 348 с.

Философские проблемы государства и права. Л., 1970.

Явич Л. С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 4—33.

Одна из методологических задач, стоящих перед современной теорией государства и права, заключается в восприятии мирового и отечественного интеллектуального опыта (что в советский период по причинам идеологического свойства было невозможно). Для более подробного знакомства с представителями различных концепций см. литературу по ***истории политических и правовых учений***:

Азаркин Н. М. История юридической мысли России: Курс лекций. М., 1999. 528 с.

Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. М.: Юрид. лит., 2003. 608 с.

Графский В. Г. История политических и правовых учений: Учеб. М., 2005. 594 с.

История государственно-правовых учений: Учебник / Отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. 672 с.

История политических и правовых учений: Учебник / Отв. ред. В. В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшее образование, 2008. 917 с.

История политических и правовых учений: Учеб. / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1995. 736 с., То же. 3-е изд., стереотип. М., 2002. 736 с.

История политических и правовых учений: Учеб. / Под ред. О. Э. Лейста. М., 2001. 667 с.

История политических учений: Учеб. / Под ред. О. В. Мартышина. М., 2002. 899 с.; То же. М., 2004. 912 с.

Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: Учеб. М.: Норма, 2005. 703 с.

См. также фундаментальное пятитомное издание: История политических и правовых учений. Т. 1—5 / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1985—1995.

См. также: Азаркин Н. М. О новой системе юридического образования и месте в ней истории политических учений (полемико-публицистические предложения) // Государство и право. 1998. № 10. С. 83—87.

Многие юридические концепции излагаются и анализируются в изданиях по философии права, см. выше.

Возможно знакомство с имеющимися на русском языке переводами произведений классиков политической и правовой мысли, например: Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сборник переводов. Вып. 1—2. М., 1987—1988.

Фрагменты из работ ученых — представителей различных политико-юридических концепций содержатся в сборниках текстов, хрестоматиях, антологиях и т.п. изданиях как общего, так и тематического характера. Подобная литература получила определенное распространение во второй половине 1990-х гг., см., например, фундаментальные проекты:

Антология мировой политической мысли: в 5 т. / Руководитель проекта Г. Ю. Семигин. М., 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. 832 с.; Т. 2: Зарубежная политическая мысль XX в. 830 с.; Т. 3: Политическая мысль в России: X — первая половина XIX в. 798 с.; Т. 4: Политическая мысль в России: вторая половина XIX — XX в. 829 с.; Т. 5: Политические документы. 765 с.

Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Руководитель проекта Г. Ю. Семигин. М., 1999. Т. I: Античный мир и восточные цивилизации. 750 с.; Т. II: Европа: V—XVII вв. 829 с.; Т. III: Европа. Америка: XVII—XX вв. 829 с. Т. IV: Россия: XI—XX вв. 813 с.; Т. V: Россия: конец XIX—XX в. 829 с.

О ***соотношении теоретического и исторического юридического знания*** см., например:

Введение в теорию права (историко-методологический аспект) / Д. И. Луковская, Х. С. Гуцериев, В. А. Козлов, А. В. Поляков. СПб., 1996.

Гальперин Г. Б., Королев А. И. Методологические и теоретические вопросы науки истории государства и права СССР. Л., 1974.

Историческое в теории права. Тарту, 1989.

Историческое и логическое в познании государства и права / Под ред. А. И. Королева. Л., 1988.

О том, что ***поиск новых методологических подходов*** к исследованию юридических явлений еще далеко не окончен, свидетельствует ряд публикаций, см.:

Алексеев С. С. Теория права: поиск новых подходов: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2000. 248 с.

Брызгалов А. И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 2001. № 6.

Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 4—22.

Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 14—22.

Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31—40.

Левченко В. И. Безумие науки и кризис права в России (ретроспективное и современное исследование). М., 2002. 239 с.

Лейст О. Э. Актуальные проблемы общей теории права (тезисы доклада) // История государства и права. 2001. № 5. С. 33—35.

Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. 512 с.

Ольков С. Г. Начала точной юриспруденции и принципы социокультурной селекции. Тюмень, 1997. 532 с.

Ольков С. Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. Новосибирск, 1999. 392 с.

Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение 2000. № 2. С. 4—23.

Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26—43; Ван Хоек М. Право как коммуникация // Правоведение. 2006. № 2. С. 44—54.

Поцелуев Е. Л. Современное состояние теории государства и права: Кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2004. № 2. С. 154—165.

Пучков О. А. Теория государства и права: проблемы и перспективы // Правоведение. 2001. № 6. С. 4—13.

Раянов Ф. М. От правоведения к юриспруденции // Государство и право. 2003. № 9. С. 5—9.

Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: (Научно-практическая конференция 3—4 октября 2001 г.) / Под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001. 318 с.

Синюков В. П., Синюкова Т. В. К вопросу о российской правовой доктрине в XXI веке // Вопросы теории государства и права: Новые идеи и подходы: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. № 2 (11). С. 51—59.

Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина // Правоведение. 2000. № 3. С. 240—246.

Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С. 4—14.

Обсуждению проблем взаимоотношения научного знания и политики, необходимости ***деидеологизации*** науки посвящены следующие статьи:

Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10.

Макаренко В. П. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. 2006. № 2. С. 207—236.

Мамут Л. С. Наука о государстве и праве: необходимость радикального обновления // Философские науки. 1989. №11.

Темнов Е. И. О деидеологизации методологических подходов в историко-политических и государственно-правовых исследованиях // Государство и право. 1992. № 3. С. 73—79.

Экимов А. И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1996. № 12. С. 3—9.

В последние годы и в юридической науке внимание привлекается к ***непозитивистским*** направлениям современной общенаучной методологии, см., например:

Бельский К. С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995. 144 с. (рецензия: Егоров С. А. // Государство и право. 1997. № 7. С. 113—115).

Исаев И. А. Politica hermetica: скрытые аспекты власти. М., 2002. 413 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 575 с. (рецензия: Жуков В. Н. // Государство и право. 2003. № 11. С.123—126).

Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юрист, 2006. 478 с. (рецензия: Бобылев А. И. // Государство и право. 2006. № 7. С. 115—117).

Исаев И. А. Метафизика Власти и Закона: У истоков политико-правового сознания. М., 1998. 256 с.

Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков. М.: Норма, 2007. 416 с. (рецензия: Керимов А. Д. // Государство и право. 2008. № 3. С. 118—119).

Кравец И. А. Конституция и герменевтика: Вопросы и теории // Правоведение. 2003. № 5. С. 38—49.

Первушина В. Н., Змушко К. С. Метафизика власти: методологические истоки и подходы. М., 2006. 167 с.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию Саратов, 1994. С. 34—35.

Суслов В. А. Герменевтика права // Правоведение. 2001. № 5. С. 4—12.

Суслов В. В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. №6. С. 115—118.

О взаимодействии ***синергетики*** и юриспруденции см., например:

Венгеров А. Б. Синергетика и политика // Власть силы, сила власти: Сб. науч. тр. / МГЮА. М., 1996. С. 42—60.

Венгеров А. Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10.

Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64—69.

Добрынин Н. М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // Государство и право. 2007. № 7. С. 33—39.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 85—115.

Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, В. Э. Войцехович. М., 2000. 536 с.

Хакен Г. Синергетика (иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах). М., 1985.

Шундиков К. В. Синергетический подход в правовой науке: проблемы адаптации // Правоведение. 2008. № 1. С. 145—156.

Многочисленные исследования посвящены традиционной юридической методологии, рассмотрению проблем применения логических, социологических, филологических и других методов, анализу наук и научных направлений, сформировавшихся или формирующихся на основе применения той или иной методологии с учетом междисциплинарных связей юриспруденции.

Общие работы о методологических проблемах юридической науки:

Алексеев С. С, Керимов Д. А., Недбайло П. Е. Методологические проблемы правоведения // Правоведение. 1964. № 4.

Бачинин В. А. Методологические проблемы каузально-детерминационного анализа правовых реалий // Правоведение. 2007. № 6. С. 149—158.

Гульпе А. Н. К вопросу формирования методологии советской правовой науки // Советское государство и право. 1991. № 4. С. 144—149.

Денисов А. И. Методологические проблемы теории государства и права: Учеб. пособие. М., 1975. 118 с.

Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965. 204 с.

Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. 560 с.

Керимов Д. А. Методология права. М., 1989.

Лисюткин А. Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоведении. Саратов, 2001. 140 с.

Лукич Р. Методология права. М., 1981. 304 с.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 38—115.

Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисл. А. К. Соколова. М., 1997. 544 с.

Методологические проблемы правоведения: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1994. 176 с.

Методологические проблемы советской юридической науки / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1980. 309 с.

Методологические проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. И. Козюбра. Киев, 1990. 136 с.

Методология историко-правовых исследований: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Гулиев. М., 1980. 184 с.

Проблемы методологии и методики правоведения / Под ред. Д. А. Керимова и др. М., 1974. 206 с.

Сырых В. М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура). М., 1980.

Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Правоведение. 2001. № 1. С. 31—50.

Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 264 с.

Фельдман Д. И., Курдюков Г. И., Лазарев В. В. Теоретические проблемы методологии исследования государства и права. Казань, 1975.

Черненко А. К. Методология познания права и государства: Учеб. пособие. Новосибирск, 2005. 117 с.

Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования: Учеб. пособие. СПб., 2004. 128 с.

Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения: (В связи с теорией и практикой социалистического управления). Саратов, 1972. 226 с.

Вклад в ***развитие методологии юридической науки*** вносят и ***отраслевые исследования***, см., например:

Абрамов В. К. Методология права и наук государственного строительства: Аспирантский курс. Тематический панскиптум программного авторизированного творчества. М., 1997.

Арановский К. В. Государственно-правовая действительность в социопсихическом измерении // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 1(2). С. 49—58.

Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003. 658 с. (рецензия: Сергеев А. Л. // Правоведение. 2004. № 4. С. 254—256).

Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Международное право: Проблемы методологии. М., 1971. 176 с.

Гриненко А. В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 54—60.

Жигарев Е. С. Науковедческие проблемы криминологии. М., 2003. 223 с.

Пономаренко Е. В. Конституционное право: вопросы современной методологии: Монография. М., 2004. 114 с.

Специальные работы ***о логических методах и правовой логике***:

Антропов В. Г. Правовая логика: Формализация и определимость правовых модальностей. Волгоград, 1998.

Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001. 100 с.

Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1978.

Баранов П. П., Курбатов В. И. Логика для юристов. Ростов н/Д., 2002.

Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты советского права // Правоведение. 1991. № 3.

Гайдамакин А. А. Полемические заметки о логике права и правосознании // Государство и право. 2007. № 7. С. 92—95.

Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978.

Историческое и логическое в познании государства и права / Под ред. А. И. Королева. Л., 1988.

Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987.

Лепешко Б. М. Логика в правовой практике. Брест, 2002. 127 с.

Тер-Акопов А. А. Юридическая логика: Учеб. пособие. М., 2002. 255 с.

Особого внимания заслуживают ***социологические*** методы исследования государственно-правовых явлений, тем более что этот вопрос имеет непосредственную связь с другими проблемами теории государства и права. Выше уже говорилось о самостоятельном научном направлении — социологии права. Кроме того, среди собственно юридических концепций важное место занимает так называемая социологическая школа права. Для знакомства с социологическими методами исследования можно воспользоваться следующей специальной литературой:

Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. 464 с.

Гревцов Ю. И. Социология права: Курс лекций. СПб., 2001.

Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учеб. М., 1995. 297 с.

Каленский В. Г. Государство как объект социологического анализа. М., 1977.

Карбонье Ж. Юридическая социология / Пер. с франц. и вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1986. 351 с.

Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Д., 2002.

Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. Т. 1. Социология права. М., 2001. 265 с.

Керимов Д. А. Социология и правоведение // Государство и право. 1999. № 8. С. 84—88.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998. 800 с.

Козлов В. А., Суслов Ю. А. Конкретно-социологические исследования в области права. Л., 1981.

Ксенофонтов В. Н. Социология права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. 159 с.

Кульчар К. Основы социологии права: Пер. с венг. / С предисл. и под общ. ред. В. П. Казимирчука. М., 1981. 256 с.

Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987.

Лапаева В. В. Социология права / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2000. 304 с. (Краткие учебные курсы юридических наук).

Лапаева В. В. Социология права. М., 2005.

Лебедев В. М. Социологическая школа трудового права России // Правоведение. 2006. № 4. С. 68—72.

Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. 328 с.

Саидов А. Х. Социология права. Ташкент, 2007. 32 с.

Саидов А. Х. Социология права: каков ее научный статус // Социологические исследования. 2006. № 7.

Социология права: Учеб. пособие / Под ред. В. М. Сырых. М., 2001. 480 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 464 с.; То же. 3-е изд., стер. М., 2004. 464 с.

Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. 208 с.

Сырых В. М. Социология права как отрасль правоведения и учебная дисциплина // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 201—226.

Тадевосян Э. В. Социология права и ее место в системе наук о праве // Государство и право. 1998. № 7.

Худойкина Т. В. Юридическая социология. Саранск, 2002.

Шереги Ф. Э. Социология права: Прикладные исследования. М., 2002. 447 с.

Юридическая социология: Учеб. / Отв. ред. В. А. Глазырин. М, 2000. 368 с.

Явич Л. С. Социология и право // Правоведение. 1970. № 4.

Исследования по ***юридической конфликтологии***:

Бабосов Е. М. Основы конфликтологии: Учеб. пособие. Минск, 1997. 392 с.

Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М., 2000. 280 с.

Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н. Введение в общую теорию конфликтов. 2-е. изд. М., 1998. 157 с.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.

Зеркин Д. П. Основы конфликтологии: Курс лекций. Ростов н/Д., 1998. 480 с.

Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт // Государство и право. 1995. № 9. С. 9—14.

Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права: Учеб. М., 1995. С. 212—246. (Гл. 8. Правовая конфликтология).

Кузьмина М. Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов: Учеб. пособие. Ставрополь, 2001. 272 с.

Кукушкин М. А. Юридическая конфликтология как аспект правовой социализации в России // Философия права. 2001. № 1. С. 54 — 61.

Лапаева В. В. Социально-политические конфликты и право // Драма российского закона. М., 1996. С. 88—105.

Основы конфликтологии: Учеб. пособие / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1997. 200 с.

Павлов В. И. Дефиниция юридического конфликта: проблемы формирования в свете западной социологической традиции, постсоветской конфликтологической и юридической науки // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2004. № 2. С. 133—137.

Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб., 2004. 480 с.

Правовые механизмы предотвращения и преодоления социальных конфликтов: Материалы международной научно-теоретической конференции. Севастополь, 29—30 сентября 2006 года / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.

Пряхина Т. М. Конституционные конфликты // Государство и право. 2004. № 11. С. 19—25.

Тонков Е. Е. Конфликтология правоохранительной деятельности: Учеб. пособие. Белгород, 1998.

Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридических конфликтов. Саранск, 2001. 389 с.

Юридическая конфликтология — новое направление в науке: («Круглый стол» журнала) // Государство и право. 1994. № 4. С. 3—23.

Юридическая конфликтология / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1995. 316 с.

Юридический конфликт: процедуры разрешения. (Юридическая конфликтология. Часть 3). М., 1995. 159 с.

Юридический конфликт: сферы и механизмы. (Юридическая конфликтология. Часть 2). М., 1994. 172 с.

Специальные исследования посвящены как правовому обеспечению ***компьютерных технологий***, так и возможностям их применения в юридической деятельности:

Батурин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М., 1991. 272 с.

Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учеб. / Под ред. Б. Н. Топорнина. СПб., 2001. 787 с.

Гаврилов О. А. Информатизация правовой системы России. М., 1999. 143 с. (рецензия: Эджубов Л. Г. // Государство и право. 2002. № 5. С. 127—128).

Гаврилов О. А. Компьютерные технологии в правотворческой деятельности: Учеб. пособие. М., 1999. 108 с.

Кнапп В. О возможности использования кибернетических методов в праве. М., 1965.

Компьютерные технологии в юридической деятельности: Учеб. и практ. пособие. М., 1994.

Копылов В. А. Информационное право. М., 1997; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 510 с.

Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М., 2002. 431 с.

Основы применения кибернетики в правоведении. М., 1977.

Правовая информатика и кибернетика: Учеб. / Под ред. Н. С. Полевого. М., 1993. 528 с.

Рассолов М. М. Информационное право: Учеб. пособие. М., 1999. 400 с.

Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика // Правоведение. 1991. № 2.

О ***моделировании*** и применении ***экспериментальных*** методов в правоведении см.:

Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. 157 с.

Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / Под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. М., 1988. 304 с.

В 1970—1980-е гг. происходит становление и утверждение в методологии научного юридического познания ***системного подхода***, см. об этом:

Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание, управление. М., 1981. 432 с.

Проблемы методологии системных исследований / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, И. Г. Юдин. М., 1970.

Кудрявцев В. Н., Керимов Д. А. Право и государство (опыт философско-правового анализа). М., 1993. 91 с. (см. гл. 3 «Системность права». С. 47—72).

Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999. 251 с.

Становление системных идей в науке и философии. (Несколько выпусков разных лет.)

Тиунова Л. Б. О системном подходе к праву // Советское государство и право. 1986. № 10.

Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991.

Среди исследований, проводимых на стыке юриспруденции и ***филологии***, можно указать на следующие:

Антоненко Т. А. Словесность в юриспруденции: Курс лекций. Ростов н/Д., 1999.

Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997.

Гроте Г. -Р. де. Язык и право // Журнал российского права. 2002. № 7. С. 145—152.

Грязин И. Текст права: Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.

Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции: Учеб. Казань, 1995. 301 с.

Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2003. 160 с.

Губаева Т. В., Малков В. П. Словесность в юриспруденции как учебная дисциплина // Государство и право. 1996. № 12. С. 108—116.

Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста: Учеб. пособие. М., 1997. 348 с.; То же. М., 2008. 448 с.

Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. 432 с.

Прокофьев Г. С. Онтологическая и гносеологическая функции языка в правовых нормах // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 3. С. 101—110.

Смаль Л. Д. Некоторые вопросы семантики юридических наук // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 8. Минск, 1997. С 31—34.

Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика // Правоведение. 1991. №2.

Хижняк С. П. Англо-американская и русская терминология права: социолингвистический аспект возникновения и развития. Саратов, 1997.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. 192 с.

Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях: Научно-аналитический обзор / С. В. Лезов. М., 1986. 70 с.

Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.

См. также: Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Внимания заслуживает также ***сравнительное правоведение*** как один из методов, применяемых в юриспруденции; можно утверждать, что на базе этого метода сформировалась самостоятельная юридическая дисциплина — сравнительное правоведение, или компаративистика. Библиографию по этой проблеме см. в теме «Основные правовые системы современности».

О ***юридической антропологии*** см.:

Бачинин В. А. Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия // Правоведение. 2001. № 3. С. 27—39.

Дробышевский В. С., Калинин А. Ф. Введение в юридическую антропологию. Ч. 1. Проблемы методологии права: Учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2004. 132 с.

Думанов Х. М., Першиц А. И. Юридическая этнология (По материалам народов Северного Кавказа) // Государство и право. 2008. № 4. С. 67—74.

Ковлер А. И. Антропология права: Учеб. М., 2002. 467 с.

Пучков О. А. Антропологическое постижение права: Монография. Екатеринбург, 1999. 381 с.

Рулан Н. Юридическая антропология: Учеб. пособие / Пер. с фр. под общ. ред. А. И. Ковлера; Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1999. 310 с. (рецензия: Крашенинникова Н. А. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 6. С. 108—113).

Саидов А. Х. Антропология права. Ташкент, 2007. 36 с.

Саидов А. Х. О предмете антропологии права // Государство и право. 2004. № 2. С. 63—69.

Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2000. 224 с. (рецензия: Красков В. А. // Государство и право. 2001. № 2. С. 123—124).

Литература ***по юридическим проблемам медицинской деятельности***, см.:

Акопов В. И. Медицинское право в вопросах и ответах. М., 2000. 205 с.

Иойрыш А. И. Правовые и этические проблемы клонирования человека // Государство и право. 1998. № 11. С. 87—93.

Иойрыш А. И., Красовский О. А. Правовые аспекты генной инженерии // Государство и право. 1997. № 3. С. 112—115.

Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве: Учеб. и практ. пособие. М., 1995. 272 с. (рецензия: Клык Н. Л., Соловьев В. Н. // Государство и право. 1996. № 11. С. 143—146).

Медицина и права человека: Пер. с франц. М., 1992. 214 с.

Очерки медицинского права / С. Г. Стеценко и др. М., 2004. 170 с.

Романовский Г. Б. Евгеника и генетика: правовые аспекты // Правоведение. 2004. № 4. С. 184—193.

Рыков В. А. Медицинское право: Справочник в вопросах и ответах. Ростов н/Д., 2002. 287 с.

Стеценко С. Г. Право и медицина: проблемы соотношения: Монография. М., 2002. 249 с.

Стеценко С. Г. Медицинское право: Учеб. СПб., 2004. 570 с.

Тихомиров А. В. Медицинское право: Практ. пособие. М., 1998. 418 с.

Здесь и в последующих обзорах более подробную ***библиографию*** см., например:

Баранов В. М., Баранов П. П. Общая теория права (опыт тематической библиографии). Ростов н/Д., 1997. 512 с. (рецензия: Липень С. В. // Государство и право. 1998. № 6. С. 118—121).

ГЛАВА 2

Возникновение и историческое развитие государственности

2.1. Возникновение государственности

В соответствии с современными научными данными человек как биологический вид существует более двух миллионов лет. Примерно 40 тыс. лет назад появился предок современного человека — кроманьонский человек. Первые известные в истории государства возникли около 5 тыс. лет назад, на рубеже IV и III тысячелетий до н.э.; таким образом, государственность — относительно недавнее изобретение человечества. Абсолютно большую часть своей сознательной истории человек жил вне государственно-организованного общества.

Государственность (это понятие в принципе охватывает и государство, представляемое особой публичной властью, государственными органами, и право в виде издаваемых государством норм и практики их реализации) возникает на определенном этапе развития общества под влиянием определенных причин, имеющих объективный характер.

Долгое время люди жили родовыми общинами. Родовая община объединяла несколько поколений родственников, ведущих совместную хозяйственную деятельность и обладающих общим имуществом. Экономика первобытнообщинного строя характеризовалась как экономика присваивающая. Люди занимались собирательством, охотой, рыбной ловлей, т.е. присваивали готовый природный продукт, практически не организуя какую-либо производственную деятельность.

Каждое общество предполагает определенную степень организованности, упорядоченности, без этого оно просто не сможет

существовать. Поэтому в любом обществе имеются регулятивные системы, выражающиеся в наличии властеотношений. Управление в первобытном обществе характеризуется существованием институтов *общественной власти*: общее собрание членов рода, на котором решались наиболее важные вопросы; старейшины и военачальники, которыми становились наиболее опытные, авторитетные соплеменники; на более поздней стадии развития родоплеменного строя — это племенные вожди, советы старейшин, военачальников. В первобытном обществе не было людей, которые, занимая определенные должности, профессионально осуществляли бы управленческие функции, не было особой публичной власти, возвышающейся над обществом.

Первобытное общество, базирующееся на присваивающей экономике — это общество относительно однородное, люди различались лишь по возрасту, полу, родовой и племенной принадлежности, религиозным верованиям. Управленческие функции (регулирование внутренних отношений, охрана порядка, защита от врагов) в таком обществе в целом могли осуществляться коллективными усилиями членов рода без создания специальных органов.

Тысячелетиями первобытное общество существенно не менялось, оставались в том же виде и институты управления. Процесс возникновения государственности связывается с так называемой *неолитической революцией*. Этим понятием обозначается переход от присваивающей к производящей экономике, т.е. от собирательства, охоты, рыбной ловли к земледелию, скотоводству, к широкому развитию производства металлических, керамических и других изделий. Неолитическая революция началась примерно 10—12 тыс. лет тому назад и растянулась на несколько тысячелетий. Употребление термина «революция» здесь вполне уместно, поскольку этот процесс коренным образом изменил не только экономическую, но и все остальные сферы жизни человеческого общества.

В результате перехода к производящей экономике — развития общества, накопления общественного богатства, роста численности населения — произошла более глубокая дифференциация общества; усложнились социальные связи между людьми. Такое усложнение социальной жизни объективно потребовало реорганизации управления обществом. Появились специальные должностные лица, органы, которые осуществляли только управленческие функции — руководство определенной сферой общественной жизни (сбор налогов, строительство общественных сооружений и т.д.), карательную и военную политику. Постепенно сформировался государственный аппарат, и стало возможным говорить об

особой публичной власти, выделившейся из общества и управляющей обществом. Таким образом, государство возникло как результат естественного развития первобытного общества, развития прежде всего экономического, которое обуславливает и эволюцию, преобразование других сфер жизни общества.

Вопрос о происхождении государственности — один из дискуссионных в юридической науке, существуют многочисленные концепции, по-разному объясняющие появление государств (см. параграф 2.3). Изложенная выше теория именуется историко-материалистической, поскольку она основана не на рассуждениях, а прежде всего на научных данных о развитии человеческого общества.

Следует иметь в виду, что и в рамках историко-материалистической концепции нет единства мнений на различные аспекты происхождения государственности, поскольку изучаемые процессы происходили достаточно давно и нет полной уверенности в адекватности их моделирования.

В 1999 г. появилась специальная работа по проблемам происхождения государственности и права (см.: Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы: Учеб. пособие. М., 1999. 335 с.). В пособии изложены современные представления об историческом процессе возникновения государства, проанализированы закономерности возникновения древнерусского государства, дается характеристика различных теорий о происхождении государственности — ирригационной, патриархальной, теологической, насилия, расовой, инцестной (половой), спортивной, патримониальной, органической, экономической, классовой, психологической, договорной и диффузионной. Кроме того, автором предлагается и собственная теория происхождения государственности — теория специализации. В соответствии с ней государство — это результат возникновения, наряду со специализацией в производственной сфере (экономической специализацией — имеются в виду крупные общественные разделения труда), специализации в сфере управленческой (политической специализации). Подробнее см.: Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 95—103, 170—176. О различных теориях происхождения государственности см. также: Теория государства и права: Хрестоматия. В 2 т. Т. 1. С. 94—150.

Свои особенности имеет *происхождение права*. Право, как и государство, существовало не всегда, и его возникновение также связано с произошедшими в обществе несколько тысячелетий тому назад глобальными процессами, получившими название «неолитической революции», — с переходом от присваивающей к производящей экономике. При анализе процессов происхождения права имеют немаловажное значение экономические, социальные, управленческие характеристики первобытного общества, процесс возникновения государственности.

Правила, которые регулировали поведение людей в первобытном обществе, выражались в обычаях, традициях, обрядах, мифах. Они складывались самопроизвольно в течение длительного времени и были продиктованы необходимостью выживания и воспроизводства человека в жестких природных условиях; иными словами, они имели «естественно-природную основу».

Социальные нормы первобытного общества сохранялись в сознании людей и действовали не столько в силу гарантированности их какими-либо принудительными мерами, сколько в силу их авторитета, привычки, желания поступать так, как поступают все. Обычно не возникало вопроса об их исполнении или неисполнении. Социальные нормы первобытного общества иногда называют *мононормами* (т.е. едиными, нерасчлененными нормами), поскольку они являлись одновременно и обычаями, и нормами морали, и религиозными предписаниями.

Применяя современные классификации правовых норм и способов правового регулирования общественных отношений, нормы первобытного общества также можно разделить на устанавливающие определенные правила поведения и на предусматривающие ответственность за нарушение данных правил. В первом случае социальные нормы запрещают («нельзя»), позволяют («можно») или обязывают («необходимо») совершать какие-либо поступки. Запреты существовали в основном в виде табу. Табу — это система запретов на совершение определенных действий (употребление каких-либо предметов, произнесение слов и т.п.), нарушение которых по суеверным представлениям карается сверхъестественными силами. Табу регламентировали важнейшие стороны жизни человека. Существовал, например, запрет инцестов — браков между кровными родственниками. Также «запрещалось нарушать разделение функций в общине между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, запрещались убийства, телесные повреждения; каннибализм, воровство... и т.п. Дозволения (или разрешения) также определяли поведение человека или объединений людей в присваивающей экономике, указывая, например, на виды животных и время охоты на них, на виды растений и сроки их сбора... на пользование той или иной территорией, источниками воды... и т.д. Позитивное обязывание имело своей целью организовать необходимое поведение в процессах приготовления пищи, строительства жилищ, разжигания костров и поддержания огня, изготовления орудий, средств передвижения, например, лодок». К нарушителям социальных норм первобытного общества применялись суровые меры наказания — общественное порицание, изгнание из

общины, нанесение телесного повреждения, смертная казнь. (Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права. Т. 1. М., 1996. С. 57—58, 61.)

Социальные нормы, как и институты власти и управления первобытного общества, были основаны на присваивающей экономике и обеспечивали воспроизводство общественной жизни при данных экономических условиях.

По известному выражению Ф. Энгельса, «на известной, весьма ранней ступени развития человеческого общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 272).

Таким образом, на теоретическом уровне следует выделять не только наличие в историческом развитии человечества двух способов хозяйствования — присваивающей и производящей экономики, но и наличие двух принципиально отличных систем регулирования, привязанных четко к сущности, экономическим и экологическим характеристикам этих способов хозяйствования, ко всему комплексу материальных, социальных и духовных отношений, существовавших в них (Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 56).

Постепенно в процессе перехода от присваивающей экономики к производящей, с усложнением общества, с появлением публичной власти подвергается изменениям и нормативная система. Возникает право — система норм, которая качественно отличается от правил, регулирующих поведение людей в первобытном обществе.

Одним из первых способов фиксации права явилось закрепление нормативных указаний в агрокалендарях — основных письменных источниках ранних государств (Египет, Месопотамия в III—II тыс. до н.э.), регулирующих производственную деятельность аграрного общества. Позднее издаются собственно законы и своды законов.

В первую очередь необходимо указать на те признаки права, которые характеризуют его связь с государством. Право имеет иные процедуры создания, применения и защиты. Правовые нормы исходят уже от публичной власти и фиксируются, как правило, в письменной форме — в текстах нормативных актов. Предписания, установленные государством, обязательны к исполнению, при необходимости их реализация обеспечивается принудительной силой государства. Наконец, значительны и содержательные отличия права от социальных норм первобытного общества. Правовые нормы намного сложнее, многообразнее, богаче и в качест-

венном, и в количественном отношении, поскольку они регулируют организацию сложнодифференцированного общества, основанного на производящей экономике. Таким образом, сам процесс возникновения права носит объективный характер: с развитием и усложнением общества право с необходимостью приходит на смену мононормам, регулировавшим поведение людей в первобытном обществе с присваивающей экономикой.

«Можно вообще выделить три основные фазы в развитии права. Первая — фаза зарождения, относится по преимуществу к тем обществам, где происходит лишь становление производящих форм экономики. Вторая фаза знаменует оформление данного пласта регулятивной системы в некую систему правил (норм). Эта фаза увязывается с такими обществами, где налицо полная победа различных форм производящей экономики. И наконец, третья фаза связана с письменной кодификацией права в ряде раннегосударственных образований» (Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 68).

Первые правовые памятники представляют собой смесь закрепившихся и поддерживаемых государством обычаев, правил, сложившихся к тому времени в юридической практике органов публичной власти (прецедентов) и государственных постановлений. В содержательном плане здесь следует отметить отсутствие четкого деления права на отрасли, и даже четкого различения правового и неправового.

«Можно выделить два основных пути развития права. Там, где господствующее положение занимает государственная собственность, основным источником, способом фиксации правовых норм становятся, как правило, сборники нравственно-религиозных положений (Поучение Птахотепа — в Древнем Египте, Законы Ману — в Индии, Коран — в мусульманских странах и т.п.)... В обществе же, основанном на частной собственности, которая обусловливала необходимость равенства прав собственников, развивалось, как правило, более обширное, отличающееся более высокой степенью формализации и определенности законодательство, и прежде всего гражданское, регулирующее более сложную систему имущественных общественных отношений». (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 66.)

Различные аспекты проблемы происхождения права нашли свое систематическое изложение в упоминавшейся выше работе Т. В. Кашаниной. Здесь дана характеристика нормативной регуляции в первобытном обществе, закономерностей исторического процесса возникновения и развития права. Анализируются различные теории происхождения права (примирительная, регулятивная, теологическая, теория естествен-

ного права, историческая и марксистская). Так же как и в связи с проблемой возникновения государственности, для выявления основных закономерностей процесса возникновения права автором предлагается теория специализации. См.: Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 330—332.

2.2. Историческое развитие государственности

Государство как особая организация власти, как самостоятельный институт жизни общества находится в постоянном развитии. Несколько тысячелетий, веков и даже десятилетий тому назад государства были совсем не такими, какими они являются в настоящее время. Рассмотрим основные вехи в историческом развитии государства, для того чтобы уяснить основные тенденции в эволюции данного института, разобраться в сущности современных государств.

Говоря об истории развития государственности, обычно используют категории «тип государства», или «исторический тип государства», «тип права», «исторический тип права».

Тип государства — это совокупность общих признаков, свойственных определенной, как правило, исторически обособленной группе государств.

Ранее в отечественной юридической науке при изложении данного вопроса использовался только так называемый формационный подход к истории развития общества. Сейчас получил распространение и другой подход — цивилизационный. Рассмотрим оба подхода.

Формационный подход к типологии государства был разработан в рамках марксистско-ленинской теории государства и права. Согласно этому подходу тип государства определяется экономическим строем классового общества, соответствующей ему классовой структурой, его классовой сущностью. Марксизм-ленинизм рассматривает историю как естественноисторический процесс смены общественно-экономических формаций. Каждая общественно-экономическая формация — это исторический тип общества, основанный на определенном способе производства. Каждому типу общества свойствен определенный тип производственных отношений (базис) и соответствующих ему политических правовых и иных (надстроечных) учреждений. Государство и право — это наиболее важные части надстройки, их сущность, содержание в конечном счете определяются экономическим базисом.

Таким образом, в соответствии с формационным подходом к истории развития общества *исторический тип государства* —

это совокупность наиболее существенных признаков, свойственных государствам одной общественно-экономической формации. Типы государств в обществах, расколотых на антагонистические классы: *рабовладельческое государство* (основная характеристика — политическая власть находится в руках рабовладельцев), *феодальное государство* (политическая власть находится в руках феодалов), *буржуазное государство* (политическая власть — у буржуазии). Государство при социализме и в переходный период к коммунизму является *социалистическим*, оно выражает волю всего народа. Каждому типу государства соответствует тип права.

Движущая сила последовательной смены исторических типов государств — классовая борьба, а сам этот процесс предопределен социально-экономическим развитием общества. Смена типа государства означает изменения в политической надстройке общества, которые вызваны развитием самого способа производства, производительных сил, требующих изменения и производственных отношений.

Процесс смены исторических типов государства характеризуется объективностью. В целом он не зависит от воли и сознания людей, различные субъективные факторы могут ускорить или замедлить этот процесс, но не прервать или повернуть его в другую сторону. Каждый последующий тип государства является исторически более прогрессивным, чем предыдущий, их смена осуществляется в результате революции.

Имеет ли смысл в настоящее время обращаться к формационному подходу? Быть может, он уже стал достоянием истории вместе с марксизмом-ленинизмом? Представляется возможным говорить об определенной познавательной ценности формационного подхода к истории развития общества, но только применительно к развитию европейских государств и лишь до начала XX в. После Первой мировой войны началось активное вмешательство государства в экономику, постепенное сглаживание социальных противоречий, международное сотрудничество государств на основе признания прав человека (в том числе социально-экономических), создание гарантий для их соблюдения, повышение уровня благосостояния всех членов общества. Индустриально развитые государства эволюционировали, приобрели новое качество.

Существует несколько трактовок *цивилизационного* подхода к типологии государств.

Наиболее часто термин «цивилизация» употребляется в качестве синонима культуры вообще и обозначает исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни

и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Таким образом, можно говорить о цивилизациях древних и современных (и о соответствующих типах государств), о цивилизациях западных и восточных (и о соответствующих типах государств), о цивилизациях доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных (и о соответствующих типах государств) и т.д. Выше речь уже шла о тесной взаимосвязи общества и государства (см. социологическое понятие государства), поэтому определенный познавательный смысл имеют и типологии государств, основанные на типологиях общества, существовавших человеческих цивилизаций, особенности которых обусловили своеобразие тех или иных государств.

Именно с юридической точки зрения более ценным представляется цивилизационный подход к типологии государства, основанный не на внешних, а на внутренних особенностях функционирования государственности. Государство — это организация власти, поэтому, анализируя особенности различных государств, внимание следует обращать прежде всего на аспекты формирования, принадлежности, осуществления государственной власти. С таких позиций при цивилизационном подходе к типологии государства в основу классификации берется соотношение государства и личности. В соответствии с этим подходом различают государства традиционные и современные (или конституционные).

Традиционные государства. Под ними подразумеваются прежде всего рабовладельческие и феодальные монархии. Здесь народ не является источником государственной власти, государство обладает практически неограниченными полномочиями в отношении большинства населения, отрицается равноправие людей, наличие у них естественных прав.

Современные (конституционные) государства, под которыми понимаются в основном буржуазные республики и конституционные монархии. Народ является источником государственной власти, им формируются законодательные органы, государство подчинено обществу, сфера его деятельности ограничена (прежде всего конституцией, поэтому современные государства называют и конституционными), признаны и гарантированы права человека.

В следующих темах по теории государства будет продолжена характеристика традиционных и современных государств. Это самая общая классификация, существуют и другие, уточняющие и дополняющие ее. Кроме того, следует иметь в виду и то, что множество государств находится на разных стадиях перехода от традиционных к конституционным государствам.

Традиционные и современные (конституционные) государства существенно отличаются друг от друга — у них различные способы возникновения, сущность, функции, политический режим, государственный аппарат и принципы его организации и деятельности, форма правления, форма государственного устройства, наконец, вся политическая система. На эти отличительные черты будет обращаться внимание по ходу изучения теории государства.

Можно остановиться на различиях в способах возникновения и в сущности традиционных и современных (конституционных) государств.

Традиционные государства возникли в глубокой древности в процессе разложения первобытнообщинного строя и преобразования институтов общественной власти под влиянием ряда факторов, основным из которых был переход от присваивающей к производящей экономике, так называемая неолитическая революция. Зачатки современной (конституционной) государственности возникают в Новое время в период буржуазных революций, путем революционных или эволюционных изменений различных государств. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

В сущности традиционных государств если и не преобладала, то играла значительную роль одна сторона: государство выступало в качестве орудия для подавления эксплуататорских классов, в качестве средства принуждения. Что касается современных (конституционных) государств, то в них значение государства как средства принуждения ограничено в основном сферой отклоняющегося поведения отдельных лиц, государство выступает прежде всего в качестве инструмента организации общественной жизни.

О формационном и иных подходах к историческому развитию государственности см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 1. С. 193—221.

Представляет интерес и теоретическое осмысление процесса исторического развития права. Как и в теории государства, для этого используется категория «исторический тип права». При исследовании процесса развития права также возможно применение формационного и цивилизационного подходов. В первом случае дают характеристику рабовладельческому, феодальному, буржуазному и социалистическому праву; во втором говорят о праве традиционных государств и о праве современных (конституционных) государств.

Здесь, однако, необходимо сделать следующие замечания. Формационный подход вообще в силу его недостаточной универсальности и во многом по идеологическим соображениям постепенно отходит в прошлое и становится достоянием истории науки,

а к типологии права из-за особенностей последнего он разработан еще менее, чем к типологии государства. Цивилизационный подход к осмыслению исторического развития права представляется более перспективным, однако он не получил в юридической науке широкого применения. Исследование процесса развития права — и с содержательной, и с технико-юридической стороны — остается актуальной проблемой теории государства и права.

2.3. Теории происхождения государственности

Проблема происхождения государства (и неразрывно связанная с ней проблема происхождения права), несмотря на свой кажущийся исключительно исторический характер, всегда привлекала к себе внимание ученых. Это вполне объяснимо — ведь от понимания причин возникновения любого явления — Вселенной, органической жизни на Земле, разумных существ, наконец-таки, государственности — прямо зависит и понимание сущности данного явления, возможность выявить и изучить тенденции его развития. Так, если допустить, что сама идея об учреждении таких институтов, как государство и право, привнесена в сознание людей внешними силами, то тут же следует признать ограниченные возможности человека оказать решающее влияние на развитие этих институтов. Если государство возникает прежде всего как аппарат насилия, при помощи которого узкий круг лиц узурпирует власть, стремясь контролировать основную массу населения, то в этом случае государственность обычно оценивается отрицательно и признается необходимость ее ликвидации в будущем. Если же государство образовалось не «сверху», а наоборот, «снизу» — было учреждено всем населением определенной территории для наилучшего управления (разрешения общих дел), то оно должно действовать в интересах всего общества и иметь реальные перспективы для развития и совершенствования.

Существует множество взглядов на процесс происхождения государственности в зависимости от общих мировоззренческих позиций их авторов, от избранной методологии построения той или иной концепции, от исторически определенного уровня знаний о прошлом человеческого общества. Сторонники практически всех этих доктрин признают, что государство существовало не всегда, что данный социальный институт появляется на определенном этапе развития общества под воздействием определенных причин. Таким образом, в каждой теории происхождения государства речь

в той или иной степени идет, во-первых, о характеристике догосударственного состояния общества, во-вторых, о причинах и процессе возникновения государственности, и, в-третьих, о государственно-организованном обществе, о наиболее существенных признаках, свойственных государству и следующих именно из данного способа его образования.

Различные *теологические* теории происхождения государственности возникли ранее остальных. Это вполне естественно, поскольку и в Древнем мире, и в Средние века служители культа являлись одной из самых образованных социальных групп, а религиозное мировоззрение — господствующим. Общий смысл всех теологических теорий (а их много, поскольку много и религиозных доктрин) сводится к следующему. Государство имеет божественное происхождение, оно создано или непосредственно Богом, или же людьми по велению Бога. Поэтому необходимо подчиняться существующей государственной власти как проявлению божественной воли. Государство незыблемо, вечно, необходимо смирение перед ним, поскольку оно исходит от Бога. Попытки изменить существующую государственную власть (революции, восстания и т.п.) являются не только государственными преступлениями, но и преступлениями против церкви. Таким образом, большинство теологических теорий имели апологетическую направленность, т.е. обосновывали правомерность существования конкретного государства (как правило, с монархической формой правления и авторитарным политическим режимом). Теологические теории происхождения государственности ранее, с позиций воинствующего атеизма, подвергались безоговорочной и жесткой критике. В настоящее время в учебных изданиях отмечается, что данные концепции нельзя доказать, как нельзя прямо и опровергнуть, поскольку это в конечном счете вопрос веры, вопрос выбора мировоззрения (см., например: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1999. С. 51).

Достаточно древней является также *патриархальная* теория происхождения государственности, в соответствии с которой государство возникает из патриархальной семьи, разрастающейся из поколения в поколение. Одним из первых подобные взгляды высказывал Аристотель (III в. до н.э.). Данная концепция, особенно в изложении Р. Фильмера (XVII в., сочинение «Патриархия, или Естественная власть короля»), который доказывал, что власть королей берет свое начало непосредственно от Адама, также направлена на признание абсолютной и не контролируемой со стороны населения власти государства. Необходимо беспрекословное под-

чинение этой власти. Власть главы государства (монарха) — это продолжение власти главы семейства (патриарха), которая была очень значительной. Монарх объявлялся отцом своих подданных. Обычно одновременно признавалось божественное происхождение власти монарха, таким образом, патриархальная теория смыкалась с теологической. В настоящее время патриархальная теория происхождения государственности оценивается как ненаучная, не соответствующая действительности.

В период буржуазных революций (XVI—XVIII вв.) популярностью пользовалась *договорная* теория (или теория *общественного договора*) происхождения государства. Среди ее представителей можно назвать многих выдающихся мыслителей того времени, это, к примеру, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж. Ж. Руссо и др. Эта теория имела определенное практическое значение, которое подчеркивается некоторыми учеными и в настоящее время. Суть ее сводится к тому, что государство возникло на основе добровольного соглашения свободных людей — так называемого общественного договора. Существует множество вариантов договорной теории происхождения государственности, иногда значительно расходящихся друг с другом. Рассматривая взгляды различных авторов, целесообразно обратить внимание на следующие четыре момента.

1. Характеристика догосударственного, «естественного» состояния, в котором находились люди. Различные авторы понимали его по-разному. Известны, в частности, два противоположных взгляда — это «война всех против всех» (Т. Гоббс) и «золотой век», всеобщее благоденствие (Ж. Ж. Руссо).

2. Причины, которые обусловили заключение общественного договора и образование государства. В их анализе обращалось внимание на невозможность надлежащего обеспечения своих «естественных» прав (на жизнь, на собственность и т.д.), на невозможность устранить насилие и установить порядок.

3. Понимание самого общественного договора. Здесь имелся в виду обычно не какой-то реально существующий документ, а некое общее согласие, сложившееся естественным образом, в силу которого каждый индивид отчуждал часть своих прав государству и должен был ему повиноваться. Государство, в свою очередь, должно гарантировать каждому надлежащую реализацию оставшихся естественных прав.

4. Выводы, которые следуют из возникновения государственности именно договорным путем. Взгляды сторонников рассматриваемой концепции в этом отношении также расходятся. Одни

утверждали: поскольку государство возникло и до сих пор основано на общественном договоре, государственно-правовые институты должны соответствовать своему изначальному смыслу; в противном случае их необходимо заменить (к примеру, народ имеет право на свержение тирана, нарушившего общественный договор). Противоположную точку зрения высказывал Т. Гоббс. По его мнению, индивиды, заключив однажды общественный договор, утрачивают возможность изменить избранную форму правления, высвободиться из-под верховной власти, которая возводится в абсолют.

Договорная теория происхождения государства в период буржуазных революций сыграла свою прогрессивную роль, однако она не имеет строго научного характера, поскольку не основана на изучении реального процесса возникновения государственности.

В XIX в. появились новые концепции о происхождении государства и права. Успехи естествознания (популярность теории Ч. Дарвина) неожиданно привели к попыткам распространения открываемых закономерностей развития живой природы (межвидовая и внутривидовая борьба, естественный отбор и т.д.) на процессы развития человеческого общества. Так возникла *органическая* теория, в соответствии с которой под влиянием различных факторов, общих для всей живой природы, в процессе эволюции общества люди объединяются в единый организм — государство. Сторонники теории *насилия* (Л. Гумплович, К. Каутский, Е. Дюринг и др.), опираясь на известные исторические факты, объясняли возникновение государственности причинами главным образом военного, насильственного характера. Агрессивная завоевательная политика первобытных племен, захват территорий более слабых соседей, контроль над ними постепенно привели к необходимости образования специальных органов (первоначально — только карательных). Именно таким образом возникает особая публичная власть — государство. Представители *психологической* теории (к примеру, Г. Тард, Л. И. Петражицкий и его последователи) утверждают, что появление государства как аппарата управления обусловлено особыми качествами человеческой психики. Люди в основной своей массе нуждаются в том, чтобы ими управляли; в то же время отдельные личности психологически настроены на руководство. Постепенно управленческая деятельность обособляется в руках элиты, «сильных личностей», зависимость от которых сознается основной массой населения.

Общий недостаток практически всех рассмотренных концепций — их чисто умозрительный, рационалистический характер, отрыв от исследования реального процесса происхождения госу-

дарственности или же использование фрагментарного, неполного знания о нем. Научному изучению процесс возникновения государств подвергает так называемая историко-материалистическая теория, основные положения которой были развернуто сформулированы Ф. Энгельсом в специальном исследовании «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в основных чертах рассмотрены выше.

О теориях происхождения государственности см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 1. С. 94—150.

Обзор специальной литературы по теме

Различные аспекты проблемы ***происхождения государства и права*** рассмотрены в следующих работах:

Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества: Учеб. М., 1990. 351 с.

Бутенко А. П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С. 12—20.

Васильев Л. С. Становление политической администрации // Народы Азии и Африки. 1980. № 1.

Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства. М., 1983.

Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3.

Государство в истории общества: (К проблеме критериев государственности). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 341 с.

Даниленко В. Н., Шилов Ю. А. Начала цивилизации. М., 1999. 376 с.

Денисов А. И. Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права: критика буржуазных теорий. М., 1954.

Думанов Х. М., Першиц А. И. Мононорматика и начальное право (статья первая) // Государство и право. 2001. № 1. С. 98—103; Думанов Х. М., Першиц А. И. Мононорматика и начальное право (статья вторая) // Государство и право. 2001. № 9. С. 85—91.

Зарицкий А. В. Теория насилия о происхождении и существовании государства (теоретико-правовой аспект): Монография. М., 2002. 231 с.

Зулькарнай И. У. Экономико-математический анализ государственно-правовых теорий контрактного и насильственного происхождения государства. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2005. 39 с.

История первобытного общества: эпоха классообразования. М., 1988.

Карабанов А. Б. Фрейдистская версия происхождения и эволюции государственно-правовых институтов // Государство и право. 2002. № 6. С. 91—97.

Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы: Учеб. пособие. М., 1999. 335 с.; То же. М., 2004. 325 с.

Косарев А. И. Происхождение и сущность государства. М., 1969.

Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39.

Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000. 190 с.

Мальцев Г. В. Происхождение и ранние формы права и государства // Проблемы общей теории права и государства: Учеб. / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 27—135.

Сильченко Н. В. Происхождение государства и права: Учеб. пособие. Минск, 2005. 144 с. (на бел. яз.).

Тер-Акопян Н. В. Историческое значение работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Советское государство и право. 1984. № 4.

Тимонин А. Н. Теоретические «универсалии» и античные реалии: критический очерк одной из современных трактовок возникновения государства // Правоведение. 2007. № 4. С. 219—226.

Филиппов Г. Г. Социальная организация и политическая власть. М., 1985.

Штырбул А. А. Безгосударственные общества в эпоху государственности. III тысячелетие до н.э. — II тысячелетие н.э.: Монография. Омск, 2006. 375 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21.

О различных теориях происхождения государственности см. литературу по истории политических и правовых учений в теме 1.

По проблемам исторического развития государственности, ***типологии государства*** см.:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. М., 1999. 956 с.

Гуревич Н. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.

Ермошин В. В. Философия истории и государство // Государство и право. 2005. № 10. С. 21—27.

Звонарева О. С. О цивилизационном подходе в теории государства и права // Правоведение. 2003. № 4. С. 173—180.

Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской — к духовно-экологической цивилизации // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1999. № 6. С. 3—25.

Коряков В. П. Опыт цивилизационного подхода к истории государства и права: Учеб. пособие. М., 2000. 60 с.

Косарев А. И. О закономерностях развития в истории государства и права // Государство и право. 2007. № 4. С. 10—17.

Косицын А. П. Государство, рожденное Октябрем. М., 1987. 320 с.

Кулиев М.-П. Р. Развитие права, общества и государства: проблемы теории и практики. М., 1997.

Мартышин О. В. Революция и развитие российской государственности // Государство и право. 2007. № 11. С. 79—88.

Петров В. С. Тип и формы государства. Л., 1967. 120 с.

Рожкова Л. П. Принципы и методы типологии государства и права. Саратов, 1984. 116 с.

Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / Под ред. В. В. Ильина. М., 1997.

Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулин А. Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ: Монография. СПб., 2001. 208 с.

Сигалов К. Е. Проблемы периодизации исторического процесса: формационный и цивилизационный подходы: Лекция. М., 1998.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.

Тойнби А. Д. Постижение истории. М., 1991.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002. 669 с. (рецензия: Рябчун Н. П. Метаморфозы власти постиндустриального общества // Государство и право. 2002. № 11. С. 132—133).

Ушаков А. А. О понятии исторического типа государства и права // Правоведение. 1983. № 5.

Формация или цивилизация // Вопросы философии. 1989. № 10.

Хабибулин А. Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. СПб., 1997. 305 с.

Специальные работы по ***типологии права*** (см. и литературу по типологии государства):

Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1994. 592 с.

Дамирли М. А. К новой концепции исторического познания права // Правоведение. 2003. № 3. С. 159—169.

Лейст О. Э. Сущность и исторические типы права // Вестник Московского университета. 1992. № 1. (Сер. 11 «Право»).

Рожкова Л. П. Принципы и методы типологии государства и права. Саратов, 1984. 116 с.

Рулан Н. Историческое введение в право: Учеб. пособие. М., 2005. 672 с.

Ушаков А. А. О понятии исторического типа государства и права // Правоведение. 1983. № 5.

См. также:

Петров И. В. Государство и право Древней Руси, 590—980 гг. СПб., 2003. 412 с.

Право в средневековом мире. М., 1996.

Юдовская А. Я. Эволюция права в государствах Европы и Америки (XVII—XIX вв.). СПб., 1996.

В связи с осмыслением процесса исторического развития права проблема ***преемственности в праве*** исследовалась в следующих работах:

Бабаев В. К. О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 102—107.

Литвинович Ф. Ф. Преемственность в праве. Вопросы теории. Уфа, 2003. 82 с.

Наконечная Т. В. Преемственность в развитии советского права. Киев, 1987. 104 с.

Неновски Н. Преемственность в праве. М., 1977.

Преемственность и новизна в государственно-правовом развитии. М., 1996. 41 с. (Сер. «Новое в юридической науке и практике»).

Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 42—48.

Швеков Г. В. Преемственность в праве: Науч.-теоретич. пособие. М., 1983. 184 с.

На развитие государственности в начале XXI в. влияет фактор ***глобализации***, см.:

Айбазов Р. У. Конституция и управление федеральным строительством России в условиях глобализации. М., 2005. 299 с.

Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М., 2003. 150 с.

Воздействие глобализации на правовую систему России / С. В. Полена, О. А. Гаврилов, Н. П. Колдаева и др. // Государство и право. 2004. № 3. С. 5—15.

Глобализация и развитие законодательства. Очерки / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004. (рецензия: Фролов Г. М. Глобализация и развитие законодательства) // Журнал российского права. 2004. № 11).

Егоров А. В. Правовая интеграция и ее содержание // Государство и право. 2004. № 6. С. 74—84.

Зорькин В. Д. Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 3—8.

Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8. С. 87—94.

Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002. 368 с. (рецензия: Мысливченко А. Г. // Государство и право. 2003. № 8. С. 117—118).

Косарев А. И. Великая модернизация глобализма. М., 2004. 300 с.

Кочетков Э. Г. Глобалистика: теория, методология, практика: Учеб. пособие. М., 2002. 672 с.

Кочетков Э. Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 88—97.

Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2002. 262 с. (рецензия: Абашидзе А. Х. // Государство и право. 2001. № 10. С. 113—115).

Лукашук И. И. Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4.

Лукашук И. И. Глобализация и право // Государство и право. 2005. № 12. С. 112—115.

Лукьянова Е. Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. 2004. № 7. С. 84—89.

Лунеев В. В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10. С. 26—41.

Любашиц В. Я. Современное государство в глобализирующемся мире: Проблемы теории // Правоведение. 2004. № 4. С. 203—221.

Мартышин О. В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4. С. 9—17.

Нерсесянц В. С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 38—47.

Поленина С. В., Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3. С. 5—15.

Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (Обзор материалов «круглого стола») / Н. В. Щербакова и др. // Государство и право. 2004. № 11—12.

Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / Отв. ред. С. В. Поленина. М.: Формула права, 2006. 558 с. (рецензии: Плигин В. Н. // Государство и право. 2007. № 7. С. 122—123; Исаков В. Б. // Правоведение. 2007. № 2. С. 245—247).

Теоретические и практические аспекты развития правовой системы РФ в условиях глобализации / С. В. Поленина и др. // Государство и право. 2005. № 12. С. 5—12.

Шахрай С. М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты: Монография. СПб., 2003. 174 с.

Шахрай С. М. Глобализация. Государство. Право: теоретико-методологические проблемы: вопросы теории и практики: Монография. М., 2003. 413 с.

Шахрай С. М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М., 2002. 261 с.

РАЗДЕЛ II

Теория государства

ГЛАВА 3 Понятие государства

3.1. Понятие и признаки государства

Что такое государство? Какой ответ на этот вопрос может дать человек, не обладающий специальным гуманитарным образованием (философским, социологическим, политологическим, юридическим)? Прежде всего с этим понятием ассоциируются названия различных государственных органов, персонифицирующих собой государство, представляющих государство, — парламент, правительство, президент и т.д. Необходимость существования государства в лице его многочисленных органов, должностных лиц вызывается в первую очередь потребностью в управлении такой весьма сложной организацией, как человеческое общество.

Государство — это организация, обладающая верховной политической властью на определенной территории.

Поясним данное определение, разъясняя подробнее признаки государства, которые отличают последнее от иных организаций.

Государство представляет собой особую *политическую публичную власть*, не сливающуюся с обществом, отделенную от общества. Государственная власть осуществляется органами, которые занимаются только управлением. Противоположность этой власти — власть общественная, реализация которой характеризуется отсутствием специальных публичных учреждений. Здесь управление обществом или социальной группой осуществляется при помощи институтов, находящихся внутри общества или группы, а не стоящих извне; таким образом, можно говорить не столько об управляющем воздействии, сколько о самоуправлении. Слоя профессиональных управленцев не было, например, в первобытном обществе.

Поскольку государство выражено в органах, которые занимаются только организацией общественной жизни и сами ничего не производят, оно имеет право на сбор денежных средств с населения. Различные налоги, сборы, займы идут на содержание государственного аппарата и экономическое обеспечение политики. Данная характеристика государства производна от его понимания как публичной власти, однако в теории государства и права еще с прошлых лет сложилась традиция указывать право на сбор налогов в числе основных признаков государства. Это право и соответствующая ему обязанность нашли свое отражение и в конституциях современных государств (например, ст. 57 Конституции РФ).

Власть государства *распространяется на определенную территорию*, в отличие, например, от власти, существовавшей в первобытном обществе. Последняя распространялась на всех членов рода вне зависимости от их места нахождения. То же самое можно сказать в отношении власти самых различных общественных организаций, объединяющих людей по идеологическим, религиозным, профессиональным признакам, а не по территориальному.

Государство обладает *суверенитетом*. Суверенитет — это верховенство власти внутри страны и независимость ее вне страны. Суверенная власть понимается как власть верховная, независимая, неделимая, неотчуждаемая, всеобщая. Суверенитет — это одна из характеристик власти, которой обладает государство. Суверенность власти государства означает ее верховенство и независимость по отношению к властям всех лиц и организаций, находящихся как в пределах, так и за пределами территории государства. Из этих двух признаков, составляющих суверенитет, долгое время говорили в основном о втором, о независимости, неподчинении государства как суверена любому надгосударственному образованию или другому государству.

Суверенитет государства выражается в: самостоятельности принятия решений в области внутренней и внешней политики, распространении государственной власти на всю территорию страны, общеобязательности решений органов государства для всех, кого они касаются (т.е. в универсальности — часто используют именно такой термин), возможности отмены решений иных властей (т.е. в прерогативе).

С юридической точки зрения суверенитет проявляется:

- в исключительном праве на издание законов, других нормативных актов, правоприменительных актов, обязательных для всех граждан, организаций и учреждений;

■ исключительном праве на законное применение силы (в том числе физического насилия, которое возможно от кратковременного ограничения свободы до лишения жизни). Для этого у государства имеются соответствующие органы — суд, прокуратура, армия, полиция, служба безопасности.

Вокруг понятия «суверенитет» всегда велись острые дискуссии, которые имели не только теоретическую, но и практическую направленность, поскольку различные аспекты проблемы суверенности государства нередко использовались для обоснования или оправдания того или иного политического курса.

Вот отдельные дискуссионные вопросы, связанные с категорией «суверенитет».

Суверенитет — это действительно ничем и никем не ограниченная, абсолютная власть (а это следует из определения), или же все-таки есть ей какие-то пределы? Следует иметь в виду, что наиболее распространенное в настоящее время понимание суверенной власти предполагает ее ограниченность.

По мнению Б. С. Эбзеева, «категорический императив» современности заключается в том, что права государства не могут быть выше прав человека. Ортодоксальная приверженность к абсолютизации суверенитета, культ независимости и верховенства государства способствуют формированию тоталитарного государственного мышления и тоталитарной политической системы, исключающей свободы и реальные права личности. По замечанию основателя Римского клуба А. Печчеи, в век «глобальной империи человека» именно государственный суверенитет является главным препятствием на пути к его спасению (см.: Хабриева Т. Я. Теоретические проблемы современного российского конституционализма (Научно-практический семинар) // Государство и право. 1999. № 4. С. 115; Печчеи А. Человеческие качества. М., 1977).

Кому принадлежит суверенитет в федеративных государствах — федерации в целом или субъектам федерации? (Ответ на этот вопрос см. в параграфе 6.3).

Само понятие «суверенитет» стало употребляться в последнее время в разных значениях. Так, единый суверенитет (а это неделимая власть) разделяют и говорят о суверенитете экономическом, финансовом и т.д. В качестве субъектов суверенитета называют личность, народ, нацию, различные административно-территориальные единицы (например, крупные города), желая этим подчеркнуть, например, приоритет интересов личности, изначальную принадлежность власти народу (есть даже теория «народного суверенитета»), независимость органов власти и управления административно-территориальных единиц при решении вопросов местного значения и т.д. Таким образом, термин «суверенитет» в последнее время стал пользоваться особой популярностью, им обозначают в общем-то сходные, но все же различные понятия. Здесь, однако, необходимо иметь в виду то обстоятельство, что сам термин был введен в научный оборот прежде всего для характеристики власти государства.

В число обязательных признаков государства можно включить также его назначение: этот признак очень часто находит выражение в определении рассматриваемого явления. Государство необходимо для *управления обществом*, это специфическая форма организации общественной жизни.

Обобщая признаки государства, говорят о том, что государство представляет собой *политическую, структурную* и *территориальную* организацию (см.: Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства / Под ред. А. Б. Венгерова. С. 74—82).

Специфика гуманитарного знания вообще и юридического в частности такова, что на очень многие проблемы не существует единой точки зрения, к осмыслению одних и тех же проблем предлагаются самые разные подходы. Понимание государства здесь не исключение — в научной и учебной литературе можно встретить различные определения данного явления.

Следующие среди них заслуживают внимания: «Государство — это организация политической власти, необходимая для выполнения как сугубо классовых задач, так и общих дел, вытекающих из природы всякого общества» (Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 42). «Государство — это особая организация публичной, политической власти господствующего класса (социальной группы, блока классовых сил, всего народа), располагающая специальным аппаратом управления и принуждения, которая, представляя общество, осуществляет руководство этим обществом и обеспечивает его интеграцию» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 46).

Несмотря на некоторые отличия, приведенные определения в целом лежат в одном русле, поскольку понимание государства ограничивается здесь указанием прежде всего на публичные учреждения — государственные органы. Данные определения можно свести в одну группу и условно назвать *политико-юридическим* пониманием государства.

Однако существует и иное понимание такого феномена, как государство, также весьма условно его можно именовать *социологическим*. С этой точки зрения государство представляет собой не столько стоящую над обществом совокупность различных учреждений, не столько особый слой людей, осуществляющий управленческие функции, сколько организацию, ассоциацию всех членов общества, которые объединяются в единое целое при помощи политических, управленческих процессов и отношений. Еще раз повторим: государство — это специфическая форма организации социальной жизни. Иной формы организации, кроме государственной, человеческое общество, находящееся на определенном уровне развития (сложноорганизованное общество), не знает.

Представленная научная позиция дает более глубокое понимание феномена государства. Государство — это не только и не столько особый аппарат управления обществом, сколько организация, интегриру-

ющая социально дифференцированное общество для сохранения его существования и обеспечения наилучшего дальнейшего развития.

Зачатки такого понимания государства обнаруживаются еще в философских концепциях древнегреческих и древнеримских мыслителей. Так, к примеру, в трактовке Цицерона государство предстает не только как выражение общего интереса всех его свободных членов, что было характерно для древнегреческих концепций, но одновременно и как согласованное правовое общение этих членов, как определенное правовое образование, общий правопорядок (см: История политических и правовых учений: Учеб. / Под ред. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. С. 84). В последующем именно такое понимание государства получило дальнейшее развитие. Более того, если мы будем рассматривать историю развития представлений о государстве, то увидим, что социологическое понимание государства является более распространенным, чем политико-юридическое. И. Кант определял государство как объединение множества людей, подчиненных правовым законам. «Государство — обладающее первичной господствующей властью союзное единство оседлых людей» (Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 131). По мнению Л. Дюги, «слово "государство" означает всякое человеческое общество, в котором существует политическая дифференциация между правящими и управляемыми, т.е. политическая власть» (Дюги Л. Конституционное право: Общая теория государства. М., 1908. С. 25).

Социологическое понимание государства получило распространение и в русской дореволюционной литературе. «Государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства» (Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1902. С. 27). «Государство — это союз свободных людей, живущих на определенной территории и подчиняющихся принудительной и самостоятельной верховной власти» (Хвостов В. М. Общая теория права. М., 1914. С. 15). «Государство — это союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью» (Тихомиров Л. А. Монархическая государственность (переиздание). СПб., 1992. С. 31). Примерно такое же понимание государства как объединения людей под одной властью и в пределах одной территории мы находим у многих ученых-юристов дореволюционной России (Ф. Ф. Кокошкина, Г. Ф. Шершеневича и др.). Подробнее о различных вариантах понимания государственности в истории политико-правовой мысли см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень Т. 1. С. 151—192.

Таким образом, можно говорить не столько о государстве как об аппарате власти, сколько о государственно организованном обществе. Изучая государство, его нельзя отрывать от общества, можно лишь в некоторой степени абстрагироваться; государство без общества не существует. Очень часто, давая определение государства с социологи-

ческих позиций, указывают на такой обязательный его признак, как население, и выводят триаду: *население, территория, власть*. Подобный подход, уходящий корнями к Аристотелю, в настоящее время популярен за рубежом среди юристов, философов, социологов, политологов.

Социологическое понимание государства мы находим в современной работе Э. А. Позднякова: «Государство есть форма человеческого общежития, совместного бытия людей как существ общественно-политических. Как таковое государство представляет собой тотальность или целостную органическую систему, живущую в соответствии с особыми присущими ей законами (как общими, свойственными системам такого рода, так и особенными, обусловленными конкретной культурно-цивилизационной спецификой). Государство есть целое; из него нельзя вычленить какую-то отдельную, хотя и в высшей степени важную сторону, будь то государственное устройство, экономика, право, система нравственности и т.д., и рассматривать ее вне органической связи с другими, сводить все к ней. Отвлекаясь от материальной основы (территория, природные ресурсы, местоположение, климат и прочие физические характеристики), государство есть органическая система, организованная на началах определенного порядка, в который включается публичная власть и органы управления, право и правовой порядок, обычаи и духовно-нравственные ценности и нормы, то есть все то, что объединяет людей в едином общежитии, поддерживает их совместное существование, регулирует их поведение и сохраняет общность в виде нерасчленимой целостности» (см.: Поздняков Э. А. Философия государства и права. М., 1995. С. 39). «Государство, следовательно, — это единство общества и власти, или общества и соответствующего государственного устройства», заключает автор (там же. С. 96).

Следует иметь в виду и то, что два изложенных выше подхода не исчерпывают многообразия пониманий государства (см., например: Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 25; Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государствоведения. М., 1994. С. 6—13).

Заметим, однако, что в теории государства и права при рассмотрении самых общих проблем государственности, при изложении последующих тем по теории государства обычно используется исключительно *политико-юридическое* понимание государства.

3.2. Сущность государства

В качестве одной из философских категорий *сущность* — это совокупность наиболее важных, устойчивых свойств, определяющих самые необходимые глубинные связи и отношения предмета, явления, от которых зависят все их остальные свойства и признаки. Таким образом, проблема сущности государства — это проблема определения самой важной его характеристики.

Вопрос о сущности государственно-правовых институтов всегда являлся традиционным для марксистско-ленинской теории государства и права. Он раскрывался со многими отсылками к произведениям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина следующим образом.

Опираясь на принцип материального единства мира, марксистско-ленинская теория установила, что государство принадлежит к области общественных явлений. Следовательно, для научного понимания его природы необходимо исследование структуры общества, к которой принадлежит государство как составная часть политико-юридической надстройки. Классики марксизма-ленинизма доказывали, что возникновение, существование и развитие любого государства связано с классовым обществом, а процесс его отмирания — со становлением бесклассовой, социально однородной структуры общества. Сущность государства определяют классовая структура общества, господство тех или иных классов в данной системе общественных отношений и, следовательно, создание ими государства как орудия своего господства. В эксплуататорском обществе сущность государства обуславливается антагонистическими противоречиями между экономически господствующим и эксплуатируемым классами. В обществе, переходном от капитализма к социализму, сущность государства определяется антагонизмами между свергнутыми и победившими классами, а также содружеством всех трудящихся масс, а в социалистическом обществе сущность государства состоит в союзе рабочих, крестьян и интеллигенции.

Экономические, классовые и идеологические факторы, обусловливающие сущность государства, определяют и его основное социальное назначение — регулирование общественных отношений в интересах экономически господствующего класса. Система политического господства классов в обществе с антагонистическими отношениями охватывается понятием диктатуры, т.е. подчинения деятельности всего населения интересам экономически господствующего класса. Таким образом, сущность эксплуататорского государства составляет диктатура экономически господствующего класса.

Популярностью пользовались определения государства, взятые из работ В. И. Ленина: «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса», или «Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 24; Т. 39. С. 73).

Таким образом, в государстве в классовом обществе теоретически видели прежде всего орудие классового господства и лишь затем — аппарат общесоциального управления, необходимый для организации общественной жизни.

Сущность, т.е. главная, определяющая характеристика любого предмета, явления, процесса, созданного или используемого человеком, обычно связывается с его *назначением*, со способностью удовлетворять те или иные потребности человека. С этих позиций *сущность государства состоит в его социальном назначении,*

а именно: регулировать общественные отношения, управлять обществом. Для продолжения существования человеческого общества необходимо обеспечивать постоянное производство и воспроизводство общественной жизни, что достигается наличием социального управления. Назначение государства как особой организации власти заключается в управлении процессами реализации стоящих перед обществом задач. Государственное управление — это целенаправленное воздействие государства на систему общественных отношений с целью их упорядочения и планомерного развития. Для сущностной характеристики государства иногда используют категорию «ценность государства»; ценность государства состоит в его реальной способности направлять общественное развитие.

Практически все проблемы теории государства прямо или косвенно связаны с категорией «сущность государства». Некоторые из них будут рассмотрены в настоящем параграфе, другие — в следующих темах по теории государства.

В чьих интересах государство осуществляет свою управленческую деятельность?

В каких пределах государство осуществляет свою управленческую деятельность?

В каких направлениях государство осуществляет свою управленческую деятельность? (см. тему «Функции государства»).

Какими методами, способами государство осуществляет свою управленческую деятельность? (см. параграф 6.4).

На каких принципах базируется управленческая деятельность государства? (см. параграф 5.2).

Каким образом создаются высшие органы государства, каким образом распределяется их компетенция? (см. параграф 6.2).

Какова территориальная организация государственной власти? (см. параграф 6.3).

С точки зрения отражения в управленческой деятельности определенных интересов в современной теории государства и права принято различать две стороны в сущности государства, поскольку управление обществом может осуществляться государством как в интересах всего общества, так и в интересах отдельных лиц либо социальных групп, стоящих у власти. Поэтому говорят о том, что с одной стороны государство есть особая организация власти, которая выступает в качестве инструмента организации жизни общества, средства управления им с учетом прежде всего общественных интересов. С другой стороны, государство служит орудием насилия в руках меньшинства для подавления большинства населения (например, эксплуатируемых классов), является средством

реализации интересов относительно немногочисленных социальных групп, которым принадлежит экономическая или политическая власть. Эти две стороны сущности *в различных сочетаниях* присутствуют во всех государствах, как существующих в настоящее время, так и когда-либо существовавших в истории человечества. Марксистско-ленинская юридическая наука абсолютизировала момент насилия в управленческой деятельности государства, предлагала не вполне адекватное его понимание.

Говоря о возможности осуществления управленческой деятельности или в интересах общества в целом, или в интересах отдельных социальных групп, ученые предлагают и разные варианты возникновения государственности. Так, одни утверждают, что к государственно организованному обществу почти везде люди пришли первоначально прежде всего в целях удовлетворения своих общих интересов (защита от нападений извне, необходимость постройки и поддержания в надлежащем состоянии крупных ирригационных сооружений и т.д.), государство возникло как организация, управляющая обществом для сохранения его существования и дальнейшего развития. Затем, с постепенным расслоением общества и возникновением классов, государство свою деятельность в той или иной степени подчиняет интересам экономически и политически господствующего класса. Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой государство возникает именно как аппарат насилия, находящийся в руках имущих для подавления эксплуатируемых слоев населения.

Еще одна самостоятельная проблема, связанная с сущностью, с социальным назначением государства, — определение *пределов управляющего воздействия* государства на общественные отношения. Абсолютно все стороны функционирования человеческого общества должны находиться под контролем государства, или же публичная власть должна ограничивать свое вмешательство в общественные отношения? И в науке, и в практической государственной деятельности известны два крайних варианта разрешения данной проблемы. С одной стороны, существуют различные концепции тоталитарного государства — государства, которое абсолютно все старается держать под своим контролем. С точки зрения той же марксистско-ленинской юридической науки государство является главным орудием построения коммунистического общества и сфера его управляющего воздействия должна распространяться на все общество (впрочем, это сочеталось с идеями о необходимости развития самоуправления народа — ведь в коммунистическом обществе места государству не находилось). С другой стороны, есть и теории, имеющие противоположную направленность, к примеру, так называемая концепция государства — «ночного сторожа». Эта основанная на либерализме концепция допускала только охрани-

тельные функции государства; государство — «ночной сторож» — не вмешивается ни в экономику (здесь единственный регулятор — рынок), ни в частную жизнь граждан.

Как правило, границы деятельности государства признаются широкими или узкими в зависимости от того, чьи интересы — личные или общественные — являются приоритетными. Индивидуалистическое общество, общество которое признает в первую очередь ценности либерализма — личную свободу каждого и частную собственность — ограничивает вмешательство государства в жизнь граждан. Общество, объявляющее главными прежде всего общие, коллективные идеи, напротив, предполагает большой простор для государственной деятельности (см.: Лазарев В. В. Теория государства и права (актуальные проблемы): Учеб. пособие. М., 1992. С. 87—88).

Для уяснения пределов деятельности государства следует рассмотреть понятие *гражданского общества*. Гражданское общество — фундаментальная категория, исследованию которой, к сожалению, в отечественных гуманитарных науках должного внимания долгое время не уделялось. Гражданское общество можно определить как многообразие общественных отношений — экономических, социальных, культурных, идеологических, религиозных, моральных — не опосредованных политической деятельностью государства. Это понятие помогает раскрыть сущность государственно-правовых явлений, осознать пределы государственной деятельности. Государство не должно быть слабым и пассивным, как и не должно быть всевластным и возвышающимся над обществом. Необходимо сильное государство, осознающее вместе с тем пределы своего вмешательства в жизнь общества и регулирующее не все общественные отношения, а лишь наиболее важные с точки зрения интересов существования и развития общества.

Пределы государственного воздействия — одна из сложных и недостаточно изученных проблем теории государства.

3.3. Государственная власть

Одна из основных категорий, которая используется при характеристике государства как явления — это *власть*. В самом общем смысле власть можно определить как способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств: воли, авторитета, права, насилия и т.д. Суть власти состоит в реальной возможности властвующих подчинять своей воле подвластных.

В перечисленных выше признаках государства почти все характеристики — это характеристики государства как организации, обладающей властью (публичной, территориальной, суверенной). Государственная власть — это разновидность социальной власти, воплощающаяся в государственно-правовых институтах и предназначенная для организации управления обществом. Государство и право — это такие социальные институты, которые организационно оформляют государственную власть, делают ее постоянно функционирующей и обязательной. Государственная власть осуществляется через государственные органы в правовых формах.

Теоретические проблемы государственной власти, которые находят отражение в научной и учебной литературе, примерно таковы: понятие социальной и государственной власти, специфика и назначение последней, соотношение понятий «государственная власть» и «политическая власть»; субъекты и объекты государственной власти, властеотношения; методы осуществления государственной власти, особенности осуществления государственной власти в советское и постсоветское время; механизм осуществления государственной власти, соединение и разделение властей; легитимность государственной власти. Какие-то аспекты перечисленных проблем уже рассмотрены, многое рассматривается в последующих темах учебного курса, причем следует отметить, что к ряду вопросов в силу их объективной сложности в учебной литературе могут быть даны лишь самые общие подходы. В данном параграфе ниже рассматриваются проблемы легитимности государственной власти и общие положения теории разделения властей.

Проблема легитимности власти именно в такой терминологии была впервые поставлена немецким ученым М. Вебером, научная и политическая деятельность которого относится к последним десятилетиям XIX — первым десятилетиям XX в. По его мнению, легитимность всякого порядка, в том числе и государственно-правового, может быть гарантирована только внутренней мотивацией людей. То есть те, кто находится под господством, должны внутренне признавать авторитет находящихся у власти. М. Вебер выделяет три вида внутренних оснований легитимности, отмечая, что в чистом виде они встречаются достаточно редко.

Первым, традиционным основанием легитимности власти является авторитет «вечно вчерашнего», авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение. Это *«традиционное» господство*, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа, оно основано на вере в священность издревле существующей власти.

Вторым основанием легитимности является авторитет необычайного, полученного свыше личного дара (харизма), который вызывает у подчиняющихся полную личную преданность и личное доверие. Это *харизматическое господство*, осуществляемое пророком, а в политической области — выдающимся князем или военачальником, выдающимся политическим или партийным лидером. Преданность харизме пророка, или военачальника, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. В отличие от традиционного типа легитимного господства, который основан на привычке, на святости древних установлений, харизматический тип предполагает необычные, ранее в таком виде не проявлявшиеся выдающиеся качества вождя.

Третьим видом является *господство в силу* законности получения власти в соответствии с установленными *рационально обоснованными правилами*. Это господство в том виде, в каком его осуществляют современные носители государственной власти. Оно является обезличенным, в противоположность этому предыдущие типы легитимности предполагали подчинение конкретной личности, имеющей право на господство или в силу сложившегося порядка, или в силу необычайных качеств. В основе рационального господства положено формально-правовое начало, здесь исполняются требования не личности, а законов.

Размышления М. Вебера о типах легитимности государственной власти весьма актуальны и в методологическом, и в теоретическом аспектах. Разработанный инструментарий может быть использован при исследовании как исторических, так и современных вопросов государственно-правового характера. В частности, проблема делегитимации государственной власти на протяжении XX в. неоднократно становилась сверхактуальной для России. Представляют ценность и наблюдения о соотношении и взаимопроникновении типов легитимности государственной власти. Так, в харизматической легитимности идея о призвании к политическому руководству находит свое высшее выражение, она может дополнять традиционную и рациональную легитимность власти или противостоять им.

Разделение властей — один из основных принципов организации власти в современных государствах. Его теоретическое обоснование связано прежде всего с учеными Нового времени Дж. Локком и Ш. Л. Монтескье (хотя сама идея имеет очень давнюю историю), а практическое осуществление — с периодом буржуазных революций.

Содержание теории разделения властей состоит в следующем. Вся полнота власти не может находиться в руках одного человека или одного органа. Если же такое происходит, неизбежны злоупотребления властью, нарушения прав человека и тому подобные негативные явления. Поэтому необходимо разделение всей государственной власти на несколько составляющих (на несколько ветвей), ее распределение по различным органам, с тем чтобы ни один орган не обладал всей полнотой власти. Следует отметить, что в период буржуазных революций смысл разделения властей виделся в распределении полномочий между дворянством и буржуазией. В соответствии с классическим вариантом теории разделения властей выделяют три ветви власти.

Законодательная власть. Она необходима для издания законов, в которых содержатся нормы права, призванные регулировать наиболее важные общественные отношения. Вся деятельность иных государственных органов и правовое поведение граждан должны носить сугубо подзаконный характер. Законодательная власть должна принадлежать коллегиальному выборному (формируемому народом) органу. Собирательное название органа законодательной власти — *парламент*, а лиц, его составляющих, — *депутаты*.

Исполнительная власть. Она предназначена для исполнения законов, издаваемых органами законодательной власти. Во исполнение законов ей предоставлено право активных действий, а также право принятия подзаконных нормативных актов. Собирательное название органов исполнительной власти — *правительство*, оно также в различных странах имеет разные названия (наиболее распространенные — совет министров или кабинет министров). Главой исполнительной власти может быть монарх, президент или глава правительства — премьер-министр, в зависимости от формы правления государства. С учетом этого же обстоятельства происходит и формирование органов исполнительной власти. Монарх получает свою должность по наследству; президент избирается непосредственно народом, или коллегией выборщиков (США), или парламентом, или иными органами; члены правительства назначаются монархом, президентом или избираются парламентом. Существуют также государства, где в формировании правительства принимают участие и президент (монарх), и парламент.

Названия органов законодательной власти в различных государствах крайне разнообразны: Федеральное собрание в России; Парламент — в Англии, Италии, Канаде; Конгресс в США, Федеральное собрание в Австрии, Палата депутатов в Греции, Люксембурге, Собрание республики в Португалии, Генеральные кортесы в Испании; Генеральные штаты в Нидерландах,

Фолькетинг (Дания), Альтинг (Исландия); Стортинг (Норвегия), Эдускунт (Финляндия), Рикстаг (Швеция). Органы исполнительной власти именуются, как правило, советом или кабинетом министров или же просто правительством, в Финляндии, однако, правительство называется Государственным советом, а в Швейцарии — Федеральным советом.

Судебная власть. Она необходима для осуществления правосудия, разрешения возникших в обществе споров, наказания лиц, совершающих противоправные поступки. Судебная власть принадлежит специально созданным для этого органам — судам. И она должна принадлежать только судам, должна осуществляться только судьями, должна быть независимой. В этом состоит гарантия против произвольных действий инстанции, которая назначает наиболее серьезные — уголовные — наказания и которая является конечной для рассмотрения всех споров. В качестве такой же гарантии выступает осуществление судебной власти только в определенных процедурах, причем здесь их значение выше значения процедур в иных сферах правовой деятельности. Поэтому во многих государствах приняты гражданско-процессуальный, уголовно-процессуальный, иные процессуальные кодексы.

Говоря о характере *взаимоотношений* между этими тремя властями, можно обратить внимание на два основных момента:

1. Необходимо такое распределение полномочий, при котором создается механизм сдержек и противовесов для предотвращения злоупотреблений властью.
2. Необходимо и сотрудничество между властями в целях достижения максимальной эффективности в управлении обществом. Если же различные ветви власти будут лишь бороться друг с другом, только сдерживать друг друга, это самым негативным образом скажется на качестве деятельности государства, значительно ослабит его.

Эти два положения — суть теории разделения властей, но об этом нередко забывают, акцентируя внимание только на механизме сдержек и противовесов. Известен и является достаточно распространенным принципиально иной взгляд на рассматриваемую концепцию, в соответствии с которым разделение властей есть не что иное, как простое разделение труда. Об этом писали, в частности, классики марксизма-ленинизма, имея в виду безраздельную принадлежность власти в капиталистических государствах буржуазии.

Среди современных авторов прежде всего о единстве государственной власти говорит Э. А. Поздняков: «Подобно тому, как верховная власть едина и неделима по своему принципу и не может быть сочетанием различных принципов, точно так же она неразделима и в своих главных проявлениях. Проявление верховной государственной власти может быть троякое: 1) законодательное; 2) исполнительное; 3) судеб-

ное. Эти проявления верховной власти выражают работу одной и той же, а не разных сил и принципов. Если представить себе государство, в котором существуют три независимые власти, из которых одна создает законы, но бессильна заставить суды и администрацию исполнять их; другая судит как ей вздумается, но бессильна как в передаче своего опыта в законодательство, так и в принуждении администрации привести в исполнение свои постановления и приговоры; третья же действует совершенно независимо от первых двух, — то мы получили бы полную картину сумасшедшего дома, которую, кстати, некоторые наши теоретики-правоведы хотели бы видеть в России. Отсюда ясно, что законодательная, судебная и исполнительная власти имеют смысл только как проявления одной и той же силы, которая в законодательной сфере устанавливает некоторые общие нормы, а суд и администрация принимают их к исполнению и применяют к частным случаям» (Поздняков Э. А. Философия государства и права. М., 1995. С. 168—169).

Таким образом, с учетом поправок, внесенных в теорию разделения властей в XIX—XX вв., она требует не столько действительного разделения, сколько *баланса* различных властей. Кстати говоря, величайшую заслугу отцов-основателей Конституции США часто видят в создании именно такого баланса; в горизонтальном и вертикальном распределении полномочий, не допускающим, с одной стороны, узурпацию власти каким-либо органом, а с другой — ослабления единой власти государства в целом.

Упомянув о возможности разделения власти и по вертикали, нельзя не коснуться существа данной проблемы. Обычно говорят лишь о необходимости разделения верховной государственной власти на различные составляющие, т.е. о горизонтальном распределении полномочий в пределах одного, высшего уровня. Однако существует важнейшая проблема, в рамках теории разделения властей исследованная, к сожалению, недостаточно: вертикальное распределение полномочий между высшими и местными органами государства, между высшими органами федерации и высшими органами субъекта федерации. Возможно, изучение данного вопроса позволит углубить понимание теории разделения властей в целом.

Существуют и иные модификации теории разделения властей.

Иногда выделяются только две власти: законодательная и исполнительная, без характеристики судебной власти в качестве самостоятельной. Такую точку зрения аргументируют следующим: суды действуют также на основе законов, принимаемых законодательной властью, поэтому судебные органы — это тоже органы исполнительной власти. Говорить о самостоятельной судебной власти нет оснований.

Наиболее распространенные современные варианты — добавление к указанным трем властям четвертой власти (а иногда и пятой, шестой властей). Так, в конституциях различных государств можно

встретить упоминание о *контрольной* или о контрольно-надзорной власти, или же о соответствующих органах, не входящих в структуру органов законодательной, исполнительной или судебной власти.

Там, где существует должность президента, наделенного значительными полномочиями и именуемого главой государства (но не главой исполнительной власти), таким образом, не входящего в структуру ни одной из властей, есть определенные основания говорить об особой *президентской* власти. Подобные суждения уже высказываются в литературе (см., например: Конституция Российской Федерации: Комментарий. М., 1994. С. 395). В связи с этим можно предположить возможность уточнения классического варианта теории разделения властей.

В федеративных государствах иногда дополнительно различают власть федерации, представленную всеми ее органами (здесь прежде всего имеются в виду особые полномочия федеральных органов в целом в отношении органов субъектов федерации как самостоятельных государств), и власть каждого из субъектов федерации. В свое время еще Дж. Локк выделял законодательную, исполнительную и федеративную власть, однако последняя в его трактовке выглядела иначе: «...сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства», федеративная власть «включает в себя руководство внешней безопасностью и интересами общества в отношениях со всеми теми, от кого оно может получить выгоду или потерпеть ущерб» (Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 348).

Иногда говорят о *материальной* власти, воплощенной в так называемых «материальных придатках» государства, в «силовых» государственных органах.

Избирательная власть. Она принадлежит народу, а точнее, гражданам, обладающим избирательным правом, так называемому избирательному корпусу. Эта власть проявляется на выборах представительных органов государства. Разновидность избирательной власти — учредительная власть. Это та же избирательная власть, но только не в стабильный период развития общества, а в «переломное», «переходное» время, когда ликвидирован старый государственный строй и необходимо определить основные принципиальные черты нового, учредить его (например, принять новую конституцию в послереволюционное время).

Политическая власть. Эта власть принадлежит организациям, специально созданным для того, чтобы бороться за обладание властью государственной — политическим партиям.

Четвертой властью нередко называют власть средств массовой информации, поскольку они оказывают огромное влияние на принятие политических решений народом, с ними вынуждены считаться и властные структуры государства, и политические партии. Поэтому ведется борьба и за обладание этой властью. Впрочем, выделение средств массовой информации в качестве самостоятельной власти носит метафорический, ненаучный характер, так как в теории разделения властей речь идет только о государственном аппарате. Научная теория разделения властей имеет смысл только применительно к государственному аппарату, и прежде всего — к его высшим органам.

«Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст. 10 Конституции РФ).

Об осмыслении проблем государственной власти, отношении к теории разделения властей и различных ее вариантах в истории политико-правовой мысли см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. Т. 1. С. 222—273.

Обзор специальной литературы по теме

Развитие теории государства в 1990-е гг. тесно связано с развитием науки конституционного права — как отечественного, так и зарубежных стран — и политологии. Данные дисциплины, предлагая описание и осмысление многообразных явлений государственно-политической жизни, способствуют становлению нового уровня теоретических знаний. Более того, следует отметить и то, что сейчас исследования конституционалистов и политологов являются определяющими для развития теоретических представлений о государственном аппарате, форме правления, форме государственного устройства, политическом режиме, политической системе общества и некоторых иных проблемах. Поэтому ниже в обзорах специальной литературы к темам по теории государства нередко указаны работы, написанные конституционалистами и политологами. Небезынтересный для теории государства материал содержится в учебной литературе по конституционному праву и политологии, к ней также возможно обращение при углубленной проработке соответствующих проблем, ссылки на нее имеются и в настоящем издании.

Для понимания многих общих проблем теории государства (эта тема и следующие) не утратила своего значения дореволюционная литература по государственному праву. Именно в рамках этой дисциплины и развивалась в основном теория государства в XIX — начале XX в. См., например, курсы А. С. Алексеева, В. М. Гессена, А. Д. Градовского, Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, Ф. Ф. Кокошкина, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского, Б. Н. Чичерина.

О ***понятии*** и понимании ***государства*** (см. и литературу ко всей теме):

Байтин М. И. О понятии государства // Правоведение. 2002. № 3. С. 4—15.

Евсеенко Т. П. О понятии «простого» государства в юридической науке // Правоведение. 2004. № 1. С. 196—201.

Кокорев Р. С. Понятие и характерные черты государства как субъекта международного права // Государство и право. 2005. № 12. С. 71—79.

Корнев А. В. Развитие теоретических взглядов на государство в отечественной науке: Лекция. М., 2000. 31 с.

Кошелев Д. А. Термин «государство» в национал-социалистическом германском праве, 1933—1945 // Правоведение. 2004. № 6. С. 169—176.

Манов Г. Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства: Сб. ст. М., 1993. С. 38—46.

Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб., М., 2002. 218 с.

Четвернин В. А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1997. 120 с.

Теоретические исследования ***власти*** как основной характеристики государства:

Авторханов А. Технология власти. М., 1991. 638 с.

Аралова Е. В. Концепция власти: социально-философский аспект: Лекция. М., 2004. 24 с.

Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972.

Байтин М. И. Политическая власть и государство // Теория политики (общие вопросы). Саратов, 1994.

Витченко А. М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982.

Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. 399 с.

Гармоза П. В. Власть как категория юридической науки // Государство и право. 2008. № 5. С. 82—85.

Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. 832 с.

Грин Р. 48 законов власти / Пер. с англ. М., 2005. 572 с.

Добролюбов А. И. Государственная власть как техническая система: о трех великих социальных изобретениях человечества. Минск, 1995. 239 с.

Желтов В. В. Теория власти: Учеб. пособие. Кемерово, 2005. 479 с.

Исаев И. А. Politica hermetica: скрытые аспекты власти. М., 2002. 413 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 575 с.

Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юрист, 2006. 478 с. (рецензия: Бобылев А. И. // Государство и право. 2006. № 7. С. 115—117).

Исаев И. А. Господство: очерки политической философии. М., 2008. 352 с.

Исаев И. А. Метафизика Власти и Закона: у истоков политико-правового сознания. М., 1998. 256 с.

Каптерев С. Е. Авторитет государственной власти и процессы трансформации в современной России: Монография. Н. Новгород, 2005. 605 с.

Кейзеров Н. М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1973.

Колдаев В. М. Государственная власть. Механизм государственной власти. М., 1993.

Кравченко В. И. Власть: особенности, проблемы, перспективы: Монография. СПб., 2000. 223 с.

Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

Лесков Л. В. Знание и Власть. Синергическая кратология. М., 2001. 100 с.

Лесников Г. П. Власть: ее формирование и реализация в России в пореформенный период. М., 1996.

Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Государственная власть: введение в общую теорию / Под общ. ред. А. В. Малько. Ростов н/Д., 2003. 296 с. (рецензия: Ветютнев Ю. Ю. // Правоведение. 2004. № 6. С. 231—233.

Малый А. Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 94—99.

Марченко М. Н. Проблема соотношения экономической власти бизнеса с политической властью государства в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 76—85.

Меньшиков В. В. Власть и властные отношения: теоретико-методологический аспект. Краснодар, 2005. 156 с.

Первушина В. Н., Змушко К. С. Метафизика власти: методологические истоки и подходы. М., 2006. 167 с.

Психология и психоанализ власти: Хрестоматия: Т. 1—2 / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 1999. 608, 576 с.

Рахимов Р. А., Хабибулин А. Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. 2000. № 2. С. 52—59.

Тиковенко А. Г. Авторитет власти: прошлое и настоящее / Под ред. А. М. Абрамовича. Минск, 1992. 77 с.

Тихомиров Ю. А. Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968.

Филиппов Г. Г. Социальная организация и политическая власть. М., 1985. 173 с.

Философия власти / Под ред. В. В. Ильина. М., 1993. 271 с.

Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М., 1999.

Халипов В. Ф. Наука о власти кратология: Учеб. пособие. М., 2002. 443 с.

Хачим Ф. И. Исламские концепции государственной власти. М.: Изд-во РУДН, 1999.

Хорошильцев А. И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе: теоретико-правовое исследование: Монография. М.-Курск, 2002. 180 с.

Чиркин В. Е. Власть, ненасилие и социальная справедливость // Советское государство и право. 1991. № 9.

Чиркин В. Е. О публичной власти (Постановка проблемы) // Государство и право. 2003. № 10. С. 8—15.

Чиркин В. Е. Публичная власть (рецензия: Югов А. А. Системный анализ глубинной сущности власти // Государство и право. 2008. № 1. С. 121—122).

Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. 174 с.

Чичерюкин-Мейнгардт В. Кому наследует власть в РФ? Проблема легитимности и преемственности в Российской Федерации. М., 2005. 126 с.

Особое внимание обращаем на две работы зарубежных авторов, в которых дается оригинальная трактовка власти вообще: Кожев А. Понятие Власти. — М.: Праксис, 2006. 192 с.; Луман Никлас. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.

О ***легитимности*** государственной власти см.:

Ачкасов В. А. и др. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., 1996.

Бибило В. Н. Легитимность государственной власти в условиях правозаконности // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 9. Минск, 1998. С. 28—38.

Чиркин В. Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 65—73.

Обширна литература, освещающая ***теорию разделения властей***:

Абашмадзе В. В. Учение о разделении государственной власти и его критика. Тбилиси, 1972. 52 с.

Баренбойм П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера: Учеб. пособие. М., 1996; То же. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2003. 288 с.

Барнашев А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988. 102 с.

Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении (политологические аспекты): Учеб. пособие. М., 1990. 169 с.

Бородин С. В., Кудрявцев В. Н. О разделении и взаимодействии властей в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 13—16.

Гаганова Н. А. Концепция разделения властей и идея субсидиарности // Государство и право. 2003. № 3. С. 88—91.

Джангирян Ж. Д. К дискуссии о разделении властей и единстве власти: опыт Армении. М., 2003. 83 с.

Иванов В. В. Принцип разделения властей в Конституции США 1787 г. и Конституции Франции 1791 г.: сравнительный анализ // Государство и право. 2000. № 12. С. 80—84.

Козырев А. А. Принцип разделения и взаимодействия властей в субъектах Российской Федерации: Монография. М., 2001. 45 с.

Концепция разделения властей: история и современность: Научно-аналитический обзор. М., 1992.

Косов Р. В. Пределы власти: (История возникновения, содержание и практика реализации доктрины разделения властей): Монография. Тамбов, 2005. 174 с.

Косов Р. В. Теория разделения властей: Учеб. пособие. Тамбов, 2005.

Косопкин А. С, Нефедова Т. И. Президент, конгресс, законодательство: (Опыт взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей в Соединенных Штатах Америки) // Государство и право. 1998. № 1 С. 79—91.

Кривенко Л. Т. Система разделения властей: теория, конституционные модели, преподавание, практика. М., 1999.

Крылов Б. С. Разделение власти: система сдержек и противовесов // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 3—9.

Лазарев Б. М. Разделение властей в советской государственности // Коммунист. 1988. № 16.

Липень С. В. Теория разделения властей: конкретно-исторический смысл и современные трактовки // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып.18 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 23—32.

Лузин В. В. Принцип разделения властей как основа конституционализма: сравнительное исследование на примере США, Великобритании и Франции. Н. Новгород, 1997. 177 с.

Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984. 192 с.

Разделение властей и парламентаризм: Сб. ст. М., 1992. 127 с.

Разделение властей: история и современность: Спецкурс / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1996. 425 с.

Разделенная демократия. Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом: Пер. с англ. / Под общ. ред. Дж. Тарбера. М., 1994. 416 с.

Сурков Д. Л. Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации: (Сравнительно-правовое исследование): Монография. Иркутск, 1999. 323 с.

Тихомиров Ю. А. Власть в обществе: единство или разделение // Советское государство и право. 1990. № 2.

Тихомиров Ю. А. Разделение властей или разделение труда? // Советское государство и право. 1967. № 1.

Топорнин Б. Н. Права человека и разделение властей // Права человека: время трудных решений. М., 1991. С. 4—49.

Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы. М., 2000. 222 с.

Трайнин И. Разделение властей // Советское строительство. 1937. № 7—8. С. 39—54.

Усанов В. Е. Разделение властей как основа конституционного строя и его роль в формировании парламентаризма в современной России // Государство и право. 2005. № 12. С. 13—22.

Хутинаев И. Д. Теория и практика институционализации ветвей государственной власти Российской Федерации: Монография. М., 2006. 326 с.

Чеботарев Г. Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. Тюмень, 1997. 218 с. (рецензия: Безуглов А. А. // Государство и право. 1998. № 10. С. 119—120).

Чиркин В. Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. 1990. № 8. С. 3—13.

Энтин Л. М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995. 176 с.

О характеристике отдельных ветвей власти см. обзор литературы к теме 5.

Фундаментальная работа Н. Ворошилова была издана по этой проблематике в прошлом веке в России (см.: Ворошилов Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1871. 451 с). Из дореволюционной литературы по проблеме разделения властей также можно указать на монографию А. А. Алексеева (см.: Алексеев А. А. Министерская власть в конституционном государстве. Ее основы, роль и современное положение. Харьков, 1910. 305 с).

Специально выделяется литература, касающаяся ***суверенитета*** государства; впрочем, это проблематика более конституционного права, и мы сошлемся только на следующие источники:

Крылов Б. С. Государственный суверенитет России: как его понимают в Казани // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 10—17.

Кузьмин Э. Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 84—94.

Левин И. Д. Суверенитет / Предисл. С. А. Авакьяна. СПб., 2003. 373 с.

Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 186—197.

Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 130—141.

Пастухова Н. Б. Международная интеграция и государственный суверенитет // Государство и право. 2006. № 10. С. 82—85.

Пастухова Н. Б. О многообразии подходов к трактовке и пониманию суверенитета // Государство и право. 2007. № 12. С. 80—84.

Пастухова Н. Б. Об особенностях становления и развития государственного суверенитета в современной России // Государство и право. 2007. № 8. С. 90—96.

Прайс М. Э. Масс-медиа и государственный суверенитет: глобальная информационная революция и ее вызов власти государства. М., 2004. 332 с.

С ***территорией*** государства связан ряд актуальных вопросов политико-правовой науки, см.:

Анненкова В. Г. Конституционно-правовые институты единства Российского государства: Монография. Саратов, 2005. 123 с.

Атаманчук Г. В. О целостности государства и государственного управления. Ростов н/Д., 2001. 44 с.

Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб., 2005. 767 с.

Бабурин С. Н. Территориальные режимы и территориальные споры: государственно-правовые проблемы. М., 2001. 175 с.

Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. 480 с.

Барциц И. Н., Левакин И. В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 11—21.

Витрянюк С. В. Национальное государство в международно-правовом и геополитическом измерениях. Ульяновск, 2002. 104 с.

Радченко В. И. Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации: (Конституционно-правовые проблемы): Монография. Саратов, 2003. 317 с.

Чинчиков А. А. Целостность государства. М., 1995.

Представляющей и в настоящее время научный интерес является проблема ***относительной самостоятельности государства***. Относительная самостоятельность означает, что какое-либо явление имеет собственные закономерности и этапы развития, сохраняет преемственность своего содержания и в то же время находится в зависимости от других явлений, подчиняясь их влиянию и оказывая на них обратное воздействие:

Афанасова Ю. А. Относительная самостоятельность эксплуататорского государства. Воронеж, 1982. 148 с.

Лазарев В. В. Марксистско-ленинские идеи об относительной самостоятельности государства // Ленинская теория социалистического государства и права и современность. Казань, 1970. С. 64—69.

Лазарев В. В. Теория государства и права: актуальные проблемы. М., 1992. С. 36—49.

Марченко М. Н. Теоретические и методологические проблемы относительной самостоятельности современного буржуазного государства // Методологические и теоретические проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1986. С. 186—197.

Из новейших работ в более широком контексте см.: Гулиев В. Е., Колесников А. В. Отчужденное государство. М., 1998. 214 с.

О ***пределах деятельности государства*** см.:

Витченко А. М. Понятие границ деятельности социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1988.

Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. М., 2003. 200 с.

Ганюшкина Е. Б. Ограничение деятельности государств нормами международного права // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 134—139.

Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11.

Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Советское государство и право. 1991. № 8.

Сильченко Н. В. Пределы деятельности законодателя (краткий очерк истории проблемы) // Право и демократия. Вып. 4. Минск, 1991. С. 17—24.

Литература ко всей теме (приводятся только современные работы, мы не указываем издания — вышедшие до 1990-х гг. и относящиеся к марксистско-ленинской юридической науке).

Акопов Л. В. Государство, подконтрольное народу (политико-правовая ретроспекция). Ростов н/Д., 1994.

Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций. М., 1997. 400 с.

Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. 480 с.

Багратян Г. А. Общество и государство: Пер. с арм. М., 2000. 320 с.

Бачило И. Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7. С. 21—30.

Бегинин В. И. Общественное правосознание и государственность. Саратов, 1994.

Бутаков А. В. Нормативный структурализм и современное российское государство. Омск, 1996.

Бутенко А. П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С. 12—20.

Венгеров А. Б. Патология государственности // Общественные науки и современность. 1991. № 5.

Деев Н. Н., Четвернин В. А. Советское государство и перестройка (проблемы теории). М., 1990. 256 с.

Дробышевский С. А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике: Учеб. пособие. Красноярск, 1999.

Квачева П. И. Социогенез института государства: философско-правовое исследование. СПб., 2002. 124 с.

Керимов А. Д. Государствоведение: актуальные проблемы теории. М., 2003. 67 с.

Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2007. 144 с. (рецензия: Дементьев А. Н. // Государство и право. 2007. № 10. С. 120—121).

Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. М., 1994.

Краснов М. А. Ответственность власти (государство в открытом обществе). М., 1997.

Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10.

Любашиц В. Я. Эволюция государства как политического института общества. Ростов н/Д., 2004. 286 с. (рецензия: Кашанина Т. В.) // Государство и право. 2005. № 9. С. 118—120).

Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М., 1998. 48 с.

Мамут Л. С. Метаморфозы восприятия государства // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 56—67.

Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. 575 с.

Моисеев А. А. Надгосударственность в международном праве // Государство и право. 2007. № 8. С. 67—73.

Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности: Учеб. пособие. М., 1998. 256 с.

Овсепян Ж. И. Государственное принуждение как правовая категория: (Теоретическая формула отношения принуждения к государству и праву) // Государство и право. 2007. № 12. С. 5—14.

Поздняков Э. А. Философия государства и права. М., 1995. 312 с.

Розин Э. Л. Ленинская мифология государства. М., 1996. 320 с.

Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / Под ред. В. В. Ильина. М., 1997.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.

Скрыпник В. И. Российское классическое государственное устройство и цели общества и государства. М., 1999.

Степанов И. М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. М., 1996. 108 с. (рецензия: Скрипилев Е. А. // Государство и право. 1997. № 1. С. 121—123).

Тихомиров Ю. А. Государственность: крах или воскрешение // Советское государство и право. 1992. № 9.

Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 22—32.

Тихомиров Ю. А. Государство: развитие теории и общественная практика // Правоведение. 1999. № 3. С. 3—14.

Ушаков Н. А. Государство в системе международно-правового регулирования: Учеб. пособие. М., 1997. 62 с.

Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Теория и идеология государства: политико-правовые аспекты: Монография. СПб., 1998. 114 с.

Четвернин В. А. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве // Советское государство и право. 1992. № 5.

Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. 141 с.

Чиркин В. Е. Государствоведение как отрасль знаний и учебная дисциплина // Государство и право. 2008. № 4. С. 13—20.

Чиркин В. Е. Государствоведение: Учеб. М., 1999. 400 с.

Чиркин В. Е. Основы государственной власти. М., 1996. 112 с.

Чиркин В. Е. Три ипостаси государства // Государство и право. 1993. № 8. С. 107—115.

Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М., 2003. 688 с.

ГЛАВА 4 Функции государства

4.1. Понятие функций государства

Государство для решения своих задач действует и действует весьма активно. Для общей характеристики деятельности государства в юридической науке выработано понятие «функции государства».

Функции государства — это основные направления его деятельности по решению стоящих перед ним задач.

В философской и юридической литературе можно насчитать до двух десятков определений функций государства. «Наиболее адекватным представляется следующее определение: функция государства — это необходимое, однородное, постоянное, целесообразное направление (сторона) его деятельности, обусловленное объективными потребностями общественного развития с точки зрения его внутренних и внешних задач» (Пахоленко Н. Б. От тоталитаризма к демократии: о функциях государства в переходный период // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 29).

Говоря иными словами, функции — это то, чем занимается государство. В функциях конкретизируются сущность государства, его социальное назначение, т.е. показано, в каких направлениях государство осуществляет управление обществом.

В западной юридической науке говорят не столько о функциях, сколько о целях и задачах государства. В отечественной учебной и научной литературе также разрабатываются и понятие «задачи государства», и понятие «функции государства». Считается, что задачи государства являются определяющим элементом, постановка перед государством и обществом определенных задач порождает необходимость осуществления соответствующих функций (см.: Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 48). Действительно, не стоит смешивать функции и задачи государства. Однако вполне резонно можно гово-

рить о и том, что основной, сущностной характеристикой является именно категория «функции государства»; как показывает политическая история, изменения в функциях государства происходят вслед за изменением в его сущности.

Высказываются мнения о том, что перечисленное выше характерно не только и не столько для государства, сколько для общества в целом, так как в осуществлении деятельности по этим направлениям заинтересовано прежде всего общество. Все это представляет собой цели (или задачи) общества как такового. Для государства же характерны те функции, которые вытекают из его основной сущности — осуществления политической власти. В таком случае государство имеет три (или четыре) основные функции: законодательную, исполнительную, судебную (надзорную), и их осуществляют соответствующие ветви власти.

«Функции государства» — это понятие не только политическое и управленческое, но в то же время и юридическое, поскольку они осуществляются преимущественно в правовых формах. *Содержание* каждой функции составляет управленческая деятельность государства в определенной сфере общественной жизни. Специфика этой деятельности определяется теми конкретными задачами, которые встают перед обществом на каждом историческом этапе. Содержание и значение функций государства изменяются в процессе его развития.

Приоритетное значение для общей характеристики основных направлений деятельности современных демократических государств приобретают общественные, а не классовые или корпоративные интересы, гуманистические принципы организации и деятельности государственного аппарата, разумное сочетание национальных и интернациональных элементов. По своей сущности современные демократические государства представляют собой организацию, управляющую обществом прежде всего с точки зрения общего интереса.

Функции государства, т.е. характер и направления государственной деятельности, оказывают решающее влияние на структуру государственного аппарата. Поэтому подход к исследованию государства с точки зрения направлений его деятельности можно считать исходным, фундаментальным подходом. Изменения в функциях государства приводят к изменениям и в структуре государственного аппарата.

Функции государства следует отличать от функций разнообразных государственных органов, специально созданных для определенного вида деятельности. Функции государства охватывают его деятельность в целом.

4.2. Классификация функций государства

Функции государства можно классифицировать по различным основаниям. Так, учитывая длительность осуществления той или иной государственной деятельности, можно выделить *постоянные* и *временные* функции государства. В учебной и научной литературе говорят о функциях *основных* и *вспомогательных* (по значению для сущности данного государства); *общесоциальных* и сугубо *классовых* (в соответствии с преобладающей направленностью государственной деятельности).

Один из основных критериев классификации — сферы государственной деятельности. По этому основанию традиционно различаются *внутренние* и *внешние* функции государства.

Надо, однако, иметь в виду, что деление функций на внутренние и внешние является условным, поскольку государство соответствующую деятельность внутри страны (например, экологическую) в обязательном порядке сообразует с деятельностью на международной арене. На этой основе выделяются сферы управленческой государственной деятельности без различения внутригосударственных и межгосударственных аспектов. Единая классификация функций государства, независимо от его типа и сферы деятельности, включает в себя четыре функции, которые осуществляются любым государством:

- экономическая (обеспечение нормального функционирования и развития экономики, в том числе посредством охраны существующих форм собственности, организации общественных работ, планирования производства, организации внешнеэкономических связей и пр.);
- политическая (обеспечение государственной и общественной безопасности, социального и национального согласия, подавление сопротивления противоборствующих социальных сил, охрана суверенитета государства от внешних посягательств и т.п.);
- социальная (охрана прав и свобод всего населения или его части, осуществление мер по удовлетворению социальных потребностей людей, поддержанию необходимого уровня жизни населения, обеспечению необходимых условий труда, его оплаты, быта и т.д.);
- идеологическая (поддержка определенной, в том числе религиозной, идеологии, организация образования, поддержание науки, культуры и др.).

Поскольку в современной теории государства функции государства разделяются в основном на внутренние и внешние, более детальная характеристика отдельных направлений деятельности государства рассмотрена ниже с использованием данного подхода.

Внутренние функции — это такие направления деятельности государства, которые помогают решать задачи внутреннего развития общества. К числу внутренних функций относятся экономическая, финансовая, социальная, политическая, экологическая, культурная, функция охраны правопорядка, прав и свобод граждан, функция обеспечения общественной безопасности.

Экономическая функция государства — осуществление государством управленческого воздействия на экономическую сферу жизни общества. Эффективное развитие экономики — основа для успешного решения любых иных задач, стоящих перед обществом и государством, поэтому экономическая функция традиционно считается одним из важнейших направлений государственной деятельности. Объектами этой управленческой деятельности являются производственные отношения как в государственном, так и в негосударственном секторе экономики.

Экономическая политика государства имеет различную направленность в зависимости от уровня развития экономики (что является преобладающим — сельское хозяйство или промышленность), этапа развития того или иного государства, конкретно-исторических условий, наконец, в зависимости от господствующих идеологических установок, научных доктрин.

В соответствии с ирригационной теорией происхождения государства именно необходимость в организации масштабных сельскохозяйственных работ, т.е. необходимость осуществления экономической функции, оказала определяющее влияние на процесс образования государственности у некоторых восточных народов.

Известны популярные в XIX в. либеральные теории государства (в том числе упоминавшаяся в теме 3 теория государства — «ночного сторожа»), которые отрицали необходимость вмешательства государства в экономическую сферу жизни общества, считая прежде всего рынок основным регулятором экономики. Впрочем, подобное отношение к экономической функции государства, ее недооценка привели к резкому имущественному расслоению, обострению социальных противоречий, нестабильности в обществе.

Экономическая политика государства, а вместе с ней и финансовая, и социальная (см. далее характеристику соответствующих функций государства) в XX в. стала более жесткой. Государственное вмешательство в экономику развитых стран значительно усилилось после экономического кризиса 1930-х гг. Широко использовалась теория Дж. Кейнса, в основе которой лежала идея о стимулировании экономики путем расширения платежеспособности населения. Государство облагало прибыли корпораций и крупные

индивидуальные доходы высокими налогами, за счет чего проводилась активная социальная политика, выплачивались пенсии, дотации, пособия малоимущим слоям населения. Таким образом перераспределялся общественный доход, снималось социальное напряжение в обществе, предупреждались социальные и экономические потрясения.

Однако представленная модель экономической политики имеет и существенные недостатки. Развитие некоторых европейских государств в 1960—1970-е гг. показало, что рост налогов и социальных расходов дестабилизирует финансы, создает предпосылки для инфляции, подрывает дух предпринимательства, создает «паразитический» слой людей, живущих на пособие. Таким образом, необходимо избегать и излишнего вмешательства государства в экономические процессы. В 1980-е гг. многие государства под влиянием неоконсервативных теорий значительно ограничили свое влияние на негосударственный сектор в экономике, считая, что общество от этого больше выиграет, чем проиграет. В то же время общепризнанной считается обязанность государства оказывать поддержку малоимущим слоям населения.

Ранее в СССР вся экономическая деятельность являлась практически исключительно государственной деятельностью. Государственная собственность на средства производства составляла более 90%. Рассматриваемое направление деятельности именовалось хозяйственно-организаторской функцией — главной постоянной функцией Советского государства. Советское государство объявлялось главным орудием строительства коммунизма. Главная экономическая задача государства — создание материально-технической базы коммунизма (а перед этим ставилась задача — создание социалистической системы хозяйствования). Управление экономикой осуществлялось командно-административными методами, без учета многих экономических законов.

В 1990-е гг. изменились принципы организации и функционирования экономической сферы жизни общества, что повлекло изменения и в объектах управленческого государственного воздействия, и в принципах управления экономикой. Основополагающее значение для изменения содержания экономической функции государства имеют переход к рыночной экономике, резкое увеличение частного сектора в экономике, развитие процессов приватизации, появление свободных рынков товаров и услуг, признание экономической свободы, права каждого на частную собственность и т.д. Государство также продолжает в широком объеме регулировать экономические отношения, но уже не только в государственном, но и в частном секторе.

Экономика — настолько сложная и специфичная сфера деятельности, что управлять ею возможно только с учетом знания закономерностей ее функционирования. Поэтому необходимо ориентироваться на экономические модели, адекватно отражающие развитие экономики общества. В нашей стране в XX в. долгое время этого не было. В экономике господствовали модные лозунги — то всеобщее планирование, то перевыполнение плана (стахановское движение и т.п.), то увеличение производительности труда, то совершенствование производственных отношений, то всеобщая экономия — «экономика должна быть экономной».

(См. ст. 8, 9, 34—36 Конституции РФ. Здесь и далее при характеристике конституционной основы того или иного направления деятельности российского государства внимание следует обращать не только на указанные статьи. См. также статьи, определяющие компетенцию высших органов государственной власти: ст. 71—73, 80, 83—89, 102, 103, 114 Конституции РФ.)

Финансовая функция государства. Осуществление управленческой деятельности в области сбора и распределения денежных средств в целом примыкает к экономической функции государства (входит в нее), однако говорят и о самостоятельной финансовой функции. В различных изданиях она называется по-разному — «функция финансового контроля», «функция налогообложения и взимания налогов» и т.д. Содержание этой деятельности государства составляет сбор денежных средств (прежде всего — через налоги, а также через иные финансовые сборы, пошлины, платежи) и распределение денежных средств (составление бюджета, кредиты и т.д.). В этой связи актуализируется вопрос о соотношении признаков государства и его функций. Налоги чаще указываются в качестве признака государства, и тогда их взимание будет перенесено в плоскость техническую, в плоскость технологии. И налоговая политика, и бюджетная политика могут иметь различную направленность. В частности, то или иное государство может проводить мягкую налоговую политику или, наоборот, устанавливать довольно значительные налоги на доходы граждан и организаций. Значение налоговой деятельности государства не требует особых комментариев: именно от этого направления деятельности прямо зависит степень осуществления всех функций государства, прежде всего социальной, культурной, экологической.

(См. в связи с финансовой функцией государства ст. 57, 75 Конституции РФ.)

Социальная функция государства. Здесь имеется в виду деятельность государства по оказанию различных социальных услуг всем

членам общества (здравоохранение, строительство жилья и т.д.), а также забота о повышении благосостояния малообеспеченных слоев населения, оказание им материальной и иной помощи. Есть даже теория «социального государства». Под социальным подразумевается государство, которое заботится о благополучии граждан.

Эта теория нашла отражение в законодательстве многих современных государств, в том числе в Конституции РФ: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7). В Российской Федерации как в социальном государстве «охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» (ч. 2 ст. 7). Значение социальной функции чрезвычайно велико для тех государств, в которых существует (или существовало) расслоение населения на богатых и бедных при формально провозглашенном равенстве. В таких условиях необходима защита от бедности, безработицы, социальная поддержка малоимущих слоев населения, особенно таких, которые (еще или уже) в силу разных причин не способны себя должным образом обеспечить (дети, студенты, инвалиды, пенсионеры). Кроме того, существуют профессии, предъявляющие к людям повышенные требования, что обусловливает необходимость установления повышенных социальных гарантий (к примеру, сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие).

Социальная функция появляется у государств далеко не сразу: как одно из важных направлений государственной деятельности она получает свое развитие только в XX в. К последним десятилетиям XX в. наиболее развитые государства пришли к необходимости соблюдения определенной меры в осуществлении социальной функции. Как оказалось, высокие социальные дотации рождают социальную пассивность и иждивенчество, появляется слой людей, вполне сносно живущих на пособие и не стремящихся к активной деятельности, к раскрытию своих способностей, что служит и общественному благу. Поэтому в современных конституциях все чаще появляются примерно такие формулировки: «Государство берет на себя заботу об основных нуждах человека»; заботится же о благосостоянии человек должен сам (см. ст. 7, 37—41, 43 Конституции РФ).

В содержание *политической* функции государства входит как деятельность по поддержанию политического господства правящих, так и деятельность по формированию и организации работы всех государственных органов. Слово «политика» употреблено здесь в очень ограниченном смысле, вообще же этим термином можно обозначить любое направление деятельности государства — экономическая, финансовая, социальная политика и т.д. Обычно деятельность по формированию и организации работы государственных органов в качестве самостоятельной функции государства не выделяется, однако следует признать значимость и достаточно большой объем этой деятельности. В отдельных публикациях 1990-х гг. признается необходимость специального указания на такую деятельность государства; так, Л. А. Морозова говорит о функции обеспечения народовластия, составной частью которой является организация выборов представительных органов государства (см.: Морозова Л. А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 98—108).

Экологическая функция государства — это направление деятельности государства по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. Экологическая функция появляется у государств лишь в XX в. Благодаря научным открытиям в геометрической прогрессии развивается промышленность, знамения XX в. — научно-технический прогресс, научно-техническая революция. Однако одно из следствий научно-технического прогресса — истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, несущее угрозу существования не только растительному и животному миру, но и человечеству. Поэтому необходим комплекс мероприятий по охране окружающей среды, осуществляемых прежде всего государственными органами. Экологическая функция присуща всем современным промышленно развитым государствам. Во многих государствах приняты национальные программы по охране окружающей среды, существует развитое экологическое законодательство. Содержание экологической политики государства составляет деятельность по разработке наиболее рационального режима природопользования, переоснащению предприятий с точки зрения их экологической безопасности, созданию производств по утилизации отходов и т.д. (см. ст. 42 Конституции РФ).

Культурная функция государства — направление государственной деятельности по духовному, интеллектуальному развитию общества. «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» (ст. 2 Конституции РФ).

Аналогичное положение закреплено в конституциях многих государств. Таким образом, каждому человеку должны быть предоставлены возможности и для его духовного развития, созданы для этого благоприятные условия, поэтому необходимо государственное руководство и государственная поддержка образования, науки, культуры.

В современных условиях для существования и развития общества необходимы духовно и интеллектуально развитые люди, грамотные, квалифицированные специалисты. Человек, не обладающий глубокими специальными познаниями, выключен из процесса общественного производства, он приносит обществу минимальную пользу или не приносит никакой. Поэтому возможно говорить о том, что получать образование и совершенствоваться в избранной сфере деятельности — это не только право, но и моральная обязанность каждого перед обществом; с таких позиций функция духовного развития общества приобретает исключительно важное значение.

В различные исторические периоды данное направление деятельности государства имело разное значение. В Советском Союзе время особой активизации, подъема деятельности в сфере образования, науки, культуры — так называемая «культурная революция» 1920-х гг., когда необходимо было преодолеть неграмотность; в 1960-е гг. наблюдался размах вузовского и научного движения. В истории бывали и времена недооценки культурной функции государства, недостаточного финансирования культуры, науки, образования. Такое положение вполне объяснимо трудностями развития социально-экономической сферы общества, однако негативные последствия этого могут проявить себя в будущем.

Ранее в марксистско-ленинской теории государства и права данное направление деятельности называлось культурно-воспитательной функцией государства. Государство должно было последовательно внедрять принципы социалистического образа жизни, воспитывать нового человека — человека коммунистического общества, бороться с инакомыслием, утверждать коммунистическую идеологию, объясняя все общественные явления с классовых позиций, наконец, готовить классовых бойцов.

Вопрос, который возникает при анализе отечественной юридической литературы советского периода — должно ли государство вообще формировать определенное мировоззрение у своих граждан? Или эта деятельность должна быть отдана на откуп различным негосударственным организациям — политическим, культурным, религиозным? Здесь мы опять возвращаемся к рассмотрению вопроса о пределах деятельности государства. Безусловно, государство

должно принимать участие в формировании мировоззрения членов общества. Однако, во-первых, не следует апологетически навязывать классовое мировоззрение и игнорировать так называемые общечеловеческие ценности; во-вторых, необходим отказ от централизации, от огосударствления образования, науки, культуры, развитие, например, различных негосударственных учебных заведений, разных культурных направлений, в том числе запрещаемых ранее. Государство, однако, не должно оставаться в стороне, оно должно направлять все эти процессы, поскольку отсутствие контроля за ними может привести к самым разным неблагоприятным явлениям (см. ст. 13, 14, 28, 43, 44 Конституции РФ).

Функция *охраны правопорядка, прав и свобод граждан* — это направление деятельности государства по борьбе с правонарушениями в целях создания наиболее благоприятных условий для эффективной реализации прав граждан, их объединений, органов государства. Правоохранительная деятельность, т.е. деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию правонарушений (прежде всего преступлений как наиболее опасного вида правонарушений), наказанию и воспитанию правонарушителей, свойственна любому государству. Впрочем, в некоторых утопических теориях, описывающих общественное устройство будущего и процесс его построения, не находилось места антиобщественному поведению и, соответственно, государственной деятельности по борьбе с ним.

Основное в характеристике правоохранительной функции — возможность государственного принуждения, применение в деятельности государственных органов принудительных, насильственных методов, необходимых для поддержания порядка в обществе. В любом государстве существуют так называемые правоохранительные органы, к которым обычно относят суды, прокуратуру, органы внутренних дел и государственной безопасности (место суда среди органов, стоящих на страже права, особое).

Правоохранительная функция государства может принимать гипертрофированный характер, что подтверждают, например, необоснованные репрессии в СССР в 1930-е и 1950-е гг. Поэтому она должна осуществляться при соблюдении принципа строгой законности.

В современных условиях значение функции охраны правопорядка, прав и свобод граждан чрезвычайно велико. Вместе с тем при ее осуществлении возникает очень много проблем. С одной стороны, необходимо изжить недостатки, присущие правоохранительной деятельности советского периода, не допустить возврата

к прежним жестоким, незаконным методам работы, добиться реального воплощения в эту деятельность начал гласности, законности, профессионализма. С другой стороны, следует совершенствовать борьбу с правонарушениями с учетом современных тенденций развития общества, изменений количественных и качественных характеристик правонарушений. Здесь встают проблемы законодательного и материального обеспечения правоохранительной деятельности, социальной поддержки сотрудников правоохранительных органов, повышение их социального статуса (см. ст. 20—25, 45—54 Конституции РФ).

В качестве самостоятельной функции во многих учебных изданиях обоснованно выделена функция *обеспечения общественной безопасности*. В ее содержание входят мероприятия по предупреждению и ликвидации последствий различных неблагоприятных явлений, представляющих угрозу нормальному существованию человека и общества. Под таковыми имеются в виду стихийные бедствия, крупные промышленные аварии, катастрофы, массовые беспорядки, организованная преступность. Данное направление деятельности актуально для тех государств, где в силу климатических условий и географического положения нередки природные катаклизмы — ураганы, наводнения и т.п.

В Российской Федерации создано специальное ведомство — министерство по чрезвычайным ситуациям, поскольку на огромной территории этого государства постоянно приходится осуществлять деятельность по ликвидации последствий или стихийных бедствий, или промышленных аварий. Аналогичный орган возник впоследствии и в Республике Беларусь. На ее территории специфика осуществления функции обеспечения общественной безопасности долгое время определялась прежде всего необходимостью решения проблем, связанных с катастрофой на Чернобыльской АЭС.

Внешние функции государства — это основные направления деятельности государства в его отношениях с другими государствами. Можно выделить две основные внешние функции государства: военную и сотрудничества с другими государствами.

В содержание *военной* функции государства может входить ведение захватнических войн, оборона страны в военное время, готовность к обороне в мирное время, охрана государственных границ. При характеристике данного направления деятельности следует иметь в виду очень важное обстоятельство — армия, кроме своего собственно военного назначения, практически всегда выполняла роль вооруженного обеспечения государственной власти, ее под-

держки возможностью в любой момент использовать насильственные методы. Таким образом, военная функция государства имеет непосредственный выход на сущностные моменты функционирования государственной власти.

Рабовладельческие и феодальные государства проводили, как правило, очень агрессивную внешнюю политику; если соседи оказывались слабее, они в большинстве случаев оказывались завоеванными.

Сейчас каждое государство разрабатывает свою *военную доктрину*. Исходя из существовавших ранее объективных реалий и соответствующих идеологических установок, в СССР проводился курс на противоборство с капиталистическими государствами. Весь экономический, научный потенциал работал в первую очередь на развитие Вооруженных Сил Советского Союза. В настоящее время ситуация в мире изменилась, но сохраняются достаточно острые межгосударственные, межнациональные противоречия. Современными государствами признана так называемая доктрина «достаточной обороны», суть которой состоит в том, что вместо количественного паритета вооружений необходимо обеспечение военного потенциала, достаточного для гарантированной безопасности. Эта доктрина обеспечивает значительное сокращение расходов на вооружения, снижает возможность возникновения вооруженных конфликтов.

Для республик бывшего Советского Союза остро стоит проблема конверсии оборонных предприятий. В России приняты Основные положения военной доктрины, в соответствии с которыми главное направление реформы Вооруженных Сил — создание относительно небольшой, но хорошо подготовленной, мобильной армии (см. ст. 59, 87 Конституции РФ).

Функция *сотрудничества с другими государствами* в различных сферах деятельности является объективно необходимой для современных государств. Мир обрел новое качество, в настоящее время невозможно, да в конечном счете и невыгодно проводить политику самоизоляции. Согласование усилий в экономической, природоохранительной, правоохранительной, культурной и других сферах деятельности соответствует интересам каждого государства. Общая координация сотрудничества между государствами осуществляется Организацией Объединенных Наций, ее специализированными учреждениями, иными международными организациями на основе двухсторонних или многосторонних соглашений.

Среди основных направлений межгосударственного сотрудничества следует выделить сотрудничество экономическое; сотрудни-

чество в поддержании мира; сотрудничество в поддержании мирового правопорядка, в борьбе с международной преступностью; сотрудничество в природоохранительной деятельности; сотрудничество в сфере культуры, науки, образования; сотрудничество в решении демографической, сырьевой, энергетической проблем, в освоении космоса (см. ст. 61—63, 79 Конституции РФ).

Естественно, говорить о внутренних и внешних функциях государства можно только в конкретно-историческом аспекте, поскольку основные направления государственной деятельности находятся в постоянном развитии. Выше перечислены функции современного демократического государства.

Сами функции государства, их содержание и значение изменяются в процессе развития общества. Здесь можно рассматривать: а) функции традиционных государств и функции современных (конституционных государств). Используя формационный подход к истории развития человеческого общества, возможно также характеризовать функции рабовладельческих, феодальных, буржуазных (на стадии домонополистического и монополистического капитализма), социалистических и современных государств; б) историю развития каждой функции государства — время ее появления, изменение содержания и значения с развитием общества и т.д.

Кроме того, существуют и иные подходы к классификации функций государства по сферам деятельности. В соответствии с ними определяется иной перечень внутренних и внешних функций, отличный от рассмотренного выше.

Так, по мнению Л. А. Морозовой, современному государству присущи следующие функции: внутренние — обеспечение народовластия, экономическая, социальная, налогообложения, экологическая, охраны прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка; внешние — интеграции в мировую экономику, внешнеэкономического партнерства и государственной поддержки иностранных инвестиций, обороны страны, поддержки мирового правопорядка, сотрудничества с другими государствами в решении глобальных проблем современности (экологической, сырьевой, энергетической, демографической и др.) (см.: Морозова Л. А. Указ. соч. С. 98—108).

Осмысление основных направлений государственной деятельности нашло отражение практически во всех крупных политико-юридических произведениях, начиная с античных и древневосточных сочинений и правовых памятников и заканчивая классическими работами Нового и Новейшего времени (Г. Гроция, Т. Гоббса, Ш. Л. Монтескье, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, О. Конта и многих других ученых). См.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. Т. 1. С. 274—331.

Обзор специальной литературы по теме

Литература ко всей теме

Бабаев В. К., Бабаев С. В. Функции современного Российского государства: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2001. 100 с.

Байрамов Ф. Д. Соотношение функций государства и региональных межгосударственных объединений: (Современные теоретико-правовые проблемы): Монография. М., 2004. 187 с.

Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979. 302 с.

Васильева А. Ф. Делегирование государственных функций субъектам частного права // Правоведение. 2008. № 2. С. 65—75.

Глебов А. П. Понятие и структура функций социалистического государства. Воронеж, 1974.

Голощапов А. М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии Российской Федерации // Государство и право. 2005. № 11. С. 95—100.

Каск Л. И. Функции и структура государства. М., 1969.

Клепцова Т. Н. Функции и аппарат российского государства в рыночной экономике. М., 1992.

Морозова Л. А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. № 6. С. 101—107.

Морозова Л. А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 98—108.

Просвирнин Ю. Г. Информационная функция государства // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 29—35.

Самощенко И. С. О формах осуществления функций государства // Советское государство и право. 1956. № 3.

Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 24—32.

Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. 216 с.

Хабибулин А. Г., Чернобель Г. Т. Интересы государства и его охранно-защитная функция // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 18—27.

Достаточно большое количество работ так или иначе касаются проблем осуществления ***экономической*** функции государства (о правовом регулировании экономических отношений см. также обзор специальной литературы к теме «Общее понятие права»):

Асташкин М. К. Усиление экономической роли государства в период создания материально-технической базы коммунизма. Саратов, 1982. 117 с.

Бабичев А. М. Теоретико-методологические подходы к проблеме государственного регулирования социально-экономических отношений. М., 2006. 37 с.

Богданов И. Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М., 2001. 351 с.

Гордиенко Д. В. Возможный подход к оценке уровня экономической безопасности государства // Государство и право. 2007. № 9. С. 110—112.

Государственное регулирование экономической деятельности / А. Агапов и др. М., 2000. 315 с.

Денисов Б. А., Зубов А. М., Чугунова И. В. Современное государство и экономика. М., 1988.

Загайнов Л. И. Социалистическое государство и законы экономики. М., 1975.

Загайнов Л. И. Экономические функции Советского государства. М., 1968. 263 с.

Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 1999.

Мнишко В. В. Конституционно-правовые основы единства экономического пространства в Российской Федерации: Монография. М., 2003. 144 с.

Морозова Л. А. Государство и собственность (Проблемы межотраслевого института) // Государство и право. 1996. № 12. С. 19—32.

Новикова И. В. Рынок и государство: проблемы макрорегулирования. Минск, 1994. 160 с.

Олтеану О. М. [Рецензия] // Государство и право. 1994. № 3. С. 158—159. Рецензия на кн.: Линотт Д., Местр А., Роми Р. Государственные службы и экономическое публичное право. Париж, 1992. 369 с.

Сапсина М. А. Научные основы экономической политики государства: Учеб. пособие. М., 2001. 224 с.

Собянин С. С. Субъект Российской Федерации в экономическом и социальном развитии государства: компетенция органов власти и методы ее реализации. М.: Норма, 2007. 352 с. (рецензия: Баглай М. В. Ценное исследование // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 163—166).

Соловьева А. В. Экономическая функция государства: Учеб. пособие. Магадан, 2007. 83 с.

Социально-экономическая роль социалистического государства / Редкол.: Керимов Д. А. и др. М., 1978. 172 с.

Старостенко В. К. Государственное регулирование экономики и экономическая политика: Монография. М., 2003.

Талапина Э. В. Управление государственной собственностью. СПб., 2002. 455 с.

Цивадзе Д. Ю. Развитие экономических функций Советского государства. М., 1970. 344 с.

Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: (власть и бизнес). М., 1999. 414 с.

Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: основы взаимодействия: Учеб. М., 2000. 382 с.

Ясин Е. Г. Функции государства в рыночной экономике // Вопросы экономики. 1997. № 6.

По проблемам ***финансовой деятельности*** государства см.:

Бельский К. С. Государство и налоги // Государство и право. 2007. № 11. С. 56—63.

Бурцев В. В. Государственный финансовый контроль: методология и организация. М., 2000.

Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: Учеб. пособие. М., 2001. 384 с.

Карасева М. В. Политические аспекты российского бюджетного законодательства // Государство и право. 2002. № 2. С. 60—66.

Соколова Э. Д. Понятие и принципы финансовой деятельности государства и муниципальных образований // Государство и право. 2007. № 5. С. 95—100.

Содержание ***экологической функции*** государства раскрыто в следующих источниках:

Бринчук М. М. и др. Проблемы развития системы российского экологического законодательства // Государство и право. 1995. № 2. С. 53—66.

Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды): Учеб. М., 1998. 688 с. (рецензия: Васильева М. И. // Государство и право. 1999. № 11. С. 116—120).

Васильева М. И. Общественные экологические интересы: правовое регулирование: Комментарий к законодательству. М., 1999. 129 с.

Игнатьева И. А. Систематизация законодательства и проблемы формирования экологически ориентированной идеологии // Государство и право. 2007. № 5. С. 17—28.

Колбасов О. С. Экология: политика — право. М., 1976. 226 с.

Кравченко Ю. Б. Экологическая функция Российского государства: вопросы истории и теории. Анализ русской политико-правовой мысли в советский и постсоветский периоды: Монография. Владивосток, 2004. 295 с.

Краснова И. О. Концепции экологического управления в зарубежном праве // Государство и право. 1995. № 1. С. 137—147.

Мухамет-Ирекле А. Юридические аспекты природопользования. М., 2002. 340 с.

Шемшученко Ю. С. Экологическая конституция Земли: концептуальные подходы // Государство и право. 2008. № 6. С. 23—26.

Еще острее проблемы осуществления экологической функции государства ставятся в том случае, когда речь идет об ***экологической безопасности***:

Боголюбов С. А., Кичигин Н. В. Законодательное обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти по обеспечению экологической безопасности: Монография. М., 2007. 368 с.

Лопатин В. Н. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. 2004. № 2. С. 21—32.

Мышко Ф. Г. Обеспечение экологической безопасности России: теоретические, правовые и организационные проблемы. М., 2001. 382 с.

Мышко Ф. Г. Правовые проблемы обеспечения экологической безопасности России. М., 2000. 49 с.

Чертова Н. А. Роль органов внутренних дел и перспективы их деятельности в обеспечении экологической безопасности России // Государство и право. 2006. № 5. С. 35—40.

О ***правоохранительной деятельности*** государства см.:

Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: Теория, история, перспективы. СПб., 2003. 499 с.

Кикоть В. Я. Место и роль органов МВД в политике Российского государства по обеспечению международной законности и правопорядка // Государство и право. 2004. № 1. С. 55—61.

Кикоть В. Я. Вклад правоохранительных органов России и стран СНГ в дело укрепления международной законности и правопорядка. Кадровый потенциал как фактор по обеспечению безопасности Российской Федерации и целостности институтов власти в рамках правового государства // Государство и право. 2006. № 1. С. 54—61.

Криминальная безопасность человека в России: угрозы и пути их преодоления (По материалам научно-практической конференции) / Р. А. Каламкарян // Государство и право. 2004. № 4—5.

Ромашов Р. А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России: Учеб. пособие. СПб., 2008. 138 с.

Липатов С. В. Правоохранительная функция государства и проблемы защиты финансово-экономических основ публичной власти в Российской Федерации (конституционно-правовой аспект). М., 1999.

Возможно знакомство с работами, раскрывающими ***содержание функции обеспечения общественной безопасности***, см. например:

Воронов А. М. Проблемы теории и практики обеспечения общественной безопасности Российской Федерации: Монография. М., 2006. 222 с.

Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. СПб., 2000. 428 с.

Степашин С. В. Безопасность человека и общества. Политико-правовые вопросы. СПб., 1994. 240 с.

Фомин А. А. Юридическая безопасность в сфере законотворчества и правореализации. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2006. 236 с.

Фомин А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права / Под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: СГАП, 2005. 332 с.

Характеристика ***внешних функций*** государства см.:

Каширкина А. А. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 75—84.

Кембаев Ж. М. Общая внешняя политика и политика безопасности Европейского Союза: правовые основы становлении и перспективы развития // Журнал российского права. 2007. № 6.

Киреева С. А. Межгосударственная интеграционная деятельность как выражение внешней функции Российского государства / Под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2005. 336 с.

Рогачев А. А. Внешние функции государства социалистического типа. М., 1986.

ГЛАВА 5 Механизм государства

5.1. Понятие и назначение механизма государства

Выполнение функций государства обеспечивается механизмом государства.

Механизм государства — это определенная, функционирующая на основе единых принципов, система всех носителей властных государственных полномочий и обеспечивающих реализацию этих полномочий учреждений и структур, созданных для решения стоящих перед государством управленческих задач и осуществления его функций.

Элементами механизма государства являются: носители государственной власти; органы государственной власти; государственные учреждения и государственные предприятия; силовые структуры; аппарат органов государственной власти, государственных учреждений и силовых структур, государственные служащие.

В зависимости от формы правления и политического режима суверенными *носителями* (обладателями) государственной власти были отдельные лица, экономически господствующие классы, элитарные группы, народ в целом. Иногда юридически это были одни субъекты, а фактически власть принадлежала другим.

Государственные *органы* — законодательные, исполнительные, судебные (см. ниже), органы прокуратуры, контрольные органы, избирательные комиссии. Кроме того, следует иметь в виду и низовые звенья органов управления, которые располагаются в государственных учреждениях и силовых структурах. Органы государства, таким образом, разнятся по названию, значению, компетенции (см. параграф 5.3).

Все вместе они образуют определенную систему, функционирующую на основе единых принципов (см. параграф 5.2).

Система государственных органов, принципы их организации и деятельности постоянно развивались по мере усложнения общества. В традиционных государствах механизм относительно несложный. Создаются различные по названию, компетенции, срокам полномочий органы, однако вся полнота власти находится, как правило, у монарха — именно этот государственный орган является основным. От монарха зависит окончательное решение практически любого вопроса, в том числе входящего в компетенцию иных государственных органов, а также их создание или упразднение. В конституционных государствах государственный аппарат более сложный, он базируется на совершенно иных принципах организации и деятельности, причем один из основных — разделение властей.

Государственные *учреждения* разнятся по своему профилю: научные, учебные, лечебные, исправительные, воспитательные и пр. Все они в совокупности и каждое в отдельности призваны обеспечивать реализацию соответствующих функций государственных органов, подкреплять ее материальным, кадровым, интеллектуальным и иным ресурсом. Государственные предприятия имеют разный гражданско-правовой статус, но так или иначе они способствуют эффективной реализации экономической функции государства, поддерживают материальную базу государственных органов.

Силовые структуры — армия, полиция, спецподразделения МЧС и др. — главная опора в механизме государства. Более всего эти силы проявляют себя в условиях чрезвычайного или военного положения; и в мирное время именно они, в конечном счете, обеспечивают спокойствие граждан.

Каким образом государственным механизмом осуществляется управление обществом? Сначала происходит регуляция общественных отношений при помощи права: издаются нормативные акты, в которых содержатся нормы права. Все граждане, их организации, должностные лица и государственные органы должны подчиняться нормам права, реализовывать их в своем правовом поведении. Необходимо следить также за тем, чтобы эти правила не нарушались. Таким образом, выделяют три основные формы деятельности государственных органов: *правотворческую*, направленную на разработку и издание нормативных правовых актов; *правоисполнительную* — как форму властной деятельности органов государства по реализации норм права; *правоохранительную* — форму правовой деятельности государства, обеспечивающую соблюдение правовых норм.

Осуществляя функции государства, государственные органы используют как методы убеждения, рассчитанные на сознательное исполнение предписаний государственной власти, так и методы принуждения, предусматривающие в случае необходимости возможность применения насилия.

В учебной и научной литературе нередко используется термин «аппарат государства», содержится анализ соотношения понятий «аппарат государства» и «механизм государства». Довольно распространена следующая точка зрения: механизм государства состоит из аппарата государства, куда входят органы государственной власти (законодательные, исполнительные, судебные, контрольно-надзорные), а также государственных организаций (учебных, научных, лечебных и др.) и так называемых материальных придатков (армия, органы охраны правопорядка, исправительно-трудовые учреждения и др.).

Существует также научная позиция, в соответствии с которой под аппаратом государства понимаются все органы государства в статике, а под механизмом государства — те же органы, но в динамике. Изучая аппарат государства, говорят прежде всего о назначении, порядке образования, компетенции того или иного государственного органа, а изучая механизм государства — непосредственно о деятельности государственных органов, об их взаимодействии между собой.

Отдельные авторы считают понятия «аппарат государства» и «механизм государства» примерно равнозначными, не вдаваясь в терминологические споры. Другие в аппарат государства включают только те структурные подразделения, которые обслуживают работу государственных органов.

5.2. Принципы организации и функционирования механизма государства

В данном параграфе будут рассмотрены принципы, т.е. основополагающие начала, положения, идеи, которые находятся в основе организации и действия механизма государства. Сама категория «принцип» используется теорией государства и права (как и иными науками) для характеристики самых разных юридических явлений: принципов права, принципов правотворчества, принципов юридической ответственности и т.п. Известное высказывание Гельвеция — «знание принципов возмещает незнание некоторых фактов» — подтверждает важность изучения принципиальных, основополагающих начал любой деятельности.

В настоящее время в современных конституционных государствах деятельность государственных органов строится на принципах гуманизма, демократизма, гласности, разделения властей, закон-

ности, национального равноправия, централизма, научного подхода к управленческой деятельности, профессионализма в подборе кадров, сочетания единоначалия и коллегиальности в принятии решений. Рассмотрим содержание каждого принципа.

Гуманизм. Данный принцип означает признание ценности человека как личности, утверждение приоритета его интересов в деятельности государства. В переводе с латыни homo — это человек, humanus — человеческий, человечный. Анализируя содержание принципа гуманизма, следует обратить внимание на два момента. Во-первых, именно интересы личности должны стоять на первом месте в деятельности государства, а не что-либо другое (например, построение коммунистического общества). И во-вторых, должны быть учтены интересы каждого человека или, по крайней мере, большинства населения, а не одного человека или относительно немногочисленной социальной группы.

Гуманизм предполагает прежде всего учет и уважение элементарных прав человека в деятельности государственных органов — права на жизнь, на личную неприкосновенность, на честь и достоинство, на собственность и др. Гуманное государство применяет насилие к человеку только в самых исключительных случаях, например в случае противоправного поведения.

Государственность существует уже около пяти тысячелетий, в то время как принцип гуманизма начал последовательно проводиться в жизнь только после победы буржуазных революций. Сейчас это один из основных принципов организации и деятельности государственного аппарата; он закреплен в конституциях многих современных государств.

> В ст. 2 Конституции РФ сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Демократизм. В переводе с греческого «демократия» означает «народовластие». Содержание принципа демократизма составляет признание народа источником государственной власти, признание его права на участие в принятии политических решений, провозглашение широкого круга гражданских прав и свобод.

Различают непосредственную и представительную демократию. *Непосредственная* демократия предполагает участие каждого в принятии политических решений. В конституциях большинства государств (см., в частности, ст. 31—33 Конституции РФ) закреплены формы непосредственной демократии: голосование на выборах, на референдуме, участие в демонстрациях, собраниях, митингах, шествиях, пикетированиях, право направлять личные или коллектив-

ные обращения в государственные органы (так называемое право петиций). *Представительная* демократия выражается в деятельности выборных представительных органов государства.

Принцип демократизма в общей форме закреплен в ч. 1 и 2 ст. 3 Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Гласность. Необходима достаточная информированность общества о деятельности государственных органов, поскольку только на основе гласности возможно реальное народовластие. В содержание данного принципа входит право каждого на получение информации, затрагивающей его права и законные интересы, а в более широком плане — формирование общественного мнения о деятельности государственного аппарата.

Так, согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Таким образом, речь не идет об абсолютной гласности, она ограничивается в случае возможности нанесения ущерба существенным интересам государства или граждан.

Государственный аппарат в СССР долгое время функционировал в полусекретных условиях. Служебные документы, различные статистические данные были практически недоступны для населения, к тому же многое из известной информации сознательно искажалось. В 1990-х гг. принцип гласности начал в большей или меньшей степени получать реальное воплощение в деятельности органов государства, в частности сокращены перечни сведений, относимых к государственной и служебной тайнам, во многих органах образованы специальные структурные подразделения, отвечающие за связь со средствами массовой информации (пресс-центры, пресс-службы и т.п.).

Разделение властей — фундаментальный принцип организации и деятельности государственного аппарата в современных конституционных государствах (рассмотрен в главе 3).

Законность. Вся деятельность государственных органов урегулирована нормами права, содержащимися в многочисленных и разнообразных нормативных актах. Их строгая и неуклонная реализация и составляет содержание принципа законности.

«Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ).

Более подробно проблемы законности будут изложены в главах, посвященных теории права.

Национальное равноправие. Доступ к замещению должностей в государственном аппарате должен быть предоставлен всем лицам вне зависимости от их национальной принадлежности. В тех или иных странах острота постановки национального вопроса различна, в прямой зависимости от этого находится и актуальность данного принципа. Здесь в более широком плане речь может идти о равноправии вообще — не только о расовом или национальном, но и о равенстве прав на замещение должностей в государственном аппарате независимо от возраста, пола, религиозных верований и т.д. «Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе» (ч. 4 ст. 32 Конституции РФ).

Централизм. Государственный аппарат имеет иерархическую структуру, и нижестоящие органы государства должны выполнять решения вышестоящих органов, регулярно отчитываться перед ними. Органы государства могут иметь или только подчинение по вертикали, или так называемое «двойное подчинение» — по вертикали и горизонтали. В последнем случае орган, например, отраслевого территориального управления подчиняется как вышестоящему территориальному или центральному органу отраслевого управления, так и вышестоящему территориальному органу.

Научный подход к управленческой деятельности, профессионализм в подборе кадров. Управленческая деятельность — это деятельность достаточно сложная и специфическая, что обусловлено современным уровнем развития человеческого общества, многообразием и сложностью общественных отношений. Практика показывает, что управление обществом наиболее качественно, наиболее эффективно осуществляется специалистами. В нашей стране настоящий принцип долгое время недооценивался. Для того чтобы быть назначенным на любую должность в государственном аппарате, требовалось наличие прежде всего определенных морально-политических качеств (в большинстве случаев необходимо было состоять в рядах КПСС), и только потом уже — сугубо профессиональных.

Сочетание единоначалия и коллегиальности. И единоначальный, и коллегиальный способы принятия управленческих решений имеют свои достоинства и недостатки. В первом случае решения принимаются быстро, оперативно, с наименьшими затратами, создаются предпосылки для эффективного осуществления управленческой деятельности. Однако принятие решений большинством голосов (а голосованию предшествует, как правило, обсуждение вопроса, выяснение различных точек зрения, уточнение спор-

ных моментов, выработка коллективного мнения и т.п.) позволяет находить более взвешенные подходы к сложным проблемам. В то же время качественной работе коллегиальных органов государства часто препятствуют различные обстоятельства организационного характера: не всегда достаточная скорость работы и оперативность принятия решений; в некоторых случаях — отсутствие четкой позиции, невозможность прийти к общему мнению, непоследовательность в проведении определенной политики; дороговизна коллегиальных процедур. Поэтому именно сочетание в тех или иных пропорциях коллегиальности и единоначалия характерно для деятельности практически всех государственных органов, функционирующих преимущественно на основе единоначалия или коллегиальности.

5.3. Понятие и виды органов государства

Орган государства — это самостоятельное подразделение государственного аппарата, создаваемое в установленном законом порядке, обладающее установленной законом структурой и наделенное определенной компетенцией.

Поясним данное определение, указав на характерные признаки органа государства. Орган государства — это звено, составная *часть разветвленной системы органов*. Каждый элемент этой системы выполняет свои задачи, а все вместе они образуют государственный аппарат. Орган государства создается *на основе нормативных правовых актов*, в которых четко определены назначение, порядок формирования, иные вопросы, связанные с организацией и деятельностью того или иного подразделения государственного аппарата. Орган государства может иметь сложную *структуру*: управления, отделы, отделения, комиссии, подкомиссии и т.д. Они являются не самостоятельными государственными органами, а только структурными их подразделениями. Для руководства соответствующей областью общественной жизни орган государства наделяется *компетенцией*, т.е. определенными правами и обязанностями. В соответствии со своей компетенцией орган издает обязательные к исполнению правовые акты, поскольку в рамках предоставленных ему полномочий каждый государственный орган является официальным представителем государства. Органы государства можно классифицировать по различным основаниям.

Выше уже было сказано о видах органов государства в соответствии с **теорией разделения властей** — *законодательных, испол-*

нительных, судебных, (контрольно-надзорных) — в зависимости от модификации теории разделения властей.

В Российской Федерации органом законодательной власти является Федеральное Собрание, исполнительной — Правительство РФ; высшие судебные инстанции — Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ. В гл. 7 Конституции РФ «Судебная власть» оказалась включенной и ст. 129, определяющая конституционно-правовой статус Прокуратуры РФ. Однако, как отмечается в литературе по конституционному праву, прокуратура находится вне системы судебной власти, ее нельзя смешивать и тем более отождествлять с названной властью, рассматривать в качестве одного из институтов судебной власти (см., например: Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. М., 1996. С. 425; Конституционное право: Учеб. / Отв. ред. А. Е. Козлов. М., 1996. С. 358—359).

Кроме того, представляется возможным говорить о самостоятельном значении Президента РФ и, соответственно, о самостоятельном значении президентской власти.

По *порядку образования* различают органы, избираемые непосредственно народом (это, к примеру, Президент РФ); а также органы, формируемые другими государственными органами (Конституционный Суд РФ).

По *способу принятия решений* выделяют *коллегиальные* органы. Они принимают решения большинством голосов, простым или квалифицированным (Федеральное Собрание РФ, Конституционный Суд РФ). Второй вид органов в этой классификации — *единоначальные* органы, где решения принимаются единолично руководителем (Президент РФ, Прокуратура РФ).

В зависимости от *характера компетенции* государственных органов существуют органы общей и специальной компетенции. Органы *общей* компетенции в пределах своих полномочий принимают решения по любым вопросам (Федеральное Собрание, Правительство РФ). Органы *специальной* компетенции осуществляют деятельность в какой-либо одной сфере общественной жизни (например, различные министерства и ведомства).

По *положению в иерархической структуре* государственного аппарата различают высшие и местные органы государства. Полномочия *высших* органов распространяются на всю территорию данного государства. Следует иметь в виду, что в унитарных государствах есть один уровень высших органов, а в федеративных — два: федеральные высшие органы и высшие органы субъектов федерации. *Местные* органы осуществляют свою деятельность

в пределах территории какой-либо административно-территориальной единицы. Может быть несколько уровней местных органов, в зависимости от административно-территориального деления государства.

По *характеру подчиненности* существуют органы исключительно «*вертикального*» подчинения (к примеру, прокуратура) и органы так называемого «*двойного подчинения*», например различные органы отраслевого управления: министерства, ведомства с их территориальными управлениями и отделами. Сама идея «двойного подчинения» обусловлена желанием учесть наряду с общегосударственными интересами местные интересы.

По *срокам полномочий* есть органы государства, которые функционируют постоянно, но их состав обновляется через установленный срок; и *бессрочные* органы, где пребывание человека на данном посту заранее не ограничено каким-либо сроком.

По *времени функционирования* выделяют постоянные и временные органы государства. *Постоянных* органов абсолютное большинство, поскольку государственный аппарат рассчитан в основном на деятельность в нормальных условиях. *Временные* органы создаются в чрезвычайных условиях или для осуществления каких-либо крупномасштабных задач, имеющих общегосударственное значение.

Обзор специальной литературы по теме

При изучении различных аспектов деятельности государственного аппарата целесообразно обращение к литературе по другим дисциплинам, прежде всего — по конституционному праву (см. в обзоре специальной литературы к теме 3). Кроме Конституции, возможно знакомство с нормативными правовыми актами, регулирующими организацию и деятельность различных государственных органов.

Общие работы об организации ***системы государственных органов***:

Василевич Г. А. Органы государственной власти Республики Беларусь. Конституционно-правовой статус: Учеб. пособие. Минск, 1998. 232 с; То же. 2-е изд., доп. Минск, 1999. 248 с.

Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Органы государственной власти современной России: Учеб. пособие. М., 2003. 336 с.

Дмитриев Ю. А., Николаев А. М. Система государственной власти в России и в мире: историко-правовая ретроспектива: Монография. М., 2002. 839 с.

Елисеев Б. П. Система органов государственной власти в современной России. М., 1997. 255 с.

Козырев А. А. Конституционно-правовые основы единства государственной власти субъектов Российской Федерации: Монография. М., 2002. 102 с.

Конюхова И. А., Алешкова И. А. Система государственной власти субъектов Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и практика конституционного правосудия // Государство и право. 2007. № 10. С. 35—42.

Матейкович М. С. Конституционные основы взаимоотношений органов публичной власти // Государство и право. 2007. № 3. С. 13—19.

Нарутто С. В. Разграничение компетенции и единство системы государственной власти Российской Федерации: Монография. Владивосток, 2001. 162 с.

Овсепян Ж. И. Система высших органов государственной власти в России (Диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI в.): Монография. Ростов-н/Д., 2006. 592 с. (рецензия: Мухачев И. В., Алексеев И. А., Белявский Д. С. // Государство и право. 2007. № 9. С. 122—123).

Осипян С. А. Типология российского федерализма и конституционно-правовые проблемы организации государственной власти и прокурорского надзора: Монография. М., 2004. 207 с.

Черепанов В. А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами. М., 2003. 436 с.

О некоторых ***принципах организации и деятельности*** механизма государства:

Афанасьева О. В. Право граждан на информацию и информационная открытость власти: концептуальные вопросы правового регулирования. Саратов, 2004. 168 с.

Габричидзе Б. Н., Коланда В. М. Принцип профессионализма в государственной службе // Государство и право. 1995. № 12. С. 19—26.

Маилян С. С. Единоначалие и коллегиальность в управлении органами внутренних дел: Монография. М., 2002. 111 с.

Тихомиров Ю. А. Централизация и децентрализация: динамика соотношения // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 99—105.

Тупикин А. П., Михайленко А. Н. Принцип открытости и прозрачности в зарубежных системах государственного управления: Учеб. пособие. М.: РАГС, 2005. 145 с.

Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: Межвуз. сб. / Под ред. А. С. Мордовца, А. П. Плешакова. Саратов, 2004. 94 с.

Имеется достаточно много источников, касающихся характеристики органов законодательной, исполнительной, судебной власти, института президентства. Поскольку данная литература относится в основном к конституционному праву, упомянем лишь некоторые работы.

О ***законодательной власти*** см.:

Авакьян С. А. Федеральное Собрание — Парламент России. М., 1999. 432 с. (рецензия: Чиркин В. Е. // Государство и право. 2000. № 8. С. 113—114).

Андреев А. В., Карасев А. Т. Представительные (законодательные) органы власти субъектов Российской Федерации (общая характеристика): Монография. Екатеринбург, 2004. 75 с.

Барсенков А. С., Корецкий В. А. Федеральное Собрание Российской Федерации. М., 1997.

Васецкий Н. А., Краснов Ю. К. Парламентаризм в действии. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в 1994—1998 гг. М., 1999.

Васильев В. И., Павлушкин А. В., Постников А. Е. Законодательные органы субъектов Российской Федерации. Правовые вопросы формирования, компетенции и организации работы. М., 2001. 288 с. (рецензия: Сергеев А. А. Законодательная власть в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 167—170).

Горобец В. Д. Парламент Российской Федерации. М., 1998. 219 с. (рецензия: Бутылин В. Н. // Государство и право. 1999. № 1. С. 120—121).

Гранкин И. В. Законодательные органы власти субъектов Российской Федерации. М., 1998.

Гранкин И. В. Парламент России. М., 1999.

Маклаков В. В. Парламенты стран — членов Европейского Союза. М., 1994. 136 с.

Парламенты мира: Сборник. М., 1991. 624 с.

Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С. А. Авакьяна. 1998. 184 с.

Савельев В. А. США: кризис законодательной власти. М., 1986. 224 с.

Саидов А. Х. Национальные парламенты мира: Энциклопедический справочник. М., 2005. 699 с.

Шеховцев В. А. Развитие российского парламентаризма: Монография. Владивосток, 2002. 320 с.

См. также дореволюционные исследования:

Соколов К. Н. Парламентаризм: опыт правовой теории парламентского строя. СПб., 1912.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866; То же. 1899.

Институт президентства и теория разделения властей см.:

Баглай М. В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Роль, порядок выборов, полномочия. М., 2008. 144 с.

Дегтев Г. В. Конституционно-правовой статус Президентов Российской Федерации и США: сравнительно-правовой анализ: Монография. М., 2003. 158 с.

Дегтев Г. В. Некоторые теоретические закономерности становления института президентства на современном этапе // Государство и право. 2005. № 2. С. 5—12.

Дегтев Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2005. 237 с.

Ибрагимов А. М. Президентская власть в США. Махачкала, 1996.

Ильин А. В. Импичмент главы государства: историко-теоретические акценты // Правоведение. 2004. № 5. С. 61—70.

Крутоголов М. А. Президент Французской республики: правовое положение. М., 1980.

Кудряченко А. И. Институт президентства на Украине: реалии конституционно-правового статуса // Государство и право. 1998. № 3. С. 99—106.

Мордкович С. В., Мещеряков А. Н. Институт президентства в РФ (Конституционно-правовая характеристика): Монография. Челябинск, 2003. 250 с.

Нейштадт Р. Президентская власть и нынешние президенты. М., 1997.

Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М., 1996.

Окуньков Л. А. Президент и правительство в механизме государственной власти // Журнал российского права. 2001. № 2.

Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М., 1996.

Правовой статус Президента Российской Федерации: Учеб. пособие / Под общ. ред. Ю. А. Дмитриева. М., 1997. 538 с.

Радченко В. И. Президент в конституционном строе Российской Федерации: Монография. Саратов, 2000. 182 с.

Саидов А. Х. Президентские выборы в современном мире. Ташкент, 1999. 170 с.

Сахаров Н. А. Институт президентства в современном мире. М., 1994. 176 с.

Скуратов Д. Институт президентства в республиках Российской Федерации парламентского типа // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 53—72.

Скуратов Ю. И. Президентская власть в России: конституционные нормы и практика // Право и жизнь. 1992. № 2. С. 4—8.

Согрин В. В. Президенты и демократия: американский опыт. М., 1998.

Статкявичюс М. Перспективы развития института импичмента в современном демократическом государстве // Правоведение. 2004. № 5. С. 42—50.

Тарасов А. М. Президентский контроль: теоретические и практические аспекты оценки его эффективности // Государство и право 2002. № 11. С. 54—64.

Хутинаев И. Д. Теория институционализации и вопросы становления института президента Российской Федерации: Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2005. 497 с.

Чиркин В. Е. Президентская власть // Государство и право. 1997. № 5.

Об ***исполнительной власти*** см.:

Административная реформа в России: Научно-практическое пособие / Под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М., 2006. 352 с.

Бахрах Д. Н. Административная власть как вид государственной власти // Государство и право. 1992. № 3. С. 13—20.

Бельский К. С. О реформе губернаторской должности // Государство и право. 2001. № 1. С. 5—13.

Бельский К. С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3. С. 14—21.

Бобылев А. И., Горшкова Н. Д., Ивакин В. И. Исполнительная власть в России: теория и практика ее осуществления. М., 2003. 304 с.

Дубовицкий В. Н. Понятие и система органов исполнительной власти в законодательстве Республики Беларусь // Журнал российского права. 2004. № 2.

Зимин В. А. Исполнительная власть в Российской Федерации: Монография. Самара, 2001. 127 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. Самара, 2005. 336 с.

Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития / Отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2004. 564 с.

Исполнительная власть в Российской Федерации / Под ред. А. Ф. Ноздрачева, Ю. А. Тихомирова. М., 1996. 269 с. (рецензия: Юсупов В. А., Левин В. Ф. // Государство и право. 1997. № 10. С. 111—112).

Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Отв. ред. И. Л. Бачило. М., 1998. 432 с. (рецензия: Петухов В. Н. // Государство и право. 1999. № 7. С. 122—124).

Исполнительная власть: организация и взаимодействие / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2000. 240 с.

Исполнительная власть: сравнительно-правовое исследование. Сб. статей и обзоров. М., 1995.

Ноздрачев А. Ф. Основные характеристики исполнительной власти по Конституции Российской Федерации 1993 г. // Государство и право. 1996. № 1. С. 12—23.

О концепции развития системы исполнительной власти в Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 8. С. 3—32.

Полянский И. А. Правовая природа исполнительной власти и ее место в организации государственной власти // Правоведение. 1999. № 4. С. 18—27.

Правительство Российской Федерации: Монография / Под ред. Т. Ю. Хабриевой. М.: Норма, 2005. 607 с.

Правительство, министерства и ведомства в зарубежных странах. М., 1994. 128 с.

Российские министерства: история и современность / А. В. Минашкин // Журнал российского права. 2002 № 12. С. 139—155.

Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. Исполнительная и судебная ветви власти: соотношение и взаимодействие // Государство и право. 2000. № 1. С. 5—11.

Скитович В. В. Исполнительная власть и процессуальный аспект регулирования ее функций // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 8. Минск, 1997. С. 19—25.

Скитович В. В. Судебная власть и административный акт: проблемы юрисдикционного контроля. Гродно, 1999.

О *судебной власти* см.:

Абросимова Е. Б. Суд в системе разделения властей: российская модель (конституционно-теоретические аспекты): Учеб. пособие. М., 2002. 112 с.

Баренбойм П. Д. Американские суды в системе разделения властей // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 97—104.

Баренбойм П. Д. Первая конституция мира: библейские корни независимости суда: Учеб. пособие. М., 1997.

Безнасюк А. С., Рустамов Х. У. Судебная власть: Учеб. М., 2002. 455 с.

Бибило В. И. Суд в системе государства и гражданского общества // Право и демократия. Вып. 6. Минск, 1994. С. 26—32.

Бибило В. И. Судоустройство в Республике Беларусь: Учеб. пособие. Минск, 2000. 384 с.

Боботов С. В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989.

Боботов С. В. Правосудие во Франции: Учеб. пособие / ИГП РАН. М., 1994. 198 с.

Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 1997.

Бойков А. Д., Карпец И. И. О законотворчестве, судебной власти и правосудии // Государство и право. 1992. № 11.

Верховный Суд Российской Федерации и проблемы развития судебной системы («круглый стол») // Государство и право. 1996. № 4. С. 14—26.

Дегтярев С. Л. Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Правоведение. 2005. № 6. С. 99—108.

Демидов И. Ф. Конференция о судебной власти и прокуратуре: итоги и размышления // Государство и право. 1994. № 1. С. 139—145.

Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. М., 1992. 206 с.

Ершов В. В. Суд в системе органов государственной власти // Российское правосудие. 2006. № 1.

Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985.

Изварина А. Ф. Судебная власть в Российской Федерации: Учеб. пособие. Ростов н/Д., 2001. 344 с.

Клеандров М. И. Конституционные основы правосудия в государствах — участниках СНГ: Учеб. пособие. М., 2001. 138 с.

Колоколов Н. А. Роль суда в механизме государственного управления: Монография. М.: ИГ «Юрист», 2006. 150 с.

Колоколов Н. А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе: Монография. М.: ИГ «Юрист», 2005. 560 с.

Колоколов Н. А. Судебная власть: становление правоприменительной практики в переходный период: Сб. ст. М., 2005. 426 с.

Лафитский В. И. Принцип независимости судебной власти: общие проблемы реализации // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 95—100.

Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. 383 с.

Мельникова Э. Б. Буржуазная юстиция и права человека: критический анализ механизма судебной охраны. М., 1987.

Морщакова Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М., 2004. 262 с.

Пастухов М. И. Судебная власть в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития // Государство и право. 1998. № 3. С. 107—110.

Петрухин И. Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2000. № 7—8.

Поляков С. Б. К вопросу о независимости суда // Государство и право. 2000. № 10. С. 85—92.

Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. 216 с. (рецензия: Кряжков В. А., Сивицкий В. А. // Государство и право. 1999. № 5. С. 125—126).

Савицкий В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации: Учеб. пособие. М., 1996. 320 с.

Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В. В. Ершова. М.: Юристъ, 2006. 493 с.

Сатаров В. С. Судебная система как социальный институт. Казань, 2004. 179 с.

Становление судебной власти в обновляющейся России / Рук. авт. колл. В. М. Савицкий; ИГП РАН. М., 1997. 56 с.

Старилов Ю. Н. Административная юстиция: теория, история, перспективы: Монография. М., 2001. 292 с.

Стецовский Ю. И. Судебная власть: Учеб. пособие. М., 1999. 400 с.

Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Кутафин О. Е. и др. М., 2003.

Судебная власть: надежды и реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. В. М. Савицкого и др. М., 1993. 149 с.

Судебная система России: Учеб. пособие. М., 2000. 235 с.

Судебные системы европейских стран: Справочник: Пер. с фр., англ. М., 2002. 335 с.

Судебные системы западных государств / Отв. ред. В. А. Туманов. М., 1991. 240 с.

Тиковенко А. Г. Конституционная природа судебной власти // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 10. Минск, 1999. С. 145—151.

Филиппов С. В. Судебная система США. М., 1980. 176 с.

Фоглесонг Т. Возможен ли демократический суд в России? // Право и жизнь. 1992. № 2.

Хованская А. В. Суды в динамической правовой системе: потенциал самоуправления общества // Правоведение. 2004. № 1. С. 173—190.

Черемных Г. Г. Судебная власть в Российской Федерации. М., 1998.

Шарвен Р. Юстиция во Франции. М., 1978.

Вопросы ***конституционной юстиции***, имеющие тесную связь со многими теоретическими проблемами юриспруденции, рассмотрены в значительном числе работ:

Арутюнян Г. Г. Конституционный суд в системе государственной власти: (Сравнительный анализ). Ереван, 1999.

Бланкенагель А. Детство, отрочество, юность Российского Конституционного Суда. М., 1996. 122 с. (рецензия: Лузин В. В. // Государство и право. 1998. № 4. С. 111—112).

Боботов С. В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). М., 1994. 127 с. (рецензия: Ершов В. В. // Государство и право. 1995. № 2. С. 149—156).

Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 15—30.

Брежнев О. В. Федеральный судебный конституционный контроль в России. М., 2006. 272 с.

Василевич Г. А. Конституционный контроль и практика правоприменения в Республике Беларусь // Журнал российского права. 2001. № 1.

Витрук Н. В. Верность Конституции: Монография. М.: Изд-во РАП, 2008. 272 с.

Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1999—2001): очерки теории и практики. М., 2001. 508 с.

Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учеб. пособие. М., 1998. 383 с. (рецензия: Хабриева Т. Я. // Государство и право. 1998. № 12. С. 104—106); То же. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2005. 527 с.

Зорькин В. Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 14—23.

Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3.

Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. 2007. 400 с.; Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI в. 2-е изд., доп. М., 2008. 592 с.

Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Сб. нормат. актов. М., 1998. 800 с.

Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002.

Конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации / Отв. ред. М. А. Митюков. М., 1999. 480 с.

Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности: Пер. с фр. М., 1993.

Шахрай С. М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма. СПб., 2001; То же. Изд. 2-е, испр. и дор. СПб., 2002. (рецензия: Кутафин О. Е. Новые аспекты анализа российского конституционализма // Государство и право. 2004. № 1. С. 112—114).

Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд: Учеб. пособие. М., 1997. 349 с.

Популярны и публикации о ***зарубежном опыте*** организации и деятельности ***конституционной юстиции***, содержащийся в них материал также представляет несомненный теоретический интерес:

Бланкенагель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102—109.

Боботов С. В. Государственный Совет Франции: политическая роль и юридические функции // Советское государство и право. 1987. № 7.

Галмаи Г. Опыт конституционного правосудия в Венгрии (Итоги двух лет) // Государство и право. 1993. № 9. С. 63—73.

Евдокимов В. Б. Конституционное судопроизводство в США. Екатеринбург, 1996. 126 с.

Иовенко В. А. Конституционное правосудие в Латинской Америке // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 127—135.

Исаев М. А. Основные формы конституционного контроля в странах Скандинавии // Государство и право. 2003. № 12. С. 76—85.

Клишас А. А. Конституционная юстиция в зарубежных странах: Монография. М., 2004. 285 с.

Конституционный контроль в зарубежных странах: Учеб. пособие / Отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Норма, 2007. 656 с.

Крутоголов М. А. Конституционный совет Франции. М., 1985.

Кряжков В. А. Конституционные суды земель Германии // Государство и право. 1995. № 5. С. 117—127.

Лазарев В. В. Конституционный суд Австрии // Государство и право. 1993. № 9. С. 51—62.

Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1988.

Неновски Н., Жабинска М. Конституционный суд Болгарии // Государство и право. 1993. № 9. С. 74—79.

Нудель М. А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М., 1968.

Овсепян Ж. И. Правовая защита конституций: судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Д., 1992.

Олтеану О. М. Роль и место Конституционного суда Румынии в процессе становления правового государства // Государство и право. 1995. № 6. С. 95—100.

Руйе К. Швейцарский Федеральный суд и надзор за конституционностью законов // Государство и право. 1995. № 12. С. 84—94.

Судебные системы западных государств. М., 1991. 240 с.

Юдин Ю. А. Судебный конституционный контроль в развивающихся странах // Государство и право. 1993. № 9. С. 79—89.

Юдин Ю. А., Шульженко Ю. Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). М., 2000. 107 с.

О ***контрольно-надзорных органах*** (см. также литературу об уполномоченном по правам человека в теме 21):

Беляев В. П. Контроль и надзор в Российском государстве: Монография. М., 2005. 272 с. (рецензия: Власенко Н. А. // Государство и право. 2006. № 8. С. 119—120).

Беляев В. П. Контрольная форма юридической деятельности: общетеоретический аспект. СПб., 2006. 206 с.

Беляев В. П. Надзор как форма юридической деятельности // Правоведение. 2004. № 3. С. 68—84.

Беляев В. П. Надзорная форма государственной деятельности в России: вопросы теории: Монография / Под ред. П. А. Борисова. Белгород, 2001. 232 с.

Беляев В. П. Сущность контроля и надзора, их сходство и различия // Государство и право. 2006. № 7. С. 31—42.

Журавлев А. Независимость Генерального прокурора и президентская власть в России // Право и жизнь. № 10. 1996. С. 49—52.

Зеленцов А. Б. Контроль за деятельностью исполнительной власти в зарубежных странах: Учеб. пособие. М., 2002. 190 с.

Костенко Н. И. Место прокуратуры в государственном механизме // Государство и право. 1995. № 11. С. 12—22.

Мельников Н. В. Прокурорская власть // Государство и право. 2002. № 2. С. 14—20.

Мельников Н. В. Прокурорский надзор — самостоятельная форма осуществления прокурорской власти в России // Государство и право. 2003. № 5. С. 34—41.

Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебная власть: Учеб. пособие. М., 2001. 88 с. (рецензия: Шейфер С. А., Тарасов А. А. // Государство и право. 2002. № 5. С. 122—123.

Погосян Н. Д. Правовой статус высших органов финансового контроля (ВОФК) Великобритании, Франции, Германии и Польши // Государство и право. 1998. № 2. С. 103—111.

Погосян Н. Д. Счетная палата Российской Федерации. М., 1998. 302 с. (рецензия: Бойцова В. В., Бойцова Л. В. // Государство и право. 1999. № 1. С. 122—123).

Погосян Н. Д. Формирование статуса Счетной палаты Российской Федерации (историко-правовые аспекты и некоторые современные проблемы) // Государство и право. 1998. № 4. С. 10—18.

Прокурорский надзор в Российской Федерации / Под ред. А. А. Чувилева. М., 1999.

Прокурорский надзор. Российская прокуратура в правовом демократическом государстве: Учеб. / Под ред. А. Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 464 с.

Тарасов А. М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 26—36.

Тарасов А. М. Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля // Государство и право. 2004. № 10. С. 15—25.

Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10—18.

Шульженко Ю. Л. Конституционный статус прокуратуры Российской Федерации / ИГП РАН. М., 1999.

О ***правоохранительных органах*** см.:

Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы: Учеб. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 404 с.; То же. 8-е изд. М., 2004. 421 с.

Лукичев Ю. А., Вахмистрова С. И. Правоохранительные органы Российской Федерации. Полный исторический и систематический курс: Учеб. 2-е изд., стереотип. СПб., 2000. 416 с.

Правоохранительные органы Российской Федерации: Учеб. / Под ред. В. П. Божьева. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002. 398 с.; То же. 5-е изд., испр. и доп. М., 2004. 400 с.

Чувилев А. А., Чувилев Ан. А. Правоохранительные органы: Учеб. пособие. М., 2000. 175 с.

В связи с ***компетенцией*** органов государства см.:

Головко В. В. Понятие и назначение юрисдикции по российскому праву // Государство и право. 2007. № 3. С. 20—25.

Игнатюк Н. А. Компетенция органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. М., 1999. 645 с.

Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972. 280 с.

Тихомиров Ю. А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 22—32.

Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М., 2001. 352 с. (рецензия: Бачило И. Л. Новый подход к теории компетенции // Журнал российского права. 2001. № 7).

В современных учебниках по теории государства и права начинают появляться разработки, дающие представление о ***службе в государственном аппарате***, в связи с этим см.:

Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: Монография. М., 2002. 266 с.

Атаманчук С. Г. Государственная служба. Исполнение государственных должностей. М., 1999.

Барциц И. Н. О концептуальных направлениях развития системы государственной службы Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 21—31.

Бахрах Д. Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие, содержание, принципы // Государство и право. 1996. № 12. С. 10—18.

Бельский К. С. О концепции реформы государственной службы в России // Государство и право. 1994. № 4. С. 24—32.

Гимаев И. Р. Государственная служба как институт правового государства: проблемы теории и практики: Монография. М., 2004. 221 с.

Государственная служба (комплексный подход): Учеб. пособие / А. В. Оболонский, А. Г. Барабашев и др. М., 1999. 440 с.

Государственная служба в зарубежных странах: Сб. обзоров законодательства. М., 1996.

Государственная служба основных капиталистических стран. М., 1977.

Государственная служба: теория и организация: Курс лекций / Под ред. Е. В. Охотского, В. Г. Игнатова. Ростов н/Д., 1998. 631 с.

Государственная служба: Учеб. пособие / Отв. ред. А. В. Оболонский. М., 1999. 591 с. (рецензия: Хаманева Н. Ю. // Государство и право. 2000. № 6. С. 116—117).

Граждан В. Государственная гражданская служба: Учеб. пособие. М., 2005. 476 с.

Граждан В. Государственная служба как профессиональная деятельность. М., 1997.

Гришковец А. А. Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (Практика России) // Государство и право. 2004. № 1. С. 24—36.

Гришковец А. А. Проблемы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации. Ч. I—III. М., 2002. 394 с. (рецензия: Попов Л. Л. Исследование особенностей государственной гражданской службы // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 169—171).

Гусев А. В. Государственная служба в решениях Конституционного Суда России // Правоведение. 2007. № 6. С. 97—103.

Крылова Е. Г. Принцип разделения властей в организации государственной службы // Государство и право. 2007. № 11. С. 12—19.

Манохин В. М. Служба и служащий Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. 296 с.

Ноздрачев А. Ф. Государственная служба: Учеб. М., 1999. 592 с. (рецензия: Бельский К. С., Емельянов Н. А., Колодкин Л. М. // Государство и право. 2000. № 11. С. 121—122).

Оболонский А. В. Государственная служба США: история и современность // Государство и право. 1999. № 4. С. 103—111.

Овсянко Д. М. Государственная служба в Российской Федерации: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 301 с.

Розенбаум Ю. А. Государственная служба как фактор укрепления целостности Российского Федеративного государства // Государство и право. 1999. № 4. С. 53—57.

Старилов Ю. Н. Институт государственной службы: содержание и структура // Государство и право. 1996. № 5. С. 14—24.

Старилов Ю. Н. Служебное право: Учеб. М., 1996. 698 с.

Узилевский Г. Я. Государственный служащий и постиндустриальная цивилизация: Монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2004. 231 с.

Чиканова Л. А. Государственные служащие: Комментарии, разъяснения, рекомендации. М., 1998.

Чуприс О. И. Определение границ государственной службы в ее традиционных моделях и в Республике Беларусь // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 86—99.

В 1980-х гг. пользовалось особой популярностью исследование проблем ***бюрократии***. Среди работ по этой тематике см., например:

Бабаев М. М., Блувштейн Ю. Д. Бюрократизм в правоохранительной деятельности: истоки и пути преодоления // Советское государство и право. 1990. № 9.

Воротников А. А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект. Саратов: СГАП, 2004. 319 с.

Гудков В., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений // Коммунист. 1988. № 12.

Денисов С. А. Бюрократизация правовой системы // Правоведение. 2006. № 5. С. 41—52.

Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология: Монография. Н. Новгород, 1997. 87 с.

Оболонский А. В. Бюрократия и государство: Очерки. М., 1996. 67 с.

Оболонский А. В. На государевой службе: бюрократия в старой и новой России: Очерк. М., 1997. 32 с.

Хасбулатов Р. И. Бюрократическое государство. М., 1991. 256 с. (рецензия: Бельский К. С. // Государство и право. 1993. № 2. С. 145—148).

К концу 1990-х гг. борьба с ***коррупцией*** перерастает рамки сугубо отраслевой уголовно-правовой и криминологической проблемы, см.:

Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Казань, 2004. 174 с.

Коррупция и борьба с ней. М., 2000.

Кругликов А. Л. Власть и коррупция. Ульяновск, 2006. 443 с.

Куракин А. В. Вопросы использования зарубежного опыта борьбы с коррупцией в правовом регулировании государственно-служебных отношений // Государство и право. 2003. № 8. С. 35—47.

Куракин А. В. Правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации (Теоретико-административные аспекты): Монография. М., 2004. 307 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2005. № 4. С. 120—121).

Лопатин В. Н., Карапетян С. А., Лазарев В. В., Максимов С. В. Актуальные проблемы антикоррупционной политики в Российской Федерации. М., 2001.

Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20—27.

Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2000.

Основы противодействия коррупции / Под ред. С. В. Максимова и др. М., 2000.

Пекарев В. Я. Правовые аспекты борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях: Монография. М., 2001. 329 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2003. № 4. С. 126—128).

Политическая коррупция в России (материалы «круглого стола») / Н. В. Тогонидзе // Государство и право. 2003. № 3—4.

Савинский А. В. О роли гражданского права и других отраслей права в борьбе с коррупцией и организованной преступностью // Правоведение. 2004. № 4. С. 81—92.

Талапина Э. В. Об антикоррупционной экспертизе // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 52—66.

Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 39—52.

Толкачев В. В. Методология исследования коррупционных отношений в контексте современной теории права // Государство и право. 2006. № 7. С. 14—20.

Трикоз Е. Н., Цирин А. М. Правовые меры противодействия коррупции // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 159—169.

Хабибулин А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 45—50.

Из ***литературы ко всей теме*** укажем:

Безлепкин Б. Т. Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура России: Учеб. М., 2001. 349 с.

Васильев В. И. «Вертикаль» и «горизонталь». Правовые вопросы организации власти. М.: Юристъ, 2006. 363 с. (рецензия: Иванченко А. В. Об организации публичной власти на принципах демократии // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 156—160).

Вертикаль власти: проблема укрепления российской государственности в современных условиях: Монография. Ростов н/Д., 2001. 276 с.

Деев Н. Н. От государственного аппарата к государству-ассоциации // Правоведение. 1990. № 5.

Копейчиков В. В. Механизм государства. М., 1968.

Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972. 280 с.

Лужков Ю. М. Путь к эффективному государству: план преобразований системы государственной власти и управления в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М., 2002. 228 с.

Осавелюк А. М. Вспомогательные государственные органы зарубежных стран: конституционно-правовой аспект. М., 1998.

Попов Г. Блеск и нищета административной системы. М., 1990.

Смиртюков М. С. Советский государственный аппарат управления: вопросы организации и деятельности центральных органов. М., 1984. 287 с.

Черников В. В. Судебные, правоохранительные и контрольные органы России: Учеб. 2-е изд. М., 2002. 686 с.

ГЛАВА 6 Форма государства

6.1. Понятие и элементы формы государства

Форма государства — это совокупность его внешних признаков, показывающих порядок образования и организацию высших органов государства, территориальное устройство государства, приемы и методы осуществления государственной власти.

Форму государства, что отражается и в определении, характеризуют три элемента: форма правления, форма государственного устройства и политический режим; таким образом, это синтетическое понятие, состоящее из отдельных частей. Конструирование категории «форма государства» — попытка с различных сторон и в то же время комплексно рассмотреть организацию и функционирование государства, и прежде всего — формирование и деятельность его высших органов.

В связи с общим пониманием категории «форма государства» возникает немало проблем, к их рассмотрению мы вернемся позже, после характеристики составляющих формы государства в традиционном отечественном понимании: формы правления, формы государственного устройства и политического режима.

6.2. Форма правления

Форма правления — это организация высших органов государственной власти, их структура, порядок образования, распределение компетенции и взаимоотношения с населением.

Различают две основные формы правления — монархическую и республиканскую.

Монархия (в переводе с греческого — единовластие) — такая форма правления, при которой верховная власть осуществля-

ется одним лицом, получающим эту власть, как правило, по наследству.

Монархическая форма правления весьма разнообразна, причем настолько, что из каждого из указанных признаков можно найти исключения. В силу этого ряд монархических государств не вполне соответствуют предложенному определению. Рассмотрим подробнее основные черты монархий.

Вся полнота власти в государстве с данной формой правления принадлежит одному человеку — монарху. Это означает, что от монарха зависит окончательное решение абсолютно любого вопроса; монарх принимает решения от своего имени; может образовать или упразднить любые органы, назначить любое лицо на любую должность и т.д. Юридических ограничений для полномочий монарха нет, и это наиболее последовательный для данной формы правления вариант. Однако власть монарха может ограничиваться, и очень существенно, иными, в первую очередь представительными, органами государства, конституцией. За монархом вообще могут оставаться лишь символические полномочия. Такие монархии называются ограниченными, о них речь пойдет ниже.

Монарх пользуется *титулом* (король, царь, император, фараон, князь, герцог и т.д.), имеет право на получение из государственной казны денежных средств на содержание себя самого и своей семьи (дворцы, прислуга, охрана и т.д.).

Монарх получает власть, как правило, *по наследству*, в большинстве случаев наследником являлся старший сын правившего монарха. Пребывание у власти каким-либо определенным сроком заранее не ограничено. История государственности и современная конституционная практика знают различные способы возведения на престол или его завоевания. В современных федеративных монархиях, например в Объединенных Арабских Эмиратах, Малайзии, монарх может избираться правителями субъектов федераций. Так, в Малайзии он выбирается сроком на пять лет из числа султанов девяти штатов. Именно путем выборов на более чем 300-летний срок воцарилась в 1613 г. на российском троне династия Романовых. Истории известны и факты приглашения монарха. Власть можно также захватить и силой, завоевав то или иное государство или совершив дворцовый переворот. Основное в характеристике монархической формы правления — народ не имеет отношения к формированию власти (прежде всего — главы государства).

Для того чтобы подчеркнуть особый, верховный характер власти монарха, эта власть нередко обожествлялась. Так, царь в дореволюционной России объявлялся помазанником божьим, импера-

тор Японии — сыном богини Солнца Аматерасу и т.д. Обычно при заговорах, дворцовых переворотах восставший народ или заговорщики пытались посадить на трон того, кто имел якобы законное право на царствование.

В зависимости от *объема властных полномочий*, находящихся у монарха, различают абсолютную (неограниченную) и ограниченную монархию.

Главная отличительная черта *абсолютной* монархии — сосредоточение всей полноты власти в руках монарха; юридических ограничений полномочиям монарха не существует. Абсолютные монархии наиболее характерны для традиционных государств с различными разновидностями авторитарного политического режима. Данную форму правления имели так называемые восточные деспотии, государства на территории Западной Европы в периоды раннего и позднего феодализма.

В настоящее время абсолютная монархия — довольно редкая форма правления. Согласно современным конституциям ряда стран вся власть — законодательная, исполнительная, судебная — исходит от монарха, и его теократические полномочия очень значительны. Таким образом, некоторые государства, несмотря на провозглашение в различной степени ограничений власти монарха, все-таки сохраняют основные черты абсолютной монархии, близки к ней. Речь идет, например, о Бахрейне, Кувейте, Брунее, Катаре, где имеются дарованные монархами конституции, в некоторых из перечисленных государств избирались парламенты (см.: Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 1996. С. 459).

В *ограниченных* монархиях (название этой формы правления говорит само за себя) власть монарха юридически ограничена — как правило, и законодательно, и существованием представительного органа. Здесь уже можно говорить о реализации в той или иной степени принципа разделения властей. В зависимости от того, насколько ограничена власть монарха, различают *дуалистическую* и *парламентарную* монархию.

Рассмотрим сначала *парламентарную* (или конституционную) монархию. В ней власть монарха законодательно ограничена практически во всех сферах деятельности. Сам этот институт сохраняется благодаря живучести монархической идеи в сознании народа. В этой связи показателен пример Испании, где после почти 40-летней диктатуры Франко в 1975 г. народ на референдуме высказался за восстановление монархии. Монарх в парламентарной монархии играет в основном представительную роль, является «символом нации», «символом единства нации». Говорят, что монарх царствует, но не правит, поскольку лишен реальных полномочий.

В парламентарных монархиях законодательная власть принадлежит парламенту. Исполнительная власть осуществляется правительством, которое формируется парламентом и ответственно перед ним.

За монархом могут традиционно сохраняться определенные полномочия. Так, в отдельных государствах он назначает главу правительства, министров, но только по предложению парламента. Монарх не может отклонить кандидатуру того или иного члена правительства, если она прошла через парламент. Монарху может принадлежать право вето в отношении законов, принятых парламентом, но на практике оно или не используется, или используется по указанию правительства. Монарх издает указы, но они обычно готовятся в правительстве и подписываются главой правительства или соответствующим министром: эта процедура получила название «контрассигнация». Без подписи главы правительства или министра указы монарха не имеют юридической силы. Таким образом, правительство берет на себя ответственность за надлежащее качество и исполнение актов монарха. Это выражено, в частности, принципом «король не может быть неправ», а также принципом «безответственности монарха». Монарх должен отправить правительство в отставку, если оно потеряло доверие парламента. В свою очередь правительство может предложить монарху в определенных случаях распустить парламент и назначить новые выборы для решения конфликта между законодательной и исполнительной властями непосредственно народом. Изложенные процедуры являются частями механизма сдержек и противовесов.

Далеко не всегда в парламентарных монархиях среди государственных органов доминирует парламент. В странах, где существует двухпартийная система (Великобритания, Канада, Австралия и др.) или многопартийная система с одной доминирующей партией (Япония в 1955—1993 гг.) и правительства в принципе однопартийные, парламентарная модель отношений между парламентом и правительством практически превращается в свою противоположность. Юридически парламент осуществляет контроль за правительством, однако на деле правительство, которое состоит из лидеров партии, обладающей в парламенте большинством, через эту партийную фракцию полностью контролирует работу парламента. Такой государственный режим получил название системы кабинета, или министериализма (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. В 4 т. / Отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1995. Т. 2. С. 6—7).

Парламентарная монархия характерна для современных индустриально развитых государств с демократическим политическим режимом (Великобритания, Бельгия, Норвегия, Швеция, Нидер-

ланды, Япония и др.). В этих странах развитие институтов государственной власти шло путем постепенных преобразований, эволюции, с сохранением старой формы, наполнения ее новым содержанием. Конституции некоторых развивающихся стран, например Малайзии, Таиланда, Непала, также закрепляют принципы организации высших органов государственной власти, характерные именно для парламентарных монархий. Однако фактическое положение монарха и аристократии не является там только номинальным, поэтому форме правления этих государств присущи и элементы дуалистической монархии.

Дуалистическая монархия — промежуточный вариант между абсолютной и парламентарной монархиями, первоначальная форма ограниченной монархии. Это такая форма правления, при которой уже в той или иной мере проведен принцип разделения властей: у монарха остается исполнительная власть, а законодательная в принципе принадлежит парламенту.

Монарх осуществляет исполнительную власть, как правило, через назначаемое им правительство. Весьма значительны полномочия монарха в отношении органа законодательной власти. Обычно монарх имеет право абсолютного вето и право роспуска парламента, может издавать чрезвычайные указы, заменяющие или отменяющие законы. Однако он вынужден считаться с парламентом прежде всего как с органом, утверждающим бюджет.

Дуалистическая монархия возникает в особых исторических условиях, как своего рода выражение компромисса между монархом (и вообще аристократией) и народом. В этом случае перевес пока остается за монархом. Для данной формы правления характерен авторитарный политический режим. Дуалистическая монархия — форма правления в традиционных государствах. К дуалистическим с определенными оговорками можно отнести сословно-представительные феодальные монархии, существовавшие в Западной Европе в Средние века.

В настоящее время «классических», «чистых» дуалистических монархий, когда управление страной осуществляет монарх через подчиненное ему и ответственное только перед ним правительство, не существует (см.: Сравнительное конституционное право. С. 460). Однако элементы именно такой формы правления заметны в странах, тяготеющих или к абсолютной, или к парламентарной монархии (см. выше).

Республика (в переводе с латинского — общественное дело) — это такая форма правления, при которой верховная власть в данном государстве осуществляется выборными органами.

Республик, как и монархий, существует огромное количество. Среди многих их разновидностей возможно, однако, определить основные и наиболее характерные черты республиканской формы правления. Источником власти в республиках является народ, который через определенные промежутки времени избирает высшие представительные органы государства. В этом проявляется народный суверенитет — один из фундаментальных принципов современной демократической государственности. Народом избирается высший законодательный орган — парламент (его члены — депутаты) и в некоторых случаях — президент. Все другие высшие органы государства формируются, как правило, этими представительными органами. Полномочия высших выборных органов государства ограничены определенным сроком — для предотвращения возможной узурпации власти. При республиканской форме правления проведен принцип разделения властей.

По характеру взаимоотношений между законодательной и исполнительной властями различают *парламентскую*, *президентскую* и *смешанную* (или *полупрезидентскую*) республики.

Парламентская республика. Все, что было сказано о парламентарной монархии, относится и к парламентской республике. Здесь сильна законодательная власть, а исполнительная власть подчинена ей. Данная форма правления характеризуется верховенством парламента, осуществляющего законодательную власть. Правительство формируется парламентом и ответственно перед ним. Таким образом, выборы одновременно решают вопрос о составе и парламента, и правительства.

В парламентской республике может быть предусмотрена должность президента, однако он не имеет таких широких полномочий (прежде всего — в отношении парламента и правительства), какие имеет президент в президентской республике, и в своей деятельности зависит от правительства. Президент является главой государства, но не главой правительства, он не ответствен за действия правительства. Обычно президент в парламентской республике всенародно не избирается (одно из немногих исключений — Болгария), чтобы он, пользуясь поддержкой народа, не мог себя противопоставить парламенту. Избрание президента осуществляется или парламентом, или специально создаваемой коллегией. Президент представляет государство в сфере внешней политики, но и здесь он вынужден согласовывать свои действия с правительством. Президент, как правило, не имеет права на проведение референдума, на введение чрезвычайного положения, на увольнение по собственному усмотрению главы правительства, обычно не имеет права

налагать вето на законы, принимаемые парламентом. Формально президент может быть верховным главнокомандующим, но фактическое руководство вооруженными силами осуществляет министр обороны, который подчинен главе правительства.

Значительное место в парламентской республике занимает должность главы правительства — премьер-министра (в ФРГ этот пост именуется «федеральный канцлер», а государство называют в литературе иногда канцлерской республикой). Как правило, им является лидер правящей партии или партийной коалиции; его избирает парламент. Правительство формируется лидером победившей на выборах партии и находится у власти до тех пор, пока пользуется поддержкой большинства парламентариев. Члены правительства ответственны перед парламентом за свою деятельность. Парламент может вынести вотум недоверия правительству или отдельным его членам, и тогда они уходят в отставку. В зависимости от того, удается ли сформировать партийное большинство в парламенте, так же, как и в случае с парламентарными монархиями, возможно говорить о парламентаризме и министериализме.

Парламентских республик в мире не очень много: ФРГ, Финляндия, Индия, Турция, Венгрия, Чехия, Словакия, Эстония, Италия и некоторые другие государства.

Президентская республика. Эта форма правления характеризуется тем, что президент занимает в государственном аппарате очень значительное место. Поэтому иногда она по аналогии с монархиями называется дуалистической республикой, так как в ней существуют два основных центра власти — парламент и президент.

В президентской республике законодательная власть принадлежит высшему представительному органу — парламенту, который издает законы, а исполнительная — правительству. Однако парламент не формирует исполнительную власть, последняя не несет перед ним ответственности. Парламент не может отправить в отставку должностных лиц исполнительной власти (только лишь в случае совершения преступления, грубого нарушения конституции), если депутаты не согласны, например, с проводимой правительством политикой.

Президент является главой государства и главой исполнительной власти. Обычно он самостоятельно назначает министров и формирует правительство. Правительство (министры) ответственно перед президентом и не ответственно перед парламентом за свою деятельность, президент может самостоятельно смещать членов правительства. Как правило, президент избирается всенародным голосованием. Президент имеет право отлагательного вето на законы,

принятые парламентом. Вето может быть преодолено повторным рассмотрением законов в парламенте.

В президентской республике у президента находятся широкие полномочия в самых разных сферах деятельности. Обычно президент имеет право законодательной инициативы, назначения референдума, право введения чрезвычайного положения, самостоятельно решает отдельные наиболее важные персональные дела (помилование, награждение, предоставление гражданства и др.), по должности является главнокомандующим вооруженными силами, имеет право заключать мир, объявлять войну и т.д. Президент в пределах своей компетенции (достаточно широкой) самостоятельно издает нормативные акты (указы, декреты и т.п.), которые занимают важное место в системе законодательства той или иной страны.

Президентская республика — достаточно распространенная форма правления. Президентскими республиками являются США, многие государства Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика и др.), Африки (Зимбабве, Нигерия и др.), Азии (Филиппины и др.).

Парламентская и президентская республики — две основных разновидности данной формы правления. Каждая имеет и свои достоинства, и свои недостатки.

К числу достоинств президентской республики следует отнести достаточно высокую степень эффективности государственного руководства обществом: ведь президент, обладая широкими полномочиями, во многом определяет политику государства. Управленческое воздействие более целенаправленно, если оно исходит из одного центра. Особенно важно эффективное управление в периоды реформ, крупных общественных преобразований, вывода страны из кризиса. Основной недостаток президентской республики является, как это часто бывает, продолжением ее достоинств. А именно: обширные полномочия президента могут привести к чрезмерной централизации власти, к узурпации власти и злоупотреблению ею (см. ниже — «монократические», «суперпрезидентские» республики).

Преимущества парламентарной республики можно усмотреть в больших гарантиях реального воплощения в государственное управление обществом начал демократии, поскольку среди органов государства отсутствует единоначальный орган, наделенный широкой компетенцией. Следовательно, отсутствуют и «объективные» предпосылки установления чьей-либо диктатуры. Основной недостаток парламентарных республик заключается в том, что при

многопартийной системе, когда не удается сформировать парламентское большинство, практически невозможно проводить продуманную, целенаправленную политику, часты правительственные кризисы. Стало уже классическим упоминание в этой связи послевоенной Италии, где вплоть до 1990-х гг. чуть ли не ежегодно правительство отправлялось в отставку.

Во многих государствах были предприняты попытки сочетания черт парламентской и президентской республик, с тем чтобы преодолеть недостатки и сохранить достоинства, присущие этим формам правления. Представляется возможным даже говорить о «промежуточной» форме правления — *полупрезидентской* (или *смешанной*) республике, в которой в различных сочетаниях используются элементы, характерные для классических форм правления. Вариаций полупрезидентских республик, различающихся между собой значительно или лишь в деталях, достаточно много. Вот одна из основных.

Существует сильный президент, избираемый народом. Он, как правило, является главой исполнительной власти и руководит правительством. Но в формировании последнего в обязательном порядке принимает участие парламент (например, утверждает кандидатуры министров, представленные президентом). Правительство должно пользоваться доверием большинства в парламенте, должно быть ответственно и перед парламентом. Таким образом, именно формирование, а в еще большей степени — ответственность правительства — фактор, который юридической наукой считается ключевым в разграничении разновидностей республиканского правления.

У президента по конституции могут быть широкие полномочия, но на практике он может некоторыми не пользоваться (такие полномочия конституционалисты называют «спящими»). В полупрезидентской республике повышается самостоятельность правительства, увеличивается важность поста главы правительства по сравнению с президентской республикой, где такой должности может и не быть, или же существует так называемый административный премьер, который лишь координирует деятельность отраслевых органов управления.

Примечательно, что в большинстве стран, свергших в недавнем прошлом тоталитарные режимы (Португалия, Польша, Болгария и др.), установилась именно смешанная республиканская форма правления, при которой правительство опирается на парламентское большинство, а всенародно избранный президент, будучи нередко харизматическим лидером нации (т.е. обладая общепризнанной популярностью и народным доверием), не вмешиваясь в текущее управление, направляет поли-

тический курс. Глава правительства подчас выступает «мальчиком для битья»: если что-то не получается, то причина не в политическом курсе президента, а в плохом проведении этого курса правительством. В этом, пожалуй, сказываются черты определенной национальной психологии, сложившейся за многие десятилетия, а порой даже века единоличной власти. Подобная система традиционно существует и в Финляндии.

Своеобразна форма правления в Швейцарии. Правительство (Федеральный совет) назначается парламентом (Федеральным собранием) и подотчетно ему, однако политическая ответственность правительства перед парламентом не предусмотрена (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 2. С. 12).

В литературе говорится о том, что иногда вообще трудно провести грань между парламентской и президентской республикой (Турция, Шри-Ланка, Перу, Россия и др.). В определенных случаях возникает по существу новая форма республики: полупрезидентская, полупарламентская, с преобладанием черт той или другой республики, а иногда и с такими чертами, которые не были присущи ни президентской, ни парламентской республике (см.: Сравнительное конституционное право. С. 465).

Республиканская форма правления характерна для современных конституционных государств с демократическим политическим режимом, однако необходимо иметь в виду два момента.

Во-первых, республики существовали и в рабовладельческом обществе, и при феодализме, правда, на ограниченной территории: как правило, это были города-республики.

Во-вторых, за внешне демократической республиканской формой правления вполне может стоять авторитарный политический режим. Сама идея демократии и республики как наиболее демократической формы правления приобрела большую популярность в XX в. И распад колониальной системы, за незначительными исключениями, повлек за собой образование именно республик в Азии, Африке, Латинской Америке. Многие страны, однако, ни по уровню экономического, ни по уровню культурного развития оказались не готовы к восприятию демократических идей и возвратились к авторитаризму.

Например, в ряде стран Тропической Африки, там, где оказались особенно сильны монархические традиции, известно такое явление, как «монократические республики». Формально там провозглашено разделение властей, но власть президента практически не ограничена и реально совсем немногим отличается от абсолютной монархии. Власть приобретается, как правило, нелегитимным способом (узурпируется): путем отказа оставить свою выборную должность по истечении срока, захвата не принадлежащих по кон-

ституции полномочий, наконец, путем военного переворота. Очередные выборы президента, если таковые проводятся (к примеру, в соответствии с Конституцией Малави президент находится в своей должности пожизненно), носят декоративный характер. Президент может являться руководителем единственной политической партии, а то и создателем официальной и единственно допускаемой государственной идеологии (например, Гана при президенте Кваме Нкруме, Гвинея при президенте Секу Туре, Заир при президенте Мобуту и др.). Смена президента происходит в результате военного переворота или естественной его смерти.

По этой же причине — огромной и фактически неограниченной власти президента — многие государства Латинской Америки получили названия «суперпрезидентских» республик.

Возникшие после Второй мировой войны так называемые «социалистические» или «народно-демократические» республики фактически являлись формой диктатуры генерального секретаря и центрального комитета соответствующей коммунистической партии.

В условиях военных режимов создается президентско-милитарная республика. Это хотя и временная, но не такая уж редкая форма: со времени возникновения независимых государств в Латинской Америке, Азии, Африке, Океании, а также, хотя и в меньшей степени, в Европе произошло около 700 удавшихся военных переворотов. В отдельных странах такая форма правления существовала на протяжении более 10 лет (Алжир, Нигерия и др.), а в некоторых из них военное правление, перемежаясь с гражданскими режимами, охватывалось значительным периодом существования независимого государства (Нигерия, Пакистан и др.). Президентско-милитарная республика опирается на армию, образующую единую систему органов управления сверху донизу (см.: Сравнительное конституционное право. С. 465).

В этих государствах признаки республиканской формы правления носят формальный характер. Ранее, рассматривая классификации республик, мы имели в виду «нормальные», «правильные» республики с демократическим политическим режимом. Впрочем, в связи со все более явственно проявляющимся процессом всеобщей демократизации в последнее десятилетие практически исчезли монократические (президентско-монистические), социалистические и народно-демократические республики, значительные изменения в сторону демократизации формы правления происходят и в странах Латинской Америки.

Таким образом, после рассмотрения различных форм правления возможно уточнить понимание принципиальных вопросов орга-

низации и деятельности государственного аппарата. Проблема формы правления — это прежде всего проблема признания или непризнания разделения властей, способов формирования и соотношения органов законодательной и исполнительной власти, проблема их ответственности перед народом.

Исследование классификаций форм правления, их достоинств и недостатков, закономерностей возникновения и изменения — «классическая» проблема политико-правовой науки, которая была поставлена еще в античной философской и политической мысли (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон и др.). Практически все известные политические мыслители Нового и Новейшего времени (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и др.) так или иначе касались проблемы форм правления и придавали ей серьезное значение. И в России имел место весь спектр высказанных на Западе взглядов — от апологии абсолютизма до крайних республиканских и демократических концепций (см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень Т. 1. С. 391—477).

Многие мыслители со времен Платона и Аристотеля занимались поиском наилучшей, совершенной формы правления. Существует ли она? В настоящее время представляется возможным оставить этот вопрос открытым. Нет идеальной, пригодной абсолютно для всех государств модели организации высших органов государственной власти. Обычно та или иная форма правления складывается исторически в процессе борьбы различных политических сил данного общества. Такой вывод, однако, не устраняет возможность поиска наиболее адекватной формы правления для каждого конкретного государства.

В этом плане интересны рассуждения известного русского философа и юриста первой половины XX в. И. А. Ильина относительно самой подходящей формы правления для России. «Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой. Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным. Какое же политическое верхоглядство нужно для того, чтобы навязывать всем народам государственную форму монархии, даже и тем, у которых нет и тени монархического правосознания (например, Соединенным Штатам, Швейцарии или бунтовщической Мексике, где император Максимилиан был убит восставшими республиканцами через три года по воцарении в 1867 г.)?! Однако не столь же безответственно загонять в республиканскую форму жизнь народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание (например, Англию, Германию, Испанию, Сербию и Россию)?! Какое политическое доктринерство нужно было для того, чтобы в 1917 г. сочинять в России некую сверхдемокра-

тическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать с ее наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада, который только и мог закончиться тиранией бессовестных интернационалистов! Сколь прав был один из составителей избирательного закона в Учредительное собрание, говоривший через три года (1920) с горем и ужасом: «О чем мы тогда думали? Что мы делали? Ведь это был просто психоз! Мы стремились превзойти в демократичности все известные конституции — и погубили все!» (Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 47—48).

В последние годы происходят изменения в теоретическом понимании формы правления, поскольку появляются такие модели организации высших органов государственной власти, которые не представляется возможным с полной уверенностью отнести к той или иной группе в соответствии с традиционными классификациями. Выше уже говорилось о трудностях, возникающих при проведении четких границ между абсолютной и дуалистической, между дуалистической и парламентарной монархиями, между парламентскими, полупрезидентскими и президентскими республиками. Кроме того, в форме правления конкретных государств иногда сочетаются монархические и республиканские принципы.

Ранее речь шла о выборах монархов в Объединенных Арабских Эмиратах и Малайзии, а ведь выборность (в противоположность наследованию) главы государства — важнейший признак именно республиканской формы правления. Известны также республики с пожизненными президентами. В свое время такая ситуация, характерная для монархий, имела место, к примеру, в Центрально-Африканской Республике, Тунисе. Функционирование высших органов власти в современных западных конституционных монархиях и в парламентских республиках принципиально не различается.

В развитых странах различия между монархией и республикой практически не имеют значения, по степени демократичности порядка управления та же монархия в Великобритании мало чем отличается от республики во Франции. Однако в развивающихся государствах эти различия могут быть принципиальными (см.: Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государствоведения. М., 1994. С. 30).

В связи с этим конституционалисты пытаются уточнить понятие формы правления, найти новые подходы классификации государств по этому признаку.

При аграрном строе значение формы правления сводилось лишь к определению того, каким образом замещается должность главы государства — в порядке наследования или путем выборов. По мере разложения феодализма и перехода к индустриальному строю, сопровождавшемуся ослаблением власти монархов, появлением и укрепле-

нием народного (национального) представительства, формы правления стали обогащаться. Наибольшую значимость приобрел не тот факт, наследственный или выборный глава государства в стране, а то, как организуются отношения между главой государства, парламентом, правительством, как взаимно уравновешиваются их полномочия, — словом, как устроено разделение властей. И сегодня при анализе формы правления конкретного государства нас прежде всего интересует не провозглашение республики или монархии, а то, какая разновидность республики или монархии установлена (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 2. С. 1).

По мнению В. Е. Чиркина, конституционно-правовой институт формы правления состоит из следующих слагаемых: 1) нормы и практика, относящиеся к разновидностям, структуре, правовому положению органов законодательной, исполнительной, судебной и контрольной власти; 2) нормы и практика, характеризующие отношения между названными выше органами государства; 3) нормы и практика прямой и обратной связи управляемых с основными органами управления (см.: Сравнительное конституционное право. С. 457—459).

В политологии также идет активный поиск новых подходов к форме правления, причем с большей ориентацией на западную науку. Так, возражают против классического деления форм правления на монархии и республики. В качестве основного критерия формы правления выступает политический режим, таким образом, выделяются государства демократические (президентская республика, парламентская республика, парламентская монархия, полупрезидентская и полупарламентская республики) и недемократические (абсолютная и дуалистическая монархии, авторитарная республика и прочие режимы) (см.: Зазнаев О. И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006. С. 97 и след.).

6.3. Форма государственного устройства

Форма государственного устройства — это политико-территориальное устройство государства, характер взаимоотношений между центральными и местными властями.

Решать абсолютно все задачи, стоящие перед государством, из центра нецелесообразно, а во многих случаях и невозможно. Поэтому территория государства после определенного порога численности населения и размеров территории делится на части, каждая из которых имеет свои органы власти и управления. Характер взаимоотношений между центральными и местными органами и составляет проблему государственного устройства.

Она возникла после того, как увеличившиеся размеры территории государства, далеко вышедшей за рамки города с окрестнос-

тями, потребовали создания специальных органов и учреждений для управления периферией.

В период абсолютизма центральная власть в лице монарха определяла административно-территориальное деление страны — систему единиц, на которые делилась ее территория и в которых действовали назначенные из центра должностные лица или органы власти. Деление в большинстве случаев не было чисто искусственным, не определялось произвольно проведенными на карте линиями. Обычно оно строилось с учетом фактического расселения людей, реальных связей между поселениями. Учитывались при этом и административные задачи — интересы обороны, полицейского контроля, удобство сбора налогов и т.д. В более крупных государствах административно-территориальное деление становилось ступенчатым, мелкие единицы, сохраняя свою обособленность, включались в крупные. Объединение мелких феодальных государств приводило к тому, что прежние государства превращались в территориальные единицы нового крупного государства, носящие исторический характер. В дальнейшем многие из них перестали быть государственными единицами, как, скажем, Пьемонт в Италии, Валахия в Румынии, Уэльс в Великобритании, тогда как другие сохранили определенные государственные признаки (например, Бавария в Германии, Сицилия в Италии) (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 2. С. 353—354).

Возможны различные варианты взаимоотношений между центральными и местными властями. По форме государственного устройства различают *унитарные* и *федеративные* государства. Кроме того, в теории государства и права традиционно определенное внимание уделяется различным видам *объединений государств*: конфедерациям, содружествам, сообществам и т.п.

Унитарным (unus (лат.) — один) является единое государство, части которого не обладают признаками государственности. К унитарным государствам относится, например, Республика Беларусь, что закреплено в ч. 1 ст. 1 Конституции РБ: «Республика Беларусь — унитарное демократическое социальное правовое государство».

Унитарное государство делится на административно-территориальные единицы. Они не обладают политической самостоятельностью, хотя в экономической, социальной, культурной сферах могут наделяться значительной компетенцией для управления соответствующей территорией с учетом ее особенностей. Как правило, административно-территориальные единицы имеют одинаковый юридический статус, равное положение по отношению

к государству в целом (это симметричные унитарные государства). Если же на той или иной территории существуют достаточно яркие национальные, исторические, культурные или иные особенности, которые обусловливают специфические подходы к управлению данной территорией, может иметь место политическая или административная автономия (это асимметричные унитарные государства). Права у органов административной автономии несколько шире, чем у органов обычных административно-территориальных единиц, но границы самостоятельности автономий устанавливают высшие органы государства. Административно-территориальное деление может быть двух-, трех- или четырехзвенным. Его не имеют вообще только некоторые крайне малые государства.

Унитарное государство характеризуется единой структурой государственного аппарата на всей территории страны. Компетенция высших органов ни юридически, ни фактически не ограничена компетенцией местных органов. В зависимости от административно-территориального деления государства действует один уровень высших органов государства и один или несколько уровней местных органов.

В унитарном государстве существует единое гражданство, административно-территориальные единицы собственного гражданства не имеют. Есть одна конституция, единое законодательство; нормотворческая деятельность местных органов носит подчиненный, подзаконный характер.

Унитарные государства можно разделить на децентрализованные, относительно децентрализованные и централизованные с точки зрения соотношения компетенции высших и местных органов, участия первых в формировании вторых. Здесь прослеживается связь с различными моделями организации местного самоуправления.

Федерация (от лат. foedus — союз) — сложное союзное государство, части которого обладают признаками государственности.

Федерации могут быть образованы или в результате договора (иногда он заключается в письменной форме) между ранее независимыми государствами, или путем присоединения к государству территорий с сохранением их определенной государственной самостоятельности, или вследствие развития стремлений к обретению государственности в административно-территориальных или автономных единицах унитарных государств.

В мире сейчас насчитывается около 20 федераций. Это в большинстве своем достаточно крупные государства, расположенные

на всех материках, — Австрия, ФРГ, Россия, Индия, Малайзия, Нигерия, Танзания, США, Канада, Мексика, Аргентина, Бразилия, Австралия и т.д. После Второй мировой войны число федераций значительно возросло. В последние десятилетия наблюдаются процессы как ликвидации (стали унитарными государствами Индонезия, Ливия, Уганда, распались СССР, ЧССР), так и возникновения (Бельгия — 1993 г., Эфиопия — 1994 г.) федеративных государств.

Субъекты, т.е. составные части федерации, в большей или меньшей степени обладают признаками самостоятельных государств, одновременно и федерация — единое суверенное государство. В связи с этим при конструировании и теоретическом осмыслении различных моделей федеративных государств возникает немало практических и теоретических проблем.

В некоторых федеративных государствах составляющие их государственные образования имеют свои конституции (США, Мексика, ФРГ, СССР) и свое гражданство (США, СССР, т.е. здесь двойное гражданство). В отдельных федерациях эти признаки самостоятельной государственности у субъектов федераций отсутствуют (Индия, Нигерия, Пакистан). Существуют также проблемы соотношения федерального законодательства и законодательства субъектов федераций.

Основная отличительная особенность построения государственного аппарата в федеративных государствах — наличие двух уровней высших государственных органов — федерации в целом и субъектов федерации. Союзный парламент, как правило, двухпалатный, обычно здесь принята следующая модель: верхняя палата отражает интересы субъектов федерации, от каждого субъекта федерации в нее входит равное количество депутатов вне зависимости от численности населения; нижняя палата избирается всем населением федерации.

Охраной внешних границ федерации занимаются федеральные погранвойска, обороной федеративного государства — федеральные вооруженные силы.

В случае отсутствия согласия по каким-либо вопросам между центральной властью и органами политико-территориальных единиц чрезвычайно остро встает проблема суверенности федеративных государств и субъектов федераций. *Суверенность власти*, по определению, означает ее верховенство и независимость на какой-либо территории, а в принципе — неограниченность и неделимость. Если мы называем государствами и федерацию, и субъект федерации, получается, что на одной и той же территории будут действовать две суверенные организации власти, а это уже нонсенс. Можно

ли в этом случае вообще говорить о двух суверенных государствах или только об одном суверенном государстве? Но тогда что первично: суверенитет субъекта федерации или суверенитет федерации в целом? Если признать, что первичен суверенитет федерации и что окончательное разрешение любого вопроса зависит от федеральных органов, то в этом случае не имеют большого смысла все претензии субъектов федерации на самостоятельную государственность. Если же отдать первенство суверенитету субъектов федераций, то это в конечном счете подорвет целостность федерации как единого государства. Известно высказывание французского государствоведа начала XX в. А. Эсмена относительно того, что федеративное государство разбивает суверенитет.

Интерес к этой непростой проблеме обострился в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда начались процессы, которые привели к распаду СССР и образованию СНГ. Отечественные ученые пытались разрешить эту проблему самыми разнообразными способами. Утверждалось, что полным суверенитетом наделена только федерация. Суверенитет субъектов федерации ограничен (прежде всего суверенитетом федерации), и поэтому субъекты федерации не являются государствами в собственном смысле слова.

Теоретически допускали суверенитет субъекта федерации, но только если за ним признается право на одностороннее решение о выходе из федерации. Кстати говоря, большинство зарубежных конституций не называют субъекты федераций суверенными.

Известна и противоположная точка зрения, которая состоит в абсолютизации суверенитета субъектов федераций.

Одной из теоретических проблем явилась необходимость различать понятия «суверенитет» и «компетенция». Суверенитет — это качество, свойство государства, он не может быть ограниченным. Ограниченной может быть только компетенция (количественный показатель), но это не исключает суверенности государства. С другой стороны, суверенитет предполагает прежде всего неподчиненность власти. Поэтому получили распространение идеи так называемого кооперативного федерализма, согласно которым являются государствами и суверенны и федерация в целом, и субъект федерации, поскольку отношения между ними строятся на принципах кооперации, сотрудничества, согласования интересов, они не основаны на подчинении одного государства другому.

Заслуживает внимания концепция ограниченного, «разделенного» суверенитета. Суверенитет федерации в целом и субъекта федерации взаимно ограничивают друг друга, отношения между ними строятся на основе принципа «трех сфер полномочий». В соот-

ветствии с этим принципом существуют исключительные полномочия федерации, совместные полномочия федерации и субъектов федерации и полномочия субъектов федерации. В рамках своих полномочий федерация и субъекты федерации являются суверенными. Рассмотрим принцип «трех сфер полномочий», обратясь к Конституции Российской Федерации 1993 г. (подробнее об этом см., например: Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. С. 224—237).

Исключительные полномочия федерации составляет круг вопросов, которым занимаются только федеральные органы. Как правило, к таким вопросам относится лишь то, что необходимо и достаточно для установления и защиты суверенной государственной власти федерации, для защиты прав и свобод каждого человека, в какой бы части страны он ни проживал.

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находятся: регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации; установление правовых основ единого рынка; финансовое валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информация и связь; деятельность в космосе; внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира; оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования; определение статуса и защита государственной границы; судоустройство; прокуратура; уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности; метеорологическая служба, стандарты, эталоны, метрическая система и исчисление времени; геодезия и картография; наименования географических объектов; официальный статистический и бухгалтерский учет и некоторые другие вопросы (подробнее см. текст соответствующей статьи).

Совместные полномочия федерации и субъектов федерации. Здесь одними и теми же проблемами занимаются и федеральные органы, и органы субъектов федерации. Это, как правило, те проблемы, которые в полной мере не могут быть разрешены отдельно ни федерацией, ни ее субъектами. Здесь выработаны соот-

ветствующие юридические процедуры сотрудничества, принятия совместных решений.

В соответствии с ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономных округов) находятся: обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон; вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры; общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта; координация вопросов здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение; осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий; установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации; административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательства; законодательство о недрах, об охране окружающей среды; установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления и некоторые другие вопросы (подробнее см. текст соответствующей статьи).

Полномочия субъектов федерации. Это полномочия, необходимые для решения разнообразных проблем местного значения.

В соответствии со ст. 73 Конституции РФ вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти.

Отдельный вопрос — обладают ли субъекты федерации правом сецессии, т.е. правом свободного выхода из федерации? Современные зарубежные конституции не предусматривают такого права. Более того, в федеративных государствах оно рассматривается даже в негативном плане — как подрыв целостности суверенного государства. В конституционном законодательстве многих федеративных государств установлены гарантии их целостности, а попытки выхода из состава федерации подавлялись преимущественно вооруженным путем (в США в 1861—1865 гг., в Мексике в 1930-х гг., в Нигерии в 1970-х гг.). Известны и успешные (хотя и незаконные) попытки сецессии — в 1965 г. отделился Сингапур от Малайзии, в 1971 г. на территориях, принадлежавших Пакистану, образовалось государство Бангладеш. В Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 гг. было закреплено право выхода союзных республик из состава СССР, что было связано с содержащимся в рабо-

тах В. И. Ленина обоснованием права наций на самоопределение вплоть до отделения. До начала 1990-х гг. оно не использовалось, однако во времена «перестройки» выступало в качестве формально-юридического основания сепаратистских претензий: в 1991 г. Латвия, Литва и Эстония вышли из состава СССР.

Федеративная форма государственного устройства крайне разнообразна. По-разному могут называться и федерации: Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Германия, Российская Федерация, Швейцарская Конфедерация, Союз Советских Социалистических Республик, Объединенная Республика Танзания, Королевство Бельгия и т.д.; и субъекты федераций — штаты, кантоны, провинции, земли, республики и т.д. Различно и количество субъектов федераций: 50 в США, 25 в Индии, 16 в ФРГ, 10 в Канаде, 3 в Бельгии.

В зависимости от принципа образования существуют национально-государственные федерации (которые строятся с учетом национальных особенностей населения, но их относительно немного — Эфиопия, Бельгия, СССР) и административно-территориальные федерации (США, Бразилия, Мексика, Австралия, Германия, Австрия). Ни первый, ни второй принципы образования федераций нельзя абсолютизировать, каждый имеет свои плюсы и минусы, каждый может быть применен с учетом конкретной ситуации (подробнее см.: Сравнительное конституционное право. С. 481—483).

Федерации, состоящие из обладающих одинаковыми полномочиями субъектов, называют *симметричными* (СССР). В случае различия правового статуса составных частей это *асимметричная* федерация (Россия). Абсолютно симметричных федераций, даже при одинаковом названии их субъектов, в настоящее время не существует, поскольку и в этом случае имеются особенности в правовом положении составных частей сложного государства. Можно говорить лишь о наличии относительно симметричных федераций.

Возможны различные варианты взаимоотношения между центральной федеральной властью и органами субъектов федерации. По этому критерию различают относительно централизованные федеративные государства со значительными полномочиями федеральных органов, они приближаются к унитарным государствам (СССР); и относительно децентрализованные федеративные государства — со значительными полномочиями субъектов федерации.

Какая форма государственного устройства самая лучшая? Как правило, так вопрос вообще не ставился. На решение проблемы уни-

тарного или федеративного устройства государства очень часто влияние оказывали сложившиеся исторические условия, политическое заимствование, подражание, колониальное воздействие и т.п.

Существует ряд теоретических обоснований федерализма как предпочтительной системы организации управления. Так, концепция дуалистического федерализма, развившаяся на раннем его этапе и нашедшая известное отражение в Конституции США 1787 г., заключалась в идее равновесия между федерацией и ее субъектами, которые имеют каждый свою компетенцию и не вмешиваются в дела друг друга. Это, разумеется, было идеалистическое представление, от которого реальная жизнь изначально отличалась довольно сильно. Позднее была разработана концепция кооперативного федерализма, которая основана на идее взаимного дополнения центра и субъектов федерации, их взаимовыгодного сотрудничества. На этой идее базируется ряд современных федеративных конституций, в частности, германский Основной закон (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 2. С 366).

Иногда в литературе высказывается точка зрения, согласно которой наряду с унитаризмом и федерацией существует и третья форма территориально-политического устройства — так называемое «регионалистское государство». К нему относят гибридные формы, занимающие промежуточное положение между автономией и субъектом федерации, которые существуют, к примеру, в Италии, Испании, Шри-Ланке (см.: Сравнительное конституционное право. С. 481).

Проблемы политико-территориального устройства чрезвычайно сложны, они далеко не исчерпываются материалом данного параграфа.

Заметим, что в последние годы в литературе само понятие «форма государственного устройства» подвергается критике и уже наметилась тенденция к исключению его из научного оборота. Термин «государственное устройство», кроме употребления в узком специально-юридическом смысле (см. определение), может использоваться и более широко — как характеристика в целом государственного строя страны. Именно это обстоятельство и предопределяет его не вполне удачное применение в узком смысле. Взамен предложены понятия «территориальная организация публичной власти», «территориально-политическая организация государства», однако отмечается, что для обозначения системы взаимоотношений между центральной государственной властью и действующими в территориальных составных частях органами публичной власти полностью адекватный обобщающий термин еще не найден (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 2. С. 352—353; Сравнительное конституционное право. С. 468—469).

Теория государства и права обычно обращается к теоретическим основам не только унитаризма и федерализма, но и объединений государств. Прежде всего рассмотрению подлежат конфедерации.

Конфедерация (в переводе с латинского означает «сообщество») — объединение государств для решения каких-либо политических, военных, экономических, социальных задач.

Классический пример конфедеративного союза — Соединенные Штаты Америки с 1781 до 1787 г. (а фактически — до 1791 г., когда вступили в силу первые 10 поправок к Конституции США). Конфедерацию в первой половине XIX в. — с 1815 по 1848 г. — образовывали швейцарские кантоны (в этой связи отметим, что официальное название этого государства — Швейцарская Конфедерация — не отражает его федеративного устройства и носит исторический характер). С 1958 по 1961 г. существовала Объединенная Арабская Республика — конфедерация Египта и Сирии; а в 1980-е гг. — конфедерация Гамбии и Сенегала.

Субъекты конфедерации сохраняют суверенитет практически в полном объеме. Они продолжают иметь собственные государственные органы, гражданство, территорию, свою конституцию и законодательство, свои источники дохода; самостоятельно осуществляют власть на своей территории. Некоторое ограничение суверенитета касается только тех сторон деятельности, которые повлекли добровольное объединение данных государств.

Конфедерация создается, как правило, на договорной, добровольной основе для решения определенных задач (политических, военных, экономических, социальных и т.д.). Юридическое оформление конфедеративного союза происходит путем заключения договора: так, образование союза между 13 американскими штатами провозгласили «Статьи конфедерации» 1781 г.

Иногда конфедерации называют государственными образованиями, но это не вполне точный термин: следует четко определить, являются они государствами или нет. Конфедерация не обладает признаками государства, это не государство, а союз государств. Для достижения поставленных целей в конфедерации создаются необходимые органы управления, которые могут издавать нормативные акты, принимать управленческие решения. Однако в предмет ведения конфедерации входит ограниченный круг вопросов. Образуются только те органы, которые необходимы для решения задач, стоящих перед конфедерацией. Органы конфедерации формируются, как правило, высшими органами государств, входящих в конфедерацию.

Есть особенности и в процедуре принятия актов конфедерации, которые выражаются прежде всего в наличии достаточно широких полномочий у представителей субъектов конфедерации.

В конфедерациях нет единого конфедеративного гражданства. Нет и единой территории конфедерации: есть только территории субъектов конфедерации, они сами ее и охраняют. Оборона конфедерации (если это еще и военный союз) осуществляется союзной армией, но последняя состоит из воинских формирований субъектов конфедерации.

Конфедерации не обладают суверенитетом. У органов конфедерации есть полномочия в определенных сферах, но они настолько ограничены, что ни о какой суверенности не может быть и речи.

В конфедерациях нет конституции и законодательства: есть только договор о создании конфедерации, подписанный представителями всех субъектов конфедерации. Органам конфедерации предоставляется право издания нормативных документов, но они носят рекомендательный характер или же для вступления в юридическую силу должны быть одобрены высшими органами субъектов конфедерации

Конфедеративные налоги не устанавливаются, как правило, нет и общей конфедеративной собственности. Финансовые средства, необходимые для решения стоящих перед конфедерацией задач, объединяются по соглашению субъектов конфедерации. Органы конфедерации находятся на территории одного из субъектов конфедерации, который обеспечивает их работу, предоставляет необходимую собственность.

Субъекты конфедерации имеют право сецессии, т.е. право свободного выхода из конфедерации. А выход из состава федеративного государства рассматривается как подрыв его целостности, что было показано выше.

Если мы обратимся к истории, то заметим, что конфедерации являются не очень устойчивыми образованиями. Как и государства, конфедерации создаются для управления делами общества, однако слишком ограниченные полномочия конфедеративных органов делают это управление весьма затруднительным, а в некоторых случаях и невозможным. Поэтому конфедерации являются обычно временным союзом, который может эволюционировать в двух направлениях. Если возникает потребность в более эффективной организации управления, конфедерация при необходимости перерастает в федерацию (США, Швейцария). Конфедерация может прекратить свое существование, если задачи, поставленные этим союзом, оказались выполненными, или же в случае возникновения серьезных противоречий среди субъектов конфедерации.

Как отмечает Ю. А. Тихомиров, во второй половине XX столетия заметно разнообразнее стали формы межгосударственных объединений. Можно указать на следующие основные виды: а) содружество наций (например, Британское содружество); б) сообщества конфедеративного типа (двух- и четырехсторонние объединения России с другими государствами); в) содружество независимых государств (СНГ и Европейский Союз с конфедеративными элементами); г) конфедерации (в прошлом — США, Швейцария, в последние десятилетия — Сенегамбия); д) универсальные объединения государств (ООН); е) институциональные межгосударственные объединения (Межпарламентский Союз); ж) функционально-целевые объединения государств (Совет Европы, МОТ, ЮНЕСКО); з) федерации — территориальные, национально-территориальные, этнические (см.: Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 24—32). Эта классификация далеко не бесспорна, однако она наглядно демонстрирует сложность проблемы объединений государств, которая не исчерпывается изучением основных характеристик конфедераций.

Исследование участия унитарных и федеративных государств в различного рода союзах приобретает в современных условиях для России особую актуальность. Интересен анализ интеграционных процессов, наблюдаемых в рамках Содружества Независимых Государств (см. обзор специальной литературы по теме, а также учредительные и иные документы СНГ, Договор об образовании Сообщества Беларуси и России от 2 апреля 1996 г., Договор о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г., Устав Союза Беларуси и России, Договор о создании Союзного государства от 8 ноября 1999 г.).

Вопросы политико-территориального устройства государства (определение оптимального размера территории государства, теоретические проблемы федерализма и объединений государств) рассматривались и в истории политической и правовой мысли (см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 1. С. 478—517).

6.4. Политический режим

Политический режим — это совокупность приемов и методов, при помощи которых осуществляется государственная власть.

В различных учебных и научных изданиях этот элемент формы государства может именоваться по-разному: и государственным,

и государственно-политическим, и политико-правовым режимом, однако все эти категории характеризуют одно и то же явление.

В каждом конкретном государстве складывается свой политический режим, имеются свои особенности осуществления государственной власти. Все же по определенным общим признакам политические режимы можно разделить на две большие группы — *авторитарные* и *демократические* режимы.

Принято считать, что в более широком смысле изучаемая категория характеризует не столько деятельность государства, сколько атмосферу всей политической жизни, господство в ней или жестких, авторитарных, или же демократических методов властвования.

Основные характеристики *авторитарного* политического режима выглядят следующим образом:

- отсутствие, ограничение или ликвидация прав и свобод граждан;
- отсутствие, ограничение деятельности или ликвидация представительных органов государства;
- отсутствие контроля со стороны населения за осуществлением власти, формирование ее институтов через закрытые каналы;
- сосредоточение всей полноты власти в руках одного человека (монарха, диктатора), нескольких лиц или одного органа;
- жесткие командно-административные, а иногда и террористические методы осуществления государственной власти, произвол, насилие;
- отсутствие, ограничение деятельности или ликвидация прогрессивных (как правило, оппозиционных) политических партий и общественных организаций;
- политический монизм — господство одной идеологии (религиозной или псевдонаучной), возведенной в ранг государственной;
- отсутствие или ограничение сферы гражданского общества, сферы свободного выражения интересов.

В теории государства и права нередко выделяют и анализируют конкретные исторические разновидности авторитарного политического режима (деспотический, тиранический, тоталитарный, фашистский и т.д.). Так, *тоталитарное* государство — это всеохватывающая, всеконтролирующая, всепроникающая власть, которая стремится к полному контролю над всеми сферами жизни общества (экономической, политической, духовной), которая поглощает гражданское общество. Тоталитаризм ярко проявил себя в XX в. Он характеризуется наличием одной официальной идеологии, одной правящей партии, крайним централизмом в управлении, усилением органов исполнительной власти и прежде всего — каратель-

ных органов, применением незаконных насильственных методов по отношению к населению.

Основные характеристики *демократического* политического режима:

- наличие гарантированных прав и свобод граждан;
- нормальное функционирование представительных учреждений, народ — единственный источник государственной власти;
- контроль населения за принятием политических решений;
- разделение властей, всей полнотой власти в государстве не обладает ни один орган;
- ограничение государственного насилия преимущественно сферой отклоняющегося поведения граждан, деятельность правоохранительных органов основана прежде всего на строгой законности;
- свободная деятельность оппозиционных политических партий, разнообразных общественных организаций;
- политический плюрализм — свободное выражение интересов всех социальных групп общества (а его показатели — деятельность различных политических партий и общественных организаций);
- наличие гражданского общества.

В рамках демократического политического режима выделяют *либеральный*, или *либерально-демократический*, который был характерен для западных государств в XIX в., а в настоящее время существует во многих развивающихся странах. При таком режиме провозглашены права и свободы граждан, однако они практически не гарантированы вследствие недостаточного экономического развития и низкого культурного уровня большинства населения.

Многими исследователями отмечается связь политического режима с экономической сферой жизни общества. В слаборазвитых в экономическом отношении государствах невозможно достижение реальной демократии, им почти всегда соответствует та или иная разновидность авторитарного политического режима. И наоборот: высокий уровень экономического развития является предпосылкой проведения в жизнь демократических принципов государственности.

Авторитарные политические режимы существовали в традиционных государствах. Переход к демократическим политическим режимам начался в период буржуазных революций, в эпоху становления современной государственности, и продолжается до настоящего времени.

Между крайними разновидностями политических режимов — авторитарным и демократическим — существует огромное коли-

чество переходных форм, тяготеющих либо к авторитаризму, либо к демократии. Они складываются в обществах, осуществляющих революционные или эволюционные преобразования в том или ином направлении.

Как представляется, в юридической науке, и тем более — в общественном правосознании пока не выработано адекватных подходов к оценке различных политических режимов. Общепризнанно, что и форма правления, и форма государственного устройства в каждом государстве складываются исторически и нет заранее «хороших» и «плохих» государственных форм. Как показывает развитие государственности, в определенных условиях может быть вполне прогрессивной и, скажем, абсолютная монархия. Что же касается политического режима, то здесь более принято говорить о демократии как о благе и об авторитаризме как о худшей разновидности политического режима, которую необходимо по возможности скорейшими темпами демократизировать. Это далеко не так. Можно утверждать, что каждому обществу, каждой конкретной государственности присущи своя разновидность и свои особенности политического режима. Следует и в научном плане более адекватно подойти к характеристике и демократии, и авторитаризма, исследовать и их достоинства, и их недостатки. Общеизвестны положительные стороны демократии и отрицательные стороны авторитарного политического режима. Остановимся на их противоположных характеристиках.

Многие философы и юристы с древнейших времен и до наших дней указывали на существенные недостатки демократии. Платон считал демократическое государство далеко не самым лучшим, и более того, — недолговечным и со временем вырождающимся в тиранию.

> В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе. Так вот, такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготовляет нужду в тирании. Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде. Разве в таком государстве свобода не распространится неизбежно на все? Отец привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын — вести себя наподобие отца: там не станут почитать и бояться родителей (все под предлогом свободы!). При таком порядке вещей учитель боится школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей и наставников. Вообще молодые начинают подражать взрослым и состязаться с ними в рассуждениях и в делах,

а старшие, приспособляясь к молодым и подражая им, то и дело острят и балагурят, чтобы не казаться неприятными и властными.

Если собрать все это вместе, самым главным будет то, что душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти. Именно из этого правления, такого прекрасного и поюношески дерзкого, и вырастает тирания (Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 350—352).

Не единожды обращалось внимание на то, что при демократическом режиме не обеспечивается выдвижение лучших на государственные должности, демократические процедуры принятия решений громоздки, дорогостоящи и в конечном счете неэффективны, — и в итоге отсутствует компетентное и качественное руководство обществом со стороны государства (см., например: Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. 533 с).

В XX в. больше говорят о неучастии избирателей в выборах (абсентеизме), о недоверии к политикам, о том, что реально власть все равно находится у правящей элиты, которая приспособилась к демократическим требованиям (считая их своего рода «правилами игры», которые необходимо соблюдать) и имеет, например, возможность оказывать решающее влияние на исход выборов, референдумов, манипулируя общественным мнением при помощи средств массовой информации (см., например: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995; Тихомиров Ю. А. С. 29).

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в странах со слабо развитой экономикой, в условиях нестабильной политической ситуации так называемые «мягкие» авторитарные режимы (когда граждане ограничиваются в политических правах, как правило, не допускается деятельность политической оппозиции, однако государство воздерживается от применения крайнего насилия, террористических методов по отношению к населению) показали свою ценность и жизнеспособность. В условиях определенного ограничения демократических свобод эффективнее осуществляется государственное управление, быстрее развивается экономическая и социальная сфера общества. Подобная ситуация наблюдалась на протяжении десятилетий второй половины XX в. во многих государствах Латинской Америки. Впрочем, в 1990-е гг. появилась тенденция к демократизации существующих там политических режимов (см. например: Латинская Америка: демократия и власть. М., 1991).

В то же время нет оснований для кардинального изменения оценок демократического и авторитарного режимов. США, мно-

гие западноевропейские государства представляют собой вполне процветающие демократии; авторитаризм, страшный в своих крайних проявлениях, отнюдь не симпатичен и в «мягких» формах. Поставленные проблемы, безусловно, нуждаются в более тщательном научном исследовании.

Хотелось бы обратить особое внимание на одну из первых монографий постсоветского периода, специально посвященных проблеме соотношения двух крайних разновидностей политического режима: Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997. 102 с. Автор говорит о том, что исторический спор между тоталитаризмом и демократией еще не завершен. Происходящие сейчас в странах Центральной и Восточной Европы, странах СНГ, Китае, Монголии, Вьетнаме процессы вновь и вновь возвращают к проблеме жесткой альтернативы: экономический рост или демократия (см.: Ковлер А. И. Указ. соч. С. 100—101).

О достоинствах и недостатках демократии см. также: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. Т. 1. С. 518—595.

6.5. Общие проблемы понимания категории «форма государства»

В учебной литературе по теории государства и права утвердилась рассмотренная выше триада, которая составляет содержание формы государства: форма правления, форма государственного устройства и политический режим. В научных источниках высказаны самые различные суждения, подтверждающие или модифицирующие «классическое» понимание формы государства или же вообще отвергающие ценность данной конструкции.

Отдельные авторы, рассматривая содержание формы государства, останавливаются только на форме правления, поскольку считают, что это основной формальный признак, характеризующий государственность. Другие ограничиваются исследованием проблем формы правления и формы государственного устройства. Высказано и предложение, не получившее, впрочем, поддержки, добавить к трем элементам формы государства и четвертый — политическую динамику, отражающую изменения в форме правления, форме государственного устройства и политическом режиме. Все же наиболее распространенной в настоящее время в теоретической литературе является точка зрения, согласно которой выделяются три «классических» элемента формы государства; говорится о том, что их нельзя изучать изолированно друг от друга, что все они — три взаимосвязанных аспекта единой характеристики государства.

Несколько выпадает из комплексного понятия «форма государства» такой ее элемент, как политический режим. Если и форма правления, и форма государственного устройства — это собственно формальные характеристики государственности, то относительно политического режима возникают сомнения, поскольку при его описании указываются и содержательные аспекты государственности.

Высказана и заслуживает внимания точка зрения, в соответствии с которой политический режим — это характеристика не столько формы, сколько сущности государства. Иногда форма правления и форма государственного устройства называются внешней формой государства, а политический режим — внутренней. При рассмотрении государства в статическом (организационном) и динамическом (функциональном) аспектах в первом случае в качестве формы государства будут выступать форма правления и форма государственного устройства, а во втором — политический режим. Политический режим признается иногда ведущим элементом в форме государства, так как он имеет решающее влияние на две другие ее стороны, является для них общей политической предпосылкой. Любые изменения в методах осуществления государственной власти — в сторону демократии или наоборот — неизбежно отражаются на форме правления и (хотя и в меньшей степени) на форме государственного устройства (см.: Комаров С. А. Общая теория государства и права: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 50).

В 1990-е гг. новые подходы к проблеме формы государства предлагают прежде всего конституционалисты. В одном из учебников по конституционному праву зарубежных стран (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. В 4 т. Т. 1—2 / Отв. ред. Б. А. Страшун) три элемента формы государства рассматриваются отдельно друг от друга в самостоятельных темах. При таком вполне имеющем право на существование подходе обычно указывается на то, что конструкция «форма государства» была выработана советской юридической наукой прежде всего для того, чтобы комплексно продемонстрировать принципиальные различия между социалистическим и буржуазным государством. В настоящее время изучение проблем формы правления, формы государственного устройства и политического режима в рамках формы государства большого познавательного смысла не имеет. Здесь отсутствует новый уровень знаний, ведь, к примеру, никаких классификаций государств именно в зависимости от комплексного критерия — формы государства — не проводится.

Противоположный и также весьма интересный подход к проблеме содержится в изданиях «Элементы сравнительного государствоведения» (автор В. Е. Чиркин) и «Сравнительное конституционное право» (автором соответствующей главы является также В. Е. Чиркин).

Анализ норм основных законов, конвенциональных соглашений, конституционной и политической практики свидетельствует о том, что комплексный конституционно-правовой институт формы государства в обобщенном виде состоит из следующих слагаемых: 1) конституционные писаные, неписаные (конвенциональные) нормы и соответствующая практика, относящиеся к структуре основных органов государства (например, существование или отсутствие парламента), их разновидностям (например, монарх, единоличный президент, коллегиальный президент) и их правовому положению; 2) нормы и практика, относящиеся к организации территории государства, т.е. к политико-территориальному устройству (унитаризм, федерализм, автономия, «регионалистское государство», «ассоциированные государства») и административно-территориальному делению (виды административно-территориальных единиц и правовое положение территориальных коллективов); 3) нормы и практика, относящиеся к методам деятельности органов государства — «прямые» связи (предписания, дозволения, стимулы, запреты, ответственность, а в более широком плане — насилие, либерализм, компромисс, консенсус и др.); 4) нормы и практика, характеризующие внутренние связи и отношения между «элементами», между органами государства (например, ответственность правительства перед парламентом, перед президентом, перед тем и другим), между государством и территориальными единицами (штатами, автономными образованиями, административно-территориальными единицами, представляющими территориальные коллективы и не представляющими таковых); 5) нормы и практика, характеризующие внешние, «обратные» связи: участие населения, граждан, их объединений в деятельности государственного аппарата. В соответствии с предложенными критериями выделяются три основные формы государства: поликратическая («многовластная»), монократическая («единовластная») и сегментарная, занимающая промежуточной положение между ними. Каждая из них может иметь и республиканскую, и монархическую форму правления, унитарное и федеративное территориально-политическое устройство, разный государственный режим (см.: Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В. Е. Чиркин. С. 449—454, здесь содержится и характеристика каждой формы государства в соответствии с предложенной классификацией; см. также: Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государствоведения. М., 1994. С. 23—24).

Обзор специальной литературы по теме

Как уже отмечалось, новые подходы к осмыслению проблем формы государства предлагаются в изданиях по конституционному праву зарубежных стран (см. обзор специальной литературы к теме 3).

Литература ко всей теме

Лашин А. Г. Развитие форм социалистического государства. М., 1965.

Петров В. С. Тип и формы государства. Л., 1967. 120 с.

Петров В. С. Сущность, содержание и форма государства. М., 1971.

Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 22—32.

Чиркин В. Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и форма // Государство и право. 1997. № 1. С. 4—11.

Чиркин В. Е. Формы государства, переходного к социалистическому типу. М., 1966. 224 с.

Чиркин В. Е. Формы социалистического государства. М., 1973. 272 с.

По проблеме ***формы правления*** см.:

Благож Й. Форма правления и права человека в буржуазных государствах. М., 1985.

Гребенников В. В., Дмитриев Ю. А. Развитие республиканской формы правления на постсоциалистическом пространстве // Государство и право. 2006. № 7. С. 5—13.

Зазнаев О. И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006. 374 с.

Зазнаев О. И. Российская форма правления: прошлое, настоящее и будущее // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4.

Корнев В. Н. Учение о формах правления в либеральном государствоведении России начала XX века // Журнал российского права. 2001. № 6.

Краснов М. А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (Опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. № 10. С. 16—23.

Лузин В. В. Формы правления современных государств: Учеб. пособие. Н. Новгород, 1998.

Писаренко К. А. Об эволюции форм правления европейских государств в новое и новейшее время (конец XVI—XX вв.). М., 1998.

Чигринов С. П. Нетипичные формы правления в современном мире // Власть и жизнь (материалы конференции). Минск, 1998. С. 126—130.

Чиркин В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 109—115.

Шаблинский И. Г. К истории рождения современной российской формы правления: взгляд с точки зрения теории сдержек и противовесов // Государство и право. 2008. № 6. С. 110—115.

О ***монархической форме правления***:

Александров И. А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000. 544 с.

Величко А. М. Византийский монархизм // Правоведение. 2005. № 5. С. 175—196.

Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981.

Монархии Европы: Судьбы династий / Ред., сост. Н. В. Попов. М., 1996. 623 с.

Серегин А. В. Античные мыслители о монархической форме правления // Правоведение. 2006. № 5. С. 160—168.

Серегин А. В. Истоки монархического правления в социальной организации первобытного общества // Правоведение. 2006. № 1. С. 197—206.

Серегин А. В. Монархическая форма правления. Ростов н/Д., 2004. 178 с.

Серегин А. В. Форма, содержание и политическая власть монархического государства: Монография. Ростов н/Д., 2005. 266 с.

Возможно обращение к трудам русских мыслителей, сторонников ***монархической идеи***, см.:

Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов: в 2 т. М., 1992.

Ильин И. А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4, 5.

Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. 512 с; То же. Минск, 1998. 504 с.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992; То же. М., 1998. 672 с.

Проблемы ***формы государственного устройства*** рассматриваются в следующих работах:

Абдулатипов Р. Г. и др. Федерация в истории России: в 3 кн. / Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров. М., 1992—1993.

Абдулатипов Р. Г. Федерализм. СПб., 2004. 320 с.

Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и политические проблемы. М., 1997. 480 с.

Бахлов И. В. Современное федеративное государство: (Опыт методологии анализа механизма федеративных отношений). Саранск, 1999.

Барциц И. Н. Правовое пространство в России. М., 2000.

Варламова Н. В. Современный российский федерализм: конституционная модель и политико-правовая динамика. М., 2001. 109 с.

Введенский В. Г., Горохов А. Ю. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта. М., 2002. 128 с.

Витрук Н. В. Федерализм, автономия и права национальных меньшинств: современная ситуация в России // Право и жизнь. № 11. 1997. С. 64—82.

Глигич-Золотарева М. В. Правовые основы федерализма. М., 2006. 421 с. (рецензия: Некрасов С. И. Федеративные отношения: продолжение комплексных доктринальных исследований // Государство и право. 2007. № 7. С. 124—126).

Глигич-Золотарева М. В. Субъектный состав Российской Федерации: эпоха перемен уже наступила // Государство и право. 2006. № 10. С. 14—21.

Дзапшба Ф. З. Федерализм: современная теория и политическая практика. Саратов, 1999. 233 с.

Добрынин Н. М. Российский федерализм: становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск, 2005. 429 с. (рецензия: Кокотов А. Н. // Государство и право. 2006. № 7. С. 121—122).

Добрынин Н. М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // Государство и право. 2007. № 7. С. 33—39.

Добрынин Н. М. Федерализм. Историко-методологические аспекты: Монография. Новосибирск, 2005. 367 с. (рецензия: Крылов Б. С. // Государство и право. 2006. № 1. С. 127—128).

Договорные принципы и формы федеративных отношений в России: Проблемно-тематический сборник. М., 1999.

Золотарева М. В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., 1999.

Иванов В. В. Вопросы теории государственного устройства // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 91—100.

Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001. 352 с. (рецензия: Голик Ю. В., Ермаков В. Г. Проблемы российского федерализма: задание на завтра // Журнал российского права. 2002. № 4).

Киселева А. В., Нестеренко А. В. Теория федерализма. М., 2002. 303 с.

Колобов О. А., Скляров И. П. Современный российский федерализм: Монография. Н. Новгород, 2001. 222 с.

Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития: Монография. М., 2004. 592 с. (рецензия: Сафонов В. Е., Анишина В. И. Проблемы диалектики современного российского федерализма // Государство и право. 2005. № 11. С. 113—115).

Корнев В. Н. Учение о формах государственного устройства в юридической науке дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1(5). С. 176—190.

Кудинов Н. А. Государственно-правовые проблемы советской федерации. Минск, 1989.

Курашвили К. Т. Федеративная организация Российского государства. М., 2000. 172 с.

Кутафин О. Е. Российская автономия: Монография. М., 2006. 768 с. (рецензия: Крылов Б. С. // Государство и право. 2006. № 6. С. 124—125).

Левакин И. В. Российская Федерация: проблемы государственного единства. М., 2002. 320 с. (рецензия: Кулиев М.-П. Р., Серегин Н. С. // Государство и право. 2003. № 5. С. 113—115).

Ливеровский А. А. Актуальные проблемы федеративного устройства России. СПб., 2002. 166 с.

Маликов М. Ф. Правовые основы российского федерализма. Уфа, 2004. 778 с.

Махина С. Н. Сущность и системные характеристики политико-правовой категории «децентрализация» в современном демократическом государстве // Государство и право. 2006. № 7. С. 21—30.

Мириханов И. М. Федерализм, этничность, государственность: новый курс российской власти: Монография. М., 2002. 351 с.

Нарутто С. В. Федерализм и единство государственно-правовой системы: Монография. Хабаровск, 2001. 339 с.

Петров В. Россия. Кризис Федерации. Прошлое, настоящее, будущее. М., 1999. 281 с.

Роль договорных отношений в формировании российского федеративного государства: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции. Уфа. 3 августа 2000 г.: Сб. Уфа, 2000. 122 с.

Саленко А. В. Россия — унитарная федерация: парадокс или реальность // Правоведение. 2001. № 2. С. 63—73.

Саломаткин А. С. Административно-территориальное устройство Российской Федерации: вопросы теории и практики. М., 1995.

Симонян Р. Г. Политико-правовые основы развития федерализма в современной России: Монография. М., 2003. 104 с.

Синюков В. Н. О форме федерации в России // Государство и право. 1993. № 5. С. 28—35.

Стародубцев В. П. Современные конституционные модели государственного устройства: Монография. Волгоград, 2006. 116 с.

Стешенко Л. А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X—XXI вв. М., 2002. 384 с.

Тадевосян Э. В. Российский федерализм и современный национально-государственный нигилизм // Государство и право. 1996. № 10. С. 3—14.

Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002. 202 с.

Тэпс Д. Проблемы национального самоопределения в условиях реформирования российского федерализма. СПб., 2005. 232 с.

Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. 280 с; То же. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. 303 с. (рецензия: Енгибарян Р. В., Тадевосян Э. В. // Государство и право. 2000. № 9. С. 10—113).

Фарукшин А. М. Проблемы федеративных отношений в решениях конституционных судов // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 70—83.

Фарукшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань, 1998.

Фарукшин М. Х. Федерализм. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Юристъ, 2004. 527 с. (рецензия: Чиркин В. Е. // Государство и право. 2006. № 1. С. 124—126.

Федерализм — глобальные и российские измерения. Казань, 1993.

Федерализм в России и в мире: Учеб. пособие / Под ред. Р. С. Хакимова, Б. Л. Железнова. Казань, 2004. 166 с.

Федерализм власти и власть федерализма / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1997.

Федерализм и децентрализация / Отв. ред. А. В. Гайда, В. Н. Руденко. Екатеринбург, 1998. 415 с.

Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ): Учеб. пособие / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2000. 344 с.

Федерализм: теория, институты, отношения: (Сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. 374 с.

Федерализм: Энциклопедический словарь. М., 1997. 288 с. (рецензия: Тадевосян Э. В. // Государство и право. 1997. № 11. С. 116—118).

Федерализм: Энциклопедия. М., 2000.

Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации: Сб. аналит. обзоров и рекомендаций. М., 1995.

Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003. 256 с. (рецензия: Топорнин Б. Н. // Государство и право. 2005. № 6. С. 102—106).

Хабриева Т. Я. Российская Конституция и эволюция федеративных отношений // Государство и право. 2004. № 8. С. 5—13.

Черепанов В. А. Теория российского федерализма: Учеб. пособие. М., 2005. 319 с.

Черненко А. Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России. СПб., 1999. 273 с.

Чертков А. Н. Правовые проблемы современного российского федерализма: Учеб. и н.-практ. пособие. Брянск, 2006. 162 с.

Чиркин В. Е. и др. Глобализация и федерализм // Государство и право. 2007. № 7. С. 5—17; Чиркин В. Е. и др. Общие закономерности глобализации и субъекты федерации // Государство и право. 2008. № 6. С. 5—15.

Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. М., 1997. 128 с.

Шахрай С. М. Федерализм в системе единого конституционного пространства России: Монография. СПб., 2000. 180 с.

Теория и практика ***зарубежного федерализма*** рассмотрены в следующих изданиях:

Агеев В. В. Развитие европейского федерализма: Монография. Калининград, 2001. 128 с.

Григорьева Ю. Г. Федеративный опыт Канады и США. Российский федерализм в международной перспективе. М., 2001. 118 с.

Иванов В. Е. Как развивался американский федерализм. М., 2001. 53 с.

Кремянская Е. А. Развитие федерализма на современном этапе: опыт Канады и Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4.

Лафитский В. И. Конституционные основы федерализма в США // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 116—127.

Лафитский В. И. США: Конституционный строй и роль штатов в структуре американского федерализма. М., 1993.

Мелкумов А. А. Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998.

Пернталер П. Проблемы федеральных отношений в Австрии // Государство и право. 1994. № 3. С. 120—125.

Пустогаров В. В. Общеевропейский процесс и проблемы федерализма // Советское государство и право. 1991. № 6.

Саликов М. С. Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург, 1998.

Силинов П. М. О некоторых концепциях федерализма в зарубежной литературе // Государство и право. 2000. № 5. С. 85—87.

Фарукшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань, 1998.

Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева, коммент. О. Л. Степановой. М., 1994. 568 с.

Федерация в зарубежных странах / Отв. ред. Д. А. Ковачев. М., 1993.

Ширко Е. Н. Модель кооперативного федерализма: возможности и границы использования: На примере США и России. М., 2002. 179 с.

Достаточно большое количество публикаций обусловлено актуальностью проблемы государственного устройства для Российской Федерации. С 1996 г. в Москве издается журнал «Федерализм».

Некоторые специальные работы по проблеме ***политического режима***:

Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В. Г. Хорос. М., 1996. 335 с.

Азми Д. М. Фромм о позитивных и негативных аспектах современной демократии // Государство и право. 2002. № 5. С. 93—98.

Бадалян Г. Л. От СССР к России: конструирование оптимального политико-правового режима: Монография. Пятигорск, 2006. 158 с.

Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М., 2004. 328 с.

Горобцов Г. А. Армия и политический режим // Власть силы, сила власти: Сб. науч. тр. МГЮА / Отв. ред. и сост. В. В. Серкова. М., 1996. С. 76—83.

Горячева М. В. Критика Фридрихом Ницше генезиса и идеалов демократического государства // Правоведение. 2000. № 1. С. 248—256.

Данилевич И. В. Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии: Чили, Португалия, Испания. М., 1996.

Зубов А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.

Кашкин С. Ю. Политический режим в современном мире: понятия, сущность, тенденции развития. М., 1993.

Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997. 102 с.

Кудрявцев Ю. А. Политические режимы: критерии классификации и основные виды // Правоведение. 2002. № 1. С. 195—205.

Лобер В. Л. Демократия от зарождения идеи до современности. М., 1991.

Маритен Ж. Народ и государство. М., 2000.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. 365 с.

Тирских М. Г. Трансформация политических режимов: государственно-правовое исследование. Иркутск, 2006. 163 с.

Тихомиров Л. А. Критика демократии / Вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. М., 1997. 672 с.

Федосеева Н. Н. Демократия в информационном обществе // Журнал российского права. 2007. № 6. С. 11—17.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Шанин А. А. Политический режим: сущность, содержание и типология: Учеб. пособие. Волгоград, 2002. 114 с.

XX век явил миру феномен ***тоталитаризма***, в связи с его осмыслением см.:

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм: Пер. с франц. М., 1993.

Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX в. // Вопросы философии. 1992. № 2.

Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство: Пер. с болг. М., 1991. 336 с.

Завьялов Ю. С. Политический аспект идеи тоталитаризма // Власть силы, сила власти: Сб. науч. тр. МГЮА / Отв. ред. и сост. В. В. Серкова. М., 1996. С. 72—75.

Замковой В. И. Тоталитаризм: сущность и концепции. М., 1994.

Продолжается научный анализ ***политического режима***, на протяжении нескольких десятилетий XX в. существовавшего ***в СССР***, см., например:

Вишневский А. Ф. Политико-правовой режим советского государства (1917—1953 гг.). Минск, 2003. 224 с.

Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. 365 с; То же. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. 383 с.

Пискотин М. И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. 448 с.

Тилле А. А. Советский социалистический феодализм. 1917—1990. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 260 с.

Для отечественных исследований, проводимых до начала 1990-х гг., характерны обоснование советской демократии и критика политических режимов буржуазных стран, см., например:

Денисов А. И. Общая система социалистической демократии. М., 1975. 247 с.

Стародубский Б. А. Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск, 1984.

О перспективах ***развития демократии в современной России*** см., например:

Мамут Л. С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 108—116.

Пантин И. К. Посткоммунистическая демократия в России: основания и особенности // Вопросы философии. 1996. № 6.

РАЗДЕЛ III

Теория права

ГЛАВА 7

Право в системе социальных норм общества

Правовые нормы представляют собой одну из разновидностей социальных норм общества, и прежде чем перейти к изучению правовых явлений, целесообразно получить самое общее представление о социальных нормах, об их основных видах и о механизме действия. Настоящая тема — вводная по отношению к теории права.

7.1. Понятие и признаки социальных норм общества

Каждый человек сознательно или бессознательно руководствуется в своей деятельности определенными правилами, т.е. образцами должного поведения, моделями. Эти правила разнообразны как по содержанию (регулируют отношения людей в различных сферах общественной жизни — бытовые, семейные, по поводу собственности, осуществления политической власти и т.д.), так и по способам возникновения (могут устанавливаться различными организациями граждан, органами государства или складываться исторически, в процессе развития человечества). Без существования правил, регулирующих поведение людей, было бы невозможным и существование общества.

Традиционно все нормы по предмету регулирования подразделяются на две большие группы: так называемые *социальные* нормы, которые регулируют отношения между людьми, их объединениями, и так называемые *технические* нормы, которые регулируют отношения между человеком и внешним миром, т.е. природой и техникой.

Технические нормы указывают, как следует вести себя в отношении различных природных объектов, как обращаться с простей-

шими и сложными техническими приспособлениями, как создавать материальные ценности и т.д. Теория государства и права обращает свое внимание главным образом на социальные нормы.

Вместе с тем тенденции развития человечества, в особенности за последние два века, таковы, что вследствие огромного значения в современном мире техники и технологий и обострения глобальных проблем (экологической, сырьевой, энергетической, угрозы ядерной катастрофы и т.д.) все большее количество технических норм становится и социальными нормами. Образуется особый пласт так называемых *технико-социальных* норм, регулирующих отношения между людьми по поводу исполнения технических правил. К таковым относятся, например, нормы, действующие в сфере материального производства, обеспечения общественной безопасности и охраны окружающей среды (правила дорожного движения, правила, установленные для иных видов транспорта, различные стандарты, инструкции по эксплуатации машин и механизмов, нормы расхода сырья, электроэнергии, правила техники безопасности, хранения взрывчатых, наркотических, отравляющих веществ и т.д.). В настоящее время в условиях научно-технической революции значение надлежащего соблюдения этих правил особенно велико. Их игнорирование может привести к непоправимым последствиям.

Вопрос о технико-социальных, прежде всего о *технико-юридических* нормах, несмотря на свое значение, остается одним из малоисследованных в теории государства и права. Основные проблемы, которые здесь существуют, примерно таковы: систематизация нормативных актов (прежде всего государственных стандартов), совершенствование законодательства (отмена устаревших нормативных актов, поиск более точных формулировок, поддержание адекватности нормативного регулирования постоянно и быстро развивающейся технической сферы), обеспечение соблюдения технико-юридических норм (установление мер ответственности за их несоблюдение, надлежащая реализация ответственности), обеспечение реального действия отдельных технико-юридических норм (экологическое законодательство).

(По этой проблематике см., например: Батурин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М., 1991. 272 с.; Черданцев А. Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. 1964. № 1).

Социальные нормы — это общие правила, регулирующие поведение людей в обществе.

Самый характерный признак социальных норм — это *нормативность*. Социальные нормы являются правилами поведения, т.е. указывают, как следует поступать в той или иной конкретной ситуации. Социальные нормы служат для регулирования общественных отношений. Они представляют собой средство социального управ-

ления, необходимое условие жизни и развития общества. Действие социальных норм приводит к общественному порядку.

Социальные нормы имеют *всеобщий* характер. Выражая определенное правило поведения, социальная норма распространяет свое действие не только на конкретное лицо, но и на всех лиц, оказавшихся в сходных ситуациях (т.е. имеет неконкретный характер). Для социальных норм именно как для всеобщих правил поведения характерны многократность применения, длительность действия, неопределенность адресата (адресуются всем, кто оказывается в определенном качестве, в определенных условиях, предусмотренных социальными нормами).

Социальные нормы *образуются в результате сознательно-волевой деятельности* людей как высшей формы отражения объективного мира. В своей совокупности они выражают объективные закономерности общественного развития, познаваемые людьми в процессе общения и освоения окружающей действительности и конкретизируемые в виде социальных норм. Так, для того чтобы общество могло существовать, люди должны продолжать свой род, добывать продукты питания, соблюдать элементарные запреты. Выработка соответствующих правил (не убий, не укради и т.п. как нравственные, религиозные и правовые запреты) и является сознательно-волевой деятельностью людей по отражению объективных закономерностей общественного развития, в результате которой устанавливаются социальные нормы.

Реализация социальных норм обеспечивается сознанием людей, а также теми организациями и социальными группами, интересы которых и отражают определенные социальные нормы. К примеру, нормы права, устанавливаемые государством, могут быть при необходимости обеспечены принудительной силой последнего.

Система и содержание социальных норм *обусловлены* достигнутым в обществе уровнем экономического, политического и культурного развития, историческими особенностями той или иной страны.

Этот момент — обусловленность содержания различных надстроечных явлений, в том числе государства и права, — всегда считался одним из ключевых в марксистско-ленинской теории государства и права. Сначала говорили о том, что содержание социальных норм обусловлено экономическим базисом общества. Но при таком подходе не видно, откуда возникают различия между социальными нормами в странах с одинаковыми экономическими отношениями, с примерно одинаковым уровнем экономического развития. Поэтому несколько позднее появилась следующая, более правильная формула: содержание социальных норм (равно как и других надстроечных явлений, в том числе и государства, и права) в целом обусловлено экономическим базисом общества. Таким образом, сознательно устанавливая социальные

нормы, люди и свободны, и не свободны в выборе вариантов. В своей деятельности они с необходимостью должны опираться на материальные условия жизни общества, политическую и духовную культуру. Но в этих рамках человеку предоставлена значительная свобода.

Социальные нормы имеют *объективный* характер. Сам факт существования социальных норм не зависит от воли и сознания людей; эти субъективные факторы оказывают влияние на содержание социальных норм. Последние возникают из объективной потребности общества в поддержании стабильности и порядка, в саморегуляции, в обеспечении поступательного развития.

7.2. Классификация социальных норм общества

Социальные нормы чрезвычайно разнообразны, поскольку разнообразны и регулируемые ими общественные отношения. Социальные нормы можно классифицировать по различным основаниям. В теории государства и права обычно принимают во внимание два основания: способы установления и обеспечения социальных норм и содержание социальных норм, т.е. регулируемая ими сфера общественных отношений.

По *способам установления и обеспечения* принято различать:

- *нормы права* — правила поведения, установленные и обеспечиваемые государством. Более полное определение и подробный разбор признаков правовых норм содержатся в последующих темах. Отличие правовых от других социальных норм — третий вопрос этой темы;
- *нормы морали* (*нравственности*) — правила, складывающиеся в соответствии с представлениями людей о добре и зле, справедливости и несправедливости, чести и бесчестии и т.п., т.е. в соответствии с моральными представлениями;
- *обычаи* (*традиции, обряды, ритуалы, деловые обыкновения*) — правила, складывающиеся исторически и вследствие их многократного применения вошедшие в привычку людей. Обычаи когда-то были либо моральными, либо религиозными нормами, но со временем их истинное значение было забыто. Люди, следуя обычаям, уже не говорят, хорош или плох тот или иной вариант поведения, а поступают определенным образом в силу привычки;
- *корпоративные нормы* (нормы организаций) — правила поведения, издаваемые организациями или сложившиеся в организациях и распространяющиеся на их членов. Корпоративные нормы регулируют отношения внутри данной организации, порядок ее деятельности, взаимоотношения лиц, составляющих данную орга-

низацию. Они могут быть выражены, например, в уставах, положениях, решениях общественных организаций. Правила, складывающиеся в неформальных общественных организациях, действующие в отдельных социальных группах общества, обычно не рассматриваются в качестве корпоративных норм, но, тем не менее, могут быть отнесены к последним.

Таким образом, в самом общем плане в соответствии с данной классификацией все социальные нормы относятся к одной из двух групп — или к правилам поведения, которые устанавливаются различными организациями и, как правило, закрепляются в документах этих организаций; или к правилам поведения, складывающимся постепенно в процессе жизнедеятельности людей, которые обычно формально нигде не выражены.

По *содержанию* (следующий критерий классификации) выделяют разное количество видов социальных норм в зависимости от того, каким образом различают регулируемые социальными нормами общественные отношения. Здесь нет очень четкой классификации. В большинстве изданий названы: *политические* нормы (правила, регулирующие отношения по поводу осуществления политической власти, управления обществом); *экономические* нормы (правила, регулирующие отношения по поводу производства и распределения материальных благ); нормы *культуры* (правила, регулирующие поведение людей в непроизводственной сфере общества; здесь прежде всего в виду имеются нормы, регулирующие творческую, спортивную и иную деятельность по реализации интересов человека); *эстетические* нормы (правила, связанные с представлениями о красоте человеческих поступков); *религиозные* нормы (правила, регулирующие отношения верующих друг с другом, с религиозными организациями, религиозные обряды и т.п.); *технико-социальные* нормы (правила необходимого или целесообразного обращения людей с природными объектами, орудиями труда, различными техническими устройствами) и другие социальные нормы.

7.3. Соотношение норм права с иными социальными нормами

Когда говорят о соотношении норм права с другими социальными нормами, чаще всего имеют в виду три момента: их единство, различия и взаимодействие.

Единство заключается в том, что и нормы права, и нормы морали, и корпоративные нормы, и обычаи — все они относятся к социальным нормам и обладают общими признаками послед-

них. Чаще всего здесь указывают на один из признаков: на то, что содержание социальных норм в целом обусловлено уровнем экономического и культурного развития общества (т.е. это нормы одного общества), следовательно, нормы права и иные социальные нормы, регулирующие одни общественные отношения, не могут значительно отличаться по содержанию.

Различия, существующие между нормами права и иными социальными нормами, устанавливаются по следующим критериям.

Во-первых, по *происхождению*. Нормы права издаются государственными органами. Корпоративные нормы вырабатываются соответствующими организациями; нормы нравственности и обычаи возникают постепенно в процессе развития общества.

Во-вторых, по *форме выражения*. Нормы права фиксируются в официальных издаваемых органами государства нормативных актах, это свойство права принято называть «формальная определенность», причем таким свойством не обладают иные социальные нормы. Они либо существуют в сознании общества, отдельных социальных групп, либо могут быть записаны в различных источниках, не имеющих официального характера.

В-третьих, по *сфере действия*. Нормы права регулируют отношения, поддающиеся правовому регулированию и объективно требующие его, это, как правило, наиболее важные общественные отношения. Иные социальные нормы также могут регулировать общественные отношения, на которые распространяют свое действие правовые нормы. К примеру, охрана отношений собственности осуществляется при помощи многих социальных норм. Есть соответствующие статьи УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ, в которых содержатся нормы права. В то же время можно говорить об утвердившемся в общественном правосознании моральном предписании — «воровать плохо». Существует и аналогичная религиозная норма: «не укради» — одна из христианских заповедей. Но есть и правила, безразличные с точки зрения морали, например различные технические предписания. С другой стороны, нормы морали, обычаи и корпоративные нормы регулируют также и отношения, выходящие за пределы сферы правового регулирования, например отношения дружбы, товарищества, определенные бытовые и семейные отношения и т.д.

Кроме того, нормы права распространяют свое действие на всех лиц, находящихся в пределах территории государства или административно-территориальной единицы (если это нормы, установленные органами данной административно-территориальной единицы). Обычаи и корпоративные нормы имеют локаль-

ный характер, т.е. распространяются на относительно узкий круг лиц (род, племя, члены организации), а не на определенную территорию. Многие нормы морали не знают государственных границ, хотя нравственные представления в отдельных странах в разное время могут значительно отличаться.

В-четвертых, по *степени детализации*. Нормы права как правила поведения в конкретных ситуациях отличаются достаточно большой степенью подробности. Таким же качеством обладают и корпоративные нормы. Обычаи вообще максимально приближены к конкретным ситуациям. Нормы же морали не содержат строгих и детализированных правил, а являются прежде всего общими принципами, которым стараются следовать люди в своем поведении.

В-пятых, по *способу обеспечения*. Все социальные нормы в массе своей соблюдаются и исполняются добровольно, под влиянием сознательности и внутренней убежденности людей. Но за нормами права в случае их неисполнения стоит возможность *государственного принуждения*. Внешние гарантии соблюдения иных социальных норм в большинстве случаев — *сила общественного мнения*, возможность применения мер общественного воздействия. Сила общественного мнения проявляется как совокупная воля членов тех или иных социальных групп либо органов формальных общественных организаций. В случае противоречия правовых норм иным социальным нормам почти всегда преимущество имеют первые, как более обеспеченные. Впрочем, иногда бывает и наоборот: когда очевидна несправедливость того или иного нормативного акта, когда сами государственные органы и должностные лица сознают абсурдность изложенных в официальных документах предписаний (а возможно и такое!), когда реализация норм права обеспечена недостаточно.

В-шестых, по *тенденциям развития*. Нормы права появляются только на определенном этапе развития общества. В современных условиях в связи с усложнением общества роль и значение права как эффективного средства социального управления увеличивается (впрочем, в марксистско-ленинской теории государства и права было принято говорить о том, что право в будущем должно отмереть). Одно из свойств права — динамизм: устаревшие нормы права легко заменить на новые, издав соответствующий нормативный акт. Обычаи и нормы морали появились значительно раньше права, они более консервативны, складываются не сразу и быстро не исчезают.

Взаимодействие норм права и иных социальных норм. Индивидуальное сознание человека складывается в процессе взросления

и развития преимущественно под воздействием нравственных, обычных и корпоративных (например, религиозных) норм. Поэтому для того чтобы нормы права действовали наиболее эффективным образом, они с необходимостью должны обращаться к внеправовым категориям и ценностям. Право должно быть глубоко нравственным, отвечать принципам справедливости, иначе оно не получит признания в обществе. Если мы проанализируем нормы права, содержащиеся в самом главном нормативном акте любого демократического государства — конституции, то увидим, что большинство из них не противоречат, а напротив, соответствуют нормам морали, обычаям, корпоративным нормам. Различные социальные нормы оказывают влияние на право как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменения.

Возможны варианты, когда право входит в противоречие с иными социальными нормами, в частности когда правотворческие органы, преследуя свои узкогрупповые или классовые интересы, издают несправедливые нормативные акты. Остро стоит вопрос об исполнении или неисполнении подобных официальных документов. С одной стороны, их необходимо исполнять, ведь за правом всегда стоит возможность государственного принуждения. Но, с другой стороны, во многих случаях исполнение несправедливого нормативного акта может привести к крайне нежелательным последствиям как для государства, так и для отдельных людей. К различным подходам к разрешению этого вопроса, который неоднократно ставился в центр научных юридических дискуссий, мы вернемся позднее, в следующих темах по теории права. Таким образом, это первый вариант: когда «плохое» право противоречит «хорошим» социальным нормам.

Второй вариант — когда «хорошее» право не соответствует «плохим» социальным нормам. Такое положение может возникнуть из-за консервативности обычаев и норм морали. Государство заинтересовано в скорейшем устранении пережитков родоплеменных обычаев, которые несовместимы с современной организацией человеческого общежития (неравенство женщин, кровная месть и т.д.). Поэтому государство борется с подобными явлениями при помощи права. К примеру, в Уголовном кодексе РФ 1960 г. была специальная глава, которая называлась «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев».

Анализ взаимодействия правовых и моральных предписаний составляет самостоятельную проблему в истории правовой мысли (см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень Т. 2. С. 21—60).

7.4. Право и экономика, право и культура, право и политика

Общая схема соотношения права, политики и экономики в марксистской теории представлялась таким образом, что право есть концентрированное выражение политики, а сама политика — концентрированное выражение экономики. Культура долгое время вообще выпадала из поля зрения юристов. Соотношение права и экономики, как оно интерпретировалось сторонниками экономического детерминизма, сводившими право к проявлению политики, определяемой экономической структурой общества, на практике привело к обеднению права в жизни общества. Ограниченность этой схемы в том, что она была именно схемой и не учитывала другие реалии человеческого существования. Впрочем, Ф. Энгельс предостерегал последователей марксизма от упрощенного понимания соотношения экономического базиса и политической, правовой надстройки, подчеркивая, что государство и право только в конечном счете обусловлены экономикой, что на ход исторического развития влияет множество факторов и что сама история человечества развивается в результате столкновения, взаимодействия различных воль. Однако последователи поняли соотношение разных социальных факторов так, как желали понимать, т.е. упрощенно, догматически, в результате чего получалось, что экономика обусловливает право не только в конечном счете, но и всякий раз, и повсеместно. Влияние иных факторов фактически игнорировалось.

В последнее десятилетие в постсоциалистических странах наметилось противоположное крайнее течение, когда экономические факторы стараются не замечать и правотворческую работу осуществлять без учета стратегического экономического результата. В реальности начинает преобладать нечто большевистское — «политика не может не иметь первенства перед экономикой». Подобно тому, как политика довлела в строительстве социализма и коммунизма, она начинает главенствовать в «построении» капитализма. Результат в любом таком случае один — разрушение экономики. И здесь вновь можно вспомнить Ф. Энгельса, у которого *право активно влияет на экономику и влиять может трояким образом: или способствовать развитию экономики, или разрушать ее, или развивать однобоко.*

Многие западные теоретики пытаются по определению разделить право и экономику, оградить экономику от внешнего воздействия. Западными экономистами давно уже разработана модель либерализации и свободы в экономике. Либералы считают, что мир плохо устроен, но «плохой мир лучше, чем хороший процесс».

Поэтому либеральная точка зрения ориентирует не на революцию в общественных отношениях, не на переворот в отношениях собственности и основанных на них производственных отношениях, а на эволюцию, которая медленно и постепенно улучшает положение человека. Либералы весьма сдержанно относятся к правовому регулированию экономических отношений, протестуют против чрезмерного вмешательства государства в стихию рыночных отношений, связанных с производством товаров и услуг. Западная модель экономической свободы в ее соотношении с правовым регулированием состоит в следующем:

- коллективный разум (можно читать — право) не достиг высот, которые могли бы позволить обществу произвести замену саморегулирующихся экономических процессов сознательным руководством; индивидуальные усилия миллионов отдельных личностей формируют такую структуру человеческой деятельности, что ее возможности превосходят достижения сознательно задуманных процессов;
- противоположные результаты конкурирующих экспериментов, проводившихся на памяти двух поколений в разных частях того, что когда-то было общеевропейской цивилизацией, продемонстрировали превосходство системы, базирующейся на институте частной собственности, где высшей ценностью является свобода личности;
- без свободы в делах экономических никогда в прошлом не было свободы личной и политической; разработка стройной системы аргументов в пользу экономической свободы явилась результатом свободного развития экономической деятельности как непременного и непредусмотренного побочного продукта свободы политической;
- главный принцип либерализма сводится к использованию стихийных сил общества по возможности без принуждения (право, как известно, всегда предполагает возможность принуждения);
- для сторонников системы «плановой экономики» наиболее целесообразным представляется централизованное руководство всей экономикой по единому плану (план утверждался обычно законом). Либеральная модель — это достаточность существования рациональной и стабильной правовой структуры, в рамках которой люди занимались бы любой деятельностью по личным планам. Государство, в чьем распоряжении находится аппарат принуждения, должно создавать условия, способствующие максимальному развитию индивидуальных способностей, инициативы и самостоятельности, прогнозирования и планирования деятельности граждан;
- закон должен преследовать всякие попытки ограничить свободу беспрепятственного доступа в разные отрасли на равных основаниях. Планирование и конкуренция совместимы только

при условии, если первое будет способствовать конкуренции, а не действовать против нее;

- государству следует ограничиться установлением общих правил, применимых к широкому многообразию ситуаций, предоставив индивиду свободу во всем, что зависит от локальных обстоятельств;
- закон не может и не должен предусматривать все локальные ситуации, которые возникают в практической деятельности хозяйствующих субъектов. Они слишком разнообразны и зависят от множества случайных обстоятельств, непредсказуемости мотивов и поступков отдельных индивидов, результатов их деятельности, стихийности рыночных отношений.

Либеральная модель правового регулирования развивается в соответствии с теорией «государство — ночной сторож». Другими словами, государство всегда призвано охранять складывающиеся между хозяйствующими субъектами отношения, но не вмешиваться в их внутренние дела. Разумеется, при условии, если их отношения не направлены против общества, государства, остальных граждан. Уместно, однако, сказать, что теории государства «ночного сторожа» не являются на Западе единственными. Дирижистские позиции, согласно которым государство должно активно вмешиваться во все социальные процессы, в том числе в области экономики, время от времени даже преобладают в некоторых государствах.

Было бы неверно представлять дело так, что экономические отношения являются предметом регулирования частного права, и только. Публичное право также имеет в сфере экономики большое значение. Именно оно создает устойчивую основу здоровой экономики, закрепляя формы собственности, принципы демократии со всеми ее сдержками и противовесами. Публичное право нельзя непременно отождествлять с авторитаризмом и тоталитаризмом. При нормальном общественном развитии наблюдается своего рода конвергенция (соединение) систем публичного и частного права. Это проявляется:

- в учете публичным правом требований естественного частного права;
- опоре частного права на публичное в части защиты от нарушений;
- перекрещивании сфер регулирования, перемещении объектов регулирования из одной сферы в другую;
- во взаимодействиях в методе правового регулирования.

Можно утверждать, что соотношение права и экономики в плановом хозяйстве одно, а в рыночном — другое. *Рынок — система экономических отношений между продавцами и покупателями, основными*

элементами которой являются спрос, предложение и цена. Поскольку то, и другое, и третье не всегда и не во всем предсказуемо, говорить об эффективности прямого государственно-правового воздействия на рынок (на механизм рыночных отношений) не приходится. Многие процессы здесь не подвластны правовому регулированию. И это в известном смысле является благом. Но государство, используя правовые инструменты, осуществляет контроль в том числе и в рыночной сфере. Контроль государства подразделяют на *прямой* и *косвенный*. Трудно отдать предпочтение какому-либо из них, поскольку косвенный контроль проявляет себя как весьма эффективное средство. Сюда относится система льгот и налогов; ценовая политика, регулирование занятости населения, профессиональной подготовки, влияние на развитие инфраструктуры, информационное обеспечение и т.д.

К прямому государственному контролю относят: финансовый контроль; экологический контроль; санитарный контроль; пожарный надзор; контроль за мерой весов и денежной единицы; контроль за качеством продукции. Эти и другие контрольные меры осуществляются в правовой и организационной форме, как в процессе правотворческой деятельности, так и в ходе реализации права.

Оценивая перспективы вмешательства государства в предпринимательскую сферу (в сферу экономики, бизнеса), следует принять во внимание целый ряд обстоятельств: необходимость предупреждения экологической катастрофы, решения экологических проблем, порождаемых свободным предпринимательством; необходимость борьбы с криминализацией экономических отношений; предотвращение экономических кризисов, социальных потрясений; контроль за использованием общенациональных ресурсов; социальную защиту наименее обеспеченных слоев населения.

Иногда характер отношений между государством и бизнесом пытаются представить как партнерство. Если это так, то «партнерство» оказывается весьма своеобразным. Там, где государство выступает в качестве политической, властной структуры, его «партнеры» вынуждены следовать воле государства. Там, где государство выступает в качестве субъекта экономической деятельности, идет конкурентная борьба. Вместе с тем государство и бизнес взаимно зависят друг от друга, взаимно дополняют друг друга в решении общесоциальных задач. Понимание этих истин создает основу для деловых отношений, предупреждает излишние трения.

В последние годы проводится политика формирования мирового права. Что как не экономика предопределяет постановку этого вопроса? Основой соответствующих процессов является интернационализация экономических отношений, деятельность транснацио-

нальных промышленных компаний и международная торговля. Полным ходом идут процессы глобализации. Отсюда в документах ООН, многосторонних и двусторонних соглашениях государств, в национальном законодательстве появляются нормы, регулирующие предпринимательство, конкуренцию, торговлю в международном масштабе. Устанавливаются нормы разной юридической силы, ограничивающие монополизм, злоупотребления в партнерских отношениях, обман потребителей и т.д. Отлаживаются процедуры и меры ответственности. Соответственно и национальное законодательство ориентируется на разрушение монопольных структур путем жесткого государственного контроля за процессами централизации капитала. Одновременно некоторые государства проводят такую либерализацию рыночных отношений, когда монополизация рынка оборачивается невыгодными сторонами (поддержка малого бизнеса, иностранных инвесторов, снижение импортных ограничений и т.д.). Одно из самых «старых» средств — антитрестовское законодательство США, ведущее свою историю с 1890 г.

Итак, *экономика всегда предполагает участие в ней государства. Но участие на основе права и с помощью права. Вопрос только в том, чтобы всякий раз определять пределы правового регулирования экономических процессов с учетом всех обстоятельств общественного развития*.

Успешное решение названной задачи возможно только при высоком уровне цивилизации, политической и правовой культуры. Само право следует рассматривать в качестве одного из проявлений этой цивилизации и культуры. Но, в свою очередь, имеет место обратное влияние права на культуру, в связи с чем обозначается проблема регулирующей роли законодательства в сфере культуры. При этом нельзя не учитывать того, что:

а) юридический закон сильное, но не всесильное средство;

б) кроме права, существуют иные социальные регуляторы поведения людей;

в) пока имеются крайние проявления бескультурья, законодательство не потеряет своего значения в установлении порядка, предупреждении социальных отклонений и борьбе с наиболее вредными из них.

Область культуры столь специфична, что регулирование отношений людей здесь с помощью законов является делом не менее тонким, чем регулирование экономических отношений. Есть большая доля истины в том, что *право не может быть выше, чем культурное развитие общества*. Поэтому издаваемые государством законы если и должны в качестве определенной модели вести за собой (фор-

мировать) соответствующие отношения, то не настолько, чтобы отрываться от них и превращаться в законы неправовые. Можно также утверждать, что для большого числа людей нормативом поведения служит не закон, а сама культура (общая и юридическая), поскольку они не знают конкретных нормативно-правовых предписаний, никогда не знакомились с правовыми актами. Следует всегда иметь в виду двустороннюю связь закона и культуры, не упуская из вида «производительную» роль культуры в процессе законодательной деятельности. В ходе правоприменения общая и правовая культура выполняет роль дополнительного (наряду с законом и вместе с ним) фактора оценки фактических обстоятельств и решения юридического дела. Но при реализации права гражданами их культуре доверяют меньше, поскольку велика опасность отклонения от нормы закона в силу личной заинтересованности, неразвитости юридической культуры, ее отсталости, сориентированности на асоциальные ценности.

Высокий уровень культуры неизбежно открывает путь правовому развитию общества, правовому закону и правовому государству. Неразвитость культуры, напротив, обусловливает правовой нигилизм, деспотические формы и методы властвования. Таким образом, эффективность регулирующей роли законодательства в области культуры прямо пропорциональна уровню развития культуры, т.е. объекту регулирования.

В контексте глобальных цивилизационных процессов и в аспекте развития общей культуры общества ставится вопрос о *соотношении права, государства, политики* (соответственно — соотношения правовых и политических норм). Это *один из ключевых вопросов теории государства и права*. Коммунисты вслед за Лениным всегда объявляли право политикой, закон — мерой политической. В постсоциалистическое время заявили о себе противоположные позиции: право и государство должны быть деполитизированы. И это при одновременном провозглашении плюрализма мнений, свободы политической деятельности, многопартийности, когда государство находится в эпицентре политической борьбы, когда всякий закон суть победа определенной политической силы или компромисс ряда политических сил. «Деполитизация государства и права» — лозунг бесперспективный, популистский, не находящий своего обоснования ни в одной из современных позитивных правовых систем. «Неполитическое право» — это фикция. В лучшем случае кто-то может объявить его презумпцией, но то будет опровержимая презумпция.

Только естественное право и в особенности право божественное можно было бы объявить неполитическим правом. Если выделять

естественно-правовые требования, то сегодня они просматриваются как надполитические. Однако те, кто формулировал требования естественного и даже божественного права, часто представляли определенные политические силы в обществе и выражали соответствующую политическую линию. Примером могут служить идеологи естественного права, представлявшие класс буржуазии вопреки интересам дворянства. В наше время разные политические круги сходятся на признании некоторых естественно-правовых требований (право на жизнь, например), но даже и здесь порой ведется скрытая политическая борьба.

Политика представляет собой совокупность норм, отношений и политического сознания, связанных с борьбой людей за власть и ее использование. Не случайно политика по определению концентрирует свои свойства в ходе избирательных компаний. Таким образом, политика мыслима только позитивистки. Соответственно и соотношение ее с правом корректно только по отношению к области позитивного права. В эпицентре политики находятся государственные органы, все без исключения и, следовательно, правовое государство в особенности вяжет политику и право в одну сцепку.

Если право суть политика, то можно ли говорить об их соотношении? Да, поскольку политика не вся входит в право, а только той частью, которую удается провести в соответствующих правовых актах. Как только политика становится правом, она приобретает иные качества. Если для политики вообще свойственны разные подходы, разные политические тенденции, неодинаковые концепции, если единства в политике нет по определению, то право должно быть единой и непротиворечивой системой.

Некоторая часть политики (внутрипартийной, например) может оставаться безразличной к праву, но никакое право не безразлично к политике. Любая политика меряется на предмет соответствия праву. Политика, проводимая вопреки праву, не может находить поддержки общества, и закон в ряде случаев прямо объявляет ее преступной. Вместе с тем имеют место объективные обстоятельства, которые заставляют отдать предпочтение политике, обязывают ей руководствоваться, если не в правоприменительной, то во всяком случае в правотворческой деятельности. Первый случай — когда политика опережает правовое развитие (норма как раз в том, что право отличается стабильностью, а политика более динамична), политика предлагает решение, в большей степени отвечающее общественным потребностям. Противоречие между политикой и правовыми нормами снимает законодатель. Второй случай — когда право вообще не регулирует соответствующие отношения, имеется пробел в праве.

А политика предлагает определенное решение в рамках общих принципов права. Здесь также работа для законодателя, но и правоприменитель может воспользоваться услугами политики.

Сказанное позволяет видеть, что политика политике рознь и право праву рознь. В переломные периоды жизни общества политика выступает на первый план, правящие начинают «тяготиться» ими же созданными и ставшими для них и для общества невыносимыми законами. Поэтому нельзя раз и навсегда ответить на вопрос, чему отдавать предпочтение. Ответ зависит от качества политики и права, от того, какой инструмент может сыграть положительную роль. Это в идеале. В реалии политика «эксплуатирует» право в качестве решения политических проблем и далеко не всегда в интересах всего общества. Политика часто тесно повязана с правовым нигилизмом и более того — с правовым беспределом. Впрочем, и политический нигилизм по разным причинам имеет место.

Политика «пользует» право, но и право не только в своем создании, но и в своей реализации не гнушается опереться на политику. Сказать, что право является служанкой политики, будет только отчасти верно. При нормальной ситуации выигрывает больше та политика, которая находится в услужении права.

Требования политики в отношении права и требования права в отношении политики в совокупности образует сферу *правовой политики*. Она разновидность, часть политики и не обязательно, что эта часть находится в полной гармонии с остальными частями. Следует иметь в виду, что право — часть политики во всех ее разновидностях, хотя и в разной степени. Экономическая политика находит свое закрепление в праве, например, в плане охраны экономических отношений — всегда. Вообще, напрасны попытки отделить хозяйственные споры от юридических. Если есть вполне определенная политика — обеспечить первоначальное накопление капитала любым, хотя бы и криминальным образом, то затем неизбежно формируется политика по обеспечению условий беспрепятственного господства этого капитала. И то и другое оспоримо в судебном порядке. Нормальное развитие экономики требует известной прозрачности и исключает мошенничество. Теневая, закулисная политика коррелирует с теневым правом, и такое положение не может не являться предметом судебных разбирательств.

И культурная политика закрепляется в праве, но в меньшей степени. В области новейшей российской экономики некоторое время право часто пасовало, а открыто оформленной политики не было вообще; в сфере культуры стихийные процессы продолжаются до настоящего времени.

Общий вывод: *нельзя познать государство и право без учета их связи между собой и связи с экономикой, культурой, политикой, их взаимного воздействия друг на друга; нельзя использовать экономические, политические и правовые методы решения социальных проблем без учета системной связи между ними, без учета общецивилизационного и культурного контекста.*

Обзор специальной литературы по теме

Следует иметь в виду, что специальным изучением различных социальных норм и механизмов их действия занимаются многие неюридические науки — социология, психология и т.д., в силу этого целесообразна ориентация не только на юридические исследования.

Рекомендуем обращение к следующей литературе:

Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М., 1982.

Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 176—186.

Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Понятия чести, достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.

Баранов В. М. Корпоративные и правовые нормы: некоторые проблемы взаимодействия в современной России // Власть и общественность. Социальные аспекты взаимодействия. Н. Новгород, 1997. С. 135—146.

Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород, 2002. 165 с.

Баранов П. П., Окусов А. П. Аксиология юридической действительности: Учеб. пособие. Ростов н/Д., 2003. 363 с.

Батурин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М., 1991. 272 с.

Бачиашвили И. М. Особенности права как вида социальных норм // Советское государство и право. 1981. № 8.

Белявский А. В. Право и совесть. М., 1978.

Бибило В. Н. Реализация социальных норм в деятельности суда // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 16 / Редколл.: В. Н. Бибило и др. Минск: БГУ, 2005. С. 69—80.

Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1979.

Вопленко Н. Н. Право в системе социальных норм: Учеб. пособие. Волгоград, 2003. 83 с.

Головкин Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества: Монография. Владимир, 1999.

Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.

Даштамиров С. А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. Баку, 1984.

Кодекс корпоративного поведения. Корпоративное поведение в России / Под ред. И. В. Костикова. М., 2003. 275 с.

Кроткова Н. В. Нравственные основы теории государства и права (Международная научная конференция) // Государство и право. 2005. № 8. С. 91—110. № 9. С. 87—103.

Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. 144 с.

Кулажников М. Н., Шепелев В. И. Право в системе норм развитого социалистического общества. Ростов н/Д., 1985.

Мартышин О. В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. 2005. № 7. С. 5—12.

Материалы международной научной конференции «Нравственные основы теории государства и права». 3 февраля 2005 г. / Отв. ред. О. В. Мартышин. М.: Московская государственная юридическая академия, 2005.

Матузов Н. И. Право в системе социальных норм // Правоведение. 1996. № 2.

Минниахметов Р. Г. Право и социальные нормативы общества: Монография. М., 2005. 143 с.

Мурашко Л. О Начальные виды социальной нормативности // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 83—95.

Нерсесянц В. С. Право в системе социальной регуляции. М., 1986.

Нормы советского права: проблемы теории / Под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. 248 с.

Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности: некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972.

Пеньков Е. М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. М., 1990.

Плахов В. Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985. 253 с.

Сморгунова В. Ю. Гражданское общество и формирование гражданских добродетелей: теоретико-правовые проблемы: Монография. СПб., 2004. 399 с.

Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. 368 с.

Черданцев А. Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. 1964. № 1.

О ***технико-социальных нормах и проблемах технического регулирования*** см.:

Афанасьева В. И. Развитие техники и обновление законодательства в Западной Европе и России в XV—XIX вв. // Государство и право. 2006. № 6. С. 108—115.

Иойрыш А. И., Терентьев В. Г., Чопорняк А. Б. Реформа технического регулирования в международно-правовом аспекте // Государство и право. 2007. № 6. С. 30—37.

Иойрыш А. И., Терентьев В. Г., Чопорняк А. Б. Вывести «мирный атом» из сферы действия Федерального закона «О техническом регулировании» // Государство и право. 2005. № 9. С. 29—34.

Кукса Т. Л., Хатаева М. А., Цирин А. М. Новый этап в техническом регулировании // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 151—155.

Лафитский В. И. Техническое регулирование в зарубежных странах // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 18—27.

Лукьянова В. Ю. К вопросу о юридической природе технического регламента // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 11—24.

Лукьянова В. Ю., Калмыкова А. В. Опыт и правовые проблемы технического регулирования (обзор) // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 164—173.

Меняйленко Я. В. О некоторых проблемах, связанных с изменениями Федерального закона «О техническом регулировании» // Государство и право. 2008. № 2. С. 90—95.

Терещенко Л. К., Калмыкова А. В., Лукьянова В. Ю. Законодательство о техническом регулировании: его развитие // Государство и право. 2008. № 2. С. 5—12.

Терещенко Л. К., Тихомиров Ю. А., Хабриева Т. Я. Концепция правового обеспечения технического регулирования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 3—17.

О ***соотношении обычаев и правовых норм*** см. работы по обычному праву (в обзоре литературы к теме «Источники права») и по юридической антропологии (в обзоре литературы к теме 1).

О ***взаимодействии правовых и религиозных предписаний*** см.:

Алексеев А. И., Журавлев М. П. Евангелие глазами юриста (рецензия на: Илларионов В. П. Синедрион и кесарь против Иисуса Христа) // Журнал российского права. 2004. № 11.

Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. 432 с.

Головкин Р. Б. Современное право России в системе религиозно-традиционного регулирования: Монография. Владимир, 1998. 102 с.

Дозорцев П. Н. Философско-правовые основы свободы совести в современной России. М., 1998.

Загорский Р. Христианские идеи в российском судопроизводстве // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 49—51.

Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М., 2002. 416 с.

Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право. К 2000-летию христианства: Монография. М., 2000. 100 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. Государство и право. 2002. № 9. С. 124—125).

Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение. Фундаментальный курс. М., 1998. 272 с.

О теоретических проблемах ***соотношения и взаимодействия права и морали*** см.:

Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М., 1982.

Бакщевичене Р., Бейноравичюс Д. Моральные установки и законодательство: теория и практика Литовской Республики // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 16 / Редколл.: В. Н. Бибило и др. Минск, БГУ. 2005. С. 90—100.

Боер А. А. Морально-правовой конфликт. СПб., 1999. 28 с.

Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны и защита: Монография. Владимир, 2005. 396 с.

Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 114—119.

Лафитский В. И. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 53—58.

Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М., 1986.

Лукьянова Н. Г. Право и мораль как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека: Монография. Пятигорск, 2006. 178 с.

Ойгензихт В. А. Мораль и право: Взаимодействие. Регулирование. Поступок. Душанбе, 1987.

Проценко В. П. Генезис антисистемы в праве. Уголовно-процессуальные и нравственные аспекты. Краснодар, 2003. 272 с.

Соловьев Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992. 210 с.

Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972. 279 с.

Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права: Монография. Саратов: СГАП, 2004. 218 с.

Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект. Саратов, 2003. 200 с.

Шапп Я. О свободе, морали и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 85—92.

Щенникова Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (Несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997. № 6. С. 119—121.

Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Харьков, 1979.

Об ***этических проблемах различных видов юридической деятельности*** см.:

Брежнева А. П., Горбачев А. И., Лытов Б. В. и др. Гражданская служба: нравственные основы, профессиональная этика: Учеб. пособие. М., 2006. 332 с.

Букреев В. И., Римская И. Н. Этика права: от истоков этики права к мировоззрению: Учеб. пособие. М., 1998. 336 с.

Гейвандов Я. А. Этико-правовые проблемы банковской деятельности в Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 3. С. 61—68.

Дмитриева Г. К. Мораль и международное право. М., 1991.

Кобликов А. С. Юридическая этика: Учеб. М., 1999. 159 с.; То же. 2-е изд., с изм. М., 2003. 165 с.

Костюк К. Политическая мораль и политическая этика в России // Вопросы философии. 2000. № 2.

Крылова Н. Е. Некоторые этико-правовые вопросы проведения биомедицинских исследований на человеке // Государство и право. 2007. № 4. С. 32—39.

Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39—44.

Палеев Р. Н. Основные морально-правовые аспекты регулирования предпринимательской деятельности: Монография. М., 2006. 176 с.

Силуянова И. В. Биоэтика в России: ценности и законы. М., 2001. 192 с.

Сифурова Л. А., Пахомов Е. Ю. Справедливость в международном праве. М., 2000. 91 с.

Халиулина В. П. Профессиональная этика юриста: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2004. 161 с.

Черкашин М. Д. Этос науки: этические и правовые аспекты // Государство и право. 2007. № 5. С. 118—121.

Этические и правовые вопросы предпринимательства: Практ. пособие / Отв. ред. С. А. Боголюбов. М., 2008. 240 с.

Об ***этических основах государственной службы***:

Гражданская служба: нравственные основы, профессиональная этика: Учеб. пособие / Под ред. В. М. Соколова, А. И. Турчинова. М.: Изд-во РАГС, 2006. 333 с.

Ионова А. И. Этика и культура государственного управления: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2005. 174 с.

Мохат П. М. Нравственные основы российского законодательства о государственной службе: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. 190 с.

Мяготин А. В. Профессиональная этика государственного служащего: социально-философский анализ: Монография. М., 2005. 167 с.

Омельченко Н. А. Этика и культура управления в системе государственной власти и государственной службы: Учеб. пособие. 2-е изд., стер. М., 2004. 225 с.

Шувалова Н. Н. Служебное поведение государственного гражданского служащего: моральные основы: Учеб.-практ. пособие. Ростов н/Д., 2006. 380 с.

О ***судебной этике***:

Закомлистов А. Ф. Судебная этика. СПб., 2002. 256 с.

Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича. М., 1974.

Ткачев В. От Кодекса чести судьи к Кодексу судейской этики // Российская юстиция. 2003. № 4.

Этика судьи: Пособие для судей / Ги де Вель и др. М., 2002. 211 с. (рецензия: Фоков А. П. // Государство и право. 2003. № 3. С. 123—125).

Об ***адвокатской этике***:

Барщевский М. Ю. Адвокатская этика. 2-е изд., испр. М., 2000. 312 с.

Традиции адвокатской этики: Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX — начало XX в.). СПб., 2004. 368 с.

Об ***этических проблемах правоохранительной деятельности***:

Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. СПб., 2003. 236 с.

Бражник С. И., Плишкин В. М, Тищенко П. И. Этика участкового инспектора. Киев, 1989.

Булденко К. А. Профессиональная этика и эстетическая культура сотрудников органов внутренних дел. Хабаровск, 1993.

Волков Б. С. Нравственные начала в назначении наказания // Правоведение. 2000. № 1. С. 121—127.

Егоров Ю. Н., Жигалов Н. Ю. Право и мораль в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Монография. Иркутск, 2005.

Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967.

Кулагин Н. И., Попова В. В. Культура и профессиональная этика следователя: Учеб. пособие. Саратов, 2002. 58 с.

Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: Учеб. пособие / Под ред. Г. В. Дубова, А. В. Опалева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. 384 с.

Субботина И. Г. Нравственные начала предварительного расследования: Учеб. пособие. Иркутск, 2003. 156 с.

Яблоков Н. П. Нравственные аспекты криминалистических приемов и средств ведения расследования // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 3. С. 30—41.

На основании указанных выше работ можно вести речь о том, что юридическая деонтология формируется в отдельное научное направление, в ряде вузов преподается учебный курс с таким же названием. Специальные работы о ***юридической деонтологии***:

Кукушкин В. М. Полицейская деонтология: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия управления МВД России, 2003. 105 с.

Окусов А. П. Юридическая деонтология, или Профессиональная несостоятельность безнравственного юриста: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д., 2001. 266 с.

Штыкова Н. Н., Никитова А. В. Юридическая деонтология и этика: Учеб. пособие. Муром, 2006. 115 с.

ГЛАВА 8 Понятие права

С термином «право» неоднократно сталкивается каждый человек и без специального изучения юридических дисциплин. Наиболее часто данный термин употребляется в двух значениях: как возможность совершать определенные, юридически значимые действия (например, право личной собственности на автомашину, право на получение высшего образования и т.д.), это так называемое субъективное право, т.е. право, принадлежащее конкретному лицу; и как законодательство какой-либо страны (например, «гражданское право России» и т.д.) — это так называемое объективное право, изучением которого в основном и занимаются все юридические дисциплины.

Социальное назначение государства состоит в регулировании отношений в обществе. Каким же образом это происходит? Государство регулирует общественные отношения с помощью права, издавая нормативные акты, в которых содержатся правила поведения общего характера. Официальные нормативные документы известны с древнейших времен, самый старый из них — законы Шумерского царя Ур-Намму (3 тыс. лет до н. э.). В курсе истории государства и права изучаются такие древние памятники права, как законы Хаммурапи, Ману, 12 таблиц, Русская правда. В настоящее время имеется огромное количество нормативных актов, издаваемых различными органами государства.

Кроме того, самостоятельная часть правовой реальности — юридическая практика: непосредственное поведение людей и нормы, складывающиеся в нем, деятельность государственных органов по реализации правовых норм и правила, формирующиеся в этой деятельности. В истории правовых учений и в теории права известны подходы, когда право определялось не через нормы, содержащиеся в издаваемых государством нормативных правовых актах, а именно через нормы, формирующиеся в юридической практике, через так называемое «живое право».

Наконец, право должно выражать и закреплять справедливые формы человеческих взаимоотношений, по своему назначению оно противостоит несправедливости, что подчеркивают многие правовые понятия («право» — правое дело, «юстиция», что в переводе с латинского и означает «справедливость», и т.д.). В связи с этим получил распространение взгляд на право как на справедливые начала человеческих взаимоотношений, и нередко ему отдавалось предпочтение перед пониманием права как норм, исходящих от государственной власти или же непосредственно формирующихся в обществе.

Вопрос о понимании права — один из самых проблемных и сложных в теоретической юриспруденции. Для того чтобы разобраться в конкурирующих правовых теориях, необходимы как ясное представление о правовой действительности, механизме правового регулирования, так и знание основных подходов к пониманию права, предлагаемых различными правовыми школами, — юридического позитивизма, социологической юриспруденции, психологической школы права, философских и естественно-правовых доктрин.

В связи с этим еще раз обратим внимание на взаимосвязь наук теории государства и права и истории политических и правовых учений. На это уже обращалось внимание в теме 1; при изложении последующих тем также использовался политученческий материал (теории происхождения государства и права, понимание государства, идеи о легитимности государственной власти и разделении властей, взгляды на форму правления и политический режим). Еще раз напомним — между теорией государства и права и историей политических и правовых учений нет непроходимой пропасти, более того — достижение теоретической юриспруденцией нового уровня немыслимо без учета исторического интеллектуального опыта. Один из современных подходов к преподаванию теории государства и права заключается в ориентации на классическое юридическое наследие, в настоящем издании эта идея проведена наиболее последовательно — при рассмотрении многих теоретических проблем идет отсылка к хрестоматии по теории государства и права, содержащей фрагменты произведений классических мыслителей.

8.1. Общая характеристика теорий права (подходы к пониманию права)

Юридический позитивизм и нормативный подход к пониманию права

Юридический позитивизм в своем классическом выражении можно охарактеризовать, указав на следующие его основные положения:

■ право — продукт исключительно государственной воли, оно содержится в нормативных актах, которые издает государство, устанавливая таким образом обязательный порядок отношений в обществе;

■ правоприменительная (и в первую очередь — судебная) практика не должна выходить за пределы норм, издаваемых государством. Судья — это не более чем «уста, произносящие слова закона»; провозглашалось требование строжайшей законности;

■ задача юридической науки — только исследовать нормы, издаваемые государством, их классифицировать, вырабатывать понятия, юридические конструкции, технические приемы толкования правовых норм и приложения их к конкретным случаям, философские и нравственные оценки содержания нормативных актов, как правило, исключались, юридическая наука должна принимать право как оно есть;

■ гражданин получает свои права от государства-законодателя.

Нормативный подход к пониманию права — самый пригодный для отражения его инструментальной роли. Определение права как совокупности устанавливаемых и охраняемых государством норм позволяет гражданам и другим исполнителям правовых предписаний знакомиться с содержанием последних по тексту нормативных актов и сознательно избирать вариант своего поведения. Уже по одной этой причине нельзя отвергать данный подход. Нельзя связывать его с одними именами (например, именем Вышинского), забывая о других, или с одним временем (например, временем культа личности), не принимая во внимание позитивную роль нормативистских воззрений и нормативистской практики.

В наибольшей степени нормативистская теория права разработана Г. Кельзеном. У него право поставлено в такую связь с государством, что последнее само рассматривается как персонифицированный правопорядок. Право в названной теории выступает в виде иерархической (ступенчатой) системы норм, представляемой в виде лестницы (пирамиды), где каждая верхняя ступенька обусловливает нижнюю, а нижняя вытекает из верхней, ей подчиняется. И если верхней ступенькой являются конституционные нормы, а далее, соответственно, идут нормы обыкновенного закона, нормы правительственного акта, нормы инструкций министерств и ведомств, вплоть до индивидуальных актов, то принцип соответствия одной нормы другой как раз и означает утверждение строгого режима законности.

Кельзен ранее подвергался безоговорочной критике. Сегодня мы понимаем, что эта критика была обусловлена в большей сте-

пени идеологическими факторами. Кельзен, например, не задавался вопросом о классовой сущности права, отвергал изучение права в аспекте экономики и политики, не входил в решение вопроса, откуда берется исходная норма права (изучение права из самого права) — так называемая основная норма, стоящая над конституцией и нормами международного права. Но для практического юриста это действительно второстепенные вопросы! Он отдавал первенство норме международного права перед нормой внутреннего. Теперь большинство государств вынуждено признать необходимость соотносить свое законодательство и юридическую практику с актами о правах человека, международными соглашениями, резолюциями ООН.

Правом признается государственная воля, выраженная в обязательном нормативном акте, который обеспечен принудительной силой государства. Чистый практик нормативного толка в решении конкретного дела не задумывается о классовой окраске государственной воли. Это может быть воля всего народа или отдельной его части, воля большинства или меньшинства, прогрессивных или консервативных слоев общества. Государственную волю могут сформировать и единственно интересы правящей элиты, расходящиеся с интересами страны и даже государства в целом.

Во взгляде на действительность и решение дела через юридические категории, через призму принятых государством нормативных актов — содержание «нормативного» подхода к праву (одновременно положительное и отрицательное).

Вначале о положительном:

- нормативный подход больше, чем какой-либо другой, подчеркивает определяющее свойство права — его нормативность. Иметь для руководства правило — это благо, особенно если оно всеобщее и устойчивое;
- нормативность в данном подходе органически связана с формальной определенностью права, что существенно облегчает возможность руководствоваться правовыми требованиями;
- средства государственного принуждения в случаях нарушения права фиксированы;
- имеет место противостояние режиму произвола и беззаконию;
- существует косвенная ориентация на необходимость возведения в закон надлежащей (справедливой, моральной, прогрессивной) воли.
- признаются широкие возможности государства влиять на общественное развитие.

Последний пункт в качестве положительного обстоятельства не бесспорен. И если приводить его здесь, то надо иметь в виду государство, которое выражает интересы общества, служит им, ориентируясь на такие ценности, как справедливость, свобода, гуманность.

Нормативное понимание права адекватно историческим периодам, отличающимся стабильностью. Оно не вызывает нареканий с точки зрения практики, если законодательство обновилось, если при этом соблюдены все демократические процедуры, если в нормах отразились передовые настроения широких масс.

Отрицательное в «нормативном» подходе проявляется в игнорировании содержательной стороны права: положения и степени свободы адресатов правовых норм, субъективных прав личности, моральности юридических норм, соответствия их объективным потребностям общественного развития. Сам по себе «нормативный» подход к праву достаточно позитивен. Уязвимым его делает, как это ни парадоксально, государство. В силу разных причин, в определенных обстоятельствах оно удовлетворяется устаревшими нормами или, хуже того, издает акты, идущие вразрез с жизнью, принимает нормы, «работающие» на консервативные силы.

Социологическое направление в юриспруденции и социологический подход к пониманию права. Сторонники социологического направления в юриспруденции провозглашают следующее:

- социальная жизнь сложнее и динамичнее права, устанавливаемого государственными органами в нормативных актах; только писаное право не в состоянии адекватно регулировать общественные отношения;
- нельзя законодательство признавать в качестве единственного источника права (отрицательное отношение к требованию юридического позитивизма);
- требование признания за иными источниками права самостоятельного значения; прежде всего оно относилось к судебной практике, которая объявлялась одним из основных источников права, имеющим в некоторых вариантах социологической школы права даже большее значение, чем нормативные правовые акты;
- юридическая наука должна изучать не только писаное право, но и практику его применения, и те отношения, которые правом регулируются.

Социологическая школа права концептуально сформировалась в конце XIX в. Нормы права, рассчитанные на свободную конкуренцию, в новых условиях развития капитализма перестали удовлетворять потребности общественного развития. Суды были вынуж-

дены так интерпретировать законы, что под видом толкования фактически устанавливались новые нормы. Идеологи нового правового мышления призвали к открытому и свободному судейскому правотворчеству. Отсюда тезис: «Право следует искать не в нормах, а в самой жизни».

Уподобление писаного закона пустому звуку, сосуду, который еще следует заполнить, и т.п. — вот постулаты социологического направления, в частности реалистической теории права в США. «Наполнять» законы правом призваны судьи и администраторы. Как убеждаемся, недоверие к закону и законности — вот суть реалистического подхода к праву.

На почве критики старых законов после Октябрьской революции «социологический» подход пропагандировался и в марксистской теории права (например, П. И. Стучкой). Утверждались абсолютно новые общественные связи, и их спешили объявить правовыми, самим правом. Но поскольку в то же время издавались декреты советской власти и ставить их под сомнение в качестве права марксистские политические деятели не могли, то правом объявлялись одновременно и новые законы, и новые отношения.

В последние десятилетия получил распространение взгляд на право как на деятельность физических должностных и юридических лиц, реализующих в той или иной форме свои правомочия. В большой степени этому способствовала компрометация лицемерного юридического позитивизма сталинской эпохи, когда писаное право (законодательство) для многих оставалось на бумаге, а нарушения конституционных норм являлись едва ли не нормой деятельности отдельных ведомств и многих ответственных работников.

Однако следует различать, как представляется, консервативную и прогрессивную ветви «социологического» подхода к праву. Те, кто объявлял правом практику государственного строительства, преобразования общественного бытия на коммунистических началах или даже «саму общественную жизнь» в целом в период застоя нашего общества, — все они вольно или невольно оправдывали теневые отношения во всех их разновидностях, придавали им характер правовых. Жизнь тогда шла своим чередом, в обход закона, помимо закона и в нарушение закона. Напротив, в условиях, когда наблюдаются глубокие перемены в жизни в сторону поворота ее к международным стандартам, в социологических взглядах ряда авторов можно усмотреть весьма прогрессивные мотивы.

Как бы то ни было, для правореализующей практики, для правоприменителей рассматриваемый подход к праву менее предпочтителен, поскольку он скорее дестабилизирует правовой порядок,

а не укрепляет его. Он вносит неопределенность и хаос в отношения субъектов правового общения. Каковы причины этого? Каковы отрицательные стороны правового реализма? Назовем три основные:

- отсутствие прочной юридической основы предпринимаемых действий и уверенности в конечных их результатах;
- решение юридических дел в пользу экономически и политически сильного, в ущерб слабым, малообеспеченным, не стоящим у кормила политической власти;
- опасность некомпетентного решения и откровенного произвола со стороны нечистоплотных должностных лиц.

В условиях нашей действительности, когда работники правоохранительных органов не прочь удовлетворить свои интересы в обход и вопреки закону, трудно даже вообразить, что было бы, если бы они вообще не были связаны никакими законами. У нас очень мало материальных, политических, юридических (процессуальных, в частности) и моральных (общекультурных) гарантий против произвола судей, прокуроров и администрации. В отношении всех должностных лиц, в отношении работников милиции самый лучший принцип — «дозволено только то, что прямо разрешено законом».

«Социологический» подход к праву привлекателен для исследователя и для законодателя. Чтобы познать право, издать полезный и эффективный закон, надо изучать законодательство в действии. Социально-реализованное бытие писаных норм — источник их постоянного совершенствования. Жизнь права — источник выявления пробелов в законодательном регулировании общественных отношений. Сами общественные отношения выступают в разных ипостасях: они и предпосылка (источник) права, и форма его реализации (жизни), и критерий справедливости, ценности, эффективности правовых норм. Рассмотрение их непосредственно в качестве права обедняет теорию и дезориентирует практику.

Психологическая теория права, имея самостоятельное значение, развивалась в принципе в рамках социологического направления в юриспруденции, поскольку основное ее внимание было уделено исследованию процесса реализации права, а также активной критике юридического позитивизма. Основой для становления данного направления в юриспруденции (конец XIX — начало XX в.) послужило развитие психологии как науки. Существует несколько вариантов психологической теории права; пожалуй, наиболее известна психологическая концепция права Л. И. Петражицкого. Право, по его мнению, представляет собой продукт пси-

хических переживаний людей. Общественные переживания проявляются в положительном праве, содержащемся в нормативных актах; индивидуальные переживания проявляются в автономном (субъективном праве). Таким образом, область права безгранично расширяется, поскольку к нему отнесено и внутреннее, интуитивное право индивидов. Фактически отсутствует грань между правом и правосознанием.

Среди предлагаемых в современной отечественной теоретической юриспруденции вариантов понимания права встречаются и основанные на психологической теории права (или заимствующие ее положения). В рамках так называемого широкого подхода к праву отдельные ученые наряду с нормами и правовыми отношениями непосредственно включают в содержание права правовое сознание.

Советская правовая теория отвергала психологический подход к праву за его приверженность к субъективному идеализму. Однако даже первые декреты советской власти обращались к правовому сознанию судей, если законы не давали возможности решения вопроса в интересах пролетарского государства. А практика (в том числе расстрелы на месте) основывалась на «социалистическом правовом сознании» в весьма широких масштабах. Возможно, именно поэтому М. А. Рейснер пытался как-то соединить постулаты психологической теории с марксизмом. Попытки эти имели определенный успех в польском правоведении, где традиционно со времен Л. И. Петражицкого, эмигрировавшего из России в Польшу, идеи представителей рассматриваемой теории имели хождение. Теория Петражицкого содержала большой критический заряд в адрес других подходов к праву. Особенно доставалось нормативизму. Петражицкий резко критиковал, например, то положение, при котором право определяют в зависимости от факта государственного вмешательства, от «случайного признака наличия или отсутствия начальственного признания известных положений» правом (см.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 83, 101, 257—258, 265—267).

Резонны возражения (недоумения) Петражицкого и по поводу того, что наука, различая два аспекта права (в объективном и субъективном смысле), при определении природы права, при образовании права принимает во внимание только нормы, объективное право.

Критикуя теорию, согласно которой право является велением государства, Петражицкий приводит три довода:

1) пришлось бы отрицать общеобязательность международного права;

2) определение заключает в себе definition per idem, определяет х через х, безысходный логический circulus.

«Формулу: юридическая норма есть норма, признанная государством, — можно превратить в формулу: норма права (х) есть норма, признанная в предписанной правом (х) форме со стороны установленных правом (х) органов правового (х) союза — государства»;

3) признанием со стороны государства пользуются не только нормы права, но и разные другие правила поведения: религиозные, нравственные.

Теория государственного признания не содержит критерия для отличия норм права от прочих правил поведения, признанных органами государственной власти путем включения в законы.

«...Связывая понятие права с государством, наука далее лишается богатого и поучительного материала — тех правовых явлений, которые возникали и возникают вне государства, независимо от него и до появления государства, и сужает свой горизонт зрения до узкого, можно сказать, официально «канцелярского кругозора».

Что же предлагается взамен? Чем руководствуются и должны руководствоваться субъекты правового общения в своем поведении? Л. И. Петражицкий не уходил от ответа на этот сугубо практический вопрос. Ответ его однозначен: эмоциями, «обязательственно-притязательными переживаниями». «Специфическая природа права, нравственности, эстетики, их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального, импульсивного. Не позитивные нормы, а «императивно-атрибутивные переживания и нормы» интуитивного происхождения ставятся во главу угла. Правом доказывается не только многое такое, что находится вне ведения государства, не пользуется положительным официальным признанием и покровительством, но и то, что со стороны государства встречает прямо враждебное отношение, подвергается преследованию и искоренению как нечто противоположное и противоречащее праву в официально-государственном смысле.

Многие тонкости теории Л. И. Петражицкого обнаруживаются там, где он объясняет деление права на объективное и субъективное, интуитивное и позитивное, официальное и неофициальное. Представляется, что наша практика (законодательная и правоприменительная) могла бы более плодотворно использовать некоторые его выводы. Нельзя издавать законы без учета социальной психологии, нельзя применять их, не учитывая психологического мира индивида. Психологические процессы разных уровней — такая же

реальность, как и экономические или политические процессы. Право опосредуется ими, живет в них, проявляет через них свою эффективность. Практический юрист не может игнорировать того факта, что часто осуществляет свою деятельность, не зная законов, вопреки законам, в обход законов, при пробелах в законе и т.д.

Очень важно знать психологический механизм действия правовых норм, мотивацию правоприменения в связи с ценностной детерминацией и профессиональной ориентацией правоприменителя.

Философское направление в юриспруденции и философский подход к праву в отечественной юридической науке. Философское направление в юриспруденции характеризуется тем, что:

- существует некое идеальное правовое начало, которое призвано предопределить, каким должно быть право, выраженное в нормативных актах; наиболее полное выражение философское направление в юриспруденции нашло в доктрине естественного права: это идеальное правовое начало — «естественные права человека»;
- формулируется ряд требований к законодательству: отражение в нем идей справедливости, прав человека, иных социальных ценностей.

Еще в глубокой древности наметилось различие права (естественного) и закона. Кульминацией такого подхода были взгляды и практика буржуазной революции, направленной против феодального произвола и беззакония (часто возводимого властью в закон). Возрождение естественно-правовых идей имело место после Второй мировой войны как реакция на юридический позитивизм и фашистскую политическую систему. Естественно-правовые взгляды всегда активизировались при переходе от полицейского государства к государству правовому.

Хорошей иллюстрацией могли бы служить взгляды И. Канта, для которого свойственно было соединение теоретического (философского) и практического начал. Право, по Канту, «это совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 139). Философия права получила свое развитие у Гегеля. По Гегелю, право означает осуществление свободы свободной воли или еще короче — «наличное бытие *свободы*» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.-Л., 1934. С. 54).

Основной постулат рассматриваемого направления — вывод о существовании высших, постоянно действующих, независимых от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок ценностей, мудрость Бога, не только

являющихся директивами для законодателя, но и действующих напрямую. Оттенки мнений многообразны, но практика ориентируется на поиск лучшего решения — справедливого и разумного. Теология призывает обратиться к Богу, светский вариант ориентирует на Природу вообще, природу человека, природу вещей.

Из современных ученых разделение права и закона, обращение к справедливости как к одному из абстрактных определений права последовательно и весьма обстоятельно аргументирует В. С. Нерсесянц. Он, в частности, заметил, что различение права и закона велось и ведется (и теоретически можно вести) не только с естественно-правовых позиций. Это необходимый момент любого теоретического подхода к правовым явлениям. В позиции В. С. Нерсесянца привлекает, во-первых, признание им нормативности права, а во-вторых, указание на то обстоятельство, что в законе не может быть конкретизируемо любое произвольно взятое содержание, но лишь определенное по своей сущности содержание (т.е. *свобода*) (см.: Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 353). Последнее замечание, как и естественно-правовое направление, как любой «философский» подход, представляет ценность для законодателя. Не подлежит сомнению значение данного подхода для науки права. Однако весьма примечательно, что общеобязательность и возможность властно-принудительной защиты В. С. Нерсесянц связывает с нормой закона, а не права. По-видимому, он осознает, какие могут наступить неблагоприятные последствия, если допустить применение права наряду с законом и вопреки закону. Обоснование таких предложений встречается у ряда представителей теории «возрожденного естественного права». Но именно они представляют собой опасность для режима законности.

В юридической науке конца XIX — начала XX в. различные школы жестко противостояли друг другу, развивали свои положения, оттачивали свою аргументацию в полемике друг против друга. Сегодня такое противостояние в общем-то ушло в прошлое. Можно говорить не только о мирном сосуществовании, но и об интеграции позитивизма, социологических и психологических теорий, концепции естественного права. Эти направления пошли навстречу друг другу, не бросаясь в крайности. Так, современный юридический позитивизм, оставаясь в целом базовым методологическим подходом для разработки многих тем теории права, для учебных курсов по отраслевым юридическим дисциплинам, признает значение источников права не только за нормативными актами. Приветствуется и проведение разнообразных социологических исследований, изучение психологического механизма принятия правовых решений. Соответ-

ственно, критика сторонников юридического позитивизма со стороны представителей социологических и психологических теорий приобретает несколько иной характер. Возрождению в XX в. философских подходов к праву способствовало закрепление в международных документах, в конституциях неотъемлемых и неотчуждаемых «естественных» прав граждан. Все же различия между современными правовыми направлениями остаются, и весьма существенные.

Признание ценности положений разных правовых школ, разных подходов к пониманию права отечественной теоретической юридической наукой позволило предложить так называемый *интегративный* подход к пониманию права. В соответствии с ним «право — это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 120). Это определение, как представляется, при всей его выдержанности в духе правового релятивизма, может претендовать на то, чтобы достаточно определенно сказать, что является правом в данном сообществе людей в данное время. Это определение отражает реалии и тем самым претендует на практичность. Оно прагматично. Нормативы могут устанавливаться не только в нормативных актах, но и в индивидуальных решениях. По своему содержанию они отражают формальные требования равенства и справедливости. Легитимация данных нормативов через официальное признание также необходимый признак. Защита обеспечивается не только государством, хотя возможность государственного принуждения мыслится непременно. Это регулятор отношений между людьми. Самоопределяющиеся воли свободных людей могут конфликтовать или, напротив, желают сотрудничать. Право — мерило, масштаб справедливости в решении любой задачи. Остается заметить, что интеграция подходов в понимании права может проводиться на разных уровнях. На самом высоком философском уровне — это абстракции Канта и Гегеля, на высоком уровне социологии права — приведенное выше определение Гурвича. Определения общей теории права отталкиваются от реалий правовых систем в их практическом функционировании. Представляется, что в дальнейшем все подходы к праву и все оригинальные определения, которые, несомненно, последуют, будут даны с учетом интегративного восприятия права, в русле синтетического правопонимания.

Интегративное понимание права имеет свои философские, идейные, нравственные, социокультурные, экономические, политиче-

ские истоки. Оно зиждется на многообразных обычаях и законодательных текстах. Часто оно преследует сугубо прагматические цели. Оно укладывается в плюралистическое восприятие мира. Интегративная юриспруденция отвечает современным запросам времени, навеянным процессами глобализации. В мире существуют разные правовые семьи с входящими в них разными правовыми системами, охватывающими, в свою очередь, разные национальные системы права. Но с некоторого времени обнаруживается тенденция к интеграции права. Формирование европейского права и появление элементов мирового права замечено и практикой, и теорией. Если смотреть на право с точки зрения его инструментальной роли, если вопрос ставится в практической плоскости международного сотрудничества, следует искать единую точку отсчета, единый взгляд, одну позицию.

Интегративный подход к праву имеет ряд позитивных моментов:

- он снимает напряжение в противостоянии одной теории другой, признавая за каждой из них свою относительную истину;
- основывается на признании плюрализма ценностей, полагая их также относительными в зависимости от места и времени;
- позволяет конструировать общее определение права, в котором присутствует полный охват известных истории правовых ценностей, присущих разным цивилизациям;
- выделяет среди всех ценностей сущностные, те, без которых право не было бы правом, признавая среди таковых равенство в свободном проявлении личности;
- не акцентирует внимание ни на творцах права, ни на его источниках, признавая здесь многообразие тех и других;
- в утилитаристских, прагматических целях допускает конвенциональное начало в признании правом определенной ценности для определенного места и времени;
- позволяет смотреть на право глазами познающего его, глазами практика и оком философа, не подвергая сомнению ценность и вместе с тем различие целей в каждом из этих случаев.

Студенты черпают знание о праве из текстов законов и иных правовых актов, из обычаев, учебников и лекций профессоров, решений судов и иных правоприменяющих органов, всякого рода комментариев законодательства и практики, из непосредственной связи с духом народа... Практики тоже не лишены широких познавательных горизонтов. Однако они будут устанавливать только то, что вполне определенно признается в качестве правового и, соответственно, защищается в качестве правового государством. Даже творцы права не могут здесь проявить произвол. Даже законодате-

лей связывает действующая конституция. И лишь исследователи имеют полную свободу в нахождении права. Они могут провозглашать правом даже то, что не укладывается в рамки действующей конституции. Но интегративный подход предполагает, что их мнения будут охвачены определением права только в том случае, если действующий правопорядок придает им значение мерила справедливости, меры свободы, подобно тому, как он признавал правом суждения известных римских юристов.

Остановимся на *причинах существования в юридической науке различных подходов к пониманию права*.

С помощью права, содержащегося в нормативных актах (так называемого писаного права, определение которого предложено выше), достаточно удобно регулировать общественные отношения. К преимуществам писаного права относятся: возможность активно влиять на общественные отношения, поскольку государство располагает специальным аппаратом для реализации правовых норм, может обеспечить этот процесс при помощи мер принуждения; оперативность, возможность быстрого воздействия на процессы ликвидации или, наоборот, развития определенных общественных отношений при помощи отмены или издания соответствующих нормативных актов; удобство пользования для лиц, применяющих право, поскольку содержание правовых норм записано в тексте нормативных актов; наконец, единообразие понимания и действия правовых предписаний на всей территории страны — единый режим законности, одинаковая защита прав граждан и т.п.

Однако, как показывает юридическая история общества, невозможно регулировать общественные отношения только при помощи норм, издаваемых государством. Следовательно, невозможно и только нормативное понимание права. На это есть свои причины, как объективные (не зависящие от воли и сознания людей), так и субъективные (т.е. зависящие от их воли и сознания).

Рассмотрим сложности, возникающие при регулировании общественных отношений с помощью нормативных актов, издаваемых государством. Совершенства и полноты законодательства невозможно достичь в силу следующих *объективных* причин.

1. Нормативный акт принимается для регулирования общественных отношений в будущем, а компетентный государственный орган, который издает данный акт, исходит из существующих общественных отношений. В результате нормативный акт через определенное время уже может не соответствовать постоянно развивающимся общественным отношениям, т.е. «устаревает». В этом случае они регулируются правовыми нормами, содержащимися в других источниках права.

Иными словами, нормативный акт представляет собой фиксацию состояния общественных отношений в определенное время. Отдельные правовые школы, абсолютизируя момент изменчивости, говорят о снижении значения нормативных актов в современных условиях, а некоторые даже отрицают значение права, содержащегося в издаваемых государством официальных документах, в качестве эффективного регулятора общественных отношений.

Указание на этот недостаток писаного права, казалось бы, противоречит его достоинству — оперативности регулирования общественных отношений. Как показывает практика, возможно и то и другое — и оперативность, и отставание от жизни, от реальных потребностей в правовом регулировании, и примеры такого отставания отнюдь не редки.

Действительно, возможности человека предвидеть дальнейшее развитие такого сложнейшего феномена, как общество, следует признать ограниченными. Используя шахматную терминологию, отметим, что «просчитать» развитие многих общественных отношений возможно лишь на немногое количество «ходов». Этот момент следует уяснить для серьезного отношения к деятельности по совершенствованию законодательства, тем более что нередко не проводится тщательный анализ тенденций развития тех или иных сфер общественной жизни и не учитываются даже те возникшие впоследствии неблагоприятные обстоятельства, которые можно было предусмотреть.

2. В процессе реализации права возникают трудности, связанные со способами изложения правовых норм в нормативных актах. Здесь необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Анализируя писаное право, можно заметить, что одни правила поведения очень конкретны, детализированы, максимально приближены к определенной ситуации, в то время как другие имеют несколько абстрактный характер, при их изложении использованы более общие понятия и выражения. Таким образом, говорят о *казуистичном* и *абстрактном* изложении правовых норм. Абстрактное изложение правовых норм считается более удобным и прогрессивным. Этот способ, при котором используются обобщающие понятия, получил распространение с совершенствованием законодательной техники, таких норм достаточно много в законодательстве современных государств. Однако содержание многих абстрактных понятий и выражений только из текста нормативного акта уяснить нельзя, и во многих случаях неясно, каким образом их следует толковать. В п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ сказано: «Кража, совершенная... с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное храни-

лище... — наказывается...» Но следует ли квалифицировать по этой статье действия лица, находящегося вне помещения и извлекающего похищаемые предметы с использованием каких-либо приспособлений или без них? Будет ли являться «кражей с проникновением в жилище» тайное похищение вещей с балкона, из туристической палатки? Иногда возникают проблемные ситуации и при реализации норм, которые излагаются казуистично, конкретно.

Писаное право достаточно строго, жестко регулирует общественные отношения. Однако существуют такие правовые нормы, и их достаточно много, реализация которых в той или иной степени зависит от усмотрения лица, применяющего данные нормы. Так, ряд правовых норм имеет управомачивающий или рекомендательный характер. Есть правовые нормы, содержащие так называемые оценочные понятия («крупный ущерб», «хорошее поведение и честное отношение к труду», «порочащие сведения», «низменные побуждения», «недостойное поведение супруга», «вредное влияние на детей», «невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи» и т.д.). Наконец, существуют и такие нормы права, которые предлагают на выбор несколько вариантов поведения, однако критериев этого выбора, как правило, не содержат (см. далее — относительно-определенные и альтернативные структурные элементы правовых норм). К примеру, за грабеж (ч. 1 ст. 161 УК РФ) может быть назначено наказание или в виде исправительных работ на срок от одного года до двух лет, или в виде ареста на срок от четырех до шести месяцев, или в виде лишения свободы на срок до четырех лет. Знакомство с особенностями различных правовых норм будет продолжено в специальной теме.

Таким образом, реализуя правовые нормы, мы нередко будем сталкиваться с тем, что общественные отношения окончательно не урегулированы правом, какой вариант поведения следует избрать в том или ином конкретном случае, нельзя узнать только из нормативных актов.

Безусловно, проще установить конкретные, строгие, не предусматривающие отклонений или выбора одного из нескольких вариантов правила. Однако на многие общественные отношения нельзя воздействовать таким образом, они требуют более гибких подходов. Такие подходы и сложились постепенно, под воздействием объективных требований практики правового регулирования.

3. В современных условиях с развитием общества и правотворческой деятельности государства значительно увеличивается объем нормативных актов. Между ними почти неизбежны противоречия — так называемые *юридические коллизии*, которые возникают в слу-

чаях, когда один и тот же вопрос урегулирован по разному нормативными актами одинаковой юридической силы. И во многих случаях выбор одного из вариантов затруднителен и произволен.

Существуют и *субъективные* причины, по которым невозможно достижение совершенства и полноты законодательства.

Конечно, органы государства, которым предоставлено право издания нормативных актов, стремятся к тому, чтобы эти акты были адекватны регулируемым ими отношениям, привлекая к правотворческой деятельности ученых и специалистов-практиков. Но история свидетельствует и о том, что возможны злоупотребления нормотворческих органов государства, т.е. сознательное создание таких правовых норм, которые заведомо не будут работать или будут действовать однонаправленно, в интересах какого-либо ведомства, определенной социальной группы или немногих людей.

На качество принимаемых законов влияет и накал политической борьбы между различными фракциями в парламенте. Иногда закон оказывается результатом такой борьбы, политическим компромиссом, в конечном счете невыгодным ни одной из сторон и резко расходящимся с потребностями действительности.

Опираясь на изложенный материал, возможно предложить следующий вывод: с помощью правовых норм, содержащихся в издаваемых государством нормативных актах, в целом удобно регулировать общественные отношения. Но в силу различных причин как объективного, так и субъективного характера это регулирование не может быть до конца адекватным и всеобъемлющим. Правовые нормы, содержащиеся в нормативных актах, воспроизводятся, конкретизируются, дополняются, а иногда и отменяются правовыми нормами, содержащимися в других источниках права.

В отечественной юридической науке в последние десятилетия сложились два основных подхода к определению и осмыслению феномена права; их принято называть узким и широким пониманием права. Так называемое «узкое» понимание права предполагает, что нормы права содержатся исключительно в нормативных актах, издаваемых государственными органами. Именно в нормативных актах следует искать ответы на все вопросы, требующие правового разрешения. Правоприменительная практика не должна выходить за пределы официального права. Сторонники так называемого «широкого» подхода к пониманию права обычно соглашаются с характеристикой нормативного акта как основного источника права. Однако они говорят и о том, что писаное право вследствие различных объективных и субъективных причин не в

состоянии полностью и адекватно регулировать общественные отношения. В нормативных актах нередки пробелы, противоречия, неясности, встречаются устаревшие и несправедливые нормы права. Поэтому правоприменительная практика в дополнение, а иногда и вместо норм официального права вырабатывает свои нормы. Поэтому нормативный акт — не единственный источник права (когда говорят обратное — что нормы права содержатся только в нормативных актах — это узкое понимание права). Наряду с ним нормы права находятся в других источниках права, прежде всего в судебной и административной практике.

Споры сторонников узкого и широкого понимания права в отечественной юридической литературе ведутся уже давно, то утихая, то вновь обостряясь. Так, данная проблема стояла в центре научных дискуссий в конце 1970 — начале 1980-х гг., в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Окончательного и принимаемого большинством ученых решения пока не предложено.

Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. При узком, нормативном понимании права в первую очередь говорится о его обязательности, обеспеченности средствами государственного принуждения, провозглашается режим строгой законности. Недостаток нормативного подхода — невозможность в его рамках адекватно отразить содержательные аспекты права. Широкий подход к пониманию права в этом плане представляется более реальным, однако его сторонники не выработали общепризнанного определения права, не предложили единого подхода ко всем явлениям юридической действительности, не разработали всю теорию права с точки зрения широкого понимания права. Поэтому в настоящем издании в учебных целях в качестве основного предложено нормативное определение права (см. разд. 8.2), что в целом не противоречит современным подходам к преподаванию данной темы в курсе теории государства и права.

Определение и понимание права на сегодняшний день — одна из ключевых проблем юриспруденции.

Определений права, различающихся как отдельными нюансами, так и весьма существенно, в современной юридической науке предложено великое множество. Например:

«Право — это система общеобязательных, формально определенных юридических норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений» (Малько А. В. Экзамен по теории государства и права: 100 ответов на 100 возможных вопросов: Учебно-метод. пособие. М., 1996. С. 46).

«Право — это система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирова-

ние поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни» (Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 112).

В учебной литературе распространено и определение права без указания на основную характеристику узконормативного понимания права — установление его норм исключительно государством.

«Право — это система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженная большей частью в законодательстве и регулирующая общественные отношения» (Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 111).

«Современный уровень теории права позволяет определить право как имеющую большую социальную ценность регулятивную систему, которая с помощью формально установленных или закрепленных норм (правил поведения), выраженных в нормативных актах, судебных прецедентах, других формах и обеспеченных возможностью государственного принуждения, воздействует на общественные отношения с целью их упорядочения, стабилизации либо социально необходимого развития» (Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права. Т. 1. М., 1996. С. 105).

«Право — это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 38).

Понимание права, как никакая другая юридическая проблема, представлено в истории правовой мысли множеством вариантов; здесь можно обнаружить самые разные научные подходы и методологические направления, с позиций которых рассматривается феномен права. В разное время существовали свои традиции в изложении этого вопроса; особенности имеют подходы к пониманию права в древности, в Средние века, в Новое и Новейшее время, см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 61—145, здесь представлены фрагменты из произведений Аристотеля, Цицерона, Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, И. Бентама, К. Маркса, Г. Кельзена, Е. Н. Трубецкого, Г. Ф. Шершеневича, С. А. Муромцева, В. С. Соловьева, Л. И. Петражицкого, И. А. Ильина и некоторых других мыслителей.

8.2. Нормативное определение права

Каждый из рассмотренных подходов претендует на то, чтобы по-разному давать определение права. Однако определение права вытекает не только из той или другой теории, но напрямую обусловлено существующей правовой системой. Россия принадлежит

к романо-германской правовой семье, в которой традиционно велик пиетет перед писаным правом, потому и определение права навеяно нормативным подходом.

Право — это система общеобязательных, установленных и обеспечиваемых государством норм, предназначенных для регулирования отношений в обществе.

Подробнее характеризуя такое явление, как право, обычно останавливаются на следующих моментах.

Одно из основных свойств права — *нормативность*. Право состоит из норм — правил поведения *общего* характера, регулирующих общественные отношения. «Норма» в переводе с латинского означает образец; а нормативное регулирование общественных отношений представляет собой установление общих правил для определенной группы конкретных случаев.

Право как регулятивная система состоит из *дозволений* («можно»), *запретов* («нельзя») и *обязываний* («должно»), которые определяют общий масштаб поведения субъекта. Право имеет неперсонифицированный, неконкретный, общий характер. Здесь нет индивидуального адресата, поскольку право регулирует не конкретную ситуацию, а ряд сходных ситуаций; оно распространяет свое действие на всех, кто оказался в определенных условиях, в определенном качестве; характеризуется неоднократностью и длительностью действия.

Право — это не просто совокупность норм, а определенная их *система*. Только в системе, во взаимосвязи правовые нормы могут проявить свои регулирующие свойства, и чем теснее согласованность правовых предписаний, тем эффективнее право.

Право *устанавливается государственными органами*. Каждый государственный орган в пределах своей компетенции издает нормативные акты, в которых содержатся нормы права. Это не единственный, но наиболее характерный способ установления права.

Право *обязательно для исполнения* теми гражданами, организациями или органами государства, которым оно адресовано. В общеобязательности официальных предписаний проявляется суверенитет государства.

Реализация права *гарантирована государством*. Большинство правовых норм соблюдается и исполняется добровольно, однако за каждой нормой потенциально стоит возможность государственного принуждения к исполнению и ответственность за ее нарушение. Это для многих людей является фактором, обеспечивающим правомерное поведение.

Последние три свойства права в литературе иногда обозначаются термином «процедурность». Право как регулятивная система имеет

определенные процедуры создания, реализации и защиты. Данная характеристика подчеркивает связь права с государством.

Право — система *формально определенных* норм; их содержание выражено в тексте нормативного акта. С древнейших времен государство стремилось к записи, к четкому внешнему выражению своих официальных велений и, как правило, — к ознакомлению с ними населения. Так, законы Хаммурапи были выбиты клинописью на базальтовом столбе, который, предположительно, находился в центре Вавилона.

Иногда говорят о таком признаке права, как *динамизм*. Право с развитием общества не остается неизменным, вводятся новые правовые нормы, отменяются старые, многие предписания со временем переформулируются, излагаются иначе, по-другому группируются (например, объединяются в более крупные нормативные акты).

В различных изданиях можно встретить указание и на другие признаки права. В частности, обращают внимание на следующие два момента, которые в марксистско-ленинской юридической науке считались существенными характеристиками права, поскольку в них прослеживается связь с экономической сферой жизни общества и с борьбой классов.

Содержание права в целом определяется материальными условиями жизни общества. Такой вывод был сделан с опорой на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности на «Критику Готтской программы»: «Право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 19).

Право выражает волю экономически господствующего класса. Этот вопрос — в чьих интересах право регулирует общественные отношения — является традиционным для марксистско-ленинской теории государства и права, которая говорила о том, что «право по своей сущности является возведенной в закон волей экономически господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями его жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. Т. 4. С. 443). В современной теории права эта проблема рассматривается уже не столь однозначно (см. ниже).

Многие современные учебные пособия предлагают различные варианты рассмотренного выше так называемого *нормативного понимания права*, т.е. понимания права как совокупности правил, содержащихся в издаваемых государством нормативных актах. Однако юридическая действительность достаточно сложна и разнообразна, она предполагает наличие самых разных подходов к ее

изучению. Наряду с нормативным пониманием права и основанном на нем научном направлении — юридическом позитивизме, как было показано выше, есть иные варианты понимания и постижения сущности права, иные научные школы.

8.3. Сущность права

С категорией «сущность» мы уже встречались в теории государства. Ранее, в марксистско-ленинской теории государства и права, вопрос о сущности права сомнений не вызывал и трактовался однозначно. «Сущность права выражается в его классовости. Право — классовый регулятор общественных отношений, обладающий мощной классовой силой. По своей сущности оно представляет собой возведенную в закон волю господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями его жизни». Именно так К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли сущность права в обществе с антагонистическими классами... Следовательно, в обществе с антагонистическими классами право по своей сущности является возведенной в закон волей господствующего класса, средством классового, политического господства. Лишь в социалистическом обществе после уничтожения эксплуататорских классов и победы социализма право перестало быть орудием классового господства. Но и оно сохранило функции классового регулятора общественных отношений. Классовость права проявляется не только в том, что в обществе с антагонистическими классами оно используется как орудие классового господства, но и в том, что оно одновременно выступает в качестве инструмента общесоциального регулирования, как и государство, участвует в осуществлении общих дел, вытекающих из природы всякого общества» (Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. С. 58—59).

Вообще разработка категории сущности характерна для марксистско-ленинской юридической науки, однако, к сожалению, это было использовано не столько для познания соответствующих явлений, сколько в целях идеологических, политических — для демонстрации «сущностных» отличий социалистического государства и права, для доказательства их прогрессивности по отношению к буржуазным юридическим институтам.

В современной учебной литературе по теории государства и права отношение к проблеме сущности права неоднозначно. В отдельных изданиях эта проблема вообще опущена, в других предлагается несколько видоизмененный, но в основе прежний взгляд: сущность права определяется через выраженную в нем волю — господствующего класса или

всего народа. Получает распространение и следующий подход: анализ содержания и сущности права с точки зрения взглядов крупнейших мыслителей (И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и др.), с позиций различных правовых учений (школы естественного права, юридического позитивизма, социологической юриспруденции, психологической концепции права). Эта позиция отражена в следующих работах: Общая теория права: Учеб. / Под ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 90—99; Теория права и государства: Учеб. / Под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 19—29; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 113—122; Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права. Т. 1. С. 109—116.

В ряде изданий предлагаются достаточно самостоятельные варианты понимания сущности права. «Сущность права видится в "обеспечении" или "разграничении" жизненных интересов людей, в выражении их воли", в "установлении" определенного порядка общественной жизни». (Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учеб. пособие / Под ред. В. Г. Стрекозова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 188). «Сущность права — это главная, внутренняя, относительно устойчивая качественная основа права, которая отражает его истинную природу и назначение в обществе. Итак, сущность права — это обусловленная материальными и социально-культурными условиями жизнедеятельности общества, характером классов, социальных групп населения, отдельных индивидов общая воля как результат согласования, сочетания частных или специфических интересов, выраженная в законе либо иным способом признаваемая государством и выступающая вследствие этого общим (общесоциальным) масштабом, мерой (регулятором) поведения и деятельности людей» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 129—130).

Представляется возможным, не обращаясь к подробным сущностным характеристикам права, предлагаемым различными юридическими концепциями, ограничиться несколькими замечаниями. Сущность, т.е. самая главная, определяющая черта, свойство всего, что придумано человеком, состоит в ценности, потребности, в предназначении данного предмета или явления для человеческого общества. Поэтому *сущность права, как и сущность государства, состоит в его социальном назначении — в регулировании общественных отношений, в организации управления обществом.*

Раскрыть значение права для общества и конкретизировать его сущность призвана категория «ценность права». В учебной литературе она не получила широкого признания. Все же представляется целесообразным предложить данное понятие для изучения и продолжить его научную разработку, но не исключительно с классовых позиций, как ранее (см.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971; Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985). *Ценность*

права — это способность права служить средством для удовлетворения справедливых, прогрессивных потребностей и интересов общества и отдельных его членов. (Подробнее обо всех аспектах данной проблемы см.: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. С. 137—139). Ценность права выражается в том, что:

- право — это средство организации управления обществом, оно придает действиям людей согласованность; реализация правовых норм приводит к упорядоченности общественных отношений, право — необходимое условие жизни и развития современного общества;
- право — это действенное средство защиты существующего общественного строя, правовые нормы устанавливают меры ответственности (уголовной, административной, иной) за общественно опасные и вредные для общества деяния;
- право — это и средство обновления общества, фактор прогресса; оно развивает те общественные отношения, в которых общество заинтересовано; крайне важно значение права как инструмента перехода к новым экономическим и политическим отношениям, решения глобальных проблем современности;
- право — выразитель справедливости, по своему назначению оно противостоит несправедливости;
- право определяет меру свободы личности в обществе; право и свобода личности неотделимы друг от друга, поскольку право, определяя масштаб, границы свободы, помогает индивиду их осознать;
- конкретизируя два последних момента, можно говорить о том, что право является средством утверждения нравственных начал в общественной жизни, средством воспитания населения, формирования прогрессивной культуры.

Для современной отечественной юридической науки несомненная и достаточно большая ценность права для общества — это аксиома. Однако в философской и юридической мысли есть направления, которые не признают право как действенный регулятор общественных отношений или вообще отрицают его значение в этом качестве.

Как и в случае с сущностью государства, также возможна постановка ряда конкретизирующих вопросов, охватывающих многие проблемы теории права:

В чьих интересах право регулирует общественные отношения?

В каких пределах право регулирует общественные отношения?

В каких основных направлениях право регулирует общественные отношения?

Какими способами право регулирует общественные отношения?

На каких принципах осуществляется правовое регулирование общественных отношений?

Право может регулировать общественные отношения в интересах либо всего общества, либо отдельных социальных групп (в том числе классов), и с этой точки зрения в сущности права, как и в сущности государства, также можно выделить две стороны.

Самостоятельной, сложной и недостаточно изученной проблемой являются пределы правового регулирования общественных отношений.

Сущность и социальное назначение права конкретизируются в его функциях. *Функции права* — это основные направления юридического воздействия на общественные отношения. Выделяют социальные и собственно юридические функции права. Первые показывают, на какие сферы общественной жизни осуществляется юридическое воздействие, а вторые — каким образом это воздействие осуществляется.

Среди *социальных* функций права обычно называют политическую, экономическую, культурно-воспитательную, иногда — информационную и иные. Вполне правомерным представляется подход к выделению и анализу содержания социальных функций права, основанный на аналогии с основными направлениями деятельности государства (с функциями государства).

К собственно *юридическим* функциям права относятся регулятивная и охранительная. *Регулятивная* функция права — направление правового воздействия, выражающееся в установлении определенных правил поведения. В рамках ее выделяют регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую функции права. Первая осуществляется путем установления запретов, предписаний воздерживаться от посягательств на определенные общественные отношения, вести себя пассивно; таким образом происходит закрепление определенного состояния общественных отношений. Вторая — при помощи предписаний, обязывающих совершать определенные активные действия, — для обеспечения развития соответствующих общественных отношений; она выражается в установлении юридических обязанностей. (Это не единственное понимание содержания регулятивно-статической и регулятивно-динамической функций права.) *Охранительная* функция права — это направление правового воздействия, нацеленное на охрану общественных отношений, урегулированных правом.

Сущность права помогают раскрыть *принципы права* — те основополагающие идеи, начала, на которых базируется та или иная

правовая система. Выделяют отраслевые, межотраслевые и общеправовые принципы права. *Отраслевые* принципы права действуют в рамках одной отрасли права (например, принцип равенства супругов в семейном праве). *Межотраслевые* принципы права действуют в рамках двух или нескольких отраслей права (например, принцип материальной ответственности, презумпция невиновности). *Общеправовые* принципы права действуют во всех отраслях права. К ним следует отнести начала гуманизма, демократизма в формировании и реализации права, законности, равенство всех перед законом, взаимную ответственность государства и личности. Теория государства и права основное внимание уделяет рассмотрению общеправовых принципов. Для уяснения их содержания целесообразно обращение к анализу некоторых принципов организации и деятельности государственного аппарата, а также отдельных принципов правового государства.

Обзор специальной литературы по теме

Одной из самых сложных и дискуссионных проблем теоретической юриспруденции является ***проблема понимания и адекватного определения права***, раскрываемая в следующих работах (см. также издания по философии права, указанные в обзоре специальной литературы к теме № 1):

Авдеева О. А. История формирования научного понимания права. Иркутск, 1996.

Аверин А. В. Еще раз о правопонимании (к критике «либертарной» концепции права) // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1(5). С. 27—41.

Акопян Д. А. Юридическое (нормативное) и этическое (нравственное) понимание права // Правоведение. 2005. № 6. С. 220—231.

Алексеев Л. И. К вопросу об общем понятии права // Государство и право. 1993. № 6. С. 128—133.

Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. 416 с.

Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. М., 2001. 161с.

Байтин М. И. О современном нормативном понимании права // Журнал российского права. 1999. № 1. С.98—108.

Байтин М. И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001. 413 с. (рецензии: Пиголкин А. С. Сущность права с позиций современной юриспруденции // Журнал российского права. 2001. № 11. С. 152—154; Морозова Л. А. // Правоведение. 2001. № 6. С. 209—211); То же: Монография. 2-е изд., доп. М., 2005. 544 с. (рецензия: Аверин А. В., Батхиев Р. Х. // Правоведение. 2006. № 2. С. 249—255; Экимов А. И., Сауляк О. П. // Государство и право. 2006. № 3. С. 112—114).

Величко А. М. Нравственный идеал и право // Правоведение. 2002. № 2. С. 187—203.

Ветютнев Ю. Ю. О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. 2005. № 10.

Всероссийская научно-теоретическая конференция «Понимание права», посвященная 75-летию со дня рождения профессора А. Б. Венгерова (1928—1998) / Н. С. Серегин // Государство и право. 2003. № 8. С. 102—113.

Гриценко Г. Д. Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты. Ставрополь, 2002.

Дробышевский С. А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике: Учеб. пособие. Красноярск, 1999.

Дробязко С. Г. Политическая общесоциальная справедливость в праве как сущностная основа совершенствования правового законодательства // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 11. Минск, 2001. С. 3—16.

Зазаева Н. Б. Онтологическая сущность права: антропологическо-ценностный подход. Саратов, 2005. 236 с.

Концепции современного правопонимания: Материалы «круглого стола». Санкт-Петербург, 21 декабря 2004 года / Под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2005.

Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 3—8.

Кудрявцев В. Н., Васильев А. М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 3—13.

Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7.

Лейст О. Э. Сущность и исторические типы права // Вестник Московского университета. Сер. 11 «Право». 1992. № 1.

Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. 288 с. (рецензия: Поленина С. В. // Государство и право. 2003. № 9. С. 122—124).

Лейст О. Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12.

Лившиц Р. З. Право и закон в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право. 1989. № 3.

Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10.

Малахов В. П. Право в его универсальности, особенности и конкретности. М., 2005.

Малинова И. П. Юридическая герменевтика и правопонимание: Материалы к спецкурсу. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 100 с.

Мальцев В. А. Право как нормативно-деятельностная система // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 94—103.

Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. 419 с.

Мартышин О. В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2. С. 64—71.

Мартышин О. В. О «либертарно-юридической теории права и государства» // Государство и право. 2002. № 10. С. 5—16.

Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 4—15.

Мицкевич А. В. Общее «нормативное» понятие права и его место в марксистском правопонимании // Советское государство и право. 1988. № 6.

Муравский В. А. Актуально-правовой аспект правопонимания // Государство и право. 2005. № 2. С. 13—18.

Мушинский В. О. Правовое государство и правопонимание // Советское государство и право. 1990. № 2.

Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / Сост. В. Г. Графский. М.: Норма, 2006. 416 с.

Нерсесянц В. С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 26—35.

Нерсесянц В. С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. М., 1978. С. 18—29.

Нерсесянц В. С. Право и закон: из истории правовых учений. М., 1983. 366 с.

Нижник Н. С., Шукшина Е. Г. Реалистический позитивизм: в поисках интегративного типа правопонимания // Государство и право. 2005. № 10. С. 104—112.

О понимании советского права («круглый стол») // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56—74. № 8. С. 48—77.

Овчинников А. И. Юридическая герменевтика как правопонимание // Правоведение. 2004. № 4. С. 160—169.

Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству: Монография. СПб., 2005. 241 с.

Осипян Б. А. Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 10. С. 43—50.

Петрова Л. В. О естественном и позитивном праве (Критические заметки по поводу учебника С. С. Алексеева) // Государство и право. 1995. № 2. С. 32—41.

Пугинский Б. И. Понимание права с позиций современной цивилистики // Правоведение. 2007. № 6. С. 6—18.

Рабинович П. М. О понимании и определениях права // Правоведение. 1982. № 4. С. 53—60.

Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. М., 2004. 240 с.

Радько Т. Н., Медведева Н. Т. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права России // Государство и право. 2005. № 3. С. 5—12.

Ромашов Р. А. Проблема соотношения понятий «право» и «закон» в контексте исторического и юридико-лингвистического анализа // Правоведение. 2007. № 3. С. 34—47.

Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1. С. 4—12; Брезгулевская Н. В. Обсуждение концепции реалистического позитивизма: Круглый стол «Проблемы правопонимания» // Там же. С. 13—20.

Самигуллин В. К. Закат права или переоценка ценностей // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 15—26.

Смоленский М. Б. Права личности в системе современного правопонимания: Учеб. пособие. Ростов н/Д., 1998.

Современные проблемы правопонимания: обсуждение монографии А. В. Полякова «Общая теория права» / Е. В. Тимошина // Правоведение. 2002. № 4. С. 213—222.

Стовба А. В. О перемене сущности, или «что есть» право в эпоху постметафизики // Правоведение. 2008. № 1. С. 157—164.

Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13—21.

Хайруллин В. И. Что такое «коммунитарная справедливость» // Государство и право. 2007. № 9. С. 93—96.

Халфина Р. О. Что есть право: понятие и определение // Советское государство и право. 1984. № 11.

Царьков И. И. Метафизика конституционности // Правоведение. 2006. № 5. С. 216—228.

Царьков И. И. Развитие правопонимания в европейской традиции права. СПб., 2006. 346 с.

Чернобель Г. Т. Право как мера социального блага // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 83—95.

Честнов И. Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 45—52.

Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 4—15.

Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002.

Четвернин В. А. Понятия права и государства: Введение в курс теории права и государства. М., 1997. 120 с.

Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: Монография. Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. 260 с. (рецензия: Леушин В. И. // Правоведение. 2005. № 5. С. 253—257).

Шафиров В. М. Право в человеческом измерении // Правоведение. 2004. № 3. С. 198—213.

Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости // Государство и право. 2004. № 5. С. 16—23.

О ***правовых теориях***, предлагающих различные подходы к пониманию права, см.:

Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство (XXIII Всемирный Конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии) // Правоведение. 2008. № 2. С. 124—146; Булыгин Е. В. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // Там же. С. 147—153.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1994. 592 с.

Боботов С. В. Буржуазная социология права. М., 1978. 244 с.

Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 49—64.

Графский В. Г. Концепция интегральной (синтезированной) юриспруденции: актуальные направления дальнейшей разработки // Государство и право, на рубеже веков. Проблемы теории и истории. М., 2001.

Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2005.

Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ. М., 2004. 392 с.

Жуков В. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001. 237 с. (рецензия: Евсеичев В. И. // Государство и право. 2002. № 7. С. 123—124).

Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.

Ивашевский С. Л. Проблема сущности права в истории отечественной философско-правовой мысли // Государство и право. 2007. № 12. С. 65—70.

Казмер М. Э. Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. Рига, 1983.

Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.

Корнев А. В. К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 5. С. 93—98.

Корнев А. В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX — начало XX в.). М., 2003. 196 с.

Критика новейших буржуазных учений о государстве: Пер. с нем. / Вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1982. 146 с.

Луковская Д. И. Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972.

Медушевская Н. Ф. Идеи естественного права в западноевропейской и русской философии права второй половины XIX в. (сравнительный анализ): Лекция. М., 2002. 30 с.

Поляков А. В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4. С. 7—12; Ладер К.-Х. Теория аутопойезиса как подход, позволяющий лучше понять право постмодерна (от иерархии норм к гетерархии изменяющихся паттернов правовых интеротношений) // Там же. С. 13—42.

Посконин В. В., Посконина О. В. Т. Парсонс и Н. Луман: два подхода в правопонимании: Монография. Ижевск, 1997. 343 с.

Проблемы буржуазной теории права: Теория права. М., 1981.

Проблемы буржуазной теории права: Философия права. М., 1984.

Пяткина С. А. Русская буржуазная правовая идеология. М., 1980.

Розаннвалон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния: Пер. с фр. М., 1997.

Саммерс Р. С. Господствующая правовая теория в США // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 109—116.

Сметанников Д. С. Критические правовые исследования в США // Правоведение. 1999. № 3. С. 215—221.

Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. М.: Наука, 1971. 381 с.

Фуллер Л. Л. Позитивизм и верность праву: Ответ профессору Харту // Правоведение. 2005. № 6. С. 124—159.

Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 102—136.

Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства: Пер. с нем. М., 1994. 328 с.

Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М., 1988. 144 с.

Чичнева Е. А. Философия права в Германии после второй мировой войны (Краткий обзор) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2000. № 3. С. 99—116.

Ячменев Ю. В. Правда и закон: из истории российского правоведения: Монография. СПб.: СПб ун-т МВД России, 2001. 440 с.

Ряд специальных работ посвящены обоснованию как ***ценности права***, так и тех ценностных критериев, которые должны быть проведены в содержании права, см.:

Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.

Бабенко А. Н. Правовые ценности (вопросы теории). М., 2001. 184 с.

Бабенко А. Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. 2002. № 12. С. 93—97.

Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. 248 с.

Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2000. 256 с.

Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1996. 89 с.

Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985.

Во второй половине XIX в. получила известность «юриспруденция интересов» немецкого ученого Рудольфа фон Иеринга. Есть ряд исследований, анализирующих категорию ***интереса*** в юридической науке, см.:

Горшунов Д. Н. Интерес в частном праве: вопросы теории: Монография. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 176 с.

Кряжков А. В. Публичный интерес: понятия, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10.

Курбатов А. Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2001.

Малько А. В., Субочев В. В. Гарантии осуществления законных интересов // Правоведение. 2007. № 6. С. 138—148.

Михайлов С. В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7. С. 86—92.

Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 66 с.

Павлушкин А. В. Роль права в обеспечении интересов в Федерации // Журнал российского права. 2005. № 12.

Петров С. М., Туманов Г. А. Категория интереса в теории советского государственного управления // Государство и право. 1990. № 8.

Степанян В. В. Выражение интересов общества и личности в социалистическом праве. Ереван, 1983.

Субочев В. В. Законные интересы / Под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2008. 496 с.

Субочев В. В. Законные интересы в механизме правового регулирования / Под ред. А. В. Малько: Монография. М.: Юристъ, 2007. 188 с.

Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 19—25.

Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Право и интересы // Журнал российского права. 2005. № 12.

Шайкенов Н. А. Категория интереса в советском праве. Свердловск, 1980.

Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. 134 с.

О ***функциях права*** см.:

Абрамов А. И. Понятие реализации функций права. Соотношение понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Правоведение. 2006. № 3. С. 179—189.

Абрамов А. И. Проблемы реализации регулятивной функции права. М., 2005. 185 с.

Гринберг М. С. Уголовное право как феномен, несовместимый с бесправием и произволом // Государство и право. 2003. № 9. С. 46—53.

Липинский Д. А. Соотношение функций права и функций юридической ответственности // Правоведение. 2004. № 3. С. 144—155.

Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права: Материалы к лекциям. Волгоград, 1974. 152 с.

Радько Т. Н. Основные функции социалистического права: Учеб. пособие. Волгоград, 1970. 142 с.

Радько Т. Н. Социальные функции советского права: Учеб. пособие. Волгоград, 1971. 167 с.

Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Н. Новгород, 1995.

О ***соотношении права и политики***, политических аспектах права, правовой политике см.:

Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М., 1982. 160 с.

Баранов П. П., Шпак А. В. Сила права: политико-институциональный анализ: Монография. Ростов н/Д., 2004. 140 с.

Исаков Н. В. Основные приоритеты современной российской правовой политики: Монография. Пятигорск, 2003. 166 с.

Козлихин И. Ю. Право и политика. СПб., 1996.

Куманин Е. В. Юридическая политика и развитие права в условиях зрелого социализма // Советское государство и право. 1983. № 3.

Муромцев Г. И. Правовая политика: вопросы методологии // Правоведение. 2005. № 6. С. 14—25.

Право и политика: современные проблемы соотношения права и политики: Сб. ст. Воронеж, 1996.

Рахимов Р. А., Хабибулин А. Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. 2000. № 2. С. 52—59.

Рыбаков О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 71—78.

Рыбаков О. Ю. Тенденции развития российской правовой политики // Правоведение. 2004. № 3. С. 156—164.

Суворов Л. Право и политическая конъюнктура в Советском государстве // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 13—29.

Исследования, посвященные ***правовому регулированию экономических и социальных отношений*** (к проблеме социальных функций права):

Аврутин Ю. Е. О методологии конституционно-правового исследования экономики // Правоведение. 2008. № 1. С. 71—85.

Андреева Г. Н. О месте концепции «экономической конституции» в европейском дискурсе // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 50—64.

Андреева Г. Н. Экономическая конституция в зарубежных странах. М.: Наука, 2006. 267 с.

Барабашева Н. С., Венгеров А. Б. Право и распределение. М., 1988. 279 с.

Братусь С. Н. Роль права в развитии советской экономики. М., 1971.

Венгеров А. Б., Барабашева Н. С. Нормативная система и эффективность общественного производства. М., 1985.

Государственное регулирование экономики в современных условиях. М., 1997.

Лаптев В. В. Экономика и право. М., 1981.

Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. 255 с.

Марданов Р. Д. Соотношение права и экономики в Российской модели государственности: теоретико-методологический аспект. Казань, 2004. 143 с.

Матузов Н. И., Малько А. В. Правовое стимулирование в условиях рыночных отношений // Государство и право. 1995. № 4.

Орехова Р. Т. Правовое воздействие на экономику: понятие и формы // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 1. С. 67—79.

Познер П. А. Экономический анализ права: в 2 т. / Пер. с англ. СПб., 2004. 524, 454 с.

Полежай П. Т. Соотношение права и экономики в социалистическом обществе. Харьков, 1965.

Попков В. Д. Социальная политика Советского государства и право. М., 1979. 136 с.

Правовое обеспечение экономических реформ / Отв. ред. А. И. Кузьминов, В. Д. Мазаев. М., 1999.

Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991. 240 с.

Раманкулов К. С. Власть и право в экономическом механизме: соотношение и функциональные связи // Правоведение. 2006. № 5. С. 35—40.

Тихомиров Ю. А. Закон, стимулы, экономика. М., 1989.

Трофимов А. Н., Паршиков Н. А. Право и экономика. Орел, 1998.

Шкредов В. П. Экономика и право: опыт экономико-юридического исследования общественного производства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990. 271с.

Шмаков А. В. Экономический анализ права: Учеб. пособие. Ч. 1. Новосибирск, 2005. 135 с.

Щенникова Л. В. Категория «собственность» в российском гражданском законодательстве и русской цивилистике // Государство и право. 1995. № 3. С. 96—103.

Экономический анализ права: Материалы международного н.-практ. семинара / Под ред. Ю. К. Перского, Ж. А. Мингалевой. Пермь, 2003. 282 с.

Литература ко всей теме

Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения. М., 2001. 752 с; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 601 с.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые перспективы мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М., 2000. 254 с.

Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалия // Государство и право. 2001. № 5. С. 14—20.

Бернацкий Г. Г. Естественное право. Права человека. Мораль. СПб., 2000. 167 с.

Варламова Н. В. Непозитивистская концепция юридической догматики: постановка проблемы // Российское правосудие. 2007. № 10(18). С. 14.

Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие: в 2 т. Ярославль: ЯрГУ, 2005—2006. 547, 544 с.

Кленнер Г. От права природы к природе права: Пер. с нем. / Под ред. Б. А. Куркина. Вступ. ст. Л. С. Мамута. М., 1988. 320 с.

Ллойд Д. Идея права: репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М., 2002. 416 с.; То же. Изд. 4-е. М., 2007. 416 с.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.

Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. 512 с.

Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990.

Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982.

Нерсесянц В. С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М., 1992. 352 с.

Нерсесянц В. С. Право — математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996. 160 с.

Нерсесянц В. С. Философия права: Учеб. для вузов. М., 1997. 652 с.

Поляков А. В. Правогенез // Правоведение. 2001. № 5. С. 216—233.

Пучков О. А. Антропологическое постижение права: Монография. Екатеринбург, 1999. 381 с.

Розин В. М. Генезис права: методологический и культурологический анализ. М., 2003. 336 с.

Самигуллин В. К. Право и неправо // Государство и право. 2002. № 3. С. 5—8.

Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. 208 с.

Супатаев М. А. Право, культура, цивилизация в развивающихся странах // Право. Культура. Демократия: Сб. ст. М., 1994. С. 191—202.

Тихомиров Ю. А. Право официальное и неформальное // Журнал российского права. 2005. № 5.

Фатьянов А. А. Воля как правовая категория // Государство и право. 2008. № 4. С. 5—12.

Шапп Я. О свободе, морали и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 85—92.

Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л., 1959.

Явич Л. С. Право и общественные отношения. М., 1971.

Право ***регулирует*** общественные отношения. Для понимания многих вопросов теории права принципиальными являются общие проблемы понятия и осуществления ***правового регулирования***:

Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.

Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12—19.

Антонова Л. И. Локальное правовое регулирование. Л., 1985.

Баранов В. М. Поощрительные нормы Советского социалистического права. Саратов, 1978.

Бляхман Б. Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений. Кемерово, 1999.

Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. 94 с.

Власенко Н. А., Назаренко Т. Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5—12.

Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.

Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988.

Дробязко С. Г. Что и как регулирует право в контексте формирования социального государства и гражданского общества // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 3—11.

Кашанина Т. В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования // Правоведение. 1991. № 4.

Киселева О. М., Малько А. В. Институт правового поощрения в России: историко-юридический аспект // Правоведение. 1999. № 3. С. 32—41.

Лазарев В. В. Регулирующая роль законодательства в процессе перестройки советского общества // Советское государство и право. 1987. № 12. С. 13—21.

Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11.

Малько А. В. Льготная и поощрительная правовая политика: Монография. СПб., 2004. 233 с. (рецензия: Ведяхин В. М., Павлушина А. А., Коробова А. А. // Государство и право. 2005. № 8. С. 119—120).

Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 4—16.

Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 248 с.

Малько А. В., Морозова И. С. Льготно-правовая политика современной России: проблемы формирования и осуществления // Государство и право. 2006. № 2. С. 5—10.

Малько А. В., Морозова И. С. Льготы в российском праве (Проблемы теории и практики): Монография. Саратов, 2004. 274 с. (рецензия: Сенякин И. Н., Летяев В. А. Основные цели правовых льгот // Государство и право. 2006. № 8. С. 115—118).

Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19—25.

Малько А. В., Суменков С. Ю. Исключения в праве в условиях реформ: постановка проблемы // Государство и право. 2006. № 10. С. 5—13.

Малько А. В., Суменков С. Ю. Привелегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. 180 с. (рецензия: Ветютнев Ю. Ю. // Правоведение. 2006. № 4. С. 248—251).

Малько А. В., Шундиков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 296 с.

Матузов Н. И. Еще раз о принципе «не запрещенное законом дозволено» // Правоведение. 1999. № 3. С. 14—32.

Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 4.

Морозова И. С. Нормативные изъятия и дополнительные преимущества: общетеоретические проблемы // Правоведение. 2006. № 3. С. 190—198.

Морозова И. С. Тенденции совершенствования льгот в современном российском законодательстве // Государство и право. 2008. № 2. С. 80—82.

Морозова И. С., Лебедева Е. Н. Место и роль льгот в механизме правового стимулирования: Учеб. пособие. Саратов, 2006. 71 с.

Нерсесянц В. С. Право в системе социальной регуляции. М., 1986.

Нестеров А. В. О теории и практике регламентации // Государство и право. 2008. № 1. С. 91—95.

Протасов В. Н. Что и как регулирует право. М., 1995.

Ромашов Р. А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение 2001. № 6. С. 13—19.

Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002. 152 с.

Сорокин В. Д. Метод правового регулирования: Теоретические проблемы. М., 1976. 144 с.

Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень): Монография. СПб., 2003. 659 с.

Степанов О. А. Перспективы правового регулирования отношений в условиях развития высоких технологий // Государство и право. 2003. № 1. С. 87—91.

Тихомиров Ю. А. Нормативное регулирование: взлет или кризис // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 96—102.

Тихомиров Ю. А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 86—96.

Трофимов В. В. Позитивные юридические средства: проблемы генезиса и содержание // Правоведение. 2008. № 2. С. 163—177.

Шевченко Л. И. О понятии, сущности и значении договорного регулирования имущественных отношений в условиях рыночной экономики // Государство и право. 2005. № 10. С. 42—48.

Явич Л. С. Проблемы правового регулирования общественных отношений. Л., 1961.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.

ГЛАВА 9

Основные правовые системы современности

9.1. Общая характеристика основных правовых систем современности

Ранее было замечено, что подходы к пониманию права определяются тем, какая правовая система исторически сложилась в том или ином регионе, в том или ином государстве. Для более глубокого понимания существующих традиций в подходах к праву представляется необходимым дать понятие правовой системы и краткий обзор существующих правовых систем. Этот материал важен и для других проблем теории права (источников права, правотворчества, реализации права и др.).

Учебная литература по теории государства и права советского периода обходила молчанием проблему типологии правовых систем. Но в 1990-х гг. во многих изданиях это уже самостоятельная и достаточно объемная тема (см., например: Общая теория права: Учеб. / Под ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., перераб и доп. М., 1995. С. 341—374; Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. С. 309—324).

Изучением правовых систем занимается *сравнительное правоведение*, или *компаративистика*. Один из наиболее авторитетных специалистов в этой области юридического знания — французский ученый Р. Давид, его труды неоднократно издавались и на русском языке. Среди отечественных авторов работами в области сравнительного правоведения известны М. Н. Марченко, А. Х. Саидов, Ю. А. Тихомиров, В. А. Туманов (см. обзор специальной литературы по теме).

В сравнительном правоведении существуют различные подходы к типологии правовых систем — в зависимости от собственно юри-

дических особенностей (значение каждого источника права, правовая культура, правовые традиции, основные понятия и категории и т.д.) выделяют разное количество классификационных групп, называя данные группы или «правовыми семьями», или «правовыми кругами», или «правовыми системами». Проблема классификации правовых семей является одной из основных проблем компаративистики. Предложены различные варианты типологии правовых семей, в том числе отличающиеся значительной сложностью, что обусловлено объективной пестротой юридической карты мира.

С учетом того что в учебном курсе теории государства и права дается общее представление о сравнительном правоведении и типологии правовых семей, представляется возможным остановиться на самой простой классификации правовых семей, предложенной Р. Давидом (с исключением социалистической правовой семьи) и рассмотреть основные характеристики романо-германской правовой семьи, или системы континентального права, англо-американской правовой семьи, или системы «общего права», семьи религиозно-традиционного права.

Романо-германская правовая семья, или система континентального права, исторически сложилась на территории государств континентальной Европы под сильным влиянием римского права, рецепция которого привела к определенному сходству в правовом регулировании. Принципиальным для концепции права, сложившейся в странах континентальной Европы, явился процесс кодификации права, развернувшийся с начала XIX в. Внимание было акцентировано на нормативном регулировании общественных отношений, создании более совершенного законодательства. Правоприменительной, и прежде всего судебной практике, отводилась, как правило, пассивная роль. Считается, что ее основная задача — найти, правильно истолковать и применить предписания, содержащиеся в нормативных актах.

Основным источником права в системе континентального права выступает нормативный акт. В этой системе существует четкая иерархия нормативных актов (конституции, законодательство, подзаконные нормативные акты). Есть достаточно четкое деление права на отрасли, право носит кодифицированный характер, т.е. нормы, составляющие одну отрасль права, сведены в крупные, внутренне систематизированные нормативные акты. В большинстве стран приняты гражданский, уголовный, гражданско-процессуальный, уголовно-процессуальный и некоторые другие кодексы. Все остальные источники права рассматриваются обычно лишь в плане дополнения писаного права и имеют подчиненное, вспомогательное значе-

ние. Такое значение, например, судебной практики, обычного права может законодательно закрепляться или не закрепляться.

Англо-американская правовая семья, или система «общего права» (Англия, США, государства — члены Британского содружества). Здесь главное для юриспруденции — не закреплять предписание в официальном документе, не делать нормативные акты более совершенными по форме и содержанию для адекватного регулирования отношения в будущем, а разрешить конкретную ситуацию. В романо-германской правовой семье право понимается как совокупность норм, которыми регламентированы определенные конкретные ситуации. В англо-американской правовой семье право заранее как бы не установлено, оно для каждого конкретного дела формируется в процессе его судебного рассмотрения. Право — это прежде всего то, к чему приведет рассмотрение дела, право существует, если оно обеспечено судебной защитой. Нормы права в англо-американской правовой семье менее абстрактны, более конкретны и казуистичны, они направлены не в будущее, а в настоящее.

Здесь иная концепция источников права. Основное значение имеет судебный прецедент: однажды вынесенное судебное решение, обязательное (при концепции «жесткого прецедента») для судей при рассмотрении аналогичных дел. В настоящее время в Англии приняты следующие правила: 1) решения высшей инстанции — Палаты лордов — обязательны для всех других судов; 2) апелляционный суд, состоящий из двух отделений (гражданского и уголовного), обязан соблюдать прецеденты Палаты лордов и свои собственные, а его решения обязательны для всех нижестоящих судов; 3) Высший суд связан прецедентами обеих вышестоящих инстанций, и его решения обязательны для всех нижестоящих судов; 4) окружные и магистратские суды обязаны следовать прецедентам всех вышестоящих инстанций, а их собственные решения прецедентов не создают (см.: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. С. 317). В качестве источника признано и писаное право; более того, существует достаточно развитое законодательство (английский парламент ежегодно принимает около 80 законов, а всего им было издано более 40 тыс. актов), принимаются и подзаконные нормативные акты. Писаное право в основном не кодифицировано. Соотношение судебной практики и нормативных актов как источников права неоднозначно. С одной стороны, существует принцип приоритета закона при коллизии закона и прецедента. Однако, для того чтобы предписания, содержащиеся в нормативных актах, начали эффективно действовать, сначала должна сложиться достаточно устойчивая практика их применения.

К тому же суд связан не только законом, но и его толкованиями, содержащимися в судебных решениях, так называемыми «прецедентами толкования». Нередки примеры «поглощения» писаного права правом прецедентным.

В англо-американской правовой семье более значительна и роль обычаев как источников права. Особенности имеет американское право по сравнению с английским, что обусловлено не только федеративной структурой США (велики полномочия штатов и в законодательстве, и в судебной деятельности; наряду с федеральной правовой системой каждый штат имеет свою собственную). В США законодательство в системе источников права более значимо, оно частично кодифицировано (во всех штатах приняты уголовные кодексы, в некоторых — уголовно-процессуальные, гражданские, гражданско-процессуальные). Здесь нет концепции «жесткого прецедента» (впрочем, отход от нее наметился и в Англии).

Несмотря на то, что в романо-германской и англо-американской правовых семьях различны структура права, принципы построения правовой системы, иной юридический язык, иные основные понятия и категории, в плане концепции источников права отмечаются тенденции к их сближению. В романо-германской правовой семье признается увеличение значения судебной практики, а в англо-американской — писаного права.

Семья религиозно-традиционного права (мусульманское право, индусское право, обычное (традиционное) право стран Африки) характеризуется дуализмом источников права. Вообще право как система норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений, как особые процедуры разрешения конфликтов — продукт европейской цивилизации. В африканских и азиатских государствах до знакомства с европейской культурой те отношения, которые в Европе регулировались правом (политические, имущественные, наследственные, земельные и т.д.), были упорядочены при помощи обычаев и религии. В результате колонизации колониальные власти вводили правовые нормы (прежде всего в публично-правовой сфере), нередко оставляя регулирование частноправовых отношений — имущественных, наследственных, земельных, семейных — обычному или религиозному праву. Совершенствование государственного управления и правового регулирования, восприятие источников права европейского происхождения обусловило также социально-экономическое развитие общества в XIX—XX вв. С середины XIX в. начался процесс модернизации мусульманского права, выразившийся в издании государством нормативных актов. Таким образом, в семье религиоз-

но-традиционного права существует *дуализм* источников права — основным источником права на протяжении длительного времени являлись религиозные догмы или обычное, традиционное право; в настоящее время их роль также велика, однако усиливается значение писаного права и судебной практики.

В литературе отмечается значение сравнительного правоведения, оно позволяет, во-первых, изучить явления правовой действительности, которые ранее не охватывались проблематикой правоведения, и выйти за национальные рамки своей правовой системы; во-вторых, взглянуть под особым углом зрения на ряд традиционных проблем юридической науки с учетом тенденций развития права в современном мире. Использование материалов сравнительно-правовых исследований позволяет теории права подняться на более широкий уровень обобщений, оперировать новейшим зарубежным правовым материалом. (См.: Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М., 2006. С. 42—43, 56). Из теории государства значение сравнительного правоведения наиболее велико для анализа формы государства, из теории права — для исследования источников права (см. главу 10).

9.2. Особенности российской правовой системы

Вопрос об особенностях российской правовой системы относится к числу дискуссионных и решаемых в науке неоднозначно. Основные варианты отнесения российской правовой системы к какой-либо из правовых семей таковы:

- российская правовая система относится к романо-германской правовой семье;
- российская правовая система относится к семье социалистического права (или, имея самобытный характер, является ее основным представителем);
- российская правовая система относится к семье славянского права (или, имея самобытный характер, является ее основным представителем).

Наиболее предпочтительной нам представляется первая точка зрения, изложенная в работах ряда известных компаративистов (А. Х. Саидов и др.), с той оговоркой, что российской правовой системе присущи особенности, обусловленные ее специфическим путем культурно-исторического развития (это соответствует и сложившемуся в компаративистике выделению различных групп государств внутри романо-германской правовой семьи — романской, германской, скандинавской и др.).

Как указывает А. Х. Саидов, развитие российской правовой системы в X—XIX вв., восприятие ею византийской культуры, православия, духа позднеримского права, а также североевропейских влияний позволяют сделать вывод о вхождении ее в романо-германскую семью правовых систем. При этом следует отметить следующие отличительные черты особой — евразийской — разновидности:

- во-первых, высокая, приоритетная защита общих интересов, общего дела, дух соборности в ущерб личным притязаниям индивида, его правам и интересам;
- во-вторых, слабость личностного правового начала в культуре вообще;
- в-третьих, широкое распространение неправовых регуляторов в обществе: моральных, морально-религиозных, корпоративных и т.д.;
- в-четвертых, отрицательное отношение православной религии к фундаментальным устоям правового общества и к праву, правовой культуре;
- в-пятых, высокая степень «присутствия» государственности в общественной жизни, в государственной идеологии, огосударствление многих сторон общественной жизни, подчиненность права государству.

В 1917 г. в России начался коммунистический эксперимент. В западном сравнительном правоведении советское право относили к семье правовых систем социалистических стран. Но и в этот период социалистическое право нередко трактовалось как разновидность романо-германского права.

С 90-х гг. XX в. в эволюции современной правовой системы России прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, происходит исключение из действующего российского права принципов, норм и институтов, которые были призваны подчеркнуть принципиальное отличие советского социалистического права от буржуазного. С другой стороны, в российском праве появляются принципы, нормы, институты и даже отрасли, которые ранее считались исключительным атрибутом буржуазного права.

По своим основным юридическим классификационным признакам российское право всегда относилось к романо-германской правовой семье и продолжает оставаться таковым. Об этом свидетельствует кодифицированный характер российского права, структура правовой нормы, принципы верховенства закона и соответствующая иерархия источников права, основные принципы судебной организации и судопроизводства. Все это, однако, не препятствует сохранению самобытности, особенностей, традиций, свойственных правовой системе России (см.: Саидов А. Х. Указ. соч. С. 334—340).

М. Н. Марченко ведет речь о выделении отличительных черт и особенностей социалистической, а затем — и постсоциалистической правовой системы. По его мнению, российская правовая система как наиболее мощная и влиятельная из всех прежних социалистических правовых систем находится в настоящее время в переходном состоянии, откры-

том для обмена идеями, опытом и взаимодействия с любой правовой системой (см.: Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: Учеб. М., 2001. С. 373—474).

Самобытность российской правовой системы, ее адекватности славянской культуре и закономерностям развития российского общества и вследствие этого ее самостоятельной ценности отстаивает В. Н. Синюков. Течения, школы, идеологии права и государства, господствующие ныне в отечественной науке и даже оппонирующие друг другу, отмечает В. Н. Синюков, объединяет одна характерная черта — позитивистское толкование русской правовой культуры как явления, исчерпывающегося рамками «естественного», закономерного европейского историзма. Кредо этой позиции можно сформулировать так: «Я считаю Россию западной страной. Однако эта страна в силу исторических причин отстала от других западных стран». Поэтому науке остается педантично систематизировать «шансы, упущенные Россией на перекрестках истории» и перечислять исторические события, «замедлившие развитие России» по западному, разумеется, образцу, вздыхать и горевать по поводу ее «несчастливой политической судьбы» (См.: Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 26—27. По тексту автор ссылается на работу: Оболонский А. В. Диалог с советологом Д. Хаммером о «вечных» российских вопросах // Государство и право. 1992. № 7. С. 119, 126). В. Н. Синюков подчеркивает необходимость поиска нового методологического инструментария. «Задача современной отечественной правовой методологии — найти такое измерение правовой системы, которое не разрывало бы целостности этого юридического феномена с духовным строем России, ее уникальным культурным миром... Требуется изучение собственных социально-культурных, исторических и специальных юридических основ российской правовой системы. Типы правопознания, воспринятые отечественной наукой — от естественного до позитивистского и марксистского, есть во многом элементы западного правового мировоззрения, западной методологии юридической идентификации, которая не позволяет с достаточной точностью работать с правовыми явлениями в России...» (Там же. С. 27—28). «Суть проблемы состоит в том, что Россия нуждается не столько в замене одних стереотипов более прекрасными, цивилизованными, сколько в собственном правовом самопознании, в восстановлении целостности своего правосознания, его единства с культурой России, ее закономерным миром; таком восстановлении, которое поможет не конструировать, а открывать смысл, в том числе и новый, русской правовой культуры, и преодолеть нигилизм, апатию, к которым привели многочисленные реципированные модели государства и права» (Там же. С. 210—211). Автор формулирует следующее методологическое предположение: сущность российской правовой культуры есть постоянная во времени и череде государственных форм России духовная инвариантa, образуемая особым национальным типом правовой идентификации социальных явлений; смена состояний правовой культуры основывается не на традиционной политической и эко-

номической причинности — своей внешней форме, а на собственно этночеловеческой трасцендентальности (Там же. С. 42).

По своей социальной природе, функциональным связям с обществом российское право значительно отличается от западных и восточных аналогов, оно значительно менее других имеет «государственную» природу. Это не конструктивный и разумный свод правил искусственного (государственно-политического) либо естественного (морально-религиозного) происхождения, а способ интуитивного жизнепонимания и жизнестроительства, что значительно отличает российскую правовую систему как от западных, так и традиционалистских восточных правовых систем (Там же. С. 213). Для русского по культуре право не может быть инструментом, индифферентным сути его мировоззрения, жизненного смысла. Ценность права в русском правосознании не в обеспечении формальной законности, а в достижении ею тождественности с глубинным образом собственного жизнепонимания. Поэтому массовое правосознание в России может легко отказаться от правовой формы, если она перестает быть формой именно его жизненного уклада. Поэтому в условиях перманентного непостоянства политической власти в России, многочисленных нарушений ею социальной справедливости создалась иллюзия неуважения населением правовых норм, установленных законодателем, устойчивого правового нигилизма, который парадоксально пытаются лечить пропагандой позитивного законодательства. Но «нигилизм» — вполне нормальное для правовой культуры явление, вовсе не свидетельствующее о «низком уровне правосознания», «слабости юридических традиций». Скорее наоборот: ситуация массового нормативного нигилизма предполагает весьма высокое морально-правовое сознание общества, жестко верифицирующего культурную и социальную адекватность писаного права. У русских иные механизмы духовно-этических отношений с феноменом права, что часто при прямолинейных сравнениях с механизмами правового регулирования в иных культурах принимается за слабость юридического начала вообще (Там же. С. 217—218).

К числу достоинств подобного взгляда на российскую правовую систему следует отнести прежде всего использование более широкой методологии. Действительно, рассмотрение юридических явлений сквозь призму развития конкретной национальной культуры способно дать новые познавательные результаты, углубить представления о сущности российской государственности и российской правовой системы, выявить существенные особенности регулирования отношений в российском обществе. Но разумнее, однако, не отвергать позитивистскую, социологическую методологию, а сочетать ее с предлагаемым в качестве основного культурно-исторического метода исследования российской правовой системы; ведь значительная часть научного знания вообще и юридического в частности была выработана именно на основе философского позитивизма, с использованием социологических методов (См.: Бабаев В. К., Морозова Л. А. Рецензия на: Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию // Государство и право. 1993. № 3. С. 156—159). Это позволило бы прийти к более

взвешенным выводам и говорить о том или ином варианте взаимодействия российских культурно-исторических традиций и политико-правовых институтов, формирующихся по западным образцам.

Проблема сущностной характеристики российской правовой системы нуждается, вне всякого сомнения, в дальнейших исследованиях.

Обзор специальной литературы по теме

Литература по ***сравнительному правоведению***:

Артемов В. Ю. Источники и доктринальные школы мусульманского права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 128—135.

Барциц И. Н. Типология современных правовых систем: Учеб. пособие. М., 2000. 39 с.

Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. 496 с.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. 399 с.

Егоров А. В. Правовая семья как объект сравнительного правоведения // Правоведение. 2005. № 2. С. 155—161.

Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002. 1068 с.

Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. А. Я. Сухарев. М., 2000. 840 с.

Саидов А. Х. Введение в основные правовые системы современности. Ташкент, 1988.

Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (Основные правовые системы современности): Учеб. / Под ред. В. А. Туманова. М., 2000. 441 с.; То же. М.: Юристъ, 2005. 441 с.

Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993. 148 с.

Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М.: Норма, 2006. 368 с.

Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975. 207 с.

Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978. 169 с.

Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. 432 с.

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. Основы: Пер. с нем. М., 1995. 480 с.

Черноков А. Э. Введение в сравнительное правоведение: Учеб. пособие. СПб., 2004. 207 с.

Следует отметить активное развитие сравнительно-правовых исследований в Украине, учреждена Украинская ассоциация сравнительного правоведения, издается журнал «Сравнительно-правовые исследования», основаны серии изданий «Энциклопедия сравнительного правоведения», «Академия сравнительного правоведения», в рамках последней (отв. ред. серии А. В. Кресин) опубликованы:

Берхуз Х. Н. Актуализация сравнительно-правовых исследований в эпоху глобализации: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2008. 24 с. (Вып. 13).

Берхуз Х. Н. Методологические основы сравнительного правоведения: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2007. 32 с. (Вып. 6).

Костенко А. Н. Социальный натурализм как методологический принцип сравнительного правоведения и юридической глобалистики: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2008. 28 с. (Вып. 11).

Луць Л. А. Типологизация современных правовых систем мира: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2007. 23 с. (Вып. 3).

Марченко М. Н. Конвергенция романо-германского и англо-саксонского права: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2007. 36 с. (Вып. 1).

Оксамытный В. В. Правовые системы современного мира: проблемы идентификации: Открытая лекция. К., Симферополь, 2008. 36 с. (Вып. 10).

Ромашов Р. А. Проблема соотношения понятий «право» и «закон» в контексте исторического и юридико-лингвистического анализа: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2007. 32 с. (Вып. 4).

Саидов А. Х. Религия и международное право: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2008. 52 с. (Вып. 9).

Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и законотворчество: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2007. 32 с. (Вып. 2).

Скакун О. Ф. Правовая система: государства, общества, региона, мира? (О базовых категориях сравнительного правоведения). Киев, Симферополь, 2008. 32 с. (Вып. 12).

Скакун О. Ф. Принцип единства логического и исторического методов в сравнительном правоведении: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2007. 31 с. (Вып. 5).

Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение и интегрирующая роль международного права: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2008. 16 с. (Вып. 8).

Харитонов Е. О., Харитонова Е. И. Некоторые вопросы классификации европейских систем частного права: Открытая лекция. Киев, Симферополь, 2008. 28 с. (Вып. 7).

Более глубокое представление о специфике постановки теоретических и отраслевых юридических проблем в разных национальных правовых системах можно получить, обратившись к соответствующим разделам учебных и научных изданий по ***зарубежному праву***:

Бернам У. Правовая система США. Вып. 3 / Пер. с англ., М., 2006. 1211 с.

Берхуз Х. Исламские традиции права. Одесса, 2006. 293 с.

Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997. 333 с. (рецензия: Бернам У. // Государство и право. 1997. № 10. С 117—120).

Введение в шведское право / Отв. ред. Б. С. Крылов М., 1986. 336 с.

Голландская правовая культура / Отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998. 592 с. (рецензия: Гриценко Е. В. // Правоведение. 2000. № 1. С. 291—295).

Дженкс Э. Английское право. М., 1947. С. 27—51.

Джиффорд К. Правовая система Австралии. М., 1988.

Жалинский А. Э., Рерихт А. А. Введение в немецкое право. М., 2001. 767 с. (рецензия: Бринчук М. М. // Государство и право. 2002. № 8. С. 124—128).

Инако Ц. Современное право Японии. М., 1981.

Менахем Э. Еврейское право. СПб., 2002. 609 с.

Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978—2005) / Рук. авт. колл. Л. М. Гудошников. М., 2007. 464 с. (рецензия: Страшун Б. А. Основательный труд о политической системе и праве современного Китая // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 171—175).

Правовая система Нидерландов / Отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998. 432 с.

Романов А. К. Правовая система Англии: Учеб. пособие. М., 2000. 344 с; То же. 2-е изд., испр. М., 2002. 343 с.

Сагадар М. И. Основы мусульманского права. М., 1968.

Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1992. 286 с.

Шумилов В. М. Введение в правовую систему ФРГ. М., 2001. 140 с.

Юридическая жизнь в Китае: Пер. с кит. / Отв. ред. Л. М. Гудошников. М., 1990. 375 с.

ГЛАВА 10 Источники права

10.1. Понятие источника права

Источник права — это способ выражения, закрепления правовых норм.

В соответствии с «узким», «нормативным» подходом к пониманию права нормы права содержатся в нормативных актах. Однако юридическая история общества дает и иные примеры способов объективации правовых норм. Последние могут содержаться в договорах, вырабатываться в процессе судебной практики, складываться исторически, а не устанавливаться государством. Договор, судебный прецедент, правовой обычай будут в данном случае выступать в качестве источников права. Общая характеристика каждого источника права рассматривается ниже.

Наряду с понятием «источник права» в теоретической науке как равнозначное используется и понятие «форма права», под которой имеются в виду способ выражения, внешнего оформления правовых норм, формы их существования.

Термин «источник» в юридической науке употребляется в разных значениях. Как об источнике права в материальном смысле говорят о социальной жизни, об общественных отношениях вообще — ведь именно развитие последних и порождает потребность в их правовом регулировании, в издании правовых норм. С социологических позиций источник права — «культура, которая в процессе селективной эволюции вбирает в себя социальный опыт и выражается в общеобязательных правилах поведения» (Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Курс лекций. СПб., 1995. С. 138). В идеологическом смысле под источником права понимают юридические концепции, идеи, т.е. правосо-

знание, которое также выступает в качестве весьма значимого фактора правообразования. Нормы права не возникают самопроизвольно, они вырабатываются, формулируются в результате сознательно-волевой деятельности людей на основе существующего в данном обществе уровня юридического сознания. Анализируя крупный и значимый для своего времени нормативный акт (например, «Русскую правду»), в науке истории государства и права иногда говорят о его источниках, т.е. о том, откуда появились, каким образом были выработаны составляющие данный документ нормы права. В этом плане среди источников (нормативного акта, а не права!) обычно указываются предшествующие нормативные акты, судебная практика, обычаи и т.д. Источником права именовалось и основание обязательности правовой нормы — государственная воля. Но чаще всего в формально-юридическом значении под источником права понимают внешнюю форму существования правовых норм.

Это далеко не единственные варианты понимания категории «источник права». Она применяется в юридической науке достаточно давно. Еще Тит Ливий в своей Римской истории назвал Законы XII таблиц «источником всего публичного и частного права» в том смысле, что эти законы представляли собой основу, на базе которой сложилось и развилось современное ему римское право (см.: Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 32—33). Как зарубежной, так и отечественной юриспруденции известны различные варианты трактовок источников права. Иногда отмечается, что принятое здесь усложнение проблемы не всегда оправдано (см., например: Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 20). В свое время по этому поводу известный ученый-юрист начала XX в. Л. И. Петражицкий писал: «Если бы зоологи стали называть собак, кошек и т.д. «источниками животных» и спорить по этому поводу, что такое источники животных, в каком отношении они находятся к животным, представляют ли они формы создания животных, или основания их существования, или признаки их животной природы и т.д., то это представляло бы явления мысли, совершенно однородные с теми, которые имеются в теперешнем правоведении в области учения о так называемых источниках права» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. СПб., 1907. С. 513).

О соотношении различных источников права, о разработке проблемы источников права в российской дореволюционной юридической науке см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. Т. 2. С. 165—181.

10.2. Нормативный правовой акт — основной источник права

Так называемое писаное, положительное право содержится в официальных документах, издаваемых различными органами государства, — в нормативных правовых актах. В рабовладельческих и феодальных государствах нормативные акты были немногочисленны, регулировали относительно небольшой круг общественных отношений и не имели того значения, которое они имеют в настоящее время.

Нормативный правовой акт как источник права имеет и свои преимущества, и свои недостатки (см. параграф 8.1). Все же при помощи писаного права достаточно удобно регулировать общественные отношения, поэтому в настоящее время издаваемые государством официальные документы являются основным либо одним из основных источников права практически во всех правовых системах мира. Нормативные акты имеют различные названия, они также отличаются друг от друга по юридической силе, по органам, их издающим, и т.д.

Нормативный правовой акт — это акт правотворческой деятельности компетентных государственных органов, который устанавливает, изменяет или отменяет нормы права.

Иными словами, это документ, принимаемый в определенном порядке компетентным государственным органом, в котором содержатся нормы права. Нормативный правовой акт как источник права можно охарактеризовать, обратив внимание на следующие его основные признаки: он издается компетентным государственным органом в определенном процедурном порядке, имеет государственно-властный характер, охраняется средствами государственного принуждения, обладает юридической силой, документально оформлен, имеет установленную форму и реквизиты. Подробнее рассмотрим основные характеристики нормативных правовых актов.

1. Нормативный правовой акт *издается* по общему правилу *компетентным государственным органом*. Практически каждому государственному органу предоставлено право издания в пределах его полномочий нормативных правовых актов. Эти документы носят государственно-властный характер, их исполнение в случае необходимости может обеспечиваться мерами государственного принуждения. В данных характеристиках нормативного правового акта, выражающих его связь с государством, проявляется суверенность государственной власти.

Известны также нормативные правовые акты, принимаемые на референдуме и издаваемые негосударственными организациями (см. об этом подробнее следующий параграф).

2. Нормативные правовые акты *принимаются в определенном процедурном порядке*, который служит гарантией их надлежащего качества. Сам процесс принятия нормативных правовых актов называется правотворчеством.

3. Нормативный правовой акт *содержит нормы права* — правила поведения общего характера, на что указывает и название данного документа. Государственные органы издают разнообразные документы, но не все документы содержат нормы права, не все являются нормативными правовыми актами. Поэтому необходимо четко представлять отличие последних от правоприменительных актов (или актов индивидуального значения, адресованных конкретным субъектам права), от актов морально-политического значения (также не содержащих норм права, например, от различного рода обращений, призывов, получивших определенное распространение в советское время). Правовые нормы, которые содержатся в нормативных актах, называют писаным правом.

4. Нормативный правовой акт *документально оформлен*, имеет установленную форму и реквизиты: официальное название и наименование, номер (не всегда), указание на орган, принявший данный акт, на время принятия и время вступления в действие, на место официального опубликования. Для облегчения пользования нормативным правовым актом его содержание упорядочено, структурировано (этого, впрочем, не было во многих древних правовых памятниках). Первичный элемент структуры нормативного правового акта — статья. Статья может иметь части. В одной статье содержится от одной до нескольких правовых норм, регулирующих достаточно однообразные отношения. Статьи объединены в главы, а главы иногда объединяются в разделы — более крупные структурные подразделения; все они, как правило, имеют свои названия. Нумерация разделов, глав, статей остается постоянной при последующих изменениях, вносимых в нормативный правовой акт.

В объемных, чаще всего в кодифицированных нормативных правовых актах встречается разделение их на общую и особенную части. Необходимость выделения в крупных нормативных актах общих частей в свое время (в XIX в.) была обоснована германской юридической наукой; в практическом отношении это было достаточно удобное новшество, оно постепенно распространилось и за пределы Германии. Сейчас во многих нормативных документах, принимаемых в Российской Федерации (даже в сравнительно небольших по объ-

ему), наиболее общие предписания излагаются в первом разделе или главе, которые могут называться «Общие положения».

Нормативный правовой акт может иметь и вводную (вступительную) часть — преамбулу. В преамбуле обычно излагаются цели и задачи данного акта, обстоятельства, мотивы, которые обусловили принятие данного акта (см., например, Конституцию РФ, преамбулами предваряются и некоторые иные законодательные акты).

5. Нормативный правовой акт *обладает юридической силой*. Существует определенный порядок вступления официальных документов в юридическую силу и порядок ее утраты. Под **юридической силой** понимается свойство нормативных правовых актов реально действовать, порождать юридически обязательные последствия. Юридическая сила зависит от места правотворческого органа в аппарате государства, от его компетенции, а все это определяется значением решаемых данным государственным органом задач. Юридическая сила проявляется в иерархии нормативных правовых актов.

Именно по юридической силе проводится самая важная классификация нормативных правовых актов. По данному основанию выделяют *законы* и *подзаконные нормативные акты*, причем и те и другие также имеют свою иерархию.

Закон — это нормативный правовой акт, принимаемый в особом порядке по наиболее важным вопросам общественной и государственной жизни и обладающий высшей юридической силой.

В современных государствах законы принимаются или на референдуме, или же высшим представительным органом государства — парламентом. Задача урегулировать законодательно абсолютно все общественные отношения не ставится; в рассматриваемых нормативных актах должны содержаться наиболее существенные предписания, которые во многих случаях получают конкретизацию в иных нормативных документах. Высшая юридическая сила закона проявляется в его *верховенстве* (это один из принципов правового государства), в подзаконности иных нормативных правовых актов. Верховенство закона вытекает из принципа народного суверенитета (см. ст. 3 Конституции РФ), из того обстоятельства, что народ или самостоятельно принимает законы на референдуме, или же на выборах делегирует свои властные полномочия высшему представительному органу государственной власти — парламенту. Верховенство закона заключается в том, что: ни один орган не вправе отменять или изменять закон; все иные нормативные правовые акты не должны противоречить закону; в случае противоречия действует норма права, закрепленная в законе.

В зависимости от регулируемых общественных отношений, от степени значимости законы подразделяются на основные (конституции), конституционные, органические и обычные.

Основные законы (конституции) регулируют основы общественного и государственного строя, закрепляют основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, определяют принципы формирования и деятельности государственных (преимущественно высших) органов. Конституции имеют учредительный характер. Они служат юридической базой для всего законодательства, по отношению к которому они обладают верховенством, поддерживаемым осуществлением функции конституционного контроля.

Стабильный характер основных законов обеспечивается особым порядком их принятия и внесения в них изменений и дополнений (см., например, ст. 134—137 Конституции РФ). Конституция РФ была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; она состоит из двух разделов (в первом разделе девять глав) и содержит 137 статей.

С конца 90-х гг. XX в. ряд ведущих юристов высказывался о необходимости внесения в Конституцию РФ более или менее радикальных изменений (А. И. Лукьянов, В. Е. Чиркин и др.); у противоположной точки зрения, в соответствии с которой дальнейшие преобразования возможны только на основе действующей Конституции, также есть авторитетные сторонники (М. В. Баглай, В. С. Нерсесянц и др.). В этой связи см., например: «Нам нужна новая Конституция». Интервью А. И. Ковлера с А. И. Лукьяновым // Государство и право. 1999. № 12. С. 6—11; Чиркин В. Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. 2000. № 6. С. 5—11; Российское государство и право на рубеже тысячелетий (Всероссийская научная конференция) / Н. В. Колотова // Государство и право. 2000. № 7. С. 5—14.

Под *конституционными* законами понимаются обычно законы, дополняющие конституцию, или законы, издающиеся по отдельным указанным в конституции наиболее важным вопросам. *Органическими* законами называют законы, определяющие порядок организации и деятельности государственных органов на основе бланкетных статей конституции, или все законы, к которым отсылает конституция. *Обычные* законы — все остальные законодательные акты, принимаемые парламентом.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции РФ «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Федеральное Собрание РФ принимает федеральные конституционные законы и федеральные законы; законы могут приниматься на уровне субъектов РФ их

высшими представительными органами (см. ст. 76 Конституции РФ — анализ данной статьи важен для уяснения соотношения федеральных конституционных и федеральных законов, федеральных законов и законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ).

Кроме законов, палаты российского парламента могут принимать постановления нормативного характера (см. ч. 2, 3 ст. 102, ч. 2, 3 ст. 103 Конституции РФ).

Как отмечается в литературе по конституционному праву, в некоторых странах референдумы носят в основном консультативный, совещательный, а не обязательный характер; это связывается прежде всего с опасением некомпетентного решения вопросов на референдуме (см. подробнее: Конституционное право: Учеб. / Отв. ред. А. Е. Козлов. М., 1996. С. 163—166).

В соответствии с новой редакцией Конституции РБ 1994 г. Президент РБ может издавать декреты, имеющие силу закона (см. ст. 85, 101, 137 Конституции РБ). Здесь мы сталкиваемся с достаточно распространенным в зарубежных странах в XX в. явлением, получившим название «делегированное законотворчество». Ранее оно подвергалось безоговорочной критике в отечественных работах по теории и истории государства и права, по конституционному праву. Говорилось о том, что в этом случае не реализуется доктрина верховенства актов парламента, о сужении социальной базы законотворчества, о том, что решение важнейших государственных проблем переходит из рук высшего представительного органа в руки централизованного бюрократического аппарата, и в конце концов — о загнивании институтов буржуазной демократии. И в самом деле, отбросив расхожие штампы времен идеологического противостояния с Западом, в делегированном законотворчестве с какой-то точки зрения можно усмотреть определенные несогласованности с общими принципами организации государственно-правовой жизни в современном мире. Деятельность парламента, в том числе и законодательная, — одна из форм проявления демократии, фундаментальной ценности государственно-организованного общества; это воплощение представительной демократии. И положение парламента, выборного, представительного органа, не изначально обладающего властью, а получающего ее из рук народа, отнюдь не предполагает делегирование своих основных полномочий. Именно с таких позиций ранее подвергалась критике активная нормотворческая деятельность Президиума Верховного Совета СССР, проводимая в перерыве между очень непродолжительными по времени сессиями Верховного Совета СССР, с таких же позиций можно критиковать и делегированное законотворчество. Однако поскольку парламентские процедуры достаточно громоздки и для принятия решений обычно требуется значительное время, которого жизнь нередко не оставляет, конституции многих стран предусматривают возможность делегирования парламентом своих полномочий другим государственным органам (обычно правительству), имеющим возможность принимать

решения более оперативно. За парламентом в этом случае остается последующий контроль (см., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. В 4 т. Т. 2 / Отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1995. С. 124—126. Со второй половины 1990-х гг. появились первые специальные работы по проблеме: Троицкий В. С., Морозова Л. А. Делегированное законотворчество // Государство и право. 1997. № 4. С. 91—99, Суставова Е. Н. Делегированное законодательство // Журнал российского права. 1998. № 8 С. 144—151).

Своеобразная система нормативных правовых актов, обладающих высшей юридической силой, закреплена в Конституции Республики Казахстан и иных законодательных актах. В современной конституционной практике этого государства сложилась ситуация, когда по Конституции такие институты, как президент и правительство, имеют право издавать законы, что совсем не означает, что они могут считаться органами законодательной власти. Таким образом, в Республике Казахстан существует целая система законов, которая, строго говоря, не подпадает под традиционную классификацию законов. Она выглядит следующим образом: Конституция; конституционный закон Парламента, закон Парламента; закон Парламента по внесению изменений и дополнений в Конституцию; закон Парламента по внесению изменений и дополнений в конституционные законы; закон, принимаемый на республиканском референдуме: закон Президента; указ Президента, имеющий силу конституционного закона; указ Президента, имеющий силу закона; закон Правительства (см.: Окушева Р. Т. Проблема соотношения законов в Республике Казахстан // Государство и право. 1999. № 2. С. 89; см. также: Окушева Р. Т. Президент и законодательный процесс в Республике Казахстан // Журнал российского права. 1998. № 3. С. 97—101; Окушева Р. Т. Особенности законодательного процесса в Республике Казахстан // Журнал российского права. 1998. № 10. С. 99—103).

Подзаконные нормативные правовые акты принимаются на основе и во исполнение законов различными государственными органами. Иерархия подзаконных актов соответствует иерархической структуре государственного аппарата. К числу наиболее важных подзаконных нормативных правовых актов в Российской Федерации относятся указы Президента РФ (ст. 90 Конституции РФ), постановления Правительства РФ (ст. 115 Конституции РФ), нормативные правовые акты министерств и ведомств — приказы, инструкции, постановления, указания, письма, разъяснения, правила и т.д. Как отмечается в литературе, для такого многообразия форм нормативных правовых актов министерств и ведомств не находится достаточных оснований, в их правотворческой деятельности необходимо стремиться к унификации.

Наряду с рассмотренной классификацией нормативных правовых актов по юридической силе существуют и иные классификации по различным основаниям.

Так, по *сфере действия* различают нормативные правовые акты *внешнего* действия и *внутреннего* действия. Первые содержат нормы права, направленные на упорядочение внешних по отношению к издавшему их государственному органу отношений. Во вторых находятся предписания, регламентирующие внутриорганизационные отношения внутри данного ведомства (ведомственные нормативные правовые акты) или внутри данного органа или государственного учреждения (локальные нормативные правовые акты).

В зависимости от *территории действия* выделяют *общие* (действующие на всей территории государства) и *местные* (действующие на части территории государства) нормативные правовые акты.

В зависимости от *времени действия* говорят о *неопределенно-длительных* и *временных* нормативных правовых актах и т.д.

Нормативные правовые акты, действующие в любом государстве, согласованы между собой и образуют определенную систему. Эту систему нередко называют *системой законодательства* (иная точка зрения — систему законодательства составляют только законы). По аналогии с системой права говорят и об отраслях законодательства: конституционном, уголовном, гражданском и т.д. Отрасль законодательства составляет совокупность нормативных актов, в которых содержатся нормы права, регулирующие соответствующую однородную сферу общественных отношений. Система законодательства и система права соотносятся между собой как форма и содержание. Система законодательства в целом тяготеет к системе права, поскольку обусловлена последней, однако отрасли законодательства не всегда совпадают с соответствующими отраслями права.

Различные аспекты проблемы соотношения системы права и системы законодательства давно дискутируются юридической наукой. Как отмечает С. В. Поленина, за многие годы исследования структуры, системы права и системы законодательства, их взаимосвязей и взаимообусловленностей одни из выдвинутых наукой гипотез получили подтверждение практикой и приобрели почти аксиоматический характер, другие остались дискуссионными.

К числу первых относятся выводы о системности права и законодательства; о тесной прямой и обратной связи между обеими системами; о том, что элементом системы объективного права является норма права, а элементом системы законодательства — нормативный правовой акт, о предмете и методе регулирования как основаниях вычленения отраслей права.

Нет в науке единой точки зрения о наличии или отсутствии в системе права и системе законодательства более крупных, чем отрасль, структурных образований. Например, С. С. Алексеев утверждает, что в системе права существуют надотрасли. Другие ученые (А. В. Мицкевич, В. А. Кирин, М. И. Краснов, С. В. Поленина) считают, что более крупные,

чем отрасль, структурные образования (именуемые законодательным массивом, или комплексом) есть лишь в системе законодательства.

Нет полного единодушия и по вопросу о том, носит ли система права объективный характер, и в силу этого ее развитие обуславливает соответствующую трансформацию системы законодательства, создаваемой законодателем. Иная точка зрения была высказана Р. З. Лившицем, который полагал, что объективна лишь система законодательства, применительно к которой наука должна строиться как система права. В этом случае неясным остается вопрос о том, какой научной и практической цели служит вообще система права, а главное, чем должен руководствоваться законодатель в своей деятельности.

Для развития системы права и системы законодательства характерны процессы интеграции и дифференциации правового регулирования. В силу этого развитие рассматриваемых систем представляет собой сложный диалектический процесс, в котором подчас сталкиваются противоположные тенденции (см.: Морозова Л. А. Современное состояние российского законодательства и его систематизация («круглый стол» журнала «Государство и право») // Государство и право. 1999. № 2. С. 23—24). Обзор специальной литературы по данной проблеме см. в главе 12.

Система законодательства характеризуется как единством, так и многообразием, т.е. достаточно большим количеством нормативных актов, различных по названию, юридической силе, характеру содержащихся в них предписаний. Единство системы законодательства проявляется в том, что она базируется на единых принципах права. Кроме того, система законодательства имеет иерархическую структуру. Это означает, что каждый нормативный акт занимает строго определенное место в соответствии со своей юридической силой; в законодательстве определена компетенция каждого государственного органа по изданию нормативных правовых актов, определены их виды для каждого вида органов. Иерархическое построение системы законодательства — это ее вертикальная структура, а разграничение на отрасли — это горизонтальная структура.

10.3. Общая характеристика различных источников права

В настоящем параграфе в качестве источников права будут рассмотрены нормативный договор, судебный и административный прецедент, правовой обычай, религиозные догмы, юридическая наука, принципы права. Указаны также подходы к рассмотрению в качестве источника права решений Конституционного Суда.

Нормативный договор как источник права

Нормативный договор — это соглашение двух или более сторон, в результате которого устанавливаются, изменяются или отменяются нормы права.

Основная характеристика нормативного договора как источника права заключается в том, что он представляет собой добровольное волеизъявление сторон. В отличие от нормативного акта, который является актом одностороннего волеизъявления, здесь обязателен элемент добровольности в принятии на себя обязанности следовать установленным правовым нормам. Но после того как стороны заключили договор, они обязаны подчиняться содержащимся в нем правовым нормам. Одностороннее невыполнение влечет соответствующее наказание. В отличие от обычая, который складывается исторически, нормативный договор представляет собой акт волеизъявления людей, акт их сознательного поведения.

Нормативные договоры имеют широкое распространение в международном (здесь это вообще основной источник права), конституционном, гражданском, трудовом и некоторых других отраслях права. Они могут называться по-разному: «контракт», «соглашение», «договоренность» и т.д., но главное — данный документ должен содержать нормы права.

Судебный и административный прецедент как источник права

Сначала рассмотрим, что такое судебный прецедент. Судебная практика представляет собой деятельность судов по применению законодательства при рассмотрении судебных дел (гражданских, уголовных, трудовых, семейных и т.д.). И в этой практической деятельности судебных органов также вырабатываются нормы права, которые могут действовать наряду с правом, содержащимся в нормативных актах, могут дополнять его. Таким образом, и судебная практика является источником права. Когда говорят о судебной практике как об источнике права, используют термин «прецедент».

Судебный прецедент — это решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел, либо служащее примерным образцом толкования закона (прецедент толкования).

Для судебного прецедента как источника права характерны казуистичность, множественность, противоречивость, гибкость.

Казуистичность. Прецедент всегда максимально конкретен, максимально приближен к фактической ситуации, поскольку он вырабатывается на основе решения конкретных, единичных случаев, казусов.

Множественность. Существует достаточно большое количество инстанций, которые могут создавать прецеденты. Данное обстоятельство вместе со значительной продолжительностью действия последних (десятки, а иногда и сотни лет) обусловливает огромный объем прецедентного права.

Противоречивость и гибкость. Ранее было отмечено, что даже среди нормативных актов, издаваемых одним государственным органом, иногда встречаются несогласованности и противоречия. Тем более не удивительно, что решения разных судебных инстанций по сходным делам могут очень значительно отличаться друг от друга. Это определяет гибкость судебного прецедента как источника права. Во многих случаях существует возможность выбора одного варианта решения дела, одного прецедента из нескольких. Писаное право такого широкого простора для выбора не предоставляет. Впрочем, в противоположность гибкости иногда указывается как на недостатки прецедентного права на его жесткость, связанность судей когда-то вынесенными решениями по сходным делам, невозможность отступить от них даже в ущерб справедливости и целесообразности.

Судебный прецедент — древний источник права, и его значение неодинаково в различные периоды истории человечества в различных странах. Он широко использовался в государствах Древнего мира, в Средние века. Так, в Древнем Риме решения преторов и других магистратов признавались обязательными при рассмотрении аналогичных дел. Вообще многие институты римского права сложились на базе судебных прецедентов. В настоящее время в странах с англосаксонской системой права (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.) судебный прецедент является одним из основных источников права. В странах континентальной (или романо-германской) системы права на рубеже XVIII—XIX вв. основным источником права был признан нормативный акт (закон). Однако с конца XIX в. и до наших дней значение судебной практики как вспомогательного источника права не уменьшается, а в последнее время она играет все более важную роль в правоприменительной деятельности. В отдельных странах такое положение судебной практики закреплено в законодательстве.

В Российской Федерации судебная практика официально в качестве источника права не признана, однако она, безусловно, оказывает влияние на принятие правовых решений, поэтому можно вести речь о ее значении в качестве своеобразного неофициального источника права. Такая позиция исходит из того, что право, содержащееся в нормативных актах, оставляет много неясных вопросов, окончательно не регулирует общественные отношения. Эта точка зрения достаточно аргументирована не

только в зарубежных, но и в отечественных научных исследованиях: и до 1917 г., и советского периода, и современных (см., например: Кечекьян С. Ф. О толковании законов судом // Право и жизнь. 1928. Кн. 1. С. 1—14; Вильнянский С. И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые записки ВИЮН. Вып. IX. М., 1947. С. 244; Алексеева Л. Б. Судебный прецедент: произвол или источник права? // Советская юстиция. 1991. № 14. С. 2—3; Алексеева Л. Б., Симкин Л. С. Правосудие, закон и нравственность // Право и власть. М., 1990. С. 398—413; Ершов В. В. Место и роль суда в правовом государстве // Правоведение. 1991. № 5. С. 15—22; Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. М., 1992. 206 с.; Завадская Л. Н. Становление самостоятельной и независимой судебной власти (государственно-правовой аспект) // Теория права: новые идеи. Вып. 2. М., 1992. С. 57; Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М., 1992. С. 258—268, 275—280).

Вывод о том, что судебная практика может выступать в качестве источника права, находит свое подтверждение в действительности. Так, нижестоящие судебные инстанции следят за деятельностью вышестоящих судебных инстанций и стараются следовать ей при разрешении аналогичных дел, поскольку в противном случае их приговоры и решения могут быть отменены вышестоящими в кассационном или надзорном порядке. В конечном счете суды всех уровней ориентируются на разрешение конкретных дел высшей судебной инстанцией.

Под воздействием указанных аргументов в литературе последних лет стало выдвигаться требование признания судебного прецедента полноправным источником права. Этот вопрос вызвал к жизни ряд исследований как общетеоретического, так и отраслевого характера. Его решение, однако, представляется далеко не однозначным в современных российских условиях в связи с существующей концепцией источников права. Ученые говорят и о необходимости осторожного подхода к судебному прецеденту как источнику права, исторически сформировавшемуся в англо-американской правовой семье (см., например: Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. С. 158), о том, что одной из тенденций развития правовых систем является активизация судебной практики, это диктует усиление позиций судов в толковании закона; но признание судебного прецедента источником права было бы шагом назад и отступлением от идеи верховенства закона (см.: Богдановская И. Ю. Судебный прецедент — источник права? // Государство и право. 2002. № 12. С. 5—10).

Самостоятельная проблема — юридическая природа постановлений (разъяснений) Пленума Верховного Суда РФ по отдельным категориям дел, которые выносятся на основе обобщений судебной практики. Данная проблема применительно к руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР десятилетиями дискутировалась в советской юридической науке. Одни авторы склонялись к отрицанию нормативного характера этих документов (поскольку там отсутствуют нормы права), называя их актами толкования. Другие, наоборот, признавали нормативную природу постановлений Пленума Верховного Суда СССР и предлагали

считать их ведомственными нормативными актами (см., например: Проблемы теории государства и права: Учеб. / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 339—342). Еще одна научная позиция, заслуживающая внимания, состоит в признании обобщений судебной практики самостоятельными источниками права. В этой связи иногда предлагается разделять собственно судебный прецедент и прецедент толкования.

Все, что касалось судебной практики как источника права, с определенными оговорками можно отнести и к административной практике. Административная практика — это деятельность многочисленных (за исключением судебных) государственных органов по решению стоящих перед ними задач. Говорят и об *административном прецеденте* — т.е. о таком поведении органа государства, любого должностного лица, которое имело место хотя бы один раз и может служить образцом при аналогичных обстоятельствах. Как и судебный, административный прецедент в Российской Федерации не является официально признанным источником права. Однако в юридической действительности нашей страны можно найти примеры, когда в практической деятельности государственных органов создаются правила поведения, которые реально действуют наряду с писаным правом, конкретизируют, дополняют, а иногда и отменяют последнее. Впрочем, этот вопрос — «административный прецедент как источник права» — юридической наукой разработан очень слабо.

Правовой обычай как источник права

Правовой обычай — это правило поведения, сложившееся вследствие фактического его применения в течение длительного времени, нигде в официальных документах не записанное, но признаваемое государством.

Основные черты обычая как источника права

Продолжительность существования. Обычай очень консервативен и сообразуется не столько с перспективой развития общества, сколько с его прошлым. Обычай закрепляет то, что складывалось в результате длительной общественной практики, и может отражать как общие моральные, духовные ценности народа, так и в значительной мере предрассудки, расовую и религиозную нетерпимость, неравноправие полов и т.д. Поэтому государство к различным обычаям относится по-разному: одни запрещает, другие одобряет и развивает.

Постоянность соблюдения. Это необходимое условие для того, чтобы обычай как правило, как модель поведения в конкретной ситуации не исчез, поскольку он сохраняется обычно только в сознании народа и нигде не записан.

Обычай имеет, как правило, *локальный* характер, т.е. применяется в рамках сравнительно небольших групп людей или на сравнительно небольшой территории. Он часто тесно связан с религией. В Индии, например, обычное право входит в структуру индусского права.

Обычай *санкционируется* (признается) *государством* путем восприятия его судебной или административной практикой. Но если содержание обычной нормы находит свое выражение в нормативных актах, в этом случае источником права будет являться уже не обычай, а нормативный акт.

Совокупность обычаев, если их значительное количество, называют обычным правом. *Обычное право* — система правовых норм, основывающихся на обычае, регулирующая общественные отношения в данном государстве, в определенной местности либо для данной этнической или социальной группы.

Обычай — основная форма регулирования поведения в догосударственном обществе, в условиях родового строя. Огромное значение как источника права ему отводилось в древних государствах и при феодализме. Первые правовые памятники состояли главным образом из обычаев. С развитием правотворческой деятельности государства обычное право в значительной части поглощается писаным, положительным правом.

В России до 1917 г. обычай регулировал отношения между крестьянами. Исследователи отмечали, что в сфере частного гражданского права большинство населения России (80 млн чел.) руководствуется обычным правом, а писаные законы (прежде всего имелась в виду ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи — законы гражданские) предназначены для меньшинства. Даже после революции 1917 г. большевики не смогли сразу отказаться от обычного права, что свидетельствует о его значимости. Статьи 8, 77 Земельного кодекса РСФСР 1922 г. допускали использование обычая при регулировании земельных, семейных и иных отношений среди крестьян.

Советская правовая доктрина относилась к правовому обычаю отрицательно. Это и понятно — для становления и закрепления обычного права требуется значительное время, а новое социалистическое общество, возникшее после революции 1917 г., в соответствии с господствовавшими представлениями принципиально и качественно отличалось от строя, который существовал ранее (см.: Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 153; пятая глава этой монографии называется «Закат обычного права», а ее первый параграф — «Вытеснение обычного права из юридической действительности Советского Союза»).

В настоящее время обычай находит достаточно широкое применение при регулировании общественных отношений в государствах Азии, Африки, Океании. В развитых государствах обычай играет второсте-

пенную роль по сравнению с другими источниками права — нормативным актом и судебной практикой. Обычай понимается прежде всего как норма, дополняющая закон в тех случаях, когда соответствующее предписание в законе вообще отсутствует или оно недостаточно полно. Однако, например, в современной Франции или ФРГ в сфере гражданского и торгового права не исключается применение обычая не только в дополнение, но и против закона.

В законодательстве может содержаться отсылка к обычному праву, может ее и не быть. Новый ГК РФ дает понятие обычая делового оборота: «Обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе» (ч. 1 ст. 5 ГК РФ). И далее нормы гражданского права, содержащиеся в ГК РФ, неоднократно указывают на обычай как на источник права (см., например, ст. 309 ГК РФ: «Обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями»).

Отсылки к обычаям традиционно имеются в морском торговом праве. Так, срок, в течение которого груз должен быть погружен на судно, определяется соглашением сторон, а при отсутствии такого соглашения — сроками, «обычно принятыми в порту погрузки» (см. ст. 134 Кодекса торгового мореплавания СССР, см. также ч. 1 ст. 130 Кодекса торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ). Значительна роль обычая в международном публичном и частном праве (см. например: Даниленко Г. М. Обычай в современном международном праве. М., 1988).

Примыкают к обычаям так называемые *деловые обыкновения* — негласные правила поведения, сложившиеся на основе постоянного и единообразного их применения в практической деятельности государственных органов, коммерческих и некоммерческих негосударственных организаций, закрепляющие прежде всего определенный порядок ведения дел. Они в большинстве случаев также имеют локальный характер, т.е. распространяются на одну или несколько организаций, либо только на определенный род деятельности. Четкого отграничения обыкновений от обычаев провести не удается, тем более что в законодательстве эти понятия не различаются, а в отдельных странах используются как взаимозаменяемые. Иногда в литературе приведенные выше примеры из гражданского и морского права служат подтверждением существования именно деловых обыкновений, поскольку здесь соблюдение определенных правил диктуется не какими-либо традициями или национальными особенностями, а прежде всего хозяйственной

и административной целесообразностью. Иногда деловые обыкновения называют современными обычаями, которым несколько лет или десятилетий.

Не следует спешить с принятыми в теории государства и права однозначными выводами относительно крайне ограниченной сферы применения правовых обычаев в качестве источников права. Как отмечается в изданиях последних лет, в современной правовой науке отсутствует единое понимание обычая как источника права; к тому же этот вопрос никогда не изучался должным образом (см.: Теория права и государства: Учеб. / Под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 171).

Религиозные догмы как источник права

Источником права в отдельных странах выступают и своды религиозных правил, юридическая сила которых может превосходить силу официальных документов, издаваемых государственными органами. Во всех рабовладельческих и феодальных государствах роль религии была велика, она оказывала существенное влияние на право той или иной страны. В настоящее время в этом аспекте говорится прежде всего о шариате — своде норм мусульманского права.

Юридическая наука как источник права

Юридическая наука призвана вырабатывать способы установления и реализации права, давать систематические, глубокие знания о всей юридической действительности. Известно огромное значение научных знаний прежде всего для деятельности по созданию правовых норм. Однако история государства и права свидетельствует о том, что на определенных этапах развития общества юридическая наука выступала даже в качестве официального источника права.

В Древнем Риме во время существования республики аргументы из сочинений юристов часто фигурировали в судах. В период принципата уже с правления Августа выдающиеся юристы получили специальное право (привилегию) давать официальные консультации по поручению императора (jus publice respondendi). Ответы таких привилегированных юристов, представляющие собой разъяснения и толкования действующих правовых норм, пользовались большим авторитетом и постепенно стали обязательными для судей и других должностных лиц. В III в. на отдельные положения юристов-классиков ссылались как на текст закона, а в 426 г. императором Валентинианом III был издан закон «о цитировании юристов», признававший обязательное значение за сочинениями Папиниана, Павла, Ульпиана, Гая, Модестина (и тех юристов, сочи-

нения которых приводятся этими авторами). При различии мнений этих юристов предписывалось придерживаться мнения, за которое высказалось большинство, а при равенстве голосов отдавалось предпочтение мнению Папиниана.

И в Средние века трактаты известных юристов, толковавших нормы права, выступали в качестве источников права. Так, к примеру, в XIV—XV вв., когда в западноевропейской юриспруденции господствовала школа комментаторов, труды одного из корифеев этой школы — Бартола — в Испании и Португалии считались для судов обязательными.

В XIX—XX вв. значение юридической науки как формального, официального источника права падает, но ее роль как неформального источника права и для совершенствования государственно-правовых институтов возрастает. В некоторых странах при вынесении судебных решений можно до сих пор встретить ссылки на труды известных юристов, но эти ссылки приводятся в качестве дополнительной аргументации, а не обязательного источника права.

Различная юридическая действительность государств, относящихся к романо-германской, англо-американской правовым семьям или к семье религиозно-традиционного права, обусловливает и разное положение науки. Так, в мусульманском праве труды ученых-юристов до сих пор являются официальными источниками права. «Мусульманское право представляет собой замечательный пример права юристов. Оно было создано и развивалось частными специалистами. Правовая наука, а не государство играет роль законодателя: учебники имеют силу закона. При рассмотрении дела судья никогда не обращается к Корану или сунне — преданиям о пророке. Вместо этого он ссылается на автора, авторитет которого общепризнан» (Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993. С. 114; см. также: Сюкияйнен Л. Р. Доктрина как источник мусульманского права // Источники права. М., 1985. С. 65—83).

Интересны суждения известного французского компаративиста Р. Давида относительно значения науки как источника права в романо-германской и англо-американской правовых семьях.

«В течение длительного времени доктрина была основным источником права в романо-германской правовой семье: именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII—XIX вв. основные принципы права... Можно установить подлинное значение доктрины вопреки часто встречающимся упрощенческим формулам, согласно которым она не является источником права... Сегодня все более и более стремятся признать независимый характер процесса толкования, которое перестало отыскивать исключительно грамматический и логиче-

ский смысл терминов закона или намерения законодателя. Для тех, кто считается с реальностью и имеет более широкий и, с нашей точки зрения, более правильный взгляд на право, доктрина в наши дни, так же как и в прошлом, составляет очень важный и весьма жизненный источник права... Важна роль доктрины в установлении тех методов, с помощью которых открывают право и толкуют законы... Признание важной роли законодателя не должно вести нас к тому, чтобы закрывать глаза на реальные отношения между ним и доктриной и утверждать диктатуру закона. В действительности все гораздо более сложно. Доктрина влияет на законодателя: здесь она является лишь косвенным источником права. Но доктрина играет также роль в применении закона. И было бы трудно, не искажая действительности, отрицать за ней в этой сфере качество источника права» (Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 142—143).

«Значение доктрины недооценивается в Англии еще больше, чем на континенте, так как английское право меньше, чем на континенте, обязано ученым, а больше — судьям. Однако и здесь следует остерегаться окончательных формулировок. Англия — страна, где некоторые доктринальные труды, написанные, правда, судьями, получили квалификацию авторитетных книг (books of authority); произведения Глэнвилла, Литлтона, Кока имеют огромный престиж. Их изложение права своей эпохи имело в судах авторитет, равный авторитету закона во Франции» (Давид Р. Указ. соч. М., 1988. С. 332).

В России до 1917 г. в решениях различных судебных инстанций иногда можно проследить использование научной аргументации, однако оно носило несистематический, случайный характер.

В Российской Федерации юридическая наука не является официальным источником права, однако все, что было сказано относительно значения доктрины для деятельности по реализации правовых норм в романо-германской правовой семье, представляется возможным отнести и к нашей стране. В связи с этим интересен пример, приведенный в учебнике А. Б. Венгерова. «Историческое появление социалистической государственной собственности поставило перед учеными-юристами задачу разграничить правомочия государства и организаций, предприятий — реальных пользователей, владельцев государственными средствами производства, другим имуществом. Эту задачу своеобразно решил А. В. Венедиктов, создав конструкцию так называемого «оперативного хозяйственного управления», которое и осуществляет социалистическое предприятие. В эту конструкцию вошли правомочия пользования и владения, а правомочие распоряжения осталось за государством в лице его органов и должностных лиц. Конструкция оперативного хозяйственного управления получила признание и закрепление в праве. Она развилась в конструкцию «право хозяйственного ведения», право полного хозяйственного ведения» (Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права. Т. 1. С. 137—138).

Принципы права как источник права

В правоприменительной практике иногда возникают ситуации, когда необходимо юридическое решение проблемы, но при этом соответствующие нормы права, на которых было бы основано данное решение, нельзя обнаружить ни в одном из рассмотренных выше источников права. Тогда дело может быть разрешено на основе принципов права — общих начал права, отражающих его подчинение «велениям справедливости в том виде, как последняя понимается в определенную эпоху и определенный момент» (Давид Р. Указ. соч. С. 145, 329).

Признание и рассмотрение принципов права в теме «Источники права» не характерно для отечественной теоретической науки, однако в отдельных учебных изданиях это упущение исправляется (прежде всего см.: Теория права и государства: Учеб. / Под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 171—177; см. также: Общая теория права: Учеб. / Под ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 167).

Принципы права могут находить выражение в законодательстве (см., например, закрепление на конституционном уровне основных прав, свобод и обязанностей граждан, основ общественного и государственного строя; см. также ч. 2 ст. 6 ГК РФ, ст. 5 СК РФ. В ГК РФ содержится указание на общие начала и смысл гражданского законодательства, на требования добросовестности, разумности и справедливости, в СК РФ — на общие начала и принципы семейного или гражданского права, принципы гуманности, разумности и справедливости). Однако в этом случае не вполне правомерно указывать на нормативный акт как на источник права, не признавая данное качество за принципами права. Последние не поглощаются нормативными актами. Впрочем, в литературе отмечается различное понимание принципов права, равно как и невозможность дать их четкий перечень. В последнее время некоторые авторы говорят о том, что принципы права начинают приобретать универсальное значение и рассматриваться как своего рода «высшее право», особенно в области обеспечения прав человека.

Здесь же, наряду с доктриной и принципами права (или вместо них), возможно говорить еще об одном источнике права, который иногда указывают в качестве самостоятельного, — о правосознании (см., например: Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Курс лекций. СПб., 1995. С. 146). Правосознание выступает юридической основой судебной и административной практики в революционные эпохи, когда отмененное законодательство ликвидированного строя еще не заменено новым. Такая ситуация сложилась после 1917 г. в России, где суды и административные органы

руководствовались преимущественно «революционным правосознанием».

Проблема значения принципов права и правосознания в качестве источников права нуждается в дополнительных исследованиях. В этом плане заслуживает внимания следующая работа: Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12—19.

Решения конституционного суда как источник права

С того времени, когда в России и в ряде других республик бывшего СССР начали создаваться конституционные суды, начались дискуссии о характере принимаемых им актов. Комлексно вопросы сформулировал, например, Л. В. Лазарев: то ли акты конституционного правосудия являются нормативными актами, то ли это судебные прецеденты, то ли просто правовые констатации, то ли решения преюдициального плана (см.: Лазарев Л. В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 4). С разными вариациями и в разных ракурсах эти вопросы обсуждались Г. А. Гаджиевым, Н. В. Витруком, В. А. Кряжковым, В. А. Тумановым и др.

Часто все эти вопросы ставят в свете рассмотренной нами более общей проблемы — роли и значения судебной практики. Однако все же следует обособить решения конституционного суда. И если с чем их и можно объединять, то только с решениями судов общей юрисдикции по рассмотрению в порядке особой главы гражданско-процессуального кодекса дел по жалобам на законность нормативных актов. Функция судов по оценке нормативных актов является новой. Она вообще, по-видимому, не является бесспорной (говорят ведь уже о том, что суд не ограничивается выявлением законодательной воли, а должен ее оценивать, должен отказываться от применения закона при определенных условиях), поскольку возникают вопросы по разделению властей в государстве. Но она есть, и с этим нельзя не считаться. О месте и роли подобных судебных актов приходится говорить.

Рассмотрение любой научной проблемы требует того, чтобы условиться о понятиях. Многие обозначения вообще носят конвенциональный характер и потому, чтобы не создавать излишних поводов для дискуссий, изначально оговоримся о следующем.

1. Под решениями конституционного суда имеются в виду постановления и определения конституционного суда. Вместе с тем следует сразу заметить, что те и другие различаются между собой, в том числе и по параметрам качеств источника права. Поэтому предметное исследование требует дифференцированного подхода к тем и другим.

2. Под правом в данном случае понимается любое нормативное руководство для субъекта правовых отношений, которое носит официальный характер, т.е. прямо или косвенно пользуется в данном обществе официальной защитой со стороны государства в качестве обязательного.

3. Источником права в таком случае объявляется форма выражения названного руководства.

Как бы ни понимать источники права, его признаки придется экстраполировать на решения конституционного суда. Только одно несомненно: применительно к решениям конституционного суда нельзя использовать те признаки, которые используют в указании на экономику или политику, как источник права конституционный суд не устанавливает какие-либо фактические обстоятельства, тем более экономического характера. Решения конституционного суда деполитизированы. К тому же неуместно их ставить в один ряд с экономикой и политикой в качестве правоформирующего фактора. Вместе с тем кельзеновская позиция (черпать право из самого права) могла бы быть использована в данном случае в подобной плоскости.

Решения конституционного суда представляют собой полноценные источники права в том смысле, что они:

- акты федерального органа власти;
- в большинстве своем носят нормативный характер;
- принимается в строго установленном порядке;
- по формулированию правовых положений приближаются к законодательным текстам, хотя и имеют особенности в плане законодательной техники;
- содержат целый набор внешних атрибутов;
- являются официально публикуемыми текстами;
- всегда обязательны для своих адресатов;
- действуют непосредственно;
- окончательны;
- влекут утрату юридической силы правовых норм;
- адресатами их является в большинстве случаев относительно неопределенный круг лиц (физических, должностных, юридических);
- участники правовых отношений всегда вынуждены руководствоваться решениями конституционного суда;
- государство обеспечивает обязательность решений конституционного суда не только соответствующими нормативными актами, но и соответствующими организационно-принудительными мерами.

Здесь приведены отличительные особенности источника права, как бы сориентированные на позитивистский подход к праву и на уподобление актов конституционного суда нормативным правовым актам. По сути, так оно и есть. От схожести или подобия тех и других не уйти. Есть, однако, и иной ракурс. Теперь все чаще обращают внимание на такой источник права, как доктрина. На Западе, оказывается, он вновь получает свою силу. Так вот акты конституционного суда более всего приближаются по своему содержанию к доктрине. По содержанию! Правовые позиции, выраженные в решении конституционного суда вместе, или лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей, — это во многом напоминает доктрину в самом прямом смысле этого слова.

Следовало бы также уподобить решения конституционного суда коллективному праву юристов. Если бы особые мнения судей принимались в качестве обязательного руководства к действию, то мы могли бы вспомнить об Ульпиане, о других римских юристах, чьи позиции являлись настоящим источником права. В Российской Федерации такого пока нет. Но если доктрина в чистом виде получит свои права (предположим на одну минуту, что и здесь мы поспешим вслед за европейским правом), то особые мнения членов конституционного суда будут первыми претендентами на эту роль.

В учебниках уже нередко можно встретить указания на обыкновения как источник права. Поскольку конституционное правосудие в Российской Федерации только складывается и отнюдь не все вопросы получили разрешение в соответствующем конституционном законе и регламенте конституционного суда, то довольно часто, в особенности в решении процессуальных вопросов, складываются своего рода *обыкновения*, которые приобретают значение своеобразных источников права. Таким образом, и в этом отношении не исключены своего рода уподобления при анализе решений конституционного суда в качестве источника права.

Не подлежит никакому сомнению и то обстоятельство, что по прошествии какого-то времени, по прошествии веков к актам конституционного суда будут обращаться как к источникам права в том смысле, в каком мы обращаемся к историческим актам такого рода. По ним будут изучать право определенного государства. И в этом смысле это источник знаний о праве.

Еще один общего характера вопрос возникает, когда мы опускаемся с высот общей теории права к отраслям. А какого права? Конституционного? Не слишком ли это сильно? Конституцию РФ принимал народ, и вдруг Конституционный Суд РФ, даже не законодатель, не парламент, а суд творит конституционное право?

Вопрос архисложный, поскольку упирается в решение ряда иных не менее сложных проблем. Однако, если признать за решениями конституционного суда качество источника права, придется, по-видимому, положительно ответить и на вопрос развития им конституционного права. В качестве бесспорного примера установления Конституционным Судом РФ новой нормы права, причем явно конституционной нормы, следует сослаться на Постановление от 31 октября 1995 г. № 12-П по делу о толковании ст. 136 Конституции РФ, когда введет новый вид федеральных законов — законы о поправках Конституции.

Но не только конституционное, но и другие отрасли права могут интегрировать соответствующие решения в свое лоно. Так, масса решений была принята Конституционным Судом РФ по вопросам уголовно-процессуального права. До принятия нового УПК РФ они являлись единственными общеобязательными руководствами для судов и других органов и должностных лиц. Ими, конечно же, руководствовались граждане. Именно они чаще всего и были инициаторами рассмотрения соответствующих дел. В качестве примера можно сослаться на постановления Конституционного Суда РФ, которыми отвергается право суда возбуждать уголовное дело, признается право потерпевшего участвовать в дебатах во второй судебной инстанции, право участников судебного разбирательства лично участвовать при рассмотрении дела в надзорной инстанции и др.

В ответе на вопрос, какое право содержится в решениях конституционного суда, не следует забывать о делении права на материальное и процессуальное. Конституционный Суд РФ, например, больше связан, ограничен в принятии актов, содержащих нормы материального права, нежели процессуального. Такой вывод требует подтверждения социологическими (статистическими) данными, но этот вывод имеет больше шансов в теоретическом доказывании. За законодателя конституционный суд не может работать. А для «себя» он создает массу решений, имеющих общее значение для всех, кто обращается в конституционный суд. Вопрос этот нуждается в дополнительном изучении. Для нашей правовой системы, как известно, приоритет имеет материальное право, а процессуальные нормы его обслуживают и имеют как бы вторичное значение. В Англии — наоборот, не имеет большого значения норма материального права — если установлены развернутые процессуальные нормы, будет найдено нормальное решение вопроса по существу. С определенной точки зрения такое правило действует по отношению к деятельности конституционного суда, поскольку невозможно предусмотреть возможные обращения в конституционный

суд, дать ответы (решения) на возможные ситуации, явившиеся поводом и основанием для обращения в конституционный суд.

Не все акты конституционного суда являются нормативными. Есть сугубо правоприменительные решения. Среди актов конституционного суда как нормативного, так и индивидуального характера есть акты внешнего действия и акты внутреннего пользования. По-видимому, можно говорить о своего рода локальном праве, формулируемом судом. Отдельные нормы регламента конституционного суда будут претендовать именно на роль локальных.

Оценивая решения конституционного суда в качестве источника права, следует проанализировать структуру его решений. Напрашивается вывод, что акт в целом является источником права. В то же время разное значение имеет мотивировочная часть, в которой содержатся позиции конституционного суда, и часть резолютивная, в которой формулируется итоговое решение. В определенном отношении правовые позиции приобретают самостоятельное значение, как бы отрываясь от резолютивной части. Г. А. Гаджиев прямо требует различать постановление конституционного суда и его правовую позицию. Он ссылается на английскую доктрину, которая признает обязательным для других судов не все решение суда, а лишь часть его — racio decidendi — решающий довод, решающий аргумент, который и образует правовую норму, заключенную в решении суда (см.: Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. С. 111). На этой основе он приходит к выводу, что правовые позиции конституционного суда ближе всего находятся к racio decidendi, и в силу этого именно правовые позиции конституционного суда следует считать источником права (см.: Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28). С. 82). Автор приравнивает, а точнее, даже отожествляет правовую позицию с принципом права и именно в этом качестве признает ее источником права.

Существует уже литература о *правовых позициях*. Однако определение (в полном смысле этого слова) дает только Н. В. Витрук. «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, — пишет он, — есть правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции Российской Федерации и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции, которые снимают неопределенность в конкретных конституционно-право-

вых ситуациях и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда» (Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28). С. 95).

Приведенное определение диссонирует с выводом об отнесении решений конституционного суда к числу источников права. Почему? Во-первых, оно связывает характер позиций лишь с толкованием (интерпретацией) соответствующих актов и, следовательно, ничего нового позиции эти к интерпретируемым актам не прибавляют. Последние и остаются источниками права. Во-вторых, они снимают неопределенность для данной ситуации и только для итоговых решений самого Конституционного Суда служат правовым основанием.

Но, как бы вразрез с данным определением, автор рассматривает правовые позиции в качестве источника конституционного и иных отраслей права (законодательства). Более того, правовые позиции приобретают у него характер конституционно-правовых норм и по юридической силе приравниваются к юридической силе самой конституции (см.: Там же. С. 96).

Решение конституционного суда уже и потому может признаваться источником права, что оно имеет преюдициальное значение. Но этот вопрос нуждается в специальном изложении. При положительном ответе на вопрос, являются ли решения конституционного суда источником права, возникают вопросы соотношения данного источника с законодательными актами, вопросы разделения властей, вопросы обязательности решений конституционного суда для законодателя. В разных правовых системах они решаются по-разному.

Рассмотрев каждый источник права в отдельности, сделаем некоторые общие выводы. Как правило, признается многообразие источников права. Значение каждого источника права зависит от особенностей правовой системы (романо-германская правовая семья, англо-американская правовая семья, семья религиозно-традиционного права), этапа ее исторического развития, наконец, от особенностей регулируемых правом общественных отношений. В каждой правовой семье соотношение источников права различно (что было показано в предыдущей главе), причем в процессе развития это соотношение не оставалось неизменным. Кроме того, в каждой отрасли права (в международном, конституционном, гражданском, уголовном и т.д. праве) складывается своя концепция источников права.

Различные направления в научном правоведении также предлагали свое понимание источников права. Юридический позитивизм основным (а в некоторых вариантах — и единственным) источником права считал нормативные акты. Историческая школа права на первый план выдвигала обычаи. Социологическая юриспруденция также подчеркивала значение обычного права, но вместе с тем — и судебной практики. Различные психологические концепции среди источников права ведущую роль отводят правосознанию лиц, реализующих право, принципам права. Соответствующие взгляды проникали в законодательство и в юридическую практику в период господства или усиления позиций той или иной научной школы.

Для определения значения того или иного источника права принципиальную роль играет его официальное признание государством. Для романо-германской правовой семьи (и, соответственно, для отечественной правовой системы) представляется возможным по этому поводу отметить следующее:

- нормативные акты всегда официально признаны государством в качестве источников права и обязательны к исполнению;
- другие источники права могут быть или не быть официально признаны государством; в первом случае они также обязательны к исполнению;
- если они официально не признаны государством, в некоторых случаях все же проявляется их реальное действие.

Таким образом, право содержится не только в нормативных актах, но и в других источниках права. В подтверждение предложенного вывода можно привести следующую мысль, взятую из статьи современного немецкого ученого. «Законодательство является лишь малой частью трудового права промышленно развитых стран. Нормы, определяющие отношения между работодателем и наемным работником, по большей части не находят отражения в кодифицированном праве. Повсюду в западных странах огромное значение придается судебной практике. Наряду с этим многие чрезвычайно важные вопросы регулируются коллективными договорами, часто выходящими за рамки норм, предусмотренных в законодательных актах» (Дойблер В. Тенденции развития трудового права в промышленно развитых странах // Государство и право. 1995. № 2. С. 103).

В современной учебной литературе по теории государства и права также преодолеваются прежние односторонние подходы, говорится о реальном значении в современных условиях в качестве источников права и судебного прецедента, и обычая, и юридической науки, и принципов права (см., например: Теория права и государства: Учеб. /

Под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 149—177; Общая теория права: Учеб. / Под ред. А. С. Пиголкина. С. 167; Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Курс лекций. С. 143—144; Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права. Т. 1. С. 130—139).

Обзор специальной литературы по теме

См. обзор литературы к предыдущей теме, проблемам источников права всегда уделялось много внимания при характеристике правовых семей, в изданиях по зарубежному праву.

Об ***источниках права*** см.:

Абдуллин А. И. Право Европейских Сообществ: к вопросу о классификации источников // Правоведение. 2001. № 4. С. 177—179.

Александров Н. Г. Понятие источника права // Ученые труды ВИЮН. 1946. Вып. VIII.

Анишина В. И. Решения российских судов в системе праворегулирования: некоторые проблемы теории и практики // Государство и право. 2007. № 7. С. 57—63.

Богдановская И. Ю. Закон в английском праве. М., 1987.

Бошно С. В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 82—92.

Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (Опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4. С. 72—78.

Бошно С. В. Соотношение понятий форма и источник права // Юрист. 2001. № 10. С. 15—23.

Бошно С. В. Формы российского права: Монография. М., 2004. 319 с.

Василевич Г. А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина. Минск, 2005. 136 с.

Вильданова М. М. Французская буржуазная доктрина о формах права // Проблемы совершенствования советского законодательства. 1987. № 38.

Вопленко Н. Н. Источники и формы права: Учеб. пособие. Волгоград, 2004.

Всероссийская научная конференция «Источники (формы) права: вопросы теории и истории» // Правоведение. 2002. № 4. С. 207—212.

Голландская правовая культура / Отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998. 592 с. (рецензия: Дашков Г. В. Малая энциклопедия современного голландского права для россиян // Правоведение. 1999. № 2. С. 255—257).

Денисов С. А. Влияние обособленных управленческих групп на форму позитивного права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1(5). С. 79—97.

Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. 240 с.

Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960.

Иванюк О. А. Источник права: проблема определения // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 142—150.

Исаев И. А. Понятия «законность» и «целесообразность» в советской правовой науке 20-х годов // Советское государство и право. 1985. № 10. С. 98—104.

Исаев И. А. Проблема правовой формы в советской юридической науке 20-х годов // Правоведение. 1983. № 2. С. 18—26.

Исаев И. А. Революционная психология и революционная законность (российский опыт 1917 г.) // Государство и право. 1995. № 11. С. 144—149.

Истоки и источники права: Очерки / Под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 810 с.

Источники права. Вып. 22. Тольятти, 2003. 229 с.

Источники права: проблемы теории и практики: Материалы конференции 22—25 мая 2007 г. / Отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2008. 376 с.

Источники российского права: вопросы теории и истории: Учеб. пособие / Гуценко К. Ф., Крусс В. И., Кузнецова Н. Ф. и др. М.: Норма, 2005. 335 с.

Калинин А. Ю., Комаров С. А. Форма (источник) права как категория в теории государства и права // Правоведение. 2000. № 6. С. 3—10.

Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического ф-та. Кн. 2. 1946.

Кононов А. А. Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам // Государство и право. 2001. № 3. С. 82—86.

Липень С. В. Проблема соотношения источников права в конкурирующих правовых теориях начала XX века // Истоки и источники права: Очерки / Под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 406—444.

Лопатина С. Н. Правовой акт органа или должностного лица местного самоуправления как источник права: общетеоретический аспект // Правоведение. 2000. № 2. С. 41—51.

Лузин В. В. Место и роль конституционных соглашений в системе источников права Англии // Правоведение. 1999. № 2. С. 103—106.

Лукашук И. И. О применении международного права судами России // Государство и право. 1994. № 2. С. 106—115.

Малахов В. П. Право Европейского союза: проблема источников: Монография. М., 2003. 192 с.

Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12—19.

Марченко М. Н. Источники права: Учеб. пособие. М., 2005. 760 с. (рецензии: А. С. Бондарев, Д. Н. Круглов, В. П. Реутов // Правоведение. 2005. № 2. С. 225—227; Матузов Н. И., Колесников Е. В., Пряхина Т. М. // Государство и право. 2005. № 10. С. 121—122); То же. М., 2006. 760 с.).

Муромцев Г. И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. 1992. № 2.

Муромцев Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиций: Учеб. пособие. М., 1987.

Прохорова Е. А. Сравнительно-правовой анализ источников уголовно-процессуального права России и США // Государство и право. 2007. № 5. С. 109—113.

Пяткина С. А. О теории источников права в английской юриспруденции // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 19. 1969.

Разумович Н. Н. Источники и форма права // Советское государство и право. 1988. № 3.

Родионова О. М. Развитие научных представлений об источниках права: На примере источников гражданского права // Правоведение. 2005. № 3. С. 130—143.

Сивков А. Л. Альтернативные источники парламентских процедур (практика, обычай, прецедент, толкование регламента) // Государство и право. 2004. № 11. С. 82—84.

Скрипилев Е. А. Роль источников права в исследовании источников русского права // История права: Англия и Россия. М., 1990. С. 66—84.

Сюкияйнен Л. Р. Доктрина как источник мусульманского права // Источники права. М., 1985. С. 65—83.

Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. М., 1986.

Тихомиров Ю. А. Международно-правовые акты: природа и способы влияния //Журнал российского права. 2002. № 1. С. 101—110.

Тихомиров Ю. А. Право официальное и неформальное // Журнал российского права. 2005. № 5.

Толстик В. А. Иерархия источников российского права: Монография. Н. Новгород, 2002. 215 с.

Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. 216 с.

Определенный теоретический интерес представляют и идеи, содержащиеся в ***отраслевых исследованиях источников права***, см., например:

Ануфриева Л. П. Об источниках международного частного права (некоторые вопросы теории) // Московский журнал международного права. 1994. № 4.

Боннер А. Т. Источники советского гражданского процессуального права. М., 1977.

Быстров Г. Е. Источники советского сельскохозяйственного права. М., 1985.

Вильнянский С. И. Источники гражданского права. М., 1949.

Иванов С. А. Трудовое право переходного периода: новые источники // Государство и право. 1996. № 1. С. 43—52.

Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: Учеб. пособие / Д. Х. Валеев и др. М., 2001. 379 с.

Колесников Е. В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. 196 с. (рецензия: Иванников И. А., Овсепян Ж. И. // Правоведение. 1999. № 2. С. 250—251).

Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. 348 с.

Малков С. П. Источники космического права: Учеб. пособие. СПб., 2002. 362 с.

Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М., 1959.

Попондопуло В. Ф. Понятие и источники международного коммерческого права // Правоведение. 2003. № 5. С. 100—117.

Фархетдинов Я. Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. Казань, 2001. 364 с.

Яковлева Л. В. Источники уголовно-процессуального права. Краснодар, 2002. 114 с.

Литература о разновидностях, содержании, значении ***нормативных правовых актов*** (общие работы, см. обзор литературы к теме 13 «Правотворчество. Систематизация законодательства», во многих исследованиях, посвященных созданию, систематизации нормативных правовых актов, совершенствованию законодательства находят отражение и проблемы данной темы — значения, содержания, качества, типологии нормативных правовых актов).

Бошно С. В. Развитие признаков нормативного правового акта в современной правотворческой практике // Журнал российского права. 2004. № 2.

Бошно С. В. Нормативные правовые акты Российской Федерации. М., 2005. 126 с.

Васильев Р. Ф. О понятии правового акта // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 5. С. 5—25.

Иванов С. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта Российской Федерации. М., 2002. 183 с. (рецензия: Пиголкин А. С. // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 156—158).

Иванов С. А. Формальное закрепление юридической силы нормативных актов // Государство и право. 2007. № 12. С. 92—97.

Исаков Н. В., Малько А. В., Шопина О. В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования // Правоведение. 2002. № 3. С. 16—28.

Конституция и закон: стабильность и динамизм / В. А. Туманов и др. М., 1998.

Конституция, закон, подзаконный акт / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 1994. 136 с.

Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. 348 с.

Мицайков М. Иерархия в праве // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 6. С. 53—71.

Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления в СССР. М., 1967. 175 с.

Окушева Р. Т. Теория и практика классификации нормативных правовых актов в Республике Казахстан (некоторые вопросы) // Государство и право. 1999. № 8. С. 89—97.

Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. 205 с.

Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987.

Потапов М. Г. Система норм права и система нормативных правовых актов субъекта Федерации // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 59—73.

Сильченко Н. В. Количественное соотношение между видами актов и проблемы теории закона // Советское государство и право. 1988. № 2.

Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В. Правовые акты: Учебно-практ. и справ. пособие. М., 1999.

Шопина О. В. Понятие, признаки и системные связи правовых актов // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 27—38.

Об ***основном законе — Конституции*** см.:

Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. 512 с., То же. 2-е изд. М., 2000. 528 с.

Аронов Д. В., Садков В. Г. Либеральные проекты основного закона России: историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели: Монография. Орел, М.: Юристъ, 2005. 347 с.

Ершов В. В. Теоретические и практические проблемы прямого применения Конституции Российской Федерации // Российское правосудие. 2007. № 7. С. 12—24.

Кашкин С. Ю. Переосмысление сущности конституции и основные тенденции развития права Европейского Союза // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 44—52.

Конституция как символ эпохи. В 2 т. / Под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2004. 527, 375 с.

Кудрявцев В. Н., Кузнецова Н. Ф., Комиссаров В. С., Лунеев В. В. Конституция — это закон и для Государственной Думы // Государство и право. 2007. № 5. С. 13—16.

Лучин В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М., 2002. 687 с. (рецензия: Тихомиров Ю. А. // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 159—160).

Мазуров А. В. Конституция и общественная практика: Монография. М., 2004. 367 с.

Петрова А.В. Функции Конституции России // Закон и право. 2003. № 6.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005. (рецензия: Кабышев В. Т., Колесников Е. В., Мамонов В. В., Пряхина Т. М. Достойный вклад в исследование теории конституции // Журнал российского права. 2005. № 7); То же. М., 2007. 320 с.

Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М., 2002. 158 с.

Шульженко Ю. Л. Самоохрана Конституции Российской Федерации. М., 1997. 62 с.

Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Первый выпуск. (№ 12). С. 3—11.

О значении ***актов референдума*** см.:

Васильев В. И. Прямая демократия: опыт Калифорнии // Государство и право. 1994. № 1. С. 116—124.

Дмитриев Ю. А., Комарова В. В. Референдум в системе народовластия. М., 1995. 323 с.

Морозова Л. А. Конференция по вопросам подготовки и проведения референдумов // Государство и право. 1993. № 4. С. 151—157.

Мурашин А. Г. Прямое правотворчество. Особенности принятия актов прямого народовластия // Государство и право. 2001. № 2. С. 85—93.

Специальные работы о ***законах*** как об актах высших представительных органов:

Богдановская И. Ю. Закон в английском праве. М., 1987.

Драма российского закона / Отв. ред. В. П. Казимирчук. М., 1996. 144 с.

Завадская Л. Н. Концепция закона: отрицание отрицания // Теория права: новые идеи. Вып. 3. М., 1993. С. 4—12.

Закон в переходный период: опыт современной России («круглый стол» журнала) // Государство и право. 1995. № 10. С. 28—61.

Конфликт закона и правовая реформа («круглый стол» в ИГП РАН) // Государство и право. 1997. № 12. С. 5—26.

Лившиц Р. З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 18—26.

Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М., 1988.

Поленина С. В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства // Теория права: новые идеи. Вып. 3. М., 1993. С. 13—22.

Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.

Сильченко Н. В. Закон: проблемы этимологии, социологии и логики / Под ред. С. Ф. Сокола. Минск, 1993. 119 с.

Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. 257 с.

Исследования ***нормативных правовых актов Президента***, см.:

Иванов С. А. Федеральный закон и нормативный указ Президента России: проблемы взаимоотношений и пути их совершенствования // Государство и право. 2003. № 2. С. 101—103.

Лукьянова Е. А. Указное право как российский политический феномен // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 55—67.

Лучин В. О. «Указное право» в России. М., 1996.

Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента РФ: основные социальные и правовые характеристики. М., 2000. 303 с. (рецензии: Пиголкин А. С., Кашанина Т. В. Об указах Президента РФ с социальных и правовых позиций // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 179—181; Матузов Н. И. // Правоведение. 2000. № 4. С. 246—261).

Селезнев Г. Н. Вся власть — закону! (Законодательство и традиции указного права в России). М., 1997.

Исследования ***подзаконных нормативных правовых актов***, см.:

Антонова Н. А. Органы местного самоуправления: нормативные правовые акты. М., 2006. 255 с.

Баранов В. М., Леонтенков А. В. Муниципальные правовые акты в системе источников российского права: Монография. Н. Новгород, 2006. 424 с.

Бошно С. В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журнал российского права. 2004. № 12.

Васильев Р. Ф. Акты управления (значение, проблема исследований). М., 1987.

Жевакин С. Н. Ведомственные нормативные акты Российской Федерации: Краткий аналитический обзор // Государство и право. 1996. № 11. С. 98—104.

Иванов С. А. О соотношении федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации: Монография. М., 2003. 119 с.

Иванов С. А. Основные аспекты соотношения закона и подзаконного нормативного правового акта // Государство и право. 2004. № 8. С. 23—29.

Иванов С. А. Система нормативных правовых актов МВД России: Учеб. пособие. М., 2001. 46 с.

Котелевская И. В. Закон и ведомственный акт // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 33—38.

Лагун Д. А. Акты исполнительной власти, имеющие силу закона: сравнительно-правовой анализ // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 17 / Редколл.: В. Н. Бибило и др. Минск, БГУ. 2006. С. 3—21.

Хныкин Г. В. Локальные нормативные акты трудового права. Иваново, 2004. 256 с.

Черников В. В. Нормативные акты органов внутренних дел в системе правовых актов управления. М., 1996.

Яценко В. Н. Закон и подзаконный нормативный правовой акт: соотношение понятий // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 89—96.

Специальные исследования о ***судебном прецеденте*** как источнике права (см. также обзоры литературы к темам 17 и 18 — все работы, касающиеся проблем судебной практики, в частности, юридической природы постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а ранее — Пленума Верховного Суда СССР):

Алексеева Л. Судебный прецедент: произвол или источник права? // Советская юстиция. 1991. № 14. С. 2—3.

Анишина В. И. Правовая природа актов судебного правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 124—133.

Бахрах Д. Н., Бурков А. Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. 2004. № 2.

Белов А. Правотворческая деятельность судов: право и судебная практика в России и за рубежом // Право и экономика. 2000. № 7.

Богдановская И. Ю. Концепции судейского нормотворчества в «общем праве» // Проблемы буржуазной государственности и политико-правовая идеология. М., 1990. С. 71—83.

Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М., 1993. 239 с.

Богдановская И. Ю. Судебный прецедент — источник права? // Государство и право. 2002. № 12. С. 5—10.

Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты: Монография. М., 2004. 341 с.

Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском Суде по правам человека // Государство и право. 2001. № 12. С. 5—17.

Власова Т. В. Прецедентное право Англии: Монография. Архангельск, 2004. 85 с.

Гук П. А. Судебный прецедент как источник права / Под ред. Н. И. Матузова. Пенза, 2003. 176 с.

Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (Историко-правовое исследование): Монография. М.: РУДН, 2007. 267 с. (рецензия: Мурадьян Э. М. // Государство и право. 2008. № 3. С. 124).

Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. 176 с.

Исаев М. М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 5. М., 1947. С. 75—88.

Качановский Ю. В. Судебный прецедент как источник права // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 148—155.

Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985.

Кучин М. В. Судебный прецедент как источник права (дискуссионные вопросы) // Российский юридический журнал. 1999. № 4.

Кучин М. В. Нормотворческая деятельность судебных органов Российской Федерации и судебный прецедент // Право и политика. 2000. № 5.

Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6.

Максимов А. А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. 1995. № 2. С. 97—102.

Марченко М. Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Государство и право. 2006. № 8. С. 22—27.

Марченко М. Н. Разнообразие взглядов на судейское право в современной романо-германской правовой семье // Правоведение. 2007. № 3. С. 17—27.

Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2006. 510 с.; То же. М., 2007. 512 с. (рецензия: Соколов Н. Я. // Государство и право. 2007. № 10. С. 122—123).

Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. 512 с.

Марченко М. Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 11—21.

Морозова Л. А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 19—23.

Наумов А. В. О судебном прецеденте как источнике уголовного права // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994.

Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 5. С. 106—111.

Петров К. В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI—XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 78—83.

Подольская Н. А. Прецедент как источник права в романо-германской правовой семье // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 6. С. 80—88.

Смирнов Л. В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права // Журнал российского права. 2001. № 3.

Судебная практика как источник права / ИГП РАН. М., 1997. 48 с.

Судебная практика как источник права. Сб. ст. / Б. Н. Топорнин и др. М., 2000. 160 с. (рецензия: Колесников Е. В. // Правоведение. 2001. № 5. С. 275—278; Боннер А. Т., Ястржембский И. А. // Государство и право. 2001. № 9. С. 120—123, Верещагин А. Н. Широкий спектр мнений // Журнал российского права 2002. № 7. С. 161—164).

Тишкевич И. С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источниками права? // Советское государство и право. 1955. № 6.

Хомич В. М. Постановление Пленума Верховного Суда как проявление судебной власти и источник права // Суд. весн. 2003. № 3. С. 14—15.

О ***нормативном договоре*** как об источнике права см., например:

Автономов А. С., Иванов В. В. Новое в конституционном праве России: договоры как источники регулирования объединения субъектов Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 4. С. 25—31.

Ансон В. Договорное право. М., 1984. 464 с.

Василевич Г. А. Международные договоры и акты межгосударственных объединений как источники права // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2000. № 2.

Иванов В. В. Общая теория договора. М.: Юристъ, 2006. 237 с.

Корецкий А. Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре. Монография. Ростов н/Д., 2001. 228 с.

Морозов Н. Л. Договорные отношения в публично-правовой сфере // Государство и право. 2005. № 7. С. 75—81.

Тихомиров Ю. А. Договор как регулятор общественных отношений // Правоведение. 1990. № 5. С. 27—35.

Черепанов В. А. Договор в конституционном праве Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 8. С. 19—28.

Шебанова А. И. Соглашения и коллективные договоры в условиях формирования рыночных отношений // Государство и право. 1993. № 5. С. 69—80.

Специальные исследования ***правовых обычаев*** и ***обычного права*** (см. и работы по юридической антропологии в обзоре литературы к теме 1):

Homo juridicus / Институт этнологии и этнографии РАН. М., 1997. 254 с. (рецензия: Першиц А. И. // Государство и право. 1998. № 1. С. 118—120).

XI Международный конгресс «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах»: Тезисы. М., 1997.

Белкин А. А. Обычаи и обыкновения в государственном праве // Правоведение. 1998. № 1. С. 34—40.

Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002.

Воробьева С. И. Права и обычаи в развитом социалистическом обществе. Ташкент, 1982. 24 с.

Голунский С. А. Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3.

Грязнов Д. Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке. М.-Ставрополь, 2003. 208 с.

Даниленко Г. М. Обычай в современном международном праве. М., 1988. 192 с.

Думанов Х. М., Першиц А. И. К уточнению понятия «обычное право» // Государство и право. 2005. № 3. С. 77—82.

Зыкин И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. М., 1983.

Зыкин И. С. Обычай в советской правовой доктрине // Советское государство и право. 1982. № 3.

Катанчиев Т. М. Кабардинское обычное право. Его особенности. 2-е изд., доп. Нальчик, 2003. 193 с.

Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1—2. Владикавказ, 1995 (репринтное воспроизведение работы 1886 г.).

Лисица В. Н. Обычаи и обыкновения в международном инвестиционном праве // Журнал российского права. 2007. № 10. С. 71—77.

Ломакина И. Б. Обычное право: институциональный аспект (Теоретико-правовой анализ). СПб., 2005. 284 с. (рецензии: Нижник Н. С. // Правоведение. 2007. № 2. С. 242—245; Честнов И. Л. // Государство и право. 2007. № 11. С. 123—125).

Ломакина И. Б. Обычное право: историко-теоретический аспект: Монография. СПб., 2005. 74 с.

Ломакина И. Б. Обычно-правовые аспекты в генезисе права: на примере сибирских этносов // Правоведение. 2004. № 4. С. 193—203.

Ломакина И. Б., Дашин А. В. Обычное право и правовой обычай: от социальной мононормы к правовой нормативности: Монография. СПб., 2005. 144 с.

Малова О. В. Правовой обычай как источник права основных правовых систем современности: Монография. Иркурск: ИГУ, 2006. 182 с.

Мальцев Г. В., Шапсугов Д. Ю. Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999. 367 с.

Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002. 252 с.

Молчанов Б. А. Закон и обычаи в регулировании взаимодействия человека и среды его обитания // Журнал российского права. 2001. № 4.

Наумкина В. В. Особенности действия обычаев среди коренных народов Сибири: историко-правовой анализ // Государство и право. 2008. № 4. С. 97—99.

Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2002. 399 с.

Обычное право и правовой плюрализм (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму. Август, 1997 г.,

Москва) / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 1999. 251 с. (рецензия: Супатаев М. А. // Государство и право. 1999. № 12. С. 117—118).

Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / Институт этнологии и этнографии РАН. М., 1997. 396 с.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. М., 2003. 700 с. (Русское юридическое наследие).

Петров К. В. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI—XVII вв. // Государство и право. 2007. № 7. С. 80—83.

Ровный В. В. Обычай в частном праве: Научное издание. Иркутск: Иркутский университет, 2004. 76 с. (рецензии: Груздев В. В. // Правоведение. 2005. № 3. С. 244—247; Цихоцкий А. В. // Там же. С. 247—251).

Свечникова Л. Г. Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа в XIX веке. Ставрополь, 2003. 231 с.

Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98—102.

Синицина И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке: история изучения. Кодексы обычного права. М., 1978. 285 с.

Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Под ред. Ю. И. Семенова. М., 2000. 289 с.

Супатаев М. А. Обычное право в странах Восточной Африки. М., 1984.

Царегородская Е. В. Научные интерпретации правового обычая и его роль в истории права: Монография. СПб., 2006. 86 с.

Царегородская Е. В. Структура правового обычая в истории правовой мысли // Правоведение. 2007. № 1. С. 202—213.

О юридической природе ***актов органов конституционной юстиции*** (см. и обзор литературы к теме 5 «Механизм государства» — как правило, эта проблема поднимается в работах, посвященных в целом органам конституционной юстиции и конституционному процессу):

Алпатов К. А. Акты Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права России: Монография. Волгоград, 2006. 116 с.

Байтин М. И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 5—11.

Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источник права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75—85.

Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28).

Витушкин В. А. Определения Конституционного Суда РФ: особенности юридической природы: Монография. М., 2005. 143 с.

Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28).

Захаров В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: Монография. М., 2005. 243 с.

Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12.

Кажлаев С. А. О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 9.

Колесников Е. В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 2. С. 32—53.

Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006. 152 с.

Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда. М., 2006.

Митюков М. А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. 2001. № 6.

Овсепян Ж. И. Акты органов судебного (квазисудебного) конституционного контроля (На материалах Австрии, Италии, Испании, Франции, ФРГ) // Государство и право. 1994. № 4. С. 114—123.

Романова О. В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84—87.

Саликов М. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: Понятие и система // Правоведение. 2003. № 5. С. 49—59.

Малоразработанной является проблема ***судебного контроля нормативных актов***:

Яценко В. Н. Судебный контроль нормативных актов // Государство и право. 2005. № 11. С. 22—29.

О ***юридической природе решений Европейского Суда*** по правам человека см.:

Абдрашитова В. З. Прецедентный характер решений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 125—131.

Алисиевич Е. С. Автономное значение правовых понятий в практике толкования Европейским Судом положений Конвенции о защите прав человека // Государство и право. 2005. № 8. С. 77—81.

Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. 1072 с.

Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. / Предс. ред. колл. В. А. Туманов. М., 2000. 856, 808 с.

Канашевский В. А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 122—126.

Карапетян Л. М. Метаморфозы в решениях Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2005. № 7.

Косцов А. Европейский суд по правам человека. Тверь-М., 2005. 624 с.

Лазарев В. В., Мурашова Е. Н. Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 110—124.

Марченко М. Н. Юридическая природа и характер решений Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2. С. 11—19.

Мурашова Е. Н. Восприятие решений Европейского Суда по правам человека национальными правовыми системами и их реализация в деятельности органов власти национального государства // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 144—151.

Султанов А. Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 85—92.

ГЛАВА 11 Нормы права

11.1. Понятие нормы права и ее структура

Право, как его ни понимать, в своем инструментальном воздействии на общественные отношения мыслится в качестве определенных правил поведения, в виде общих норм, рассчитанных на типичное массовидное воплощение в фактической жизнедеятельности.

Норма права — особая разновидность социальных норм наряду с нормами морали, нормами каких-то отдельных (не государственных) социальных общностей. От других норм ее отличают, во-первых, всеобщий характер, своего рода обезличенность, распространение на всех участников общественных отношений, независимо от их воли и желания. Во-вторых, правовая норма, в отличие, например, от морали, призвана регулировать внешнее поведение людей, обращена к их воле и сознанию в расчете на определенный поступок. В-третьих, правовая норма отличается от других субъектом своего подтверждения в качестве таковой. Окончательно норма признается правовой только государством. До того она может существовать, может обосновываться учеными, ею могут руководствоваться сами участники общественных отношений, но пока полномочные органы государства не признали ее, не встали на ее защиту, данную норму трудно рассматривать в качестве правовой. Здесь просматривается еще один отличительный признак правовой нормы — обеспеченность ее государственной поддержкой, государственной защитой, силой государственного принуждения.

Норма права — признаваемое и обеспечиваемое государством общеобязательное правило, из которого вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия призвано регулировать данное правило в качестве образца, эталона, масштаба поведения.

Норма права — критерий правомерности поведения. Отсюда приобретают значение такие качества правовой нормы, как ее формальная определенность, конкретность, позволяющие практику решить юридическое дело. Конкретность содержания не означает вместе с тем непременно казуистического построения правовых норм. Напротив, развитие правовых систем связано с абстрагированием от индивидуальных особенностей регулируемых отношений, формулированием более общих правил, охватывающих суть правовой материи.

Какое-то время содержание правовой нормы может оставаться без формализованного текстуального выражения. Люди, вступая во взаимоотношения, могут однозначно понимать свои права и обязанности, однопланово трактовать свое поведение и поведение партнера без заключения письменного договора и до издания какого-либо нормативного акта. Вместе с тем высшая определенность нормы, высшая степень ее формализации достигается в ходе словесно-знаковой материализации воли участников общественных отношений, включая государственную волю на признание и охрану соответствующих правил в качестве правовых.

Государственно-властное веление, получающее логически завершенное, формально определенное закрепление в официальном тексте, выступает в качестве нормативного предписания. Речь идет о властности веления, его обязательности, т.е. о характеристике содержания нормы права. Что касается формы выражения государственной воли, то нормативное предписание может выражаться по-разному, в том числе и как управомочивающее (т.е. не обязательно в виде запрета или обязанности). Иногда нормативное предписание понимают как часть так называемой логической нормы, которая может конструироваться из различных предписаний, содержащихся порой в разных статьях одного, а то и разных нормативных актов. Тем самым нормативное предписание как бы отождествляется со словесным оформлением государственной воли в статье нормативного акта. Возможно, в этом есть свой резон, если учесть, что предписания специализируются: одни из них призваны в первую очередь выразить суть правила, другие — условия применения данного правила, а третьи — последствия несоблюдения государственной воли. Однако полное представление о правовой норме дает именно ее целостное восприятие, уяснение всех элементов логической структуры. По своей структуре каждая норма включает в себя три элемента (части): диспозицию, гипотезу и санкцию.

Диспозиция указывает на суть и содержание самого правила поведения, на те права и обязанности, на страже которых стоит государство.

Гипотеза содержит перечень условий, при которых норма действует.

Санкция называет поощрительные или карательные меры (позитивные или негативные последствия), наступающие в случае соблюдения или, напротив, нарушения правила, обозначенного в диспозиции нормы. Иногда в статье закона формулируется только часть нормы, а другие ее части следует обнаруживать в других статьях или в ином нормативном акте. Отсюда следует необходимость различать норму права и статью закона. Это очевидно еще и потому, что в одной статье нормативного акта содержатся порой две, три нормы и более. Некоторые акты, например уголовно-правовые, специализируются на выражении санкций, обслуживающих нормы иных отраслей права.

Норма права не выполнила бы своей регулятивной роли, если бы в ней отсутствовал какой-либо из названных структурных элементов. Поэтому законодатель при формулировании норм обязан выписать каждую часть особо или дать соответствующую отсылку, а тот, кто реализует норму, должен иметь в виду всю связь элементов нормы с тем, чтобы юридически грамотно выстроить свои поступки.

Своей структурой, а также содержательными признаками норма права отличается от иных проявлений права, прежде всего от индивидуального предписания. Последнее основывается на норме и исчерпывается разовым исполнением. Индивидуальное предписание рассчитано на строго определенный случай, однократное действие, конкретных лиц. С другой стороны, норма права отличается от общих принципов права, которые хотя и носят нормативный характер, все-таки проявляют себя через нормы права, нуждаются в конкретизации, не выходят напрямую на гипотезы и санкции, без чего трудно представить себе определенность правового регулирования.

Вопрос о структурных элементах правовой нормы — один из спорных, дискуссионных в теории государства и права. Проблема далеко не исчерпывается изложенными взглядами. Более двух веков назад классик английской юриспруденции Г. Блэкстон выделял в составе закона четыре части: объявительную, повелевающую, способствующую и наказательную. Различные суждения по данному вопросу высказывались и в русской дореволюционной литературе, и юристами советского периода (подробнее обо всех точках зрения на проблему, а также библиографию см. в работах: Нормы советского права: проблемы теории. Саратов, 1987. С. 97—101; Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 54—61).

В отечественной юридической науке определенное распространение получила точка зрения, в соответствии с которой норма права состоит

из двух элементов; в одних случаях это гипотеза и диспозиция, а в других — диспозиция и санкция (или: гипотеза — диспозиция, гипотеза — санкция). Отдельные авторы считают необязательными такие структурные элементы, как гипотеза и санкция. Тенденции к сокращению структурных элементов правовой нормы в отдельных работах противостоит стремление к их увеличению. Дополнительно предлагается выделять субъектный состав (т.е. указание на субъектов, подпадающих под действие нормы), субъект и объект, цель правовой нормы.

Специфическую точку зрения предлагает Б. И. Пугинский, утверждая, что к норме права неприменимы попытки установления структуры, т.е. совокупности однородных связей частей нормы. Выработанная в теории концепция структуры правовой нормы не соответствует правовой реальности, не находит выражения на практике. Правовая норма — цельное правовое установление, сформулированное в виде, допускающем его самостоятельное применение для регулирования тех или иных типических ситуаций (см.: Пугинский Б. И. О норме права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 5. С. 25—27).

О структурных элементах правовых норм см. также: Теория государства и права: Хрестоматия. В 2 т. Т. 2. С. 146—164.

По *строению* сами структурные элементы нормы права могут быть простыми, сложными, альтернативными или сложно-альтернативными.

Простая гипотеза предусматривает одно обстоятельство, при наличии которого данная правовая норма начинает действовать, в простой диспозиции или санкции содержится одно правило поведения. Вот пример правовых норм с простой гипотезой и диспозицией: «Срок действия доверенности не может превышать трех лет» (ч. 1 ст. 186 ГК РФ).

Сложная гипотеза предусматривает несколько обстоятельств, только в своей совокупности являющихся условиями действия правовой нормы. В сложной диспозиции или санкции содержится несколько правовых последствий, которые обязательно должны наступить при наличии определенных условий, изложенных в гипотезе: «Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них» (ч. 1 ст. 87 СК РФ). Правовая норма со сложной санкцией выглядит следующим образом: «Грабеж, совершенный: а) организованной группой; б) в крупном размере; в) лицом, ранее два или более раза судимым за хищение либо вымогательство, — наказывается лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет с конфискацией имущества» (ч. 3 ст. 161 УК РФ).

В *альтернативной* гипотезе содержится несколько условий, причем при наличии любого из них данная правовая норма начинает действовать. Альтернативные диспозиция или санкция предус-

матривают наступление одного из нескольких изложенных правовых последствий. Вот правовая норма с альтернативной гипотезой и диспозицией: «В случаях, когда покупатель в нарушение закона, иных правовых актов или договора купли-продажи не принимает товар или отказывается его принять, продавец вправе потребовать от покупателя принять товар или отказаться от исполнения договора» (ч. 3 ст. 484 ГК РФ). Правовая норма с альтернативной санкцией: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, — наказывается штрафом в размере от двухсот до семисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до семи месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет» (ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Иногда элементы норм права имеют одновременно и сложность, и альтернативность и называются в этом случае *сложно-альтернативными*. Сложно-альтернативный характер носит, к примеру, санкция нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 159 УК РФ: «Мошенничество, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору; б) неоднократно; в) лицом с использованием своего служебного положения; г) с причинением значительного ущерба гражданину, — наказывается штрафом... либо лишением свободы... со штрафом... либо без такового».

11.2. Виды правовых норм

Пониманию правовой нормы, полному представлению о ее назначении и регулятивных возможностях служит уяснение принадлежности той или другой нормы к определенной разновидности. При этом главным делением юридических норм признается деление их на *регулятивные* и *охранительные*. В известной степени это деление условно, так как каждая норма, воздействуя на волю и сознание человека, регулирует его поведение. Поэтому лучше, если регулятивные нормы называть правоустановительными, поскольку в них содержатся предписания, предоставляющие участникам общественных отношений права и возлагающие на них обязанности. Тем самым их поведение регулируется как бы напрямую. Охранительные нормы устанавливают и регламентируют меры юридической ответственности и другие принудительные меры защиты субъективных прав. Здесь регулирование поведения людей осуществляется как бы косвенно. И в зависимости

от характера и отраслевой принадлежности предусмотренной санкции охранительные нормы классифицируются на уголовно-правовые, гражданско-правовые, административные и дисциплинарные. Именно нормы перечисленных отраслей права специализируются в основном на охране общественных отношений.

Регулятивные нормы делят на *обязывающие*, *запрещающие* и *управомочивающие*.

Обязывающие нормы права устанавливают обязанность для субъекта права совершать определенные действия, требуют активного обязательного поведения. При их изложении могут употребляться глаголы «должен», «обязан» и т.п.

Так, в ч. 1 ст. 614 ГК РФ указано: «Арендатор *обязан* своевременно вносить плату за пользование имуществом». Часть 1 ст. 80 СК РФ: «Родители *обязаны* содержать своих несовершеннолетних детей». Обязывание может быть выражено и без использования специальных глаголов, например: «Государственная Дума избирается сроком на четыре года» (ч. 1 ст. 96 Конституции РФ).

Запрещающие нормы права устанавливают обязанность для субъекта права воздерживаться от совершения определенных действий. При их изложении обычно используются глаголы «воспрещается», «запрещается», «не допускается» и т.п.

«Одно и то же лицо *не может* занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков подряд» (ч. 3 ст. 81 Конституции РФ). «*Не подлежит* возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы» (ст. 1066 ГК РФ). «Муж *не имеет* права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка» (ст. 17 СК РФ).

Управомочивающие нормы предоставляют право на совершение определенных действий. При их изложении обычно употребляются выражения «имеет право», «вправе», «может», «возможно» и т.п.

«Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он *может* отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков» (ч. 2 ст. 405 ГК РФ). «Дисциплинарное взыскание *может* быть обжаловано в порядке, установленном законодательством. Орган, рассматривающий трудовой спор, *вправе* учитывать тяжесть совершенного проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующее поведение работника, отношение к труду, а также соответствие дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка».

В юридической науке XIX в. управомочивающие нормы права нередко назывались «ненастоящими» нормами, поскольку считалось, что право должно предписывать обязательный вариант поведения: или что-то обязывать, или что-то запрещать, не оставляя свободы для самостоятельного выбора участникам правового общения.

Вообще-то едва ли не каждая норма может быть сформулирована как обязывающая, запрещающая или управомочивающая. А некоторые нормы органично соединяют в себе разные свойства. Например, возбудить уголовное дело — это и право, и обязанность следователя при определенных условиях. Вместе с тем в одних нормах на первый план выдвигается именно обязанность лица, в других — его право, в третьих акцент делается на запрете определенного поведения.

Обязывающие и запрещающие нормы являются, как правило, *императивными*, т.е. не допускающими никаких отступлений. Управомочивающие нормы чаще всего относятся к категории *диспозитивных*, т.е. допускающих поведение адресата норм по соглашению с партнером. По тем же основаниям выделяют нормы *факультативные*, позволяющие при определенных условиях отступать от главного варианта поведения, избирая второстепенный (запасной). Норма будет называться *рекомендательно-альтернативной*, если из ряда вариантов поведения рекомендуют один — предпочтительный.

Если норма формулирует правило, условия его действия и санкцию с исчерпывающей полнотой, не допуская каких-либо вариантов или дальнейшей конкретизации в ходе реализации, ее можно назвать *абсолютно определенной*. Напротив, *относительно определенные* нормы не содержат всех указаний и допускают возможность вариантов с учетом конкретных обстоятельств. Такие нормы, в свою очередь, подразделяются на *ситуационные* и *альтернативные*. Первые допускают возможность усмотрения адресата норм в зависимости от ситуации, а вторые предоставляют возможность выбора из обозначенных в нормативном акте вариантов.

Есть нормы *основные* (исходные) и *производные* (детализирующие); *постоянные* и *временные*. В особую группу выделяются нормы *поощрительные*. Это те нормы, которые стимулируют поведение людей поощрительными мерами (санкциями). Таковые находят даже в уголовном праве.

Среди регулятивных и охранительных норм выделяют так называемые *специализированные*, к которым относятся нормы *дефинитивные* (содержащие признаки или определения государственно-правовых институтов), *нормы-принципы*, *оперативные* (направленные на отмену актов, их распространение на новые отношения и т.п.), *коллизионные* (позволяющие решать дело в случае противоречий норм).

По объему регулирования общественных отношений выделяют *общие* нормы права, которые регулируют определенный род общественных отношений, и *специальные* нормы права, которые регулируют соответствующий вид общественных отношений, т.е. более узкий их круг по сравнению с общими нормами права. Специаль-

ные нормы конкретизируют, детализируют общие в отношении различных условий их реализации. Следует запомнить правило: специальная норма отменяет в части своего действия общую норму.

Так, к примеру, ч. 1 ст. 158 УК РФ («Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, — наказывается...») является общей нормой, а специальными по отношению к ней будут нормы, содержащиеся в ч. 2, 3 ст. 158 УК РФ, а также в части своего действия нормы, содержащиеся в ст. 164, 229, 221, 226, УК РФ.

В рамках специальных норм права, а иногда и в качестве самостоятельного вида в данной классификации указывают также на *исключительные* (или чрезвычайные) нормы права. Последние устанавливают изъятия из общих (или из общих и специальных норм). Здесь направление правового регулирования противоположно направлению, обозначенному в общих и специальных нормах. При их изложении используются, как правило, выражения «в исключительных случаях», «в виде исключения» и т.п. При уяснении специфики исключительных норм права важен прежде всего момент осознания исключительности, нестандартности, иногда даже чрезвычайности ситуации, в которой оказываются субъекты права. Такие ситуации крайне нежелательны или крайне редки, но в жизни они могут возникать. Направления правового регулирования общественных отношений общими и специальными нормами совпадают.

В зависимости от *механизма правореализации* выделяют нормы права *непрерывного*, постоянного действия, которые регулируют функционирующие постоянно в течение длительного времени те или иные общественные отношения (например, статутные, связанные с деятельностью любого должностного лица, иного субъекта права по реализации его правового статуса), и нормы *дискретного* действия, регулирующие общественные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных юридических фактов, от волеизъявления людей. К примеру, привлечь человека к административной ответственности можно только после совершения им административного проступка, т.е. при наличии соответствующего юридического факта.

Кроме указанных, существуют и иные классификации правовых норм по различным основаниям, имеющим в основном внешний по отношению к самой норме характер (т.е. в зависимости не от специфики правила поведения, а от принадлежности нормы к той или иной отрасли права, от вида и особенностей нормативного правового акта и т.д.).

В зависимости от *сферы регулируемых общественных отношений*, от принадлежности к той или иной отрасли права различают нормы конституционного, административного, гражданского, уголовного и других отраслей права. В рамках этой же классификации различают нормы *материального* права (которые регулируют содержательную сторону общественных отношений) и нормы *процессуального* права (которые регулируют порядок деятельности по осуществлению и защите норм материального права), нормы *частного* и нормы *публичного* права (подробнее об этих классификациях см. главу 12 «Структура и система права»).

По *юридической силе* различают нормы права, содержащиеся в законах и обладающие высшей юридической силой, и нормы права, содержащиеся в подзаконных нормативных актах. И те и другие также имеют свою иерархию. Подробнее об этой классификации см. параграф 10.2, посвященный нормативным правовым актам.

По *сфере действия* существуют нормы права *внешнего* и *внутреннего* действия. Последние, будучи принятыми соответствующим государственным органом или организацией, действуют только в рамках данного органа, ведомства, предприятия, организации.

Нормы права могут распространять свое действие или на *всю территорию* государства, или только на определенную ее *часть*. В первом случае они издаются высшими (или центральными) органами государства и имеют один (в унитарных государствах) или два (в федерациях) уровня. Существуют и нормы права, издаваемые местными органами государства и действующие только в пределах отдельных административно-территориальных единиц. Данные нормы права могут иметь также иерархическую структуру (несколько уровней) в зависимости от административно-территориального деления государства. Кроме того, при создании по каким-либо причинам в той или иной местности особого юридического режима (свободная экономическая зона, районы Крайнего Севера (ст. 287 ТК РФ) и т.п.) появляются правовые нормы, которые издаются как высшими, так и местными органами государства, но распространяют свое действие только на данную местность.

По *кругу лиц* выделяют нормы права, действующие в отношении *всех лиц*, находящихся в пределах территории данного государства, и нормы права, распространяющие свое действие только на *определенную категорию* лиц, например на военнослужащих, пенсионеров, депутатов, молодежь, врачей и т.д. В этих нормах определяется специальный адресат, специальный субъект права.

11.3. Изложение нормы права в статье нормативного акта

Воля нормодателя объективируется в тексте нормативного акта. Она должна быть наложена так, чтобы у адресата нормы не было сомнений относительно своих действий во исполнение проявленной воли. Сам нормодатель заинтересован в том, чтобы его понимали однозначно, чтобы правомерные действия вели к преследуемой цели. Разумеется, если он не ведет игру в двойные стандарты, если под давлением влиятельного лобби сознательно не оставляет лазейки для разной интерпретации нормы. Великий могучий язык содержит возможности и для точного изложения правового веления, и для его искажения. Юридический язык вообще считался средством «одурачивания простаков». Более того, юристы используют самые разные технологии формулирования правовых норм, разные технологии изложения и размещения их в нормативных актах. Здесь также возможны злоупотребления. Но мы исходим из того, что существуют объективные трудности доведения государственной воли до адресата, в особенности если адресатами являются граждане. Так же как медики не могут обойтись без специальной терминологии и специальных рекомендаций в решении своих проблем, так и юристы в интересах точности и определенности восприятия правовых норм и выбора варианта поведения вынуждены использовать свою «грамматику права», свои приемы подачи нормативного материала. Затруднений не было бы, если бы волю следовало выразить один раз и по одному конкретному поводу. Но государственная воля выражается многими тысячами велений по разным основаниям и в разные адреса. Возникает проблема экономии средств выражения воли, согласования предписаний, устранения противоречий и пробелов в праве. Качество юридической нормы зависит, таким образом, от того, как она изложена и как «транслирована» потребителям.

На изложение нормы влияет ее содержание, связь с другими нормами, разновидность, а также принятые в той или иной системе права традиции. Некоторые нормы права излагаются в статьях закона *казуально*. При таком способе дается относительно конкретный перечень обстоятельств, при которых данная норма будет действовать, перечисляются все аспекты (нюансы) предписываемых или дозволяемых действий, во всей конкретике расписываются последствия нарушения нормы и т.д.

Например, ст. 125 УК РФ гласит: «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии

и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, — наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев».

Казуальное выражение воли нормодателя имеет свои плюсы и минусы. Оно, к сожалению, не только не экономно, но и порождает противоречия между текстами, создает пробелы в правовом регулировании. Уместно оно там, где трудно охватить все обстоятельства одной абстрактной формулой, где есть необходимость акцентировать внимание на вполне определенных обстоятельствах.

В большинстве правовых систем сегодня отдается предпочтение *абстрактному* способу изложения нормы в статье нормативного акта. На это ориентирует само понимание нормы права. Масштаб поведения для множества адресатов и для многообразных случаев реализации нормы лучше всего установить в виде краткой и точной общей формулы. Конечно, и здесь возникнут трудности (понимания проявленной воли, прежде всего), но юридическая доктрина и юридическая практика уже выработали инструментарий их преодоления. К тому же имеет место при необходимости сочетание абстрактного способа изложения нормы с казуальным. В качестве примера абстрактного приема можно сослаться на изложение нормы в ч. 1 ст. 126 УК РФ («Похищение человека... наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет»). В отличие от ч. 2 этой статьи здесь нет никакой казуистики, формула сугубо абстрактная, общая, и если, например, в судебной практике возникала проблема похищения ребенка матерью, лишенной материнских прав, то она решалась судебными органами посредством толкования и конкретизации приведенной нормы.

Выше указывалось, что некоторые нормы специализируются на обслуживании других норм. Уже одно это обстоятельство, и не оно одно заставляет в тексте статьи нормативного акта фиксировать соответствующие связи между нормами. Было бы нецелесообразно всякий раз воспроизводить все содержание нормы, все ее элементы текстуально в данном акте, если они уже сформулированы (указаны) в статьях других нормативных актов или в иных источниках права. Достаточно будет ссылки на эти последние. Тот случай, когда имеет место отсылка к другим конкретным статьям

или пунктам какого-либо правового акта, делает статью *ссылочной*. Так она и именуется.

Например, таковой может именоваться ст. 683 ГК РФ, в которой содержится следующая норма: «К договору найма жилого помещения, заключенному на срок до одного года (краткосрочный наем), не применяются правила, предусмотренные пунктом 2 статьи 677, статьями 680, 684—686, абзацем четвертым пункта два статьи 687 настоящего Кодекса, если договором не предусмотрено иное». Не прямо, но косвенно данная статья отсылает и к ст. 671, в которой дается определение договора найма жилого помещения.

Если же в статье закона адресата отсылают не к конкретному акту и его конкретным статьям, а к определенной категории актов, к конкретно не определенному перечню статей, то ведут речь о *бланкетном* изложении правовой нормы. Примером может служить п. 2 ст. 784 ГК РФ («Общие условия перевозки определяются транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами»).

Обыкновенно сами нормы называют бланкетными или ссылочными. Более правильно говорить о ссылочных и бланкетных статьях нормативного акта (договора или иного источника права). Сама норма, если она отвечает всем требованиям, является всегда целостной. Это момент принципиальный. В любой норме всегда должны присутствовать гипотеза, диспозиция и санкция. А в статье акта диспозиция или санкция могут отсутствовать, поскольку данная статья предполагает обращение к другим источникам права. Те, кто не разделяет норму права и статью, в которой она сформулирована, склонны утверждать, что существуют нормы без гипотезы или санкции или без того и другого. Для них и не актуальна проблема формулирования нормы в статье (в статьях) нормативного акта (нормативных актов).

Между тем статья акта может содержать не все элементы правовой нормы. Так, в цитируемом выше п. 2 ст. 683 ГК РФ элементы диспозиции выраженной здесь нормы разбросаны по нескольким статьям, на которые здесь имеется ссылка, а санкции следует искать в § 2 гл. 9 ГК РФ, в котором содержатся статьи о недействительности сделок. Другой пример общего порядка. В законодательстве имеется много нормативных актов и конкретных статей, содержащих нормы, закрепляющие полномочия должностных лиц различных государственных органов. Точное выполнение этих норм не подлежит сомнению. Но в тех статьях нет указания на последствия превышения должностных полномочий. Санкция нормы выражена, в частности, в ст. 286 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за действия, явно выходящие за пределы полно-

мочий должностного лица. Поиск санкций соответствующих норм не так прост, как может показаться на первый взгляд. Иногда они могут выражаться в качестве процессуальных решений компетентных органов. Например, ст. 210 ГК РФ содержит норму, согласно которой собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Допустим, лицо обращается с иском о содержании принадлежащей ему квартиры к нанимателю жилого помещения. Отказ суда в удовлетворении иска на основании ст. 210 ГК РФ будет своего рода санкцией в отношении данного лица, пренебрегшего диспозицией нормы, содержащейся в названной статье закона.

Напротив, в одной статье часто содержится не одна, а несколько норм или несколько элементов разных норм права. Например, в ст. 13 Конституции РФ содержится по одной норме в каждой из пяти частей этой статьи и ни одна из частей не указывает на санкции. В зависимости от форм нарушения зафиксированных здесь норм эти санкции будут различными — от отмены (признания незаконными и неконституционными) соответствующих правовых актов до возложения уголовной ответственности. Желательно, чтобы каждая отдельная норма выражалась если не отдельной статьей, то отдельной ее частью, пунктом, абзацем. Это не всегда выдерживается.

Так, в ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФЗ «О референдуме Российской Федерации» записано: «Референдум Российской Федерации проводится на основе всеобщего равного и прямого волеизъявления при тайном голосовании. Каждый участник референдума Российской Федерации обладает одним голосом». Представляется, что здесь выражены две правовые нормы и их следовало разделить.

В качестве идеального можно было бы предложить не ссылочный и не бланкетный способ изложения нормы права, а *прямой*. Таковой как раз наиболее широко используется в нормотворческой практике. Однако во избежание излишних повторений оказалось удобным использовать наряду с прямым и ссылочный, и бланкетный способы. Целесообразным оказалось и размещение в одной статье под одним наименованием двух и более правовых норм, нераздельно связанных между собой одной концептуальной формулой.

Различение нормы права и статьи нормативного акта и уяснение способа изложения нормы в статье имеет серьезное практическое значение. В судебных процессах публично и в документах стороны весьма часто извлекают свои выгоды, ссылаясь на характер нормы, на специфику статьи или нормативного акта в целом, отыскивая элементы нормы (систематический прием толкования) в разных статьях соответствующих источников права.

О соотношении нормы права и статьи нормативного акта дает представление схема 2.

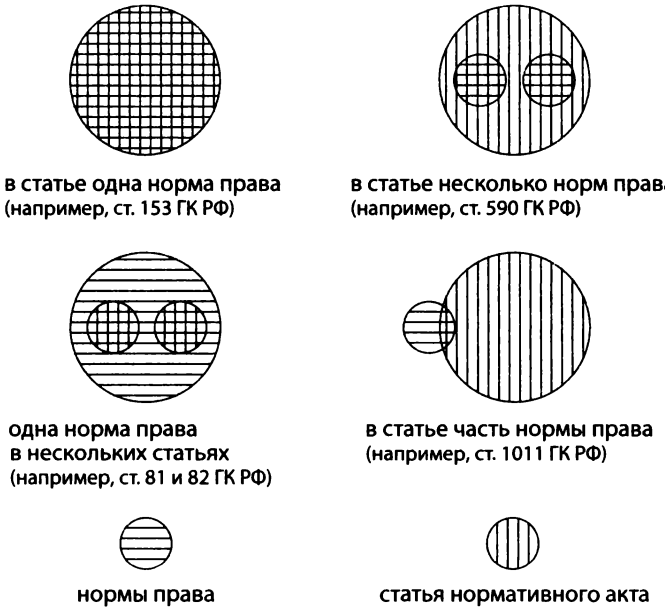

Схема 2. Соотношение нормы права и статьи нормативного акта

Обзор специальной литературы по теме

О ***специализированных*** правовых нормах см. следующие работы:

Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж, 1997. 97 с.

Борисов Г. А. Отправные нормативные установления советского законодательства. Харьков, 1991.

Бородянский В. И. Гносеологический аспект исследования механизма взаимодействия принципов и норм гражданского права // Государство и право. 2002. № 5. С. 108—110.

Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1994.

Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания // Советское государство и право. 1978. № 3.

Ерпылева Н. Ю., Батлер У. Е. Коллизионные нормы в международном частном праве России и Украины // Государство и право. 2007. № 7. С. 84—91.

Зажицкий В. И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11. С. 92—98.

Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. 268 с.

Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12—19.

Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. 97 с.

Об ***императивных, диспозитивных, рекомендательных*** нормах права см.:

Гаджиева А. А. Диспозитивные нормы в уголовном праве // Государство и право. 2003. № 11. С. 97—98.

Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: Монография. Волгоград, 2005. 163 с.

Кулапов В. Л. Рекомендательные нормы советского права. Саратов, 1987.

Лапшин И. С. Диспозитивные нормы права: Монография. Н. Новгород, 2002. 132 с.

Новикова О. В. Императивные нормы в международном частном праве // Государство и право. 2006. № 8. С. 81—89.

О ***поощрительных*** нормах см.:

Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.

Гущина Н. А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003. 294 с.

Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права. Хабаровск, 1984.

Об особенностях ***процессуальных*** норм см.:

Бибило В. Н. Структура норм уголовно-процессуального права // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 11. Минск, 2001. С. 256—265.

Галаган И. А., Глебов В. П. Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях) / Науч. ред. И. А. Галаган. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 208 с.

Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.

Литература ко всей теме

Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.

Антропов В. Г. Правовая логика: структура правовой нормы. Волгоград, 1999. 36 с.

Афанасьева Л. В. Нормы права: Лекция. Тюмень, 2004. 30 с.

Баранов В. М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. Саратов, 1989. 400 с.

Берг О. В. Некоторые вопросы теории норм права // Государство и право. 2003. № 4. С. 19—25.

Богдановская И. Ю. Категория «правовая норма» в правовой доктрине стран «общего права» // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 65—73.

Бурлай Е. В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе. Киев, 1987.

Гайворонская Я. В. К вопросу о понимании правовых и юридических норм // Правоведение. 2001. № 3. С. 39—45.

Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: Учеб. пособие. Волгоград, 2001. 92 с.

Деготь В. А. Классификация норм советского социалистического права по их структуре. Саратов, 1989. 60 с.

Карева М. П., Айзенберг А. М. Правовые нормы и правоотношения. М., 1949.

Козлов Б. В., Фалилиев П. А. Соотношение общих и специальных правовых норм на примере гражданского и морского права (Критика современного законодательства) // Государство и право. 1997. № 11. С. 82—94.

Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.

Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. 144 с.

Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981.

Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения: Учеб. пособие. М., 1997. 159 с.

Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990.

Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. 169 с.

Нормы советского права: проблемы теории / Под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. 248 с.

Пугинский Б. И. О норме права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 5. С. 23—33.

Радько Т. Н. Нормы права: Лекция. М., 2001. 21 с.

Рыбушкин Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990. 112 с.

Слободчиков Н. А. Нормы права: виды правовых норм, регулирующих деятельность органов внутренних дел: Учеб. пособие. Минск, 1992. 22 с.

Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977.

Филимонов В. Д. Норма права и ее функции // Государство и право. 2007. № 9. С. 5—12.

Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. 249 с.

Царев Д. Н., Чугунов Ю. О. Норма права, правоотношение и его объект: Вопросы теории. СПб., 2004. 224 с.

Чернобель Г. Т. Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) // Правоведение. 1983. № 6.

Чернобель Г. Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4.

Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. Л., 1961.

ГЛАВА 12 Структура и система права

12.1. Структура права и ее элементы. Понятие системы права

В предыдущих темах мы говорили о праве и нормах права. Норма права — одно правило поведения — самая мелкая, неделимая часть права, как иногда говорят, — первичная клеточка, «молекула» права. Из предыдущей темы мы знаем, что и норма права имеет свои элементы, но каждый из этих элементов в отдельности не является правилом поведения; таким образом, право нельзя делить на части более мелкие, чем норма права. В зависимости от вида регулируемых общественных отношений правовые нормы могут объединяться в так называемые правовые институты, а те, в свою очередь, — в более крупные подразделения: в подотрасли и отрасли права. Совокупность отраслей права, или (новый термин!) система права, и составляет право в целом. Нет нормы, которая существовала бы самостоятельно и не относилась бы к какой-либо отрасли права.

Таким образом, *структуру* права составляют более или менее крупные объединения правовых норм. В структуре права можно выделить следующие основные уровни:

- право в целом;
- отрасль права;
- подотрасль права;
- институт права;
- норма права.

Уже известны определения права и нормы права. Что же представляют собой отрасль права, подотрасль права и правовой институт?

Отрасль права — это совокупность правовых норм, которая образует самостоятельную обособленную часть системы права, регулирующую качественно однородную сферу общественных отношений своим особым методом. Отраслями права являются конституционное право, уголовное право, семейное право, трудовое право, гражданское процессуальное право и т.д. Признаки отрасли права отражены в определении. Более подробно анализируя это образование, следует указать: отрасль права — часть системы права, все отрасли в совокупности и составляют систему права (или право), отрасль права обладает внутренней структурой и также системностью, поскольку состоит из норм права, в определенном порядке объединенных в правовые институты, а иногда и в подотрасли права; отрасль права характеризуется особым предметом и методом правового регулирования (см. об этом параграф 12.2).

Подотрасль права — это обособленная часть отрасли права, которая регулирует особые крупные подразделения общественных отношений, входящих в сферу отношений, регулируемых отраслью права. Это, например, авторское, наследственное право в гражданском праве, водное, горное право в земельном праве. Подотрасль права — необязательный, факультативный элемент структуры права, поскольку в некоторых отраслях (например, в уголовно-процессуальном праве) подотраслей не выделяют.

Правовой институт — это совокупность правовых норм, составляющих часть отрасли права, регулирующих вид или определенную сторону однородных общественных отношений. К примеру, в уголовном праве есть такие правовые институты, как действие уголовного закона, виды уголовных наказаний, должностные преступления, преступления против собственности и др.; в трудовом праве — охрана труда, заработная плата, время отдыха, рабочее время и др.

На основе сказанного можно предложить определение системы права.

Система права — это обусловленное характером общественных отношений внутреннее строение (или структура) права, выраженное в объединении составляющих его норм права в институты, подотрасли и отрасли права.

12.2. Основания построения системы права

Когда говорят о системе права, имеют в виду прежде всего разделение права на самые крупные общности — на отрасли. Что слу-

жит критерием, основанием этого разделения? Современная отечественная юридическая наука выделяет два таких основания:

1) предмет правового регулирования (какие общественные отношения подвергаются правовому регулированию);

2) метод правового регулирования (каким образом регулируются те или иные общественные отношения).

Предмет правового регулирования — это обусловленная спецификой человеческой деятельности определенная сфера общественных отношений.

Каждая отрасль права имеет свой предмет правового регулирования — соответствующую область общественных отношений. Когда возникают новые общественные отношения, которые необходимо урегулировать с помощью права, возникают основания и для выделения новой отрасли права. Однако только предмета правового регулирования недостаточно для разграничения отраслей права, поскольку общественные отношения чрезвычайно многообразны. Исключительно по предмету правового регулирования возможно выделить несколько десятков отраслей права. К тому же одни и те же общественные отношения нередко регулируются различными способами (например, отношения государственной собственности урегулированы нормами государственного, гражданского, уголовного, административного, трудового права).

Поэтому для разделения права на отрасли необходим второй критерий: **метод правового регулирования** — совокупность приемов, способов, средств воздействия права на определенную сферу общественных отношений. К основным характеристикам метода правового регулирования общественных отношений можно отнести следующие:

- юридическое положение участников правоотношений, характер и распределение их взаимных прав и обязанностей;
- порядок, основания возникновения взаимных субъективных прав и обязанностей участников правового общения (т.е. юридические факты, необходимые для возникновения правоотношения);
- характер юридических последствий, наступающих вследствие противоправного поведения, невыполнения субъективных обязанностей, нарушения субъективных прав (виды мер государственного принуждения за нарушение требований правовых норм и порядок их применения).

Наиболее яркое различие существует между методами правового регулирования, применяемыми в гражданском и административном праве. В связи с этим выделяют два основных вида методов правового регулирования общественных отношений: *гражданско-*

правовой (другие его названия, встречающиеся в литературе, — автономный, диспозитивный, метод координации) и *административно-правовой* (именуемый также авторитарным, или императивным, или методом субординации).

Первый предоставляет участникам правоотношений возможность самостоятельно определять свое поведение в отношениях друг с другом в рамках закона и характеризуется, как правило, равенством сторон. Взаимные права и обязанности участников правового общения возникают на добровольной договорной основе, они могут быть зафиксированы непосредственно в договоре. За противоправное поведение здесь наступает чаще всего имущественная ответственность. Санкции, предусматривающие ответственность, имеют в основном правовосстановительный (и лишь иногда карательный) характер. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений характерен прежде всего для гражданского, трудового, семейного права.

При административно-правовом методе правового регулирования общественных отношений взаимные права и обязанности у сторон возникают не по взаимному соглашению, а на основе правовых норм, издаваемых государством. Субъекты правового общения находятся, как правило, в отношениях власти и подчинения, имеют неодинаковый объем взаимных прав и обязанностей, который точно определен в нормативных актах. Санкции правоохранительных норм, содержащие меры ответственности за нарушение прав и неисполнение обязанностей, носят штрафной, карательный, а не правовосстановительный характер.

Таким образом, нормы права разграничиваются по отраслям права в соответствии с предметом (материальный критерий) и методом (юридический критерий) правового регулирования. В науке теории государства и права проблема оснований деления права на отрасли является дискуссионной. Рассмотренная выше позиция далеко не единственная, хотя именно она закрепилась в учебной литературе.

В ходе дискуссий, проходивших в отечественной юридической науке в середине — второй половине XX в., были высказаны различные предложения — от отказа от предмета и метода (или только метода) правового регулирования как оснований отраслевой дифференциации права и обращения внимания на иные критерии до предложения, наряду с предметом и методом правового регулирования, дополнительных признаков отрасли права. В 90-е гг. XX в. внимание к исследованию этих вопросов заметно ослабло. Более того, накопленные десятилетиями идеи и положения, составляющие основу теории системы права, в значительной степени обесценились. Сегодня назрела потребность

в дальнейшей углубленной разработке системы права, пришло время для новых дискуссий по данным проблемам на позитивной основе, в течение десятилетий сформировавшейся в отечественной науке (см.: Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003. № 1. С. 25—34).

В научном плане представляется перспективной следующая точка зрения: с целью уточнения критериев выделения в структуре права самостоятельных отраслей отдельные авторы наряду с предметом и методом правового регулирования предложили категорию «юридический режим регулирования». Они утверждают, что для каждой отрасли права характерен ряд специфических, только ей присущих юридических особенностей. В совокупности они образуют *особый отраслевой юридический режим регулирования*, который формируется прежде всего с учетом предмета и метода правового регулирования. Отраслевой режим правового регулирования общественных отношений можно охарактеризовать с помощью следующих основных признаков.

1. Юридический режим отрасли материально обусловлен предметом регулирования (особенностями управленческих, имущественных, трудовых, семейных и других отношений).

2. На основе одного из базовых методов (гражданско-правового или административно-правового) формируется отраслевой метод правового регулирования, т.е. характерный для данной отрасли права единый специфический способ юридического воздействия, который определяется прежде всего особыми юридическими средствами регулирования (так называемый «юридический инструментарий»). Это установленные формы, касающиеся способов возникновения прав и обязанностей, средств юридического воздействия, способов защиты прав, процедурно-процессуальных форм и т.д. У каждой отрасли есть свой набор подобных юридических средств. Все отраслевые средства регулирования находятся в единстве, во взаимодействии, образуют отраслевой механизм регулирования.

3. Принципы (общие положения), т.е. специфические для данной отрасли идеи, общие моменты, которые характеризуют ее с точки зрения содержания. Принципы и общие положения придают отрасли особый облик. Вот, к примеру, отраслевые и межотраслевые принципы некоторых отраслей права: в гражданском праве — принцип взаимного учета интересов, эквивалентности; в семейном праве — равенство супругов; в уголовно-процессуальном праве — осуществление правосудия только судом, гласность судебного разбирательства, обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту и т.д.

4. Особая отрасль законодательства, возглавляемая кодифицированным актом, например кодексом. Если есть такой основной кодифицированный нормативный правовой акт, имеющий прежде всего юридически содержательную общую часть (т.е. совокупность норм права, закрепляющих общие положения и отраслевые принципы), существуют основания для выделения особой отрасли права. Следовательно, в формировании юридической специфики режима немаловажную роль играет и законодатель.

Таким образом, правовые нормы объединяют в отрасли права в соответствии с предметом и методом правового регулирования общественных отношений, причем эти критерии конкретизируются в понятии «отраслевой юридический режим регулирования общественных отношений». Следует, однако, иметь в виду, что особенности последнего не исчерпываются указанными выше признаками. Иногда говорят о том, что при выделении той или иной отрасли права учитывается политико-правовая целесообразность. Кроме того, степень своеобразия юридического режима может быть различной. В зависимости от отработанности общих положений в законодательстве юридический режим отдельных отраслей может и не включать некоторые элементы или не очень явно их выражать (подробнее см.: Проблемы теории государства и права: Учеб. / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 207—210).

12.3. Общая характеристика основных отраслей права

В зависимости от предмета и метода правового регулирования право может быть разделено на относительно обособленные части — отрасли. Нет абсолютно строгого и точного перечня отраслей права, поскольку их выделением занимаются прежде всего научные работники. Для юристов-практиков вопросы стоят в несколько иной плоскости: в каком нормативном акте содержится требуемая норма права (а не к какой отрасли принадлежит), вступил ли данный нормативный акт в юридическую силу, не отменен ли он и т.д. Поэтому в разное время в доктрине выделялось и разное количество отраслей права — от 10 до 15 и более.

Представляется возможным остановиться на краткой характеристике следующих отраслей права, указав прежде всего на специфику предмета каждой отрасли права.

Международное право регулирует главным образом отношения между государствами. Нормы международного права выражают

согласованную волю разных государств. В Российской Федерации (как и в некоторых других государствах) международное право входит в систему национального права. «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Статья 25 Основного закона ФРГ 1949 г. гласит: «Общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории».

Интересный обзор теоретических точек зрения относительно сущности международного права предложен в работе: Поздняков Э. А. Философия государства и права. М., 1995. С. 238—247. В небольшом введении в проблему автор утверждает: «Если наука о праве в целом являет собой своего рода образец совокупности противоречивых и часто несовместимых концепций, взглядов и подходов различных теоретиков и философов, то такое ее подразделение, как международное право, мы назвали бы апогеем разногласий и разноголосья. Увы, эти разногласия и противоречия, судя по всему, неразрешимы, с ними приходится мириться, и самое большее, что можно тут сделать, — это выбрать позицию, которая ближе взглядам исследователя, и постараться на ней утвердиться. Последнее тоже, надо заметить, не так просто вследствие крайней зыбкости теоретических оснований, на коих держится вся концепция международного права» (Поздняков Э. А. Указ. соч. С. 238—239).

Конституционное (государственное) право — совокупность правовых норм, закрепляющих общественное и государственное устройство, организацию, функции и взаимоотношения органов государства, основные права и обязанности граждан. За конституционным правом традиционно признается ведущее положение в системе национального права. Это обусловлено особенностями предмета регулирования: конституционное право регулирует наиболее важные среди опосредуемых правом общественные отношения.

Уголовное право — совокупность правовых норм, определяющих круг общественно-опасных деяний (преступлений) и устанавливающих наказания, применяемые к преступникам. При помощи норм уголовного права государство охраняет наиболее важные общественные отношения.

Уголовно-процессуальное право — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по расследованию пре-

ступлений и рассмотрению уголовных дел в суде. Нормы уголовно-процессуального права регламентируют деятельность органов следствия, суда, прокуратуры.

Уголовно-исполнительное право — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе отбытия наказания и связанные с воспитанием и перевоспитанием лиц, осужденных в уголовном порядке.

Административное право — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе исполнительно-распорядительной деятельности государства. Административное право регламентирует как взаимоотношения государственных органов между собой, так и отношения их с гражданами.

Финансовое право — совокупность правовых норм, регулирующих финансовую деятельность государства, т.е. деятельность по сбору и распределению денежных средств (сбор налогов, составление, утверждение и исполнение государственного бюджета и т.д.). Финансовое право примыкает к государственному и административному праву. Однако еще в 1960-х гг. советские ученые признали его существование в качестве самостоятельной отрасли прежде всего из-за специфики общественных отношений, регулируемых финансовым правом.

Земельное право — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере использования земельного фонда в соответствии с хозяйственным назначением.

Гражданское право — совокупность правовых норм, регулирующих имущественные (собственность, заключение сделок, договоров, наследование и т.д.) и связанные с ними личные неимущественные (право на имя, честь, достоинство, авторские права и т.д.) отношения. В некоторых странах из гражданского права в самостоятельную отрасль выделилось торговое право. Гражданским правом регулируются только такие имущественные отношения, в которых стороны не находятся в отношениях власти и подчинения, т.е. юридически равны. В ином случае имущественные отношения регулируются нормами административного, финансового, земельного права. Гражданское право — достаточно обширная отрасль права, в ее составе выделяют подотрасли (например, авторское, наследственное, транспортное право).

Гражданское процессуальное право — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе судопроизводства по гражданским делам.

Тесно связано с гражданским *семейное право* — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связан-

ные с браком и принадлежностью к семье (условия заключения и прекращения брака, обязанность членов семьи, имущественные и личные отношения, возникающие на основе брака).

Трудовое право — совокупность правовых норм, регулирующих отношения рабочих и служащих в процессе трудовой деятельности (заключение и расторжение трудовых договоров, рабочее время, условия работы, время отдыха и т.д.). Право социального обеспечения называют подотраслью трудового права, а в последнее время все чаще — и самостоятельной отраслью права.

Как отмечалось выше, признание крупной относительно обособленной совокупности правовых норм в качестве самостоятельной отрасли права — дело довольно сложное (несмотря на казалось бы очевидные объективные критерии — предмет и метод правового регулирования) и нередко имеющее индивидуальную окраску — в зависимости от позиций того или иного ученого.

Иногда неясны строгие различия между отраслью и подотраслью права. И если уголовно-исполнительное право признается сейчас самостоятельной отраслью права (а не подотраслью уголовного права) почти всеми, то относительно налогового, банковского права и некоторых других массивов правовых норм нет единства мнений. Так, И. Н. Сенякин утверждает: «В последнее время в системе российского права, наряду с традиционными, появился ряд новых отраслей: налоговое право, таможенное право, банковское право и т.д.» (см.: Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М., 1998. С. 232).

С. В. Поленина говорит о выделении из трудового права новой отрасли — права социального обеспечения. Здесь же как о самостоятельных отраслях речь идет о лесном, водном, горном, налоговом праве (см.: Современное состояние российского законодательства и его систематизация (материалы «круглого стола») // Государство и право. 1999. № 2. С. 24; позднее налоговое право названо подотраслью административного права — см: Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 11).

А. Б. Венгеров именует земельное право подотраслью, а космическое — отраслью права (см.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учеб. М., 1998. С. 454). Кроме того, не всегда ясна граница между подотраслями и институтами права. По мнению А. Б. Венгерова, авторское, наследственное и избирательное право — это правовые институты (см.: Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 453); в соответствии с более распространенной точкой зрения это подотрасли соответственно гражданского и конституционного права (см., например: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. С. 211; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. С. 297, 310; Сырых В. М. Теория государства и права: Учеб. М., 1998. С. 210; однако в академическом курсе речь идет не

о наследственном праве как подотрасли гражданского права, а лишь об институте наследования — см.: Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. Т. 2. С. 246).

Окончательно не выяснен юридической наукой и вопрос о соотношении отрасли права и отрасли законодательства, особенно в связи с наличием так называемых комплексных отраслей права (или законодательства). Одну из таких комплексных отраслей — экологическое, или природоохранительное, право — в учебниках по теории государства и права все чаще указывают в качестве самостоятельной, новой отрасли права. «Природоохранительное право из подотрасли земельного права превратилось в основной компонент системы права Российской Федерации, поскольку общественные отношения, связанные с охраной окружающей природной среды, выделились в самостоятельную сферу производственных и социальных отношений и потребовали специфического метода правового регулирования» (см.: Сырых В. М. Указ. соч. С. 214). Кроме того, на практике существует тенденция именовать отраслями права то, что с научной точки зрения является подотраслями и даже более мелкими подразделениями законодательства. Так, в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, подписанном между Европейским Союзом и Российской Федерацией (см. ст. 55 «Сотрудничество в области законодательства»), к «отраслям права» отнесены различные виды деятельности и даже феномены нормирования, по которым должно сближаться законодательство: предприятия и предпринимательская деятельность; банковская деятельность; бухгалтерский учет; финансовые услуги; охрана здоровья, технические нормы; нормативные акты в областях ядерной энергетики и т.п. (см.: Общая теория государства и права: Акад. курс: в 2 т. Т. 2. С. 249).

Наряду с указанными двумя обстоятельствами — неоднозначностью границ между отраслью и подотраслью права и спорными вопросами соотношения отрасли права и отрасли законодательства — на проблему выделения отраслей права влияют и процессы развития общественных отношений. Указывают на новые отрасли — право социального обеспечения, экологическое и др. В то же время в литературе отмечают и обратные процессы; другие отрасли и институты утрачивают значение, поскольку устаревают регулируемые ими отношения. Так, в современных условиях колхозное право утратило статус отрасли в связи с утратой колхозами доминирующего положения в сельскохозяйственном производстве и возникновением новых форм ведения сельского хозяйства (см.: Сырых В. М. Указ. соч. С. 213—214; такой же точки зрения придерживается и С. В. Поленина, см.: Поленина С. В. Указ. соч. С. 6). В то же время в ряде учебных изданий по теории государства и права сельскохозяйственное, или аграрное, право (термины, пришедшие на смену терминам «колхозное» или «колхозно-кооперативное») указано в качестве самостоятельной отрасли права (см., например: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 309). Оригинальная позиция представлена в академическом курсе общей теории государства и права. Сна-

чала констатируется факт, что сельскохозяйственное право как самостоятельная отрасль права есть, а соответствующей отрасли законодательства нет (Т. 2. С. 238). Далее авторы склоняются скорее к тому, что термин «сельскохозяйственное право» носит условный характер, это, видимо, комплексная отрасль законодательства: «Любое «комплексирование» формируется прежде всего в законодательстве и отражает объективную необходимость, как это отчетливо складывается в аграрной сфере общества, объемлющей не только собственно сельскохозяйственное производство, но и другие, связанные с его ведением и обеспечивающие существование общества отношения... Сельскохозяйственное право, которое признается наукой и практикой, существует в виде обширного массива нормативно-правовых актов, специализированных на регулировании отношений в аграрном секторе. Они включают в себя нормы ряда отраслей права: административного, финансового, гражданского, земельного, трудового. Условность наименования «сельскохозяйственное право» очевидна, так как не принято какие-то массивы законодательства именовать «промышленным правом», «торговым правом» или «коммерческим правом», хотя такие комплексы возможны» (Т. 2. С. 242—243).

Представляется убедительной иерархия отраслей права, построенная Г. Кельзеном, который норму международного права располагал выше нормы национальной конституции. Международное право определенной своей частью может входить (или не входить) в систему национального права. Важно подчеркнуть: Конституция РФ устанавливает вхождение общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров РФ в *правовую систему*, а не в систему права. Поэтому, например, нормами уголовного или уголовно-процессуального права признаются лишь те, что содержатся в УК РФ и УПК РФ. Среди остальных отраслей права можно выделить так называемые профилирующие (или первичные, фундаментальные) отрасли права. Это конституционное, уголовное, административное и гражданское право. Перечисленные отрасли выражают главные, исходные юридические режимы.

Конституционное (государственное) право определяет самые общие принципы, начала всей юридической надстройки общества. Уголовное право, устанавливая наказуемость наиболее опасных для общества деяний, концентрирует в себе охранительный юридический режим. Две следующие профилирующие отрасли — административное и гражданское право — выражают два регулятивных юридических режима, взятых в относительно чистом виде: централизованное и децентрализованное регулирование.

Этим первичным отраслям права соответствуют процессуальные отрасли права, прежде всего уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное. Отдельные авторы говорят о формировании

конституционно-процессуального и административно-процессуального права или даже признают их (прежде всего административно-процессуальное право, см., например: Общая теория государства и права: Акад. курс: в 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2: Теория права. С. 244) в качестве самостоятельных отраслей.

Юридические режимы иных отраслей права (уголовно-исполнительного, финансового, земельного, семейного, трудового) базируются на режимах профилирующих отраслей, развивая и модифицируя их применительно к своему предмету. Юридические режимы указанных отраслей права могут опираться в основном на централизованное (финансовое право) либо на децентрализованное (трудовое право) регулирование. Но здесь нет простого заимствования: на базе первичных, исходных элементов образуется особый отраслевой юридический режим, выражающийся в особом предмете и особом методе (а его наиболее яркая характеристика — специфика положения сторон) правового регулирования общественных отношений.

То обстоятельство, что уголовно-исполнительное, земельное, финансовое, трудовое и семейное право не являются профилирующими отраслями права, отнюдь не умаляет их значения для процесса правового регулирования. Каждая отрасль права имеет самостоятельную ценность для соответствующей сферы жизни общества.

Так называемые профилирующие, первичные отрасли права выделяются прежде всего в зависимости от «чистоты» юридического режима. Можно говорить о некотором первенстве профилирующих отраслей права лишь в генетическом плане, т.е. в плане происхождения. Сначала сформировались первичные отрасли права, а затем из них выделились остальные. Так, уголовно-исполнительное право в свое время выделилось из уголовного, земельное и финансовое — из административного.

Спорным в науке теории права является вопрос о выделении так называемых комплексных отраслей права — предпринимательского, экологического, жилищного, военного, прокурорско-надзорного. В последнее время говорят о возможности признания космического, атомного, компьютерного права. В этих образованиях соединены нормы и институты, входящие в различные отрасли права, регулирующие сложные отношения. С одной стороны, выше указаны достаточно крупные совокупности правовых норм, которые регулируют достаточно однородную сферу общественных отношений (например, экологическое право), т.е. наличествует один из критериев разделения права на отрасли — предмет правового регулирования. Как правило, данные нормы права

структурно обособлены в отдельных нормативных актах. Здесь есть специфические принципы, общие положения, определенные юридические средства, которые придают той или иной совокупности правовых норм особое качество. Однако считается, что в подобных случаях будет отсутствовать один из главных критериев, необходимых для выделения самостоятельной отрасли права, — метод правового регулирования, который объединял бы все юридические особенности в одно целое. Таким образом, юридический режим регулирования, существующий, к примеру, в экологическом праве, не будет иметь самостоятельного значения, но будет иметь определенную специфику. С учетом изложенного комплексные отрасли права не выделяются, это просто соответствующие отрасли законодательства.

Другая точка зрения состоит в признании существования комплексных отраслей права. При этом их называют «вторичными», учитывая то обстоятельство, что нормы любой комплексной отрасли, например того же экологического права, являются одновременно и нормами конституционного, уголовного, административного, земельного и иных отраслей права, т.е. основных отраслей права.

Говоря о разделении права на отрасли, необходимо иметь в виду следующее.

1. Все отрасли права имеют регулятивный характер, т.е. содержат в основном типичные регулятивные нормы права, и лишь в сравнительно незначительной части — нормы права, устанавливающие ответственность за противоправное поведение. Однако есть отрасль права, состоящая преимущественно из правоохранительных норм — это уголовное право. Нормы уголовного права устанавливают самые жесткие меры ответственности за противоправное поведение, обладающее наибольшей степенью общественной опасности (за совершение преступления). Поэтому уголовное право имеет самостоятельное значение, тогда как нормы права, предусматривающие меры ответственности за совершение проступков (административных, дисциплинарных, гражданских), в отдельную отрасль права не объединены.

2. Все отрасли права, и об этом вскользь уже говорилось, по своему содержанию могут быть разделены на отрасли материального права и отрасли процессуального права. *Материальное* право — это совокупность правовых норм (объединенных, естественно, в институты, подотрасли и отрасли права), регулирующих содержательную сторону общественных отношений. К отраслям материального права относятся конституционное, уголовное, административное, гражданское, уголовно-исполнительное, финансовое, земель-

ное, семейное, трудовое право. Нормы указанных отраслей права непосредственно регулируют управленческие, имущественные, трудовые, семейные отношения и т.д. *Процессуальное* право — совокупность правовых норм (объединенных в институты, подотрасли, отрасли права), регулирующих общественные отношения, которые возникают в процессе осуществления и защиты норм материального права. К отраслям процессуального права относятся уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное, а согласно позиции некоторых авторов — и конституционно-процессуальное, и административно-процессуальное право.

3. Существует и классификация отраслей права по циклам. Основание для выделения каждого цикла — наличие соответствующей профилирующей (см. выше) отрасли права, которая группирует вокруг себя следующие за ней или тяготеющие к ней иные отрасли права. Таким образом, могут быть выделены группы отраслей (и соответствующие группы юридических наук) государственно-правового, криминалистического, административно-правового, цивилистического и процессуального циклов.

4. Одной из проблем, освещаемых в 1990-е гг. при изложении темы «Система права», является разделение права на частное и публичное. *Частное* право — совокупность отраслей права, регулирующих отношения, обеспечивающие частные интересы граждан и негосударственных объединений. Речь идет главным образом об имущественных и личных неимущественных отношениях. К частному праву относятся прежде всего гражданское, торговое (в странах, где оно выделилось в самостоятельную отрасль права), семейное право. *Публичное* право — совокупность отраслей права, которые регулируют отношения, обеспечивающие общий, публичный, общегосударственный интерес. К публичному праву относятся, например, конституционное, уголовное, административное право.

Идея о разделении права на частное и публичное была выдвинута еще римским юристом Ульпианом. Он считал, что право, служащее интересам государства, является публичным правом, а право, служащее интересам отдельных лиц, — частным.

В качестве критерия разграничения частного и публичного права в современной юридической науке признается и различие методов правового регулирования. Для публичного права характерен метод централизации (субординации, власти-подчинения), для частного права — метод децентрализации (координации, автономии, равноправия). Нормы публичного права, как правило, императивны, их содержание не может быть изменено по воле участников правоотношений.

В какой-то степени разделение права на публичное и частное носит условный характер (заметим, что в странах с англосаксонской системой права такого разграничения нет): ведь частный интерес, не соответствующий интересу всего общества, т.е. публичному интересу, не может рассчитывать на юридическую защиту. Это обстоятельство подтверждают процессы так называемой социализации права, активного вмешательства в XX в. государства в экономическую и социальную сферы жизни общества, которые долгое время традиционно считались имеющими сугубо частный характер. Однако в определенной мере разговор о частном праве и публичном праве в отдельности имеет и познавательный, и практический смысл.

Небольшой, однако достаточно содержательный обзор мнений дореволюционных правоведов относительно возможности или невозможности разграничения частного и публичного права, а также критериев этого разграничения представлен в работе: Антокольская М. В. Место семейного права в системе отраслей частного права (по трудам цивилистов России конца XIX — начала XX в.) // Государство и право. 1995. № 6. С. 30—40.

Одна из исходных предпосылок для понимания проблемы состоит в том, что «вопрос о разграничении частного и публичного права большинство ученых выводят за рамки чисто правовых исследований и связывают его решение с глобальными философскими и этическими теориями... В соотношении мнений о границах частного и публичного права решается важнейший вопрос, затрагивающий все стороны человеческого существования, — о соотношении свободы и несвободы, инициативы, автономии воли и обязательных предписаний, о пределах государственного вмешательства» (см.: Там же. С. 30—31).

По всей видимости, следует вести речь об очередной активизации концептуального обсуждения проблем построения системы права. Оригинальной представляется концепция В. П. Мозолина (см.: Мозолин В. П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107—113), она излагается ниже.

Под *системой российского права* необходимо понимать внутреннее соединение взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых общностей, основу которых составляет Конституция РФ, функционально направленных на регулирование общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

Структурная система права в ее обобщенном виде состоит из трех уровней: конституционного права, основных ветвей права, правовых образований, функционирующих в отдельных сферах жизнедеятельности общества и государства.

В качестве основных критериев для разграничения названных уровней права выступают сфера действия правовых норм, входящих в правовые общности соответствующих структурных уровней, характер и юридическая природа правоотношений, возникающих в результате правового регулирования социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, регулирующие возможности указанных правовых норм.

Конституционное право занимает господствующее положение в системе российского права. Оно составляет фундамент права, имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. С научной точки зрения конституционное право нельзя причислять к ветвям права. Структурное понятие ветви права, как будет показано ниже, включает в себя лишь часть общего массива норм права, регулирующих определенные разновидности общественных отношений. Иными словами, понятие ветви права — это понятие части права с соответствующим выходом на один из видов общественных отношений, попадающих в сферу действия права. Конституционное же право имеет дело по существу с основами общественных отношений, независимо от их разновидностей и сфер применения. Его структурное положение и назначение в системе российского права качественно иное. Конституционное право является генерирующим источником права для всех правовых образований, входящих в систему права России.

Конституционное регулирование общественных отношений осуществляется в рамках установления конституционных правоотношений. В отличие от правоотношений, находящихся в сфере действия правовых норм неконституционного типа, конституционные правоотношения представляют собой качественно новый тип правовых связей в обществе как по участвующим в них субъектам, так по своему содержанию и объектам направленности. При анализе конституционных правоотношений нельзя пользоваться обычными категориями, употребляемыми во всех иных видах правоотношений

Основные ветви права находятся на втором уровне российского права. На сегодняшний день их всего шесть. Это — гражданское право, трудовое право, административное право, налоговое право, уголовное право, процессуальное право. В основу отнесения названных правовых образований к основным ветвям права положены три вышеназванные критерия.

Первый критерий. Предметом регулирования входящих в них правовых норм являются общественные отношения, проходящие

через все сферы жизнедеятельности общества и государства. Разумеется, нормы каждой из названных ветвей права регулируют только им присущие виды общественных отношений. Каждая ветвь права имеет свой предмет правового регулирования

Второй критерий. Каждая из вышеназванных ветвей права имеет свой, только ей присущий тип правоотношения, отличается единством структуры построения и целостностью.

Соответственно характеру правоотношения решается вопрос о методе каждой основной ветви права. Во-первых, такой метод, по нашему мнению, не может быть полиэлементным. Во-вторых, он должен непосредственно вытекать из характера общественного отношения, регулируемого нормами соответствующей ветви права, т.е. быть зависимым от предмета ветви права, или, другими словами, иметь вторичную по отношению к предмету классификационную природу критерия, определяющего понятие ветви права. Для гражданского права — это метод правового регулирования, основанный на равенстве сторон в общественном отношении, находящемся в сфере действия гражданско-правовых норм (метод координации). Для трудового права — это метод правового регулирования, основанный на свободе трудового договора (контракта) и функциональном характере прав и обязанностей работника в договорном правоотношении. Для административного, налогового, уголовного, процессуального права — это метод субординации.

Регулирующие возможности ветвей права проявляются в двух основных направлениях. Во-первых, они создают то единое структурное правоотношение с присущим ему методом правового регулирования общественных отношений, которое лежит в основе указанного правоотношения. И, во-вторых, они придают правовым нормам необходимые качества для участия в создании комплексных правовых образований. Данный критерий применим прежде всего к гражданскому, трудовому, административному и налоговому праву. Что касается уголовного и процессуального права, то в отношении этих ветвей права ситуация иная. Уголовное право может формировать свои же уголовно-правовые нормы на основе правонарушений, совершаемых в рамках действия норм других ветвей права. Процессуальное же право связано с нормами других отраслей права как с нормами материального права, не образующими комплексные правовые образования в обычно принятом понимании.

Третий критерий системы права связан с правовыми образованиями, функционирующими в отдельных сферах жизнедеятельности общества и государства. Их целевое назначение состоит в том, что они призваны обеспечивать специфику правового регулирования

одной или нескольких сфер. По своему характеру они являются комплексными правовыми образованиями. По юридическому составу они состоят из правовых норм и институтов основных ветвей права, а также специальных норм, придающих правовым образованиям целевой регулятивный характер. В качестве наиболее яркого примера можно назвать экологическое право, состоящее из норм и институтов ряда основных ветвей права, а также относительно небольшого числа чисто экологических норм, формирующих данное правовое образование в качестве экологического права.

Комплексные правовые образования нельзя относить к разряду ветвей права, поскольку они не обладают теми тремя качествами, о которых говорилось применительно к основным ветвям права. К числу рассматриваемых правовых образований принадлежат системы, именуемые земельным правом, природоохранительным правом, энергетическим правом, таможенным правом, транспортным правом, банковским правом, торговым правом и др. В перечисленных образованиях одно их ведущих положений занимают нормы гражданского, административного, налогового и трудового права.

Отдельно необходимо сказать о предпринимательском праве, которое в самой своей основе является гражданским правом. Включение в предпринимательское право организационных отношений (в области регистрации граждан как предпринимателей, юридических лиц и т.п.) не дает оснований для конструирования самостоятельной отрасли — ветви права. Организационные отношения в сфере гражданского права в качестве одного из его предметов были впервые разработаны О. А. Красавчиковым еще в 1965 г. Кроме того, следует иметь в виду, что гражданско-правовые отношения сами по себе в их практическом осуществлении нередко сопровождаются отношениями, регулируемыми нормами других ветвей права, прежде всего нормами налогового и административного права. Не приходится уже говорить о законодательстве, которое, как правило, строится на комплексной основе. Исключения обычно составляют кодексы, хотя и в них включаются отдельные нормы других ветвей права и они могут видоизменяться (адаптироваться) с учетом осуществления взаимодействия с нормами других ветвей права и иных правовых образований.

Рассматривая проблему комплексных правовых образований, необходимо подчеркнуть, что входящие в их состав нормы и институты отдельных ветвей права не теряют своей видовой принадлежности к соответствующим ветвям права.

Доклад В. П. Мозолина вызвал многочисленные отклики, в том числе и сторонников сохранения традиционного взгляда на систему

права. Как отмечают М. И. Байтин и Д. Е. Петров, именно выяснение понятия отрасли права, ее особенностей, предмета и метода правового регулирования как оснований деления права на отрасли всегда занимало центральное место в исследовании системы права (ниже приведены основные положения статьи: Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003 № 1. С. 25—34).

Отрасль права представляет собой связанную едиными принципами и функциями подсистему правовых норм, которые с использованием свойственных им специфических юридических способов и средств регулируют определенную широкую сферу (область) однородных общественных отношений.

Можно выделить три блока признаков, раскрывающих наиболее существенные черты или признаки отрасли права.

1. Общие системные признаки — *функциональность* и *субстанциональность* в их сочетании — характеризуют отрасль права как самостоятельный элемент системы.

Эти признаки свойственны не только отрасли права, но и всякому элементу системы, каждый из которых представляет собой подсистему нижестоящего уровня (порядка). Применительно к отрасли права *функциональными* качествами (присущими ей как элементу именно системы права) следует считать государственно-волевой характер, нормативность и свойство официально-властного регулятора общественных отношений; общеправовые принципы и функции. Эти качества она приобретает, будучи взаимосвязана с другими однопорядковыми элементами (отраслями) системы права. В то же время, являясь самостоятельными элементами, отрасли права обладают рядом субстанциональных свойств, присущих им независимо от взаимных связей, в которых они находятся.

Правовые нормы и институты, образующие отрасль права, также функционально связаны и обладают общими свойствами элементов данной отрасли. Эти общие свойства (качества) являются для них специфическими по отношению к элементам другой отрасли права. Аналогично общие черты всех отраслей права (всей системы права) составляют специфические особенности, признаки, отличающие право от других элементов правовой системы и иных социальных явлений. Общие специфические свойства норм и институтов отрасли права, выражая ее *субстанциональность* как самостоятельного элемента системы, неразрывно связаны с функциональными качествами, присущими ей вследствие взаимной связи с другими отраслями права.

2. Материальные признаки характеризуют *предмет регулирования* отрасли права, который связан с предметами регулирования

различных отраслей, но не совпадает с ними. Это следствие общих системных свойств отрасли права.

Предмет регулирования присущ и праву в целом, и отрасли права, и правовому институту, и отдельной юридической норме, что иногда вызывает противоречия в позициях различных авторов. Однако, на наш взгляд, известную определенность в решение данного вопроса вносит подход, при котором указанные предметы правового регулирования должны рассматриваться в их соотношении, соответственно как общий, родовой, видовой и непосредственный (конкретно-единичный). Каждая отрасль права имеет свойственный только ей одной предмет, которым определяется ее самостоятельность и от которого зависят своеобразие и особенности правового регулирования ею общественных отношений. Практически самостоятельность и обособленность отрасли права выражается в «неприменимости» к предмету ее регулирования норм других отраслей права.

3. Юридические признаки раскрывают специфику, принципы и функции нормативно-регулятивного воздействия отрасли права на ее предмет, характеризуя тем самым *метод правового регулирования*. В конечном счете специфика и метода правового регулирования, и соответствующей отрасли права берет начало в объективных различиях самих общественных отношений; в то же время характер и содержание метода зависят также от внешних и внутренних условий.

В процессе исследования системы права представляется желательным, во избежание противоречий и односторонности, учитывать все три рассмотренные выше группы признаков отрасли права. При этом в особом внимании нуждается дальнейшая разработка вопроса о методе правового регулирования, что непосредственно связано с повышением эффективности правового регулирования и, соответственно, с возрастанием роли права в осуществлении политики, задач и функций государства. Это тем более важно, что вопрос о методе правового регулирования, несмотря на то что написано о нем немало, остается недостаточно разработанным, содержит в себе большой резерв для научного поиска.

Так, анализируя структуру метода правового регулирования, правоведы относят к числу составляющих ее приемов и способов правовое положение субъектов, юридические факты, способы формирования субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношения, способы защиты субъективных прав и обеспечения исполнения юридических обязанностей и т.д. Но (по общему правилу) в перечень элементов структуры метода не включаются определяемые по разным критериям особенности

юридических норм, с которых, как представляется, должна начинаться характеристика всякого отраслевого метода регулирования. В связи с этим принято выделять сообразно характеру соответствующих норм лишь такие основные методы правового регулирования, как императивный (метод властного приказа), диспозитивный (метод правовой автономии), поощрительный, рекомендательный.

Данная классификация методов, с одной стороны, правильна и представляет определенную ценность, с другой — недостаточна и отражает несколько упрощенный подход к ней. Ибо очевидно, что с учетом новых данных учения о юридической норме дальнейшая разработка вопроса об отраслевых методах правового регулирования должна связываться с использованием классификации норм права и по другим основаниям, в том числе по характеру их целевой направленности, по которому можно выделить, например, компетенционные, коллизионные, восстановительные, компенсационные и иные нормы.

Пристального внимания (вследствие своего научно-практического значения) заслуживает выяснение соотношения отрасли права с отраслью законодательства. Каждая отрасль права представлена соответствующей отраслью законодательства, но не каждая отрасль законодательства непременно является формой отрасли права.

Предмет отрасли законодательства может входить в предмет правового регулирования отрасли права (или совпадать с ним) либо регулироваться нормами различных отраслей права, объединенных в целях эффективности в нескольких взаимосвязанных нормативных актах или даже систематизированных в одном акте.

Множественность сфер общественной деятельности обусловливает отыскание объективных пределов дробления законодательства на различные отрасли. По мнению М. И. Байтина и Д. Е. Петрова, системообразующим фактором межотраслевой (с точки зрения системы права) интеграции выступают основные направления деятельности государства, т.е. его функции, в соответствии с которыми группируется нормативный материал. Направление правотворческой деятельности, выступающей в качестве одной из основных правовых форм осуществления функций государства, по мере накопления нормативного материала как ее результата и образует соответствующую отрасль законодательства. Например, хозяйственно-организаторская функция Советского государства осуществлялась на основе хозяйственного законодательства. Большое значение оно имеет и для реализации экономической функции современного Российского государства. Сказанное относится также к правовой основе осуществления экологической функции, функций обороны, развития культуры,

науки и образования, налогообложения, охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка и др., которую составляет соответствующая отрасль законодательства.

При исследовании системы отраслей законодательства необходимо использовать как структурный, так и функциональный подходы, причем ни один из них не должен абсолютизироваться.

Существование комплексных отраслей законодательства, связанное с целесообразностью создания, наряду с отраслевыми, комплексных кодексов и других нормативных актов, нередко приводит исследователей к неверному выводу о существовании комплексных отраслей права.

Наличие в системе права межотраслевых образований, регулирующих переплетающиеся разнородные общественные отношения, к тому же нередко оформленных в едином источнике права (Водный кодекс РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ, Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ), получило справедливое признание в юриспруденции. Но едва ли оправдано относить их исключительно к отраслям законодательства, учитывая только внешнее объединение нормативного материала. Вместе с тем именование межотраслевых правовых образований комплексными отраслями права, по справедливому замечанию М. Ф. Орзиха, является терминологическим недоразумением. Признак комплексности не может быть присущ отрасли права с точки зрения самой природы этого явления.

Соглашаясь с тем, что нормы этой «особой общности» сохраняют свою разноотраслевую принадлежность, представляется сомнительной их характеристика в качестве иной отрасли права. Ибо нормы, включенные в комплексные акты, не теряют от этого свою отраслевую принадлежность.

В связи с этим представляется существенным обратиться к соображениям о позитивном решении вопроса о комплексных правовых образованиях и их соотношении с отраслями права, высказанным во время второй дискуссии о системе права. В ходе нее было привлечено внимание к наличию правовых институтов, объединяющих нормы нескольких отраслей. Обусловленная сложным характером общественных отношений связь между отраслями права осуществляется именно через эти правовые образования. Сообразно этому они получают выражение в системе законодательства.

В порядке обобщения, на основе сочетания структурного и функционального подходов можно выделить следующие варианты соотношения отраслей права и отраслей законодательства:

■ отрасль права получает выражение в соответствующей отрасли законодательства (например, уголовное право и уголовное зако-

нодательство; уголовно-процессуальное право и уголовно-процессуальное законодательство);

■ часть норм отрасли права (в том числе общие нормы) выражена в одной или нескольких отраслях законодательства, соответствующих данной отрасли права, а другая — в одной или нескольких комплексных отраслях (например, нормы, регулирующие отношения, составляющие предметы гражданского и административного права содержатся в гражданском законодательстве и законодательстве о государственном управлении, но в то же время земельное, банковское законодательство состоят из норм как гражданского, так и административного права);

■ отрасль законодательства состоит из комплексных (межотраслевых) правовых институтов либо в систематизированном виде содержит сложный комплексный институт (например, отрасли хозяйственного, экологического, земельного, банковского законодательства и др.).

В свете проанализированных в данной статье вопросов, отражающих лишь часть многосложной проблемы системы права, с точки зрения М. И. Байтина и Д. Е. Петрова очевидно, насколько неполно, неточно и упрощенно они рассматриваются В. П. Мозолиным.

Особенно трудно согласиться со следующими положениями: а) пониманием системы российского права как «внутреннего соединения взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых общностей», которыми, по его мнению, «являются наиболее крупные структурные части системы, объединяющие институты и нормы права»; б) утверждением, что «в современной доктрине права понятие отрасли оказалось девальвированным до такой степени, что им по существу стало невозможно пользоваться в практических целях (в области законодательства, правоприменительной деятельности, учебном процессе в высших юридических учебных заведениях)»; в) предлагаемыми автором уровнями структуры системы права и основным критерием их разграничения.

Нельзя не заметить, что предлагаемые автором «новеллы» сводятся к тому, что вместо категории «отрасль права» без сколько-нибудь убедительного обоснования предлагается использовать весьма неопределенное понятие «ветвь права», по сути, ограничиваясь сменой терминов и субъективно расплывчатым представлением о структуре системы права и ее соотношении с системой законодательства.

Представляется, однако, что «отказ» от понятия «отрасль права», от проверенных жизнью оснований деления права на отрасли, — предмета и метода правового регулирования, — не конструктивен,

ведет к нивелированию ряда фундаментальных категорий юриспруденции и размыванию теории системы права с вытекающими из этого негативными последствиями.

Хотя проблема системы права остается в значительной мере дискуссионной, позитивная основа ее исследования, формировавшаяся десятилетиями, не должна отвергаться и нуждается в дальнейшей углубленной разработке с учетом новых данных и условий формирования в России цивилизованного гражданского общества и правового государства.

С критикой конструкции «отрасль права» выступили недавно молодые ученые (см.: Азми Д. М., Филиппова С. Ю. Оценка юридической конструкции отрасли права. М., 2007). Нам остается упомянуть о возможности нахождения консенсуса в остром противостоянии изложенных позиций.

Обзор специальной литературы по теме

Литература ко всей теме

Азми Д. М., Филиппова С. Ю. Юридическая конструкция отрасли права: определение и оценка. М., 2007. 82 с.

Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 263 с.

Антропов В. Г. Правовая логика: системность права. Волгоград, 1999. 40 с.

Астафичев П. А. Базовые отрасли российского права: понятия, источники, тесты для самоконтроля. Орел, 2001. 143 с.

Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003 № 1. С. 25—34.

Байтин М. И., Петров Д. Е. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 29—40.

Баранов В. М., Поленина С. В. Система права, система законодательства и правовая система. Н. Новгород, 2000.

Бобылев А. И. Проблемы правопонимания, формирования системы права и системы законодательства // Право и политика. 2002. № 2.

Братусь С. Н. Отрасль советского права: понятие, предмет, метод // Советское государство и право. 1979. № 11.

Гущина Н. А. Система права и система законодательства: соотношение и некоторые перспективы развития // Правоведение. 2003. № 5. С. 198—204.

Иванов С. А. Система и структура права, система законодательства: Лекция. М.: МЮИ МВД России, 1999. 20 с.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2: Правотворческая практика, система и структура права: Текст лекций. Ярославль, 1996.

Кириллова Е. А. О системообразующих критериях современного российского права // Правоведение. 2002. № 5. С. 151—165.

Кудрявцев В. Н., Керимов Д. А. Право и государство: опыт философско-правового анализа. М., 1993. 91 с. (см. С. 47—72, гл. 3 «Системность права»).

Кузьменко А. В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. 2003. № 3. С. 4—11.

Курдюк Г. П., Бутько Л. В. Отрасль права: эволюционирование и перспективы: Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2004. 276 с.

Левченко В. М. Субординация в структуре права (функциональные аспекты): Монография. Рязань, 1996.

Мозолин В. П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107—113.

Парягина О. А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации // Правоведение. 2004. № 6. С. 177—189.

Петров Д. Е. Отрасль права: Монография. Саратов, 2004. 191 с.

Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5—12.

Поленина С. В. Система правовых норм и отраслевое подразделение права // Правоведение. 1987. № 4.

Попондопуло В. Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Правоведение. 2002. № 4. С. 78—101.

Проценко В. П. Система и антисистема права: Монография. Краснодар, 2004. 430 с.

Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности: Материалы V международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 2—3 декабря 2005 г. / Под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005.

Разуваев Н. В. Правовая система и критерии дифференциации права // Правоведение. 2002. № 3. С. 31—55.

Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. 161 с.

Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия (Всероссийская научно-практическая конференция в Нижнем Новгороде) // Государство и право. 1996. № 2. С. 3—28. № 3. С. 8—32. № 4. С. 36—47.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 6—8.

Тиунова Л. Б. О системном подходе к праву // Советское государство и право. 1986. № 10.

Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991.

О ***методах правового регулирования*** см. как теоретические, так и отраслевые исследования:

Алиэскеров М. А. Метод гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 78—83.

Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974.

Демин А. А. Административно-правовой метод: соотношение с другими методами правового регулирования // Государство и право. 2005. № 6. С. 13—19.

Лопатин В. Н. Предмет и методы информационного права: Лекция в СПб ГУ, 2000.

Маврин С. П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 205—216.

Процевский А. И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М.: Юрид. лит., 1972. 288 с.

Рогачев Д. И. Метод права социального обеспечения: Монография. М., 2002. 187 с.

Рукавишникова И. В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 2003. № 1. С. 217—222.

Сорокин В. Д. Метод правового регулирования: теоретические проблемы. М., 1976.

Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень): Монография. СПб., 2003. 659 с.

Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Предмет и метод банковского права // Государство и право. 1998. № 9. С. 29—44.

Челышев М. Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. 2005. № 12.

Шамсумова Э. Ф. Категория «правовой режим» в юриспруденции: Монография. Екатеринбург, 2003. 164 с.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., испр. и дор. М., 2006. 239 с.

О возможности разграничения ***частного и публичного права***, их особенностях и составе см.:

Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1, 2.

Алексеев С. С. Частное право: Научно-публицистический очерк. М., 1999. 160 с.

Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002. 415 с.

Асланян Н. П. Основные начала российского частного права: Монография. Иркутск, 2001. 270 с.

Болгова В. В. Принцип равенства в публичном и частном праве: теоретические проблемы: Монография. Самара, 2004. 268 с.

Гунель М. Введение в публичное право. Институты. Основы. Источники: Пер. с франц. М., 1995.

Малешин Д. Я. Индивидуалистическая модель права в России // Правоведение. 2007. № 6. С. 19—28.

Мисник Г. А., Мисник Н. Н. Публичные и частные интересы в экологическом праве // Государство и право. 2006. № 2. С. 29—37.

Суханов Е. А. Система частного права // Вестник Московского университета. 1994. № 4.

Тихомиров Ю. А. Современное публичное право: Монографический учебник. М., 2008. 446 с.

Черепахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. М., 1994.

Проблемы ***юридического процесса*** и особенности процессуального права анализируются в следующих работах, см., например:

Байтин М. И., Яковенко О. В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 93—102.

Баландин В. Н., Павлушина А. А. О видах юридического процесса // Правоведение. 2002. № 4. С. 22—33.

Лазарева О. В. Правовая процедура. Саратов, 2004. 150 с.

Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003. 233 с.; То же. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2004. 240 с.

Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. 168 с.

Масленников М. Я. Административно-юрисдикционный процесс: понятие и соотношение с иными видами процессуально-правовой деятельности // Государство и право. 2001. № 2. С. 15—20.

Павлушина А. А. Процессуальное законодательство России и Беларуси: проблемы унификации // Государство и право. 2004. № 2. С. 58—62.

Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / Под ред. В. М. Ведяхина. Самара, 2005. 480 с.

Панова И. В. Юридический процесс. Саратов, 1998.

Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. 143 с.

Протасов В. Н. Юридическая процедура. М., 1991.

Теория юридического процесса / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. 192 с.

Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976.

Специально о проблемах ***соотношения процессуального и материального права*** см.:

Баландин В. Н., Павлушина А. А. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 93—101.

Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982.

Проблемы соотношения материального и процессуального права. Труды ВЮЗИ. М., 1980.

Дискуссионной, активно обсуждаемой проблемой (и в советское, и в «перестроечное» время, и сейчас) является ***соотношение системы права и системы законодательства*** (см. окончание разд. 10.2). По этому поводу см. следующие специальные работы:

Баранов В. М., Поленина С. В. Система права, система и систематизация законодательства в современной России: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2002. 239 с.

Бобылев А. И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2. С. 22—27.

Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985.

Лившиц Р. З. Отрасль права — отрасль законодательства // Советское государство и право. 1984. № 2.

Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права и системы советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1987. № 11.

Молодцов М. В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985.

Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999 № 9. С. 5—12.

Поленина С. В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5.

Шебанов А. Ф. Система отраслей законодательства: основания построения // Правоведение. 1976. № 4.

О ***правовых институтах*** см.:

Кириллова Е. А. Правовой институт: понятие и виды: Учеб. пособие / Под ред. И. Н. Сенякина. Саратов, 2000. 52 с.

Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22—27.

Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6.

Самостоятельной проблемой является исследование такой специфической отрасли, как ***международное право***, и прежде всего — ***в его соотношении с национальным правом*** той или иной страны, см., например:

Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002. 415 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2004. № 1. С. 125—126).

Барциц И. Н. Международное право и правовая система Российской Федерации: Учеб.-метод. пособие. М., 2003. 23 с.

Вишняков В. Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Беларуси и России) // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 11—21.

Гаврилов В. В. Теории согласования международных и внутригосударственных правовых норм // Государство и право. 2005. № 12. С. 61—70.

Гинзбургс Дж. Американская юриспруденция о взаимодействии международного и внутреннего права // Государство и право. 1994. № 11. С. 149—156.

Гинзбургс Дж. Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России // Государство и право. 1994. № 3. С. 108—113.

Каламкарян Р. А. Господство права в международных отношениях: Монография. М., 2004. 493 с.

Каламкарян Р. А. Философия международного права. М.: Наука, 2006. 205 с.

Канашевский В. А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004. 266 с.

Конюхова И. А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. 493 с.

Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 115—128.

Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России: Учеб.-практич. пособие. М., 1997. 90 с.

Малахов В. П. Правовые системы государства и международное право: взаимодействие и эффективность: Монография. М., 2004. 127 с.

Манов Б. Г. О соотношении права СНГ и современного международного права // Журнал российского права. 1999. № 7.

Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998.

Могунова М. А. Имплементация норм международного права и региональных организаций в национальные правовые системы стран Северной Европы // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 144—152.

Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М., 1982.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания. (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой, А. В. Сычевой. М., 2004. 536 с.

Реализация международно-правовых норм во внутреннем праве. Киев, 1992.

Рияд Таха Шамсон. Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: теоретические аспекты. М., 2002. 191с.

Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия (Всероссийская научно-практическая конференция в Нижнем Новгороде) // Государство и право. 1996. № 2. С. 3—28; № 3. С. 8—32; № 4. С. 36—47.

Рыхтикова Л. Ю. Конституционно-правовые основы имплементации норм международного права в Российской Федерации. М., 2004.

Саматов О. Ж. Международно-правовое регулирование межгосударственных отношений в Содружестве Независимых Государств: Монография. М., 2005. 236 с.

Тиунов О. И., Манов Б. Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права (обзор) // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 124—142.

Тихомиров Ю. А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3—12.

Толстик В. А. Иерархия российского и международного права. М., 2001.

Хижняк В. С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы. Саратов, 2002. 168 с.

ГЛАВА 13

Правотворчество. Систематизация нормативных правовых актов

13.1. Понятие и виды правотворчества

Нормативные акты, в которых содержатся нормы права, создаются в определенном порядке. Принятие нормативных актов не происходит стихийно, этому предшествует значительная подготовительная работа.

Правотворчество — это деятельность компетентных государственных органов, направленная на создание, изменение или отмену правовых норм путем принятия нормативных правовых актов.

Издавая нормы права, государство содействует зарождению и развитию одних общественных отношений, ограничению и вытеснению других. Правотворчество является необходимым процессом для организации государственного управления обществом, регулирования общественных отношений.

Правотворчество следует отличать от процесса правообразования. Правотворчеством не ограничивается весь сложный процесс образования права. Многие правила поведения до того, как они были выражены в тексте нормативных актов, уже сложились в общественных отношениях, в реальном правовом поведении субъектов права либо сформировались в правосознании народа. Их оставалось только документально оформить, придать им официальную силу. Таким образом, в процессе правообразования можно условно выделить две фазы:

1) возникновение потребностей в правовом регулировании общественных отношений, а иногда и формирование самых необ-

ходимых правил поведения без участия органов государства (объективный процесс);

2) правотворческую деятельность компетентных государственных органов (сознательно-волевой процесс). Именно эта сознательная, официальная деятельность и будет далее рассматриваться.

Виды правотворчества. Основная классификация проводится в зависимости от субъектов правотворчества. На основании этого критерия обычно различают следующие виды правотворчества.

1. Правотворческая деятельность компетентных *государственных органов*. Это наиболее распространенный, наиболее целесообразный, наиболее последовательный вид правотворчества. По своему определению правотворчество — деятельность именно государственных органов. В пределах своей компетенции нормативные акты издают практически все государственные органы.

2. Непосредственное *правотворчество народа* в ходе референдума. В соответствии с ч. 3 ст. 3 Конституции РФ «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Но и в случае принятия решения на референдуме государственные органы не устраняются от участия в правотворческой деятельности: им поручаются все организационные подготовительные процедуры, а также подсчет голосов. Принятие решений на референдуме — достаточно специфический вид правотворческой деятельности, в связи с которым возникает немало интересных проблем: определение круга вопросов, которые целесообразно выносить на народное голосование, особенности их формулирования, необходимость учета мнения меньшинства и т.п.

Две следующие разновидности правотворчества активно развивались на протяжении десятилетий в бывшем СССР, поэтому их не стоит обходить молчанием. Речь идет о правотворчестве общественных организаций и о совместном правотворчестве государственных органов и общественных организаций.

Правотворческая деятельность *общественных организаций*. Здесь обычно говорят о санкционированном и делегированном правотворчестве. Санкционированное правотворчество — это утверждение государственными органами норм, принятых негосударственными организациями; в ряде случаев закон предусматривал такое утверждение или регистрацию уставов и иных актов общественных организаций; впрочем, далеко не все авторы признавали за подобными процедурами значение правотворчества. *Делегированное* правотворчество — это осуществление правотворческой деятельности общественными организациями по поручению компетентных государственных органов. Во времена существования СССР делегированное правотворчество связывалось с передачей общественным организациям отдельных функций государственных органов. Например, профсоюзы имели право издавать нормативные акты

в области охраны труда, управления социальным страхованием (подробнее см.: Правотворчество в СССР. М., 1974. С. 112—117. Правотворчество общественных организаций не следует путать с их деятельностью по регулированию своих внутриорганизационных отношений, в процессе которой издаются не правовые, а корпоративные нормы).

До конца 1980-х гг. была широко распространена также совместная правотворческая деятельность государственных органов и общественных организаций. Особое значение имели, например, совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, например: совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июня 1983 г. «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда». Издание подобных документов было призвано в то время придать содержащимся в них нормам двоякую поддержку — со стороны государства и со стороны общественных организаций.

13.2. Принципы правотворчества

Процесс создания нормативных правовых актов в современном демократическом государстве строится на принципах законности, справедливости, научности, демократизма, гласности.

Законность правотворчества. При рассмотрении этого принципа следует иметь в виду два момента. Во-первых, каждый нормативный акт должен приниматься государственным органом только в пределах его компетенции, только в установленном соответствующими нормативными актами процедурном порядке. Во-вторых, принципу законности должно удовлетворять и содержание нормативного правового акта, не должно быть противоречий с уже принятыми нормативными актами, обладающими по сравнению с ним более высокой юридической силой.

Справедливость. Этот принцип относится прежде всего к содержанию нормативных актов. Понимание справедливости всегда было разным: когда-то вполне справедливыми считались и кровная месть, и принцип талиона, и сословное неравенство. Сейчас справедливость конкретизируется, как правило, указанием на идеи гуманизма, равенства граждан перед законом и т.п.

Научность правотворчества. Здесь также можно выделить по меньшей мере два момента. Во-первых, должны учитываться научные рекомендации при разработке текста конкретного нормативного правового акта, при создании, изложении норм права (как с технико-юридической, так и с содержательной стороны) с целью наиболее эффективного регулирования общественных отношений. Поэтому правотворческие органы должны иметь в своем составе или привлекать к подготовке проектов нормативных правовых

актов профессионалов — как ведущих юристов-ученых, так и юристов-практиков. Во-вторых, необходима научная разработка основ стратегии правотворчества. Речь идет прежде всего о планировании правотворческих работ. Для устранения дублирования, непродуманности, несогласованности необходимы: четкое распределение компетенции правотворческих органов, в том числе с точки зрения теории разделения властей, механизма сдержек и противовесов; согласованность для координации сил на наиболее важных направлениях работы; принятие «пакетом» нормативных правовых актов, регулирующих сходные правоотношения, например закона (или нескольких законов) и развивающих и дополняющих его подзаконных нормативных актов (см. также вопрос «Понятие и основные требования юридической техники»).

Демократизм правотворчества. Этот принцип провозглашает необходимость участия народа в принятии нормативных актов и относится прежде всего к законотворческому процессу. Демократизм воплощается в самом процессе деятельности высшего представительного органа государства — парламента, принимающего законы. К основным формам непосредственной демократии в правотворческом процессе относятся принятие нормативных правовых актов на референдуме, а также обсуждение проектов наиболее важных нормативных правовых актов в средствах массовой информации. Впрочем, государственные органы, заинтересованные в принятии определенных решений, могут свести на нет ценность такого обсуждения. Указывают на то, что практика подобных мероприятий себя не оправдывает, прежде всего из-за отсутствия реального влияния на правотворческий процесс. Так, из 400 тыс. писем, поступивших при обсуждении проекта Конституции СССР 1977 г., почти треть содержала предложения об увеличении продолжительности очередных отпусков рабочим и служащим, но этот вопрос не только не был решен, о нем ни слова не было сказано в докладе о проекте конституции (см.: Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1995. С. 162).

Гласность правотворчества. Результат правотворческой деятельности — нормативные акты, в которых содержатся права и обязанности граждан — должны быть доведены до сведения последних. Граждане должны знать требования, предъявляемые к ним правовыми нормами или, по крайней мере, иметь возможность получить такие знания. Известна презумпция: никто не может оттовариваться незнанием законов (подобное указание содержалось даже в законодательстве дореволюционной России); в частности, незнание закона не освобождает от ответственности. И в этом плане

государство, для того чтобы иметь моральное право привлечения к юридической ответственности, должно обеспечить гражданам возможность знакомства с содержанием нормативных правовых актов. Поэтому необходимо опубликование наиболее важных нормативных документов.

По некоторым подсчетам в период существования СССР около 70% нормативных актов, касающихся прав и свобод граждан, носили закрытый характер, т.е. имели грифы «секретно», «для служебного пользования» и т.п. Подобная практика — когда государство предоставляло гражданам определенные права, налагало определенные обязанности, устанавливало меры юридической ответственности за их невыполнение, однако не предоставляло возможности ознакомиться с данными правовыми нормами — противоречит концепции правового государства, общепризнанным принципам современного международного общения.

В Итоговом документе Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15 января 1989 г. говорится о том, что государства — участники СБСЕ обязуются «эффективно обеспечивать право лиц знать свои права и обязанности и поступать в соответствии с ними, с этой целью публиковать и делать доступными все законы, административные правила и процедуры, относящиеся к правам человека и основным свободам» (Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С. 81).

Комитет конституционного надзора СССР 29 ноября 1990 г. принял заключение о том, что опубликование законов и других нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, т.е. доведение их до всеобщего сведения, является обязательным условием применения этих актов. Законодательство союзных республик в той части, в которой оно прямо или косвенно допускает вступление в силу неопубликованных республиканских нормативных актов, затрагивающих права свободы и обязанности граждан, объявлялось не соответствующим Конституции СССР и международным актам о правах человека и в этой части утрачивающим силу с момента принятия указанного заключения. Ранее принятые, но не опубликованные нормативные акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, подлежали опубликованию соответствующими государственными органами в трехмесячный срок со дня принятия названного заключения. Предполагалось, что такие нормативные правовые акты, не опубликованные до 1 марта 1991 г., утратят юридическую силу.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ «законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Принцип гласности правотворчества не должен наносить ущерб интересам государства и граждан. Поэтому вполне допустима возможность не публиковать отдельные решения высших органов государственной власти, содержащие государственную и служебную тайну, а также сведения, разглашение которых может нанести ущерб интересам граждан организаций и государству; такие акты доводятся только до сведения организаций и граждан, на которых распространяется их действие.

Кроме того, принцип гласности правотворчества указывает на то, что важнейшие нормативные правовые акты недопустимо готовить кулуарно, узким кругом специалистов. Проекты конституций, кодексов, иных значительных документов желательно доводить до сведения научной общественности, публиковать в средствах массовой информации для всеобщего ознакомления и обсуждения.

В свете расширения возможностей для ознакомления с содержанием нормативных правовых актов заслуживает внимания и всесторонней поддержки деятельность негосударственных организаций по неофициальному изданию и распространению наиболее важных нормативных документов.

13.3. Стадии правотворческого процесса

Правотворчество как процесс состоит из отдельных действий. В самом общем плане в правотворческом процессе можно выделить следующие стадии:

1) подготовка проекта нормативного правового акта;
2) принятие (прохождение) нормативного правового акта;
3) введение в действие нормативного правового акта.

В научной литературе высказаны различные взгляды относительно выделения стадий правотворчества и их содержания. Обзор некоторых точек зрения см.: Дрейшев Б. В. Правотворчество в советском государственном управлении. М., 1977. С. 52—61.

Содержание каждой стадии правотворческого процесса зависит прежде всего от вида принимаемого нормативного правового акта. В законодательном процессе, например, важное место отводится законодательной инициативе, право на нее получает конституционное закрепление. Оно предполагает обязанность законодательного органа рассмотреть вопрос об издании соответствующего закона, если инициатива исходит от субъекта названного права. В других случаях субъекты правотворческой инициативы, как правило, не указываются.

1. Стадия *подготовки проекта* нормативного правового акта. На этой стадии принимается решение компетентного государственного органа о необходимости издания документа, о выработке проекта, о включении его в план правотворческих работ, о создании комиссии (или о поручении подготовить проект уже существующим органам или структурным подразделениям того или иного органа государства) и т.д. Затем начинается разработка (текста) проекта нормативного правового акта. В содержательном отношении это один из важнейших этапов правотворческого процесса. Именно здесь должны быть найдены и сформулированы положения, которые в дальнейшем станут нормами права. На данном этапе ведется работа специальных органов, постоянных или временных, необходимо участие специалистов. Обязательной процедурой может быть согласование проекта нормативного правового акта с государственными органами, не участвующими в его разработке, но имеющими к разработанному проекту непосредственное отношение (например, министерства финансов, юстиции и т.п.). В случае подготовки достаточно важного документа предусматривается его предварительное обсуждение, ознакомление с содержанием проекта нормативного правового акта для максимального учета общественного мнения, мнений всех заинтересованных сторон. Эта процедура может предусматривать, например, проведение заседаний подготовительных комиссий с привлечением специалистов или представителей заинтересованных сторон; рецензирование проекта учебными и научно-исследовательскими учреждениями, иными государственными и негосударственными организациями; обсуждение проекта наиболее важных нормативных актов в средствах массовой информации — в печати, на радио и телевидении и т.п. Первая стадия завершается доработкой проекта нормативного правового акта. Текст проекта редактируется окончательно перед внесением на рассмотрение правотворческого органа. Для этого в особых случаях (например, при окончательной доработке проектов конституций) может создаваться специальный орган — редакционная комиссия.

2. Содержание второй стадии правотворческой деятельности — *принятие* (прохождение) нормативного правового акта — зависит в первую очередь от того, каким органом государства (единоначальным или коллегиальным) принимается официальный документ. В первом случае проект подписывается руководителем, хотя и здесь не исключены более сложные варианты, в частности, при возвращении проекта нормативного правового акта на доработку. Принятие нормативных правовых актов коллегиальным органом, например парламентом, представляет собой уже более длительный и более структурирован-

ный процесс, в котором можно выделить следующие этапы: внесение проекта нормативного правового акта на рассмотрение правотворческого органа — эта стадия заканчивается включением проекта нормативного правового акта в повестку дня; обсуждение проекта нормативного правового акта; доработка проекта нормативного правового акта; принятие нормативного правового акта.

При принятии закона парламентом его обсуждение проходит как в комитетах (комиссиях), так и на пленарных заседаниях палат, где законопроект при положительных результатах голосования становится законом. Обсуждение на пленарных заседаниях называется *чтением* законопроекта, и во многих государствах при принятии закона предусмотрены три обязательных чтения. При первом чтении депутаты решают, необходим ли вообще предлагаемый документ. Второе чтение предполагает тщательное, детальное обсуждение законопроекта: идет работа над его содержанием, принимаются либо отклоняются поправки, возможно голосование и по отдельным статьям, разделам документа. В третьем чтении законопроект обсуждается и принимается в целом. Свои особенности имеет и принятие решений на референдуме.

3. Последняя стадия правотворчества — *введение в действие* нормативного правового акта. Существует и иная точка зрения, в соответствии с которой выделяются только две перечисленные выше стадии. Однако большинство авторов склоняются к тому, что правотворческий процесс не может считаться полностью завершенным без включения в него различных процедур, совершаемых с уже принятыми нормативными правовыми актами до вступления их в юридическую силу: подписания, регистрации, официального опубликования или иных способов официального доведения содержания принятого нормативного правового акта до его адресатов и т.п. Многие нормативные правовые акты подлежат обязательному официальному опубликованию — помещению в официальное издание, на которое можно ссылаться (см. один из принципов правотворчества — гласность).

Содержание заключительной стадии правотворчества также в большой степени зависит от вида принимаемых нормативных правовых актов.

Представляет интерес анализ заключительной стадии законотворческого процесса. Официальный текст принятого закона подписывается главой государства. Во многих странах этот акт является составной частью механизма сдержек и противовесов, хотя, например, в Испании, ФРГ это просто формальная процедура, поскольку отказаться от подписания закона глава государства не может. Отказ от подписания закона — вето — может быть абсолютным и отлагательным. *Абсолют-*

ное вето, когда к рассмотрению закона парламент более не возвращается, ушло в прошлое. При *отлагательном вето* парламент вновь рассматривает закон с возражениями главы государства или без таковых. Отлагательное вето преодолевается повторным принятием закона, при этом может быть необходимо квалифицированное большинство голосов. Если в одних странах преодолеть вето главы государства достаточно трудно (например, в США это довольно действенный инструмент в руках президента, было преодолено лишь около 3% вето), то в других — относительно несложно. После подписания закон подлежит официальному опубликованию — помещению его полного подлинного текста в официальном издании. В зарубежном конституционном праве активно используется термин «промульгация закона», под которым понимается или санкционирование законопроекта главой государства и опубликование закона в официальном вестнике (т.е. рассмотренные выше процедуры), или же издание главой государства специального акта, содержащего, в частности, распоряжение об официальном опубликовании закона. Данный акт в официальных изданиях публикуется перед текстом промульгируемого закона.

Анализ первых двух лет практики применения государственной регистрации ведомственных нормативных актов содержится в статье: Жевакин С. Н. Государственная регистрация ведомственных нормативных актов: краткий комментарий и обзор практики применения // Государство и право. 1995. № 5. С. 30—38. Говоря об очевидности и несомненности позитивного значения данного института, автор отмечает: «Известно, что интересы общества в целом и уровень интересов того или иного отдельного ведомства не вполне совпадают. Стремление органа управления повысить ценность своего социального места в структуре общественных связей может выражаться в сознательном или не вполне осознанном стремлении выйти за рамки своих законных полномочий, трактовать их расширительно. С точки зрения данной проблемы контрольная функция Министерства юстиции РФ является мерой, препятствующей разбалансированности отдельных компонентов правовой системы общества и содействующей гармонизации объективных проявлений различных уровней интересов. Ведь создавая то или иное правило, законодатель преследовал определенную социальную цель, и препятствовать разрыву между такими целями и средствами по их достижению призвана государственная регистрация ведомственных нормативных актов. Заданность министерства или ведомства кругом вопросов, отнесенных к его компетенции, в известном смысле затрудняет для него комплексное восприятие и всестороннюю оценку тенденций развития общества и, соответственно, учета социальных последствий вводимой им той или иной нормы. Путь к достижению ведомственных целей как бы освобождает от учета тех результатов, которые непосредственно не связаны с функциями данного органа управления. Например, усиливая своими актами налоговое бремя, финансовые органы абстрагируются от спада производства, усиления теневой экономики и т.п. А между тем такие проблемы, как правило, усугубляются существующими правилами налогообложения» (Там же. С. 31—32).

13.4. Установление и восполнение пробелов в праве

В процессе правотворческой деятельности законы и другие нормативные правовые акты не изобретаются, а фактически черпаются из самой жизни. Как указывал К. Маркс, законодатель «не выдумывает законов, не изобретает их, а только формулирует». Надо иметь в виду, что процесс правообразования — объективный процесс. Потребность в правовом регулировании возникает объективно в связи с необходимостью разрешения конкретных юридических дел. Очень часто случается, что такого рода потребность какое-то время остается неудовлетворенной, т.е. какое-то время нормотворческий орган не издает необходимых правовых норм. Именно здесь обнаруживается проблема пробелов в праве.

Пробел в праве — это такое положение, когда определенные общественные отношения, находящиеся в целом в сфере правового регулирования, оказываются неурегулированными конкретными правовыми нормами.

О пробелах в праве можно говорить преимущественно в переносном значении как об одном из несовершенств права, отсутствии в нем того, что должно быть необходимым его компонентом. Некоторые юристы выделяют в праве «намеренные» пробелы, т.е. употребляют этот термин в прямом смысле. О таких пробелах говорят, например, там, где законодатель сознательно оставлял вопрос открытым с целью предоставить его решение течению времени или отдавал его решение на усмотрение практических органов. Сюда же относят иногда случаи, когда закон содержит ссылки на какие-либо факторы (добрые нравы, практику и т.п.), а правоприменителю предоставляется право конкретизировать абстрактные понятия, употребленные в законе. Выделение «преднамеренных», «умышленных» пробелов запутывает проблематику, так как в этом случае одним понятием объединялись бы разные явления; на самом деле необходимо различать пробел в праве и так называемое *квалифицированное молчание законодателя*.

И еще одна оговорка — при различении права и закона, а точнее, при той посылке, что закон является одной из форм воплощения права, логичнее отыскивать пробелы в законодательстве. Последнее понимается в данном случае широко — как совокупность всех нормативных актов, изданных компетентными органами. Если же принять во внимание официальное признание в качестве источников права обычаев и прецедентов, то следует вести речь о пробелах в позитивном праве вообще.

Пробел в позитивном праве — это тот случай, когда нет ни закона, ни подзаконного акта, ни обычая, ни прецедента.

Пробел в нормативно-правовом регулировании — отсутствие норм закона и норм подзаконных актов.

Пробел в законодательстве (в узком и точном смысле этого слова) — отсутствие закона (акта высшего органа власти) вообще.

Пробел в законе — неполное урегулирование вопроса в данном законе. Подобно этому можно говорить о пробелах в иных нормативных актах, обычаях, прецедентах. Как правило, отсутствие или неполнота нормы в данном акте есть пробел и его, и права в целом.

Как убеждаемся, пробел существует в двух видах — в виде полного отсутствия какого-либо регулирования вопроса и в виде неполноты имеющегося регулирования. Те и другие пробелы являются настоящими, те и другие требуют апелляции к нормотворческим органам на предмет принятия новых норм.

Приведем примеры. Ст. 70 Конституции РФ гласит: «Государственные флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом». До принятия в 2000 г. соответствующих федеральных конституционных законов (т.е. в течение 1993—2000 гг.) *налицо полное отсутствие надлежащего (конституционного) регулирования.* Соответствующие указы Президента РФ, регулирующие эти вопросы, можно было считать лишь средством нормативного преодоления имеющегося пробела в законодательстве, но никак не его восполнением.

Конституция РФ (п. «е» ст. 83, п. «з» ч. 1 ст. 102, ч. 2 ст. 129) установила порядок назначения и освобождения от должности Генерального прокурора РФ. Вместе с тем нигде не содержится указания на возможность временного отстранения его от должности, и с какой-то точки зрения представляется недопустимым отстранение от должности теми, кто его не назначал. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривает отстранение прокурора от должности в случае возбуждения в отношении его уголовного дела вышестоящим прокурором. Над Генеральным прокурором никакой другой прокурор не стоит. *Налицо неполнота правового регулирования.* Скорее всего, это пробел в самой Конституции, поскольку Генеральный прокурор РФ является субъектом конституционно-правовых отношений вследствие того, что вопросы его назначения и освобождения от должности решаются на самом высоком уровне, и было бы недопустимым отстранение его от должности теми, кто его не назначал.

Статья 59 Конституции РФ устанавливает право гражданина на замену военной службы альтернативной гражданской службой в случае, если несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию, а также в иных установленных федеральным законом случаях. Таким образом, конституционная норма устанавливает два основания замены военной службы альтернативной гражданской, но не содержит остальных возможных оснований, отсылая к специальному федеральному закону. Имела место явная неполнота правового регулирования, которая до принятия Федерального закона от

25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» порождала массу конфликтов.

В Определении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2002 г. со ссылками на ряд статей Конституции РФ, ГК РФ и ст. 91 ГПК РСФСР, закрепляющую положения о присуждении судом стороне, в пользу которой состоялось решение, расходов по оплате помощи представителя с другой стороны, признавалось фактическим пробелом отсутствие такой нормы в АПК РФ 1995 г. В новом АПК РФ такая норма есть (ч. 2 ст. 110).

Причины возникновения пробелов в праве разнообразны, о них в той или иной степени речь уже шла выше. Это, в частности, отставание относительно стабильного, статичного права от постоянно развивающихся, динамичных общественных отношений, недостатки законодательной техники, различные неблагоприятные факторы субъективного характера и т.д. Необходимость в правовом регулировании может появиться и после принятия закона, в этом случае пробел можно именовать последующим. Первоначальные пробелы возникают, когда необходимость в правовом регулировании существует уже в момент прохождения законопроекта; причем здесь надо различать пробелы объективного характера (законодатель объективно не может предвидеть потребность в правовом регулировании) и субъективного характера (законодатель игнорирует правила юридической техники и т.д.).

Установление пробелов не означает их выискивания. На практике оно начинается объективно: с того, что какой-то орган, должностное лицо затрудняются в принятии решения по делу из-за отсутствия правового инструмента, позволяющего ответить на все вставшие перед ними вопросы. Для нормотворческих органов это даже не один отдельно взятый казус, а ряд возникающих отношений.

Деятельность по установлению пробелов тесно связана с правотворчеством. Связь эта состоит в следующем.

1. Установление пробелов (а затем и их устранение) и правотворческая деятельность соотносятся между собой как часть и целое. Последняя охватывает также необходимость преобразования правового регулирования, замены его иными видами социального регулирования и т.п.

2. Вхождение в компетентный государственный орган с инициативой об издании акта, призванного закрепить новые, еще не урегулированные отношения, означает одновременно суждение о существовании пробела.

3. Проверка обоснованности такого законодательного предложения есть собственно процесс установления пробелов.

4. Выработка компетентными органами проекта нормативного акта является официальным оформлением гипотезы о существовании пробела и пути его устранения.

5. Принятие нормативного акта означает положительный ответ на вопрос о существовании пробела, а также одновременно окончательное установление и устранение пробела.

В процессе установления пробелов исследуются: содержание действующей системы права; материальные общественные отношения, которые обусловили появление того или иного нормативного акта или требуют его издания; классово-волевые отношения, связанные с изданием акта; правотворческая деятельность государственных (иногда также общественных) органов; правоприменительная практика; правосознание (совокупность правовой идеологии и психологии). Если рассмотреть каждое из указанных направлений, нетрудно убедиться, что в одних случаях преимущественное значение будут иметь методы формально-юридического исследования, а в других — конкретно-социологического.

Пробел в праве может быть *восполнен* только созданием новых норм права, которые регулировали бы не опосредованные правом общественные отношения. Восполнение определенного пробела возможно не иначе как в пределах нормотворческой компетенции того или иного органа. Компетенционные нормы очерчивают, таким образом, границы деятельности по восполнению пробелов для любого органа.

Отсюда, в частности, следует, что каждый нормотворческий орган правомочен устранять пробелы в своих собственных актах, изданных в соответствии с его компетенцией. Наряду с этим каждый орган вправе устранять пробелы, возникающие по причине появления новых общественных отношений, требующих правового регулирования и относящихся к сфере деятельности данного органа.

Таким образом, основное средство устранения пробелов — это правотворчество. Однако возможно разрешение юридического дела в случае пробела в праве и до издания соответствующим правотворческим органом новых правовых норм, в этом случае прибегают к юридической аналогии (см. главу 17 «Реализация права»).

Представляет интерес вопрос о возможном восполнении пробелов в праве деятельностью высших судебных инстанций. Принципиальное решение вопроса не допускает, чтобы разъяснения высших судебных инстанций содержали юридические нормы, которые (хотя бы в подзаконном порядке) вносили дополнения в действующее законодательство. Однако при наличии пробелов в законодательстве, его отставании от жизни центральные органы юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, вынуж-

дены формулировать *правоположения*, вносящие своего рода дополнения в действующую систему нормативного регулирования общественных отношений. Своим содержанием они имеют правило поведения общего характера, которое обращено отнюдь не к определенному суду, а ко всем судебным инстанциям и к неопределенному кругу лиц, которые будут обращаться в судебные учреждения. Единичное применение никогда не исчерпывает содержания подобного руководящего разъяснения. Оно рассчитано на неоднократную реализацию. Руководящее указание пленума, восполняющее пробел в законодательстве, вносит новый элемент в правовое регулирование. Оно, наконец, достаточно определенно, чтобы не отнести его к декларации, по своей структуре содержит все элементы нормы и т.д.

Тем не менее нельзя ограничиваться сказанным. Для отнесения тех или иных актов к источникам права нужно признание их в качестве таковых со стороны государства.

Такое признание может содержаться непосредственно в тексте какого-нибудь закона (expresis verbis) или быть выраженным по смыслу, по «духу» законодательства. Оно может быть явным или молчаливым, прямым или косвенным, позитивным или негативным. Признание государством источника права выражается вовне в том, что реализация его (будь то обычай, или акт государственного органа, или акт общественной организации и т.д.) связана с государственно-правовой охраной, а нарушение его влечет за собой соответствующие средства охраны со стороны государственных органов.

Итак, как фактически, так и юридически отдельные положения постановлений высших судебных инстанций хотя и временно, но *восполняют* пробелы права.

Конечно, наиболее целесообразным и правильным путем, к которому следует стремиться, является деятельность компетентных нормотворческих органов, призванных (каждый в своей области) своевременно устранять все недостатки правового регулирования, в том числе пробелы в праве. Этот путь для стран европейской континентальной правовой семьи больше способствует и укреплению законности, и повышению авторитета самих нормотворческих органов.

Деятельность судов по восполнению пробелов в праве обусловлена самим фактом существования пробелов в законе и тем, что процедура принятия нормативных актов требует известного времени. Наконец, отдельные нормотворческие органы еще недостаточно оперативны в издании соответствующих актов. Высшим судебным инстанциям остается одно из двух: или оставить решение неурегулированных случаев на усмотрение нижестоящих судов, или выработать для них нормативное указание.

Правовосполнительная деятельность судов носит строго подзаконный характер. Поэтому следует считать недействительными все постановления, которые идут вразрез с законом. На изменение действующих нормативных актов суды не управомочены.

Признавая возможность восполнения пробелов судами, нельзя подвергать сомнению обязанность того органа, в актах которого про-

бел обнаружился, устранить его путем издания специального нормативного акта. С другой стороны, суды обязаны (имеют право) входить в соответствующие органы с представлениями по вопросам законодательного порядка. Высшие судебные инстанции наделяются правом законодательной инициативы.

Очень важно отличать пробел в правовом регулировании от похожих явлений, например от ошибки в праве.

Ошибка в праве означает в общем неверную оценку объективно существующих условий и проявление на этой основе не той законодательной воли, какую следовало бы отразить в нормативных правовых актах. Ошибка в праве имеет место тогда, когда нормотворческий орган:

- ошибочно считает какие-либо отношения не подлежащими юридическому воздействию;
- ошибочно рассчитывает обойтись конкретизацией права в ходе его применения;
- ошибочно передает решение вопроса на усмотрение правоприменителя;
- издает норму, в которой нет необходимости;
- решает вопрос не так, как следовало бы решить.

В первых трех случаях ошибка в праве не отрицает, а скорее наоборот, предполагает наличие пробелов. Они могут быть выявлены в процессе применения права. Однако восполнить их сможет только компетентный правотворческий орган, причем в первом случае правоприменитель вообще не имеет права на какие-либо юридически значимые действия.

Пробельность права имеет сходство с явлением противоречивости (*коллизии*) правовых норм. Пробел образуется там, где имеет место радикальная противоречивость норм одинаковой силы, когда одна из них «уничтожает» другую. Однако, как правило, средства разрешения коллизий в праве позволяют одну из норм оставить в силе и, таким образом, здесь перед правоприменителем не стоит проблема преодоления пробела.

Если определенная сфера общественных отношений является объектом правового регулирования, в ней может возникнуть пробел (который может быть преодолен с использованием аналогии закона или права). Но если вновь возникшие общественные отношения не выступают, хотя бы временно, в качестве такого объекта, образуется ***правовой вакуум***. Заполнить правовой вакуум при помощи аналогии невозможно, так как отсутствует само право, а в такой ситуации не с чем проводить аналогию. Данный термин используется при характеристике права переходного периода, при анализе новых отраслей права и правовых институтов (см.: Малиновский А. А. Правовой вакуум — новый термин юридической науки // Государство и право. 1997. № 2. С. 110, 112).

13.5. Систематизация нормативных правовых актов

Для лучшего нахождения правовых норм и ориентации в нормативном материале нормативные правовые акты определенным образом группируются или даже перерабатываются.

Систематизация нормативных правовых актов — это деятельность по упорядочению и совершенствованию законодательства, приведению его в определенную систему путем составления единых нормативных правовых актов или их сборников.

Значение научно обоснованной систематизации нормативных актов велико как для правотворческой деятельности (можно выявить несогласованности, пробелы в нормативном материале и быстро их устранить), так и для правоприменителей (можно быстро найти нужную норму права, уяснить ее смысл). Традиционно различают три формы систематизации нормативных правовых актов: *инкорпорацию*, *кодификацию* и *консолидацию*.

Инкорпорация — форма систематизации, при которой происходит объединение различных нормативных правовых актов в сборники, расположение их в определенном порядке.

Инкорпорация может проводиться как уполномоченными на то государственными органами, так и частными лицами (в основном научными работниками или правоприменительными органами в учебных целях или для удовлетворения потребностей практики). В первом случае она называется *официальной*, во втором — *неофициальной*. К официальным инкорпорированным сборникам (например, Собранию законодательства Российской Федерации) следует обращаться при уточнении текста нормативного акта.

Нормативные правовые акты могут объединяться в сборники по различным признакам (критериям). Если нормативные правовые акты группируются в той последовательности, в которой они принимались, т.е. по времени принятия, то такую инкорпорацию называют *хронологической* (например, Собрание законодательства Российской Федерации). Если же в сборники сведены вместе нормативные акты, в которых содержатся нормы права, регулирующие определенную однородную сферу общественных отношений, то это *систематическая* инкорпорация (см., например: Порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов: Сборник нормативных правовых актов. М., 1996. 102 с.).

Официальным периодическим изданием является «Собрание законодательства Российской Федерации», в нем публикуются федеральные конституционные законы, федеральные законы (первый раздел), акты

палат Федерального Собрания (второй раздел), указы и распоряжения Президента РФ (третий раздел), постановления и распоряжения Правительства РФ (четвертый раздел), решения Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ и о соответствии Конституции РФ законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ или отдельных положений перечисленных актов (пятый раздел).

Систематическая, или предметная, инкорпорация более удобна, поскольку позволяет легче находить необходимый нормативный материал. Высшей формой предметной инкорпорации является свод законов — систематический сборник расположенных в определенном порядке законов и важнейших подзаконных нормативных актов. Продолжительное время в XIX—XX вв. действовал Свод законов Российской империи, состоявший из 15, а в последующем — 16 томов. Свод законов как результат тщательной предметной инкорпорации — документ для практики чрезвычайно важный и полезный, однако работу над его созданием следует начинать лишь при стабильных общественных отношениях и, соответственно, при стабильном законодательстве. По мнению В. К. Бабаева, высказанному в первой половине 1990-х гг., работа по созданию и свода законов СССР, и аналогичного свода законов, изданного в России, оказалась преждевременной. Несомненно, опыт этой деятельности будет полезен в будущем. С течением времени ситуация меняется, в начале 1995 г. был издан указ Президента РФ «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации». Свод законов станет официальным систематизированным полным собранием действующих нормативных актов Российской Федерации. Проблемы, связанные с подготовкой свода законов России, начали разрабатываться и в науке (см.: Поленина С. В., Колдаева Н. П. О своде законов Российской Федерации. М., 1997. 56 с.).

Кодификация — такая форма систематизации, при которой происходит коренная переработка нормативного материала, объединение его в новые, единые, внутренне систематизированные нормативные правовые акты.

При кодификации изменяется содержание нормативных актов, отменяются устаревшие нормы права, вводятся новые; многие нормы переформулируются, устраняются повторы, противоречия, ликвидируются пробелы и т.д. Именно этим данная форма систематизации отличается от инкорпорации. В содержание кодификации входит, таким образом, в качестве необходимого элемента и правотворческий процесс. Кодификация связана с совершенствованием законодательства. В результате кодификации появля-

ются крупные, внутренне систематизированные и согласованные нормативные акты, чем достигается наилучшее качество правового регулирования общественных отношений. Кодифицированный (или — кодификационный) нормативный правовой акт может именоваться по-разному: законом, положением, уставом и как-то иначе, хотя для обозначения именно такого документа выработан специальный термин «кодекс». Большинство кодифицированных актов направлены на детальное и всестороннее правовое регулирование соответствующих общественных отношений, часто исключается необходимость конкретизации содержащихся там предписаний в иных нормативных правовых актах. Вследствие многочисленности регулируемых общественных отношений и из-за необходимости большой степени детализации предписаний кодифицированные акты отличаются значительным объемом. В отличие от инкорпорации кодификация всегда проводится компетентным государственным органом, она обязательно носит официальный характер.

В Российской Федерации, как и в других государствах континентальной Европы, право носит кодифицированный характер. То есть нормы многих отраслей права сведены в крупные, внутренне систематизированные нормативные правовые акты: нормы уголовного права — в УК РФ, трудового права — в ТК РФ и т.д. Основные кодификации в республиках бывшего СССР прошли в 1920-х и 1960-х гг. Изменения, произошедшие во всех сферах жизни общества в конце 1980 — начале 1990-х гг., потребовали адекватных изменений и в законодательстве, что обусловило проведение в 90-х гг. крупных кодификационных работ.

На основе изложенного материала можно уточнить понимание правотворческого процесса, его соотношение с кодификационными работами. В результате правотворчества разрабатываются и издаются главным образом некодифицированные нормативные правовые акты, и таковых — абсолютное большинство. Кодификация — особый, специфический вид правотворческой деятельности, проводимой с целью совершенствования действующего законодательства путем издания сводных нормативных правовых актов, содержащих систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на регулирование определенной области общественных отношений (см.: Правотворчество в СССР. М., 1974. С. 231—247).

Консолидация — такая форма систематизации, при которой нормативные правовые акты дорабатываются, дополняются и объединяются в новый нормативный правовой акт.

Консолидация проводится с целью устранения ненужных повторов или противоречий, сокращения количества нормативных

актов, для удобства нахождения последних и пользования ими. Этот вид систематизации нормативных актов — нечто среднее между инкорпорацией и кодификацией. Результатом консолидации, как и при кодификационных работах, является один нормативный акт, однако сам нормативный материал не перерабатывается, возможна лишь редакторская правка, исключение отдельных правовых норм для устранения противоречий.

Удачный пример, ставший классическим в учебной литературе по теории государства и права, — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. «О праздничных и памятных днях», который заменил собой 48 нормативных актов. Каждым из этих документов в свое время вводился тот или иной праздничный или памятный день, а принятый Указ, не изменяя сути нормативного регулирования, упорядочил нормативный материал, объединив его в один документ. Подобные мероприятия проводятся компетентными государственными органами, и поэтому в данном случае консолидация носит официальный характер.

Таким образом, систематизация нормативных правовых актов может быть направлена на совершенствование либо содержания правовых норм (так называемая внутренняя систематизация), либо расположения нормативного материала (так называемая внешняя систематизация). Инкорпорация представляет собой только внешнюю систематизацию; кодификация охватывает и внешнюю и внутреннюю: консолидация — это прежде всего внешняя систематизация и в небольшой степени — внутренняя.

Иной точки зрения придерживается В. К. Бабаев. Он утверждает, что традиционное деление систематизации на виды не отражает реального положения вещей, поскольку систематизация как деятельность по упорядочению законодательства имеет дело с уже готовым нормативным материалом, а кодификация — это, по сути, создание новых нормативных правовых актов. Кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой самостоятельную, причем основную форму совершенствования законодательства (см.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. С. 331—332).

Развитие компьютерных технологий открывает широкие возможности для быстрой и правильной ориентации в нормативном материале, скорейшего нахождения нужных документов. Поэтому, говоря о систематизации нормативных правовых актов, следует иметь в виду существование различного рода справочных компьютерных программ. За рубежом такие программы разрабатываются с 1960-х гг., в Советском Союзе исследования в этом направлении активизировались в 1980-х гг. Самая крупная на то время система правовой информации — АИПС (автоматизированная информационно-поисковая система) «Законодательство» —

была создана в Научном центре правовой информации Министерства юстиции СССР (см.: Правовая информатика и кибернетика: Учеб. / Под ред. Н. С. Полевого. М., 1993. С. 258—270, 390—408).

Используемые в настоящее время информационно-справочные правовые системы (КонсультантПлюс, Гарант и т.п. — в России сейчас разрабатываются и используются не менее 15 подобных систем) содержат несколько тысяч нормативных правовых актов и позволяют вести поиск нормативного правового акта по его данным (вид акта, название, орган, принявший нормативный правовой акт, номер, дата принятия, номер государственной регистрации, дата государственной регистрации), по данным о публикации в периодических изданиях, по слову в тексте или в заголовке нормативного правового акта. Возможны также просмотр старых редакций нормативных правовых актов, создание тематических подборок, создание сборного документа на основе фрагментов нормативных правовых актов, вывод на печать всей информации и многое другое. Подобные информационно-поисковые системы могут оказать неоценимую помощь при составлении различных инкорпорированных сборников, консолидированных актов и при кодификационных работах.

13.6. Понятие и основные требования юридической техники

Процесс издания или отмены нормативных актов, внесения в них изменений идет постоянно, поскольку необходимо совершенствование законодательства в целях наиболее адекватного регулирования общественных отношений. В этой деятельности следует соблюдать определенные правила, которые получили название «юридическая техника».

Юридическая техника — это совокупность правил разработки, оформления, публикации и систематизации нормативных правовых актов.

Здесь прослеживается связь с одним из признаков, свойств права — формальной определенностью, т.е. с выражением норм права в тексте нормативных актов при помощи языковых средств. Юридическая техника — это прежде всего правила внешнего изложения права, и очень часто речь идет просто об элементарных требованиях правовой культуры.

Наибольшее значение имеют правила разработки и формулирования норм права, а также правила построения, оформления и публикации нормативных правовых актов.

Основные *правила*, которых следует придерживаться в процессе *разработки и формулирования норм права*, таковы: доступ-

ность норм права для понимания, их ясность, отсутствие излишней сложности; четкость формулировок, терминологическая строгость (т.е. необходимо единство терминологии, тождественность употребления терминов — общеупотребительных, специальных, юридических — в разных сочетаниях в различных частях данного нормативного акта, в других нормативных актах); использование юридических конструкций в соответствии с определенными правилами; оправданное использование тех или иных способов изложения элементов правовых норм; нецелесообразность повторения положений, изложенных в нормативных актах вышестоящих органов; использование названий государственных органов и организаций, наименований встречающихся нормативных актов в соответствии с официальным обозначением и т.п.

Правила построения нормативных актов: логическая последовательность изложения нормативного материала (в частности, сначала принято излагать более общие предписания, затем — более конкретные); согласованность и однородность включенного в нормативный правовой акт нормативного материала; оправданная рубрикация нормативных правовых актов, разграничение их на части, снабженные заголовками: разделы, главы, статьи, отсутствие противоречий между частями нормативного акта, между разными нормативными актами; достижение согласованности между нормативными правовыми актами, составляющими одну отрасль законодательства, содержащими предписания, регулирующие сходные общественные отношения.

Нередко приходится решать вопрос относительно количества и иерархии нормативных правовых актов, следует принимать один или относительно немного или же несколько нормативных актов, сокращать или увеличивать число нормативных актов, составляющих одну отрасль законодательства? Решение этих проблем зависит от многих причин, и прежде всего от характера общественных отношений, особенностей их правового регулирования. Удобно, конечно, использовать сравнительно небольшое количество нормативных актов, составляющих отрасль законодательства, однако следует учитывать, что в один нормативный акт желательно включать достаточно однородный материал. Возникают и другие вопросы: законом или подзаконным нормативным актом должны регулироваться те или иные общественные отношения; какие нормы права должны содержаться в законе, а какие — в подзаконных нормативных актах?

К этому же блоку требований юридической техники можно отнести и необходимость совершенствования законодательства путем своевременного внесения поправок, издание нормативных

правовых актов в новой редакции, приведение перечня отмененных нормативных правовых актов.

Существуют и *правила оформления и публикации* нормативных правовых актов. Речь идет о наличии обязательных реквизитов нормативных правовых актов: название и наименование, указание органа, издавшего нормативный правовой акт, дата и место принятия, номер нормативного правового акта, соответствующие подписи, печати. Должны быть решены также вопросы, связанные с введением в действие вновь принятых нормативных правовых актов, со своевременной отменой потерявших свое значение или недействующих документов. При ссылке на нормативный правовой акт принято указывать на основные его реквизиты, а также на официальный инкорпорированный сборник, в котором данный акт был опубликован.

Интересно сравнение юридической техники в странах с континентальной и с англосаксонской системами права. К примеру, в английских законах, как правило, нет предписаний общего характера, не формулируются какие-либо общие принципы. Законодатель старается предусмотреть максимально возможное число конкретных ситуаций, вникает во множество деталей. Законы предельно казуистичны, переполнены многочисленными исключениями, исключениями из исключений, разграничениями и квалификациями.

Вот что по этому поводу отмечают западногерманские компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кетц:

«Для юристов континентальной Европы английское право всегда представляется как нечто странное и необычное. На каждом шагу они вынуждены сталкиваться с правовыми институтами, процедурами и традициями, которым невозможно подыскать аналогов в привычном мире правовых понятий континента. Наоборот, они с сожалением констатируют, что в английском праве отсутствует многое из того, что кажется им само собой разумеющейся предпосылкой для нормального отправления правосудия, как, например, ГК, торговый кодекс, Гражданский процессуальный кодекс (ГПК), логичная и выстроенная по единой схеме система понятий. Вместо этого они видят юридическую технику, основу которой составляют не тексты законов и их толкование и не система юридических понятий, опосредствующих явления социальной жизни и служащих инструментом их классификации. Для английских юристов более характерными являются преюдициальный образ мышления, стремление систематизировать прецеденты. Они склонны детально обсуждать жизненные проблемы и аргументировать свои выводы, опираясь скорее на конкретные и исторические факты, нежели на абстрактные понятия» (Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. Основы. М., 1995. С. 273—274).

«Там, где континентальный законодатель удовлетворится одним всеобъемлющим понятием, английский использует пять специальных, чтобы допустимым было одно-единственное толкование и тем самым была ограничена свобода действий судей. По мнению Поллока, искусство законодателя в конце XVIII в. заключалось в том, чтобы «сложить в одну кучу как можно больше нужных и ненужных слов в надежде, что многословие обеспечит надежную защиту содержанию законодательного акта» (A First Book of Jurisprudence. 1929. P. 359).

В целом следует отметить, что последствия этого можно наблюдать и в современном законодательстве. Юрист, представляющий континентальную систему права, еще и сегодня с удивлением обнаруживает довольно частую практику, когда из употребляемых в законе понятий составляют лексикон и помещают его в начале текста, а затем дают им определения, как в учебнике. Амос называет такую юридическую технику «инструментом обеспечения закона своим собственным словарным запасом». Английский закон о толковании 1978 г. сплошь состоит из таких объяснений слов. Там, например, совершенно серьезно провозглашается: «В любом акте, если нет иного намерения, слова мужского рода включают слова женского рода, а слова в единственном числе включают слова во множественном числе».

На каком же уровне находится законодательная техника в стране, в которой требуются столь тривиальные вспомогательные средства?

Педантизм и мелочность языка законов коренятся, разумеется, не только в стремлении максимально ограничить возможности для их толкования судьей. Причиной тому является также и формализм юридического мышления, следы которого заметны и по сей день. Английский судья, пытаясь воспрепятствовать обходу закона, облекает свои решения по простейшим делам в многословные, витиеватые и трудные для понимания формулировки.

Не только законы, но и договоры, и завещания еще и сегодня составлены на языке, который континентальному юристу кажется средневековым. Если в Германии договор найма жилой площади содержит простую формулировку «Наймодатель сдает внаем квартиросъемщику следующую квартиру», то аналогичная формулировка в договоре, заключенном в Англии или США, будет звучать приблизительно следующим образом: «Владелец дома сдает внаем и тем самым предоставляет, сдает в аренду и внаем квартиросъемщику, а квартиросъемщик соглашается взять внаем и в аренду и сим берет внаем и в аренду следующую квартиру...» Множество подобных примеров можно отыскать с легкостью в формулярных книгах Англии и США.

В основе этого, разумеется, лежит сословный интерес юристов: им не может не понравиться, когда простые вещи с помощью искусственного юридико-технического языка покрываются завесой таинственности, проникнуть через которую простой гражданин без помощи специалиста не в состоянии» (Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 399—400).

Обзор специальной литературы по теме

Принципиальные проблемы правотворческого процесса активно дискутировались в истории политико-правовой мысли, обсуждалось общее отношение к совершенствованию законодательства (каким путем следует реформировать общество, изменять в лучшую сторону свойства человека и т.д.). Рассматривались условия, которые при этом следует соблюдать (соответствие государственному строю, «духу законов», пределы законотворческой деятельности и т.п.), достоинства и недостатки демократических начал в правотворческом процессе, общие требования юридической техники, необходимость и основные начала систематизации законодательства и т.д., см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень Т. 2. С. 198—238.

По изучаемой теме во многом не утратила своей ценности монографическая литература советского периода; в то же время следует обратить внимание и на новые исследования. Целесообразно ознакомиться с конституционной регламентацией законотворческого процесса (см. ст. 104—108, 134—137 Конституции РФ), а также с нормативными актами, регулирующими процесс разработки, принятия и введения в действие законов, принимаемых парламентами, иных нормативных документов, издаваемых различными государственными органами (относительно российского законодательства см., например, сборник: Порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов. Сборник нормативных правовых актов. М., 1996. 102 с).

В юридической науке уже достаточно продолжительное время ведутся дискуссии по проблеме подготовки закона, определяющего виды нормативных правовых актов, их основное содержание и юридическую силу, механизм реализации и делегирования правотворческих полномочий, общим вопросам подготовки, издания и действия законов и других нормативных правовых актов. По этой проблематике см.:

Казьмин И. Ф., Поленина С. В. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. 1989. № 12. С. 3—9.

Пиголкин А. С., Казьмин И. Ф., Рахманина Т. Н. Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76—86.

Поленина С. В. и др. Инициативный проект федерального Закона о законах и иных нормативно-правовых актах РФ // Государство и право. 1995. № 3. С. 57—68.

Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибуллин А. Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88—93.

Юристы России ждут закон о нормативных правовых актах // Журнал Российского права. 1997. № 10.

Юртаева Е. А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 12—22.

В некоторых субъектах РФ подобные нормативные правовые акты уже приняты, см., например: Игнатенко В. В. Модельный региональный закон о правотворческой деятельности: концепция и содержание. Иркутск, 1995.

Общие проблемы создания и типологии нормативных правовых актов, совершенствования законодательства интересуют не только теоретиков, но и специалистов по иным юридическим дисциплинам, и прежде всего — по конституционному праву, поэтому ниже приведены не только теоретические исследования. При необходимости можно ознакомиться в большем объеме с литературой по конституционному праву, в частности, с учебниками по конституционному праву зарубежных стран (см., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб.: в 4 т. Т. 1—2. М., 1993—1995; Сравнительное конституционное право. М., 1996. 729 с; Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 1997. 672 с).

О правообразовании, социальных факторах правотворчества см.:

Дробязко С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2003. Вып. 14. С. 15—34.

Колдаева Н. П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 32—41.

Колдаева Н. П. К вопросу о социологических аспектах правообразования // Теория права: новые идеи. Вып. 3. М., 1993. С. 37—44.

Лукьянова Е. Г. Некоторые проблемы правотворчества в современной России // Правоведение. 2007. № 6. С. 159—165.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.

Соколова А. А. Социальные аспекты понятия «правообразование» // Государство и право. 2004. № 7. С. 79—84.

Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования / Европ. гуманитар. ун-т. Минск, 2003. 157 с.

Ряд специальных исследований посвящены проблемам ***законотворчества*** как наиболее важной разновидности правотворчества, в их числе см.:

Абрамова А. И. Законодательный процесс в Российской Федерации: проблемы и перспективы: Науч.-практ. пособие. М.: Юристъ, 2005. 139 с. (рецензия: Чернобель Г. Т. Процесс создания закона // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 138—140).

Абрамова А. И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 14—23.

Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, оформление // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 9—17.

Баранов В. М. Концепция законопроекта: Учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. 190 с.

Бачило И. Л. О методологии и юридической технике законотворчества // Государство и право. 2006. № 6. С. 14—22.

Бошно С. В. Влияние судебной практики на законотворчество // Государство и право. 2004. № 8. С. 14—22.

Власенко Н. А. Законодательная технология (Теория, опыт, правила): Учеб. пособие. Иркутск, 2001. 144 с. (рецензия: Белкин А. А. и др. // Правоведение. 2001. № 5. С. 272—275).

Гребенников В. В., Васецкий Н. А., Полуян Л. Я. Федеральный законодательный процесс в зеркале статистики (Аналитический обзор) // Государство и право. 1998. № 9. С. 91—97.

Закон: создание и толкование / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998.

Законодательный процесс в России: граждане и власть: А. С. Автономов, Л. Н. Завадская, А. А. Захаров и др. М., 1996. 80 с.

Законодательный процесс: Понятие. Институты. Стадии: Научно-практ. пособие / Отв. ред. Р. Ф. Васильев. М., 2000. 320 с.

Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практ. и учеб. пособие / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 2000. 605 с.

Кокотов А. Н. Федеральный законодательный процесс: понятие и структура // Правоведение. 2001. № 1. С. 53—63.

Косопкин А. С. Психология парламентского законотворчества. М.: Наука, 2006. 182 с. (рецензия: Брычева Л. И., Пчелинцев С. В. Психологические аспекты законотворческого процесса: современный взгляд // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 156—159).

Котелевская И. В. Информация и законодательный процесс // Советское государство и право. 1990. № 9.

Краснова О. И. К вопросу о некоторых принципах федерального законодательного процесса России // Государство и право. 2005. № 12. С. 97—100.

Крестьянинов Е. В. Особенности порядка принятия федеральных конституционных законов // Государство и право. 1995. № 12. С. 3—10.

Надеев Р. К. Правовое обеспечение законопроектной деятельности Государственной Думы. М., 1997.

Окуньков Л. А., Рощин В. А. Вето Президента: Научно-практ. пособие. М., 1999. 352 с.

Очерки методологии законотворчества: Материалы Первого Конгресса. 9—11 сентября 1993 г. Б. м., 1996.

Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. 145 с. (рецензия: Исаков В. Б. // Государство и право. 1997. № 2. С. 113—114).

Шохин А. Взаимодействие властей в законодательном процессе. М., 1997.

Шупленков В. П. Законотворчество: фундаментальный курс. М., 1993.

В связи с законотворчеством в Российской Федерации см. также:

Гаджимагомедов Г. А., Ивлиев Г. П. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. М., 2008. 244 с.

Курманов М. М. Участие законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в федеральном законодательном процессе // Государство и право. 2004. № 10. С. 52—56.

Организация законопроектной работы в системе федеральных органов исполнительной власти / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Юристъ, 2006. 140 с.

Шувалов И. И. Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе: Монография. М.: Норма, 2004. 144 с. (рецензия: Евдокимов В. Б. // Правоведение. 2005. № 3. С. 251—253).

В связи с активным развитием законотворческой деятельности разрабатываются и идеи ***стабильности закона***, см.:

Конституция и закон: стабильность и динамизм / В. А. Туманов, М. В. Баглай, Н. С. Малеин и др.; Отв. ред. В. П. Казимирчук. М., 1998. 207 с.

Концепция стабильности закона / В. П. Казимирчук и др. М., 2000. 175 с.

Худойкина Т. В. Стабильность закона или законодательства? (Теоретические и практические аспекты) // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 18—28.

В последние годы развиваются исследования в области ***мониторинга законодательства***, повышения его ***эффективности***, см.:

Анализ коррупционности законодательства: памятка эксперту по первичному анализу коррупционности законодательного акта / Под ред. В. Н. Южакова. М.: Статут, 2004. 64 с.

Апт Л. Ф. Теоретические вопросы правовой экспертизы федеральных законов // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 18—25.

Головщинский К. И. Диагностика коррупциогенности законодательства. М., 2004. 63 с.

Горохов Д. Б., Глазкова М. Е. Организация правового мониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 17—29.

Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25—38.

Качество закона и проблемы юридической техники (обзор) // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 150—161.

Малиновская Е. В. Проблема неэффективности нормативно-правовых актов как междисциплинарная (Критичность проблемы и принципиальные решения). Ч. 1. Критичность проблемы, ее сущность и постановка основной задачи по решению. М., 2003. 118 с.

Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение (Материалы всероссийской научно-практической конференции 23 июня 2003 года). М.: Издание Совета Федерации, 2003. 279 с.

Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение (Материалы всероссийской научно-практической конференции 20 мая 2004 года). М.: Издание Совета Федерации, 2005. 301 с.

Оценка законов и эффективность их принятия. Изд. 2-е., перераб. и доп. / Сост. и отв. ред. Н. В. Ильина; н. ред. Г. П. Ивлиев. М., 2005. 168 с.

О ***правотворческой деятельности органов исполнительной власти*** см.:

Арзамасов Ю. Г. Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. Барнаул, 2003. 172 с.

Арзамасов Ю. Г. Нормотворческая компетенция федеральных органов исполнительной власти // Государство и право. 2007. № 6. С. 21—29.

Костенников М. В. Порядок разработки и принятия правовых актов органов внутренних дел: Учеб. пособие. М., 2001. 124 с.

Костенников М. В. Правовые акты органов исполнительной власти, их разработка и принятие: Монография. М., 2000. 109 с.

Сидорчук И. П. Пути повышения качества ведомственного правотворчества // Право и демократия. Минск, 1991. С. 70—75.

О проблемах ***регионального правотворчества*** см., например:

Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М., 2000.

Игнатенко В. В. Региональное правотворчество и законодательство: основные понятия и термины. Иркутск, 1996.

Казанцев М. Ф. Законодательная деятельность субъектов Российской Федерации: проблемы становления и опыт проекта законодательного кодекса. Екатеринбург, 1998.

Манохин В. М. Правотворческая деятельность в субъектах Российской Федерации: вопросы методики. Саратов, 2000.

Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: теория, практика, методика / Под ред. А. В. Гайды и др. Екатеринбург, 2001. 441 с.

Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации: Научно-метод. пособие / Отв. ред. А. С. Пиголкин. М., 1998. 272 с.

Тихомиров Ю. А., Зражевская Т. Д. Правотворчество области как субъекта Российской Федерации // Государство и право. 1997. № 1. С. 12—18.

О проблемах ***правотворческой деятельности органов местного самоуправления***:

Васильев М. А. Правовое регулирование нормотворческой деятельности в муниципальных образованиях. Обнинск, 2002. 126 с.

Кабышев С. В., Козюк М. Н. Муниципальное правотворчество: Науч.-метод. пособие. М.: Формула права, 2000. 144 с.

Масловская Т. С. Нормотворчество органов местного самоуправления Российской Федерации. Сургут, 1999.

Масловская Т. С. Правотворчество в области местного самоуправления: Монография. М., 2004. 338 с.

О ***зарубежном опыте правотворческой и правосистематизационной деятельности***:

Керимов А. Д. Закон во Франции: от принятия до промульгирования // Государство и право. 1997. № 7. С. 71—74.

Ковачев Д. А. Законодательный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1966.

СССР — Франция: социальные вопросы правотворчества. М., 1980. 128 с.

Тихомиров Ю. А. Проблемы сравнительного законоведения // Государство и право. 1993. № 8. С. 43—51.

По вопросам ***пробелов в праве*** см. (см. также общую литературу по правоприменению в главе 17):

Акимов В. И. Понятие пробела в праве // Правоведение. 1969. № 3.

Дресвянкин В. Б. Пробелы в российском трудовом праве. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. 136 с.

Забигайло В. К. Проблема «пробелов в праве»: к критике буржуазной теории. Киев, 1974. 135 с.

Кондратьев Р. И. Восполнение пробелов трудового права локальными нормами // Советское государство и право. 1977. № 3. С. 58—65.

Лазарев В. В. Буржуазный юрист о пробелах в праве // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 1967. № 3. С. 88—90.

Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. 184 с.

Лазарев В. В. Пробелы в праве: вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права. Казань, 1969. 96 с.

Лихачев В. Н. Пробелы в современном международном праве. Казань, 1985.

Ляпунов Ю. И. Реформа уголовного законодательства и пробелы права // Советская юстиция. 1989. № 3.

Малиновский А. А. Правовой вакуум — новый термин юридической науки // Государство и право. 1997. № 2. С. 109—112.

Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49—57.

Потемкина А. Т. Пробелы в сфере законодательного регулирования исполнения наказания в виде исполнительных работ // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы: Сб. науч. тр. М., 1989. С. 87—94.

Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования. М., 1998.

Специальные работы о ***систематизации законодательства*** (см. и монографии, посвященные исследованию проблем правотворческой деятельности):

Баранов В. М. и др. Систематизация нормативно-правовых актов / В. М. Баранов, Т. Н. Рахманина, В. М. Сырых. Н. Новгород, 1993.

Баранов В. М., Поленина С. В. Система права, система и систематизация законодательства в современной России: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2002. 239 с.

Виакер Ф. Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения / Ред.-сост. О. А. Омельченко. 2000. Вып. 1. С. 128—154.

Вопросы кодификации: Сб. науч. ст. М., 1957.

Галузо В. Н. Систематизация законодательства в России (1649—1913): Учеб. пособие. М., 2007. 111 с. (рецензия: Радько Т. Н. // Государство и право. 2008. № 5. С. 121—122).

Желдыбина Т. А. Проблемы кодификации права в учении Г. Ф. Шершеневича // Правоведение. 2007. № 4. С. 154—160.

Кабрияк Р. Кодификации / Пер. с фр. Л. В. Головко. М., 2007. 476 с.

Калинин С. А. Систематизация законодательства как форма правотворческой деятельности в Республике Беларусь // Право и демократия. Сб. науч. тр. Вып. 11. Минск, 2001. С. 43—50.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5. Правосистематизирующая практика: Текст лекций. Ярославль, 1999. 225 с.

Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.

Колдаева Н. П. Конституционные основы систематизации законодательства Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 2. С. 13—16.

Литягин Н. Н. Организационные предпосылки систематизации законодательства // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 29—35.

Литягин Н. Н. Ревизия и систематизация законодательства // Государство и право. 2003. № 4. С. 26—32.

Михайлов О. В. Систематизация нормативно-правовых актов как способ их совершенствования. М., 2003. 112 с.

Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5.

Морозова Л. А. Современное состояние российского законодательства и его систематизация («круглый стол» журнала «Государство и право») // Государство и право. 1999. № 2—3.

Пилипенко А. Н. Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права 2001. № 9. С. 109—119.

Развитие кодификации советского законодательства. М., 1968.

Рахманина Т. Н. Актуальные проблемы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 30—39.

Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М.: Юристъ, 2005. 141 с.

Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 42—48.

Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / Отв. ред. И. С. Самощенко. М., 1981. 256 с.

Сидорчук И. П. Кодификация законодательства — приоритетное направление его совершенствования. Минск, 2006. 151 с.

Систематизация законодательства в Российской Федерации / Под ред. А. С. Пиголкина. СПб., 2003. 380 с.

Теоретические вопросы систематизации законодательства / Под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1962.

Тихомиров Ю. А. Кодекс среди законов // Право и экономика. 2002. № 2.

Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. О кодификациях и кодексах // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 47—54.

Тихомиров Ю. А., Юртаева Е. А. Кодекс в системе законодательных и иных правовых актов // Журнал российского права. 1997. № 4.

Специальная литература о проблемах ***юридической техники*** (см. также монографические исследования правотворческой деятельности и систематизации законодательства):

Брауде И. Л. Очерки законодательной техники. М., 1958.

Власенко Н. А. Основы законодательной техники. Иркутск, 1995.

Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8.

Денисов С. А. Типичные приемы законодательной техники, используемые в интересах групп управленцев // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст.: в 2 т. Т. 1 / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. С. 254—268.

Законодательная техника / Под ред. Д. А. Керимова. Л., 1965. 143 с.

Законодательная техника: Научно-практ. пособие / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. 272 с.

Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст.: в 2 т. / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. 543, 542 с.

Каратеев П. Ю. Законодательная техника: некоторые теоретические вопросы // Правоведение. 2004. № 6. С. 137—144.

Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16—24.

Кашанина Т. В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 25—35.

Кашанина Т. В. Юридическая техника: Учебник. М.: Эксмо, 2007. 512 с.

Керимов Д. А. Законодательная техника: Научно-метод. и учеб. пособие. М., 1998.

Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. 160 с.

Ковтун Н. Дефекты законодательной техники вызывают трудности в правоприменении // Российская юстиция. 2001. № 8.

Леоненко Н. Т. Юридическая техника подготовки правовых актов исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Метод. рекомендации. Новосибирск: Сиб. акад. гос. службы, 2004. 131 с.

Маврин С. П. Юридическая техника Трудового кодекса Российской Федерации // Правоведение. 2004. № 4. С. 15—21.

Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) // Правоведение. 2000. № 1. С. 9—20.

Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография. Воронеж, 2004. 271 с.

Поленина С. В. Законодательная техника и формирование правового государства // Советское государство и право. 1990. № 7.

Проблемы юридической техники: Сб. ст. / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 823 с.

Прянишников Е. А. Отечественная история развития законодательной техники / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000.

Рарог А. И., Грачева Ю. В. Законодательная техника как средство ограничения судейского усмотрения // Государство и право. 2002. № 2. С. 93—100.

Смирнов Л. В. Законотворческая техника в современной России: Учеб. пособие. М., 2006. 155 с.

Тарасов Н. Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 7—11.

Тихомиров Ю. А. Юридическая техника — инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12—16.

Хабибулина Н. И. Юридическая техника и язык закона: Монография. СПб., 2000. 90 с.

Черненко А. К., Бобров В. В. Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект: Монография. Новосибирск, 2003. 231 с.

Чухвичев Д. В. Законодательная техника. М., 2006. 239 с.

Шугрина Е. С. Техника юридического письма: Учебно-практ. пособие. 2-е изд. М., 2000. 272 с.

Шутак И. Д. Правовые оговорки: практика применения: Научно-метод. пособие. СПб., 1999. 155 с.

Шутак И. Д. Теория и практика оговорок в праве: система понятий: Терминологический словарь. СПб., 1999. 202 с.

Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) / Л. А. Морозова // Государство и право. 2000. № 11. С. 108—120; № 12. С. 85—98.

См. также изданную в начале XX в. на русском языке работу одного из крупнейших немецких ученых-юристов XIX в.: Иеринг Р. фон. Юридическая техника. СПб., 1905. 106 с.

В рамках исследования проблем юридической техники и в теории права, и в отраслевых науках активно разрабатываются вопросы ***юридической терминологии, языка и стиля нормативных правовых актов***, см.:

Александров А. С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ) // Правоведение. 2005. № 5. С. 6—18.

Бриллиантов А. В. О содержании понятия «официальный документ» // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 65—69.

Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997.

Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.

Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года / Под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007. 1456 с.

Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы. М., 1997.

Лисюткин А. Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11. С. 22—28.

Магомедов С. К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. 2004. № 3.

Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М., 1987.

Сенякин И. Н. Проблемы упорядоченности терминологии нормативно-правовых актов Российской Федерации // Вопросы теории государства и права: новые идеи и подходы: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. Вып. 2(11). С. 27—35.

Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. 314 с.

Хабибулина Н. И. Юридическая техника и язык закона: Монография. СПб., 2000. 90 с.

Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов, 1997.

Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.

В последние годы появились общие работы о проблемах ***развития законодательства***, в них находят отражение многие вопросы типологии и создания нормативных правовых актов, см., например:

Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004. 848 с.

Концепции развития российского законодательства / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1998.

Концепция развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 17—31.

Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. 478 с.

Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики. Саратов, 1993. 194 с.

Литература ко всей теме

Арзамасов Ю. Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки — нормографии // Государство и право. 2007. № 10. С. 101—104.

Астафичев П. А. Реализация нормотворческих полномочий коллегиальных органов народного представительства // Правоведение. 2003. № 5. С. 59—75.

Бачило И. Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 84—92.

Безбородов Ю. С. Международно-правовые модельные нормы и модельные акты: соотношение категорий // Правоведение. 2004. № 3. С. 133—138.

Василевич Г. А. Принципы правового государства как основа правотворческой и правоприменительной деятельности // Право и демократия:

Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14. С. 35—48.

Гаврилов О. А. Компьютерные технологии в правотворческой деятельности: Учеб. пособие. М., 1999. 108 с.

Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. 128 с.

Грошев А. В. Правосознание и правотворчество: Уголовно-правовой аспект: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1996.

Дрейшев Б. В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л., 1978. 176 с.

Дрейшев Б. В. Правотворчество в советском государственном управлении. М., 1977. 160 с.

Жалинский А. Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. № 10. С. 58—67.

Ильин А. В. Оптимизация правотворческой деятельности в современной России (Вопросы теории и практики) / Под ред. С. А. Комарова: Монография. СПб., 2005. 309 с. (рецензия: Арзамасов Ю. Г. // Государство и право. 2007. № 9. С. 120—121).

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: Текст лекций. Ярославль, 1996. 100 с.

Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. 160 с.

Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства. М., 1977. 112 с.

Координация правотворчества в Российской Федерации. М., 1996.

Лафитский В. И. Воскресение права. Ч. 1. Дни созидания (сокращенное авторское издание). М., 2007. 140 с.

Лафитский В. И. Воскресение права. Ч. 2. В мире распятого Христа. М., 2008.

Лафитский В. И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003.

Лафитский В. И. Сумерки права: семь грехов правотворчества // Адвокат. 2006. № 2—5.

Липень С. В. Проблемы теории правотворчества в классической политико-правовой мысли Нового времени: Томас Гоббс // История государства и права. 2007. № 10. С. 33—35.

Лопатин В. Н. Конституционная законность и проблемы нормотворчества в России // Журнал российского права. 2004. № 5.

Лучин В. О. «Указное право» в России. М., 1996.

Малинова И. П. Философия правотворчества. Екатеринбург, 1996.

Малков В. П. Опубликование и вступление в силу федеральных законов, иных нормативных правовых актов // Государство и право. 1995. № 5. С. 23—29.

Научные основы советского правотворчества / Под ред. Р. О. Халфиной. М., 1981. 317 с.

Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М., 1974. 256 с.

Нормография: теория и методология нормотворчества: Учеб.-метод. пособие / Под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2007. 560 с. (рецензия: Комаров С. А. // Государство и право. 2008. № 6. С. 125—126).

Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. (Организация и методика). М., 1968. 167 с.

Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / Под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. М., 1988. 304 с.

Правотворческая деятельность в Республике Беларусь / А. В. Матусевич и др. Минск, 1997. 271 с.

Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974. 319 с.

Проблемы юридической техники: Сб. ст. Н. Новгород, 2000. 823 с.

Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997. 159 с.

Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Советское государство и право. 1991. № 8.

Соколова А. А. Процедурно-процессуальный фактор в правообразовании // Право и демократия. Вып. 2. Минск, 1989. С. 49—56.

Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. М., 2003. 160 с.

Суставова Е. Н. Делегированное законодательство // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 144—151.

Тихомиров Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 3—9.

Толочко О. Н. Правотворчество и формы права в механизме правового регулирования внешнеэкономических отношений // Правоведение. 2004. № 4. С. 170—183.

Троицкий В. С., Морозова Л. А. Делегированное законотворчество // Государство и право. 1997. № 4. С. 91—99.

Фукин И. А., Тишкина Л. Н. Информационные системы в юриспруденции: Учеб.-метод. пособие. Казань, 2004. 98 с.

Хабибулин А. Г. Теоретико-методологические проблемы законотворчества в условиях глобализации // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 40—45.

Халфина Р. О. Научные основы советского правотворчества. М., 1981.

Червонюк В. И., Гойман-Калинский И. В. Согласование интересов как вид современных законодательных технологий // Государство и право. 2004. № 8. С. 30—38.

Шувалов И. И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования: Монография. М.: Норма, 2006. 142 с.

Более подробная литература о многих проблемах правотворчества указана в издании:

Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: Ретроспективный библиографический указатель / Сост. В. М. Баранов, Н. А. Климентьева. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород, 2005. 287 с.

ГЛАВА 14

Пределы действия нормативных правовых актов

14.1. Понятие юридического действия нормативных правовых актов

Нормы права, призванные регулировать общественные отношения, содержатся в официальных документах — нормативных правовых актах. Действующие в том или ином государстве нормативные правовые акты согласованы между собой и образуют целостную систему, именуемую системой законодательства. Вопросы понятия юридического действия нормативных правовых актов, действия нормативных правовых актов в пространстве и во времени имеют важное значение как для правотворческого процесса, так и для деятельности по реализации правовых норм. Знакомясь с нормативными правовыми актами, граждане получают знания о содержании нормативных предписаний. Именно нормативный правовой акт как внешняя форма права определяет, какие общественные отношения регулируют содержащиеся в акте нормы права, когда они начинают действовать, на какую территорию они распространяются, какой категории лиц касаются.

Таким образом, пределы действия правовых норм определяются прежде всего (но не во всех случаях) пределами действия нормативных правовых актов, в которых данные правовые нормы содержатся

Действие нормативного правового акта — это порождение тех юридических последствий, которые в нем предусмотрены.

Пределы действия нормативного правового акта обычно устанавливаются по трем основным параметрам: по времени, территории и кругу лиц.

Иногда добавляют и четвертый параметр: определенную сферу общественных отношений, которую регулируют содержащиеся в нормативном правовом акте нормы права, и тогда говорят о *предметном действии* нормативных правовых актов. Им характеризуется направленность правового регулирования; следует иметь в виду, что нормы, рассчитанные на регулирование одних отношений (например, возникающих в сфере государственной службы), не могут быть применены к другим отношениям (например, к имущественным).

В предмет правового регулирования входят *волевые* общественные отношения, что исключает действие актов в отношении событий или других состояний, в которых не может участвовать воля человека. Такого рода обстоятельства могут выступать только в качестве юридических фактов, т.е. закон может связать с ними наступление определенных юридических последствий, но повлиять на их ход нормы права бессильны.

От четкого и рационального установления пределов действия нормативных правовых актов зависят их качество, согласованность между собой, и в конечном счете — уровень эффективности правового регулирования. Пределы действия нормативного правового акта специально урегулированы в особых нормах: оперативных и коллизионных (см., например, нормы права, содержащиеся в ст. 9—12 УК РФ).

> «С пределами действия нормативного акта связано осуществление требований законности. Эти пределы должны быть регламентированы так, чтобы принятые нормативные акты своевременно вводились в действие, старые отменялись, строго определялась их субординация, не допускались случаи произвольного применения акта к отношениям, которые не попадают в сферу его функционирования» (Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 237—238).

14.2. Действие нормативных правовых актов во времени. Обратная сила закона. Переживание действия нормативных правовых актов

Действие нормативного правового акта во времени ограничено моментом вступления в юридическую силу и моментом утраты юридической силы. Кроме того, в этом параграфе будут рассмотрены обратная сила (ретроактивность) нормативного правового акта и переживание действия (ультраактивность) нормативного правового акта.

1. Срок *вступления в юридическую силу* может быть указан или в самом нормативном правовом акте, или в специальном сопутс-

твующем документе. Называется конкретная дата, причем чаще всего срок между принятием и введением в действие нормативного правового акта не превышает одного-трех месяцев. Если же принимается достаточно сложный, важный нормативный правовой акт, то срок между принятием и введением его в действие может быть и более продолжительным.

Так, УК РФ был принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г., а введен в действие с 1 января 1997 г.

Срок между принятием и введением в действие увеличивается и в случае невозможности или нецелесообразности немедленной реализации предписаний, содержащихся в нормативном правовом акте.

Нормативный правовой акт может вступать в юридическую силу поэтапно. В этом случае этапы введения в действие тех или иных глав, разделов, статей обозначаются определенными сроками либо связываются с наступлением определенных условий.

Так, УК РФ введен в действие с 1 января 1997 г., в то же время его положения о наказаниях в виде обязательных работ и ареста вводились в действие федеральным законом после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ по мере создания необходимых условий для исполнения этих видов наказаний; часть первая ГК РФ введена в действие с 1 января 1995 г., за исключением положений, для которых установлены иные сроки введения в действие.

Наконец, один из наиболее популярных в последнее время сроков, на которые указывают при вступлении нормативных правовых актов высших органов государства в юридическую силу, — момент опубликования. Тем самым обеспечивается оперативность действия вновь принятого документа. Однако, как отмечается в литературе, такой способ не обеспечивает населению возможность своевременного ознакомления с новыми нормами права, и такую практику вряд ли следует признать приемлемой (см.: Малков В. П. Опубликование и вступление в силу федеральных законов, иных нормативных правовых актов // Государство и право. 1995. № 5. С. 28—29). Введение в действие законов с момента их опубликования не согласуется с тем, что по общему правилу они вступают в юридическую силу по прошествии определенного срока после их опубликования (в Российской Федерации это десять дней). Современной зарубежной конституционной практике также известен подобный способ вступления законов в юридическую силу, однако обычно с момента опубликования вводятся в действие лишь такие законы, которые относятся к государственным органам и не затрагивают прав, свобод, обязанностей и ответственности человека.

Может быть указан также следующий срок: нормативный правовой акт вступает в юридическую силу с момента принятия или подписания. Этот способ не очень удобен применительно к нормативным правовым актам высших органов государства, поскольку субъекты права узнают содержание правовых норм, знакомясь с уже опубликованными документами. Он, как правило, применяется для введения в действие нормативных правовых актов, не имеющих общего значения. В отечественной юридической практике подобный способ вступления в юридическую силу применялся даже к законам.

Если срок вступления акта в юридическую силу не указан, он определяется в соответствии с правилами, установленными для каждого вида нормативных правовых актов. Общее правило здесь таково: вступление в юридическую силу нормативных правовых актов, имеющих наиболее важное значение (принимаемых прежде всего высшими государственными органами), привязывается к моменту их официального опубликования; они вступают в юридическую силу или после официального опубликования, или же по истечении определенного срока после официального опубликования. Остальные нормативные документы вступают в юридическую силу с момента принятия или подписания.

Федеральные конституционные законы, федеральные законы подлежат официальному опубликованию в течение семи дней после дня их подписания Президентом РФ. Акты палат Федерального собрания публикуются не позднее десяти дней после дня их принятия. Официальным опубликованием перечисленных актов считается первая публикация полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете» или «Собрании законодательства Российской Федерации».

Федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории РФ по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу. Например, акты таможенного законодательства вступают в силу не ранее чем через месяц после опубликования.

Нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ вступают в силу по истечении семи дней после их официального опубликования (в «Российской газете» или в «Собрании законодательства Российской Федерации»).

Нередко принимаются специальные постановления о введении акта в действие, которые имеют серьезное, хотя и вспомогательное значение. В них могут содержаться поручения правительству о разработке подзаконных актов, конкретизирующих закон, о приведении в соответствие с законом всех других актов; приводиться перечни актов, которые утрачивают силу; даваться указа-

ния о судьбе отношений, сложившихся до вступления вновь принятого акта в силу; определяться круг субъектов, уполномоченных (временно или постоянно) совершать сделки на основе принятого акта. Постановления могут также обязать определенные органы и должностных лиц содействовать развитию новых правоотношений, давать иные поручения.

2. Существуют следующие способы *прекращения действия* нормативных правовых актов во времени:

■ *прямая отмена* нормативного правового акта. Этот способ наиболее удобен, он ведет к «расчистке» законодательства, поскольку здесь содержится четкое указание на время прекращения действия официального документа. Подобное указание может помещаться рядом с новыми правовыми нормами, с правовыми нормами о введении в действие нового нормативного правового акта; отмене устаревших нормативных правовых актов или отдельных их частей могут быть посвящены и специальные нормативные правовые акты;

■ *фактическая отмена* данного нормативного правового акта другим нормативным актом, принятым по тому же вопросу. Данный способ не слишком удобен, поскольку полная ясность для правоприменителя относительно действия того или иного документа во многих случаях не наступает. Однако по самым разным причинам именно таким способом нормативные акты утрачивали юридическую силу и в советское время, да и в 1990-е гг. Поскольку при этом перечни актов, утративших силу, или не составляются, или составляются с опозданием, юристы-практики находятся в затруднительном положении;

■ *истечение срока*, на который был издан нормативный правовой акт, если этот срок был установлен;

■ *изменение обстановки*, исчезновение общественных отношений, на регулирование которых были рассчитаны те или иные нормативные правовые акты. Так, утратили смысл и поэтому прекратили свое действие без специальной отмены многие нормативные правовые акты периода Великой Отечественной войны после ее окончания.

3. По общему правилу нормативный правовой акт не распространяет свое действие на факты и юридические последствия, которые наступили до его вступления в силу. Этот принцип знало еще римское право: «lex ad praetenam non valet» — «закон обратной силы не имеет». Настоящее правило содержит определенные гарантии стабильности правопорядка, препятствия для произвольного регулирования отношений в обществе. Так, нельзя, например, с завтрашнего дня ввести новый налог и заставить налогоплатель-

щиков выплатить его за какой-то период до этого момента (кстати, такой запрет содержится в ст. 57 Конституции РФ: «Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют»).

Однако из рассматриваемого правила возможны и исключения. В некоторых случаях, обычно из справедливых, гуманных соображений, может использоваться *обратная сила* нормативного правового акта (обратная сила закона): распространение действия нового нормативного правового акта на те факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до вступления его в юридическую силу. Нормативный правовой акт может иметь обратную силу в случае прямого указания на это законодателя. Произвольное придание обратной силы недопустимо, при этом, как правило, положение граждан ухудшаться не должно.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 ГК РФ «акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом». Статья 12 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» гласит: «Действие статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации распространяется также на случаи, когда причинение вреда потерпевшему имело место до 1 марта 1996 г. (с этого момента введена в действие часть вторая ГК РФ — В. Л., С. Л.), но не ранее 1 марта 1993 г., и причиненный вред остался невозмещенным. Действие статей 1085—1094 указанного Кодекса распространяется также на случаи, когда причинение вреда жизни и здоровью гражданина имело место до 1 марта 1996 г., но не ранее 1 марта 1993 г., и причиненный вред остался невозмещенным».

Обратную силу имеют также нормативные правовые акты, смягчающие или отменяющие юридическую ответственность за совершение противоправного деяния.

«Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон» (ст. 54 Конституции РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 9 УК РФ «преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния». В то же время «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе

на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом» (ст. 10 УК РФ).

По степени завершенности наступивших в соответствии с прежним нормативным правовым актом правовых последствий различают простую и ревизионную обратную силу. При *ревизионной обратной силе* действие нормативного правового акта распространяется на факты, по которым юридические последствия уже наступили, происходит пересмотр этих юридических последствий. Так, в связи с принятием в 1960-х гг. нового гражданского законодательства требовался пересмотр договоров купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания. *Простая обратная сила* нормативного правового акта пересмотра завершенных юридических последствий не предполагает.

4. Рассматривая вопросы действия нормативных правовых актов во времени, следует остановиться и на явлении, противоположном обратной силе — на так называемом «переживании» нормативного правового акта. Старый документ, отмененный новым, в какой-то мере продолжает действовать и после утраты им юридической силы. Он как бы «переживает» отведенный ему срок. Переживание возможно в тех случаях, когда для приведения старых общественных отношений в соответствие с новым нормативным правовым актом требуется определенный срок.

Сходное с переживанием нормативных правовых актов явление наблюдается в революционные периоды развития общества. В этом случае вообще все «старое» законодательство, принятое на предыдущем этапе развития общества, государства и правовой системы, может быть отменено одним росчерком пера. Однако для принятия огромного количества нормативных правовых актов, которые могли бы эффективно регулировать разнообразные общественные отношения, требуется немало времени. Поэтому «революционерам» и «преобразователям», как правило, приходится пролонгировать действие норм права, содержащихся в уже отмененных нормативных правовых актах. В отечественной истории только в XX в. подобная ситуация возникала два раза — в 1917 г. и в 1991 г.

В п. 5 Декрета Совета Народных Комиссаров от 22 ноября 1917 г. «О суде» было записано: «Местные суды... руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Примечание.

Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и рабочего и крестьянского правительства, а также программа-минимум РСДРП партии и партии СР».

В соответствии со ст. 11 Соглашения о создании Содружества Независимых государств «с момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе и бывшего Союза ССР».

Таким образом, принимая во внимание обратную силу (ретроактивность) и переживание действия (ультраактивность) нормативного правового акта, при изучении действия норм права во времени следует обращать внимание на два обстоятельства. Во-первых, на сроки календарного действия правовых норм: они ограничены моментом вступления в юридическую силу нормативного правового акта и моментом утраты им юридической силы. И во-вторых, на те факты и отношения, на которые нормы права распространяют свое действие.

Основные принципы действия нормативных правовых актов во времени нашли отражение в важнейших международных документах, в частности в актах, составляющих Хартию прав человека.

«Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено» (ч. 2 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.).

«1. Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву не являлось уголовным преступлением. Равным образом, не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника. 2. Ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом» (ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.).

Действие во времени — наиболее значимый параметр с практической точки зрения действия нормативных правовых актов. Слишком быстрое (после принятия) введение в действие крупного и сложного нормативного акта может вызвать затруднение

в работе органов государства, поставить в невыгодное положение тех или иных субъектов, повлечь за собой трудности в решении практических вопросов. При кажущейся простоте правил действия нормативных правовых актов во времени (внимание следует обращать прежде всего на момент вступления в юридическую силу и на момент утраты юридической силы, в отдельных случаях возможна обратная сила нормативного правового акта, и лишь иногда — переживание его действия) на практике нередко возникают достаточно запутанные ситуации, выход из которых приходится искать высшим судебным инстанциям.

В научных исследованиях поднимаются самые разные проблемы временных пределов действия нормативных правовых актов.

Д. Н. Бахрах считает, что само понятие «действие нормативного правового акта во времени» следует заменить более точным определением «действие нормы права во времени», поскольку один документ может содержать предписания с различными временными параметрами. Это позволит уточнить соотношение таких явлений, как обратная сила, действие и переживание действия нормы права. Такая позиция в принципе верна и заслуживает поддержки. Следует иметь в виду и то, что в научной и учебной литературе прочно закрепился термин «действие нормативных правовых актов». В этой же работе выделяются типы и принципы действия правовых норм во времени.

Типы действия новой нормы: перспективное — на факты, возникшие после вступления в силу нормативного правового акта, только на новые правоотношения; немедленное — на факты прошлого и ранее возникшие правоотношения; обратное — на правоотношения, которые возникли до вступления в силу нормативного правового акта. Соотношение действия во времени новой и старой нормы может быть выражено следующим образом: перспективное действие новой нормы — переживание старой, немедленное действие новой нормы — немедленное прекращение действия старой, обратное действие новой нормы — досрочное прекращение действия старой.

Нормы права должны действовать во времени в соответствии со следующими принципами:

- общее правило — немедленное действие правовых норм. Норма, ухудшающая правовое положение граждан, других субъектов права, должна иметь только перспективное действие;
- норма, улучшающая правовое положение граждан и других субъектов права, имеет обратную силу;
- исключения из этих правил, которые должны быть закреплены законодательно, возможны только при наличии специальных коллизионных норм (см.: Бахрах Д. Н. Действие правовой нормы во времени // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 11—20).

Совершенствованию правового регулирования действия закона во времени посвящена статья А. М. Медведева. Автор говорит о целесооб-

разности установления норм, регулирующих действие закона во времени, не только в Конституции РФ, но и в отраслевом законодательстве, подобно тому, как это имеет место в УК РФ и КоАП РФ. Правовые нормы, непосредственно регулирующие действие закона во времени, таковы.

1. Правомерность или противоправность поведения граждан, юридических лиц, общественных объединений и других субъектов, а равно их ответственность за противоправные деяния определяются законом, действовавшим во время совершения поведенческого акта. Никто не может быть привлечен к ответственности или иным образом ограничен в правах и свободах за деяние, которое в момент его совершения не признавалось противоправным. Никто не может дважды нести ответственность за одно и то же правонарушение.

2. Закон, устраняющий противоправность деяния или смягчающий ответственность за него, либо иным образом улучшающий правовое положение субъекта, имеет обратную силу, т.е. распространяется и на лиц, совершивших деяния до издания нового закона. Закон, имеющий обратную силу, вводится в действие и подлежит исполнению с момента его принятия.

3. Закон, устанавливающий противоправность деяния или отягчающий ответственность за него, либо иным образом ухудшающий правовое положение лица, обратной силы не имеет. Закон, не имеющий обратной силы, вводится в действие с момента официального опубликования и подлежит применению по истечении 10 дней со дня его опубликования, если иной более длительный срок не указан в самом законе.

4. В случае коллизии или конкуренции законов, предусматривающих различную по виду и строгости ответственность за однородные деяния, применяется более мягкий, более благоприятный для лица закон (см.: Медведев А. М. Правовое регулирование действия закона во времени // Государство и право. 1995. № 3. С. 69—75).

14.3. Действие нормативных правовых актов в пространстве. Случаи экстерриториального действия закона

Действие нормативных правовых актов в пространстве связано с их распространением на определенную территорию. *Нормативые правовые акты государства распространяют свое действие на всю территорию данного государства.* Это правило вытекает из характеристики власти государства как власти суверенной. Именно вследствие государственного суверенитета действие нормативных правовых актов государства на его территории безраздельно и исключительно. Территорией государства признается часть земного шара, на которую распространяется суверенная власть дан-

ного государства. Обычно к ней относят сухопутное пространство в пределах государственных границ, недра земли в пределах государственных границ, внутренние воды, т.е. воды рек, озер и иных водоемов, берега которых полностью принадлежат государству, территориальные воды, континентальный шельф, воздушное пространство в пределах государственных границ, военные суда под флагом государства, гражданские суда под флагом государства, находящиеся в нейтральных водах или в международном воздушном пространстве, территории посольств, миссий, консульств государства за рубежом, космические корабли (станции) со знаком государства, зарегистрировавшего объект.

Высшими и центральными органами государства могут приниматься нормативные правовые акты, действующие на ограниченной части государства. Так, особый юридический режим может быть установлен в свободной экономической зоне, в оффшорной зоне, на территории, которая отличается сложными климатическими условиями или имеет иные существенные особенности — например, районы Крайнего Севера (см. ст. 287 ТК РФ).

Свою территорию действия имеют нормативные правовые акты местных органов государства. Их решения обязательны для исполнения всеми расположенными на территории какой-либо административно-территориальной единицы предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами.

Если возникает проблема соотношения нормативных актов, действующих на всей территории республики и на определенной ее части, то она решается по принципу преимущественной юридической силы актов вышестоящих органов перед актами нижестоящих органов.

Проблема территориального действия нормативных правовых актов особую актуальность приобретает в федеративных государствах. Здесь заслуживают внимания два момента: соотношение территориальных пределов действия нормативных правовых актов федерации и субъекта федерации и различных субъектов федерации.

Из общего правила действия нормативных правовых актов в пространстве существуют исключения — так называемые случаи экстерриториального действия закона, которое проявляется в основном в отношениях с иностранными гражданами и организациями, а также с гражданами и организациями Российской Федерации, находящимися за границей. Суть экстерриториального действия — в возможности применения к действиям, совершенным на территории одного государства, законодательства другого государства.

«Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено, и если эти лица не были осуждены в иностранном государстве. При осуждении указанных лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого было совершено преступление» (ч. 1 ст. 12 УК РФ, см. ч. 2, 3 данной статьи).

14.4. Действие нормативных правовых актов по кругу лиц. Особенности правового положения иностранцев и лиц без гражданства

Нормативные правовые акты государства по общему правилу распространяют свое действие на всех лиц, находящихся на территории данного государства. Таким образом, под действие нормативных правовых актов любого государства подпадают граждане данного государства (в том числе лица с двойным гражданством — бипатриды), иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории этого государства.

Граждане обладают общим правовым статусом. Его наличие не исключает особенностей правового положения отдельных категорий граждан (молодежь, пенсионеры, инвалиды, военнослужащие и т.д.), которые могут обладать специфическими правами, льготами, на которых могут налагаться особые обязанности, к которым могут применяться специфические меры ответственности. Действие нормативных правовых актов внутреннего действия, принимаемых министерствами и ведомствами, распространяется только на сотрудников (рабочих, служащих) данного ведомства. Эти документы обычно регламентируют вопросы труда, служебной деятельности, заработной платы и т.д.

Действие нормативных правовых актов по кругу лиц можно рассматривать еще и в следующем аспекте: адресатами предписаний, содержащихся в нормативных актах, являются физические лица, разнообразные негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации, должностные лица, государственные органы, государство в целом. Подробнее о субъектах права будет рассказано в теме «Правовые отношения»).

Имея в виду правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, принципиально важно уяснить следующее положение: они не могут быть участниками целого ряда правоотношений,

не имеют тех прав и не несут тех обязанностей, которые неотделимы от гражданства. Так, иностранцы и лица без гражданства не обладают избирательным правом, не могут быть служащими государственного аппарата, не привлекаются к службе в вооруженных силах, не могут нести уголовную ответственность за измену Родине и т.д. Кроме того, существуют особенности правового положения иностранных граждан, обладающих дипломатическим иммунитетом.

«Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права» (ч. 4 ст. 11 УК РФ).

Обзор специальной литературы по теме

Об отдельных вопросах действия нормативных актов во времени, в пространстве и по кругу лиц, периодически поднимаемых в истории правовой мысли, начиная с древнейших времен и до наших дней, см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. Т. 2. С. 182—197.

Из всех аспектов проблемы действия нормативных правовых актов наиболее разработанный в юридической литературе вопрос — ***действие во времени***. К его исследованию сначала обратились специалисты по уголовному праву, затем появились и работы общего характера. По этой проблеме см.:

Абрамова А. И., Рахманина Т. Н. О практике опубликования правовых актов субъектов РФ // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 61—65.

Бахрах Д. Н. Действие правовой нормы во времени // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 11—20.

Бахрах Д. Н. Очерки теории российского права. М.: Норма, 2008. 288 с.

Бахрах Д. Н. Три способа действия во времени новых правовых норм и три способа прекращения действия старых норм // Государство и право. 2005. № 9. С. 5—12.

Бахрах Д. Н. Действие норм права во времени: теория, законодательство, судебная практика. М.: Норма, 2004. 224 с.

Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона. М., 1969.

Гаврилов Э. П. Об обратной силе действия Закона об авторском праве и смежных правах // Государство и право. 1994. № 8—9. С. 74—79.

Дозорцев В. А. Обратная сила закона об авторском праве // Журнал российского права. 1997. № 8.

Ерасов А. М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права // Правоведение. 2005. № 3. С. 75—89.

Ерасов А. М. Пределы обратной силы уголовного закона: Учеб. пособие. М.: Моск. ун-т МВД России, 2006. 73 с.

Законодательство. 2004. Ноябрь. Спецвыпуск. Законодательство во времени. М., 44 с.

Калинкин С. В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 70—75.

Капустина М. А. Действие законов во времени: историографический обзор // Правоведение. 1996. № 1.

Каравай А. В. Действие гражданско-правовых норм во времени. Минск, 1999. 224 с.

Кузнецова О. А. Обратное действие гражданского закона: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 94—103.

Малков В. П. Опубликование и вступление в силу федеральных законов, иных нормативных правовых актов // Государство и право. 1995. № 5. С. 23—29.

Медведев А. М. Правовое регулирование действия закона во времени // Государство и право. 1995. № 3. С. 69—75.

Попов А. Н. Уголовный закон и его обратная сила. СПб., 1998.

Порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов: Сборник нормативных правовых актов. М., 1996. 102 с.

Студеникина М. С. Вступление федерального закона в силу: правовое регулирование и практика // Журнал российского права. 2000. № 7. С. 10—21.

Якубов А. Е. Обратная сила уголовного закона: некоторые проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации. СПб., 2003. 206 с.

О ***действии нормативных правовых актов в пространстве*** см.:

Козочкин И. Д. Территориальный принцип действия федеральных уголовных законов США // Государство и право. 2005. № 9. С. 64—69.

Мельников М. Г. Действие уголовного закона в пространстве: Учеб. пособие. Рязань, 2003. 80 с.

Тимохов Ю. А. Иностранное право в судебной практике: Монография. М., 2004. 157 с.

Толстых В. Л. Нормы иностранного права в международном частном праве Российской Федерации: СПб., 2006. 264 с.

Хлестов О. Н. Экстерриториальное действие антимонопольного права Европейского Союза // Журнал российского права. 2007. № 6. С. 141—146.

О ***правовом положении иностранцев*** см., например:

Андрианова М. А. Соотношение и взаимодействие международного частного и трудового права России в вопросах регулирования трудовых отношений с участием иностранцев. Международное частное трудовое право // Государство и право. 2002. № 9. С. 64—70.

Басик В. П. Правовое положение граждан Российской Федерации и иностранцев в России: Монография. М., 2004. 319 с.

Головистикова А. Н. Иностранцы и граждане России: особнннности правового положения, регистрация, учет. М., 2006. 431 с.

Корсик К. А. Особенности правового положения иностранных граждан в РФ. М., 1999.

Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007. 328 с.

Правовое положение иностранных граждан в России: Сборник нормативных актов. М., 1996.

Смирнова Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. М., 2003. 463 с. (рецензии: Кукушкин Е. В. // Правоведение. 2004. № 3. С. 243—256; Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2004. № 7. С. 123—127).

Литература ко всей теме

Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 237—250.

Бойцов А. А. Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995.

Борисова Н. Е., Дмитриев Ю. А. Проблема возрастных ограничений в российском законодательстве // Государство и право 1999. № 11. С. 23—30.

Лукашук И. И. Действие международного договора во времени и пространстве // Журнал российского права. 2005. № 4.

Сенатова Е. В. Действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени: Монография. Рязань, 2005. 89 с.

Тилле А. А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965.

Тихомиров Ю. А. Действие закона. М., 1992. 163 с.

ГЛАВА 15 Правовое сознание

15.1. Понятие, структура и виды правосознания

До настоящего момента в темах по теории права последнее изучалось преимущественно как институциональное образование, рассматривались нормы права, их объединения (институты и отрасли права), порядок создания и виды документов, содержащих правовые нормы. Данная тема посвящена изучению самостоятельной сферы юридической действительности, сферы идеального — правового сознания.

Правосознание — это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности.

Правосознание является одной из форм общественного сознания, поэтому оно наряду с иными формами сознания отражает определенную часть общественного бытия — юридическую действительность. Термин «правовое сознание» давно утвердился в юридической науке, хотя он может показаться несколько односторонним, ведь к юридическим относятся явления и правовые, и государственные (порядок образования, компетенция, формы деятельности различных государственных органов и т.д.). Существуют также понятия «политическое сознание», «политическая культура», однако они выработаны и используются преимущественно в политологии.

Правосознание как часть правовой системы общества тесно связано с другими ее частями. Так, правосознание пронизывает все стадии правотворческого процесса (правотворческая инициатива, разработка, согласование, обсуждение, доработка, принятие проекта нормативного правового акта) и находит выражение в содер-

жании норм права. Здесь имеют значение характеристики правосознания лиц, привлеченных к работе над проектом и принимающих нормативные правовые акты. Правосознание оказывает влияние и на осуществление правовых предписаний в поведении граждан. Достаточно высокий уровень правового сознания каждого члена общества обеспечивает правомерное поведение, надлежащую реализацию правовых норм (соблюдение запретов, исполнение обязанностей, использование прав). Правосознание играет важную роль и в правоприменительной деятельности государственных органов. Его значение в процессе рассмотрения юридических дел и принятия на основе правовых норм конкретных решений прямо закреплялось в отдельных статьях процессуальных кодексов.

При рассмотрении значения правового сознания для применения права анализируют прежде всего профессиональное правосознание юристов: судей, прокуроров, адвокатов, следователей и т.д. С другой стороны, следует отметить и обратное влияние положительного права и практики его реализации на правовое сознание. Высокое качество правовых норм, соблюдение требований законности обеспечивают внедрение в правосознание граждан передовых принципов человеческого общежития.

Обычно подвергают исследованию структуру, внутреннее строение правосознания, выделяя его составные элементы. Чаще всего при этом говорят о правовой идеологии и правовой психологии.

Правовая идеология — это представления, взгляды, понятия, убеждения, теории, концепции о правовой действительности. Идеологические элементы представляют собой по преимуществу систематизированное знание о конкретных правовых явлениях, их осмысление на достаточно высоком, научном уровне. Правовая идеология не возникает самопроизвольно, она вырабатывается специалистами и усваивается населением в процессе правового воспитания, при получении юридического образования, при знакомстве с юридической литературой, нормативными актами.

Правовая психология — это оценки, чувства, эмоции, настроения людей в отношении правовой действительности. Идеологические элементы правосознания — это отношение к знанию о правовых явлениях, их эмоциональное восприятие. Правовая действительность фиксируется не только на уровне знаний, но и на уровне эмоций, переживаний («хорошее» или «плохое», «справедливое» или «несправедливое», «радует» или «огорчает» и т.д.). Но при этом нельзя говорить о приоритете правовой идеологии над правовой психологией. Скорее наоборот, знанию глубокому и систематизированному предшествует знание случайное, фрагментар-

ное, складывающееся стихийно, в значительной степени эмоционально окрашенное. Правовую идеологию и правовую психологию достаточно трудно четко отделить друг от друга, имеют место их переплетение и взаимопроникновение. Обе сферы правосознания тесно связаны и взаимодействуют между собой. Активно пропагандируемые юридические концепции (та же теория правового государства) воздействуют на правовую психологию, изменяют ее. Но и эмоциональные, чувственные элементы правосознания имеют огромное значение для развития правовой идеологии: они могут или содействовать, или тормозить распространение тех или иных юридических идей.

Иногда в структуре правового сознания выделяют и поведенческие элементы, которые характеризуют готовность личности к совершению сознательных правовых поступков. На этом уровне на основе идеологических и психологических элементов формируются определенные поведенческие ориентации, мотивы, установки.

Различают отдельные виды правового сознания. Классификации обычно проводятся по двум основаниям — по субъектам и по уровням правосознания.

По *субъектам* различают индивидуальное, групповое и общественное правосознание. *Индивидуальное* правосознание — это представления, взгляды, эмоции одного человека. Оно неповторимо, однако можно говорить о том, что у определенных категорий граждан (молодежи, депутатов, судей и т.д.) есть сходные черты правового сознания. Поэтому выделяют и исследуют *групповое* правосознание, особенности представлений о праве определенной социальной группы. Наконец, в силу того что в каждой стране существуют свои государственно-правовые институты, свои юридические традиции, существуют и особенности в отражении правовых явлений в сознании того или иного общества; поэтому анализируется так называемое *общественное* правосознание, которому свойствен самый высокий уровень общности. Можно проследить связь между указанными видами правового сознания: они соотносятся между собой как философские категории «единичное», «особенное» и «общее». Общественное правосознание складывается из представлений о юридической действительности отдельных индивидов, отдельных социальных групп. Однако его нельзя свести ни к групповому, ни к индивидуальному правосознанию, поскольку ни первое, ни второе не в состоянии отразить его качественного многообразия. Исследование правового сознания разных уровней общности остается актуальной проблемой юридической науки. В частности, представляет интерес анализ соотношения господствующего (как правило, «положитель-

ного») и не господствующего («отклоняющегося») правосознания на индивидуальном, групповом и общественном уровнях.

В зависимости от *уровня*, глубины отражения юридической действительности различают обыденное и теоретическое правовое сознание.

Обыденное (или эмпирическое) правосознание складывается стихийно, самопроизвольно, оно присуще людям, которые сталкиваются с юридической сферой жизни общества лишь эпизодически. Обыденное правосознание представляет собой отражение правовых явлений на основе повседневного опыта. В силу этого точнее было бы называть его практическим правосознанием. На этом уровне чувственное преобладает над рациональным, конкретное над абстрактным. Используя знание описанных выше элементов правосознания, можно указать на значительный объем правовой психологии в структуре обыденного правосознания. Обыденные представления о праве носят ограниченный характер, поскольку они находятся рамках поведения человека, его повседневного опыта. Обыденное правосознание имеет разрозненный, хаотический характер, с правильными взглядами и представлениями о юридических явлениях могут уживаться и ошибочные. Обыденное правовое сознание является более распространенным, поскольку основная масса населения не имеет специальной юридической подготовки. Данный вид правового сознания можно описать на индивидуальном, групповом и общественном уровне.

Противоположностью обыденного является *теоретическое* (*научное*) правосознание. Оно формируется на базе научных исследований и выражено в понятиях, категориях, идеях, концепциях, отражающих юридические явления на совершенно ином, значительно более глубоком уровне. Теоретическое правосознание как система правовых знаний раскрывает сущность юридических явлений, закономерности их функционирования и развития. Следует иметь в виду, что предпосылкой теоретического правосознания является правосознание обыденное, поскольку знанию систематическому, научному всегда предшествует знание фрагментарное, неполное.

Раскрывая виды правового сознания по уровням, специально внимание обращают, как правило, и на правосознание, сформированное конкретной юридической практикой, называя его *профессиональным* правосознанием. Его особенность состоит в доскональном знании правовых норм, регулирующих тот или иной вид юридической деятельности, определенных юридических процедур, это правосознание практикующих юристов: судей, прокуроров, адвокатов, юрисконсультов и т.д.

15.2. Основные типы правосознания

Принято выделять, как было указано выше, общественное, групповое и индивидуальное правосознание. Интерес представляет прежде всего анализ правового сознания наибольшего уровня общности. С одной стороны, общественное правосознание не существует вне группового, вне индивидуального, с другой стороны, всю совокупность взглядов, представлений о юридической действительности невозможно свести к правосознанию какого-либо отдельного индивида или любой социальной группы. Более того, с генетической точки зрения (т.е. с точки зрения происхождения, формирования) существующее на данный момент общественное правовое сознание во многих случаях предшествует групповому и всегда — индивидуальному. Правосознание каждого человека формируется в процессе социализации под влиянием взглядов, господствующих в обществе в определенных социальных группах.

Проблемы типологии *общественного* правосознания должным образом в науке не исследованы, не изучено все многообразие разновидностей данного явления. В самом общем плане представляется возможным указать на два крайних варианта отношения к праву, ко всей юридической действительности. Первый предполагает признание огромной ценности права как средства упорядочения и развития общественных отношений, второй — безразличное или же открыто скептическое, враждебное отношение к праву. По мнению В. А. Туманова, наиболее полным выражением первого подхода явилось так называемое юридическое мировоззрение, второго — юридический (или правовой) нигилизм (см.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. С. 11).

Юридическое мировоззрение объединяет самые разные научные концепции и школы, которые, иногда весьма существенно различаясь и в содержательном, и в методологическом плане, признают значимость права юридических процедур для развития общества. Данный вариант отношения к праву является определяющим для всех юридических исследований, для юридического образования.

> Основная черта юридического мировоззрения, становление которого приходится на период буржуазных революций, — трактовка права как первоосновы общественной жизни. Вера в то, что именно праву принадлежит решающая роль в жизни общества и что с его помощью могут быть разрешены все социальные проблемы, была особенно отчетливо выражена в доктрине естественного права и просветительстве и тесно связана, в частности, с его политическим требованием заменить правление людей правлением закона; это сочеталось с верой во всемогущество законов (см.: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М., 1971. С. 28).

В самых крайних своих проявлениях юридическое мировоззрение превращается в негативно-правовой идеализм, который означает переоценку права. На это явление обратил внимание Н. И. Матузов (см.: Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной «медали» // Правоведение. 1994. № 2; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 509—516). «На право нельзя возлагать завышенные, несбыточные надежды — оно не всесильно. Наивно требовать от него большего, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института. Непосильные задачи могут только скомпрометировать право» (См.: Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 509). Справедливо отмечается, что инерция политического и правового идеализма идет еще от старых коммунистических времен, когда господствовал своего рода культ «исторических», «судьбоносных» планов решений постановлений. Дутые программы и обещания, лозунги о светлом будущем были излюбленными приемами работы. Все это переводилось на юридический язык, но оставалось нереализованным, поскольку было далеко от существующей действительности. И в постсоветское время сохранилась тенденция принятия заведомо невыполнимых нормативных правовых актов. Указы и другие акты о борьбе с коррупцией и преступностью, принимаемые в 90-е гг. XX в., но не подкрепленные целенаправленной политикой и конкретными практическими мерами, охарактеризованы в печати как «маниловщина».

Различные варианты отрицательного отношения к праву можно исследовать на уровне теоретического и обыденного правосознания. В. А. Туманов предлагает выделить два основных направления юридического нигилизма, одно из которых условно можно назвать пассивной, а другое — активной формой рассматриваемого явления (см.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. С. 14).

Для пассивной формы юридического нигилизма характерно непризнание позитивной роли права, безразличное к нему отношение. В самых разных философских, политических концепциях (например, во взглядах русских революционных демократов XIX в. — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др.) просматривается недооценка значения права, непризнание его в качестве средства преобразования общества.

Активному юридическому нигилизму свойственно осознанно враждебное отношение к праву. Представители учений этого рода видят, какую важную роль играет или может играть право в жизни общества, и именно поэтому выступают против него. Эти учения отрицают социальную ценность права, в лучшем случае считают его наименее совершенным способом регулирования общественных отношений, а в худшем — требуют вообще отказаться от него (см.: Общая теория права. С. 14—15). Как показывают специальные исследования, юридический нигилизм имел широкое распространение в отечественном теоретическом правосознании.

Одной из характерных черт русской дореволюционной мысли было отрицательное либо пренебрежительное отношение к праву, связанное с идеализацией общинного коллективизма. Право отвергалось по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства (см.: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25). Об этом же говорит и В. А. Туманов: «...пожалуй, ни в одной развитой стране мира не было столько идеологических течений, отмеченных печатью антиюридизма, а в лучшем случае — безразличия к праву». Против права выступали многие мыслители как правого, так и левого толка — славянофилы и Достоевский, с одной стороны, народники и анархисты — с другой. Славянофилы считали, что единой общечеловеческой цивилизации и, следовательно, единого пути развития для всех народов не существует, каждый из них живет самобытной жизнью. Запад стремится построить жизнь на юридических основах, а России, в противоположность этому, более подходит порядок, основанный на нравственных началах, христианских идеалах, соборности, русскому народу право и конституция не нужны» (Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 53).

А. И. Герцен видел в неуважении к праву также историческое преимущество русского народа — свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. А. И. Герцену принадлежит известное высказывание: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит и нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно так же поступает и правительство». Известен и антиюридизм Л. Н. Толстого, который называл право «гадким обманом», а юриспруденцию — болтовней о праве, наукой еще более лживой, чем политическая экономия. Народники отрицали конституцию и политические свободы как орудие буржуазной эксплуатации народа. Вообще, они оценивали право, интересуясь им преимущественно в той мере, в какой это способствовало или, наоборот, мешало революционным установкам. Еще более антиправовой была позиция анархистских и близких к ним течений. В отношении права, как и государства, они бескомпромиссны. В «Программе международного социалистического альянса» М. А. Бакунин требовал немедленной отмены «всего того, что на юридическом языке называлось правом, и применения этого права» (Туманов В. А. Указ. соч. С. 54). Отношение рвущихся к власти большевиков к праву, как замечает А. Валицкий, лучше всего характеризует ленинское определение диктатуры: «Научное определение диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Валицкий А. Указ. соч. С. 38).

В нашей «богатой» литературе в прошлом нет ни одного трактата, ни одного этюда о праве, которые имели бы *общественное* значение. Научные юридические исследования у нас, конечно, были, но они всегда составляли достояние только специалистов, В развитии других цивилизован-

ных народов все было наоборот. Достаточно назвать трактаты Т. Гоббса «О гражданине» и «Левиафан», Р. Фильмера «Патриарх», памфлеты Дж. Лильберна, этюды Дж. Локка «О правительстве» (Англия), «Дух законов» Ш. Л. Монтескье, «Общественный договор» Ж. Ж. Руссо (Франция); не меньшую роль правовые идеи сыграли и в немецком духовном развитии. Так в начале XX в. оценивал ситуацию русский ученый Б. А. Кистяковский в статье в известном сборнике «Вехи» (1909 г.), а затем и в более поздней работе (см.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 617—618). Можно сказать, что в идейном развитии интеллигенции нашей страны не участвовала ни одна правовая идея.

Правовой нигилизм на обыденном уровне выражается в правовой неосведомленности, недоверии к праву, стремлении действовать в обход существующих правовых норм и юридических процедур. Иногда люди предпочитают отказаться от защиты своих нарушенных прав, лишь бы не связываться с должностными лицами государственных органов, не запускать юридический механизм разрешения конфликтных ситуаций. Низкая правовая культура населения стала особенно заметна с развитием процессов демократизации политической жизни общества, либерализации экономики.

Указанные выше варианты негативного отношения к праву не предполагают открыто противоправного поведения, они обозначают лишь в той или иной степени непризнание ценности права. В то же время на групповом уровне можно говорить и об антиобщественном преступном правосознании. Оно сходно с правовым нигилизмом в части отрицания, игнорирования ценности права, но это, конечно же, не однопорядковые явления. Антиобщественное правосознание отличается от правового нигилизма тем, что оно основано на сознательном нарушении правовых норм по мотивам корысти, жестокости и т.д., здесь отрицается не только юридическое, но и нравственное начало.

Характеристика правового сознания отдельных *социальных групп*, учитывая их многообразие, охватывает очень широкий круг вопросов. В научной литературе наиболее исследовано правосознание сотрудников органов внутренних дел (см. обзор специальной литературы по теме). Данное обстоятельство обусловлено как некоторыми субъективными причинами, так и важностью проблемы. С целью достижения высокого уровня необходим адекватный анализ правового сознания сотрудников органов внутренних дел, поскольку они наделены весьма значительными полномочиями, при превышении которых или при злоупотреблении которыми существенно нарушаются права граждан.

Изучая особенности индивидуального правового сознания, внимание обращают прежде всего на различные виды мотивации

правомерного поведения (об этом см. тему «Реализация права») и противоправного поведения (см. тему «Правонарушение и юридическая ответственность». Подробнее все аспекты данной проблемы разбираются в курсе криминологии).

Возможно также исследование процесса исторического развития общественного правосознания, анализ общих и особенных черт во взглядах на право в разные эпохи, в различных странах. К осмыслению истории развития юридических явлений применяются формационный и цивилизационный подходы (см. главу 2). В соответствии с первым выделяют правосознание рабовладельческого, феодального, буржуазного и социалистического общества. Марксистско-ленинская теория государства и права выдвинула тезис, согласно которому высший тип правосознания — социалистический. Он зарождается еще до социалистической революции, носителем его является рабочий класс.

С позиций цивилизационного подхода к истории развития юридических явлений представляется допустимым в самом общем плане отметить следующее. Правовое сознание до периода буржуазных революций можно охарактеризовать как неразвитое, несформированное. В XVI—XVIII вв. появляются юридические произведения, имеющие широкое общественное значение, правовые идеи проникают в массовое сознание, глобальные общественные процессы (прежде всего буржуазные революции) протекают под знаменем именно юридических требований (признание естественных прав граждан, демократическое правление, разделение властей и т.д.). В XIX—XX вв. отчетливо проявилась тенденция юридизации общественной жизни: развивается, усложняется государственный аппарат, увеличивается объем законодательства, практически все сферы жизни и деятельности человека уже в той или иной степени регулируются юридическими средствами. Эти процессы обусловливают качественное отличие современного правового сознания от средневекового и более раннего.

15.3. Понятие о правовой культуре. Правовое воспитание

Культура — исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Понятие «культура» употребляется в

том числе и для характеристики определенных сфер жизни или деятельности; в более узком смысле определяется как сфера духовной жизни людей. Культура включает в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т.д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, учреждения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрения, способы и формы общения людей и т.д.) (см.: Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 678).

Определений культуры существует множество, что обусловливает сложность изучения такого явления, как правовая культура. В целом в юриспруденции сложились два основных варианта понимания правовой культуры. С одной стороны, можно говорить о последней как о совокупности правовых явлений вообще; таким образом, *правовая культура* любого общества включает в себя законодательство (юридические предписания), юридические учреждения, юридическую практику (как деятельность официальных государственных органов, так и правовое поведение граждан, их организаций), правовое сознание. С другой стороны, правовая культура рассматривается как определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правосознания. Именно такое понимание данного явления в юридической литературе является наиболее распространенным.

На индивидуальном уровне правовая культура проявляется в глубоком знании и понимании права, высокосознательном исполнении его предписаний как осознанной необходимости и внутренней потребности (это одно из определений правовой культуры). На общественном уровне правовая культура представляет собой признание правовых ценностей данным обществом и, как следствие этого, достаточно высокий уровень законодательства, юридической практики.

Государство и общество заинтересованы в повышении уровня правовой культуры населения, в распространении юридических знаний, в формировании у граждан убеждений в необходимости исполнения требований права. Одним из основных средств формирования должного уровня правовой культуры является правовое просвещение. Среди форм правового просвещения следует выделить прежде всего правовое обучение (имеется в виду преподавание и усвоение правовых знаний в средних, средних специальных, высших, иных учебных заведениях как юридического, так и иного профиля) и правовую пропаганду (распространение юридических знаний в средствах массовой информации).

В формировании правовой культуры особо значима роль права и правовых законов, они и сами является основополагающей культурной ценностью. Правы те ученые, которые уподобляют «изобретение» законов появлению, например, колеса. Закон как инструмент организации общественных отношений является пока непревзойденным и всеобъемлющим среди всех средств социального регулирования и контроля. Конструирование правовых законов — важнейшее завоевание цивилизации. Рано или поздно, но в идеале зрелая культура неизбежно порождает законодательство. Оно, в свою очередь, как дитя культуры, в идеале проявляет заботу о своей матери, упрочивая и приумножая культурные завоевания. И здесь следует особо подчеркнуть: законы способны, если они совершенные, формировать в том числе и право как одно из проявлений культуры. Одновременно упрочиваются и другие, обусловленные правом, юридические ценности. В качестве примера ценностных завоеваний культуры в средствах (способах) и формах правовой деятельности можно указать на законность и правосудие. Без них трудно было бы ожидать надлежащего правопорядка. Законом создаются исходные ценности процедурно-процессуального порядка. Об уровне правовой культуры красноречиво свидетельствуют такие, например, процессы, как парламентские процедуры по принятию законов, порядок разрешения конфликтов между властями, отправление правосудия по уголовным или гражданским делам и т.д.

Относительная самостоятельность закона в том и проявляется, что он способен активно воздействовать на все проявления правовой культуры. Во-первых, будучи отражением правовой идеологии, закон способен питать правовые идеи, способствовать появлению новых, более прогрессивных подходов к решению проблем правового регулирования. Во-вторых, на основе закона издаются подзаконные нормативные акты, формируются правовые институты, свидетельствующие об уровне правовой культуры. В-третьих, через посредство законов и основанных на них подзаконных актов утверждается система поступков и отношений, отвечающих минимальным стандартам культуры. В-четвертых, законом создаются или оформляются те учреждения (органы), которые способны нести юридическую культуру в широкие массы. Таким образом, любое состояние правовой культуры — интериорное (отражающее психические процессы), нормативное (фиксирующее совокупность норм права), поведенческое (указывающее на характер действий), объективированное (закрепляющее результаты правовой деятельности) — подвластно в той или иной степени закону и испытывает с его стороны прямое или косвенное воздействие.

Правовая культура, равно как и любая другая разновидность культуры, подвержена оценкам. Отсюда представляется возможным говорить о роли закона в формировании высокой культуры при ориентации его на средний уровень и преодоление уровня низкого. Разумеется, оценки будут относительны. Для одного общества определенного времени развития по отношению к каким-то правовым явлениям будут употребляться одни эпитеты, а по отношению к другому обществу или другому времени оценки одного и того же института или учреждения или поступка будут другие. Разные люди, разные общности людей, политические партии, лица, находящиеся у власти, и оппозиционеры могут по-разному оценивать культурные достижения в государственно-правовой сфере. Как с субъективной, так и с объективной стороны существуют серьезные препятствия в достижении единства интерпретации правовых явлений в качестве культурных завоеваний. Тем не менее эти препятствия преодолимы. История выработала уже некоторые общецивилизованные критерии в определении уровня культуры, и на этой основе создается возможность для определения основных направлений повышения правовой культуры. В том числе с помощью закона. К их числу следует отнести:

- формирование чувства права и законности;
- освоение достижений логико-правового мышления;
- совершенствование законодательства;
- повышение уровня законопроектных работ;
- увеличение объема и качественное совершенствование правопослушного поведения;
- совершенствование юрисдикционной и иной правоприменительной деятельности;
- разделение власти законодательных, исполнительных и судебных учреждений;
- изучение памятников права и правоприменительной практики как основы юридического образования.

Повышение уровня правовой культуры предполагает, с одной стороны, работу с гражданами, а с другой — надлежащее кадровое оснащение юридических учреждений, законодательных, исполнительных и правоохранительных органов.

Было бы утопичным сделать каждого гражданина юристом. Через призму широкого информирования граждан о праве, различные формы обучения праву можно говорить о правовом воспитании граждан. Но преодолеть юридическую безграмотность и правовой нигилизм — это одно из условий развития правовой культуры. Отсюда вытекают задачи для всех тех, кто по роду своей

деятельности заинтересован в юридических знаниях или по занимаемой должности обязан иметь необходимый их минимум:

- обеспечить надлежащую ориентацию в основных началах и принципах государственно-правовой жизни;
- создать базу для значительного расширения объема и повышения уровня правового поведения адресатов права;
- обеспечить грамотную и эффективную борьбу носителей прав и обязанностей за свои законные интересы;
- профилактировать правонарушения в аспекте реального действия принципа «незнание закона не освобождает от ответственности»;
- активизировать правомерное поведение.

Определяя роль закона в формировании правовой культуры, нельзя забывать о культуре тех, кто занимает какие-либо должности в государстве. Это и понятно: они активно участвуют в правотворческой деятельности, призваны к строгому исполнению законов, обеспечивают действие права, формируют и осуществляют правовую политику. Правовой нигилизм представителей власти, злоупотребление правом, обход закона, пренебрежение правами граждан пагубно сказываются на уровне культуры в целом.

Формирование подлинно государственного правосознания должностных лиц связано с преодолением узковедомственных, национальных и региональных интересов. В центр всей политики ставится гражданин как духовно свободная, творческая личность, которая нуждается в помощи и защите со стороны государства. Но в фокусе правовой деятельности должностных лиц остаются вместе с тем общегосударственные интересы вопреки интересам индивидуальным, групповым, классовым, партийным.

Выделяется также профессиональный уровень правовой культуры. Это культура юристов, практикующих в той или другой области. Данной культуре присуща более высокая степень знания и понимания правовых явлений. Повышение профессиональной культуры связано с глубиной юридического образования, формированием высокого уровня прогрессивного правосознания, степенью развития юридических наук, приобретением практических юридических навыков, степенью правовой активности профессионалов.

Однако среди всех названных факторов особое место принадлежит законодательству. Его роль, как убеждаемся, в позитивном воздействии на умы, волю и поступки людей, и прежде всего юридически подготовленных граждан и должностных лиц. Но не только. В не меньшей степени закон путем установления мер юридической ответственности способствует повышению уровня культуры,

профилактируя отступление от нее со стороны тех, кто способен на совершение правонарушения.

Обзор специальной литературы по теме

О теоретических проблемах правового сознания в истории правовой мысли см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 239—258.

В соответствии с политико-правовыми взглядами русского мыслителя И. А. Ильина правовое сознание во всем многообразии его составляющих лежит в основе всей правовой и государственной жизни, см.:

Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.

Окара А. Н. Правосознание — центральная категория философии права И. А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 84—93.

Фомин А. А. Государственно-правовая идеология И. А. Ильина: Монография. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2005. 187 с.

Характеристика различных ***типов общественного правосознания***, прежде всего — правового нигилизма, см.:

Бегинин В. И. Общественное правосознание и государственность. Саратов, 1994. 136 с.

Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25—40.

Варламова Н. В. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и будущее России? // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2000. № 1.

Горохов П. А. Социальная природа правового нигилизма. Оренбург, 1998.

Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России: Монография. Волгоград: Перемена, 2005. 280 с.

Демидов А. И. Политический радикализм как источник правового нигилизма // Государство и право. 1992. № 4.

Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.

Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989.

Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной «медали» // Правоведение. 1994. № 2.

Мельникова Т. В. Основные типы общества и правосознания: Монография. Красноярск, 2001. 103 с.

Месилов М. А. Правовой нигилизм: Учеб. пособие. М., 2006. 47 с.

Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. М., 1972.

Сафонов В. Г. Понятие правового нигилизма // Государство и право. 2004. № 12. С. 65—69.

Сенин И. Н., Кожевников В. В. Правовой нигилизм как социальное явление: Монография. Омск, 2005. 167 с.

Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманитарный смысл права // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990.

Тиковенко А. Г. Этатизм и нигилизм как основные элементы обыденного сознания в истории и современности // Право и демократия. Вып. 6. Минск, 1994. С. 3—11.

Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 20—27.

Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52—59.

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных теоретическому обоснованию, развитию и практическому внедрению западных ценностей (см. литературу по теории разделения властей, демократии, правам человека, теории правового государства, функциям государства), формирование собственной ***государственно-правовой идеологии*** остается важнейшей задачей отечественных философских, политических и правовых исследований, см.:

Абдурахманова И. В. Тоталитарное правосознание в России: факторы формирования и трудности преодоления // Государство и право. 2008. № 5. С. 86—99.

Агешин Ю. А. Мир в новом измерении. Контуры идеологии Новой России в контексте грядущего мироустройства. М., 2002. 179 с.

Азаркин Н. М. Национальная идеология и культурно-воспитательная функция государства // Власть. 2000. № 3. С. 33—37.

Байниязов Р. С. Общемировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 46—52.

Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999.

Величко А. М. Нравственные и национальные основы права: (Сб. ст. по философии и истории права). СПб., 2002. 156 с.

Величко А. М. Философия русской государственности. СПб., 2001. 368 с.

Владимиров А. И. О национальной государственной идее России // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2000. № 2. С. 14—28. № 3. С. 41—69.

Владимиров А. И. О национальной государственной идее России: стратегические этюды. М., Новосибирск, 2000. 287 с.

Егоров В. К. Философия культуры России: контуры и проблемы. М., 2002. 656 с.

Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. 390 с. (Пути русского имперского сознания).

Капустин М. П. Культура и власть: пути и судьбы русской интеллигенции в зеркале поэзии. М., 2003. 472 с.

Кожинов В. В. О русском национальном сознании. М., 2004. 416 с.

Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994.

Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005. 799 с.

Контарев А. А. Идея российской государственности: Монография. Ростов н/Д., 2000. 262 с.

Кочетыгова Н. И. Многокультурность как характерная черта российской государственности // Государство и право. 2006. № 11. С. 86—88.

Мартышин О. В. Идейно-политические основы современной российской государственности // Государство и право. 2006. № 10. С. 31—37.

Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 24—30.

Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.

Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М., 2005. 688 с.

Пискотин М. И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. 442 с. (рецензия: Бельский К. С. // Государство и право. 2002. № 1. С. 117—120).

Подберезкин А. Современная русская идея и государственность. М., 1995.

Правовая культура как фактор возрождения державности России: Материалы научно-практ. конференции. М.- СПб., 1997. 99 с.

Православная государственность: 12 писем об Империи: Сб. ст. / Под ред. А. М. Величко, М. Б. Смолина. СПб., 2003. 304 с.

Прибыткова Е. А. Против прогрессирующего онемения (обзор специального выпуска журнала «Теория права» (Германия) «Обычное право — правовые принципы — правосознание. Трансформации правовой культуры в Западной и Восточной Европе») // Правоведение. 2007. № 6. С. 211—229.

Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.

Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / Под ред. В. В. Ильина. М., 1997.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул и др. М., 2000. 440 с.

Серегин А. В. Актуальные проблемы теории государства: опыт русского консервативного мышления в начале XXI века. Ростов н/Д., 2006. 272 с.

Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. 496 с.

Синюков В. Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 9—17.

Скурко Е. В. Российская традиция права: проблемы генезиса и содержание // Правоведение. 2008. № 2. С. 154—162.

Черненко А. Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России. СПб., 1999. 273 с.

Яковлев А. И. Государственная идеология. Калуга, 2001. 300 с.

Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Государство и право. 2007. № 5. С. 5—12.

В связи с исследованиями общественного правосознания разрабатывается категория «***общественное мнение***», см.:

Ошеров М. С., Спиридонов Л. И. Общественное мнение и право. Л., 1985.

Сафаров Р. А. Общественное мнение и государственное управление. М., 1975.

О ***правовом менталитете***, в том числе отечественном, см.:

Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: Введение в общую теорию. Саратов, 2001. 295 с.

Байниязов Р. С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 31—40.

Барабаш А. С., Давлетов А. А. Российский менталитет и его влияние на природу уголовного судопроизводства // Правоведение. 2006. № 2. С. 98—108.

Меняйло Д. В. Российский правовой менталитет: Монография. Белгород: БЮИ МВД России, 2005. 119 с.

Степанов В. Ф. Российский менталитет и особенности российской государственности // Государство и право. 2007. № 4. С. 99—104.

Достаточно подробно исследовано ***правосознание сотрудников органов внутренних дел***, см., например:

Баранов П. П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел: Монография. Ростов н/Д., 1997.

Гранат Н. Л. Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1984. 84 с.

Кукушин В. М. Полицейская деонтология. М., 1994.

Методологические проблемы правосознания сотрудников ОВД / Э. В. Кузнецов, В. П. Сальников и др. Л., 1986. 96 с.

Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: учеб. пособие / Под ред. Г. В. Дубова, А. В. Опалева. 2-е изд., испр. и доп. М., 1999. 384 с.; То же. М., 2000. 384 с.

Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. Л., 1988.

Суворов Л. К. Правовая культура работников органов внутренних дел. М., 1991.

Литература ко всей теме

Абрамов А. И. Функции правосознания и их роль в реализации функций права // Правоведение. 2006. № 5. С. 23—34.

Агешин Ю. А. Правовые знания и культура человека. М., 1973. 64 с.

Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988. 145 с.

Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство (XXIII Всемирный Конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии) // Правоведение. 2008. № 2. С. 124—146.

Арановский К. В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 84—92.

Бабенко А. Н. Освоение правовых ценностей в процессе правовой социализации личности: Монография. Иркутск, 2001. 120 с.

Байниязов Р. С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение 2001. № 5. С. 12—23.

Баранов П. П., Овчинников А. И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления: Учеб. пособие. Ростов н/Д., 2006. 184 с.

Бельский К. Т. Формирование и развитие социалистического правосознания М., 1982. 183 с.

Бондарев А. С. Правовая антикультура в правовом пространстве общества. Пермь, 2006. 192 с.

Борщева Е. В. Правосознание как фактор формирования правового государства // Право и демократия: Сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 31—37.

Гречин А. С. Социология правового знания: Учеб. пособие. М., 2001. 256 с.

Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 10. Правовое сознание и правовая культура в правовой системе общества: Текст лекции. Ярославль, 2004. 75 с.

Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. М., 1983.

Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции: Учеб. пособие. М., 1996. 215 с. (рецензия: Казимирчук В. П. // Государство и право. 1998. № 1. С. 121—122).

Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.

Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. 344 с.

Малахов В. П. Правосознание: природа, содержание, логика: Монография. М., 2001. 383 с. (рецензия: Казаков В. Н. // Государство и право. 2002. № 3.С. 117—118).

Могилевский А. А. Правосознание и религия. Ашхабад, 1977.

Неважжай И. Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 3. С. 16—30.

Новик Ю. И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск, 1989.

Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М., 1969. 174 с.

Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3.

Правовая культура в России на рубеже столетий (Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции) / Ю. Ю. Ветютнев и др. // Государство и право. 2001. № 10. С. 106—109.

Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. 16—17 февраля 2001 г. / Под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 2001. 240 с.

Сальников В. П. Социалистическая правовая культура: методологические проблемы. Саратов, 1989. 144 с.

Сапун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984.

Семенов В. Е. Актуальные проблемы теории правосознания, его ценностных ориентиров. Ставрополь, 2000. 107 с.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.

Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990. 176 с.

Смоленский М. Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. № 11.

Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. 224 с.

Сорокин В. В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 59—70.

Темнов Е. И. Jurisprudentia eloquenta — звучащая юриспруденция: Монография. М., 2005. 398 с.

Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. 206 с.

Чеснокова М. Д. Отношение населения к федеральным законам и органам государственной власти // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 183—191.

Шаповалов И. А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. 2005. № 4. С. 84—90.

Щегорцов В. А. Социология правосознания. М., 1981. 174 с.

Щербакова Н. В. Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986. 127 с.

Щербакова Н. В. Проблемы правовой установки личности. Ярославль, 1993. 176 с.

Юрашевич Н. М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. 2005. № 7. С. 69—74.

ГЛАВА 16 Правовые отношения

16.1. Понятие, структура и виды правоотношений

Проблемы правовых отношений являются одними из самых сложных и дискуссионных в теоретической юридической науке. Не существует единства мнений относительно определения правового отношения, его содержания, понимания элементов его структуры и по многим другим вопросам.

Правоотношение — это возникающая на основе правовых норм и вследствие наступления определенных юридических фактов связь субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями.

Правовое отношение определяется, таким образом, указанием в первую очередь на его стороны и на особенности связи между ними. Правоотношение представляет собой *связь субъектов права* (индивидуальных или коллективных), т.е. предполагает обязательное наличие как минимум двух сторон. Правоотношение характеризуется наличием у сторон *взаимных субъективных прав и обязанностей*. Их содержание определяется *правовыми нормами*, в которых в общей форме, в форме статутных прав и обязанностей (содержащихся в диспозициях или в санкциях) указывается на возможность обладания конкретными, субъективными правами и обязанностями. К примеру, в случае заключения договора купли-продажи между двумя организациями субъектами данного гражданско-правового отношения будут являться организация-покупатель и организация-продавец; связь между ними определяется наличием взаимных прав и обязанностей. Покупатель вправе требовать передачи имущества в собственность, обязан принять его и уплатить за него конкретную денежную сумму; продавец обязан передать имущество в собственность и имеет право требовать уплаты за него денежной суммы.

Правоотношение не является какой-то особой разновидностью общественных отношений наряду, например, с имущественными, трудовыми, семейными, управленческими: правоотношение выступает лишь в качестве их *юридической формы*. Нет чисто правовых отношений. Если мы говорим о наличии правоотношения, необходимо помнить, что за юридическими связями стоят и определенные фактические права и обязанности. Общественные отношения могут иметь юридическую форму, в этом случае они называются правовыми отношениями. Они могут и не иметь юридической формы: ведь право регулирует не все, а только наиболее важные с позиций общего интереса и объективно поддающиеся юридической регламентации отношения.

Правоотношения *возникают на основе правовых норм*. Требования, содержащиеся в правовых нормах, реализуются именно в правоотношениях. Здесь общие предписания конкретизируются применительно к фактической ситуации. Право, регулируя общественные отношения, придает им юридическую форму, воплощается в правомерном поведении субъектов права. Правоотношениям свойственны особенности правовых норм. Поскольку правовые нормы установлены компетентными государственными органами и имеют общеобязательный характер, при необходимости осуществление содержащихся там требований, обязательное исполнение юридических обязанностей обеспечивается принудительной силой государства. Правовые нормы обладают качеством, именуемым «формальная определенность». Правоотношения также являются определенными по своему содержанию и составу связями. Обратившись к тексту нормативного правового акта, можно точно определить, является ли лицо субъектом данного правоотношения, и если да, то в чем заключаются его права и обязанности. Правовые отношения возникают, подчиняясь логике и связям, существующим в праве. Таким образом, системность права определяет и системность правоотношений.

Одним из необходимых условий возникновения правовых отношений является наличие *юридических фактов* (см. подробнее параграф 16.5).

Следует отметить *сознательный, волевой характер* правоотношений. Поведение, которым реализуются субъективные права и обязанности, — это в той или иной степени осознанное поведение, которое совершается в соответствии с определенными интересами человека. Кроме того, многие правоотношения могут возникать только в соответствии с волеизъявлением лица, выраженным в юридически значимых поступках.

При теоретическом исследовании правового отношения выделяют его *структуру*, анализируют составные элементы правоотношения: субъекты правоотношений, содержание правоотношения, объекты правоотношения. Структура правоотношения — одна из дискуссионных проблем в теории права; учеными предлагаются разные варианты ее осмысления. В отношении правомерности, включения в число ее элементов субъектов и объектов правоотношений сомнений обычно не возникает. Содержание правоотношения определяется различным образом. Здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что правовое отношение — это юридическое опосредование соответствующего общественного отношения; причем нередко юридическое и фактическое слиты друг с другом, неразделимы и воспринимаются как одно целое. Одни авторы при анализе содержания правоотношения предлагают обращать внимание только на юридический аспект, и с этой точки зрения (быть может, более приемлемой в учебных целях) содержание правоотношения ограничивается взаимными субъективными правами и обязанностями, фактическое поведение сторон выносится за рамки правоотношений.

Другая научная позиция состоит в том, что в структуре правоотношения наряду с субъектом и объектом выделяются еще два элемента: юридическая форма, которая выражена в субъективных правах и обязанностях, и содержание, которое составляет фактическое поведение субъектов правоотношений. Иногда говорят о юридическом (субъективные права и обязанности) и материальном (фактические действия сторон) содержании правоотношений.

Виды правоотношений. Правовые отношения принято классифицировать по различным основаниям.

По *отраслевому* признаку, т.е. в зависимости от принадлежности норм права, на основе которых возникают правоотношения, к той или иной отрасли права, различают государственно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые и т.д. отношения; в рамках этой же классификации выделяют материальные и процессуальные правоотношения, частноправовые и публично-правовые отношения.

По своему *функциональному назначению* в соответствии с аналогичной классификацией правовых норм различают *регулятивные* и *охранительные* правоотношения. Первые возникают в процессе правомерного поведения субъектов права, вторые — когда совершено правонарушение и необходимо применение мер государственного принуждения для наказания правонарушителя.

В зависимости от соотношения взаимных прав и обязанностей субъектов права говорят о правоотношениях, характеризуемых

равенством (у каждой стороны объем прав и обязанностей примерно одинаков) и *иерархичностью сторон*, наличием между ними отношений власти и подчинения. В последнем случае у субъекта, занимающего более высокое место в иерархии, по отношению к нижестоящему больший объем прав и меньший — обязанностей.

Иногда специально выделяются и анализируются так называемые *комплексные* правоотношения. Они имеют длящийся, стабильный характер, сложное содержание, выражающееся в многообразных взаимных правах и обязанностях. Это, к примеру, правовые отношения между работником и администрацией предприятия, между супругами и т.п. В процессе своей реализации комплексное правоотношение распадается на ряд простых правоотношений — единичных правовых связей, однако к ним не сводится, поскольку имеет свои основания возникновения, изменения и прекращения.

По определению, которое предложено выше, правовое отношение характеризуется наличием как минимум двух сторон (покупатель и продавец, наемный работник и наниматель и т.д.). Существует, однако, и несколько иная точка зрения, в соответствии с которой под правоотношениями понимаются не только конкретные правовые связи, но и правовые связи, имеющие более общий характер. Здесь четко определена одна сторона — обязанная или управомоченная, вторая же сторона не конкретизирована, в этом качестве могут выступать многие субъекты права. Такие правоотношения называют общими или общерегулятивными.

16.2. Субъекты правоотношений

Субъекты правоотношений — это индивиды или организации, которые на основании норм права могут быть участниками правоотношений, носителями субъективных прав и обязанностей.

Субъекты правоотношений разделяются, таким образом, на две большие категории: ими могут быть индивиды, или физические лица, и организации. К физическим лицам как к участникам правоотношений относятся граждане данного государства, а также находящиеся на его территории иностранцы и лица без гражданства. Специфическими индивидуальными субъектами права являются должностные лица. В качестве коллективных субъектов права могут выступать различные государственные и негосударственные органы и организации, государство в целом. Самостоятель-

ными коллективными субъектами права иногда называют различные социальные общности, например народ в случае проведения референдума, выборов. В гражданских правоотношениях коллективные субъекты права выступают в качестве юридических лиц.

«Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету» (ч. 1 ст. 48 ГК РФ).

Для того чтобы граждане и организации могли быть участниками различных правоотношений, они должны обладать определенными качествами, для обозначения которых применяется термин «правосубъектность». *Правосубъектность* как способность быть участниками правоотношений установлена правовыми нормами и несколько различается у индивидуальных и коллективных субъектов права.

Уже говорилось о том, что к индивидуальным субъектам права относятся граждане, иностранцы и лица без гражданства. «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности», — так говорится в ст. 6 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Таким образом, правосубъектность неотделима от личности и носит всеобщий характер: ее признание в принципе не зависит от пола, возраста, профессии, места жительства и т.д. Государство должно гарантировать это качество — способность быть участником правоотношений — за каждым человеком.

В соответствии со ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Следует иметь в виду, что иностранцы и лица без гражданства могут быть субъектами различных правоотношений (гражданских, трудовых, семейных и др.), но их правовой статус ограничен. Они не обладают теми правами и не несут тех обязанностей, которые неотделимы от гражданства: не участвуют в голосовании на выборах представительных органов государства и при проведении референдумов, не могут занимать должности в государственном аппарате, не подлежат призыву на военную службу, не несут ответственность за измену Родине и т.д.

Граждане государства могут быть участниками широкого спектра правовых отношений, однако при этом необходимо иметь в виду следующее:

- правосубъектность гражданина зависит прежде всего от его возраста;

  С 14 лет человек может нести ответственность за отдельные виды преступлений (ч. 2 ст. 20 УК РФ), с этого же возраста допускается прием на работу с согласия родителей, усыновителей или попечителя (ч. 3 ст. 63 ТК РФ), с 14 лет наступает ограниченная гражданская дееспособность (ст. 26 ГК РФ, отдельными гражданскими правами обладают и малолетние в возрасте от 6 до 14 лет, ст. 28 ГК РФ); с 16 лет допускается прием на работу по законодательству РФ (ст. 63 ТК РФ); с 16 лет лицо может нести уголовную и административную ответственность (ч. 1 ст. 20 УК РФ, ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ; при этом есть особенности уголовной и административной ответственности несовершеннолетних, см. ст. 87—96 УК РФ, ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ); с 18 лет человек становится совершеннолетним, он обладает полной правосубъектностью (см., например, ст. 60 Конституции РФ, ст. 21 ГК РФ, ч. 1 ст. 13 СК РФ).

- ограничение правосубъектности возможно в отдельных случаях, специально оговоренных в законодательстве (см., например, ст. 29, 30 ГК РФ);
- кроме общей правосубъектности существует и специальная, которой обладают отдельные категории граждан: депутаты, судьи, военнослужащие, молодежь, студенты, пенсионеры и т.д.

Существенные особенности рассматриваемой категории имеются в гражданском праве. Здесь единая правосубъектность разделяется на правоспособность — способность иметь гражданские права и обязанности, которая возникает в момент рождения человека и прекращается со смертью, и дееспособность — способность своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности, которая в полном объеме наступает по достижении 18-летнего возраста, (см. ст. 17, 18, 21, 26, 28 ГК РФ). Такая ситуация обусловлена тем, что в гражданском праве правоотношения могут существовать вне личного и непосредственного участия в них самих носителей прав и обязанностей (к примеру, и малолетнему ребенку может быть завещано наследство). В иных отраслях права правосубъектность граждан является единой праводееспособностью; поскольку моменты наступления и правоспособности, и дееспособности совпадают, различение их по существу не нужно.

В научной литературе предложены разные варианты осмысления содержания и составляющих правосубъектности, соотношения данной категории с понятиями правового статуса, правового положения лица. *Правовой статус* составляют закрепленные в зако-

нодательстве права и обязанности индивида, а совокупность статутных и субъективных прав и обязанностей называют *правовым положением* лица. Правосубъектность и правовой статус — различные понятия. Главное в правосубъектности — не соответствующие права или обязанности, а принципиальная возможность их иметь и осуществлять, это своего рода «право на право». Говоря о соотношении правового статуса и правосубъектности, обычно указывают на определяющий характер первого и на зависимость, вторичность правосубъектности, ее определяемость правовым статусом лица.

Известна и следующая позиция: термин «правовой статус» употребляется для характеристики правового положения лица в целом, а термины «правоспособность» и «дееспособность» употребляются применительно к участию тех или иных лиц в правоотношениях (см.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права. С. 311).

Правосубъектность коллективных субъектов права, прежде всего государственных органов и негосударственных организаций, обычно характеризуется как целевая (это специально подчеркнуто, к примеру, в ч. 1 ст. 49 ГК РФ). Та или иная организация или орган государства образуется для решения определенных задач и потому наделяется только такими правами и обязанностями, которые необходимы для ее (его) нормального функционирования. Правосубъектность коллективных субъектов права возникает с момента их создания. Совокупность закрепленных в законодательстве прав и обязанностей, которыми наделяются государственные органы, именуется их компетенцией. Права и обязанности негосударственных организаций закреплены в нормативных актах, а также содержатся в учредительных документах этих организаций, зарегистрированных в соответствующих государственных органах.

16.3. Субъективные права и обязанности участников правоотношений

Правовое отношение характеризуется наличием взаимных, соответствующих друг другу субъективных прав и обязанностей. Они неразрывны, поскольку праву одной стороны соответствует обязанность другой.

Субъективное право — это возникающая в пределах статутного права на основе конкретных юридических фактов мера возможного поведения управомоченного лица.

Составляющие субъективного права обычно именуются правомочиями. Указываются три их вида:

- *правомочие на собственные действия*; например, собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться (это составляющие права собственности) принадлежащим ему имуществом; правомочие на собственные действия ограничивается пределами, определяемыми нормами права, субъективными правами других лиц;
- *правомочие на чужие действия* необходимо в тех случаях, когда субъективное право лица может быть осуществлено только при совершении определенных действий обязанным лицом; это, к примеру, право требовать возврата денег по договору займа;
- *правомочие в виде притязания*, т.е. возможность обращения к компетентным государственным органам с целью обеспечения принудительного исполнения определенной обязанности; это продолжение правомочия на чужие действия в случае несовершения обязанным лицом определенных действий (право обращения в суд с требованием взыскания долга по договору займа, взыскания алиментов и т.д.).

Субъективная обязанность — это возникающая в пределах статутной обязанности и на основе конкретных юридических фактов точная мера должного поведения конкретного обязанного лица.

Субъективная юридическая обязанность может выражаться:

- *в воздержании от совершения запрещенных действий*; при этом требуется пассивное поведение обязанного лица, для того чтобы не мешать реализации субъективных прав других участников правоотношений;
- *в совершении определенных действий*; при этом требуется активное поведение обязанного лица, для того чтобы обеспечить реализацию субъективных прав других участников правоотношений.

Предлагается и несколько иная структура обязанности, соответствующая структуре субъективного права. В этом случае в обязанности будут входить: необходимость совершать определенные действия или воздерживаться от их совершения; необходимость совершать определенные действия или не совершать таковых по требованию управомоченной стороны; необходимость претерпеть неблагоприятные последствия за совершение неправомерных действий.

Основные признаки субъективного права и субъективной обязанности целесообразно представить в сравнении.

Субъективное право	Субъективная обязанность
Возникает на основе статутного права, т.е. права, предусмотренного правовыми нормами. Базируется на юридически обеспеченной возможности поступать определенным образом. Конкретизируется в пределах статутного права	Возникает на основе статутной обязанности, т.е. юридической обязанности, содержащейся в норме права. Базируется на юридически закрепленной необходимости совершать определенные действия. Конкретизируется в пределах статутной обязанности
Возникает при наличии определенных юридических фактов	Возникает при наличии определенных юридических фактов
Носитель субъективного права — управомоченное лицо. Это мера возможного поведения	Носитель субъективной обязанности — обязанное лицо. Это точная мера должного поведения, т.е. из всех возможных вариантов реализации юридической обязанности избирается один
Субъективные права устанавливаются для обеспечения потребностей и интересов субъектов права, субъективные права одних лиц обеспечиваются субъективными обязанностями других лиц	Устанавливается в интересах управомоченной стороны для обеспечения соответствующего субъективного права
Субъективное право гарантировано государством	Государство может принудить субъекта к исполнению субъективной обязанности
Субъективные права приобретаются и осуществляются с целью удовлетворения определенных интересов управомоченных лиц, достижения определенных благ	Субъективные обязанности осуществляются с целью удовлетворения определенных интересов соответствующих управомоченных лиц, для достижения определенных благ

16.4. Объекты правоотношений

В качестве обязательного элемента структуры правоотношения указывают на его объект.

Объект — это реальное благо, на достижение, использование или охрану которого направлена реализация субъективных прав и обязанностей участников правоотношения.

Иными словами, это то, что в итоге хочет получить индивид или организация, вступая в правоотношение, принимая на себя юридические обязанности. Объектами правовых отношений могут являться:

- материальные блага, т.е. предметы материального мира — деньги, вещи, недвижимость и т.д.;
- различные нематериальные ценности — продукты интеллектуального, духовного творчества людей (произведения литературы, театрального искусства, живописи, научные открытия и т.п.); личные неимущественные блага (жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, неприкосновенность жилища, тайна переписки и т.п.);

■ действия субъектов правовых отношений или результаты этих действий (перевозка грузов, пересылка корреспонденции, дача показаний свидетелем и т.д.).

Иногда специально выделяют и иные группы объектов правоотношений, например субъективные права (в том случае, если субъект добивается наличия у него того или иного права), ценные бумаги, официальные документы (облигации, акции, векселя, паспорта, дипломы и т.д.).

Изложенный подход именуется плюралистической, или множественной, концепцией объекта правоотношения. Он получил большое распространение в литературе. Кроме того, предложена и монистическая концепция объекта правоотношения, в соответствии с которой в этом качестве могут выступать только действия сторон, поскольку именно они регулируются правовыми нормами. С такой точки зрения у всех правовых отношений общий объект.

16.5. Юридические факты

Юридические факты — это конкретные жизненные обстоятельства, с наступлением которых нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Юридическая природа самых разных обстоятельств, именуемых юридическими фактами, состоит в том, что они влекут правовые последствия. Она основана не на каком-то особом качестве юридических фактов, а на их закреплении в гипотезах правовых норм. Нормы права, правосубъектность и юридические факты указываются в качестве обязательных предпосылок правоотношения.

По волевому признаку юридические факты разграничивают на события и действия.

События — это такие обстоятельства, наступление которых не зависит от воли субъектов правоотношения. Иногда говорят об *абсолютных* юридических фактах-событиях (их наступление не вызвано чьей-либо волей, например, наводнение, истечение срока, наступление определенного возраста и т.п.) и *относительных* (это поступки людей, но в отличие от действий они не зависят от воли участников данного правоотношения, например, нанесение телесных повреждений, вследствие чего прекращаются трудовые правоотношения потерпевшего с предприятием).

Действия (а более точно — деяния, поскольку юридические последствия может повлечь не только действие, но и бездействие) — это акты волевого поведения людей. Они могут быть правомерными и противоправными. *Правомерные* действия совершаются в соот-

ветствии с предписаниями правовых норм. Различаются *юридические акты* (внешне выраженные решения людей, прямо направленные на достижение определенного правового результата, например, заявление о приеме на работу, решение или приговор суда, договор поставки и т.д.) и *юридические поступки* (это фактическое поведение людей, которое вне зависимости от того, было ли оно направлено на достижение определенных правовых последствий, тем не менее их вызывает; например, создание литературного произведения). *Неправомерные действия* — правонарушения (преступления и проступки) — противоречат нормам права. *Преступления* — общественно-опасные деяния, предусмотренные уголовным законом и влекущие применение мер уголовного наказания. *Проступками* (административными, гражданскими и др.) являются все остальные правонарушения, не признанные преступлениями; они характеризуются меньшей степенью общественной опасности.

В зависимости от последствий различают *правообразующие* (влекут возникновение правоотношений, например, заключение брака), *правоизменяющие* (влекут изменение уже существующих правоотношений, например, перевод на другую работу) и *правопрекращающие* (вызывают прекращение правоотношений, например, истечение срока лишения свободы) юридические факты.

Специфическими, «длящимися» юридическими фактами являются так называемые *правовые* (или фактические) *состояния* — гражданство, родство, нахождение в должности и т.п.

Нередко для возникновения, изменения или прекращения правоотношения необходимо не одно, а несколько юридически значимых обстоятельств. В связи с этим говорят о *фактическом составе*, который образуют несколько взаимосвязанных юридических фактов. Так, для возникновения пенсионного правоотношения необходимо достижение определенного возраста, наличие трудового стажа, принятие соответствующим органом решения о назначении пенсии.

В качестве юридических фактов могут выступать правовые презумпции и фикции.

Презумпция — это подтвержденное правоприменительной практикой предположение о наличии или отсутствии юридически значимых явлений.

Существенным признаком презумпции является ее предположительный характер. Презумпции — это обобщения не достоверные, а вероятные. Однако степень их вероятности очень велика и основывается на связи между предметами и явлениями объективного мира и повторяемости повседневных жизненных процессов

(см.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. С. 105; именно в этом издании проблема правовых презумпций и фикций нашла наиболее полное освещение — см. С. 105—110). К числу общеправовых презумпций В. К. Бабаев относит презумпцию добропорядочности граждан, находящую выражение в уголовном процессе в презумпции невиновности обвиняемого, презумпцию знания закона, презумпцию истинности нормативного правового акта (см.: Там же. С. 106—107).

В соответствии с ч. 1 ст. 49 Конституции РФ «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Фикция — это несуществующее явление или событие, признанное в установленных юридических процедурах существующим. Это, к примеру, допустимое в гражданском праве признание гражданина безвестно отсутствующим или объявление гражданина умершим (см. ст. 42, 45 ГК РФ); в соответствии с ч. 3 ст. 45 ГК РФ днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. Юридические фикции вносят четкость в правовое регулирование общественных отношений, именно поэтому они необходимы.

Обзор специальной литературы по теме

Теории правоотношений традиционно уделялось значительное внимание в дореволюционной учебной литературе по теории (энциклопедии) права, а также по отраслевым юридическим дисциплинам, в первую очередь по гражданскому праву. Проблемы правоотношений рассматривались в связи с соотношением объективного и субъективного права и наряду с проблемами объективного права (понятие права, нормы права, системы нормативных актов и т.д.) являлись важной составляющей всего курса теории (энциклопедии) права. Детальная характеристика давалась и элементам структуры правоотношения. Подробнее см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень Т. 2. С. 259—287.

Литература ко всей теме

Абрамов А. И. Правоотношение: функциональные аспекты // Правоведение. 2008. № 2. С. 178—189.

Бабаев В. К. Социалистические правовые отношения. Владивосток, 1972.

Варламова Н. В. Правоотношения: философский и юридический подходы // Правоведение. 1991. № 4.

Вопленко Н. Н. Правовые отношения: Учеб. пособие. Волгоград, 2004. 61 с.

Галаган И. А., Василенко А. В. К проблемам теории правоприменительных правоотношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 12—19.

Гревцов Ю. И. Правовое отношение: основные взаимосвязи // Советское государство и право. 1985. № 1.

Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987.

Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981.

Дудин А. П. Диалектика правоотношения. Саратов, 1983.

Зеленцов А. Б. Спор о праве: теоретико-правовое исследование. М., 2005. 272 с.

Иванова З. Д. Законность — основа правоотношений в деятельности милиции: Лекция. М., 1987.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 6.; Правовые отношения и связи в юридической практике и правовой системе общества: Текст лекций. Ярославль, 2000. 72 с.

Кечекьян С. Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958.

Кудашкин В. В. Теоретические аспекты института иностранного элемента в правовом отношении // Государство и право. 2007. № 9. С. 13—20.

Кучинский В.А. Современное учение о правовых отношениях: Монография. Минск, 2008. 320 с.

Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976.

Полежай П. Т. Правовые отношения. Харьков, 1965.

Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. 144 с.

Рыбалов А. О. Абсолютные права и правоотношения // Правоведение. 2006. № 1. С. 129—142.

Современные проблемы правовых отношений: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Кучинского, Э. А. Саркисовой. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2008. 213 с.

Сойфер В. Г. Стабильность и динамика трудового правоотношения: Учеб. пособие. М., 2004. 183 с.

Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.

Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959.

Толстой Ю. К. Социалистические правовые отношения. Л., 1972.

Фаршатов И. А. Производные правоотношения // Государство и право. 1998. № 2. С. 28—34.

Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. 352 с.

Царев Д. Н., Чугунов Ю. О. Норма права, правоотношение и его объект: вопросы теории. СПб., 2004. 224 с.

В ряде работ (не только теоретического характера) анализируются проблемы отдельных элементов структуры правоотношения.

О ***субъектах права*** см.:

Абрамович А. М. Правовой статус советского гражданина. Минск, 1988.

Архипов С. И. Субъект в центре правовой системы // Государство и право. 2005. № 7. С. 13—23.

Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. 469 с. (рецензия: Ветютнев Ю. Ю. // Государство и право. 2006. № 6. С. 120—121).

Бараненков В. В. Юридические лица: эволюция, современное состояние и перспективы развития. М., 2006. 230 с.

Басик В. П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. 2005. № 1. С. 21—35.

Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991.

Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.

Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985.

Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. М., 1997.

Грешников И. П. Понятие субъекта частного права: британский подход // Правоведение. 2006. № 3. С. 63—76.

Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. 475 с.

Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учеб. пособие. М., 2003. 318 с.

Левченко И. П., Облиенко С. В. Индивидуальный социально-правовой статус личности: Монография. М.: МосУ МВД РФ, 2005. 81 с.

Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Государство и право. 2002. № 2. С. 16—23.

Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972.

Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962.

Нечаева А. М. О правоспособности и дееспособности физических лиц // Государство и право. 2001. № 2. С. 29—34.

Патюлин В. А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). М., 1974.

Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: Материалы VIII международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 14—15 декабря 2007 г. / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007.

Ровный В. В. О категории «правовой модус» и ее содержании // Государство и право. 1998. № 4. С. 86—88.

Рывкин К. А. Юридические лица как носители основных прав: российская и европейская практика // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 30—39.

Смирнова Е. С. Проблемы регионализма и мобильность правового статуса населения в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 9. С. 53—63.

Стремоухов А. А. Особенности специального субъекта права // Правоведение. 2004. № 3. С. 139—144.

Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5. С. 5—11.

Хохлов Е. Б., Бородин В. В. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. 1993. № 9. С. 152—159.

Чепурнов А. А. Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантированности. Ростов н/Д., 2006. 168 с.

Чиркин В. Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права? // Государство и право. 2006. № 5. С. 22—26.

Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2007 (отклики: Страшун Б. А. Важная проблема теории права // Журнал российского права. 2007. № 10. С. 148—150; Арановский К. В., Князев С. Д. Пользуясь приглашением... // Там же. С. 151—162).

Якимов А. Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 5—10.

Об ***объекте правоотношения*** см.:

Аносова М. М. Объекты правоприменительных отношений: проблемы теории и практики: Монографическое исследование. Владимир: Транзит-ИКС, 2006. 187 с.

Дудин А. П. Объект правоотношения: вопросы теории. Саратов, 1980.

Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. 542 с.

Ломидзе О. Г. Характеристика объекта гражданского права и распорядительные возможности управомоченного лица // Правоведение. 2007. № 2. С. 25—40.

Объект и результат гражданского правоотношения. Томск, 1980.

Санникова Л. В. Об объекте обязательственного правоотношения // Государство и право. 2004. № 10. С. 57—64.

Семилетов С. И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5. С. 67—74.

Спасская В. В. Объект и субъекты образовательного правоотношения // Правоведение. 2006. № 6. С. 182—197.

Трофименко А. В. Информационные объекты в российском гражданском праве. Саратов, 2002. 122 с.

Трофименко А. В. Нематериальные объекты в гражданских правоотношениях. Саратов, 2004. 254 с.

Чебаев В. Н. О статусе объекта права в конституционном праве // Государство и право. 2008. № 5. С. 90—94.

О ***содержании правоотношения*** см. (см. в главе 8 литературу о разработке юристами категории «интерес»):

Абрамова О. В. Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 3—11.

Бибило В. Н. Индивидуальное право субъекта // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 12—22.

Вавилин Е. В. Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 49—59.

Вавилин Е. В. Проблемы осуществления субъективных гражданских прав в современной России // Государство и право. 2008. № 2. С. 32—38.

Власова А. В. О соотношении субъективного гражданского права и интереса // Правоведение. 2004. № 3. С. 179—183.

Козлов М. А. Субъективное право и охраняемый законом интерес как предметы судебной защиты // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 69—77.

Крусс В. И. К теории пользования конституционными правами // Государство и право. 2004. № 6. С. 14—23.

Лапач В. А. Субъективные гражданские права и основания их возникновения // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 90—106.

Малиновский А. А. Назначение субъективного права // Правоведение. 2006. № 4. С. 222—230.

Малиновский А. А. Пределы субъективного права // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 95—100.

Малиновский А. А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 48—57.

Малько А. В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 2000. № 3. С. 30—48.

Малько А. В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. № 4. С. 58—70.

Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория: Монография. СПб., 2004. 359 с. (рецензия: Сауляк О. П., Экимов А. И. Споры вокруг законных интересов // Правоведение. 2005. № 2. С. 218—224.

Малько А. В., Субочев В. В. Законный интерес и юридическая обязанность // Государство и право. 2007. № 2. С. 30—36.

Маслова М. Г. Борьба за субъективные юридические права в государстве: Монография. М., 2005. 383 с.

Маслова М. Г. Субъективные юридические права в теории правового государства. История вопроса: Монография. М., 2005. 167 с.

Матузов Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере // Правоведение. 2000. № 3. С. 16—30.

Матузов Н. И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Правоведение. 1999. № 4. С. 129—143.

Мисник Г. А. Субъективные экологические права // Государство и право. 2004. № 12. С. 18—25.

Мотовиловкер Е. Я. Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистический аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 52—62.

Мотовиловкер Е. Я. Законный интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2005. № 2. С. 210—217.

Мурашов В. И. Парные категории субъективного права. М., 1978.

Нетишинская Л. Ф. Интерес как предпосылка возникновения договорных обязательств // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 108—112.

Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: Монография. М., 2005. 317 с.

Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право: Монография. СПб., 2008. 136 с.

Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. 72 с.

Специальная литература, посвященная исследованию проблемы ***юридических фактов*** (см. также работы Ю. И. Гревцова, Ю. Г. Ткаченко, Р. О. Халфиной и др. монографии по проблеме теории правоотношений):

Бакирова Е. Ю. Юридические факты в современном жилищном праве. М., 2006. 228 с.

Бондаренко Э. Н. Трудовая правоспособность, дееспособность и юридические факты // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 61—69.

Бондаренко Э. Н. Юридические факты в трудовом правоотношении: Монография. Барнаул, 2005. 223 с.

Горюнова Е. М. Диалектика юридических фактов в системе правовых норм. Белгород, 2002. 298 с.

Иванова З. Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1980. № 2.

Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980.

Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве: Учеб. пособие. М., 1998. 48 с.

Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984.

Комков С. А. Сроки в трудовом праве Российской Федерации: Монография. Иркутск, 2006. 137 с.

Костюков А. Н. Юридические факты в муниципальном праве // Журнал российского права. 2003. № 4.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.

Кутюхин И. В. О связи юридического факта и правоотношения // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 38—41.

Полищук Н. И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики: Монография. Рязань, 2006. 196 с.

Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 1—2 декабря 2006 г. / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.

Тарасова В. А. Юридические факты в области социального обеспечения. М., 1974.

Якушев П. А. Юридические акты и поступки как основания правоотношений: Учеб. пособие. Владимир, 2003. 84 с.

О ***презумпциях*** и ***фикциях*** как о разновидностях юридических фактов см.:

Алиев Т. Т., Громов Н. А. Презумпция истинности судебного решения в гражданском процессе // Государство и право. 2004. № 8. С. 110—115.

Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

Васильев Л. М. Презумпция невиновности обвиняемого в истории российского права. Волгоград, 2003. 248 с.

Веденеев Е. Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве // Государство и право. 1998. № 2. С. 43—49.

Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.-Л., 1948.

Карасева М. В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 71—80.

Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2002; То же. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. 347 с.

Кузнецова О. А. Фиктивные явления в праве. Пермь, 2004. 204 с.

Левченко О. В. Презумпции и преюдиции в доказывании: Монография. Астрахань, 1999. 231 с.

Нахова Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию. Саратов, 2006. 160 с.

Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976.

Панько К. К. Презумпции в уголовном праве как прием законотворчества // Журнал российского права. 2005. № 3.

Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998.

Сериков Ю. А. Презумпции в грждансном судопроизводстве. М., 2006. 169 с.

Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 2008. № 1. С. 60—68.

Федотов А. В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4.

Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1.

ГЛАВА 17 Реализация права

17.1. Понятие и формы реализации права. Виды правомерного поведения

Осуществляя управление обществом, государство издает нормы права. Но после правотворческой деятельности в правовом регулировании общественных отношений акцент переносится на реализацию права.

Реализация права — это осуществление правовых предписаний в правомерном поведении граждан, их организаций, органов государства.

Без процесса реализации право утратило бы смысл, поскольку предписания, содержащиеся в нормативных актах, относятся к сфере должного; а действительность, сущее — это то, каким образом и насколько полно правовые нормы проведены в жизнь. Подвергая изучению правовую действительность страны, внимание следует обращать не только на законодательство, но и на степень его реализации.

Если понимать право широко и с естественно-правовых, философских позиций, то исходной формой реализации права государством является законотворчество. Принятие правовых законов, формулирование в законах правовых предписаний — самое трудное и самое благородное дело законодателей. Тем самым они реализуют содержащиеся в общественных отношениях объективные по обстоятельствам и естественные по условиям места и времени требования, вытекающие из «природы вещей».

Постановка вопроса о реализации права законодателем может покоиться в том числе и на позитивистском правопонимании. По-видимому, никто не будет отрицать обязанность законодателя следовать конституции государства. Принятие антиконституционных законов противоправно с любой точки зрения.

В цивилизованном обществе, принимая новый закон, законодатель обязан проследить его соответствие конституции и всем ранее приня-

тым законам. Если избран тот вариант законодательного регулирования, который расходится с действующими нормами, необходимо внести изменения в существующие законы.

Более того, в федеративном государстве законодатель следует не только собственным законам, но и федеральным законам, а также законам всех субъектов федерации. Во всяком случае, он реализует их в форме соблюдения (воздерживается от их нарушения). Разумеется, при этом имеется в виду, что действующие законы конституционны, приняты в полном соответствии с разграничением компетенции и не посягают на законные интересы того государства, законодатель которого стоит перед дилеммой реализации или нарушения «чужого» закона.

Несколько иначе обстоит дело с реализацией законодателем подзаконных нормативных актов. В принципе их также следует учитывать (соблюдать, развивать, дополнять и т.п.). Однако законодатель здесь менее связан. Если он признает данные отношения входящими в сферу законодательного регулирования, будет вполне оправдано отступление от правительственных актов или актов местных органов. Предварительного изменения или отмены подзаконного акта не требуется. Это будет сделано после принятия закона, иногда по специальному поручению законодателя. (Особо следует отметить специфику полномочий законодателя в федеративном государстве. Федеральный законодатель не может принимать нормы по вопросам, относящимся к ведению субъектов федерации, и, следовательно, общефедеральный представительный орган должен считаться даже с правительственным актом субъекта федерации, изданным в пределах его компетенции.)

Для законодателя обязательны нормы не только материального, но и процессуального права. Причем реализация процессуальных норм имеет непреходящее значение, ибо позволяет принимать оптимальные (в содержательном и формальном плане) законы. В восприятии граждан такая законодательная деятельность приобретает характер научно обоснованного поиска права.

Последнее обстоятельство — поиск права — можно интерпретировать позитивистски, придавая значение права тому властному решению, которое формируется в процессе следования установленным процедурам законодательной деятельности. Но еще большие возможности открываются для рассмотрения правореализующей деятельности законодателя, если право рассматривать в качестве феномена, существующего вне и до законотворчества. Законодатель при таком подходе отыскивает право и следует ему, формулируя нормы закона.

О реальном действии права можно судить по поступкам его адресатов. Как только адресаты правовых норм, участники правовых отношений, носители прав и обязанностей приводят свое социальное поведение в соответствие с предписаниями права, мы можем говорить о том, что действие права перешло в фазу реализации права. До этого речь могла идти лишь о влиянии права на сознание и волю адресатов. Реализация права представляет собой,

таким образом, переход (перевод) социальных моделей и абстрактных ценностей в реальную практику.

Реализация права может быть рассмотрена с двух сторон: следование праву со стороны органов государства и должностных лиц; осуществление права в поступках граждан, деятельности их организаций и объединений. Однако в обоих случаях речь, по существу, идет о конструировании правопорядка. Для него недостаточно простого наличия правовых норм; суть правопорядка состоит в том, что на основе права складываются реальные общественные отношения. Установление государством правовых норм — не самоцель. Задача заключается в практическом осуществлении заложенных в них требований — государственной воли, выраженной в правовой форме.

Реализация объективного права представляет собой деятельность согласно с выраженной в законе волей. Ее можно рассматривать как процесс и как конечный результат. Во втором случае реализация права означает достижение полного соответствия между требованиями правовых норм совершить определенные поступки или воздержаться от них и фактически последовавшими действиями.

Реализацию правовых норм как процесс можно охарактеризовать с субъективной и с объективной сторон. С субъективной стороны это в той или иной степени осознанная деятельность граждан, их организаций, должностных лиц государственных органов. С объективной стороны содержание процесса реализации права составляет материальная и духовная деятельность, которая совершается в соответствии с предписаниями правовых норм и приводит к определенным результатам: к упорядочению общественных отношений, преобразованию социальной действительности. Правомерным поведением людей нормы права реализуются, а противоправным — нарушаются.

В объективную характеристику деятельности по реализации правовых норм входит ее юридическое содержание. Оно заключается в соблюдении правовых запретов, исполнении юридических обязанностей, использовании субъективных прав. Таким образом, в соответствии с тремя способами правового регулирования (запрет, обязывание, дозволение, см. и аналогичную классификацию норм права — запрещающие, обязывающие и управомочивающие) различают три формы непосредственной реализации права — соблюдение, исполнение и использование.

Соблюдение права — это форма его реализации, которая состоит в воздержании от совершения действий, запрещенных правовыми нормами. Главная особенность данной формы реализации права заключается в том, что здесь не требуется совершения каких-либо

активных действий, поскольку выполняется пассивная обязанность. Соблюдением реализуются запрещающие нормы права, а также запреты, выраженные правоохранительными нормами права (например, так называемые общеуголовные запреты). Соблюдение налагаемых правом ограничений происходит, как правило, незаметно в процессе бездействия или совершения разнообразных правомерных действий.

Исполнение права — это форма его реализации, которая состоит в обязательном совершении действий, предусмотренных правовыми нормами. Здесь уже требуется совершение активных действий, поскольку на субъекта налагаются определенные юридические обязанности. Путем исполнения реализуются обязывающие нормы права.

Использование права — это форма его реализации, которая состоит в совершении действий, дозволенных правовыми нормами, в осуществлении субъектами своих прав. Данная форма реализации права не требует обязательного варианта поведения субъектов, поскольку использованием реализуются управомочивающие нормы права.

Три рассмотренные формы реализации права тесно связаны между собой. Исследуя поведение любого субъекта права, мы заметим, что иногда соблюдение, исполнение и использование настолько тесно между собой переплетены, что выделять каждую форму реализации права нецелесообразно. Такая ситуация возможна, к примеру, при реализации так называемых компетенционных норм, т.е. норм, устанавливающих компетенцию того или иного государственного органа или должностного лица (см., например, ст. 83—90 Конституции РФ; Президент РФ, издавая указы, исполняет возложенные на него обязанности, в то же время использует предоставленные ему права на издание нормативных актов, соблюдая в этой деятельности определенные запреты). Аналогичная проблема была рассмотрена в главе 11 «Нормы права» (см. классификацию правовых норм на обязывающие, запрещающие и управомочивающие). Впрочем, во многих случаях соблюдение, исполнение и использование права имеют и самостоятельный характер, в частности, когда от субъектов права требуется строго определенный вариант поведения. Поэтому вполне правомерно выделять данные формы реализации права с целью изучения и исследования их особенностей. Соблюдение и исполнение требуют какого-либо определенного обязательного варианта поведения — активного или пассивного. Эти формы реализации права обеспечиваются, как правило, государственным принужде-

нием. В то же время государство должно гарантировать использование гражданами своих прав.

Высказано мнение, что субъективные права и юридические обязанности могли быть реализованы или посредством правоотношений, или вне правоотношений. Вне правоотношений реализуются так называемые «всеобщие» права и обязанности. Это, к примеру, такие права, которыми определенные субъекты права пользуются в отношении всех остальных субъектов, а последние обязаны не мешать их осуществлению (право собственности на недвижимость, имущество, право автора на собственное произведение, право на жизнь и т.д.). Это и соответствующие данным правам обязанности субъекта в отношении всех остальных субъектов (обязанность воздерживаться от противоправного поведения, соблюдая правовые запреты).

Несколько иная точка зрения на данную проблему состоит в том, что реализация права рассматривается как процесс, протекающий только в рамках правоотношений, причем в рамках правоотношений конкретных и общих. Сторонники выделения общих правовых отношений считают, что необходимо иметь в виду и изучать не только конкретные правовые связи, в которых четко определены как минимум два субъекта, но и те связи, где можно говорить о наличии одного субъекта, а вторая сторона каждый раз определяется применительно к конкретной ситуации. (О конкретных и общих правоотношениях уже шла речь в предыдущей теме.)

Соблюдение, исполнение и использование называют формами непосредственной реализации права, поскольку при этом субъекты действуют сами, не прибегая к официальному содействию органов государства. Однако во многих случаях такое содействие необходимо, и тогда говорят об особой, четвертой форме реализации права — о применении права.

Сущность реализации права с субъективной стороны состоит в повиновении его требованиям. Если субъект решительно отказывается повиноваться предъявленному требованию, то оно никогда не будет осуществлено в его поведении. Поэтому государство старается сформировать у граждан, должностных лиц и организаций потребность, желание или осознание необходимости совершить предусмотренные нормами права действия.

История знает два основных средства побуждения воли людей к реализации государственных велений — обещание награды и угроза физического принуждения или лишения каких-либо благ.

Право предназначено для удовлетворения жизненных потребностей людей. Поэтому требуется принципиальное соответствие государственной воли и воли субъектов реализации права. При таком условии глобальная перспектива видится в постепенном отпадении необходимости специализированного государственного принуждения. Само содержание норм права должно обу-

словливать добровольное повиновение со стороны подавляющего большинства граждан.

В связи с этим в теории государства и права исследуются проблемы правомерного поведения, специфики его обеспечения, предупреждения противоправного поведения и т.д. Достаточно подробное отражение проблем правомерного поведения в учебных курсах по теории государства и права получило распространение сравнительно недавно, ранее ограничивались преимущественно исследованием противоправных деяний — правонарушений. Однако изучение правомерного поведения нецелесообразно оставлять в стороне. Знание различных аспектов этой проблемы важно как для правотворческих органов, так и для должностных лиц, применяющих право. В частности, выявление мотивов следования правовым нормам позволит более эффективно организовать управление обществом, предупредить совершение противоправных деяний.

Правомерное поведение — это такое поведение, которое соответствует предписаниям права.

В научных исследованиях по теории государства и права можно встретить более сложные и объемные определения правомерного поведения. «Правомерное поведение можно определить как структурированную правовыми принципами и нормами деятельность коллективных и индивидуальных субъектов, государства в целом, его институтов и должностных лиц, осуществляемую в форме соблюдения правовых запретов, исполнения юридических обязанностей, использования субъективных прав, а также правоустановления и правоприменения компетентными субъектами. Правомерное поведение в широком плане охватывает все «правовое пространство», связанное как с правотворческой, так и с правореализационной деятельностью. Применительно к уровню деятельности индивида, учитывая ее волевой характер и социокультурную мотивацию, представляется возможным дать следующее определение. Правомерное поведение личности представляет собой вид волевой активности и нормативно-правовой аспект деятельности человека, в котором опредмечивается позитивное субъективное отношение к правовым принципам и нормам и который обладает поэтому социальной ценностью» (Жеругов Р. Т. Правомерное поведение (материалы к лекции) // Право. Культура. Демократия: Сб. ст. М., 1995. С. 227).

Сравнивая разработку проблем правомерного поведения и правонарушений, можно заметить, что последние изучены значительно более тщательно. Это вполне объяснимо; уголовное право как наука, изучающая преступное поведение и ответственность за него, насчитывает многовековую историю развития, а вопросы правомерного поведения начали исследоваться совсем недавно. Научная мысль шла следующим путем: сначала было выделено и описано понятие «преступление», затем ученые перешли к исследованию противоправного поведения вообще, появилось понятие «правонарушение», а затем начато изучение проти-

воположного явления — правомерного поведения. Одно из современных и заслуживающих внимания направлений исследования проблем правомерного и противоправного поведения — анализ синтезирующей эти два понятия категории «правовое поведение» (см., например: Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учеб. М., 1995. 297 с., см. гл. 5 «Правовое поведение личности». С. 161—192). По мнению авторов этого издания, правовое поведение представляет собой «социально значимое поведение индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия» (см. там же. С. 164—165). Рассматриваются общие признаки правового поведения (социальная значимость, контроль сознания и воли лица, четкая регламентированность правовыми нормами, подконтрольность государству, наличие юридических последствий), а также дифференцирующие признаки, позволяющие разграничить правомерное и противоправное поведение (см. там же. С. 161—164; см. также: Кудрявцев В. Н., Малеин Н. С. Правовое поведение, его субъекты и пределы // Правоведение. 1980. № 3. С. 31—40; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. 287 с.

К основным характеристикам правомерного поведения относятся:

- соответствие предписаниям права. Правомерным является только такое поведение, которое урегулировано нормами права, находится в сфере правового регулирования;
- социальная значимость. Правомерное поведение — это социально-полезное поведение. Поэтому правомерное поведение может обеспечиваться государством как мерами поощрения, так и мерами государственного принуждения за противоправное поведение;
- подконтрольность сознанию и воле лица. Правомерное поведение — это в определенной степени осознанное поведение. Для характеристики сознательно осуществляемого действия или бездействия используется понятие «поступок». Поступок — это акт поведения, выражающийся в действии или бездействии, социальное значение которого осознается индивидом.

Любое правовое поведение, в том числе правомерное, «находится под актуальным или потенциальным контролем сознания и воли лица. Даже если этот контроль в данный момент и не осуществляется, то он непременно может быть осуществлен, иначе говорить о правовом поведении нет оснований. Этот психологический признак обусловлен самой природой права. Понятно, что правовым поведением может быть названо только такое поведение, которое поддается правовой регламентации. Но право в состоянии вызвать к жизни, стимулировать и обеспечить полезные для общества виды человеческих поступков и предупредить или пресечь другие, общественно вредные, лишь в том случае, если такие поступки способны регулироваться и контролироваться сознанием и волей человека. В ином случае право бессильно

повлиять на человеческое поведение» (Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 161—162).

Иногда говорят об объективной и субъективной сторонах правомерного поведения. Первые два из перечисленных выше признаков правомерного поведения — соответствие деяния нормам права и направленность его на достижение определенного социально-полезного результата — составляют *объективную* сторону правомерного поведения. А последний признак — характер осознания, мотивация правомерного поведения — это его *субъективная* сторона.

Можно выделить и субъекты правомерного поведения, а также сравнить их с уже изученным кругом субъектов права. Субъекты права — более широкое понятие. Определенные индивиды и организации, являясь участниками правоотношений, не могут выступать в качестве субъектов правомерного поведения. Таким субъектом не будет, например, малолетний ребенок, которому завещано наследство, поскольку он не может осознавать характер своего поведения. Применительно к различным организациям (государство, его органы, общественные организации, коммерческие и некоммерческие учреждения, трудовые коллективы и т.д.) следует иметь в виду следующее: субъектом правоотношения является организация, но конкретную деятельность, поведение фактически осуществляют люди, занимающие различные должности в организации либо состоящие в ней. (См.: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. С. 66—67.) Иногда, впрочем, находят основание анализировать положение граждан, трудовых коллективов, общественных организаций, должностных лиц, органов государства и государства в целом в качестве субъектов правомерного поведения (см., например: Жеругов Р. Т. Указ. соч. С. 233—237).

Для облегчения исследования и изучения проводятся классификации правомерного поведения по различным основаниям. В зависимости от *преобладающих мотивов* выделяют следующие виды правомерного поведения:

Маргинальное (от лат. margo — «находящийся на грани», «пограничный») поведение основано на страхе перед ответственностью, личном расчете, боязни осуждения. Оно сочетается с предрасположенностью к противоправному поведению.

Конформистское (пассивное) поведение характеризуется пассивным соблюдением норм права в силу подчинения своих действий поведению окружающих; человек поступает «как все».

Положительное (привычное) поведение — это поведение в рамках привычной деятельности по соблюдению и исполнению правовых норм. Это, например, выполнение служебных обязанностей.

Социально-активное правомерное поведение — деятельность по реализации правовых норм на основе осознания их ценности и глубокого убеждения в необходимости их исполнения. Социально-активное поведение считается высшей формой правомерного поведения, так как обладает наибольшей ценностью. Это наиболее желательный вид поведения (см.: Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С. 99—139). Социально-правовая активность состоит в психологической готовности человека к активным действиям по надлежащей реализации права, в самой инициативной деятельности по использованию своих прав и исполнению обязанностей.

Предложенная классификация, безусловно, имеет познавательное значение, хотя следует учитывать, что границы между перечисленными видами правомерного поведения довольно условны: не всегда тот или иной поступок можно с уверенностью отнести к определенному виду правомерного поведения.

Правомерное поведение личности формируется в ходе социализации — многогранного процесса «очеловечения» индивида, его приобщения к социальной среде, нормативно-ценностной системе и культуре общества. Одна из сфер общей социализации — правовая социализация. Правовую социализацию можно определить как процесс приобщения индивида к социально-правовой среде. Психологическую модель процесса формирования правомерного поведения личности можно представить как ряд последовательно осуществляемых стадий: 1) познание правовых принципов и норм; 2) оценочное восприятие норм, формирование интереса к ним на рациональном и эмоциональном уровне; 3) формирование положительного оценочного отношения к нормам, принятие их разумом и чувством; 4) преобразование нормативных предписаний во внутреннюю ценность личности (правовые убеждения); 5) закрепление нормативно-установочного стереотипа в результате повторной реализации нормы в поведении (См.: Жеругов Р. Т. Указ. соч. С. 236—241.)

В зависимости от отраслей права, нормы которых реализуются в правомерном поведении, говорят о гражданско-правовом, уголовно-правовом, административно-правовом правомерном поведении и т.д. В зависимости от характера самого акта поведения различают *правомерное действие* (это активная деятельность, направленная на реализацию субъективных прав и исполнение юридических обязанностей) и *правомерное бездействие* (это пассивная деятельность по соблюдению установленных в правовых нормах запретов). По характеру реализуемых правовых предписаний выделяют правомерное соблюдение, правомерное исполнение, правомерное использование, правомерное применение.

Заинтересованность участников общественных отношений в реализации принадлежащих им прав проявляется в сфере действия

управомочивающих норм, а более широко — за пределами действия запретов, ограничений и обязывающих велений. Государство не обещает наград за сам факт реализации управомочивающих норм и тем более не грозит лишениями в случае отказа от их реализации.

При осуществлении обязывающих норм затрачиваются силы, за что государство обещает определенную компенсацию. Возможно исполнение обязанностей под угрозой, но оно нередко носит формальный характер. Многие граждане исполняют юридические обязанности по внутреннему убеждению, следуя чувству долга.

Правовые запреты реализуются преимущественно под угрозой наступления неблагоприятных последствий в случае их нарушения. Это могут быть лишение свободы, штраф, исправительные работы и др.

Одно из обстоятельств обеспечения реализации права следует оговорить особо. Дело в том, что правомерное поведение (которое только и реализует правовые нормы) все-таки по-разному оценивается государством. Некоторые его проявления не считаются социально полезными, и для них в законе содержатся антистимулы. Такому правомерному поведению государство не идет навстречу и не создает для него благоприятных условий. Не представляющее социальной ценности правомерное поведение влечет неблагоприятные последствия только для самого адресата правовой нормы. Не вступаешь в права наследника, не подаешь в установленные сроки жалобу на неправомерные акты должностных лиц — теряешь определенные блага. Социально ценное правомерное поведение пользуется охраной государства.

Особого внимания требует проблема создания материальных и иных условий надлежащей реализации права. Иногда государство не ставит преград популистским стремлениям принять законы, которые рассчитаны на полную поддержку граждан, но при этом совершенно не обеспечены ресурсами. Такие законы обречены на то, чтобы оставаться «бумажным правом». Появлению таких законов препятствуют требования экономического обоснования предлагаемых норм в пояснительной записке к законопроекту и заключения правительства, если предлагаемые законопроекты предусматривают расходы, покрываемые за счет бюджета.

Различные проблемы правомерного поведения неоднократно поднимались на протяжении исторического развития политико-правовой мысли. Это обоснование необходимости правомерного поведения, средства его обеспечения, его мотивы, виды, принципы, субъекты и др. Неоднократно имели место попытки выработать какое-либо основное правило, одну формулу, которой могли бы руководствоваться люди

в своем поведении. Одним из «вечных» проблемных вопросов является выбор между подчинением приказаниям нелигитимной власти (требованиям несправедливых законов) или сопротивлением им. Обо всем этом см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 354—404.

17.2. Применение как особая форма реализации права

Одной из главных и специфических форм реализации права является применение права. От других форм оно отличается тем, что не допускает бездействия (пассивного поведения, как при соблюдении норм), а право на правоприменительную деятельность сливается с обязанностью ее осуществления. Правоприменение обеспечивает реализацию права третьими лицами. Применение одних норм требует соблюдения, исполнения и использования других, поэтому правоприменение — комплексная правореализующая деятельность.

Применение права — это деятельность компетентных органов по реализации правовых норм путем вынесения индивидуально-конкретных предписаний.

Правоприменительная деятельность необходима в тех случаях, когда для обеспечения полной реализации правовых норм требуется вмешательство компетентных органов. Существует немало ситуаций, когда адресаты правовых норм не могут реализовать предусмотренные законом права и обязанности без своего рода посредничества государственных органов. Нельзя, например, получить пенсию, очередное воинское звание или квартиру без решения компетентного органа, хотя налицо все условия, предусмотренные законом. Другими словами, часть правовых норм реализуется только через правоприменение.

В учебной литературе обычно перечисляют следующие наиболее характерные случаи, когда при соблюдении, исполнении и использовании права осуществляется еще и правоприменительная деятельность:

- когда субъективные права и обязанности, обычно в силу их повышенной социальной значимости, у конкретных лиц не могут возникнуть без государственно-властной деятельности компетентных органов (например, назначение пенсии, призыв на военную службу);
- когда требуется официальное признание определенных юридических фактов (например, регистрация актов гражданского

состояния), официальная регистрация определенных действий людей, наиболее важных с точки зрения общественного интереса (например, регистрация личного автомототранспорта, нотариальное удостоверение определенного вида сделок);

- когда субъекты правового общения не могут прийти к соглашению, когда необходимо защитить чье-либо нарушенное субъективное право (взыскать алименты, восстановить на работе незаконно уволенного и т.д.);
- когда совершено правонарушение и необходимо определить для правонарушителя вид и меру юридической ответственности (например, наложить штраф за административный проступок, определить меру уголовного наказания за кражу).

Применение права — это деятельность, которую могут осуществлять только *специально уполномоченные на это государством органы* (государственные или негосударственные), в отличие от иных форм реализации права, которой могут заниматься все субъекты права.

Правоприменительная деятельность носит *государственно властный характер*. Решение принимается по одностороннему волеизъявлению соответствующего органа, который выступает от имени государства, при необходимости исполнение решения обеспечивается принудительной силой государства. Каждый правоприменительный орган для осуществления управленческой деятельности в соответствующей сфере общественной жизни наделяется государством определенной компетенцией. За полномочиями каждого органа стоит, таким образом, государство в целом, суверенная государственная власть. Характеристика применения права как деятельности прежде всего государственно-властной показывает ее повышенную социальную значимость по сравнению с другими формами реализации права.

Применение права — это деятельность *управленческая, организующая,* служащая для упорядочения общественных отношений. Через правоприменительную деятельность, как и через правотворческую, государство реализует свое социальное назначение. Применение права наряду с правотворчеством представляет собой правовую форму государственного управления обществом. Управленческие решения, облекаемые в правовую форму (в правотворческой или в правоприменительной деятельности), благодаря ей становятся обязательными к исполнению, гарантируются государством.

Применение права продолжает процесс нормативного регулирования общественных отношений, начатый правотворчеством, дополняет его индивидуальной регламентацией, т.е. *конкрети-*

зирует права и обязанности субъектов права, уточняет их правовое положение в определенной ситуации. Правоприменительная деятельность является одним из этапов механизма правового регулирования общественных отношений, содержание которого составляет уже не общее, нормативное, а индивидуально-конкретное, поднормативное регулирование. Правоприменительная деятельность осуществляется на основе правовых норм.

Результат деятельности по применению права — *вынесение индивидуально-конкретных предписаний*. Они содержатся в правоприменительных актах и адресуются конкретным субъектам права. В этих предписаниях установлены права и обязанности сторон, находящихся в определенной конкретной ситуации.

Правоприменительная деятельность осуществляется в особых установленных нормативными актами формах, *процедурах*. Существует официальный порядок принятия правоприменительных актов. В самых важных случаях эта деятельность жестко регламентирована (вынесение решений судебными инстанциями регулируется гражданским процессуальным и уголовно-процессуальным кодексами).

Между субъектом применения права и адресатом этой деятельности устанавливается *правоотношение*, т.е. такая связь, которая характеризуется наличием взаимных прав и обязанностей. Особенности рассматриваемой деятельности обусловливают и особенности возникающих в ее процессе правоотношений, которые называют правоприменительными.

Применение права чаще всего рассматривается как особая, четвертая форма реализации права, наряду с соблюдением, исполнением и использованием. Следует, однако, понимать, что правоприменительная деятельность не может протекать в иных формах, кроме того же соблюдения, исполнения и использования, и с точки зрения своего юридического содержания эта деятельность характеризуется рассмотренными выше тремя формами реализации права.

До сих пор мы говорили о применении права как едином процессе, как о чем-то целом. Однако следует иметь в виду, что правоприменительная деятельность чрезвычайно разнообразна, поскольку разнообразны нормы права, на основе которых она осуществляется. Правоприменением занимаются самые разные органы, отличающиеся друг от друга и местом в аппарате государства, и порядком образования, и принципами и направленностью своей деятельности и т.д. Поэтому правоприменительную деятельность можно классифицировать по различным основаниям. Например, выделяют правоприменительную деятельность федеральных органов и органов субъекта федерации (в федеративных государствах),

правоприменение высших органов государства и местных органов. В соответствии с отраслями права, нормы которых реализуются, говорят о применении норм конституционного, уголовного, гражданского, трудового права и т.д., о применении норм материального и процессуального права. Кроме того, в соответствии с правовыми формами деятельности государственного аппарата можно исследовать применение права в правотворческой, правоисполнительной, правоохранительной деятельности.

В соответствии с собственно юридическими функциями права, аналогичными видами правовых норм, направленностью деятельности государственных органов выделяют применение регулятивных и правоохранительных норм права. *Регулятивная* правоприменительная деятельность — это деятельность по установлению конкретных прав и обязанностей в связи с правомерным поведением. *Правоохранительная* правоприменительная деятельность связана с неправомерным поведением, она направлена на установление вида и меры юридической ответственности правонарушителю.

Применением права занимаются различные государственные органы, негосударственные организации, причем деятельность разных субъектов имеет и свои существенные особенности. Фактически *сложились различные способы применения права*, в силу чего выделяются характерные черты правоприменительной деятельности законодательных, исполнительных, судебных, контрольно-надзорных органов государства, негосударственных организаций. Так, органы законодательной власти принимают решения коллегиально, кроме документального оформления решения обязательно его официальное опубликование. Весьма разнообразна правоприменительная деятельность органов исполнительной власти, ее иногда называют организационно-распорядительной или оперативно-исполнительной.

Особого внимания заслуживает правосудие как самостоятельный способ применения права — деятельность судебных органов по рассмотрению и разрешению в судебном заседании гражданских и уголовных дел. В абсолютном большинстве случаев судебные инстанции являются конечными для всех категорий дел. В судебном порядке применяются самые жесткие меры государственного принуждения — вплоть до смертной казни. Поэтому данный вид правоприменительной деятельности осуществляется непосредственно от имени государства специальными — судебными — органами. Он тщательно регламентирован на законодательном уровне, практически во всех государствах приняты и действуют кодифицированные процессуальные нормативные акты.

17.3. Стадии процесса применения права

Применение права — это сложный процесс, складывающийся из различных взаимосвязанных действий — стадий. Существуют различные подходы к рассмотрению правоприменительной деятельности как процесса и, соответственно, к выделению его стадий. Наибольший теоретический интерес представляет описание применения права с точки зрения логической структуры процесса нормативного регулирования. Логика процесса регулирования была рассмотрена в главе 8 «Понятие права» и сводится к тому, что существуют (устанавливаются или вырабатываются) общие правила поведения (нормы), которые регулируют определенные общественные отношения (конкретные ситуации) и определяют поведение людей в любых конкретных ситуациях.

Норма ⟶ Конкретная ситуация ⟶ Поведение в конкретной ситуации

Данным элементам механизма нормативного регулирования общественных отношений соответствуют и стадии процесса применения права. С точки зрения логики этот процесс представляет собой силлогизм, в котором большей посылкой являются нормы права, меньшей — фактические обстоятельства дела, а умозаключением — решение по делу. Соответственно, стадиями правоприменительной деятельности будут выступать: 1) установление юридической основы для разрешения дела; 2) установление фактической основы для разрешения дела; 3) вынесение решения по делу. Рассмотрим подробнее содержание каждой стадии применения права.

1. Установление юридической основы для разрешения дела. Деятельность правоприменителя по установлению юридической основы дела предполагает нахождение нормы, подлежащей применению; проверку правильности текста того акта, в котором содержится искомая норма; проверку подлинности нормы и ее действия во времени, в пространстве и по кругу лиц; уяснение содержания нормы. Вместе с отмеченными видами действий к установлению юридической основы дела следует отнести определение всех тех норм, которыми придется руководствоваться в течение всего процесса применения права и на отдельных его стадиях; нахождение и проверку имеющих юридическое значение актов толкования главной нормы и вспомогательных норм; нахождение средств решения дела, когда конкретная норма, подходящая к установленным обстоятельствам, в законодательстве отсутствует (см.: Лазарев В. В.

Применение советского права. Казань, 1972. С. 48—54). Несмотря на то что в праве содержатся ответы на многие вопросы: кто и в какой форме принимает решение, к чему оно сводится, при установлении юридической основы для разрешения дела возникает немало практических трудностей самого разного характера.

2. Установление фактической основы для разрешения дела. На этой стадии правоприменитель должен тщательно изучить конкретные обстоятельства дела, причем не все, а только те, которые имеют юридическое значение, т.е. юридические факты.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Правильным представляется и закрепление положений о выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В ст. 59 ГПК РФ содержится такое положение: «Суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела».

Юридические факты могут устанавливаться по-разному, в том числе с помощью доказательств: свидетельских показаний, документов и т.д. (в этой части возможно знакомство с общими положениями, регламентирующими доказывание в уголовном и гражданском процессе; см., например, ст. 73—90 УПК РФ, гл. 6 ГПК РФ). В некоторых случаях сбором фактических обстоятельств занимаются одни государственные органы, а решение выносят другие. Цель этой стадии правоприменительного процесса — установление истины.

Одной из важных самостоятельных проблем, изучаемых юридической наукой в связи с исследованием фактических обстоятельств дела, является проблема установления объективной истины в правоприменительной деятельности. Ее можно сформулировать следующим образом: достижимо ли в принципе абсолютно достоверное знание о фактах, на основе которых выносится решение по юридическому делу?

Познание, осуществляемое в ходе исследования фактических обстоятельств, основано на способности материальных процессов отражаться в других материальных процессах и в сознании человека. Любое действие вызывает в окружающем мире комплекс изменений, по которым можно судить о его характере. Следовательно, и по прошествии времени возможно установить истину по делу, т.е. получить полную информацию о событии, имевшем место. Однако на пути установле-

ния абсолютно истинных знаний лежат существенные трудности как объективного, так и субъективного характера (например, отображение того или иного процесса в окружающем мире и в сознании человека может не полностью соответствовать происходящему; с течением времени информация о прошлом уничтожается, заменяясь новой, возможно и сознательное искажение фактов).

Не вдаваясь в аргументацию (см. о данной проблеме, например: Проблемы теории государства и права: Учеб. / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 375—385), отметим вывод, предлагаемый в научных исследованиях: истина в правоприменительной деятельности представляет собой органическое сочетание элементов абсолютной и относительной истины, знания полного и знания неполного, вероятностного.

Автор одной из специальных работ считает вопрос об истине в уголовном судопроизводстве наиболее важной проблемой доказывания. Рассматриваются различные точки зрения на эту проблему, сделан вывод о принципиальной достижимости истины в уголовном процессе (см.: Кореневский Ю. В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 2. С. 55—62).

3. Вынесение решения по делу. На этой стадии дается юридическая квалификация обстоятельств дела в виде индивидуально-конкретного предписания. Здесь же происходит его оформление, принимается правоприменительный акт. Это основная стадия деятельности по применению права, две предыдущие по отношению к ней носят подготовительный характер. (Подробнее о юридическом результате процесса применения права — правоприменительном акте — см. следующий вопрос.)

Таким образом, применение права с точки зрения логики представляет собой вывод из двух посылок. Но с точки зрения своего интеллектуально-волевого содержания это отнюдь не механическое подведение, приложение общих правил к конкретным обстоятельствам (такие представления бытовали, к примеру, в юриспруденции XIX в.), а сложная мыслительная деятельность по установлению и анализу фактических обстоятельств дела, оценке доказательств, поиску, выбору и толкованию норм права, формулированию решения. Для эффективного осуществления правоприменительной деятельности необходимо развитое юридическое мышление, сформированное профессиональное правосознание. Не случайно в процессуальных кодексах было закреплено, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном рассмотрении в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом, а также правосознанием. Следовательно, индивидуальное правосознание является интеллектуально-волевой основой деятельности

по применению права; актуальной проблемой становится повышение уровня правовой культуры правоприменителей.

По характеру интеллектуально-волевого содержания можно выделить две основные разновидности правоприменительной деятельности: *стандартное* и *ситуационное* применение права (терминология здесь носит условный характер). Первое характеризуется стандартным принятием юридического решения при наступлении определенных юридических фактов, указанных в гипотезе правовой нормы, в соответствии с предписанием, содержащимся в диспозиции или санкции правовой нормы (регистрация актов гражданского состояния, назначение пенсии при наличии определенного возраста и трудового стажа и т.п.). При ситуационном, нестандартном применении права юридической основой для решения дела будут выступать нормы права, предоставляющие определенную свободу выбора: управомочивающие или рекомендательные, а также содержащие оценочные понятия, относительно-определенные или альтернативные элементы. Непростые проблемы возникают также при несовершенстве законодательства, отставании его от потребностей правового регулирования, при действии своевременно не отмененных несправедливых или нецелесообразных правовых норм, при несоответствии права и закона (при «широком» подходе к пониманию права).

Таким образом, применение права — это деятельность не только стандартная, но и (быть может, в первую очередь!) творческая. Соотношение этих двух начал неодинаково в деятельности различных государственных органов, в различных отраслях права, однако элементы творчества с необходимостью проявляются во многих случаях применения права. Поэтому для лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, желательна не исключительно специальная, а широкая общеюридическая подготовка, выражающаяся и в теоретическом, и в историческом знании, и в знании смежных юридических дисциплин.

Рассмотренные выше стадии правоприменительной деятельности (установление юридической основы для разрешения дела, установление фактической основы для разрешения дела, вынесение решения по делу) представляют собой, как уже говорилось, ее логическую структуру.

В жизни процесс применения права начинается с возникновения и изучения обстоятельств дела. Исследуя конкретную ситуацию, правоприменитель ориентируется также на нормы, ее регулирующие, поэтому на самом деле первые две стадии оказываются очень тесно переплетенными между собой, почти не разделимыми во времени.

Обычно в научной и учебной юридической литературе при изложении данного вопроса традиционно больше внимания уделяется описанию не логической структуры правоприменения, а реальным стадиям этой деятельности. Поэтому можно встретить самые разные варианты структуры правоприменительной деятельности — в зависимости от предпочтений того или иного автора. Одни на первое место ставят стадию, на которой происходит анализ фактических обстоятельств дела, другие объединяют установление юридической и фактической основы дела в стадию подготовки решения по делу. К стадиям правоприменительной деятельности могут относить и обеспечение реализации принятого решения, иногда — фактическое исполнение решения, контроль за исполнением решения. Выделение этих стадий аргументируют тем, что реализация принятого решения является объективным критерием оценки процесса правового регулирования, в силу тех же причин необходимо учитывать и контроль за исполнением решения. Возражения сводятся к следующему: правоприменительная деятельность сама является лишь этапом сложного процесса реализации правовых норм, поэтому фактические действия по реализации вынесенного решения находятся за сферой применения права, они входят в общий процесс реализации юридических норм как самостоятельный, заключительный этап.

Наряду с основными стадиями в процесс правоприменительной деятельности иногда включают и дополнительные стадии, например выработку проекта решения, согласование проекта решения, пересмотр принятого решения. Высказывается также мнение о том, что применение права представляет собой частный случай управленческого процесса вообще, и здесь можно говорить об этапах, свойственных любой управленческой деятельности, — таких как сбор и оценка информации, вынесение решения, обеспечение исполнения решения. Наконец, следует отличать стадии правоприменения в смысле логической или реальной последовательности определенных действий от этапов прохождения некоторых категорий юридических дел, например уголовных.

Выделение и специальное изучение стадий имеет значение не только для правоприменительной деятельности, но и для процесса реализации права вообще, для всего правомерного и даже противоправного поведения.

Подводя итог теоретическому осмыслению процесса применения права, отметим основные требования правильного применения правовых норм, принципы правоприменительной деятельности. К их числу можно отнести следующие:

■ законность (необходим правильный выбор правовых норм, принятие решения только в соответствии с ними; данное требование обращено к надлежащему и правильному установлению юридической основы для решения дела);

■ объективность, всесторонность (необходимо установление истины по делу; эти требования относятся к установлению фактической основы для решения дела);

■ обоснованность, целесообразность, справедливость (принимаемое решение должно быть обоснованным и в каждом конкретном случае наиболее эффективным).

Многочисленные проблемы правоприменительной деятельности (ее организация, стадии, принципы и др.) получили освещение в произведениях классиков политико-правовой мысли Древнего мира, Нового и Новейшего времени (см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 288—331 (в том числе о соотношении законности и усмотрения в применении права — С. 302—331)).

17.4. Правоприменительные акты

Юридическим итогом деятельности по применению права является правоприменительный акт. В правоприменительных актах закрепляются, оформляются решения, принятые в процессе применения права.

Правоприменительный акт — это документ, в котором содержится индивидуально-конкретное предписание, вынесенное компетентным органом в итоге решения юридического дела.

С позиций общетеоретического понимания правоприменительного акта данное определение не носит универсального характера. Считается, что правоприменительные акты могут выступать в различных формах. Обычно они выражены в письменной форме и, как правило, имеют определенные реквизиты. В то же время ученые полагают, что правоприменительный акт может быть выражен и в устной форме (например, устный приказ непосредственного начальника, указание постового милиционера), и даже в бессловесном виде — так называемыми конклюдентными действиями, т.е. жестами (например, сигналы регулировщика). В этой связи иногда различают правоприменительный акт как действие и как документ, в котором данное действие выражено. Поэтому более адекватным (но в то же время и более сложным) представляется следующее определение.

Правоприменительный акт — это внешнее объективное проявление индивидуально-конкретного государственно-властного

предписания, вынесенного компетентным органом в итоге решения юридического дела.

Можно приводить более развернутое определение: «Правоприменительный акт — государственно-властный индивидуально-определенный акт, совершаемый компетентным субъектом права по конкретному юридическому делу с целью определения наличия или отсутствия субъективных прав и юридических обязанностей и определения их меры на основе соответствующих правовых норм и в интересах их нормальною осуществления» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 262). Для более глубокого понимания сущности правоприменительного акта выделяют его состав, элементами которого являются субъект (кто издает), адресат (в отношении кого вынесен документ), объект (конкретная ситуация, подлежащая разрешению), содержание (индивидуально-конкретное предписание) правоприменительного акта.

Письменная форма в большей мере соответствует юридической природе правоприменительной деятельности, адекватно отражает ее государственно-властный характер. Поэтому научному исследованию подвергаются прежде всего правоприменительные акты-документы. В связи с этим вполне правомерным представляется и определение правоприменительного акта только как официального документа, содержащего индивидуально-конкретное предписание. Заметим, что такое несколько упрощенное определение нередко предлагается в учебной литературе (см., например: Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учеб. пособие. С. 263—264).

Правоприменительные акты могут иметь заранее определенные обязательные реквизиты и сложную структуру (см., например, ст. 146, 166, 174, 180, 190, 213, 220, 304—308 УПК РФ, ст. 27.4, 28.2, 29.8, 29.10, 29.12 КоАП РФ, ст. 127, 198, 225, 229 ГПК РФ). В практических целях издаются сборники образцов правоприменительных актов (см., например: Процессуальные документы органов предварительного расследования. Образцы: Практ. пособие / О. А. Апраксина и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 1998. 351 с.).

Недостаточно исследованной проблемой до сих пор является унификация правил составления правоприменительных актов.

Когда говорят о юридической технике, прежде всего имеют в виду аспекты правотворчества и систематизации законодательства. Но определенные правила существуют и в сфере применения права, можно говорить и о так называемой правоприменительной юридической технике. Здесь также представляется возможным выделить правила формулирования, составления текста правоприменительных актов, т.е. относящиеся к их содержанию,

и правила структурного построения и оформления правоприменительных актов, т.е. относящиеся к их внешним атрибутам (о правоприменительной юридической технике см.: Шугрина Е. С. Техника юридического письма: Учеб.-практ. пособие. М., 2000. 271 с.; То же. М., 2001. 271 с.).

В правоприменительных актах отражаются особенности правоприменительной деятельности. Данные документы имеют *государственно-властный характер*, они издаются *компетентными органами на основе правовых норм*. Правоприменительный акт направлен *на индивидуальное регулирование конкретных общественных отношений* в отличие от нормативного правового акта, предназначенного для общего, нормативного регулирования. Правоприменительный акт как таковой является юридическим фактом и влечет возникновение, изменение или прекращение у адресатов субъективных прав и обязанностей.

Правоприменительные акты *обязательны к исполнению*. Для характеристики этого качества, так же как и в отношении нормативных правовых актов, используется понятие «юридическая сила правоприменительного акта» — его свойство действовать, порождать определенные правовые последствия. Юридическая сила правоприменительных актов основана как на государственно-властных полномочиях компетентных органов (производных от суверенитета государства), так и на юридической силе применяемых норм права. Правоприменительные акты обязательны для граждан, в отношении которых они вынесены, для различных организаций, учреждений и граждан, имеющих к правоприменительному акту какое-либо отношение, для самих правоприменительных органов. Акты применения права обычно вступают в юридическую силу с момента их принятия или же по истечении определенного срока, а иногда — и в специально указанный срок.

Необходимо четко представлять принципиальные отличия правоприменительных актов от нормативных правовых, тем более что эти официальные документы могут называться одинаково. В нормативных правовых актах содержатся предписания общего характера — нормы права, а в правоприменительных — индивидуально-конкретные предписания. Нормы права адресованы всем, кто оказался в определенных условиях, они регулируют определенные виды общественных отношений и рассчитаны на неоднократное применение. Индивидуально-конкретные предписания адресованы конкретным субъектам права, они регулируют конкретные общественные отношения (конкретные ситуации) и имеют обычно разовое значение.

Правоприменительные акты весьма разнообразны, они могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, по субъектам, издающим данные документы, различают правоприменительные акты органов законодательной власти, исполнительной власти, судебных органов, контрольно-надзорных и иных государственных органов, а также правоприменительные акты негосударственных организаций. По времени действия выделяют правоприменительные акты *однократного* действия (например, протокол о наложении административного взыскания в виде штрафа) и *длящегося* действия (например, решение о назначении пенсии, приговор суда, устанавливающий уголовное наказание в виде лишения свободы), причем во втором случае юридические последствия продолжаются какой-либо определенный или заранее не определенный срок. Правоприменительные акты могут приниматься *единоначально* или *коллегиально*.

В зависимости от характера применяемых норм права различают *регулятивные* и *правоохранительные* правоприменительные акты. Регулятивными актами устанавливаются субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений. Эти документы принимаются на основе регулятивных (запрещающих, обязывающих и управомочивающих) норм права в связи с правомерным поведением людей. Правоохранительные правоприменительные акты принимаются на основе правоохранительных норм права для определения конкретного вида и меры юридической ответственности за противоправное поведение.

В зависимости от значения в процессе разрешения юридического дела различают *основные* и *вспомогательные* правоприменительные акты. К первым относятся документы, которые содержат завершенное решение юридического дела. Однако во многих случаях предусматривается наличие не только основного, но и многих подготовительных, вспомогательных правоохранительных актов, которые обязательно должны быть в наличии до вынесения основного акта.

Эффективность правоприменительного акта зависит от цели его издания, результатов его действия, соизмерения результатов с целью и неизбежными издержками. О полной эффективности можно говорить, когда цель достигнута с минимальным ущербом для общества, с наименьшими затратами, в оптимальные сроки. Существуют материальные, социально-политические, идеологические, организационные и юридические средства обеспечения эффективности правовых актов, как нормотворческих, так и правоприменительных.

17.5. Применение права по аналогии

К юридической аналогии прибегают в случае пробела в праве и до издания соответствующим правотворческим органом новых правовых норм. Необходимость существования таких юридических операций, которые позволяли бы находить выход в случае пробела в праве, обусловлена в конечном счете потребностями правоприменительной практики. Аналогия нужна для обеспечения наиболее эффективного функционирования всех юридических учреждений, поскольку далеко не всегда удается быстро устранить пробел в праве. При отсутствии возможности применить аналогию только в судебных органах дела скапливались бы в огромных количествах, ожидая действий законодателя по устранению пробельности права и не получая своего оперативного разрешения.

Следует уяснить то обстоятельство, что аналогия является только юридическим приемом, позволяющим лишь преодолеть, но не устранить пробел. Общая неурегулированность данной ситуации остается, но при помощи аналогии в данном конкретном случае она преодолевается.

Со всей определенностью следует подчеркнуть, что правоприменитель по общему правилу не уполномочен восполнять (устранять) пробелы. Он вынужден преодолевать это препятствие в решении дела, не будучи в силах его убрать.

Недопустим отказ в решении дела из-за отсутствия нормы, предусматривающей данные фактические обстоятельства. При наличии пробела в законе правоприменителю предписывается разное поведение в зависимости от характера дела. В уголовном и административном праве действует принцип «нет правонарушения и нет наказания без закона». Поэтому в правоохранительной деятельности, и прежде всего в сфере публичного права (в уголовном, административном праве), аналогия запрещена; в частности, в УК РФ дан исчерпывающий перечень преступных деяний, привлечение к уголовной ответственности по аналогии запрещено (хотя это допускалось по уголовному законодательству 1920-х гг.). Естественным решением для практика при отсутствии нормы является отказ в возбуждении производства по делу, вынесение оправдательного приговора.

В отношениях, не связанных с признанием деяния преступлением или административным правонарушением, действует другой порядок. Гражданское законодательство допускает возникновение гражданских прав и обязанностей непосредственно из общих начал и смысла гражданского законодательства. Таким образом, ссыла-

ясь на отсутствие конкретного закона, нельзя отказать в правосудии. Средством преодоления пробела здесь является аналогия.

Аналогия (от греч. analogia — соответствие, сходство) — это сходство различных предметов, явлений, процессов в каких-либо свойствах. В процессе умозаключения по аналогии знание, полученное из рассмотрения какого-либо объекта, переносится на менее изученный, но сходный по существенным свойствам, качествам, признакам объект.

Юридическая аналогия представляет собой разрешение случая, непосредственно не урегулированного правом, но обязательно находящегося в сфере правового регулирования, путем применения правовой нормы, регулирующей сходные по характеру отношения (аналогия закона), или на основе общих начал и смысла законодательства (аналогия права).

Таким образом, в юриспруденции различают два вида аналогии — аналогию закона и аналогию права.

Аналогия закона применяется тогда, когда необходимо разрешить конкретное юридическое дело, когда отсутствует норма права, регулирующая данные общественные отношения, однако в законодательстве можно отыскать нормы, регулирующие сходные, аналогичные отношения.

Аналогия права представляет собой принятие решения по конкретному делу на основе общих начал, общих принципов права, смысла законодательства. Здесь, как и при аналогии закона, также существует необходимость в разрешении какого-либо юридического вопроса, также нет нормы права, непосредственно регулирующей данные общественные отношения. Однако при аналогии права отсутствует и аналогичная норма, т.е. норма, регулирующая сходные общественные отношения, поэтому возникает необходимость обращения к общим принципам права, которые или уже непосредственно сформулированы в законодательстве, или выработаны научным правосознанием (последнее, впрочем, признается спорным). Аналогия права не является в строгом смысле умозаключением по аналогии, поскольку отсутствует норма, регулирующая сходные отношения. Здесь речь может идти скорее о самостоятельном источнике права — принципах права. На это обстоятельство достаточно давно обращалось внимание в отечественной юридической науке, однако в учебной литературе данное положение большого распространения не получило.

Применяя аналогию, необходимо различать *правоустановительную* юридическую деятельность (которая состоит в установлении прав и обязанностей сторон) и *правоохранительную* юри-

дическую деятельность (в которой определяются меры юридической ответственности). В правоустановительной деятельности, особенно в сфере частного права, без аналогии обойтись невозможно, и это даже законодательно закреплено.

«В случаях, когда... (гражданско-правовые) отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона). При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» (ст. 6 ГК РФ). «В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи (далее также — суд) применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)» (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ). См. также ст. 4, 5 СК РФ.

Аналогия применяется, как правило, в рамках одной отрасли права. В этом заключается гарантия сходства правовых норм — ведь в рамках отрасли существует единый предмет правового регулирования, единый метод правового регулирования. Однако возможно и межотраслевое применение юридической аналогии. Заимствование нормативного материала свойственно прежде всего молодым отраслям права, которые используют нормы соответствующих профилирующих отраслей. Подобная межотраслевая аналогия получила название «субсидиарной» аналогии. Ее суть состоит в следующем: при отсутствии в данной отрасли права необходимых юридических оснований для применения аналогии закона или права к случаю, который по своему содержанию может быть отнесен к отношениям, регулируемым этой отраслью, возможно обращение к нормам и принципам другой отрасли права или к общим началам, общим принципам права в целом (см., например, ст. 4, 5 СК РФ).

Принцип законности диктует ряд требований к использованию аналогии:

- решение дела по аналогии допустимо только в случае отсутствия или неполноты правовых норм;
- сходство анализируемых обстоятельств и обстоятельств, предусмотренных имеющейся нормой, должно быть в существенных и равнозначных в правовом отношении признаках;

- решение по аналогии недопустимо, если она прямо запрещена законом или если закон связывает наступление юридических последствий с наличием конкретных норм;
- исключительные нормы и изъятия из общих правил могут приниматься во внимание только тогда, когда рассматриваемые обстоятельства также являются исключительными;
- результат использования аналогии не должен противоречить ни одному из действующих предписаний закона;
- решение по аналогии предполагает поиск нормы сначала в актах той же отрасли права, и только за неимением таковой возможно обращение к другой отрасли и законодательству в целом.

Гражданское законодательство допускает в качестве средств преодоления пробелов в гражданском праве применение требований добросовестности, разумности и справедливости.

17.6. Законность — основной принцип реализации права

Понятие «законность» применяется для характеристики юридических явлений и процессов, всей правовой системы с точки зрения реального, практического осуществления права, выраженного в законах и основанных на них подзаконных актах.

Законность — это точное и неуклонное соблюдение и исполнение законов, иных нормативных правовых актов всеми государственными органами, негосударственными организациями и гражданами.

Общественные отношения урегулированы содержащимися в различных нормативных актах нормами права, и именно факт их практического осуществления и составляет содержание принципа законности. В этом проявляются такие свойства права, как общеобязательность, обеспечение его реализации возможностью применения мер государственного принуждения. Несмотря на название, требование законности относится к надлежащей реализации норм права, содержащихся не только в законах, но и в иных нормативных правовых актах.

Субъекты требования законности, ее адресаты — все граждане, их организации, должностные лица, государственные органы. Высказано и мнение (Н. В. Витрук), в соответствии с которым принцип законности относится преимущественно к деятельности должностных лиц и органов государства, именно в этом заключается истинный смысл законности.

О развитии идеи законности в истории политико-правовой мысли см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 479—497.

В теории законности много дискуссионных проблем. Значительные разногласия вызывает определение законности. В научной литературе предложено несколько десятков вариантов, что обусловлено как объективными (сложность, абстрактность рассматриваемого явления), так и некоторыми субъективными причинами. Законность понимается и как *идея*, и как *требование* общеобязательности права, и как *принцип* (это один из основных принципов организации и деятельности аппарата государства, один из основных принципов права), и как *свойство* юридической деятельности, которое выражается в ее соответствии правовым нормам, и как *метод* государственного руководства обществом (государство осуществляет управление обществом путем издания разнообразных нормативных правовых актов, обеспечивает реализацию содержащихся в них норм права), и как *режим* общественной жизни (достаточно часто применяемая характеристика) или как-либо иначе.

В качестве основных требований (принципов) законности, т.е. положений, которые поясняют, конкретизируют, развивают главную идею законности, называются прежде всего всеобщность, единство законности, верховенство закона, недопустимость противопоставления законности, целесообразности и справедливости.

Всеобщность законности предполагает обязательность требования неукоснительного подчинения правовым нормам всех субъектов права — граждан, их организаций, органов государства.

Единство законности. На всей территории государства, несмотря на возможные (иногда существенные) местные особенности, должно быть одинаковое, единообразное понимание нормативных предписаний. Это было специально подчеркнуто в ст. 74 Конституции СССР 1977 г.: «Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик». Требование единства законности не означает, однако, невозможности учета существующих культурных, национальных, религиозных, иных особенностей. Особую значимость принцип единства законности приобретает в федеративных государствах.

За единством законности в нормотворческой деятельности на самом высоком уровне призван следить конституционный суд. Единство законности в сфере реализации права призваны обеспечивать суды своей правоприменительной практикой и те органы, в чью обязанность входит дача руководящих разъяснений законодательства.

Верховенство закона предполагает соответствие законам как актам, принимаемым высшим представительным органом государства и обладающим высшей юридической силой, всех подзаконных нормативных правовых актов, правоприменительных актов.

Недопустимость противопоставления, единство законности, целесообразности и справедливости. Недопустимо приносить законность в жертву целесообразности или справедливости. Правоприменительные органы не могут действовать незаконно, но, по их мнению, целесообразно или справедливо. В необходимых случаях законодатель может предоставить право выбора наиболее целесообразного разрешения той или иной ситуации, допустить несколько вариантов поведения, т.е. и целесообразность, и справедливость уже должны быть заложены в содержание законов, иных нормативных актов.

Большинство авторов указывает на такой необходимый признак рассматриваемой конструкции, как наличие связей законности с иными социальными явлениями.

Связь законности и демократии. В условиях авторитарного политического режима законность как таковая не нужна; основным регулятором общественных отношений становится не столько право, сколько сила, воля людей, стоящих у власти.

Прослеживая связь государства и законности, можно констатировать наиболее органичное соединение режима законности с демократией, с деятельностью правового государства, в котором главенствуют законодательные органы, а все остальные не просто подчинены закону, но видят свое назначение в проведении законов в жизнь.

Законность означает совокупность требований, за отступление от которых наступает юридическая ответственность. По тому, какова она (строгая, формальная и т.п.), можно судить о состоянии режима законности.

В демократическом государстве все равны перед законом и, следовательно, несут равные обязанности и подлежат равной ответственности за нарушение законности. Связь законности с демократией состоит также и в том, что сами законы и требования их соблюдения выражают волю большинства народа, что проведение законов в жизнь проходит под контролем народа.

Законность, в свою очередь, служит утверждению демократии. Она охраняет демократические права граждан, общественных движений и организаций; обеспечивает приоритетное значение парламентских актов; гарантирует соблюдение должных демократических процедур как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности государства.

Законность как политико-правовой режим демократического государства предполагает такой образ взаимоотношений органов государства с населением, при котором поведение строится на основе закона, обязанность соблюдать законы лежит на той и на другой стороне, а юридическая ответственность за ее неисполнение следует неотвратимо, независимо от положения властвующего или подвластного субъекта.

Еще одно дополнение к пониманию законности — указание зависимости ее уровня *от уровня культуры общества*, и прежде всего — *от уровня правовой культуры* как населения, так и должностных лиц государственного аппарата.

Иногда в качестве требований законности называют наличие гарантированных прав и свобод граждан, а также обеспечение их полной реализации, правильное и эффективное применение права, недопустимость произвола в деятельности должностных лиц, эффективную борьбу с правонарушениями, обеспечение неотвратимости юридической ответственности и т.д., т.е. указывают или на более частные требования законности, или же на средства ее обеспечения.

Таким образом, главная идея законности развертывается в ряд более конкретных требований (принципов).

Анализируя содержание законности, можно заметить, что ее требования (принципы) касаются прежде всего процесса осуществления права, различных форм реализации права. Однако все принципы законности предполагают наличие совершенного законодательства. На этот аспект теории законности внимание обращалось и в советское время: в частности, был предложен уровневый подход к законности, в соответствии с которым различалась правотворческая (легитимность и высокое качество конституции, принятие всех остальных нормативных правовых актов в строгом соответствии с конституцией) и правореализующая законность.

Встречаются и несколько отличные от изложенной конструкции определения законности.

«Законность можно определить как принцип, метод и режим строгого, неуклонного соблюдения, исполнения норм права всеми участниками общественных отношений» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. С. 269). Предлагаемая авторами цитируемого учебника концепция законности отличается структурированностью, понятие законности конкретизируется в ее принципах, которые, в свою очередь, развертываются в требования; через требования законности возможно перейти к формулированию конкретных правовых норм.

Принципы законности — это основные идеи, начала, выражающие содержание законности. Можно выделить четыре основных принципа

законности: верховенство закона, единство (всеобщность), целесообразность и реальность законности.

Требования законности отражают ее направленность, которая обусловлена содержанием норм права. В отличие от принципов, которые, выражая содержание законности, действуют во всех ее сферах, относятся ко всем видам деятельности любых субъектов общественных отношений, требования связаны с отдельными видами деятельности определенных субъектов. Например, требования охраны прав и законных интересов граждан и издания правовых актов в установленном порядке относятся к органам государства.

Каждый из принципов законности может быть развернут в совокупность ее требований. Так, принцип верховенства закона развертывается в следующие требования: все законы (и деятельность по их созданию) должны соответствовать конституции и другим вышестоящим законам; подзаконные нормативные акты (и деятельность по их созданию) должны соответствовать законам; акты правоприменения и правоприменительная деятельность должны соответствовать законам и основанным на них подзаконным нормативным актам; акты индивидуального поведения должны соответствовать законам, основанным на них подзаконным нормативным актам и актам правоприменения.

Важно, что каждое из этих требований, в свою очередь, может быть развернуто в совокупность положений, которые либо прямо зафиксированы в законе, либо вытекают из его текста. Таким образом, от общих принципов законности через ее требования можно перейти к конкретным правовым нормам (см.: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. С. 272—274).

Оригинальный вариант концепции законности изложен в издании: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 419—425 (автор главы — А. Б. Лисюткин). *Сущность* законности заключается в строгом и неуклонном соблюдении и исполнении всеми субъектами права действующих законов. Ее нельзя толковать буквально, а следует рассматривать как целевую установку общественного развития, которая сводится к одному — достижению законопослушания со стороны его членов. Поэтому законность характеризует процесс формирования правового государства и реализации идеи социальной справедливости. Такое понимание законности позволяет рассматривать ее как системное образование и предрешает элементную структуру. С помощью нее в категории обобщаются конкретные предметы — носители признаков. Они составляют объем законности.

К *структурным элементам* законности относятся: цель — достижение строгого и неуклонного соблюдения и исполнения всеми участниками общественных отношений норм права; взгляды и принципы — содержание и теоретико-мировоззренческая основа законности; система средств, приемов и условий, с помощью которых происходит осуществление идеи и начал законности; мотивированная деятельность человека — связующий элемент законности, определяющий ее социальную природу; кри-

терии оценки поведения субъектов общественных отношений — действующее законодательство; юридическая основа законности — право и правомерное поведение участников общественных отношений.

Можно выделить *основные свойства* законности: во-первых, ее причинно-следственную зависимость от социально-нравственных и государственно-правовых процессов; во-вторых, общеобязательность требований законности для всех субъектов правовых отношений; в-третьих, высокую степень абстракции и системности, что объясняется совокупностью обобщаемых этой категорией политико-правовых явлений; в-четвертых, объективность как следствие перечисленных выше черт законности.

В итоге можно сформулировать общее определение законности. *Законность* — политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно-правовой формы организации общества и реализации идеи социальной справедливости путем строгого и неуклонного соблюдения и исполнения действующего законодательства. Наиболее полно и адекватно отражают смысл, содержание и роль законности следующие принципы: 1) единство законности; 2) гарантированность основных прав и свобод граждан; 3) неотвратимость наказания за совершенное правонарушение; 4) недопустимость противопоставления законности и целесообразности: 5) взаимосвязь законности и культурности. (См. там же. С. 422—423).

Для более глубокого понимания законности следует иметь в виду то обстоятельство, что данная концепция долгое время разрабатывалась в рамках марксистско-ленинской теории государства и права. Исследуемое явление ранее называлось не иначе, как «социалистическая законность», а ее принципы — ленинскими принципами социалистической законности, поскольку содержание каждого принципа было подтверждено цитатами из работ В. И. Ленина.

Так, цитировалось прежде всего известное письмо В. И. Ленина в Политбюро ЦК РКП(б) «О «двойном» подчинении и законности» от 20 мая 1922 г., в котором был обоснован принцип единства социалистической законности и недопустимость двойного подчинения (как по вертикали — вышестоящим органам, так и по горизонтали — соответствующим местным органам) органов прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью. «...Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик». Местные государственные органы обязаны «абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы», а прокуратура призвана «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия...» (Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 198). Ссылались и на иные работы В. И. Ленина, например на «Очередные задачи советской власти», «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» и др., в которых он обращал внимание на те или иные грани законности, а также на первые акты Советской власти, отразив-

шие некоторые ленинские идеи (см., например, постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»; постановление Совета РКО от 8 декабря 1918 г. «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты»; постановление VI Всероссийского съезда Советов «О точном соблюдении законов»; постановление СНК от 30 декабря 1919 г. «Об устранении волокиты»). В работах В. И. Ленина отмечалось, что социализм невозможен без законности, что это необходимый элемент осуществления диктатуры пролетариата, деятельности органов Советского государства. Подчеркивалась обусловленность социалистической законности материальными факторами, общественными отношениями, развитостью законодательства, государственного аппарата и его правотворческой деятельности. В. И. Ленин указывал также на связь законности с уровнем культуры (с культурностью, пользуясь терминологией того времени), на необходимость «культурно бороться за законность». Однако главным в содержании законности объявлялся ее классовый характер. В условиях переходного периода (от старой общественно-экономической формации к новой) прежде всего классовая борьба определяет характер законности; законность должна служить не интересам всего общества, а интересам рабочих и крестьян.

С позиций марксистско-ленинской теории государства и права речь шла и о гарантиях законности, в качестве которых выступали объективные условия общественного развития и специально выработанные государством разнообразные способы и методы, при помощи которых обеспечивается режим законности. Таким образом, различались общие и специальные гарантии законности, причем первые составляли предмет особой гордости. В систему общих гарантий законности входили экономические (социалистический способ производства, в основе которого лежит социалистическая собственность на средства производства; весь экономический строй социалистического общества), политические (вся система политической организации советского общества, и прежде всего его государственный строй, социально-классовая структура советского общества), идеологические (марксистско-ленинская идеология — передовое учение об обществе), общественные (деятельность разнообразных общественных организаций — общественных пунктов охраны правопорядка, добровольных народных дружин, товарищеских судов и т.д.) гарантии. Анализируя общие гарантии социалистической законности, можно отметить их декларативность, идеалистичность; с этих позиций лицемерно противопоставлялась восхваляемая социалистическая и критикуемая буржуазная законность. Среди специальных юридических гарантий законности назывались высокое качество законодательства, осуществление контроля и надзора за законностью, деятельность правоохранительных органов государства, обеспечение неотвратимости юридической ответственности и т.д.

В 1990-е гг. продолжается и научная разработка проблем законности, и их осмысление в учебной литературе; предлагаются новые

подходы (некоторые указаны выше) к определению содержания законности, к принципам и гарантиям законности. Представляется возможным указать на два принципиальных момента, которые обязательно следует учитывать при дальнейшем развитии теории законности. Во-первых, необходимо согласование рассматриваемой конструкции с теорией правового государства, возможна корректировка понятия и принципов законности в связи с признанием более глобальной концепции. Такой подход начинает получать признание и в учебной литературе (см., например: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. С. 513—539, автор лекции «Законность: понятие, защита и обеспечение» — Н. В. Витрук), но здесь еще немало проблем, которые ждут своего разрешения. Во-вторых, основой дальнейших исследований в рамках теории законности должно стать не только требование общеобязательности права как веления верховной, суверенной государственной власти, но и изучение реального процесса действия права. Здесь целесообразно воспользоваться достижениями различных социологических и психологических юридических концепций, социологии права. Теория законности, таким образом, должна преодолеть свой несколько идеалистичный характер, ведь стопроцентной законности, как показывают исследования, не было ни в одной стране ни в прошлом, ни в настоящее время.

17.7. Правопорядок — конечный результат реализации права

С конструкцией законности органично связано и теоретическое понимание **правового порядка**. Под порядком обычно понимается правильное, налаженное состояние чего-либо, существующее устройство, определенная степень организованности какой-либо материи. Термин «правовой порядок» (или «правопорядок») применяется для характеристики состояния организованности, упорядоченности общественных отношений, которое возникает в результате их регламентации правовыми нормами и реализации данных норм. Правопорядок в обществе достигается тогда, когда деятельность всех субъектов права является правомерной, когда надлежащим образом осуществляются субъективные права и исполняются юридические обязанности, т.е. когда субъекты права совершают обязательные или дозволенные действия либо воздерживаются от совершения запрещенных действий.

Правопорядок складывается в процессе реализации правовых норм, это результат осуществления законности. Когда анализи-

руется законность, акцент переносится на требования, которые необходимы для достижения правопорядка в обществе. Когда же речь идет о правопорядке, внимание акцентируется на конечном итоге правового регулирования, на результате соблюдения требований законности, на состоянии, уровне, прочности законности. Устойчивость, стабильность правового порядка обеспечивается реальным осуществлением требований законности. Заметим, что законность и правопорядок — очень тесно связанные между собой явления. При их изучении используются сходные понятия и категории, одновременно исследуются уровень, состояние, гарантии как законности, так и правопорядка.

Замечания, сделанные при оценке концепции законности, можно отнести и к теоретическому осмыслению правового порядка (классовый характер правопорядка в соответствии с исследованиями, проводимыми в рамках марксистско-ленинской теории государства и права; абсолютизация и идеализация правопорядка и т.п.).

Правовой порядок — органическая составляющая общественного порядка. Причем последний следует понимать не как простую совокупность общественных отношений, а как их определенное качество, как определенное состояние системы общественных отношений.

Общественный порядок — это определенное качество (свойство) системы общественных отношений, состоящее в такой упорядоченности социальных связей, которая ведет к согласованности и ритмичности общественной жизни, беспрепятственному осуществлению участниками общественных отношений своих прав и обязанностей и защищенности их обоснованных интересов, общественному и личному спокойствию.

Состояние общественного порядка по большому счету обусловлено *образом жизни* людей во всех его проявлениях, имея в виду прежде всего реализацию способностей людей к созданию и потреблению материальных и духовных ценностей. Общественный порядок входит в содержание образа жизни, активно влияет на него изнутри и формирует его общий облик. В образ жизни входят и способы установления общественного порядка, его охраны и организации. Они также испытывают на себе влияние (и сами оказывают обратное воздействие) со стороны иных компонентов образа жизни.

В чем усматривается водораздел (если можно так сказать о соотношении целого и части) между образом жизни и общественным порядком? Образ жизни включает в себя формы и способы, направленность и порядок осуществления индивидуальной деятельности человека. И только тогда, когда эта деятельность входит в сопри-

косновение с интересами и действиями других индивидов, может идти речь об общественном порядке. Последний сориентирован на коллективные формы жизнедеятельности. Каждый индивид может по-разному реализовывать способности, создавать и потреблять ценности, и далеко не всегда это соответствует интересам общественного порядка.

В литературе если и сопоставляются образ жизни с общественным порядком, то о последнем говорят в так называемом узком смысле, сводя его обычно к совокупности (системе, сфере) отношений в общественных местах. Вне структуры общественного порядка при таком подходе оказываются многие отношения, складывающиеся, например, в сфере производственной деятельности, эксплуатации транспорта, охраны природы и т.д. При этом узкое понимание общественного порядка аргументируется необходимостью уточнения задач и компетенции органов и организаций, осуществляющих правоохранительные функции.

Понятие общественного порядка в узком смысле весьма условно. Оно во многом носит конвенциональный характер и служит прагматическим целям.

В общей теории права и государства общественный порядок мыслится широко и отражает состояние упорядоченности социальных связей и индивидуального поведения вне зависимости от места и в любой сфере социальной деятельности.

Придание коллективным формам жизнедеятельности людей качества нормального общественного порядка производится в форме правопорядка. Правовой порядок — часть и одновременно правовая форма образа жизни. По существу, речь идет о правовом опосредовании (правовых аспектах) отдельных сторон, форм и методов жизнедеятельности.

Правопорядок составляет сердцевину общественного порядка, в каком бы смысле (широком или узком) последний ни рассматривался, и характеризует в нем те свойства упорядоченности, которые являются результатом действия (реализации) права и законности.

В истории политико-правовой мысли известны учения, в которых концепция порядка, образующегося в результате действия правовых норм, деятельности органов государства, находится на заметном месте. Так, древнекитайскому легизму свойственна идея наведения порядка в государстве, воплощаемая в жизнь при помощи жестких, силовых средств. Ряд ученых именно с понятием порядка (правопорядка) связывает важные аспекты понимания права (Аристотель, С. А. Муромцев), основатель нормативизма Г. Кельзен через правопорядок определяет и право, и государство. См.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 471—478.

Обзор специальной литературы по теме

Литература по общим проблемам ***действия, реализации права***:

Белянская О. В. Непосредственная реализация прав и свобод личности: Монография. Тамбов, 2005. 139 с.

Вопленко Н. Н. Реализация права: Учеб. пособие. Волгоград, 2001. 46 с.

Гойман В. И. Действие права (Методологический анализ). М., 1992. 182 с. (рецензия: Козюбра Н. И. // Государство и право. 1993. № 2. С. 143—145).

Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10.

Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права. М., 1970. 11 с.

Маликов М. К. Гносеологические основы реализации права: Учеб. пособие. Уфа, 1998.

Маликов М. К. Проблемы реализации права. Иркутск, 1988. 144 с.

Проблемы реализации права: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1990.

Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: системный анализ. Казань, 1989. 156 с.

Сазонов Б. И. Социальные, организационные и правовые основы механизма действия закона // Государство и право. 1993. № 1. С. 23—32.

Сапун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984.

Сидельников И. П. Доступность закона: правовое информирование граждан / Под ред. В. А. Круталевича. Минск, 1992. 125 с.

Сулейманов Т. А. Формы реализации норм уголовного права: Монография. М., 2006. 205 с.

Тихомиров Ю. А. Действие закона. М., 1992. 163 с. (рецензия: Казимирчук В. П. // Государство и право. 1994. № 3. С. 156—158).

Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. 257 с.

Халфина Р. О. Необходимые условия действенности права // Советское государство и право. 1990. № 3.

Чурсин В. Д. Механизм действия права и его циклы: Учеб. пособие. Ставрополь, 1998.

Чурсин В. Д. Цикличность в правовой системе: Учеб. пособие. Ставрополь, 1998.

Шундиков К. В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 30—39.

Источники по проблемам ***правомерного поведения***:

Бабенко А. Н. Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Государство и право. 2005. № 2. С. 104—106.

Горшенков Г. Г. Компенсация морального вреда как особая форма реализации права: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2002. 102 с.

Жеругов Р. Т. Правомерное поведение (материалы к лекции) // Право. Культура. Демократия: Сб. ст. М., 1995. С. 225—247.

Затонский В. А. Сильное государство и активная личность: теоретико-правовой аспект. Саратов, 2005. 268 с.

Кожевников С. Н. Правомерное поведение и правонарушение. Сущность и содержание: Учебно-метод. пособие. Н. Новгород, 2001. 71 с.

Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. 192 с.

Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.

Крусс В. И. Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности / Отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юристъ, 2003. 672 с. (рецензия: Е. В. Колесников, И. Н. Плотникова // Правоведение. 2004. № 3. С. 240—243).

Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.

Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978.

Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978.

Кучинский В. А. Правовые средства обеспечения правомерного поведения // Правовые средства обеспечения социалистической законности в деятельности органов внутренних дел: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Кудинова. Минск, 1989.

Лазарев В. В. Выявление закономерностей правомерного поведения // Советское государство и право. 1983. № 11. С. 19—25.

Лазарев В. В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 29—37.

Лупарев Е. Б. Общая теория административно-правового спора. Воронеж, 2003. 248 с.

Малахов В. П. Правосознание и правомерное поведение. М., 2001.

Мартышин О. В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 5—14.

Мукамбаева Г. А. Законность и правовая саморегуляция личности. Бишкек, 1992. 189 с.

Мухамет-Ирекле А. Реализация гражданином социальных права в эволюционном развитии России: Монография. Уфа, 2005. 340 с.

Ненашев М. М. Юридические предпосылки спора о праве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 28—37.

Нуирпесов Е. К. Психология правомерного поведения. Алма-Ата, 1984. 127 с.

Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985. 175 с.

Орлова О. В. О роли права в самореализации личности в гражданском обществе // Государство и право. 2008. № 6. С. 106—109.

Сморгунова В. Ю. Гражданское общество и формирование гражданских добродетелей: теоретико-правовые проблемы: Монография. СПб., 2004. 399 с.

Ячменев Ю. В. Право на достоинство и деятельности полиции (органов внутренних дел) // Правоведение. 2004. № 5. С. 35—41.

О ***социально-активном поведении*** см.:

Казимирчук В. П. Социально-правовая активность личности // Социализм и право. М., 1979.

Кожевников В. В. Правовая активность личности. Омск, 1997.

Кожевников В. В. Теоретические проблемы правовой активности граждан в правоохранительной сфере и новый Уголовный кодекс Российской Федерации // Государство и право. 1998. № 2. С. 72—77.

Кожевников С. Н. Правовая активность граждан. Н. Новгород, 1993.

Новичкова И. Ю. Российская гражданственность: теоретико-методологические аспекты: Монография. М., 2004. 140 с.

Тепляшин И. В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 37—42.

Шафиров В. М. Правовая активность советских граждан. Вопросы теории. Красноярск, 1982.

Щербакова Н. В. Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986. 125 с.

В рамках исследования процессов действия, реализации, применения права изучалась также проблема ***эффективности правовых норм***, см.:

Жинкин С. А. Некоторые аспекты понятия эффективности норм права // Правоведение. 2004. № 1. С. 191—196.

Жинкин С. А. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журнал российского права. 2004. № 2.

Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. Казань, 1975. 208 с.

Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. Казань, 1999. 376 с.

Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971.

Прозоров В. Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. М., 1991. 160 с.

Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979.

Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977.

Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997.

Эффективность действия правовых норм / Под ред. А. С. Пашкова и др. 1977. 144 с.

Эффективность закона: методология и конкретные исследования / Отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров. М., 1997. 211 с.

Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М., 1980. 280 с.

О ***юридических коллизиях*** см.:

Агашев Д. В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения России. Томск, 2005. 269 с.

Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.

Денисенко В. В. Коллизии правовых актов: сущность и разрешение // Правоведение. 2007. № 3. С. 28—33.

Звеков В. П. Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007. 416 с.

Козаченко И. Я., Николаева З. А. Коллизии уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Государство и право. 1993. № 2. С. 85—88.

Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы их разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225—244.

Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994.

Некрасов С. И. Федеральные и региональные средства и способы преодоления юридических коллизий публично-правового характера // Государство и право. 2001. № 4. С. 5—11.

Семенова Я. М. Теоретические и практические аспекты коллизий в трудовом праве. Челябинск, 2006. 123 с.

Скобликов П. А. Арбитражный и уголовный процессы: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. М., 2006. 143 с.

Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: Учеб. и научно-практ. пособие. М., 2000. 394 с. (рецензии: Баранов В. М., Пшеничнов М. А. // Государство и право. 2000. № 7. С. 122—126; Марченко М. Н., Прокофьев Г. С. Коллизионное право: комплексный анализ и концепция // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 192—194).

Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М., 1994. 140 с.

Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право 1994. № 1. С. 3—11.

По вопросам ***установления фактической основы как стадии правоприменительной деятельности*** см.:

Аверина Ю. А. Теория формальных доказательств и судебное правоприменение // Правоведение. 2006. № 5. С. 233—242.

Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: Монография. М., 2004. 545 с.

Афанасьев С. Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве: Учеб. пособие. Саратов, 1999. 135 с.

Ахмадуллин А. С. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2006. 128 с.

Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 527 с.

Бурданова В. С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. 262 с.

Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: Учеб.-практ. пособие. М., 2000. 248 с.

Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / Под общ. ред. В. Я. Колдина. 2002. 768 с.

Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

Додин Е. В. Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Киев, Одесса, 1976.

Зажицкий В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67—74.

Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 2002. 208 с.

Кореневский Ю. В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 2. С. 55—62.

Мурадьян Э. М. Истина как проблема судебного права. М., 2002. 287 с. (рецензия: Сахнова Т. В. Истина и правосудие // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 164—166); То же. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 311 с.

Новицкий В. А. Теория доказательственного права: Монографическое исследование. В 2 т. Т. 1. М., 2004. 304 с.

Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь, 2002. 581 с.

Овсянников И. В. Проблемы логики доказывания (от вероятности к достоверности в уголовном судопроизводстве): Монография. Саратов, 2000. 130 с.

Орлов Ю. К. Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50—56.

Печников Г. А. О вероятной и объективной истинах в уголовном процессе // Правоведение. 2004. № 4. С. 122—125.

Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997. 237 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 284 с. (рецензия: Треушников М. К. // Государство и право. 1999. № 12. С. 115—116).

Решетникова И. В. Концепция доказательственного права // Правоведение. 2001. № 1. С. 186—195.

Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2000. 288 с.

Скобликов П. А. Фальсификация доказательств: коллизии гражданского и уголовного судопроизводства // Государство и право. 2007. № 10. С. 68—74.

Тенчов Э. С., Кузьмина О. В. Объективная истина и суд присяжных // Государство и право. 1994. № 11. С. 132—139.

Треушников М. К. Судебные доказательства: Монография. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 268 с.; То же. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005. 287 с.

Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории правового регулирования. М., 2008. 240 с.

Шейфер С. А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ: шаг вперед? // Государство и право. 2004. № 12. С. 35—43.

Шейфер С. А. Понятие доказательства: спорные вопросы теории // Государство и право. 2008. № 3. С. 12—21.

Специальную разработку получила проблема ***ошибок в правоприменительной деятельности***, см.:

Баранов А. М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе предварительного следствия, и способы их исправления. Омск, 1996.

Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 38—46.

Вопленко Н. Н. Причины ошибок в правоприменении // Советское государство и право. 1982. № 4.

Жилин Г. А. Целевые установки гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки // Государство и право. 2000. № 3. С. 51—58.

Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском судопроизводстве. Саратов, 1985.

Кириченко В. Ф. Значение ошибок по советскому уголовному праву. М., 1958.

Лисюткин А. Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоведении / Под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2001. 140 с.

Мурсалимов К. Р. Правоприменительные ошибки: проблемы теории: Учеб. пособие. Уфа, 2000. 142 с.

Петрухин И. Л. Причины судебных ошибок // Советское государство и право. 1970. № 5.

Чувакова А. А. Особенности ошибок юристов в профессиональной деятельности // Юридические записки Ярославского государственного университета. Ярославль, 1998.

Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: в 2 ч. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1975.

Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

О ***правоприменительных актах*** см.:

Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. М.: Волтерс Клувер, 2007.

Витрук Н. В. Акты применения в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. 1983. № 2.

Григорьев Ф. А. Акты применения права. Саратов, 1995.

Загайнова С. К. Место судебных актов в обеспечении единства судебной власти: некоторые аспекты проблемы // Правоведение. 2007. № 2. С. 103—115.

Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. 400 с. (рецензия: Афанасьев С. Ф. // Правоведение. 2008. № 1. С. 278—281).

Иванов С. А. Правоприменительные акты Российской Федерации: Учеб. пособие. М.: Московский университет МВД Российской Федерации, 2005. 75 с.

Княгинин К. Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991. 108 с.

Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. Казань, 1975. 208 с.

Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М., 1976.

Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. 174 с.

Никифоров А. В. Судебные документы. М.: РИОР, 2006. 184 с.

Отческая Т. И. Процессуальные акты по гражданским и арбитражным делам: Учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2006. 210 с.

Правоприменительные документы русского гражданского права: Хрестоматия. М., 2000. 326 с.

Сахнова Т. В. Законная сила судебного решения и иных судебных постановлений // Правоведение. 2007. № 3. С. 126—138.

Тузов Н. А. Мотивирование и преюдиция судебных актов: Монография. М.: РАП, 2006. 152 с.

О применении права по ***аналогии*** см. (см. также общую литературу по правоприменению):

Ашихмина А. В. Субсидиарное применение норм других отраслей права к трудовым отношениям // Социальное управление и право. Вып. 61. 1977. С. 84—88.

Бару М. И. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 16.

Белкин А. А. Аналогия в государственном праве // Правоведение. 1992. № 6.

Белоносов В. О., Горожанин А. В. Аналогия в уголовном процессе России: Монография. Самара, 2000. 139 с.

Белоносов В. О., Громов Н. А. Критерии допустимости аналогии в уголовном процессе // Государство и право. 2001. № 7. С. 65—69.

Голованова Е. А. Применение по аналогии при увольнении по инициативе администрации // Советское государство и право. 1984. № 2.

Гродзинский М. М. Аналогия в советском уголовно-процессуальном праве // Ученые записки Харьковского юридического института. 1948. Вып. 3.

Карташов В. Н. Институт аналогии в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1976.

Кемулария Э. М. О применении уголовно-процессуального закона по аналогии // Суд и применение закона. М., 1982.

Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. 184 с.

Лазарев В. В. Разрешение гражданских дел при отсутствии закона, регулирующего спорное отношение // Правоведение. 1973. № 6. С. 99—106.

Петровский Н. А. Метод аналогии в теоретической юриспруденции. Брест, 2004. 144 с.

Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49—57.

Туманов Д. А. Некоторые вопросы о процессуальной аналогии в гражданском процессе // Государство и право. 2006. № 7. С. 100—104.

Штейнгард М. Б. Институт аналогии в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955.

Проблемы применения правовых норм, содержащих ***оценочные понятия***, рассмотрены в следующих работах:

Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. № 7.

Гараймович Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. М., 2001.

Джинджолия Р. С. Оценочные понятия общей части уголовного права. М., 2005. 79 с.

Игнатенко В. В. Оценочные понятия и административно-деликтный закон. Иркутск, 1996.

Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. 1976. № 1. С. 25—31.

Кашанина Т. В. Роль оценочных понятий в правовом регулировании // Применение советского права: Сб. учен. тр. Свердловского юр. ин-та. Вып. 30. Свердловск, 1974. С. 122—127.

Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО СГАП, 2004. 226 с.

Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11.

Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: общее и особенное // Государство и право. 2007. № 8. С. 39—47.

Миронов А. В. Оценочные понятия в избирательном законодательстве Российской Федерации: Монография. Иркутск, 2005. 222 с.

Питецкий В. В. Применение оценочных понятий уголовного закона // Советская юстиция. 1984. № 20.

Питецкий В. В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства // Советская юстиция. 1991. № 2. С. 12—13.

Питецкий В. В. Применение оценочных понятий уголовного закона: Учеб. пособие. Красноярск, 1996.

Соловьева Т. А. Оценочные понятия и суждения в уголовно-процессуальном праве // Правоведение. 1986. № 3.

Фролов Е. А., Питецкий В. В. Гарантии законности и оценочные понятия в уголовном праве // Советское государство и право. 1979. № 6.

Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: Учен. тр. Свердловского юр. ин-та. Вып. 28. Свердловск, 1973.

Ярышева С. Ю. Оценочные категории в уголовном праве, законе, в теории и в судебной практике: Монография. Пятигорск, 2005. 277 с.

Исследования проблем судебного и административного ***усмотрения, конкретизации права, правоположений*** см.:

Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. 176 с.

Андреева О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: Монография. Томск, 2000. 134 с.

Бавсун М. В. Судебное усмотрение при назначении наказания и проблемы его ограничения в УК РФ // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 104—109.

Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: Монография. Омск, 2004. 171 с.

Бавсун М. В., Марцев А. И. Целесообразность в уголовном праве // Правоведение. 2003. № 4. С. 94—106.

Барак А. Судейское усмотрение (Пер. с англ.) / Науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун. Вступ. ст. М. В. Баглая. М., 1999. 364 с. (рецензия: Бойцова В. В., Бойцова Л. В. // Государство и право. 2000. № 5. С. 122—126; Правоведение. 2000. № 3. С. 253—256).

Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6—7.

Бибило В. Н. Судебное усмотрение при осуществлении правосудия по уголовным делам // Вестник БГУ. Сер. 3. Минск, 1997. № 2.

Боннер А. Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 34—42.

Васильев Л. М., Ярославский А. Б. Усмотрение следователя при расследовании преступлений и его влияние на установление истины по делу. Краснодар, 2000. 128 с.

Гончаров В. Б., Кожевников В. В. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Государство и право. 2001. № 3. С. 51—60.

Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: Монография. Волгоград, 2005. 163 с.

Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73—78.

Дубовицкий В. Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении. Минск, 1984. 141 с.

Карташов В. Н. Правоположения: природа, место и роль в правоисполнительном процессе // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1980. С. 43—52.

Кац А. Конкретизация деятельности суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием // Правоведение. 1964. № 2.

Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27—28 сентября 2007 года) / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2008. 1134 с.

Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 7—15.

Лазарев В. В., Безина А. К. Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии права // Вопросы социалистической законности в деятельности административных и хозяйственных органов. Казань, 1968. С. 93—107.

Липень С. В. Судебное и административное усмотрение: общее и особенное в методологии исследования // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики: Сб. ст. М.: Российская академия правосудия, 2007. С. 77—84.

Маликов М. К. Проблемы усмотрения правоприменителя: природа, признаки, пределы. Уфа, 1990. 68 с.

Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102—104.

Манохин В. М. Правовое государство и проблемы управления по усмотрению // Советское государство и право. 1990. № 1.

Марфцин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-правовой аспект: Монография. Омск, 2002. 234 с.

Мурадьян Э. М. Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего // Соврем. право. 2000. № 4. С. 43—47.

Папкова О. А. Понятие судейского усмотрения // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 102—107.

Папкова О. А. Судебные доказательства и усмотрение суда в гражданском процессе // Государство и право. 2000. № 2. С. 30—35.

Папкова О. А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 412 с.

Пашкевич П. Ф. Закон и судейское усмотрение // Советское государство и право. 1982. № 1. С. 55—61.

Плешанов А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юриспруденции: проблемы теории и практики. М., 2002. 351 с.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 89—106 (переиздание работы 1916 г.).

Рарог А. И., Грачева Ю. В. Понятие, основание, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. № 11. С. 90—98.

Рарог А. И., Грачева Ю. В. Законодательная техника как средство ограничения судейского усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93—100.

Рарог А. И., Степалин В. П. Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. 2002. № 2. С. 36—42.

Сенякин И. Н., Степин А. Б., Подмосковный В. Д. Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 240 с.

Смирнова М. Г. Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1(5). С. 54—70.

Степин А. Б. Судебное усмотрение в частном праве: Учеб. пособие. Астрахань, 2002.

Шмелева Г. П. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования. Харьков, 1982.

Шмелева Г. П. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.

Яцеленко Б. В. Правоположения в уголовном праве // Государство и право. 2000. № 6. С. 34—40.

См. также: Федотов А. В. Возможно ли применение contra legem в демократическом правовом государстве? // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 92—99.

По проблемам ***законности*** см.:

Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961.

Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики. По материалам органов внутренних дел: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1993.

Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: Монография. Омск, 2006. 219 с.

Басков В. И. Прокурорский надзор: Учебно-метод. пособие. М., 1998.

Безденежных В. М. Обеспечение законности в деятельности органов внутренних дел. М., 1998.

Белоносов В. О., Колесников Е. В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. 2004. № 5.

Берекашвили Л. Ш. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: Учеб. пособие. М., 1999. 163 с.; То же. М., 2001. 163 с.

Беркович Е. Ф. Законность и местное самоуправление в Российской Федерации. М., 2005. 239 с.

Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992.

Борисов В. В. О гарантиях законности // Вопросы теории государства и права: Новые идеи и подходы: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. № 2(11). С. 36—41.

Ведяхин В. М., Ефремов А. Ф. Политические гарантии законности // Правоведение. 2000. № 2. С. 59—72.

Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. 229 с.

Головко А. А. Законность — универсальное явление в жизни человека // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 11. Минск, 2001. С. 17—29.

Гранат Н. Л. Социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел. М., 1985.

Дедков Л. Л. Обеспечение законности в общенародном государстве. Минск, 1980. 94 с.

Духно Н. А. Экологический правопорядок: понятие, структура, управление, способы защиты. М., 2000. 321 с. (рецензия: Бобылев А. И. // Государство и право. 2000. № 11. С. 127—128).

Еременко Ю. П. Советская Конституция и законность. Саратов, 1982.

Ефремов А. Ф. О проблемах соблюдения единства законности // Право и политика. 2002. № 2. С. 126—134.

Ефремов А. Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. Тольятти, 2000. 298 с.

Ефремов А. Ф. Принципы и гарантии законности. Самара, 1999.

Жилинский С. Э. Деятельность КПСС и Советского государства по укреплению социалистической законности. М., 1983. 223 с.

Жишкевич В. И., Кучинский В. А. Обеспечение конституционной законности как условие формирования правового государства // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2002. № 1. С. 94—100.

Законность в Российской Федерации / В. Н. Кудрявцев и др. М.: Спарк, 1998.

Зивс С. Л. Кризис законности в современных империалистических государствах. М., 1958. 295 с.

Иванова З. Д. Законность — основа правоотношений в деятельности милиции: Лекция. М., 1987.

Игнатенко Д. Д., Ромашов Р. А. Социалистическая законность (юридическое закрепление права на государственный произвол) // История государства и права. 1999. № 1—2. С. 10—14.

Исаев И. А. Революционная психология и революционная законность (российский опыт 1917 г.) // Государство и право. 1995. № 11. С. 144—149.

Капустин М. П., Лазарев В. В. Есть ли законность «калужская» и «казанская»? Вып. 1—2. М., 1990. 64 с.

Кикоть В. Я. Место и роль органов МВД в политике Российского государства по обеспечению международной законности и правопорядка // Государство и право. 2004. № 1. С. 55—61.

Ковалев В. А. Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-полицейская реальность. М., 1986. 189 с.

Кожевников С. Н. Реализация права и законность в российском обществе. Общая теория права: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2000. 59 с.

Козочкин И. Д. Принцип законности в современном американском уголовном праве // Правоведение. 2005. № 6. С. 48—61.

Курицын В. М. Становление социалистической законности. М., 1983. 193 с.

Курицын В. М. Переход к НЭПу и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 140—158.

Куфаков А. В. Правовое государство и кризис законности: Монография. М., 2003. 174 с.

Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1982. С. 197—201.

Лисюткин А. Б. К понятию законности // Правоведение. 1993. № 5.

Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. 344 с.

Лунеев А. Е. и др. Социалистическая законность в советском государственном управлении / А. Е. Лунеев, С. С. Студеникин, Ц. А. Ямпольская. М., 1948.

Лунеев А. Е. Обеспечение законности в СССР. М., 1963.

Малеин Н. С. О законности в условиях переходного периода // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 26—32.

Мах И. И. К вопросу о законности // Вестник БГУ. Сер. 3. Минск, 2001. № 1. С. 83—86.

Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. 169 с. (см. гл. 4 «Вопросы правовых норм и законности в буржуазной реакционной правовой науке»).

Обеспечение законности в деятельности органов внутренних дел: Учеб. пособие / Под ред. В. В. Лазарева и др. М., 1993. 157 с.

Право и законность. М., 1987.

Правовой режим законности: теория и история / Е. Г. Евдокимова, Р. А. Ромашов // Правоведение. 2001. № 5. С. 261—271.

Правовые гарантии законности в СССР / Под ред. М. С. Строговича. М., 1962. 475 с.

Правовые средства обеспечения социалистической законности в деятельности органов внутренних дел: Сб. науч. тр. Минск, 1989.

Проблемы укрепления законности в деятельности органов внутренних дел: Научно-практ. пособие / Под общ. ред. В. Я. Кикотя. М., 2001.

Пугинский Б. И., Шестакова М. П. Законность и дисциплина в хозяйственной деятельности. М., 1987.

Рабинович П. М. Проблемы теории законности развитого социализма. Львов, 1979.

Раянов Ф. М., Минниахметов Р. Г., Пономарев А. Д. Право и законность в демократическом обществе. М., 2004. 200 с.

Ремнев В. И. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979.

Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960.

Сауляк О. П. Проблемы обеспечения законности в сфере применения права: Учеб. пособие. М., 2002. 116 с.

Смирнова А. А. Обеспечение законности нормативно-правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 3. С. 66—74.

Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. 252 с.

Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 87—94.

Сыдорук И. И. Государственно-правовое обеспечение правопорядка в Российской Федерации: теоретико-прикладные проблемы: Монография. М., 2003. 457 с.

Тихомиров М. Ю. О механизме обеспечения законности в управлении экономикой // Советское государство и право. 1990. № 7.

Укрепление общественного порядка и законности в правовом государстве: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1990.

Фастов А. Г. Общетеоретические вопросы гарантий законности в деятельности органов внутренних дел: Учеб. пособие. Волгоград, 2002. 98 с.

Честнов И. Л. Диалогичность правового режима законности в эпоху постмодерна // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 5—15.

Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4.

Специальные работы, посвященные исследованию проблем ***правопорядка***:

Аврутин Ю. Е. и др. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в РФ: Теоретическое административно-правовое исследование: Монография. М., 2003. 456 с.

Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб., 2004. 227 с.

Актуальные проблемы правопорядка: Сб. н. ст. / Под ред. А. И. Бобылева, Н. А. Духно. М., 2004. 325 с.

Артемов В. М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М., 1998. 145 с.

Безденежных В. М. Социалистический общественный порядок. М., 1983.

Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма. Саратов, 1977.

Виссаров А. В. Правопорядок в Российской Федерации и его обеспечение: теория и практика: Монография. М., 2004. 258 с.

Вопленко Н. Н. Законность и правовой порядок: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 135 с.

Казаков В. Правовой порядок как объект охраны российской милиции // Право и жизнь. № 11. 1997. С. 18—25.

Каламкарян Р. А. Совет Безопасности ООН и Международный Суд ООН: вклад в дело обеспечения международной безопасности и правопорядка // Государство и право. 2007. № 6. С. 74—84.

Кудрявцев В. Н., Керимов Д. А. Право и государство: опыт философско-правового анализа. М., 1993. 91 с. (см. С. 73—89, гл. 4 «Правопорядок»).

Мурамеmс О. Ф., Шамба Т. М. Правопорядок в развитом социалистическом обществе. М., 1979. 176 с.

Правовые основы обеспечения охраны общественного порядка / В. В. Лазарев, Л. Л. Попов, Л. М. Розин. М., 1987.

Саванели Б. В. Правопорядок и юридическая практика. Тбилиси, 1981.

Сауляк О. П. Парадигма правопорядка: современное прочтение // Правоведение. 2006. № 3. С. 166—178.

Сауляк О. П. Правопорядок в коллективистских и индивидуалистических обществах: сущность, основные характеристики, поиск новой модели // Государство и право. 2006. № 4. С. 94—103.

Тарадонов С. В. Правовой порядок и пути его укрепления. Параметры внутригосударственного и международно-правового совершенствования // Государство и право. 2006. № 5. С. 75—84.

Хесина М. Н. Административно-правовое обеспечение режима законности и правопорядка в Российской Федерации: Монография. М., 2004. 142 с.

Литература ко всей теме

Амирбеков К. И. Правообеспечительная юридическая деятельность: теоретический подход // Государство и право. 2006. № 1. С. 88—94.

Благов Е. В. Применение уголовного права: теория и практика. СПб., 2004. 504 с.

Боботов С. В. Буржуазная юстиция: состояние и перспективы развития. М., 1989. 256 с.

Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. 320 с.

Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980.

Бро Ю. Н. Проблемы применения советского права: Учеб. пособие. Иркутск, 1980. 84 с.

Бурова М. Деонтически противоречивая правоприменительная система: неизбежность последствий // Право и жизнь. № 11. 1997. С. 26—63.

Василевич Г. А. Принципы правового государства как основа правотворческой и правоприменительной деятельности // Право и демократия:

Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14. С. 35—48.

Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. 229 с.

Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, 2004.

Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление. Свердловск, 1975.

Евдокимова Е. Г. Цикличность правоприменения // Правоведение. 2000. № 6. С. 20—27.

Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М., 1992. 288 с.

Калмыков Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976.

Карпов А. И. Влияние правовых учений о смертной казни на развитие правоприменительной практики: историко-правовой аспект: Монография. М.-Орел, 2003. 144 с.

Карташов В. Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе. Ярославль, 1986.

Карташов В. Н. Применение права: Учеб. пособие. Ярославль, 1980. 74 с.

Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, функции. Саратов, 1989. 218 с.

Конина Е.Н. Функции юридической практики: Учеб. пособие. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2006. 107 с.

Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.

Лазарев В. В. Понятие и разновидности нетипичных ситуаций правоприменительного процесса // Применение советского права: Сб. уч. тр. Свердловского юр. ин-та. Вып. 30. Свердловск, 1974. С. 54—64.

Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. 200 с.

Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. 144 с.

Лазарев В. В., Левченко И. П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел: Учеб. пособие. М., 1989.

Лебедев В. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и роль судов // Государство и право. 1996. № 4. С. 3—7; постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Государство и право. 1996. № 4. С. 8—13.

Левченко И. П. Механизм применения права: опыт системного исследования: Монография. Смоленск, 1997. 104 с.

Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. 148 с.

Липень С. В. Статья 4 Французского гражданского кодекса 1804 г. и развитие учений о применении и толковании права // Кодекс Наполеона в теоретических и исторических юридических исследованиях / Под науч. ред. С. В. Липеня. Мн., 2007. С. 86—110.

Лукьянова Е. Г., Балытников В. В. Процессы глобализации в сфере правоприменения в России // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 128—138.

Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. 687 с. (рецензия: Тихомиров Ю. А. // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 159—160).

Наумов А. В. Реализация уголовного закона. Волгоград, 1983.

Новиченко А. А. Правовая оценка и ее основания // Государство и право. 2006. № 2. С. 81—86.

Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж, 1999.

Палахов М. Ю. Ритуальность и иррациональность судебного процесса (На материалах средневековой Англии) // Государство и право. 2007. № 6. С. 114—120.

Правоприменение в Советском государстве / Отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. М., 1985. 304 с.

Применение советского права: Сб. ст. Свердловск, 1974.

Применение судами норм Конституции Российской Федерации: Научно-практич. комментарий / Под ред. М. В. Немытиной. Саратов, 2000. 125 с.

Сапун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3(4). С. 185—191.

Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб.: СПбГУП, 2002. 156 с.

Тихомиров Ю. А. Действие закона. М., 1992. 163 с. (рецензия: Казимирчук В. П. // Государство и право. 1994. № 3. С. 156—158).

Тихомиров Ю. А. Правоприменение: от стихийности к системе // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 27—36.

Чеснокова М. Д. Правоприменительная деятельность: некоторые социально-психологические факторы // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 57—64.

Шагиева Р. В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе // Журнал российского права. 2004. № 10.

Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005. 312 с.

Шумилова Л. Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11.

Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979.

Якупов Р. Х. Применение органами дознания уголовно-процессуальных норм. М., 1994.

Проблемы правоприменительной деятельности исследовались в юридической науке еще ***в 1940—1960-е гг.***, многие исследования сохранили свою теоретическую ценность и до настоящего времени:

Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. Лекция. М., 1958. 40 с.

Берченко А. Я. Применение советского социалистического права. М., 1960. 31 с.

Брайнин А. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.

Вильнянский С. И. Значение судебной практики в гражданском процессе // Ученые труды ВИЮН. Вып. IX. 1947.

Вильнянский С. И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 3. 1948. С. 77—110.

Галанза П. Н. О применении советских правовых норм // Советское государство и право. 1954. № 6.

Исаев М. М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., 1948.

К итогам дискуссии о применении норм советского права // Советское государство и право. 1958. № 3.

Керимов Д. А. О применении советских правовых норм // Советское государство и право. 1964. № 5.

Кожевников М. В. История советского суда. 1917—1956. М., 1957.

Левин И. Д. Логика и право // Известия АН СССР, отделение экономики и права. 1944. № 3.

Михаляк Я. С. Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963. 44 с.

Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. 512 с.

Орловский П. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8—9.

Пионтковский А. А. Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954. 132 с.

Социалистическая законность, толкование и применение советских законов: Тезисы докладов межвуз. научной конференции. Киев, 1961.

Строгович М. С. О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании // Советское государство и право. 1959. № 5.

Ткаченко Ю. Г. Нормы советского социалистического права и их применение. М., 1955. 66 с.

Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. Л., 1961.

Шаргородский М. Д. Закон и суд // Ученые записки ЛГУ. № 202. Серия юридических наук. 1956. Вып. 8.

Шаргородский М. Д. Вопросы общей части уголовного права. М., 1959.

Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.

ГЛАВА 18 Толкование норм права

18.1. Понятие и виды толкования норм права

Проблема толкования выходит за рамки правоприменения или реализации права. Во-первых, она имеет самостоятельное значение в процессе научного или обыденного познания государственно-правовой жизни. Во-вторых, необходимость четкого представления о содержании действующих норм возникает в ходе правотворческих работ. Ни издать новый акт, ни систематизировать имеющиеся нельзя без знания подлинной воли законодателя, которая получила официальное выражение. За рамками реализации правовых предписаний проблема ставится широко — о толковании права, имея в виду и его сущность, и формы, в которых оно выражено, и принципы, которые лежат в его основе. В рамках непосредственной реализации права, в частности при правоприменении, те же вопросы уясняются через призму отдельных норм права.

Толкование норм права — это деятельность по уяснению или разъяснению смысла, вложенного в норму права правотворческим органом, для ее правильного применения.

Все формы реализации права так или иначе связаны с толкованием, поскольку правовые нормы носят общий, абстрактный характер, а применяются к конкретным ситуациям. Этой деятельностью вынуждены заниматься все субъекты права, однако наибольшее значение толкование имеет в правоприменительном процессе, в официальной юридической деятельности должностных лиц государственных органов. Необходимость толкования обусловлена также спецификой юридической техники, особенностями формулирования правовых норм, краткостью, использованием специальных терминов, юридических конструкций, логическими связями

норм права друг с другом внутри одного нормативного акта, связями, существующими между разными нормативными документами, и т.п. Особые трудности в процессе толкования возникают из-за недостатков законодательной техники, пробелов в праве, несовершенства законодательства, неадекватности правового регулирования общественным отношениям.

Сам процесс толкования правовых норм — сложная мыслительная деятельность, в которой используются и логические приемы мышления, и специально-юридические знания. В то же время во многих случаях при реализации права толкование происходит автоматически, незаметно, оно является как бы само собой разумеющейся деятельностью в процессе установления юридической основы для разрешения дела.

Обычно различают *толкование-уяснение*, которое осуществляется при реализации права или в процессе правоприменительной деятельности лицом, непосредственно принимающим правовое решение, и *толкование-разъяснение*, которое дается уполномоченными на то органами или специалистами в целях правильного понимания и применения правовых норм.

Объектом толкования служит право, а точнее, тот смысл, который вложен в правовые нормы соответствующим нормотворческим органом.

Предметом толкования является историческая воля законодателя (нормодателя), выраженная в законе (в нормативном акте). Воля законодателя времени применения закона также учитывается, так как в актах, последовавших за толкуемым, могут содержаться нормы, прямо или косвенно меняющие содержание предшествующих актов. История разных государств дает примеры такой практики, когда под видом толкования провозглашались новые нормы. Режим твердой законности и нормальный правопорядок в принципе исключают смешение правотворческого и праворазъяснительного процессов.

Выделяют три вида толкования в зависимости от того, кто толкует правовые нормы (толкование по субъектам), как, каким образом толкует (толкование по способу), каков результат толкования (толкование по объему). Таким образом, толкование правовых норм — сложная деятельность, различающаяся по субъектам, применяемым способам и получаемым результатам.

Проблема толкования права является практической в том смысле, что ее решение, как никакое другое, сориентировано на разрешение юридических дел, на преодоление конфликтных ситуаций, на вынесение правового вердикта. Однако и эта проблема упирается в понима-

ние права. Без уяснения объекта толкования или при разночтении в том, что подлежит толкованию, сложно рассчитывать на позитивный результат.

Коли кто-то сводит право к субъективным правам, то и толкование будет направлено на выяснение содержания всех возможностей поведения, составляющих содержание субъективного права лица. Причем толкование этих возможностей обладателем субъективного права иногда оказывается вполне достаточным и окончательным. Лицо ведет себя в соответствии со своим пониманием ситуации, и, если это не затрагивает прав других лиц, государственные органы остаются в стороне от результатов толкования субъективного права.

К субъекту будет привязано толкование теми, кто, подобно Л. И. Петражицкому, ищет право в психике людей. Объектом оказываются разного рода переживания и эмоции по поводу фактических жизненных ситуаций. Однако здесь субъектом толкования скорее будут не те, кто ведет себя тем или другим образом в соответствии со своими переживаниями, а те, кто оценивает правовой характер их поведения.

Сторонники широкого понимания права, социологи, правовые реалисты в процессе толкования обратят свои взоры на сами общественные отношения, на то, как разрешаются споры в судах, на решения судебных и административных органов.

Нормативисты сосредоточатся исключительно на изданных государством или признаваемых им нормах, как единственных носителях права.

Философы будут обращать свои взоры к небу, к поиску идей свободы и справедливости.

Было бы неправильно отвергать какой-либо из названных подходов уже по той причине, что в разные эпохи разные государства сами акцентировали внимание на разных ценностях и фактически защищали и до настоящего времени защищают в качестве права не всегда одно и то же. Более того, любая правовая система не отвергает жестко обращение к иным источникам права, кроме ведущих. Представляется правильным в процессе толкования права использовать весь юридический инструментарий. Не случайно, как мы убедимся ниже, приемы толкования столь разнообразны.

Вместе с тем в зависимости от объекта толкования во многом определяются правомочия субъектов толкования. В особенности это показательно при различении (противопоставлении) права и закона (нормативного акта). Если полицейскому предоставить право искать и интерпретировать право, да еще на этой основе обходить или нарушать закон, результаты могут оказаться абсолютно неприемлемыми. Философские и социологические выкладки тоже не для каждого правоприменителя.

Поиск права за пределами закона — это удел исследователей, интерпретация права в сопоставлении с законом — предмет доктринального толкования. Ученые свободны в своих выводах. Результаты их поисков не являются обязательными. В основе востребованности полученных результатов лежит авторитет ученого и убедительность приведенных аргументов.

Обращение к праву имеет место со стороны субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. Их инициативы, как правило, вызваны отсутствием законодательного регулирования того, что по *праву* должно бы быть нормативно урегулировано. В пояснительных записках к законопроекту приводятся и социологические данные, и ссылки на историко-политические и культурные факторы, и аргументы этико-философского, нравственного плана.

Толкование «права», не выраженного ни в одном нормативном акте, нахождение и интерпретация некоторых естественно-правовых постулатов является условием нормальной деятельности законодателя. И после принятия закона логично предположить обращение законодателя к вне(над)законным критериям понимания истины и справедливости, если практика потребует от него соответствующих разъяснений.

Конституционные суды весьма часто в рамках общих принципов, зафиксированных в конституционных актах, в особенности если они приходят к выводу о неконституционности нормативных актов на основании несоразмерности или несправедливости установленных норм, фактически дают толкование права наряду с толкованием закона. Они вынуждены это делать и тогда, когда имеет место полное отсутствие законодательных установлений, чем нарушаются неотъемлемые права человека. В качестве характерного примера воспроизведем некоторые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в Постановлении от 19 июня 2002 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС..."».

Вот выводы, к которым пришел Конституционный Суд в ходе толкования права и закона:

«Из статей 1, 2 и 7 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 42 и 53 вытекает, что признание и обеспечение права на возмещение вреда здоровью, являющемуся для каждого неотчуждаемым благом, — конституционная обязанность Российской Федерации как социального правового государства».

«Возможность выплаты дополнительных сумм по судебному решению наряду с недопустимостью уменьшения уже установленного размера компенсационных выплат повышают гарантии защиты прав и законных интересов граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы».

«Учитывая, что вред, причиненный чернобыльской катастрофой, является вредом реально невосполнимым и неисчисляемым, объективно затруднено, а во многих случаях невозможно полное по объему его возмещение. Но во всяком случае размер возмещения должен обеспечивать лицам, пострадавшим в результате этой катастрофы, такой уровень жизни, при котором — в сопоставлении с доходами граждан по стране в целом — не ставились бы под сомнение само их право на возмещение вреда и принцип уважения достоинства личности».

«...Все лица, здоровью которых причинен в результате одной и той же техногенной катастрофы вред, как правило, не устранимый с тече-

нием времени, имеют равное право на возмещение расходов, возникших в связи с потерей и (или) ухудшением здоровья, что влияет и на определение критериев исчисления размера денежных компенсаций. Поэтому федеральный законодатель должен исходить из конституционных принципов справедливости (статьи 1 и 7 Конституции Российской Федерации) и равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств (статья 19 Конституции Российской Федерации), в том числе независимо от профессиональной принадлежности, должностного положения этих лиц и, соответственно, от уровня их заработной платы».

«Конституционно-правовая природа отношений, возникающих при возмещении государством вреда гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, обусловливает необходимость максимально возможного использования государством имеющихся средств для обеспечения достаточности такого возмещения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 года). При этом решения законодателя о внесении изменений в способы возмещения вреда, об уточнении критериев его дифференциации или адресности не могут противоречить конституционно-значимым целям, должны отвечать принципам справедливости и соразмерности и неумалять конституционные права...»

Приведенный пример является доказательством эффективности комплексного, интегративного толкования *права*, где оцениваются и природа отношений (природа вещей), и нормы законодательства, и конституционные ценности, лежащие в основе отраслевых законов, и естественно-правовые ценности справедливости, и многое другое.

18.2. Субъекты толкования норм права

Каждый человек, любой субъект права может заниматься толкованием правовых норм, однако юридическое значение этого толкования в разных случаях будет различно. Поэтому данный вид толкования часто именуют толкованием норм права по юридической силе. По предложенному критерию различают официальное и неофициальное толкование норм права.

Официальным толкованием занимаются специально уполномоченные государством на эту деятельность органы. Результат такого толкования фиксируется в официальных документах и обладает юридической силой. Субъектами официального толкования норм права выступают, как правило, государственные органы и должностные лица. В истории, впрочем, известны периоды, когда правом официального толкования наделялись и ученые-юристы.

Официальное толкование норм права может быть аутентическим (аутентичным) или делегированным (легальным). *Аутен-*

тическое толкование — это разъяснение смысла правовой нормы тем государственным органом, который издал данную норму. По общему правилу каждый орган имеет право толковать те нормы права, которые он издает.

Делегированным (легальным) толкованием занимаются те органы, которые не издавали данные правовые нормы, но которым передано право их толковать. Так, высшим судебным инстанциям может предоставляться право официального толкования законов, принятых парламентом. В соответствии с ч. 5 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ дает толкование Конституции РФ. Иногда делегированным называют и толкование, осуществляемое непосредственно в процессе правоприменительной деятельности.

Официальное толкование может быть *нормативным*, т.е. даваться безотносительно к конкретному случаю, практически в виде новой нормы, и *казуальным* — это толкование применительно к конкретному случаю, конкретным обстоятельствам определенного дела. Казуальное толкование может содержаться в правоприменительных актах контрольного или надзорного характера (подробнее о некоторых проблемах нормативного и казуального толкования правовых норм см. ниже).

Юридическая природа результатов официального нормативного толкования (как аутентического, так и делегированного) и документов, в которых выражены эти результаты, остается спорной. Вот основные проблемы, которые разрешаются разными авторами по-разному. Является ли результат толкования самостоятельной правовой нормой или же это разъяснение предписания, выраженного в нормативном акте? Какова юридическая природа документа, закрепляющего результат толкования: это особый интерпретационный акт (в котором не содержатся нормы права), или это нормативный акт (в котором содержатся нормы права), или же что-то иное?

Постановления Пленума Верховного Суда РФ (а ранее — и СССР) по отдельным категориям уголовных, гражданских, трудовых, семейных дел обычно назывались интерпретационными актами, хотя в советской юридической науке высказывалась и иная точка зрения, в соответствии с которой эти документы признавались нормативными правовыми актами (см., например: Проблемы теории государства и права: Учеб. / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 339—342). Не упрощает проблему и то обстоятельство, что многие исполнительно-распорядительные органы не издают специальных интерпретационных актов, а включают разъяснения положений, содержащихся в принятых ранее нормативных актах, в новые норматив-

ные документы. Министерства, ведомства, их управления и отделы могут рассылать на места документы инструктивно-разъяснительного характера: письма, указания и т.п., в которых содержатся разъяснения принятых до этого норм права, указания по их применению.

Неофициальным толкованием норм права считается такое толкование, которое формально не является обязательным. Оно также может носить и общий, и конкретный характер, т.е. быть и нормативным, и казуальным. Толковать правовые нормы, как уже отмечалось, может каждый человек, в том числе не имеющий специальной юридической подготовки. Это так называемое *обыденное* толкование, как правило, оно сопровождается высказыванием поверхностных и неверных суждений. Однако и люди без юридического образования иногда обнаруживают способности правильно ставить юридические вопросы и даже находить подходы к их решению. К компетентному толкованию правовых норм, которое дается специально подготовленными лицами, относится *доктринальное* (научное) и *профессиональное* толкование. Первое предлагается учеными-юристами, результаты его содержатся в комментариях к нормативным актам, научных работах, иногда даже в учебной литературе (см., например: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2002; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996). Профессиональным толкованием норм права занимаются юристы-практики, например, в процессе юридических консультаций населения. Данный вид толкования, безусловно, менее научен, хотя более приближен к практике.

Нормативное и казуальное толкование. В зависимости от сферы действия актов разъяснения правовых норм в литературе проводится деление толкования на нормативное и казуальное. Нормативным толкованием считается то, результаты которого распространяются на неопределенный круг лиц и случаев, т.е. такое толкование, которое подобно норме права имеет общий характер (общее действие). Казуальным толкованием называют разъяснение нормативного акта, обязательное для одного конкретного случая.

Вообще толкование правовой нормы, каким бы оно ни было, всегда имеет характер всеобщности и в своем использовании никогда не может быть ограничено одним случаем. Всякое разъяснение правовой нормы действует одновременно с ней, коль скоро это разъяснение отражает подлинное содержание толкуемой нормы.

Нормативное толкование правовых актов дается на основе широкого изучения и обобщения юридической практики. Оно более «авторитетное» в этом отношении, нежели казуальное, так как последнее основывается на ограниченном материале. То и другое тесно связаны между собой не только потому, что практика является побудительной

причиной их появления, но и главным образом потому, что нормативное и казуальное толкование имеют один объект — правовой акт, правовые нормы. Как нормативное, так и казуальное толкование может быть официальным и неофициальным.

Нормативное толкование правовой нормы не «привязывается» к одному какому-либо случаю. Оно подается в общей форме, как бы отвлеченно от конкретных юридических дел. Субъект нормативного разъяснения, основываясь на собственном убеждении, учитывая имеющиеся мнения и сложившуюся практику, преследует цель обеспечения в дальнейшем единообразного понимания и применения закона.

Представляется, что одна из целей нормативного толкования должна состоять в корректировании решений, не основанных на законе. Принцип законности требует всегда восстановления нарушенных прав и обеспечения законных интересов субъектов права. Акты нормативного толкования без каких-либо изъятий должны действовать с обратной силой. Такое положение одновременно способствует искоренению той практики, когда под видом официального нормативного толкования создаются новые правовые нормы.

Таким образом, практические органы с появлением акта нормативного толкования должны вновь обратиться к тем делам, которые ими или их поднадзорными органами были разрешены на основе разъясняемых правовых норм. При несоответствии состоявшихся решений результатам толкования должны быть приняты немедленные меры (если это возможно по обстоятельствам дела) к восстановлению нарушенной законности.

Особо следует сказать о конституционном полномочии Конституционного Суда РФ давать толкование Конституции РФ. Это толкование является официальным нормативным разъяснением, обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов и государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. При этом следует согласиться с комментаторами соответствующих норм закона в том, что акты или отдельные их положения, основанные на интерпретации конституционных норм, противоречащей толкованию Конституционным Судом, подлежат пересмотру издавшими их органами и должностными лицами. Толкование, данное Конституционным Судом, может явиться основанием для судебного обжалования всех решений и действий, которые такому толкованию не соответствовали (см.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий. М., 1996. С. 326).

При казуальном толковании, в отличие от нормативного, в едином интеллектуально-волевом акте увязывается уяснение содержания правовых норм с объяснением конкретных субъективных прав и юридических обязанностей. В этом отношении акты казуального толкования богаче по содержанию и доступнее для практического использования. Вынося решение, правоприменитель объясняет (не всегда в ярко выраженной форме) содержание правового акта, указывая вид и меру воз-

можного и должного поведения конкретных лиц. Типичность ситуаций, предусмотренных нормативным актом, позволяет и допускает использование результатов казуального толкования при решении аналогичных дел, обеспечивая тем самым единство судебной практики.

Наиболее типичным видом казуального толкования является то, которое дается при рассмотрении уголовных и гражданских дел в суде.

Казуальное толкование правовых норм производится уже в суде первой инстанции. Суд, обосновывая свое решение, показывает сторонам и всем гражданам, как надо понимать закон. Известно, что толкование закона в судебном решении может расходиться с теми мнениями относительно смысла правовых требований, которые высказывались до и в ходе судебного разбирательства. Однако в выносимом судом первой инстанции акте толкование, как правило, не обособляется, не получает законченного выражения.

Цель разъяснения смысла правовой нормы получает большее оформление в судах кассационной и надзорной инстанции. Одним из оснований отмены решений суда в кассационном, например, порядке является нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права. Кассационная инстанция может при этом разъяснить юридическую основу дела и в тех случаях, когда суд не применил закона, подлежащего применению (наоборот, применил закон, не подлежащий применению), или неправильно истолковал закон.

Нельзя считать вполне нормальным явлением такое положение дела, когда суд фактически руководствуется имеющимся казуальным разъяснением, но в решении умалчивает об этом. Российское законодательство не запрещает суду ссылаться на изданные в официальном порядке акты толкования правовых норм. В конце 1960-х гг. этот вопрос ставился А. Б. Венгеровым. Он полагал целесообразным учитывать прецеденты толкования, но совершенно недопустимым ссылаться на них (см.: Венгеров А. Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. IV. 1966. С. 5, 13). В другой статье А. Б. Венгеров более решителен, говоря о необходимости распространять принятые решения судов на аналогичные дела, поскольку суды дают оценку отдельным актам и действиям с точки зрения соответствия их Конституции (см.: Венгеров А. Б. Конституционный контроль в СССР // Правоведение. 1970. № 3. С. 38).

Новаторской в этом отношении является практика Конституционного Суда РФ. В соответствии со ст. 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» этот орган отказывает в принятии обращения к рассмотрению в случае, если по предмету обращения им ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу.

Общий подход Конституционного Суда к значению и роли казуального толкования права подкрепляет нашу теоретическую позицию. И если, например, правило об освобождении должностных лиц лишь с согласия органа законодательной власти признано им неконституционным по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края (постановление от 18 января 1996 г. № 2-П),

то и все уставы других субъектов Федерации должны быть приведены в этом плане в соответствие с Конституцией. На такого рода прецеденты содержатся ссылки в самых разных официальных документах.

18.3. Способы толкования норм права

Способ толкования норм права — это совокупность однородных мыслительных приемов, средств, используемых для установления содержания норм права. Нет единства взглядов на количество способов толкования норм права, на их содержание. Практически все авторы признают существование грамматического, систематического и исторического толкования; есть сторонники выделения телеологического, функционального, логического, специально-юридического способов.

Грамматический (или филологический, или языковой) способ толкования предполагает анализ словесной формы норм права, поскольку они изложены при помощи языковых средств, иначе их выразить невозможно. Грамматическое толкование охватывает уяснение значения отдельных слов, терминов, обращается внимание на употребляемые предлоги, союзы (и, или), на временные формы частей речи, на совершенный или несовершенный вид глагола, причастия, деепричастия и т.д. Словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имели в соответствующем литературном языке, если нет оснований для иной их интерпретации. В международном праве это правило называется иногда «золотым правилом толкования». Языковые средства выражения в некоторых случаях могут влиять и на содержательную сторону правовых предписаний, юридических конструкций, в частности, при переводе с одного языка на другой (полностью адекватный перевод не всегда возможен).

Систематический способ толкования представляет собой уяснение смысла правовой нормы с учетом ее места в системе права, в отрасли права, в правовом институте. Возможность его применения прямо следует из особого свойства права — системности. При систематическом толковании происходит сопоставление толкуемой нормы права с другими нормами, находящимися как в одном с ней нормативном акте (и даже в одной статье), так и в иных нормативных актах. В процессе правоприменительной деятельности необходимо постоянно помнить о связи норм общей и особенной частей нормативного акта (это указание относится не только к документам типа уголовного кодекса, где существует четкое разделение на два указанных раздела — практически в каждом нормативном акте есть какие-то общие положения), о связи общих и спе-

циальных норм права (см. главу 11 «Нормы права»), о существовании правовых норм с отсылочными и бланкетными элементами, содержание которых вообще не может быть раскрыто без обращения к другим правовым нормам. Одна из наиболее сложных ситуаций при использовании систематического толкования возникает тогда, когда в процессе установления юридической основы для разрешения дела правоприменитель сталкивается с юридическими коллизиями, т.е. с такими ситуациями, когда одни и те же общественные отношения по-разному регулируются различными правовыми нормами одинаковой юридической силы.

Исторический (историко-политический) способ толкования норм права предполагает учет исторических обстоятельств, условий, политической ситуации, существовавших во время принятия толкуемой правовой нормы. Данный способ толкования важен в первую очередь для реализации норм, которые предоставляют правоприменителю определенную свободу: в этом случае желательно избрать наиболее эффективный вариант разрешения дела из всех возможных. Историческое толкование может использоваться и для более глубокого понимания толкуемой нормы права, при этом целесообразно сравнить ее с предписаниями, действовавшими ранее, выяснить причины внесенных изменений. Не найдено окончательного ответа на вопрос: что делать в случае установления существенного изменения исторической ситуации со времени принятия толкуемой нормы? Является ли это основанием для неприменения нормы, или же необходимо строго соблюдать требования законности? В большинстве случаев именно в таком плане данная немаловажная практическая проблема не ставится.

Суть *телеологического* (или целевого) способа толкования норм права состоит в установлении цели нормы и использовании этого знания для уяснения ее смысла (данной проблеме даже посвящена специальная монография: Насырова Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона: Теория и практика. Казань, 1988. 144 с.).

Отдельные авторы считают, что складывается *функциональный* способ толкования норм права, который опирается на знание обстоятельств, условий, в которых действует толкуемая норма. Этот способ, как и два предыдущих, используется в основном для толкования правовых норм, включающих оценочные элементы или предоставляющих субъекту свободу выбора того или иного варианта поведения. Результаты и исторического, и телеологического, и функционального толкований могут расходиться с требованиями, выраженными в толкуемой норме, в случае несовершенства, устаревания законодательства.

Логический способ толкования норм права также выделяется не всеми авторами, поскольку любая мыслительная деятельность по уяснению смысла норм права вне зависимости от конкретных используемых приемов в любом случае подчиняется законам логики. Таким образом, любое толкование нормы права — это одновременно и логическое толкование.

Иногда в качестве самостоятельного называется и *специально-юридический* способ толкования норм права, когда все выделяемые приемы толкования применяются для постижения смысла именно юридической материи. При этом исследуются технико-юридические средства и приемы изложения правовых норм, уясняется содержание специальных терминов, юридических конструкций, что открывает смысл нормы в целом. Авторы, которые не выделяют специально этот способ, указывают на то, что в его содержание включаются такие приемы, которые могут быть отнесены к одному из общепризнанных способов толкования.

Подробное изложение способов толкования впервые было дано немецким ученым Ф. К. Савиньи, виднейшим представителем исторической школы права, в работе «Система современного римского права» (1840 г.), хотя основы данной проблемы разрабатывались еще римскими юристами и средневековыми глоссаторами.

18.4. Объем толкования норм права

Толкование норм права по объему — это такое толкование, при котором мы сопоставляем действительный и буквальный смысл нормы права. Это одна из характеристик конечного результата, достигаемого лицом с использованием тех или иных приемов толкования. При этом прежде всего необходимо четкое определение содержания предписания, которым лицо будет руководствоваться в своем правовом поведении, причем в некоторых случаях возможно расхождение между действительным, реальным и буквальным смыслом толкуемой нормы. В зависимости от объема полученного результата выделяют адекватное (буквальное), ограничительное и распространительное толкование.

При *адекватном* (*буквальном*) толковании действительный смысл правовой нормы соответствует ее содержанию, выраженному в текстуальной форме. В этом случае наблюдается совпадение смысла (духа) и буквы закона. При *ограничительном* толковании действительный смысл правовой нормы будет уже ее буквального смысла, ее текстуального выражения. При *распространительном* толкова-

нии действительный смысл правовой нормы оказывается шире, чем ее текстуальное выражение. В литературе обычно указывается на то, что большинство правовых норм толкуется буквально.

Говоря об адекватном, расширительном и ограничительном толковании норм права, следует иметь в виду следующее.

1. Не могут ограничительно или расширительно толковаться термины, понятия, обстоятельства, сроки и т.д., четко определенные в самом нормативном акте; иными словами, существуют нормы права, которые толкуются преимущественно буквально, например, в соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ (п. 16 ст. 6 УПК РБ) «ночное время» — время с 22 ч до 6 ч по местному времени.

2. Ограничительное или расширительное толкование возможно только тогда, когда есть реальное несоответствие между содержанием правовой нормы и ее текстуальным выражением, когда такое несоответствие можно доказать. Обычно ограничительное или расширительное толкование применяется тогда, когда при изложении правовой нормы употреблено слово или выражение, обозначающее по объему более широкое или более узкое понятие по сравнению с тем, которое имелось в виду.

3. Ограничительное или расширительное толкование может вытекать из систематического способа толкования, в частности из связи общей и специальной нормы. Специальная норма права отменяет в части своего действия общую норму (см., например, ст. 158 УК РФ «Кража», в ч. 1 которой содержится общая норма, в ч. 2 и 3 — специальные нормы по отношению к предписанию, находящемуся в ч. 1 — они ограничивают последнее в части своего действия).

4. В отдельных случаях в законодательстве прямо указано на возможность ограничительного или расширительного толкования норм права. К примеру, в ч. 1 ст. 61 УК РФ перечислены обстоятельства, смягчающие наказание, а в ч. 2 указано, что «при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи.

5. Расширительное толкование выходит за букву отдельной правовой нормы, но не за ее смысл. В то же время при несовершенстве законодательства юридическая практика иногда может стремиться к игнорированию писаного права, к изменению его смысла в процессе толкования. В связи с этим еще в советский период развития теории государства и права указывалось на два основных подхода к толкованию правовых норм — статический и динамический. В первом случае устанавливается действительный смысл нормы права без изменений и искажений; в рамках этого подхода и рассматриваются указанные выше виды толко-

вания норм права по объему адекватное, ограничительное и расширительное. Динамический подход к толкованию предполагает максимальное приближение нормы права к жизни, при необходимости не следует останавливаться и перед изменением, корректировкой предписания.

В различные периоды развития общества менялось и соотношение статического и динамического подходов к толкованию норм права. В послереволюционные годы преимущество имел динамический подход. В достаточно стабильных условиях, при развитом законодательстве и провозглашении принципа законности единственно допустимым официально признается статический подход.

18.5. Особенности толкования норм обычного, договорного, прецедентного права

Все то, что сказано о приемах толкования норм, содержащихся в законах и подзаконных актах, в принципе относится к толкованию норм других письменных источников права. Однако здесь есть специфика, которая до настоящего времени мало исследована. Кто, например, толкует обычаи или деловые обыкновения? Следует ли толковать их в духе того времени, когда они складывались, или, наоборот, всегда в духе нового времени, всегда в развитии? По-видимому, в силу особенностей данных источников права их содержание изменчиво, и меняется оно вместе с изменениями в жизни народа. А интерпретировать (официально) меняющееся содержание могут суды в ходе разрешения конкретных юридических дел. Было бы сомнительным предоставление второй инстанции права отменять состоявшееся решение на основании того, что судом неверно интерпретирован обычай. Но за высшей судебной инстанцией сохраняется возможность дать свое толкование обычаю, если обобщается практика его применения судами.

Теория права не освещает нюансов толкования договоров. Разумеется, во многом это дело отраслевых наук (конституционного, трудового, международного права и др.). Но есть и некоторые общие требования:

- договор не может толковаться contra legem (вопреки закону);
- договор толкуется лишь в рамках его предмета;
- стороны вправе договориться в выборе определенного варианта толкования;
- стороны вправе в определенных случаях искать защиты своей интерпретации договора в судебном порядке.

Много специфики и в толковании прецедентов судебной практики. Теоретики права всегда придавали особый статус той части судебного постановления, в которой содержится решение — либо потому, что они признавали за ним его собственную нормативную силу, выходящую за рамки простого применения судьей правовой нормы (иногда это доходило до признания существования индивидуальной нормы), либо потому, что они считали его императивом, ограничивающимся конкретным случаем, либо, наконец, потому, что видели в нем завершающий акт операции по оценке правовой ситуации.

Прежде всего, следует указать на субъекты официального толкования судебных решений. При этом, как и в любом другом случае, есть специфика его решения в англосаксонской и континентальной системах права. В последней высшим судебным органам законодательно предоставляется право интерпретировать судебные решения. В России право давать разъяснения по вопросам судебной практики предоставлено Верховному Суду РФ и Высшему Арбитражному Суду РФ непосредственно Конституцией. При этом в отличие от ранее действующего законодательства упор делается именно на интерпретации судебной практики, а не на толковании законов. Фактически же трудно себе представить оценку толкования права в решении суда без обращения к закону, без соответствующей интерпретации самого закона. Поэтому законодательства ряда стран открыто допускают толкование законов судебными органами. Показательна в этом отношении разница между Россией и Украиной, в которой в отличие от России на Конституционный Суд прямо возлагается обязанность при соответствующих условиях истолковать закон.

Вообще, конституционные суды не могут избежать в осуществлении своих функций толкования как закона, так и состоявшихся судебных решений, если они связаны с применением оспариваемых актов на предмет их конституционности. Решения самого конституционного суда официально разъяснить может только он сам и никакой другой орган.

Практика аутентичного толкования судебного решения в принципе весьма логична. Однако процессуальное законодательство ориентируется, как правило, на толкование решения суда вышестоящей инстанцией. В особенности тогда, когда решение оставляют в силе, есть потребность пояснить его действительный смысл, направленность и соответствие закону. Суды высших инстанций, имеющие кассационную функцию, осуществляют контроль над тем, как суды, разбирающие дела по существу, толкуют и применяют право. Они имеют достаточную иерархическую власть для того, чтобы в конкретных случаях давать свою собственную оценку.

Предметом кассационного обжалования является само право в свете того, как оно было применено судьями.

В системе прецедентного права каждый судья, прежде чем он использует предшествующее решение в качестве основания решения дела, должен уяснить смысл первоначального решения и соответствующей мотивировкой собственного акта продемонстрировать содержание прецедента сторонам или, более того, заложить основу для дальнейшего развития права.

Формулировка судебного решения — всегда мнение, явно или косвенно выраженное судьей с учетом аргументов сторон и используемое им в качестве обоснования выносимого решения. Это мнение должно быть досконально исследовано, когда его должны положить в основание обоснования другого судебного решения. Мотивировка решения по делу (ratio decidendi) имеет обязательную силу для судов в соответствии с принципами прецедента, имеющего обязательную силу.

Задача определения мотивировки по делу может оказаться непростой задачей, поскольку трудно представить себе, чтобы существовал один-единственный метод, безоговорочно принимаемый всеми судьями.

Обосновывая правильность применения нормы права, судья обычно ссылается на наличие прецедента и доказывает, что такая ссылка весьма уместна. Подобные «разъяснения» или «обоснования» следует отличать от норм права, в поддержку которых они приводятся, поскольку лишь нормы права могут являться частью мотивировки. Норма права, сформулированная судьей, является разумной предпосылкой для мотивировки.

Судья обобщает юридический смысл судебного дела, приводя цитату из текста судебного решения, утверждая при этом, что конкретная формула судебного решения отражает мотивировку. Во многих случаях для судьи этого оказывается достаточно. Вместе с тем для определения мотивировки может понадобиться тщательный анализ судебного решения академическими исследователями, адвокатами и судьями.

Существуют теории и методические руководства, которыми руководствуются английские судьи в выявлении норм, содержащихся в используемых прецедентах.

Судья, стоящий перед определением нормы права при рассмотрении дела, должен считаться с общим характером языка, посредством которого он будет формулировать свое заключение. Утверждение может носить самый общий характер, может быть тесным образом привязано к обстоятельствам дела, а может быть сформу-

лировано на определенном «промежуточном» уровне. Большинство судей, хотя и не все из них, склонны к общим заявлениям по вопросам права; в любом случае юридическая практика такова, что судебное решение должно рассматриваться в свете фактических обстоятельств рассматриваемого дела.

Данный тезис, как правило, реализуется в тех случаях, когда судья, рассматривающий дело В, выносит решение о том, что мотивировка по делу А имеет более узкое толкование.

Отчет о каком-нибудь старом судебном деле может просто содержать изложение фактических обстоятельств, аргументацию участвующего в деле адвоката и само судебное решение, вынесенное на основании изложенных обстоятельств. Мотивировка решения хотя и подразумевается, но чаще всего не приводится. В системе современного судопроизводства доля подобных дел не является сколько-нибудь значимой. Мотивировки обычно присутствуют.

В судебном деле может существовать несколько правовых предпосылок, каждая из которых, рассматриваемая по отдельности, может оказаться достаточным основанием для вынесения решения в пользу одной из сторон (например, истца). Судья вправе рассматривать лишь одну мотивировку, вынести решение в пользу истца и уклониться от рассмотрения остальных правовых предпосылок. Но судья может представить свое заключение по нескольким вопросам права, определив, что решение основывается на первой предпосылке, в то время как остальные замечания суть мнения, не носящие нормоустановительного характера. Вместе с тем судья вправе сделать заключение по каждому вопросу права, без каких-либо различий, разрешив все вопросы в пользу истца.

Сложнее задача при определении мотивировки решений, выносимых апелляционным судом, поскольку там присутствуют мнения отдельных судей. Только некоторые принципы не вызывают сомнений. Когда все члены суда пришли к согласию относительно результатов слушания дела, любая мотивировка решения в поддержку мнения большинства судей будет обязательной. Например, если в суде, состоящем из трех судей, двое из них поддерживают основание А, а третий — основание В, то основание А будет мотивировкой решения. Если двое судей поддерживают основание А, а двое — основание В, то имеются две мотивировки решения. Если же кто-либо из состава судей не согласен с результатом рассмотрения дела, его особое мнение в «техническом плане» исключается при определении мотивировки решения на том основании, что такое особое мнение несущественно для вынесения решения, с которым не согласен данный судья. Вместе с тем особое мнение может оказаться решающим.

При отсутствии большинства голосов судей относительно той или иной мотивировки решения суд высшей инстанции вправе вынести постановление о том, что для вынесения решения по данному делу отсутствовали какие-либо ясные мотивировки, хотя сам по себе данный факт еще не является доказательством того, что судом низшей инстанции было вынесено необоснованное решение по рассматриваемому делу. Заметим попутно, что еще нуждается в осмыслении особое мнение судьи в конституционном судопроизводстве, в случае официальной огласки.

Если имеются расхождения между фактами прецедента и фактами дела, находящегося на рассмотрении, то создаются предпосылки для отказа от использования прецедента и, следовательно, никакой прецедент (ни обязательный, ни убедительный) не может использоваться.

Что именно считать расхождением — это тоже проблема интерпретации нормы, содержащейся в решении. Судья последнего суда должен объяснить причину отказа от использования применения соответствующего правила при вынесении решения. Нет никаких установок для определения достаточности причин отказа от использования предшествовавшего решения в качестве прецедента. Все зависит от обстоятельств дела и от интерпретации всех юридических и фактических обстоятельств судьей.

Профессионалы в правовой области (издатели прецедентов, судьи, прокуроры, адвокаты, ученые) — каждый в своей сфере — отбирают, воспроизводят, сокращают, комментируют решения по критериям, которые они не объясняют и в отношении которых можно предположить, что они столь же многочисленны, как и особенности перечисленных профессий. И здесь проявляется (как и в континентальной системе права) роль высших судов, которые устанавливают стандарты по прочтению решений, предостерегают от неверных их интерпретаций.

В любой системе права прямо или косвенно обращаются к судебной практике. И доверие к ссылке на судебную практику зависит или от компетентности комментатора, или от его официального положения. Разумеется, не всегда главенствуют только юридические подходы и аргументы. Намерения комментаторов нельзя сбрасывать со счетов. Часто можно наблюдать произвольность комментариев, порождающую сомнение насчет независимости юристов. Между тем дело не только в преднамеренном следовании определенной позиции. Какую бы нейтральную позицию ни занимал комментатор, стремясь рассматривать вопрос только с правовой точки зрения, он не может проигнорировать то обстоятельство, что вопрос права всегда стоит в центре коллизии интересов.

В прошлом юристы откровенно признавали ведущую роль интересов в судебном производстве и нередко прямо занимали пристрастные позиции. В настоящее время доминирует некая «аксиологическая нейтральность», которая, однако, не снимает полностью проблему социальных или экономических интересов.

Обзор специальной литературы по теме

О различных подходах к деятельности по толкованию норм права в истории правовой мысли см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 332—353.

В аспекте изучения теории толкования интересны правила конституционного толкования штата Нью-Йорк, предваряющие конституцию этого штата. Они приводятся в работе: Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 250—252.

Специальная литература по ***толкованию*** правовых норм (здесь следует учитывать то обстоятельство, что проблемы толкования освещаются и в монографиях по правоприменительной деятельности, см. обзор литературы к предыдущей теме):

Абдрасулов Е. Б. Толкование закона и норм Конституции: теория, опыт, процедура: Монография. Алматы, 2002. 400 с. (рецензия: Ащеулов А. Т., Табанов С. А. // Правоведение. 2002. № 4. С. 243—245).

Белоносов В. О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: Монография. Самара, 2006. 205 с.

Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. М., 1997. 128 с. (переиздание работы 1913 г.).

Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. 508 с. (переиздание работы 1901 г.).

Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М., 1948. С. 42—61.

Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.

Вопленко Н. Н. Толкование социалистического права. Волгоград, 1990.

Гаджиев Х. И. Толкование права и закона. М., 2000. 96 с.

Гранат Н. Л., Колесникова О. М., Тимофеев М. С. Толкование норм права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел: Учеб. пособие. М., 1991. 84 с.

Закон: создание и толкование / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998.

Карасев М. Н. Некоторые аспекты толкования норм права // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 17—24.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 4. Интерпретационная юридическая практика: Текст лекций. Ярославль, 1998. 127 с.

Книпер Р. Толкование, аналогия и развитие права: проблемы разграничения судебной и законодательной власти // Государство и право. 2003. № 8. С. 5—9.

Лазарев В. В. О роли доктринального толкования права // Советская юстиция. 1969. № 14. С. 4—5.

Лукашук И. И., Лукашук О. И. Толкование норм международного права. М., 2002. 160 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2002. № 7. С. 125—126).

Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М.: Зерцало, 2004. 234 с. (Русское юридическое наследие).

Насырова Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона: Теория и практика. Казань, 1988. 144 с.

Наумов В. И. Толкование норм права: Учеб. пособие для аспирантов и преподавателей юрид. вузов и фак. М., 1998. 76 с.

Петрушев В. А. Проблемы толкования права в Российской Федерации: Монография. М., 2003. 361 с.

Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. 166 с.; То же. М., 2005. 144 с.

Половова Л. В. Функции интерпретационной практики. Ульяновск, 2002.

Слесарев А. В. Судебно-административное толкование норм гражданского права. СПб., 2005. 364 с.

Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986.

Суслов В. В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6. С. 115—118.

Таева Н. Е. Пределы толкования конституционно-правовых норм Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 12. С. 105—108.

Таева Н. Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации: Монография. М., 2006. 176 с.

Хабибулина Н. И. Язык закона и его толкование. Монография. Уфа, 1996.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие. М., 2003. 361 с.

Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979. 166 с.

Шаргородский М. Д. Толкование уголовного закона // Ученые записки ЛГУ. Серия юридических наук. 1948. Вып. 1. С. 278—331.

Шляпочников А. С. Толкование уголовного закона. М., 1960. 240 с.

Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.

Эрделевский А. М. О проблемах толкования гражданского законодательства // Государство и право. 2002. № 2. С. 21—27.

Об особенностях ***толкования конституции высшими судебными инстанциями*** (в первую очередь ***конституционными судами***) см.:

Абдрасулов Е. Б. Критический анализ опыта толкования Конституции в Республике Казахстан // Правоведение. 2002. № 1. С. 51—62; То же // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 133—143.

Лузин В. В. Методы толкования Конституции в деятельности Верховного суда США // Государство и право. 1997. № 10. С. 90—93.

Половченко К. А. Толкование Конституции (и законов) Конституционными судами России и Украины: теоретические и практические проблемы (Сравнительно-правовой анализ) // Государство и право. 2002. № 10. С 57—63.

Хабриева Т. Я. Процессуальные вопросы толкования Конституции в деятельности Конституционного Суда РФ // Государство и право. 1996. № 10. С. 15—24.

Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998. 245 с. (рецензия: Пряхина Т. М., Эбзеев Б. С. // Государство и право. 1998. № 12. С. 98—100).

Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5—12.

О ***толковании договоров*** см.:

Лушников А. М., Лушникова М. В. О толковании трудового договора // Правоведение. 2005. № 2. С. 62—70.

Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М., 1959. 172 с.

Сарбаш С. В. Некоторые тенденции развития института толкования договора в гражданском праве // Государство и право. 1997. № 2. С. 39—44.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие. М., 2003. 361 с.

ГЛАВА 19

Правонарушение и юридическая ответственность

19.1. Понятие и виды правонарушений

Поведение людей в обществе, урегулированное нормами права, — правовое поведение — может быть правомерным и неправомерным (противоправным). Противоправному поведению, или правонарушению, обычно дают следующее определение.

Правонарушение — это виновное противоправное поведение деликтоспособного лица, влекущее юридическую ответственность.

Таким образом, правонарушение — это *акт поведения людей*, это почти всегда активное действие, но в некоторых случаях и бездействие (например, неоказание помощи, неисполнение должностным лицом возложенных на него служебных обязанностей вследствие халатного к ним отношения, неисполнение условий договора и т.п.). Правонарушения не будет, если, к примеру, гибель людей или имущества вызвана какими-либо природными катаклизмами (наводнение, землетрясение), а не поступками людей.

Правонарушением (а оно потому так и называется) нарушаются нормы права, это *деяние, запрещенное нормами права, противоправное*. Поведение, не соответствующее иным социальным нормам (нравственным, корпоративным либо обычным), не будет являться правонарушением, если оно не запрещено правовыми нормами.

Правонарушение *причиняет вред охраняемым правом общественным отношениям*, ущемляет субъективные права участников правоотношения, т.е. это деяние вредное (иногда говорят — общественно опасное). Если поведение нарушает чьи-то права, не охраняемые правовыми нормами, то такое действие не будет являться правонарушением.

Кроме этих признаков в определении указаны следующие.

Правонарушение — это *виновное* деяние. Лицо должно сознавать, что оно действует противоправно. Если нет этого признака (в силу малолетства, невменяемости либо других обстоятельств), то не будет и правонарушения.

Правонарушение — это деяние лица, способного нести юридическую ответственность, *деликтоспособного лица*. Например, для того чтобы нести ответственность за совершенное преступление, человек должен достичь определенного возраста и быть вменяемым. Гражданское правонарушение может быть совершено не только физическим лицом, но и организацией; деликтоспособность организаций наступает, как правило, с момента учреждения (регистрации).

При совершении правонарушения для лица должны *наступить определенные неблагоприятные последствия* в основном личного или имущественного характера, т.е. оно обязано понести юридическую ответственность.

Юридически значимые признаки правонарушения обобщаются в конструкции «юридический состав правонарушения» (см. параграф 19.1). Правонарушения обычно подразделяют на виды в соответствии со степенью общественной опасности. По этому критерию различаются преступления и проступки.

Преступление — это виновное противоправное поведение, нарушающее нормы уголовного права и наносящее ущерб самым существенным общественным отношениям.

> «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Преступления — наиболее серьезный вид правонарушений, обладающий самой высокой степенью общественной опасности, поэтому их совершение влечет применение мер уголовного наказания. Нормы уголовного права охраняют наиболее важные общественные отношения, поэтому они выделены в специальную отрасль права.

Проступки — это все остальные правонарушения, не признанные преступлениями. Они характеризуются меньшей степенью общественной опасности. Некоторые авторы считают, что общественно опасны только преступления, а проступки — вредны. По этому вопросу не выработано окончательной точки зрения, однако следует иметь в виду, что за отдельные проступки наказание может быть более жестким, чем за отдельные преступления. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что некоторые проступки могут обладать более высокой степенью общественной опасности. Иногда отнесение того или иного деяния к преступлению или к проступку зависит от усмотрения законодателя.

В зависимости от того, в какой сфере жизни проступки были совершены, от вида нарушенных норм права, характера нанесенного вреда и применяемых к нарушителю санкций выделяют следующие их виды.

Гражданские проступки (так называемые деликты) — это правонарушения, наносящие вред урегулированным нормами гражданского права имущественным и связанным с ними личным отношениям, а также отношениям, урегулированным определенными нормами трудового, семейного, аграрного права. В законодательстве не содержится определения и исчерпывающего перечня гражданских правонарушений в отличие от преступлений. Санкции за их совершение носят в основном правовосстановительный характер.

Административные проступки — это правонарушения, наносящие вред общественным отношениям в области государственного управления, которые урегулированы нормами административного, финансового, земельного и некоторых других отраслей права. Административные проступки препятствуют нормальной исполнительной и распорядительной деятельности государственных органов, посягают на общественный порядок, права и законные интересы граждан. Санкции за их совершение носят карательный характер.

Дисциплинарные проступки — это правонарушения, наносящие вред внутреннему порядку деятельности предприятий, учреждений, организаций. Они подрывают служебную, воинскую, производственную дисциплину и мешают нормальному функционированию соответствующих организаций. Санкции за их совершение носят карательный характер.

Относительно классификации правонарушений также существуют различные точки зрения. Обычно называют три указанных выше вида проступков, однако отдельные авторы выделяют в качестве самостоятельной группы конституционные, процессуальные, трудовые и некоторые другие виды проступков.

О понимании и разновидностях противоправного поведения в истории правовой мысли см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.- сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 405—430.

19.2. Юридический состав правонарушения

Юридический состав правонарушения — это совокупность его обязательных признаков (или элементов).

Если какой-либо из элементов будет отсутствовать, не будет и факта правонарушения. Элементы состава правонарушения:

- объект правонарушения;

- объективная сторона правонарушения;
- субъект правонарушения;
- субъективная сторона правонарушения.

Объект правонарушения — это охраняемые правом общественные отношения, которым наносится ущерб. Это субъективные права граждан, организаций, государственных органов или государства в целом. Объект правонарушения — это не вещи, которые похищены, не деньги, которые не возвращены или не уплачены, не документы, которые подделаны, не человек, которого оскорбили или избили. Объектом правонарушения является соответствующее нарушенное субъективное право: право собственника на владение имуществом, право кредитора или продавца на получение денег, право государства на нормальное осуществление государственного управления, право человека на достоинство и личную неприкосновенность и т.д. В уголовном праве объект преступления принято классифицировать на виды: общий, родовой, непосредственный; основной, дополнительный, факультативный.

В литературе высказаны разные точки зрения на объект правонарушения, однако они не получили широкого распространения. Так, под объектом правонарушения понимаются иногда нормы права, наряду с охраняемыми правом общественными отношениями отдельные авторы к объекту правонарушения относят нормы права, нормы морали, правопорядок, акты планирования, договоры.

Объективную сторону правонарушения составляют те элементы противоправного поведения, которые характеризуют его как определенный акт внешнего проявления в объективной действительности. Принято различать обязательные и факультативные признаки объективной стороны правонарушения. К обязательным признакам относятся противоправное деяние, вредные последствия противоправного деяния, а также причинная связь между деянием и его вредными последствиями.

Противоправное деяние. Деяние — это акт человеческого поведения, выраженный в активном действии или пассивном бездействии. Большинство правонарушений совершается посредством действия, которое осуществляется или в форме физического воздействия на людей, животных, предметы материального мира, или в письменной либо устной (словесной) форме, или с помощью жестов (так называемые конклюдентные действия). Бездействием правонарушение может выражаться в том случае, когда на лице либо организации лежала обязанность, предусмотренная соответствующим нормативным актом или заключенным договором, и это лицо либо организация данную обязанность не выполнили — организа-

ция в соответствии с договором не построила объект, врач не оказал помощь больному, должник не возвратил деньги, сторож спал, вместо того чтобы надлежащим образом охранять объект, и т.д.

Следует иметь в виду, что образ мысли, те или иные характеристики личности, если они не выразились в конкретном деянии, сами по себе не могут повлечь юридическую ответственность. А такие случаи в истории известны. Так, по законодательству Циньского Китая (III в. до н. э.) вместе с осужденным за государственную измену карались смертью три ветви родственников: по отцу, матери и жене. В Советском Союзе во времена репрессий 30—50-х гг. многие тысячи людей были наказаны в уголовном порядке за то, что они являлись «членами семьи изменника Родины».

Вредные последствия противоправного деяния. Это тот вред, ущерб, который причиняется противоправным деянием. Вредные последствия могут носить личный, имущественный либо иной характер, они различаются по степени тяжести. Иногда определить вид правонарушения, дать его квалификацию можно только в зависимости от наступивших последствий. Так, несоблюдение установленных правил по технике безопасности, промышленной санитарии, других правил охраны труда, содержащихся в трудовом законодательстве, с учетом тяжести наступивших последствий может повлечь или дисциплинарную, или административную, или уголовную ответственность. В зависимости от размера похищенного по-разному можно квалифицировать кражу.

Причинная связь между противоправным деянием и его вредными последствиями. Причинная связь — это такая связь между явлениями, в силу которой одно из них (причина) с необходимостью порождает другое (следствие). Зачем вводить в перечень обязательных признаков объективной стороны состава правонарушения такой, казалось бы, очевидный элемент, как причинная связь? Здесь следует уяснить основное свойство данной характеристики — необходимость наступления последствий именно вследствие деяния. Возможны ситуации, когда, казалось бы, налицо и противоправное деяние, и вредные последствия, однако причинной (т.е. необходимой) связи между ними не будет.

Существуют особенности объективной стороны различных видов правонарушений. В гражданском праве ответственность наступает только при наличии вредных последствий, здесь необходимы все обязательные признаки объективной стороны состава правонарушения. А в уголовном праве, поскольку его нормы предусматривают ответственность за наиболее опасные для общества деяния, возможно привлечение к ответственности и без наступле-

ния последствий, только за совершенное деяние. Это преступления с так называемым формальным составом, например разбой, оставление в опасности (см. ст. 162, 125 УК РФ).

«Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия, — наказывается...» (ч. 1 ст. 162 УК РФ). «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, — наказывается...» (ст. 125 УК РФ). В первом случае для наличия оконченного преступления не требуется завладения имуществом, а во втором — гибели лица, находящегося в опасности. Все же во многих случаях и в уголовном праве требуется наступление вредных последствий и наличие причинной связи между общественно опасным деянием и его последствиями — это преступления с так называемым материальным составом.

Кроме того, уголовное право знает институты приготовления к совершению преступления, покушения на преступление; таким образом, уголовная ответственность может наступать и за неоконченное деяние.

Административное законодательство России (КоАП РФ) не признает института покушения.

К факультативным признакам объективной стороны обычно относят место, время, способ, обстановку совершения правонарушения. Каждое правонарушение совершается в определенном месте, в определенное время, определенным способом и в определенной обстановке. Эти признаки всегда есть у любого правонарушения. Однако они приобретают юридическое значение, т.е. оказывают влияние на квалификацию противоправного поведения, не во всех случаях, а лишь тогда, когда указаны в гипотезе соответствующей правоохранительной нормы. Поэтому эти признаки и называются факультативными.

Субъект правонарушения — это лицо (или организация), совершившее правонарушение. Особенности субъекта зависят от вида правонарушения.

Так, субъектом преступления может быть только вменяемое (т.е. способное осознавать общественно опасный характер своего деяния) физическое лицо, достигшее установленного возраста привлечения к уголовной ответственности (16, а в некоторых случаях и 14 лет — см. ст. 19, 20 УК РФ). В некоторых случаях необходимы

специальные признаки, которыми должны обладать субъекты преступления, для того чтобы быть привлеченными к уголовной ответственности по отдельным категориям дел (врач — за неоказание помощи больному, см. ст. 124 УК РФ, должностное лицо — за получение взятки, см. ст. 290 УК РФ и т.д.). В некоторых странах предусмотрена ответственность в уголовном порядке не только физических лиц, но и организаций.

Административную ответственность может нести лицо, достигшее 16-летнего возраста (при этом есть особенности административной ответственности несовершеннолетних). В новом законодательстве РФ об административных правонарушениях предусмотрена и административная ответственность юридических лиц.

Субъект дисциплинарного проступка — лицо, находящееся в трудовых или служебных отношениях с предприятием, учреждением, организацией.

Субъекты гражданского правонарушения — физические и юридические лица. Для физических лиц полная гражданско-правовая ответственность наступает с 18 лет (ст. 21 ГК РФ).

Однако в древности и в Средние века не только люди признавались субъектами правонарушения, к юридической ответственности привлекали и животных. Так, сохранились документы почти 200 судебных процессов, которые касались привлечения к ответственности животных (свиней, кротов, пиявок и др.). Следует иметь в виду, что субъектом правонарушения может быть только человек, поскольку только человек способен осознавать характер своих поступков.

Субъективная сторона правонарушения раскрывает психическое отношение субъекта к совершенному деянию и его последствиям, направленность воли правонарушителя. К признакам субъективной стороны относятся вина, мотив и цель. Иногда здесь же говорят об особом психическом состоянии лица, совершившего правонарушение, например о состоянии опьянения, сильного душевного волнения.

Вина — основной признак субъективной стороны правонарушения, это и есть психическое отношение субъекта к деянию и его последствиям. При отсутствии вины, т.е. без осознания противоправного характера своего поведения и его последствий, не будет и правонарушения. Впрочем, и законодательство, и юридическая практика с древнейших времен и до наших дней знали примеры невиновного привлечения к самым жестким мерам ответственности.

Различают умышленную (прямой и косвенный умысел) и неосторожную (самонадеянность (по новому уголовному законодательству — легкомыслие) и небрежность) вину (см. также законодательные определения в ст. 24—26 УК РФ, ст. 2.2 КоАП РФ).

При *прямом умысле* лицо сознавало противоправный характер своего деяния, предвидело его вредные последствия и желало наступления этих последствий. При *косвенном умысле* лицо сознавало противоправный характер своего деяния, предвидело его вредные последствия и сознательно допускало наступление этих последствий.

Самонадеянность характеризуется тем, что лицо предвидело возможность наступления вредных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение. Неосторожность в виде *небрежности* выражается в том, что лицо не предвидело возможности наступления вредных последствий своего деяния, хотя по обстоятельствам дела должно было и могло их предвидеть.

Практический смысл состоит прежде всего в различении умысла и неосторожности. За умышленные правонарушения наказание следует более строгое, чем за неосторожные. Более того, отдельные деяния, совершенные умышленно, будут являться правонарушениями, а аналогичное неосторожное поведение может и не быть правонарушением. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Мотив — это внутренние побуждения, которыми руководствовался субъект при совершении правонарушения. *Цель* — это мысленная модель того результата, которого стремится достичь субъект при совершении правонарушения. И цель, и мотив могут оказывать влияние на квалификацию правонарушения.

Наиболее тщательно все вопросы состава правонарушения разработаны в уголовном праве; представляется возможным достижения в части исследования состава преступления использовать при исследовании и изучении иных видов правонарушений.

В российском законодательстве (равно как и в законодательстве бывшего СССР) иногда можно встретить упоминания о составе правонарушения, однако оно не содержит его определения. Это обстоятельство открывает дорогу научным спорам относительно количества и содержания элементов состава правонарушения. Общепризнанно выделение четырех элементов, но в ряде научных работ 1950—1970-х гг. это положение оспаривалось. Так, предлагалось из состава правонарушения исключить объект и субъект, имея в виду, например, то, что субъект является в соответствии с законодательством предпосылкой ответственности. Нормы права, определяющие правосубъектность лица или организации, содержатся, как правило, обособленно от охранительных норм, устанавливающих меры ответственности за противоправное поведение. Поэтому субъект не может быть частью состава право-

нарушения как состава деяния. Отдельные авторы выносят за рамки состава правонарушения такой важнейший его элемент, как субъективную сторону, в частности вину.

Изучаемая юридическая конструкция — «состав правонарушения» — не есть нечто специфическое, относимое только к противоправным деяниям. Любой человеческий поступок представляет собой единство субъективного (т.е. относящегося непосредственно к человеку) и объективного (т.е. находящегося вне человека, противопоставляемого субъективному). И в противоправном, и в правомерном поведении можно выделить объективные и субъективные элементы. По аналогии с составом правонарушения анализируется состав правомерного поведения: его объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Человеческая деятельность, поступки людей изучаются многими науками. «Состав правонарушения» — это юридическая конструкция, ее элементы, а также содержание этих элементов не полностью совпадают с категориями, применяемыми в иных науках (социологии, психологии и др.), отражая специфику сложившихся в юриспруденции научных традиций.

19.3. Причины правонарушений. Борьба с правонарушениями

Правонарушения — явления для общества крайне нежелательные. Поэтому общество стремится к их ликвидации. Для успешной борьбы с правонарушениями необходимо знать их причины — обстоятельства, наличие которых обусловливает существование правонарушений.

Над причинами правонарушений и путями их устранения философы и юристы задумывались давно, однако и в настоящее время эта проблема далека от своего разрешения. Попробуем тем не менее обозначить самые общие подходы к данному вопросу.

Правонарушения чрезвычайно разнообразны как по видам, так и по тяжести последствий, мотивам совершения и т.д. Вместе с тем они имеют общие признаки, что дает возможность исследовать не только отдельные виды правонарушений, но и всю их совокупность, изучать причины их совершения и бороться с ними. Однако существует только одна наука, изучающая наиболее общественно опасный вид правонарушений — преступления: криминология. Что же касается анализа всей совокупности правонарушений в обществе, то нет не только специальной науки (хотя есть

отдельные работы), но и термина, обозначающего эту совокупность, подобного понятию «преступность», обозначающего совокупность совершающихся в данном обществе преступлений. Предлагаются термины «деликтность», «правонарушаемость», «совокупность правонарушений», но ни один из них в литературе пока не утвердился. Поэтому следует иметь в виду, что, когда мы говорим о причинах правонарушений и о способах борьбы с ними, мы пользуемся преимущественно данными криминологии.

Что же собой представляет эта наука, изучающая преступность как явление? Криминология возникла сравнительно недавно, в конце XIX в. Начальный этап развития криминологии связывается с опубликованием в 1876 г. работы Ч. Ломброзо «Преступный человек». В ней утверждалось, что существуют прирожденные преступники, поведение которых обусловлено биологически. Они обладают специфическими внешними признаками, так называемыми стигматами: асимметрия черепа и лица, скошенный и низкий лоб, массивная нижняя челюсть, оттопыренные уши, косоглазие и др. Если у человека не менее пяти таких признаков, то он относится к преступному типу, является потенциальным преступником. Впрочем, такой примитивный подход был достаточно быстро преодолен. В частности, русские дореволюционные ученые-криминалисты по поводу теории Ч. Ломброзо даже составили каламбур: «Измерить, взвесить и повесить».

В настоящее время в криминологии существует огромное количество школ, различным образом объясняющих причины преступности. Однако нет единой, признаваемой большинством ученых точки зрения на многие ключевые вопросы (в том числе на начальный, каковым является предмет криминологии). В этой науке не выработан единый методологический подход к исследованиям, и даже в рамках одного подхода существует множество различных теорий. Условно все криминологические учения о причинах преступного поведения можно разделить на две большие группы. Это социологические и биосоциальные теории причин преступности.

Социологические теории причин преступности объясняют преступное поведение как результат действия различных социальных, т.е. находящихся в обществе, факторов. Так, сторонники теории «дифференциальной ассоциации» (или многообразия связей) утверждают, что преступление — процесс и результат «обучения» личности в микрогруппах в семье, на улице, в трудовом коллективе и т.д., если в контактах с учетом их частоты и длительности преобладают антиобщественные взгляды или виды поведения.

Биосоциальные теории причин преступности в качестве факторов, порождающих преступное поведение, указывают прежде всего на особенности психики человека. Последователи известного психоаналитика З. Фрейда говорят о том, что человек с рождения биологически обречен на борьбу антисоциальных глубинных инстинктов (агрессивных, половых, страха) с моральными установками личности. Лица, не сумев-

шие удержать подсознательные антисоциальные стремления, и совершают преступления. Теория наследственности объясняет существование преступности заложенной в хромосомах программой предрасположения к антисоциальному поведению, передаваемой по наследству. Сторонники теории конституционального предрасположения утверждают, что антисоциальное поведение человека обусловлено физиологической конституцией человека, так как есть связь между физиологическими особенностями и психологическими чертами личности. Это современный вариант антропологической школы в криминологии, основателем которой был Ч. Ломброзо.

Криминология существовала и получила определенное развитие и в бывшем СССР. Здесь, напротив, был единый методологический подход к общественным явлениям, основанный на марксизме-ленинизме. Поскольку криминология — общественная наука, то и она подверглась деформациям, связанным с гипертрофированным, догматическим пониманием и использованием взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Были сделаны следующие основные выводы. Преступность существовала не всегда. При первобытнообщинном строе ее не было, она появилась с возникновением частной собственности, разделением общества на классы, образованием таких социальных институтов, как государство и право. Преступность — исторически преходящее явление. Это неотъемлемая часть социальной действительности в эксплуататорских общественно-экономических формациях (рабовладельческой, феодальной и буржуазной). Экономически господствующий класс, развращенный частной собственностью, экономической и политической властью, не считается ни с какими запретами и совершает преступления. Отдельные представители эксплуатируемого класса вследствие своей нищеты для улучшения материального положения также вынуждены вести себя неправомерно. Одно из самых тяжких преступлений в обществе, расколотом на классы, — борьба эксплуатируемых масс за политическую власть, сопротивление угнетению.

Для того чтобы ликвидировать преступность как явление, необходимо устранить разделение общества на классы. Это положение обычно подтверждали цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что решение проблемы преступности зависит от пролетарской революции. Уничтожив эксплуататорские классы и порождаемые ими социальные антагонизмы, революция подрубит самый корень преступности (см. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 131, Т. 2. С. 538; цит. по Криминология: Учеб. М., 1988). «...Мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут отмирать» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91).

Советские криминологи говорили о том, что в социалистическом обществе уничтожена социальная база преступлений, что преступления чужды природе социалистического строя и постепенно должны отмереть. Их временное сохранение обусловлено определенными фак-

торами как объективного (трудности строительства нового общества), так и субъективного (существование в сознании части граждан антиобщественных установок, нравственных изъянов) характера. Выделялись и условия, способствующие сохранению и действию этих причин в социалистическом обществе: упущения в воспитательной работе, недостатки в хозяйственно-организаторской деятельности, несовершенство законодательства, недостатки в работе правоохранительных органов, влияние идеологического воздействия капиталистического мира и т.д. Однако в социалистическом обществе все противоречия носят неантагонистический характер и постепенно преодолеваются с укреплением материальной базы общества, повышением уровня жизни и культуры общества, совершенствованием правового регулирования и деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, понятна сложность и дискуссионность вопроса о причинах правонарушений. Актуальность и важность его обусловлена тем, что знание факторов, вызывающих противоправное поведение, определяет и средства их устранения. В самом общем плане можно указать на основное концептуальное понимание причин правонарушений, сложившееся в отечественной юридической науке, но не только в последние годы. Человек — существо биосоциальное, т.е. одновременно и биологическое, и общественное, поэтому правонарушение вызывается факторами как биологического, так и социального характера. Считается, что решающее значение при этом имеют социальные факторы. «Многолетние — отечественные и зарубежные — исследования убедительно показали, что правонарушение, т.е. нарушение нормы права вменяемым человеком, способным нести ответственность за свои действия, в принципе имеет ту же общую социальную природу, что и любой иной человеческий поступок. Социальное начало в любом сознательном поведении превалирует, глубоко переплетаясь с биологическими элементами функционирования человеческого организма» (Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учеб. М., 1995. С. 173).

Один из вариантов осмысления в теоретической юридической науке проблемы причин правонарушений содержится в издании: Общая теория права: Учеб. / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 450—455. В нем говорится о том, что следует разграничивать причину, условия и поводы правонарушения. Причина правонарушений — это негативное явление, их вызывающее. Условия правонарушений — это отрицательные обстоятельства, формирующие причину, влияющие на нее. Поводы — это отрицательные обстоятельства ситуативного характера, являющиеся толчком, стимулом для действия причины (обида, ревность, благоприятная ситуация,

невнимательность либо вызывающее поведение потерпевшего и т.д.). Поводы провоцируют совершение правонарушения. Причина правонарушений — это стремление лица удовлетворить или проявить противоправным способом свои интересы, стремления, эмоции. Эта причина сопутствует всем правонарушениям в любое время, в любом обществе. Она существует объективно, так как объективны противоречия общественного развития. Условия правонарушений, формирующие причину, усиливающие или ослабляющие ее действие, крайне разнообразны, зависят от конкретной социальной действительности того или иного общества. Можно говорить о следующих возможных условиях правонарушений: низкий уровень материальной жизни населения, кризис морали, низкий уровень правовой культуры граждан, различные виды отклоняющегося поведения (речь идет прежде всего об алкоголизме и наркомании), несовершенство законодательства, недостаточно эффективная работа правоохранительных органов и др. Таким образом, причины и условия правонарушений — это система негативных социальных явлений, детерминирующих правонарушаемость как свое следствие.

Борьба с правонарушениями включает в себя два основных направления — предупреждение совершения правонарушений и последовательную реализацию юридической ответственности за уже совершенные правонарушения. Для того чтобы предупреждать правонарушения, необходимо воздействовать на их причины. Поскольку последние коренятся в самом обществе, для их устранения необходим комплекс не только специально-юридических (правотворчество, правоприменительная деятельность правоохранительных органов), но и социальных мероприятий. Для успешной борьбы с правонарушениями необходимо представлять их состояние и тенденции развития. Необходимо также определить объем усилий как материального, так и нематериального характера, которые должно тратить общество, государство на борьбу с правонарушениями.

На VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями стратегии (меры) борьбы с преступностью были разделены на косвенные и прямые. К косвенным были отнесены те меры, которые направлены в целом на улучшение образа жизни населения, решение социальных и экономических проблем. Это обеспечение занятости, необходимых жилищных условий, питания, образования, пенсионного обеспечения, создание условий для полезного проведения свободного времени, особенно молодежью, сокращение безработицы. Сюда же относится создание социальных программ, направленных на обеспечение финансовой и иной помощи лицам, находящимся в тяжелом материальном положении, в том числе бывшим правонарушителям, освобожденным из мест заключения.

К прямым стратегиям (или к специальным мерам борьбы с преступностью) VII Конгресс ООН отнес следующие: а) уменьшение практических возможностей для совершения преступлений (т.е. устранение технических и организационных условий, способствующих деятельности преступников: охрана помещения, улучшение уличного освещения, патрулирование полицейских, использование охранной сигнализации и т.п.); б) воспитательно-предупредительная и информационная работа с населением, в том числе учащимися (информация о мерах по предупреждению преступности и о работе правоохранительных органов, правовое воспитание; пропагандистские мероприятия с использованием средств массовой информации); в) вмешательство в кризисные ситуации (от простого совета по телефону до предоставления жилья, устройства на работу, решения острых или затянувшихся конфликтов); г) привлечение общественности к борьбе с преступностью (создание общественных и смешанных государственно-общественных органов для профилактической работы; воспитание в чужих семьях детей из неблагополучных семей; создание общественных органов для разрешения споров (типа советов старейшин или товарищеских судов); привлечение к профилактической деятельности женских и молодежных организаций); д) оказание помощи жертвам преступлений (государственная компенсация, моральная и социальная поддержка) (см.: Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 255—256).

19.4. Понятие и виды юридической ответственности

Вопросы, связанные с пониманием юридической ответственности, являются дискуссионными в теории права. Существует множество определений, и высказанные точки зрения иногда непросто сопоставить между собой. В общем плане можно говорить о двух наиболее распространенных вариантах понимания юридической ответственности.

Юридическая ответственность — 1) это предусмотренная правовыми нормами обязанность субъекта права претерпевать неблагоприятные для него последствия правонарушения; 2) это мера государственного принуждения за совершенное правонарушение, связанная с претерпеванием виновным лишений личного (организационного) или имущественного характера.

Предложенные определения отнюдь не взаимоисключают друг друга, они вполне согласуются и оба имеют право на существование. В зависимости от подхода можно понимать юридическую ответственность или как обязанность претерпеть неблагоприятные последствия, или как одну из мер государственного принуж-

дения. Уточняя указанные в определении признаки юридической ответственности, обычно устанавливают следующее.

1. Юридическая ответственность является *одним из средств борьбы с правонарушениями*, обеспечения правомерного поведения. Наиболее желательный для общества вариант, и об этом уже неоднократно говорилось, добровольное, сознательное соблюдение, исполнение и использование норм права. Угроза реализации юридической ответственности и связанные с этим неблагоприятные последствия — это также важный фактор в обеспечении правомерного поведения членов общества.

2. Юридическая ответственность *связана с государственным принуждением*. Государственное принуждение — это возможность государства обязать субъекта помимо его воли и желания совершать определенные действия (в этом проявляется суверенитет государства). При наличии факта правонарушения государство обязывает лицо (или организацию) претерпевать определенные неблагоприятные последствия.

Термин «государственное принуждение» неоднократно употреблялся в предыдущих главах, когда говорилось о признаках государства, об аппарате государства, о признаках права и норм права и в некоторых других. Как соотносятся между собой понятия «государственное принуждение» и «юридическая ответственность»? Равнозначны ли они? Может ли государственное принуждение выходить за рамки юридической ответственности? Поставленные вопросы неоднократно дискутировались в юридической науке, предлагались различные варианты ответов. Наиболее предпочтителен следующий: государственное принуждение и юридическая ответственность соотносятся между собой как целое и часть (первое понятие включает в себя второе). Определенные меры государственного принуждения (т.е. возложение обязанностей без согласия другой стороны) могут применяться не только за совершенное правонарушение, но и в некоторых других случаях. Таким образом, юридическую ответственность как один из видов государственного принуждения следует отличать от других мер — предупредительного воздействия, пресечения противоправного поведения, защиты.

Меры предупредительного воздействия — это разновидность мер государственного принуждения, применяемых для предупреждения возможных правонарушений, а также используемых с целью обеспечения общественной безопасности при стихийных бедствиях, крупных промышленных авариях. Это, например, проверка документов, таможенный досмотр, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (возложение обязанности являться в органы

милиции, уведомлять их о перемене места работы или жительства и т.д.), прекращение либо ограничение движения транспорта и пешеходов при возникновении угрозы безопасности движения и т.д.

Меры пресечения — это разновидность мер государственного принуждения, применяемых для прекращения противоправных действий или предотвращения их вредных последствий. Меры пресечения, в отличие от мер предупреждения, применяются только при наличии правонарушения. Это, к примеру, привод и официальное предостережение лиц, допускающих антиобщественное поведение, не повлекшее за собой юридической ответственности, изъятие имущества (в частности, холодного и огнестрельного оружия, радиопередатчиков, если нет разрешения на владение ими), административное задержание лиц, совершивших административные проступки, арест, наложение ареста на имущество и т.п.

Меры защиты (восстановительные меры) — это разновидность мер государственного принуждения, применяемых для восстановления нормального состояния правоотношений путем побуждения субъектов права к исполнению возложенных на них обязанностей. К мерам защиты относятся признание сделки недействительной с возвращением сторон в первоначальное имущественное положение, взыскание долга, возмещение вреда, понесенного при спасании имущества государственных и общественных организаций, взыскание алиментов, восстановление на работе лиц, уволенных незаконно, удержание ошибочно выплаченных работнику сумм, взыскание налогов, отмена незаконного нормативного правового или правоприменительного акта.

Меры защиты иногда отождествляются с мерами юридической ответственности. Определенные основания для этого есть: ведь меры защиты могут применяться и в качестве реакции на совершенное правонарушение вместо мер юридической ответственности (например, взыскание денежных сумм с должника вследствие неисполнения договора займа, т.е. за гражданский проступок). Однако меры защиты применяются за правонарушения, обладающие минимальной степенью общественной опасности, а также в отдельных случаях и при отсутствии противоправных деяний (например, возмещение вреда, понесенного при спасании имущества государственных и общественных организаций).

Меры защиты заключаются в том, что лицо принуждается к исполнению лежащей на нем обязанности, которую ранее оно должно было исполнить, но не исполнило. Дополнительных лишений, помимо исполнения обязанности, в этом случае для лица не наступает (например, при взыскании алиментов удерживаются суммы, которые лицо должно было выплатить добровольно). А юридическая ответственность связана с возложением на правонарушителя обязанности, не существовавшей до правонарушения (см.: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 294—295). По своей основной направленности меры юридической ответственности обращены прежде всего к правонарушителю, их главная функция — карательная. Меры защиты направлены не столько на правонарушителя, сколько на

обеспечение, восстановление интересов управомоченного лица, их основная функция — защита соответствующих субъективных прав.

Разграничение мер защиты и мер юридической ответственности имеет практическое значение прежде всего для деятельности правотворческих органов. С целью адекватного правового регулирования общественных отношений требуется четко определить, за какое поведение следует устанавливать меры защиты, за какое — меры ответственности, в каких случаях возможно применение и тех и других.

1. Юридическая ответственность возникает только *на основе норм права*. Меры юридической ответственности содержатся в санкциях правоохранительных норм.

2. Юридическая ответственность возникает лишь *за совершенное правонарушение*. Необходимо, чтобы присутствовали все элементы состава правонарушения. Правонарушение выступает в качестве юридического факта, оно предусмотрено гипотезами правоохранительных норм. В санкциях, как уже говорилось, содержатся меры юридической ответственности.

3. Юридическая ответственность характеризуется определенными *лишениями* личного (организационного) или имущественного характера, которые виновный обязан претерпеть, т.е. понести определенное наказание. Здесь возникает вопрос о соотношении понятий «юридическая ответственность» и «наказание». Что содержится в санкциях правоохранительных норм: меры ответственности или меры наказания? Ранее на этот аспект проблемы внимание не обращалось. В законодательстве — уголовном, уголовно-процессуальном, административном, гражданском и т.д. — понятия «ответственность» и «наказание» достаточно последовательно не разграничиваются. Во многом благодаря этому и в научной литературе существуют различные точки зрения на соотношение ответственности и наказания. Считают, что эти понятия равнозначны; что они соотносятся между собой как целое и часть; что ответственность — это обязанность претерпеть неблагоприятные последствия правонарушения, а наказание — это форма реализации данной обязанности, причем форма наиболее последовательная (имелось в виду, к примеру, то, что было возможно привлечение лица к уголовной ответственности с освобождением от наказания — здесь формой реализации ответственности выступало государственное осуждение). Решение вопроса о том, какой вариант избрать, зависит от подхода к проблеме, от понимания юридической ответственности. Все эти варианты имеют право на существование, поскольку каждый в какой-то мере отражает объективную реальность.

4. Совершение правонарушения и последующая реализация юридической ответственности *связаны с государственным и обще-*

ственным осуждением. Государственное осуждение выражается в вынесении в отношении лица (либо организации), совершившего правонарушение, соответствующего правоприменительного акта. В большинстве случаев наличие общественного осуждения также не вызывает возражений. Почти всегда лицо, нарушая норму права, нарушает и соответствующую норму морали, нравственное предписание. Поэтому наряду с юридической ответственностью перед государством лицо несет и нравственную ответственность перед обществом, которая выражается в общественном осуждении. Иногда общественное осуждение может иметь и юридическое значение.

Необходимо помнить о том, что юридическая ответственность, наступающая за нарушение норм права, — это разновидность социальной ответственности, наступающей за нарушение различных социальных норм (права, морали, обычаев, корпоративных норм). Соотношение данных понятий — социальной и юридической ответственности — это соотношение общего и особенного.

Изучение проблем юридической ответственности представляет определенную сложность, поскольку ни в учебной, ни в научной юридической литературе, ни в законодательстве нет последовательной позиции относительно многих спорных вопросов.

Не вызывает обычно затруднений определение юридической ответственности как меры государственного принуждения. Немного сложнее понимание этого явления как обязанности претерпеть определенные лишения. Развивая данную точку зрения, юридическую ответственность иногда определяют как правоотношение. Вспомним гл. 16: если есть обязанность кого-то перед кем-то, то такое состояние называется правоотношением. Субъектами этого специфического правоохранительного правоотношения являются, с одной стороны, государство в лице его компетентных органов, которые имеют право привлечь правонарушителя к ответственности, а с другой — лицо (либо организация), совершившее правонарушение, которое обязано претерпеть определенные лишения. Для всех этих вариантов понимания юридической ответственности есть определенные основания.

Еще один спорный вопрос: разделение юридической ответственности на перспективную и ретроспективную. В научной литературе эта проблема дискутируется достаточно давно, и поскольку в последнее время она получила освещение и в некоторых учебниках по теории государства и права, рассмотрим ее подробнее.

В законодательстве термин «ответственность» употребляется в различных смыслах. В качестве примера приведем нормы Конституции Республики Беларусь: «Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций... несут *ответственность* за действия, нарушающие права и свободы личности»

(ст. 59). «Государство *ответственно* перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин *ответствен* перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией» (ч. 2 ст. 2).

В первом случае речь идет о собственно юридической ответственности, во втором же под ответственностью подразумевается несколько иное явление правовой действительности.

В Конституции РФ таких норм нет, и вообще формулы о «позитивной» ответственности Президента РФ, Правительства РФ, граждан в российском законодательстве встретишь не часто. Однако, например, в Федеральном конституционном законе от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» указано: «Федеральные министерства и иные федеральные органы исполнительной власти подчиняются Правительству Российской Федерации и ответственны перед ним за выполнение порученных задач». Встречаются нормативные положения о «результативности деятельности федеральных органов исполнительной власти, ответственных за реализацию... мероприятий». Таким образом, законодательству РФ понятие «перспективной» («позитивной») ответственности не чуждо.

Вообще сам термин «ответственность» можно рассматривать как минимум в двух значениях: как ответственность за уже совершенные негативные действия и как ответственность за совершение каких-либо действий в будущем, как чувство долга. Такое двоякое понимание ответственности отдельные авторы пробуют перенести и в правовую сферу и говорят и о так называемой *ретроспективной* юридической ответственности — за уже совершенные в прошлом противоправные действия, что и было рассмотрено в данном параграфе, и о *позитивной*, перспективной юридической ответственности, ответственности за будущие действия, понимаемой как осознание своего поведения в правовой сфере, его последствий и социальной значимости, как чувство долга, как обязанность субъектов права действовать в рамках правовых предписаний. Это ответственность, связанная с активными правомерными действиям, иногда ее понимают как общественное отношение, характеризующее взаимосвязь индивида и общества. Более того, подчеркивают, что без исследования позитивного аспекта юридической ответственности изучение последней будет неполной, эти два аспекта диалектически взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

Имеет ли разделение юридической ответственности на ретроспективную и перспективную право на существование? С какой-то точки зрения да, поскольку оно определенным образом отражает реальную правовую действительность. Однако юридической ответственностью в специальном, юридическом смысле можно называть только ответственность за совершенные противоправные деяния. Для того чтобы исследовать явление, называемое «перспективной (позитивной) юридической ответственностью», необходимо переработать понятийный аппарат (поскольку два совершенно различных правовых явления называются примерно одинаково!) и рассматривать все связанные с ним вопросы

не вместе с юридической ответственностью, а, например, в связи с правомерным поведением.

Юридическая ответственность может быть разделена на виды, т.е. классифицирована, по различным основаниям. По *форме осуществления* различают ответственность, осуществляемую в судебном, административном, ином порядке. Следует иметь в виду, что меры уголовной ответственности могут быть назначены только судом. По *органам государства*, которые возлагают юридическую ответственность, выделяют: юридическую ответственность, возлагаемую законодательными органами государства; юридическую ответственность, возлагаемую исполнительно-распорядительными (административными) органами государства; юридическую ответственность, возлагаемую судебными и иными юрисдикционными органами государства. Последний вид реализации ответственности представляется наиболее последовательным, поскольку он осуществляется в специальных процедурах, содержащих гарантии соблюдения принципов юридической ответственности.

Самая распространенная классификация юридической ответственности — в зависимости от того, нормы какой отрасли права нарушаются, какой *вид правонарушения* совершен. По этому критерию различают следующие виды юридической ответственности.

Уголовно-правовая ответственность — ответственность, применяемая к лицу за совершение преступления — деяния, предусмотренного нормами уголовного права. Поскольку преступления — наиболее серьезный вид правонарушений, меры ответственности здесь также самые строгие (см. ст. 43, 44 УК РФ).

Административно-правовая ответственность наступает за совершение административных проступков — деяний, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях (виды административных наказаний см. в ст. 3.2 КоАП РФ).

Гражданско-правовая ответственность наступает за совершение гражданского проступка и состоит в применении мер воздействия, имеющих, как правило, имущественный характер. Различают договорную и недоговорную гражданско-правовую ответственность. Некоторые меры гражданско-правовой ответственности: принудительное исполнение соответствующей обязанности, возмещение убытков, неустойка (штраф, пеня) (ст. 330, 393—398 ГК РФ).

Материальную ответственность несут стороны трудового договора за материальный ущерб, причиненный другой стороне. Материальная ответственность может быть полной или ограниченной (см. разд. XI ТК РФ). Иногда эту разновидность юридической ответственности не выделяют в качестве самостоятельной.

Дисциплинарная ответственность наступает за дисциплинарный проступок, т.е. за нарушение трудовой, воинской, служебной дисциплины. Ее отличительная особенность состоит в том, что лицо, к которому применяется дисциплинарная ответственность, подчинено по службе, работе органу, применившему ту или иную меру взыскания. В случае наложения, к примеру, административного наказания отношения подчиненности отсутствуют. Выделяют три вида дисциплинарной ответственности: в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка; в порядке подчиненности; в соответствии с дисциплинарными уставами, действующими в некоторых министерствах и ведомствах (например, в министерстве обороны, внутренних дел). За дисциплинарный проступок могут быть применены следующие меры ответственности: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям (ст. 192 ТК РФ). Для отдельных категорий работников могут быть предусмотрены и другие виды дисциплинарных взысканий. В соответствии с дисциплинарными уставами органов внутренних дел на лиц рядового и начальствующего состава могут налагаться следующие взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, лишение нагрудного знака органов внутренних дел, исключение из Книги почета, понижение в должности, понижение в специальном звании на одну ступень, увольнение из органов внутренних дел и др.

19.5. Реализация юридической ответственности

В этом параграфе будут рассмотрены понятия и категории, с которыми связывается реализация юридической ответственности: основания юридической ответственности, цели, функции и принципы юридической ответственности.

Основания юридической ответственности. Юридическая ответственность может быть назначена лишь при наличии определенных правовых и фактических оснований. Такими основаниями являются:

- норма права, предусматривающая возможность применения мер ответственности за противоправное деяние;
- совершение правонарушения, юридически значимые признаки которого отражает конструкция «состав правонарушения». Правонарушение является юридическим фактом и влечет возникновение охранительных правоотношений;

■ правоприменительный акт, которым конкретизируется охранительная норма права, определяется конкретный вид и мера юридической ответственности (приговор суда, постановление о наложении административного взыскания и т.п.).

Выделение оснований юридической ответственности зависит от ее понимания (см. предыдущий параграф), от определения момента ее возникновения.

Если юридическая ответственность — это обязанность претерпеть определенные лишения, то она может возникать или с момента совершения правонарушения, или с момента выявления правонарушителя (т.е. того, кто должен нести соответствующую обязанность) и применения к нему связанных с его противоправным поведением ограничений, или же с момента вынесения правоприменительного акта. На этот счет существуют разные точки зрения. В первых двух случаях основаниями юридической ответственности будут являться только норма права и факт совершения правонарушения, правоприменительный акт, в котором указаны конкретный вид и мера наказания, выступает в качестве основания не возникновения, а реализации юридической ответственности. В третьем случае и правоприменительный акт — основание возникновения юридической ответственности.

Если же мы говорим о юридической ответственности как о мере государственного принуждения, применяемой компетентными государственными органами к правонарушителю, то тогда она возникает с момента вынесения правоприменительного акта, и среди необходимых оснований ее возникновения указывают на норму права, факт совершения правонарушения и правоприменительный акт.

Указанные выше основания юридической ответственности являются теоретическими, научными. В то же время следует иметь в виду, что существует и законодательное определение оснований ответственности, к примеру, в уголовном праве. Статья 8 УК РФ называется «Основание уголовной ответственности»; она гласит: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Иногда говорят об основании юридической ответственности в философском аспекте, анализируя соотношение понятий «свобода» и «ответственность». Необходимой предпосылкой всякой, в том числе юридической, ответственности является наличие личной свободы — свободы выбора вариантов поведения. Но чем шире рамки свободы человека, тем большая ответственность налагается на него за нарушение этих рамок. Таким образом, свобода и ответственность неразрывно связаны между собой (см.: Уголовное право: Общая часть: Учеб. / Под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М., 1994. С. 58—59).

Цели юридической ответственности. Категория «цель» в данном случае показывает назначение юридической ответственности в обществе. Обычно говорят о том, что юридическая ответственность преследует две цели: защиту правопорядка и воспитание граждан. Эти цели конкретизируются в *функциях юридической ответственности*, причем их содержание различно в зависимости от вида ответственности. Называют следующие функции юридической ответственности: карательную (или штрафную), правовосстановительную (она присуща прежде всего имущественной ответственности, призвана компенсировать потери потерпевшей стороны, восстановить ее права); воспитательную; предупредительную (или превентивную, причем здесь выделяют частную и общую превенцию). Цели и функции иногда не различают и говорят о целях как о перечисленных выше функциях.

Принципы юридической ответственности:

1) законность. Этот принцип конкретизируется следующими требованиями: юридическая ответственность должна наступать только за деяние, являющееся противоправным, т.е. запрещенное нормами права; неблагоприятные последствия для лица могут наступать только в пределах, установленных нормами права для данного вида правонарушения; при привлечении к юридической ответственности должны соблюдаться требования процессуальных правовых норм;

2) неотвратимость: ни одно правонарушение не должно оставаться безнаказанным;

3) справедливость. Необходимо иметь в виду следующее: ответственность должна соответствовать тяжести правонарушения; за одно правонарушение лицо подлежит юридической ответственности только один раз (хотя одновременно могут быть применены несколько видов наказания, например, лишение свободы с конфискацией имущества); нельзя вводить жестокие меры наказания или меры наказания, унижающие человеческое достоинство; закон, устанавливающий юридическую ответственность, не может иметь обратной силы;

4) целесообразность. Она обычно рассматривается как соответствие меры наказания целям юридической ответственности. Необходимо помнить об индивидуализации применяемых мер наказания в зависимости от конкретных обстоятельств и тяжести правонарушения, личности правонарушителя; возможны смягчение мер наказания или вообще неприменение последних, если цели юридической ответственности могут быть достигнуты

иным путем. Вынесение наиболее целесообразного в каждом конкретном случае решения обеспечивается тем, что:

— санкции правоохранительных норм права имеют, как правило, относительно-определенный или альтернативный характер, т.е. оставляют свободу выбора;

— в законодательстве установлены обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (см., например, ст. 61—64 УК РФ, ст. 4.2 и 4.3 КоАП РФ);

— в законодательстве установлены основания освобождения от ответственности. Наиболее тщательно этот институт разработан в уголовном праве, причем здесь различается освобождение от уголовной ответственности с постановлением оправдательного приговора и освобождение от наказания с привлечением к уголовной ответственности и постановлением обвинительного приговора (см. ст. 75—78, 79—83 УК РФ, ст. 2.9 КоАП РФ).

Принципы указывают нам черты идеальной модели юридической ответственности, к которой надо стремиться; правоприменительной практике известны разные варианты проведения в жизнь указанных принципов.

Концептуальные проблемы понимания и реализации юридической ответственности нашли отражение во многих классических произведениях политической и правовой мысли (см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 431—470).

Обзор специальной литературы по теме

Примерно до начала 1960-х гг. в теории государства и права правонарушение рассматривалось лишь в качестве юридического факта, влекущего возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Не было серьезных попыток проанализировать данное явление, хотя в отраслевых юридических дисциплинах, прежде всего в уголовном и административном праве, и до этого имелись специальные научные исследования. Затем, примерно с 1960-х гг., проблеме правонарушений стало уделяться более пристальное внимание. Тогда появились первые научные работы, написанные учеными-теоретиками, а в учебной литературе по теории государства и права стали выделяться отдельные главы и параграфы, посвященные правонарушениям. Специальные источники по проблеме ***правонарушений***:

Блажко П. К. Совокупность правонарушений по советскому праву. Понятие и юридическое значение. Казань, 1988. 99 с.

Васильев Э. А. Общественная опасность — основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4. С. 84—90.

Ведяхин В. М., Галузин А. Ф. К вопросу о понятии правонарушения // Правоведение. 1996. № 4.

Ковалев Л. М. Правонарушение и закон // Правоведение. 1991. № 1.

Кожевников С. Н. Правомерное поведение и правонарушение. Сущность и содержание: Учебно-метод. пособие. Н. Новгород, 2001. 71 с.

Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. 2005. № 3. С. 58—74.

Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.

Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978.

Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978.

Маштаков И. В. Проблемы теории правонарушения: Монография. Самара, 2005. 159 с.

Погодина И. В., Попова З. В. О понятии и составе процессуального правонарушения как основания применения процессуальной санкции // Правоведение. 2007. № 4. С. 117—126.

Поцелуев Е. Л. Виды правонарушений в современной учебной литературе по теории права: критический анализ // Правоведение. 2004. № 5. С. 244—257.

Поцелуев Е. Л. Понятие виды в российской дореволюционной энциклопедии права // Правоведение. 2007. № 5. С. 184—193.

Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 156 с.

Проблемы теории правонарушений. Воронеж, 1990.

Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

Федотов А. В. Виды причинной связи между деянием и наступившими вредными последствиями // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 92—100.

Некоторая литература по криминологическим проблемам — ***причины правонарушений, борьба с правонарушениями*** (см. также учебную литературу по криминологии):

Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 143 с.

Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. 181 с. (рецензия: Павлова О. К. // Государство и право. 1993. № 2. С. 149—151).

Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1986.

Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. 352 с.

Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006. 110 с.

Ли Д. А. Преступность в России: системный анализ. М., 1997. 192 с.

Ли Д. А. Преступность в структуре общества. М., 2000. 153 с.

Лунеев В. В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95—100.

Лунеев В. В. К проекту закона о предупреждении преступности // Государство и право. 1996. № 11. С. 38—48.

Лунеев В. В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10. С. 26—41.

Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Монография. М., 1997; То же. М., 2005. 912 с. (рецензия: Ольков С. Г. // Государство и право. 2006. № 3. С. 121—125).

Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. 2007. 272 с.

Ольков С. Г. Принципиальное решение проблемы преступности. Тюмень, 1997. 28 с.

Ольков С. Г. Философия преступности. Тюмень, 1994. 93 с.

Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Под ред. В. Н. Бурлакова и др. СПб., 2001. 359 с.

Значительно количество источников по проблемам ***юридической ответственности*** см.:

Авдеенкова М. П. Система юридической ответственности в современной России // Государство и право. 2007. № 7. С. 25—32.

Актуальные проблемы юридической ответственности: Сб. ст. Тюмень, 2000. 87 с.

Астемиров З. А. Понятие юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 6.

Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4.

Базылев Б. Т. Юридическая ответственность: теоретические вопросы. Красноярск, 1985.

Барков А. В. Неотвратимость ответственности за правонарушение: теория, практика, закон // Право и демократия. Вып. 4. Минск, 1991. С. 87—96.

Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении: политологические аспекты. М., 1990.

Бернштейн Д. И. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути ее обеспечения. Ташкент, 1989.

Богданова Е. Е. Субсидиарная ответственность: проблемы теории и практики. М., 2003. 108 с.

Богданова М. С. О понимании юридической ответственности в современных условиях // Юрист. 1997. № 7.

Бондарев А. С. Юридическая ответственность — исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133—144.

Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность: очерк теории. М., 1976. 216 с.; То же. М., 2001. 208 с.

Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: РАП, 2008. 324 с.

Волков Б. С. Нравственные начала в назначении наказания // Правоведение. 2000. № 1. С. 121—127.

Вопленко Н. Н. О понятиях «вид» и «подвид» юридической ответственности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2(6). С. 41—53.

Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Юридическая ответственность: Учеб. пособие. М., 2005. 685 с.

Духно Н. А., Ивакин В. И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. 2000. № 6. С. 12—17.

Иванов А. А. Индивидуализация юридической ответственности: Учеб. пособие. М., 2004. 63 с.

Кабанов П. А. Карательная функция в системе функций юридической ответственности: Монография. Тольятти, 2004. 2004. 186 с.

Кожевников О. А. Юридическая ответственность в системе права: Монография. Тольятти, 2003. 125 с.

Краснов М. А. Юридическая ответственность — целостное правовое явление // Советское государство и право. 1984. № 3.

Кроткова Н. В. «Круглый стол»: «Свобода и ответственность» // Государство и право. 2007. № 3. С. 109—127.

Крусс В. И. Конституционное правопользование и юридическая ответственность // Государство и право. 2007. № 6. С. 13—20. № 7. С. 17—24.

Лазарев В. М., Федорова В. Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (Проблемы методологии и теории взаимосвязи): Монография. Волгоград, 2005. 131 с.

Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1963.

Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву: теоретические проблемы. М., 1986. 240 с.

Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р. Л. Хачатурова. СПб., 2003. 387 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004. 402 с.

Липинский Д. А. Принципы и правоотношения юридической ответственности: Монография. М., 2003. 231 с.

Липинский Д. А. Формы реализации юридической ответственности / Под ред. Р. Л. Хачатурова. Тольятти, 1999. 144 с.

Лучин В. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 30—49. № 2. С. 9—29.

Лучков В. В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: Монография. Тольятти, 2004. 167 с.

Максимов И. В. Концепция позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. 2006. № 8. С. 29—37.

Малаш Т. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности: Учеб. пособие. М., 1999.

Малеин Н. С. Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. № 6. С. 23—32.

Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992.

Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Правоведение. 2000. № 6. С. 152—169.

Марченко М. Н. Проблемы юридической и социально-политической ответственности бизнеса // Государство и право. 2007. № 11. С. 5—11.

Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности. Тольятти, 2001. 202 с.

Назаров Б. Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10.

Овсепян Ж. И. Юридическая ответственность и государственное принуждение: общетеоретическое и конституционно-правовое исследование: Монография. Ростов н/Д., 2005. 275 с.

Ольков С. Г. Общая теория наказаний в свете общей теории юридической ответственности и общей теории политических режимов // Государство и право. 2007. № 8. С. 55—61.

Петелин А. И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе: Учеб. пособие. Омск, 1976.

Поцелуев Е. Л. Ретроспективная юридическая ответственность: понятие, признаки, основания, принципы, цели, функции, виды и стадии: Текст лекций. Иваново, 2004. 59 с.

Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих / Л. А. Морозова // Государство и право. 2000. № 3—4.

Проблемы юридической ответственности: Сб. науч. трудов / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2006.

Радько Т. Н. Презумпция невиновности и юридическая ответственность: Лекция. М., 2001. 31 с.

Рыбаков В. А. Позитивная юридическая ответственность: воспитательные аспекты. Рязань, 1988. 46 с.

Самощенко И. С, Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.

Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974.

Сапрунов А. Г. Механизм реализации профилактической функции наказания: Учеб. пособие. М, 1998. 89 с.

Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. 120 с.

Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. 459 с.

Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.

Тархов В. А. О юридической ответственности. Саратов, 1978.

Тепляшин П. В. Принципы философии наказания и тюрьмоведения Уильяма Палея // Государство и право. 2005. № 2. С. 112—114.

Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1995.

Федорова В. Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2007. № 9. С. 87—92.

Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995.

Хомич В. М. Социальная ответственность и право // Право и демократия. Вып. 2. Минск, 1989. С. 19—31.

Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105—109.

Черныш А. М. Политическая ответственность в системе социалистического народовластия. Харьков, 1987.

Чирков А. П. Ответственность в системе права: Учеб. пособие. Калининград, 1996.

Чухвичев Д. В. Свобода личности и юридическая ответственность // Государство и право. 2005. № 3. С. 103—108.

Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998.

Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: Труды по правоведению / Отв. ред. П. А. Варул, И. А. Ребане // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 852. Тарту, 1989. 224 с.

Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Кучинского и Э. А. Саркисовой. Минск, 1996. 115 с.

Ячменев Ю. В. Юридическая ответственность и ее виды в современной учебной литературе: критический анализ // Правоведение. 2001. № 1. С. 247—249.

В 1990-е гг. в отечественной юридической науке дискутируются относительно новые проблемы ***возмещения морального вреда***, переиздана одна из дореволюционных работ, см.:

Адаменко В. Д. Моральный вред в уголовном деле. Кемерово, 1998.

Беляцкин С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 1996. 76 с.; То же. М., 2005. 64 с. (переиздания работы 1913 г.).

Боер А. А. Институт морального вреда в истории права. СПб., 1999. 27 с.

Васильева М. И., Яковлева О. А. Особенности компенсации морального вреда, причиненного радиационным загрязнением окружающей природной среды (по материалам судебного дела) // Государство и право. 1998. № 3. С. 38—42.

Голубев К. И., Нарижный С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2000. 295 с.

Малеин Н. С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3.

Нарижный С. В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. М.; СПб., 2001. 279 с.

Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2000. 236 с; То же. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. 256 с.; То же. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 320 с.

Эрделевский А. М. Проблемы компенсации морального вреда в зарубежном и российском законодательстве и судебной практике // Государство и право. 1997. № 10. С. 22—32.

Эрделевский А. М. Критерии и метод оценки размера компенсации морального вреда // Государство и право. 1997. № 4. С. 5—12.

Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания: Научно-практическое пособие. М., 1997. 188 с.

С целью более подробного знакомства с проблемами правонарушений и юридической ответственности возможно обращение к учебным изданиям по отраслевым юридическим дисциплинам, в первую очередь по уголовному праву. В частности, такое обращение может быть полезным при уяснении содержания элементов юридического состава правонарушения, поскольку, как уже отмечалось, состав правонарушения разработан юридической наукой прежде всего как состав преступления (см., например: Уголовное право: Общая часть: Учеб. / Под ред. Б. В. Здравомыслова и др. М., 1994. 536 с.) Возможно и знакомство с литературой по уголовному праву зарубежных стран (см., например: Нерсесян А. А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М., 1990; Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право. М., 1990; Преступления и наказания в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. М., 1991).

Литература ко всей теме:

Белоновский В. Н. Правонарушения и ответственность в избирательном праве: Историческая практика и современность: Монография. 2005. 511 с.

Вопленко Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность: Монография. Волгоград, 2005. 134 с.

Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.

Гринберг М. С. Пределы принуждения (Уголовно-правовой аспект) // Государство и право. 1994. № 4. С. 33—42.

Денисов Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности: социологический и юридический аспекты. Л., 1983.

Дубинин Н. К. и др. Генетика, поведение, ответственность / Н. К. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. М., 1982.

Иванов А. А., Иванов В. П. Правонарушение и юридическая ответственность: теория и законодательная практика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 159 с.

Каплунов А. И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 5—13.

Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10—17.

Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 65—74.

Кристи Н. Пределы наказания: Пер. с англ. / Вступ. ст. А. М. Яковлева, В. М. Когана. М., 1985. 176 с.

Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.

Макуев Р. Х. Правонарушения и юридическая ответственность: Учеб. пособие. Орел, 1998.

Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.

Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. 2-е изд. М., 2003. 203 с.

Очерки истории девиантного поведения в США и России: Монография / Под ред. А. Ю. Саломатина. Пенза, 2003. 96 с.

Правонарушение и юридическая ответственность по российскому, зарубежному, европейскому и международному праву: история, теория и юридическая практика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 29—30 сентября 2005 г. / Отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново, 2006. 401 с.

Проценко В. П. Генезис антисистемы в праве. Уголовно-процессуальные и нравственные аспекты. Краснодар, 2003. 272 с.

Проценко В. П. Система и антисистема права: Монография. Краснодар, 2004. 430 с.

Улицкий С. Я. Размышления о действии уголовного закона: Учеб. пособие. Владивосток, 2003. 64 с.

Федорова А. Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде: Монография. Тольятти, 2004. 155 с.

РАЗДЕЛ IV

Общество и государство. Право и личность

ГЛАВА 20

Государство в политической системе общества

20.1. Политическая система общества: понятие и структура

Назначение государства состоит в организации социального управления, само государство — специфическая форма управления обществом. Но в этом управлении принимают участие не только государственные органы, но и граждане, и объединения граждан (партии, профсоюзы, церковь и т.д.). Граждане избирают высшие и местные органы власти, президента, выражают свою волю на референдуме, иным образом участвуют в управлении общественными делами: например, в соответствии со ст. 33 Конституции РФ каждый имеет право направлять индивидуальные или коллективные обращения в государственные органы. Объединения граждан, создаваемые по различным признакам, также оказывают активное влияние на политическую жизнь общества, участвуя, к примеру, в выборах.

Совокупность государственных органов, разнообразных общественных объединений и граждан, участвующих в политическом управлении делами общества, получила название *политической системы общества*. К этому сводится самое общее понимание данного явления.

В отечественных учебных курсах по теории государства и права эта тема появилась достаточно давно, хотя сам термин «политическая система» получил распространение только со второй половины 1970-х гг., что связано прежде всего с его употреблением в Конституции СССР 1977 г. До того в учебниках использовались другие понятия, например «система социалистической демокра-

тии» (Теория государства и права / Под ред. К. А. Мокичева. М., 1965. С. 255—256), «политическая организация классового общества» (Теория государства и права: Учеб. / Под ред. Н. Г. Александрова. М., 1974. С. 83).

В учебной литературе по теории государства и права с 90-х гг. XX в. отношение к теме «Политическая система общества» неоднозначное. В некоторых изданиях она осталась в прежнем объеме, но в ряде учебников ей уделено незначительное внимание или она вообще опущена. При этом изучение различных аспектов политической системы общества отдается на откуп иным неюридическим (политологии, философии, социологии) и юридическим (конституционному праву) наукам, которые в той или иной степени занимаются исследованием данных проблем. Прежде всего в связи с этим следует упомянуть политологию, активно развивающуюся в 1990—2000-е гг. «Политическая система общества» — одна из центральных тем в этой науке. Вопросы функционирования и развития политических систем получают в политологии значительно более подробное освещение.

В то же время не следует спешить исключать эту тему из курса теории государства и права, поскольку изучение общих проблем государства без анализа его взаимоотношений с различными общественными объединениями и гражданами будет неполным.

В теории государства и права политическая система общества изучается не так широко, как в политологии, что связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, существуют особенности предмета теории государства и права, обусловливающие ограниченное (точнее — специально направленное) исследование проблем политической системы общества. Данную науку как науку юридическую интересуют прежде всего вопросы, связанные с государством и правом. Поэтому здесь подвергаются анализу только взаимоотношения государства с другими элементами политической системы общества, и главным образом такие взаимоотношения, которые нашли свое выражение в законодательстве, т.е. опосредованы правом. В силу этого не рассматриваются, например, партийные системы, особенности их функционирования и развития, а только взаимоотношения государства и политических партий. В качестве элементов политической системы общества в курсе теории государства и права обычно не указываются политические лидеры, политические элиты, группы давления (как в политологии), поскольку их правовой статус не урегулирован правовыми нормами.

Во-вторых, в теории государства и права и в политологии при рассмотрении проблем политической системы общества по-раз-

ному используется системный подход, что также определяет специфику юридических и политологических проблем.

Система (этот термин греческого происхождения и означает в переводе «целое, составленное из частей», «соединение») — множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство. *Системный подход* — направление в методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем, которое ориентирует исследования на раскрытие целостности объекта, выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину. В исследованиях по теории государства и права, используя системный подход, обычно говорят о том, что какое-то явление, предмет имеет сложный характер, состоит из элементов, т.е. частей целого, анализируют значение каждого элемента, характер взаимосвязей между ними (к примеру, система государственных органов состоит из различных по порядку образования, значению, структуре, компетенции органов; система права состоит из отраслей права и т.д.). Этот подход называют еще структурно-функциональным, и именно он используется в юридических исследованиях проблем политической системы общества.

В политологических исследованиях применяется как структурно-функциональный, так и более широкий системный подход. Его суть состоит не только в рассмотрении внутренней структуры какой-либо системы, но и (прежде всего!) в связи ее со средой. Среда, оказывая системе поддержку, одновременно предъявляет к ней определенные требования; это обусловливает ответную реакцию системы в виде решений и действий. Такой подход был впервые применен в середине XX в. в биологии при исследовании взаимодействия популяций животных и окружающей среды и затем проник в социальные науки. Он включает в себя и структурно-функциональный подход.

Остановившись на системном подходе, для более полного уяснения смысла понятия «политическая система» рассмотрим и определение политики. Термин «политика» греческого происхождения («polis» — город-государство, прилагательное от него «politikos» — все, что связано с городом-государством). Политика — это участие в государственном управлении делами общества. Это, может быть, не совсем точное, однако наиболее простое и довольно распространенное для понимания определение. Существуют десятки различных определений политики; политика — фундаментальная категория политологии, и в этой дисциплине она рассматривается достаточно подробно.

На этой основе можно предложить и определение политической системы общества.

Политическая система общества — это система государственных и негосударственных социальных институтов, осуществляющих определенные политические функции.

В теории государства и права не выработано строгого и точного определения политической системы общества. Предложенная здесь дефиниция взята из издания: Теория государства и права: Учеб. пособие. Вып. 2 / Под ред. А. Б. Венгерова. М., 1994. С. 58—59. Это тот случай, когда выработать только одно, «правильное», определение невозможно, поскольку понятие «политическая система общества» можно определять по-разному. Например, можно говорить о политической системе общества как о совокупности субъектов борьбы за власть; как о совокупности субъектов борьбы за участие в делах государства; как о совокупности государственных органов, негосударственных организаций и граждан, осуществляющих управление обществом, и т.д. Некоторые определения, взятые из юридической и политологической литературы, приводятся ниже.

Представляется возможным остановиться далее (см. параграфы 20.2, 20.3) на характеристике следующих *элементов структуры политической системы общества*: государство; политические партии, общественные объединения (профессиональные союзы, союзы предпринимателей, иные объединения — молодежные, женские, спортивные, творческие, ветеранов и т.д., массовые общественные движения, церковь); органы местного самоуправления (в том числе трудовые коллективы); граждане (или граждане и подданные, или народ).

В юридической и политологической учебной литературе в качестве элементов политической системы общества иногда называются также политические лидеры, политические элиты, средства массовой информации, группы давления, группы интересов, политические отношения, формы непосредственной демократии и др.

В учебных пособиях по теории государства и права даются самые разные определения политической системы общества, отличающиеся друг от друга как деталями, так и концептуальными подходами.

«Под политической системой общества понимается система государственных и негосударственных социальных институтов, осуществляющих определенные политические функции. Эти социальные институты — государство, партии, профсоюзы и другие организации и движения, участвующие в сфере общественной жизни, где ядром является завоевание, удержание и использование власти. Именно власть и отношения по ее поводу характеризуют политические функции различных социальных институтов, являются системообразующими факторами, формирующими, образующими политическую систему» (Теория государства и права: Учеб. пособие. Вып. 2. М., 1994. С. 58—59).

«Совокупность субъектов борьбы за участие в делах государства и определение направлений его деятельности образует политическую сис-

тему». Это граждане, народ, политические партии, государство, политические лидеры (см.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Конспект курса. СПб., 1994. С. 6).

Политическая система — это устойчивая форма человеческих отношений, с помощью которой принимаются и проводятся в жизнь авторитарно-властные для всех членов общества или для их части решения. «Политическая система включает в себя четыре подсистемы: 1) политические организации; 2) политические нормы; 3) политические отношения; 4) политическую идеологию. Говорят также о субъектах политической системы институционального (парламент, президент, правительство, профсоюзы и др.) и функционального уровня (армия, церковь, лобби, оппозиция и т.д.)» (Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. С. 77).

«Политическая система — это совокупность взаимодействующих между собой норм, идей и основанных на них политических институтов и действий, организующих политическую власть, взаимосвязь граждан и государства. Основным назначением этого многомерного образования служит обеспечение целостности, единства действий людей в политике». Основные компоненты политической системы: политическая структура, политические и правовые нормы, политическая деятельность, политическое сознание и политическая культура (см.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. С. 98).

Определения политической системы общества, предлагаемые в политологической литературе, как правило, охватывают больший круг явлений.

«Политическая система общества — целостная, упорядоченная совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных кодексу политических, социальных, юридических, идеологических, культурных норм, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества... Политическая система включает организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, включающих институционализацию власти, состояние политической деятельности, уровень политического творчества в обществе, характер политического участия неинституциональных политических отношений» (Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 273).

«Политическая система — это совокупность взаимодействующих подсистем. В структуре политической системы выделяются три подсистемы: институциональная, информационно-коммуникативная и нормативно-регулятивная». «Институциональная подсистема состоит из таких институтов, как государство, политические партии, группы интересов». «Информационно-коммуникативная подсистема устанавливает связи между институтами политической системы. К элементам данной подсистемы можно отнести каналы передачи информации правительству (процедура слушания дел на открытых заседаниях, комис-

сии по расследованию, конфиденциальные консультации с заинтересованными группами и т.д.), а также средства массовой информации, под которыми подразумеваются телевидение, радио, газеты, журналы, книги, рассчитанные на огромную аудиторию». «Нормативно-регулятивную подсистему образуют всевозможные нормы, которые определяют поведение людей в политической жизни, а именно их участие в процессах выдвижения требований, превращения этих требований в решения, осуществления решений. Эти нормы — основные правила участия во всех типах политического процесса. Нормы можно разделить на два типа: нормы-привычки и нормы-законы» (Основы политической науки: Учеб. пособие. Ч. 2. М., 1993. С. 84—85).

В учебной литературе по теории государства и права при освещении проблем политической системы общества, с одной стороны, заметны тенденции к использованию политологических подходов, а с другой — учитываются и юридические аспекты.

20.2. Государство в политической системе общества

Государство занимает в политической системе общества центральное место. Это обусловлено сущностью и некоторыми признаками государства как социального института. Назначение государства состоит в организации управления обществом. Иначе говоря, государство — это специальное учреждение, предназначенное для принятия управленческих, политических решений в масштабах всего общества. Никакой другой элемент политической системы не имеет такого специального назначения.

Для организации управления обществом государство располагает специальным аппаратом управления, законодательными, исполнительными, судебными и контрольно-надзорными органами, т.е. особой публичной властью. Другие элементы политической системы не обладают такими разветвленными, всеобъемлющими публичными органами.

Государство имеет значительную экономическую основу для своей политической деятельности. В собственности государства могут находиться целые отрасли промышленности, учреждения финансово-кредитной системы. Государство имеет право на сбор денежных средств с населения, организаций (налоги, займы и т.д.).

И наконец, самое существенное в характеристике государства как основного элемента политической системы общества: государство обладает суверенитетом (вспомним, что это верховенство власти внутри страны и ее независимость от всех внешних властей).

Иные элементы политической системы не обладают суверенитетом, над ними возвышается государство как суверенная власть. Принимаемые государством как верховной политической властью управленческие решения обязательны к исполнению всеми гражданами и их объединениями. Суверенитет государства проявляется в том, что только государство может издавать обязательные для исполнения нормативные акты (в которых содержатся нормы права); в том, что только государство имеет право на законное применение силы, принуждения и располагает для этого специальным аппаратом.

Суверенность государств находит отражение и в Конституциии РФ. «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию» (ч. 1 ст. 4 Конституции РФ»).

20.3. Государство и другие элементы политической системы общества

В этом параграфе будут рассмотрены взаимоотношения государства с другими элементами политической системы общества. Представляется возможным остановиться на следующих вопросах:

- государство и политические партии;
- государство и общественные объединения;
- государство и органы местного самоуправления; государство и трудовые коллективы;
- государство и граждане.

Государство и политические партии. Политическая партия — организованная группа единомышленников, представляющая интересы части общества и ставящая своей целью их реализацию путем завоевания государственной власти или участия в ее осуществлении.

Зачатки политических партий в виде сословных группировок, выражавших интересы различных слоев господствующего класса и боровшихся между собой за обладание государственной властью или за влияние на нее, сложились уже в рабовладельческом и феодальном обществах (см.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 245).

Прототипы современных политических партий впервые возникли в Европе в непосредственной связи с буржуазными революциями, в ходе которых создавалось *народное представительство* — система власти народа, осуществляемой через выборных представителей (депутатов), которые заседали в выборных представительных органах (парламентах). Первоначально в партии

объединялись, с одной стороны, сторонники монарха и феодалов, а с другой — защитники интересов буржуазии. Впоследствии стали появляться партии, отстаивающие интересы отдельных социальных, региональных, национальных, религиозных и других групп общества. В современных условиях по мере вовлечения в политику все более широких слоев населения роль партий возросла и они стали одним из основных субъектов политики и необходимым элементом демократического государства. С борьбой между партиями связано решение вопроса о государственной власти — ее принадлежности, использовании, способах и формах осуществления (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб.: в 4 т. /Отв. ред. Б. А. Страшун. Т. 1. С. 190—191).

Партии активно участвуют в политической жизни общества в самых различных формах. Прежде всего здесь имеется в виду участие в выборах представительных органов государства (выдвижение кандидатов, предвыборная агитация, участие в работе избирательных комиссий и т.д.), формировании других государственных органов, принятии и реализации государственных решений.

В свою очередь, государство при помощи права может в той или иной степени регулировать (или вообще не регулировать) процессы образования и функционирования политических партий. Современная тенденция, однако, состоит во все более подробном регулировании участия партий в политической жизни — в связи с усложнением форм и методов их деятельности, возрастанием роли в обществе. Если конституции XIX в. даже не упоминали о политических партиях, хотя партии уже тогда занимали видное место в государственной жизни, то сейчас регулирование их деятельности — самостоятельный правовой институт. Обычно в законодательстве современных государств отражены следующие моменты: понятие политической партии, определение места и роли партий в политической системе; условия и порядок создания и прекращения деятельности политических партий; требования к идеологии и программным положениям партии; требования к организационному строению и порядку деятельности партий; финансово-экономическая база партии; взаимоотношения с публичной властью, прежде всего участие в выборах и в деятельности представительных органов государства и местного самоуправления (см.: Там же. С. 200).

В условиях авторитарных и тоталитарных политических режимов существует, как правило, единственная правящая партия, которая сливается с государством. Ее статус может быть закреплен законодательно (можно вспомнить, например, небезызвестную ст. 6

Конституции СССР 1977 г.), а может и не быть установлен: партия выше всякого закона, следовательно, никаких юридических границ ее власти устанавливать не следует. Оппозиционные партии отсутствуют или ликвидируются.

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма» (ч. 1.2 ст. 6 Конституции СССР 1977 г.). При конкретизации места КПСС в политической системе говорилось о том, что она осуществляет свое руководство деятельностью государства и других элементов политической системы общества в следующих формах: определение стратегических направлений общественного развития, выработка директив (т.е. решений, определяющих генеральную линию деятельности всей политической системы); законодательная инициатива (разработка законопроектов и проведение их через законодательные органы); координация деятельности государственных и общественных организаций, выявление научно обоснованных путей улучшения политической системы; руководство работой партийных групп в государственных и общественных организациях; воспитание, подбор, расстановка кадров; партийный контроль; прямое обращение высших партийных органов к трудящимся. Считалось, что роль КПСС возрастает в связи со сложностью, масштабностью задач коммунистического строительства: ведь только КПСС обладает передовой идеологией — марксизмом-ленинизмом.

В условиях демократического политического режима признается многопартийность. Не допускается как незаконное ограничение деятельности политических партий, так и чрезмерное (когда, к примеру, решения политической партии становятся обязательными для государства) или деструктивное влияние политических партий на государство.

В соответствии со ст. 30 Конституции РФ каждый имеет право на объединение, свобода деятельности общественных объединений гарантируется; никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Статья 13 Конституции РФ провозглашает политическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений перед законом. В то же время «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Государство и общественные объединения. В современном мире публичные интересы людей реализуются не только через государственные органы и политические партии. Все большую роль в политических системах современных стран играют социально-экономические, социально-культурные общественные объединения некоммерческого характера. Они чрезвычайно разнообразны как по названию (союзы, общества, движения, организации, ассоциации, фонды и т.д.), так и по степени организованности, количеству членов, влиянию на политическую жизнь.

Общественное объединение — это добровольное формирование граждан, возникшее в результате их свободного волеизъявления на основе общих интересов для достижения общих целей.

Хотя многие из социально-экономических и социально-культурных объединений заметно воздействуют на политику государства, *политическая деятельность не является основной их целью* (в отличие от политических партий), а представляет собой вспомогательное средство реализации своих интересов. Как правило, эти общественные объединения стремятся воздействовать на государство извне, тогда как политические партии добиваются овладевания самой государственной властью. Их главная задача — выявление и реализация интересов своих членов в той или иной сфере (см., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. С. 208—209).

К основным формам воздействия общественных объединений на органы государства относятся участие в выборах, а также представление и защита законных интересов своих членов в государственных органах. Принимая участие в выборах, общественные объединения могут иметь право выдвижения кандидатов в депутаты, участвовать в образовании избирательных комиссий, проводить предвыборную агитацию, объединять избирателей вокруг кандидатов в депутаты. С целью представления и защиты законных интересов своих членов общественные объединения могут принимать участие в работе государственных органов и учреждений (парламентские комиссии, подкомиссии, межведомственные комитеты, службы и т.д.), ориентировать органы власти и управления с целью учета интересов отдельных групп населения при разработке новых нормативных актов, при принятии решений, получать информацию от государственных органов, необходимую для выполнения своих целей.

Все это касается стран с демократическим политическим режимом. В странах с авторитарным и тоталитарным политическим режимом создание каких-либо общественных объединений на добровольной основе и их реальное влияние на политическую жизнь

невозможно. Если там и существуют так называемые общественные организации, то они не выполняют своих задач, а являются проводниками партийно-государственной политики. Так, в Румынии до 1989 г. родственники диктатора Н. Чаушеску возглавляли почти все общественные организации, одновременно занимая высшие государственные должности. В Центральноафриканской империи (ныне Центральноафриканская Республика) император возглавлял все общественные организации, включая молодежную и женскую (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. С. 211—212).

Правовое регулирование деятельности общественных организаций базируется на конституционном праве на объединение, закрепленном в конституциях современных демократических государств (см. ст. 30 Конституции РФ). В законодательстве содержатся обычно следующие предписания: условия образования общественных объединений и предъявляемые к ним требования (признается недопустимым образование объединений, интересы которых несовместимы с интересами личности, отдельных социальных групп или общества в целом); требование обязательной систематической финансовой отчетности перед государственными органами; закрепление форм участия общественных объединений в деятельности государства.

Государство и профессиональные союзы. Профессиональные союзы — массовые общественные организации наемных работников, основанные на общности их интересов в процессе труда и имеющие целью улучшение условий жизни и труда своих членов. Профсоюзы возникли во второй половине XVIII в. в Великобритании как ассоциации высококвалифицированных рабочих, объединявшихся для защиты своих профессиональных интересов. В течение XIX в. профсоюзы образуются во всех развитых странах Европы и Америки. В России они появляются после 1905 г. В странах Азии и Африки профсоюзное движение начинает развиваться после Второй мировой войны.

Правовое регулирование статуса профсоюзов прошло долгий путь от запретов и уголовных наказаний за членство в «заговорщицких организациях» (закон Ле Шапелье 1791 г. во Франции, закон о сообществах 1800 г. в Великобритании) до их юридической институционализации. Во второй половине XIX в. по мере упрочения индустриального строя происходит легализация профсоюзного и забастовочного движения, а в XX в. деятельность профсоюзов уже подробно регулируется юридическими актами.

Особый размах профсоюзное движение приобрело в 60-х гг. XX в., и одним из его результатов было принятие в Австралии,

Греции, Испании, Франции и некоторых других странах законов, существенно расширяющих права профсоюзов. В начале 1990-х гг. мировое профсоюзное движение насчитывало, по разным оценкам, 500—600 млн человек, что составляло 40—45% армии наемного труда. В Канаде профсоюзы объединяют примерно треть занятых в несельскохозяйственном секторе, а в США — всего 15—17%. Спад профсоюзного движения, который наметился к 80-м гг. XX в., объясняется вступлением наиболее развитых стран в эпоху информатизации, что порождает структурную перестройку экономики (в частности, сокращение потребности в неквалифицированном и малоквалифицированном труде, негативное отношение к коллективным договорам высококвалифицированных рабочих, предпочитающих работать по индивидуальным контрактам).

В условиях уменьшения значения профсоюзного движения произошли изменения и в законодательстве. Появились нормы, запрещающие антипрофсоюзную дискриминацию, а также закрепляющие негативное право на объединение — право не вступать в профсоюзы (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. С. 218—219; Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 321).

Государство и организации предпринимателей. Современное законодательство зарубежных стран довольно подробно регламентирует различные стороны бизнеса, включая активность разнообразных общественных ассоциаций предпринимателей: союзов предпринимателей, торгово-промышленных палат, союзов работодателей, лоббистских организаций и т.п. Например, Федеральный союз немецкой промышленности (ФСНП) объединяет 34 головных экономических союза промышленности ФРГ; в них входят около 500 отраслевых и земельных союзов, в которых непосредственно состоят отдельные фирмы. ФСНП координирует всю деятельность, связанную с защитой и реализацией экономических и политических интересов капитала в парламенте и в правительстве ФРГ и в международных организациях. В 19 комитетах союза вырабатываются позиции ФСНП по всем конкретным экономическим и политическим проблемам (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. С. 216—217). Таким образом, объединения предпринимателей могут решающим образом влиять на политику государства, их мнения и пожелания учитываются при разработке законов, проектов экономических планов и программ. В Российской Федерации капитал организационно только начал оформляться, и о развернутом правовом регулировании его влияния на принятие политических решений говорить пока не приходится.

Государство и иные общественные организации, массовые общественные движения. Свою роль в политической жизни играют и иные промышленные, аграрные, потребительские, научно-технические, творческие, культурно-просветительские, молодежные, женские, ветеранские и другие союзы, ассоциации, общества, фонды, отражающие интересы различных слоев общества. Некоторые из них активно влияют на принятие политических решений, затрагивающих сферу их интересов. Государство, в свою очередь, регулирует деятельность этих объединений. Определенное место в политической системе занимают массовые общественные движения. В отличие от других объединений они не имеют фиксированного членства и допускают присутствие в их составе коллективных членов, например тех же политических партий. Массовые общественные движения преследуют самые разнообразные цели — исключение угрозы ядерной войны, развитие экономического, культурного и политического сотрудничества между народами, предотвращение экологической катастрофы, сохранение культурного наследия и т.д.

Государство и церковь. Церковь — религиозная организация, создаваемая для обеспечения регулярных отношений между членами и подразделениями религиозного объединения, для поддержания связи со светскими организациями. В учебной литературе по теории государства и права обычно совсем немного внимания уделяется характеристике политического значения церкви, ее соотношения с государством. Быть может, это не вполне оправдано: ведь с древнейших времен церковь являлась одним из основных субъектов политической системы общества. Как отмечает А. Б. Венгеров, еще в городах-государствах, возникших в IV—III тыс. до н. э., «организуются три центра управления, административного и идеологического лидерства: городская община, дворец и храм. В частности, храмы начинают выступать как религиозные, организационно-хозяйственные, распределительные и информационные системы» (Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства / Под ред. А. Б. Венгерова. М., 1995. С. 27). В традиционных государствах церковь, как правило, являлась опорой существующего режима, оказывая огромное влияние на все сферы жизни общества — политическую, экономическую, культурную. В период буржуазных революций и далее, в процессе становления современной государственности, обычно провозглашается требование отделения церкви от государства и от всей политической жизни.

В зависимости от взаимоотношений с церковью различают государство светское, теократическое и клерикальное.

Светское государство предполагает отделение церкви от государства, разграничение их сфер деятельности. Церковь не выполняет политических функций и, следовательно, в этом случае обычно не является элементом политической системы общества, как это и имеет место в Российской Федерации. Впрочем, в некоторых светских государствах не произошло окончательного устранения церкви от политики. В ФРГ, например, допускается представительство церкви в государственных мероприятиях, проводятся совместные акции на муниципальном уровне. Следует учитывать и то обстоятельство, что церковь может оказывать влияние на принятие политических решений не только непосредственно, но и опосредованно, через религиозно ориентированные политические, профсоюзные, молодежные, женские и другие организации. Светское государство не вмешивается во внутрицерковную деятельность, не оказывает церкви материальной поддержки, однако охраняет законную деятельность религиозных организаций и регулирует ее наиболее важные с точки зрения общего интереса аспекты. При этом большинство светских государств исходят, как правило, из признания свободы совести и вероисповедания, т.е. из признания права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит: «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. 2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему ею свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц».

Во времена существования СССР свобода совести понималась прежде всего как право не исповедовать никакой религии, в моде был «воинствующий атеизм» (подробнее об этом см.: Морозова Л. А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. 1995. № 3. С. 89—91).

Теократическое государство является противоположностью светского государства, поскольку в нем государственная власть принадлежит церкви, монарх является одновременно и верховным священнослужителем. Таким государством была, например, Монголия до 1921 г., а сегодня является Ватикан. Впрочем, в XX в. это весьма редкий случай.

Промежуточный вариант между светским и теократическим государством — *клерикальное* государство, которое с церковью не слито, однако церковь через законодательно установленные институты определяющим образом влияет на государственную политику (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. С. 178). Клерикальными государствами в настоящее время являются Великобритания, Дания, Норвегия, Швеция, Израиль, почти три десятка исламских государств. В Италии в 1984 г. правительство и Ватикан подписали конкордат, отменяющий статус католической религии в качестве единственной государственной, однако позиции католицизма там очень сильны. В России до 1917 г. православная церковь была государственной. Положение государственной церкви предполагает тесное сотрудничество государства и церкви в различных сферах жизни общества, но прежде всего — в политике. Как правило, все руководящие государственные должности могут занимать лишь лица, исповедующие государственную религию, глава государства дает религиозную клятву или присягу при вступлении в должность. Церковь представляет свои интересы в различных органах государства. Так, в Великобритании представители высшего духовенства заседают в палате лордов. Церковь занимается регистрацией актов гражданского состояния, иногда регулирует брачно-семейные отношения. Церковь обладает широкими полномочиями в области воспитания подрастающего поколения и образования, ведет религиозную цензуру печатной продукции. Следует также отметить достаточно сильное экономическое положение государственной церкви: она получает от государства различные субсидии, является крупным собственником, обычно пользуется льготным налогообложением (см.: Морозова Л. А. Указ. соч. С. 87—88).

Вообще влияние религиозных общин и церквей на политическую жизнь зависит прежде всего от уровня развития демократии в стране, характера политического режима. В демократических государствах, как правило, признаются равноправие религий и церквей, свобода совести и вероисповедания, церковь отделена от государства, любые привилегии и любая дискриминация по религиозным мотивам запрещены. Впрочем, ряд демократических государств являются государствами клерикальными.

В условиях авторитарных и тоталитарных режимов проявляются три основные тенденции в отношениях религиозных общин и церквей с властью.

1. Религия и церковь преследуются властями либо полностью подчиняются им. Например, большинство фашистских, коммунистических и им подобных режимов подчиняли себе наиболее влия-

тельную церковь и преследовали небольшие религиозные общины, множественность которых затрудняла полицейский контроль за их деятельностью.

2. Религия и церковь приобретают государственный характер (Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и др.).

3. Религия и церковь выступают в активной оппозиции к власти. Так, в ряде стран Латинской Америки католическая церковь включилась в борьбу против диктаторских режимов (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. С. 225—226).

«Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст. 14 Конституции РФ). «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28 Конституции РФ).

Таким образом, в настоящее время Российская Федерация — светское государство, в котором религиозные организации не имеют права участвовать в политической деятельности, церковь не является субъектом политической системы. Тем не менее непереоценима роль церкви в деле духовного и нравственного развития общества.

Государство и органы местного самоуправления. Местное самоуправление — организация власти на местах, предполагающая самостоятельное решение населением вопросов локального значения. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем различных форм прямого волеизъявления (референдум, выборы и др.), а также через выборные и другие органы местной власти.

Принципиальный момент для общего представления о местном самоуправлении — его соотношение с местным управлением. *Местное управление* — это управленческая деятельность в местной территориальной единице, осуществляемая центральной властью или администрацией вышестоящего территориального уровня управления. Местное управление осуществляется, как правило, через назначаемые вышестоящей властью административные органы. В зависимости от соотношения с местным управлением различаются две основные модели организации местного самоуправления. Англо-американская модель (ее придерживаются, впрочем, не только страны соответствующей правовой системы, но и, к примеру, Бразилия, Швейцария) характеризуется наличием местного самоуправления на всех уровнях ниже государства, субъекта федерации или государственно-автономного региона. Европейская модель предполагает сочетание местного самоуправления с мест-

ным управлением, причем варианты этого сочетания могут существенно различаться (подробнее см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 2. С. 393—400).

Конституционная основа организации местного самоуправления в Российской Федерации — ч. 2 ст. 3, ст. 12, гл. 8 «Местное самоуправление» (ст. 130—133) Конституции РФ. Правовое регулирование организации и деятельности местного самоуправления продолжают законы и подзаконные нормативные акты.

Государство и трудовые коллективы. Определенную роль в политической жизни общества играют *трудовые коллективы* — объединения граждан по производственному признаку. Их иногда относят к органам местного самоуправления, только организованным не по территориальному, а по производственному признаку. Трудовые коллективы могут выполнять определенные политические функции, в частности, им может быть предоставлено право выдвижения кандидатов в депутаты, они могут быть допущены к участию в деятельности избирательных комиссий. Во многих странах трудовые коллективы не занимаются политической деятельностью.

Государство и граждане. Граждане могут принимать участие в политическом процессе как опосредованно, так и непосредственно. При *опосредованной* форме участия политическая деятельность граждан осуществляется через различные элементы политической системы общества: путем выборов или по назначению лицо занимает должность в органах государства — в соответствии со ст. 32 Конституции РФ, или же участвует в деятельности политических партий, профсоюзов, других общественных организаций — в соответствии со ст. 30 Конституции РФ.

Основные формы *непосредственного* участия граждан в политическом процессе: голосование на референдуме, на выборах, участие в собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях, пикетированиях, так называемое «право петиций» — право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ).

Государство, обеспечивая участие гражданина в политическом процессе, закрепляет на конституционном уровне политические права свободы и обязанности: право на участие в управлении обществом и государством, избирательные права, право на объединение, свободу союзов и ассоциаций, свободу собраний и манифестаций, свободу информации — это группа прав и свобод слова (или выражения мнений), свободу печати (и других средств массовой информации), свободу распространения информации, право на получение

информации, имеющей общественное значение, и т.п., право петиций, право и обязанность защиты страны, право на сопротивление угнетению (в некоторых странах). Политические права, свободы и обязанности граждан конкретизируются в законодательстве. Государство гарантирует надлежащее осуществление прав граждан, в том числе политических (ст. 17, 45, 46 Конституции РФ).

20.4. Типология политических систем. Развитие политических систем

На протяжении истории человечества и в настоящее время существовало и существует огромное количество политических систем. С целью облегчения исследования и изучения проводятся их классификации. Наряду с используемой ранее категорией «тип государства» можно говорить и о типах политических систем. *Тип политической системы* — это совокупность общих признаков, свойственных определенным группам политических систем. Данная категория отображает прежде всего момент изменчивости, развития изучаемого явления. Классификации политических систем проводят по различным основаниям (т.е. по тем признакам, по которым мы различаем или объединяем те или иные политические системы).

Применяя так называемый формационный подход к истории развития общества, можно выделить политическую систему рабовладельческого, феодального, буржуазного и социалистического общества.

В зависимости от положения личности в обществе (отсутствие либо провозглашение и наличие гарантий прав и свобод граждан), степени централизации власти и методов ее осуществления выделяют две основные категории политических систем: *авторитарные* (или авторитарные и тоталитарные, или традиционные) и *демократические* (или либерально-демократические, или современные).

Основные характеристики этих типов политических систем сходны с уже рассмотренными чертами основных видов политического режима: авторитарного и демократического (см. главу 6). Большинство существовавших в истории человечества политических систем являлось авторитарными. Переход к демократическим политическим системам начался в Новое время, в период буржуазных революций, и продолжается до сих пор. Между двумя крайними типами лежит огромное множество переходных политических систем, тяготеющих либо к авторитаризму, либо к демократии. Они складываются в обществах, осуществляющих революционные или эволюционные преобразования в том или ином направлении.

Существуют и иные классификации политических систем. В частности, по отношению к действительности различают *консервативные* политические системы, которые характеризуются относительной стабильностью политических институтов, и *реформаторские*, в которых те или иные политические институты формируются или развиваются. В зависимости от направленности развития говорят о *прогрессивных* или *реакционных* политических системах.

В современной политологии распространена классификация политических систем, разработанная американским ученым Г. Алмондом (см.: Основы политической науки: Учеб. пособие. Ч. 2. М., 1993. С. 90—92). В качестве основания классификации здесь выступает состояние политической структуры и уровень политической культуры. В зависимости от названных критериев выделяются следующие типы политических систем.

Политическая система *англо-американского типа* (США, Англия, Канада, Австралия) характеризуется однородностью культуры. Политические цели и средства их достижения разделяют все. Большинство населения превыше всего ставит свободу личности, массовое благосостояние и безопасность. Эта политическая система четко организована (каждый элемент выполняет свои функции), стабильна.

Для политической системы *континентально-европейского типа* (Франция, Германия, Италия) характерны смешанная политическая культура, сосуществование новых и старых культур; наличие многих политических партий с разной идеологией и старыми традициями, имеющих значительное влияние в обществе.

Доиндустриальной (или частично индустриальной) политической системе (многие страны Азии, Африки, Латинской Америки) также свойственна смешанная политическая культура, но она сильно отличается от смешанной политической культуры западноевропейских систем, поскольку может соединять в себе самые неожиданные противоположности, западные ценности, этнические и религиозные традиции. Для данного типа политической системы характерны личный авторитаризм, высокий уровень насилия и т.п.

Отличительными особенностями политической системы *тоталитарного типа* (фашистская Италия, нацистская Германия, страны «мировой системы социализма») являются чрезмерная централизация власти, высокая степень насилия и т.д.

Существование политических систем во времени представляет собой процесс изменения (развития или деградации) политических отношений и институтов, в котором можно выделить ряд закономерностей: тенденции концентрации и деконцентрации власти, ее централизации и децентрализации; общий процесс усложнения сис-

темы и ее подсистем (появление и увеличение числа партий, ассоциаций и т.п.); юридическое оформление (формализация) различных институтов политических систем; расширение политического участия, т.е. более полное включение членов общества в политическую жизнь (формирование демократических институтов, всеобщие и прямые выборы, самоуправление и т.п.); реорганизация отношений власти и народа (переход от командно-приказных, деспотических и конфликтных отношений «сверху вниз» к договорным конституционным и согласительным); развитие конституционного процесса; формирование в структуре политической системы массовых процессов (крупных политических движений в поддержку политических преобразований или против них, в периоды выборов и т.д.); разрастание аппаратов управления, органов принуждения, армии, пропагандистских, образовательных, воспитательных учреждений, осуществляющих политическую социализацию и пр.; развитие ассоциативных форм политической жизни (формирование различных групп единомышленников, союзов, народных движений, фронтов). (Подробнее об этих и некоторых других закономерностях развития политических систем см., например: Политология: Энциклопедический словарь. С. 273—277.)

20.5. Государство и общество России в постсоветский период

В постсоветский период вопросы соотношения общества и государства обострились как в практическом, так и в теоретическом плане. Они стали острыми в политическом отношении. В первый период перестройки преобладала позиция, согласно которой государство является своего рода злом, и, соответственно, ему должно оставаться как можно меньше места. Но отрицательные последствия неоправданного возвышения неподготовленного к такой миссии общества России привели к крену в другую сторону — скорее гегелевскую, для которого государство — благодетель общества, его опекун и высшая стадия развития.

Обе крайние точки зрения находят свое воплощение в борьбе фракций в Государственной Думе, и смена правительства молодых реформаторов только подтвердила переориентацию на государственнические позиции, на укрепление роли государства прежде всего в экономической и социальной сферах.

Руссоистские и гегелевские воззрения на гражданское общество направлены против откровенного господства частного инте-

реса над общественным, выраженным через государство и охраняемым им. Эти воззрения, как известно, развил К. Маркс, у которого человек в гражданском обществе, рассматривая других как средство, низводит и себя до роли средства, становясь игрушкой чуждых ему сил. Именно поэтому борьба за утверждение гражданского общества в России постсоветского периода проходит в русле борьбы с марксистской идеологией и без осознания того, что умные люди разных времен видели опасность как в недооценке роли государства, так и в переоценке его возможностей.

В постсоветской России практически не учитывается тот факт, что в Европе становление гражданского общества проходило в течение длительного исторического периода естественным путем в естественно складывающихся формах коллективистских структур — через ремесленные гильдии, коммуны, свободные города и т.д. Российские реформаторы посчитали возможным ввести демократию и самоуправление сверху, едва ли не принудительно. При этом имело место пренебрежение интересами производственной сферы, игнорирование того факта, что государство и право не могут быть деполитизированы, и вместе с тем могут служить обществу и его составляющим и отдельным индивидам без ущерба для свободы и демократии.

Попробуем охарактеризовать каждую из ценностей гражданского общества применительно к российским реалиям.

На первое место в характеристике гражданского общества часто ставят требование личной безопасности его членов. Приходится с сожалением констатировать, что постсоветский период характеризуется последовательным ростом преступности и разрушением системы личной, равно как и общественной и государственной безопасности.

Другая норма индивидуализма в концепции гражданского общества требует свободы личности от какого-либо давления с чьей-либо стороны. Увы, рэкет в России стал привычным явлением. Он проник и в государственные структуры. Существуют многообразные формы экономического и политического давления. Формально декларируемые свободы оказываются в сколько-нибудь значимых ситуациях совершенно не обеспеченными.

Принцип равенства всех перед законом — это еще одна ценность свободного общества. Однако ценность весьма формальная и призрачная, если личность не защищена законом в социальном плане, если ей не гарантированы законом элементарные условия для выживания. В России постсоветского периода есть в этом отношении и серьезные достижения (Конституционный Суд часто поддерживает названный принцип своими реше-

ниями), но есть и большие отступления от достигнутого в предшествующий период. Право на частную собственность — основополагающая ценность в формировании гражданского общества. Эта ценность и законодательно и практически укореняется в постсоветское время, хотя и не без издержек (изъяны приватизации признают теперь даже те, кто проводил так называемую ваучеризацию, кто осуществил денационализацию целых отраслей промышленности).

Право на частную жизнь — еще одна ценность гражданского общества. В сравнении со сталинским временем, разумеется, в России в этом отношении произошли громадные перемены. Но есть и издержки, навеянные разнузданностью некоторых средств массовой информации. Честь и достоинство человека и гражданина еще не обеспечены в той мере, в какой это необходимо.

Договорное право, договорные отношения — также свидетельство формирования гражданского общества. По-видимому, это один из пунктов, которые в большей степени получили признание и постепенно входят в жизнь постсоветской России. В гражданском праве, да и в других отраслях договор как источник права получил закрепление. Свобода договора имеет законодательную основу. По мере развития частнособственнических отношений договор должен получить дальнейшее утверждение.

Признание индивидуальности, уважение к другому человеку как личности — также основополагающая ценность гражданского общества. В условиях отхода от коммунистических идеалов, в процессе перестройки в этой части, как представляется, больше потеряно, чем приобретено.

Таким образом, если суммировать все утраты и приобретения, если представлять гражданское общество как систему независимых от государства общественных отношений и институтов, способных обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей (К. С. Гаджиев), можно констатировать отсутствие пока в России целого ряда ценностей гражданского общества, неразвитость многих из них и попрание отдельных нормативов.

Одновременно с такой констатацией следует иметь в виду, что на Западе многие полагают идею гражданского общества ушедшей в прошлое и не приличествующей современному индустриальному обществу. Гражданское общество уступает место «массовому обществу». Лозунг гражданского общества остается скорее как идеал, а воплощение его возможно скорее в небольших обществах, обозримых и прозрачных, где деятельность каждого на виду.

В общих выводах российских реалий следует также иметь в виду неприемлемость евроцентризма в данных вопросах. Россия здесь скорее азиатская страна. Доминирующая роль государства свойственна ей изначально. Она освящалась и освящается православной церковью, что также особенно важно. Тот факт, что Россия обратилась к идеям, нормам и ценностям гражданского общества, говорит лишь о реакции на чрезмерное усиление роли государства, на проявление тоталитаризма и авторитаризма с его стороны. Поскольку элементы гражданского общества рождаются вопреки исторически сложившемуся менталитету, поскольку они не есть результат эволюционного развития, поскольку часто вводятся сверху — мы имеем часто суррогатные формы названных ценностей.

Российской истории и российской общественной мысли были известны многие ценности гражданского общества. Были крестьянские общины, были Новгород и Псков. Однако как в жизни, так и в либеральной теории (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой и др.) скорее делался упор не на свободах, не на правах личности, а на ее обязанностях. Представляется, что следовало бы возродить данные идеи. Представляется, что развенчанный марксизмом в советские годы Л. Дюги мог бы послужить своими трудами утверждению гражданского общества в России без измены ее историческим ценностям.

Между тем процессы, сказывающиеся в своей совокупности и на становлении гражданского общества, и на формировании новой государственности России, противоречивые, порой взаимоисключающие, а потому не всегда прогнозируемые. Обозначим некоторые из них:

- отмирание, угасание, самораспад отживших форм советской жизнедеятельности;
- активная работа по слому, разрушению сложившихся в советский период форм жизнедеятельности;
- кризис социалистической законности;
- слом старого государственного аппарата;
- эрозия социальных и духовных ценностей;
- возрождение теневой экономики и теневого права;
- легитимация и делегитимация власти в относительно короткие сроки;
- откровенное манипулирование общественным мнением;
- откровенное лоббирование интересов грязного капитала;
- широкие возможности разноуровневого мошенничества и мафиози, включая государственный уровень;
- поляризация интересов, обусловленная поляризацией уровня жизни;

- суверенизация, автономизация индивидов, общественных групп, клановых, национальных и государственных образований;
- становление новой номенклатуры;
- регионализация элит;
- распад «хомо советикус», формирование «нового русского»;
- борьба рыночных и антирыночных ориентаций;
- стремление к переделу собственности;
- построение вертикали власти;
- абсолютизация силовых ведомств;
- усталость и отстраненность больших масс людей от политической жизни;
- политизация старшего поколения людей;
- вовлечение в политическую деятельность молодежи;
- конфронтация между патриотическими и западническими идеалами;
- противостояние западной экспансии;
- усилия по обеспечению целостности государства;
- приспособленчество как средство выживания.

Осмысление всех названных и многих других процессов постсоветской реалии требует уяснения теоретических вопросов соотношения общества и государства, разных подходов к правовому государству и проблемам его становления в России.

Обзор специальной литературы по теме

Для более глубокого понимания различных аспектов проблемы политической системы общества целесообразно обратиться к литературе по конституционному праву, а также по политологии (см. в обзоре специальной литературы к главе 3).

Политические партии в политической системе общества (приведены лишь некоторые источники, поскольку данная проблема исследуется политологией, а также конституционным правом) см.:

Даниленко В. Н. Политические партии и буржуазное государство. М., 1984. 192 с.

Зарубежное законодательство о политических партиях: Сб. нормат. актов. М., 1993.

Лапаева В. В. Закон о политических партиях: вопросы взаимодействия партий с государством // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 14—22.

Лапаева В. В. Законодательное требование к численности политической партии как ограничение конституционного права на объединение: критерии правомерности // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 25—34.

Лапаева В. В. Политическая партия: понятие и цели. К принятию Закона о партиях // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 16—25.

Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999. 304 с.

Левшуков-Энгельгардт А. Б. О действующей конституции и политических партиях в России (к 10-летию Конституции РФ). М., 2003. 19 с.

Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997. 640 с. (переиздание работы конца XIX в.).

Политические партии России: история и современность / Отв. ред. А. И. Зевелев и др. М., 2000. 631 с.

Решетников О. М. Юридическое лицо политической партии: Сб. н. ст. М., 2006.

Тихомирова Ю. С. Правовые формы контроля деятельности политических партий: Монография. М., 2006. 121 с.

Чиркин В. Е. Правовое положение политических партий: российский и зарубежный опыт // Журнал российского права. 1999. № 3—4. С. 124—135.

Юдин Ю. А. Политические партии и право в современном государстве. М., 1998. 288 с. (рецензия: Смирнов В. В. // Государство и право. 2000. № 3. С. 119—121).

Работы об ***общественных организациях*** в политической системе общества:

Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 1996.

Баркова Т. Н. Взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций. СПб., 2004. 17 с.

Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963.

Общественные организации, право и личность. М., 1981. 367 с.

Солдатов С. А. Общественные организации в Российской Федерации: (Политико-правовое и институционное исследование). М., 1994. 191 с.

Сошникова Т. А. Правовые проблемы повышения роли профессиональных союзов в управлении государственными и общественными делами, защите трудовых прав работников // Государство и право. 2005. № 4. С. 37—41.

Шинелева Л. Т. Общественные неправительственные организации и власть. М., 2002. 217 с.

Ямпольская Ц. А. Общественные организации в СССР. М., 1972.

О церкви в политической системе общества см.:

Агапов А. Б. Церковь и исполнительная власть // Государство и право. 1998. № 4. С. 19—25.

Ахмедов Р. М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование: Монография. Уфа, 2002. 116 с.

Володина Н. В., Кулиев И. О. Взаимоотношения государства и религиозных объединений: опыт России и Азербайджана // Государство и право. 2002. № 9. С. 71—74.

Гуденица А. Н. Правовой статус Русской православной церкви: нормативно-институциональные аспекты. Ростов н/Д., 2002. 101 с.

Дементьева З. П. Проблемы государственно-конфессиональных отношений в России в контексте свободы совести: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2006. 147 с.

Кашеваров А. Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг. СПб., 1995. 148 с.

Клочков В. В. Социалистическое государство, право и религиозные организации. М., 1984.

Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1982.

Ловинюков А. С. Свобода совести: (Анализ, практика, выводы) // Государство и право. 1995. № 1. С. 24—36.

Лупарев Г. П. Социальное назначение религиозных организаций как основа их правового статуса // Государство и право. 1995. № 11. С. 23—31.

Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Минск, 1993. 480 с.

Мировой опыт государственно-церковных отношений: Учеб. пособие. М., 1998.

Морозова Л. А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. 1995. № 3. С. 86—95.

Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений) / Издание Сретенского монастыря. 1997. 430 с.

Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования: Монография. М., 2003. 414 с.

Понкин И. В. Светскость государства. М., 2004. 466 с.

Понкин И. В. Столетие французского закона о разделении церквей и государства: Сб. М., 2005. 78 с.

Рудинский Ф. М. Институт свободы совести. М., 1971.

Рудинский Ф. М., Шапиро М. А. Свобода совести и религий: международно-правовые пакты и национальное законодательство // Государство и право. 1992. № 5.

Салыгин Е. Н. Теократическое государство. М., 1999. 128 с.

Сафонов А. А. Проблемы свободы совести и вероисповеданий в общественных дискуссиях начала XX столетия // Правоведение. 2007. № 2. С. 203—220.

Скурко Е. В. Критерий сакральности / секулярности власти и права в условиях глобализации // Правоведение. 2007. № 4. С. 43—50.

Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение. Фундаментальный курс. М., 1998. 272 с.

Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. Изд-во РХГИ, 1996. 660 с.

Черемных Г. Г. Свобода совести в Российской Федерации. М., 1996. 185 с.

Шахов М. О. Конституционно-правовые основы государственно-конфесиональных отношений в Российской Федерации: Учеб. пособие. М., 2005. 106 с.

Шершнева-Цитульская И. А. Правовой статус религиозного объединения: понятия и виды // Государство и право. 2005. № 3. С. 109—113.

Политологи, а вслед за ними и юристы обсуждают политико-правовые проблемы относительно нового для российской политической системы явления — лоббизма. По мнению исследователей, формирование данного института предоставит гражданам, их организациям больше возможностей законным образом влиять на принятие решений и контролировать государственную власть.

«Лоббизм в широком смысле — это деятельность граждан, групп, организаций и других субъектов правоотношений по активному отстаиванию своих интересов. Лоббизм (в правовом смысле) — это совокупность норм, регулирующих взаимодействие (участие) граждан, групп граждан, общественных объединений, организаций, предприятий, специализирующихся на лоббистской деятельности, других субъектов правоотношений с органами государственной власти для оказания влияния на принятие необходимых лоббистам решений и для активного отстаивания своих интересов». (См.: Любимов А. П. Проблемы правового формирования лоббизма // Государство и право. 1999. № 7. С. 66.)

См. специальные работы по проблеме ***лоббизма***:

Автономов А. С. Азбука лоббирования. М., 2004. 112 с.

Автономов А. С. Экспертиза проекта Федерального закона «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти». М., 1995.

Вишняков В. Г. Проблемы государственного регулирования «лоббизма» в Российской Федерации // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1995. № 3. С. 62—68.

Любимов А. П. Гражданский лоббизм. Процедура и технологии обращений граждан. М., 1998.

Любимов А. П. Лоббизм как конституционно-правовой институт. М., 1998.

Малько А. В. Лоббизм и право // Правоведение. 1995. № 2.

Механизм регулирования лоббистской деятельности в современной России (Материалы «круглого стола») / А. П. Сюткина, С. Конюшко // Государство и право. 1998. № 1. С. 100—111.

Павлов В. Г. Инициативный законопроект о лоббизме // Государство и право. 1998. № 12. С. 47—54.

Отдельные работы (см. также литературу по конституционному праву и политологии, в рамках данных дисциплин различные аспекты демократии исследуются значительно полнее), посвященные проблемам демократии, ***непосредственному участию граждан в политической деятельности*** см.:

Алистратов Ю. Н. Право петиций в Российской Федерации. М., 1997. 93 с.

Астафичев П. А. Институт народного представительства в современной России: Монография. Орел, 2003. 291 с.

Астафичев П. А. Народное представительство и парламентаризм: Конституционные проблемы: Монография. Орел, 2004. 363 с.

Астафичев П. А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования // Государство и право. 2007. № 1. С. 5—10.

Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2003. (рецензия: Лазарев В. В., Чучелина Н. Н. Избирательные права граждан: опыт конституционно-правового исследования // Журнал российского права. 2005. № 6).

Ковлер А. И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. М., 1990. 256 с.

Ковлер А. И., Смирнов В. В. Демократия и участие в политике: критические очерки истории и теории. М., 1986. 192 с.

Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России: Учеб. пособие. М., 1998. 304 с.

Ноздрачев А. Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 14—26.

Нудненко Л. А. Теоретические основы права граждан РФ на проведение собраний, митингов, шествий и пикетирования // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 64—73.

Нудненко Л. А., Хаманева Н. Ю. Новый закон об обращениях граждан: достоинства и недостатки // Государство и право. 2007. № 3. С. 5—12.

Орлова О. В. Права и свободы личности как субъекта политической жизни // Государство и право. 2007. № 7. С. 50—56.

Основин В. С. Советская представительная система: вопросы теории и перестройки. Воронеж, 1991. 128 с.

Остром В. Демократия и самоуправление // Государство и право. 1994. № 4. С. 124—129.

Руденко В. Н. «Народное вето» как институт непосредственной демократии // Государство и право. 2004. № 3. С. 16—22.

Руденко В. Н. Методология исследования прямой демократии в современном обществе // Правоведение. 2003. № 4. С. 38—51.

Руденко В. Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. 474 с.

Скуратов Ю. И. Свобода собраний, митингов и демонстраций // Советское государство и право. 1989. № 7.

Хевсаков В. В. Многонациональный народ Российской Федерации — субъект непосредственной демократии: проблемы теории // Государство и право. 2008. № 2. С. 96—100.

Чиркин В. Е. Конституционные проблемы власти народа // Государство и право. 2004. № 9. С. 5—12.

В 1990-е гг. появились отечественные исследования проблем ***политического отчуждения личности***, см.:

Гулиев В. Е., Колесников А. В. Отчужденное государство. М., 1998. 214 с. (рецензия: Кененов А. А. // Государство и право. 1999. № 6. С. 123—124).

Рыбаков О. Ю. Политическое отчуждение человека. Саратов, 1997.

Интересны проблемы ***правовых и политических реформ***, средств, темпов, направленности преобразования политической системы общества, см., например:

Алексеев С. С. Перед выбором: Обновление или катастрофа? 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990. 288 с.

Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997.

Бирюков Н. И. Российская государственность: от кризиса к устойчивому развитию: теоретико-методологическое исследование: Монография. М., 2006. 416 с.

Бринчук М. М., Урсул А. Д., Мастушкин М. Ю. Правовые аспекты устойчивого развития: Учеб. пособие. М., 2005. 301 с.

Варламова Н. В. Посттоталитаризм: проблемы теории // Политические проблемы теории государства: Сб. ст. М., 1993. С. 16—28.

Веденеев Ю. А. Теория и практика переходных процессов в развитии российской государственности // Государство и право. 1995. № 1. С. 107—117.

Концепция стратегического развития России до 2010 года. М., 2001. 136 с.

Котляр В. С. Международное право и феномен «цветных революций» в странах СНГ // Государство и право. 2007. № 5. С. 71—76.

Кудрявцев В. Н. Какое государство мы строим. М., 1991. 95 с.

Лафонтен О. Общество будущего: политика реформ в изменившемся мире. М., 1990.

Малько А. В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999. 199 с.

Пляйс Я. А. Новый этап реформирования российской государственности: проблемы и перспективы. Ростов н/Д., 2002. 140 с.

Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. СПб., 1995.

Похмелкин В. В. В царство свободы дорога: очерки либеральной футурологии. М., 2001. 139 с.

Правовое обеспечение государственных реформ: проблемы и пути их решения / Егорова Н. Е., Иванюк О. А., Потапенко В. С. // Журнал российского права. 2007. № 10. С. 130—147.

Соколов Н. Я. Правовая реформа глазами юристов // Государство и право. 2006. № 6. С. 5—13.

Хабибуллин А. Г., Шахрай С. М., Ян Синьюй. Модернизация государства и права на современном этапе: российско-китайский взгляд: Монография. М., 2006. 207 с.

Чиркин В. Е. Государство социального капитализма (Перспектива для России?) // Государство и право. 2005. № 5. С. 54—60.

Шихата И. Правовая реформа: теория и практика: Учеб. пособие. М., 1998.

Об общих проблемах политико-правовых преобразований, о социальном идеале и будущем государственно-правовом устройстве в истории политических и правовых учений см.: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 541—604.

Литература ко всей теме:

Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: Конституционно-правовые основы. М., 1996.

Андреев С. С. Политическая структура и политический строй общества // Советское государство и право. 1991. № 10.

Герасименко А. П. Правовые и партийные государства. Благовещенск, 1996.

Гимпельзон Е. Г. Формирование советской политической системы (1917—1923). М., 1995. 234 с. (рецензия: Скрипилев Е. А. // Государство и право. 1997. № 3).

Любашиц В. Я. Эволюция государства как политического института общества. Ростов-н/Д, 2004. 286 с. (рецензия: Кашанина Т. В. // Государство и право. 2005. № 9. С. 118—120).

Любимов А. П. Правовые институты демократии России и стран Европы: выборы, лоббизм и парламентаризм: Сравнительный анализ. М., 1999.

Мартышин О. В. Российская Конституция 1993 г. и становление новой политической системы // Государство и право. 1994. № 10. С. 32—37.

Матусевич А. В. Нации и народности как элемент политической системы советского общества // Право и демократия. Вып. 4. Минск, 1991. С. 32—39.

Матусевич А. В. Политическая система: состояние и развитие / Под ред. В. И. Семенкова. Минск, 1992. 246 с.

Медведев Н. П. Политический консенсус: теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 239 с.

Оболонский А. В. Какую политическую систему мы унаследовали: (Анатомия «доапрельского» политического режима) // Советское государство и право. 1990. № 10.

Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семененко И. С. Группы интересов и российское государство. М., 1999. 352 с.

Селезнев Л. И. Политические системы современности: сравнительный анализ. СПб., 1995.

Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Политическая субъектность как характеристика современного Российского государства // Государство и право. 1999. № 12. С. 21—30.

Чиркин В. Е. Глобальные модели политической системы современного общества: индикаторы эффективности // Государство и право. 1992. № 5.

ГЛАВА 21

Взаимосвязь и взаимодополняемость государства и права

21.1. Механизм государственно-правового регулирования

Связь государства и права в ее динамическом варианте прослеживается через механизм государственно-правового регулирования общественных отношений.

Механизм государственно-правового регулирования — это система правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений.

С точки зрения структуры механизм государственно-правового регулирования — это сложная система, имеющая свои элементы. Однако здесь предполагается анализ не столько самих элементов, сколько их взаимодействия. И с точки зрения функционирования механизм государственно-правового регулирования — это процесс, имеющий определенные стадии. Рассмотрим сначала стадии процесса правового регулирования, а затем элементы механизма государственно-правового регулирования общественных отношений.

1. *Стадия регламентации общественных отношений, формирования и общего действия права.* На этой стадии осуществляется правотворческая деятельность компетентных государственных органов, формулируются и закрепляются в нормативных актах правовые нормы.

2. *Стадия возникновения у адресатов правовых норм субъективных прав и обязанностей.* Здесь происходит переход от общего к конкретному, от общих предписаний к конкретной модели поведе-

ния. Необходимое условие возникновения прав и обязанностей, т.е. правоотношений, — наличие юридических фактов (фактического состава). Не всегда субъективные права и обязанности могут возникнуть и быть реализованными только на основе правовых норм: во многих случаях необходимо государственно-властное предписание, содержащееся в правоприменительном акте. Таким образом, в содержание этой стадии факультативным элементом входит и правоприменительная деятельность; при этом правоприменительный акт выступает в качестве юридического факта.

3. *Стадия реализации субъективных прав и обязанностей в правомерном поведении субъектов права*. Правовое регулирование достигает своей цели, упорядочивая общественные отношения.

Указанным выше стадиям соответствуют следующие элементы механизма государственно-правового регулирования.

1. Важная роль отводится *нормам права*: они должны указать общее правило, масштаб поведения. Правовыми нормами определяются круг субъектов, их правовое положение, взаимные права и обязанности, меры ответственности за противоправное поведение. Правовая норма является моделью правоотношений. В гипотезе указаны юридические факты, которые необходимы для возникновения субъективных прав и обязанностей, содержащихся в диспозиции или санкции.

2. *Юридические факты* «включают» весь механизм правового регулирования. Юридическими фактами могут являться и акты применения права. На основе правовых норм и при наличии юридических фактов возникает *правовое отношение*: связь между субъектами права, содержание которой составляют взаимные *субъективные права и обязанности*.

3. Акты реализации прав и обязанностей — фактическое *поведение* участников правовых отношений в виде *соблюдения, исполнения* и *использования права*. Здесь заканчивается действие механизма правового регулирования, достигается упорядоченность общественных отношений, т.е. устанавливается *правопорядок*.

В качестве элементов механизма правового регулирования называют также *законность* и *правовую культуру*.

Таким образом, механизм государственно-правового регулирования представляет всю правовую систему в динамике, его исследование поднимает на новый уровень знание об отдельных частях правовой системы.

Различные проблемы механизма государственно-правового регулирования общественных отношений изучаются в теории государства и права начиная с 1960-х гг. Постепенно такая тема появилась и в учеб-

ной литературе, чаще всего она именовалась «Механизм правового регулирования общественных отношений». Представляется, что механизм правового регулирования немыслим вне связи с государством, поэтому точнее говорить о механизме государственно-правового регулирования. В рамках данной темы обычно получают освещение и проблемы понятия и форм правового воздействия; понятия, предмета и пределов правового регулирования; методов, способов и типов правового регулирования.

21.2. Личность, государство, право

Человеком (Homo Sapiens) принято называть разумное существо, способное мыслить, говорить и сознательно действовать.

Человек — продукт природы и Бога. Он из царства животных. Как и любому другому животному, ему присущи элементарные жизненные потребности, которые он удовлетворяет с присущим ему темпераментом и врожденными инстинктами. Но как человеку ему свойственны и более высокие потребности, осуществление которых он программирует интеллектуально и всегда в общении с себе подобными. Последнее формирует в человеке личность.

Личность — социализированный человек. Правильно говорят: человеком рождаются, личностью становятся. В человеке на первый план выходит его биофизическая природа, а в личности — общественная. Личность — продукт общения, продукт общества как системы общественных отношений. Маркс в этой связи замечал, что сущностью личности является не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество. Социальные привычки, социальные навыки, знания, культура и пр. — вот что выходит на первый план. *Личность — это человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, вносящий свой вклад в развитие общества* (Тугаринов).

И по отношению к человеку, и по отношению к личности допустимо и даже необходимо выявление неких индивидуальных, только этому человеку, только этой личности присущих черт и признаков. Человек представляет интерес для биолога, врача, философа, теолога, и много кого еще интересует человек. Для юриста человек интересен в своем особом качестве — в качестве гражданина.

Гражданин — это политико-правовое качество человека. В этом качестве при республиканском строе люди предполагаются одинаковыми. Все они и каждый в отдельности принадлежат к определенной общности — государству, являются членами этой общности. В монархических государствах, где государь является осуществлением (воплощением) государства, все люди являются

подданными. В наше время связь с государством так или иначе имеет каждый человек. Каждое цивилизованное государство принимает на себя обязанность не нарушать или даже охранять права человека. Однако эта обязанность конституируется прежде всего в отношении граждан данного конкретного государства. Более того, по отношению к своим гражданам (подданным) государство берет на себя многие позитивные обязанности.

Как только заходит речь об отношениях государства и человека, о взаимных правах и обязанностях государства и гражданина, об отношениях граждан между собой, вводится понятие субъекта этих отношений, субъекта (носителя) прав и обязанностей. *Субъект — суть обозначение человека или объединения людей в качестве участников общественных отношений, обладателей прав и обязанностей. Особым лицом выступает само государство.*

Издавна спорят о главенствующей стороне в отношениях *государства* и *личности*. Спор этот имеет свое философское основание, свою политическую и социологическую сторону. В конечном счете вопрос упирается в предпочтения коллективистскому или индивидуалистическому началу.

Политическая сторона обоснования первенства государства перед личностью наиболее отчетливо видна в марксизме, для которого коллективная (государственная) собственность и господство большинства над меньшинством неизбежно воплощаются в обоснование ведущей роли государства, в указание на его основную роль в строительстве коммунистического общества. Государство ради интереса общества вмешивается во все сферы жизни, не оставляя индивиду свободы выбора и тем более решения в своих частных интересах вопреки общественным.

В отличие от социалистических идеалов буржуазное общество покоится на принципах частной собственности, свободе договора, свободе вообще, и неудивительно, что здесь первенство отдается индивиду, личности. Личность не просто заключает договор с государством, но и в договоре с государством не переносит всех прав на него, а оставляет многое за собой. Люди как бы нанимают государство, дабы оно обеспечивало принадлежащие им права. Права естественные, не дарованные государством, а от природы данные человеку. Граждане контролируют государство и, в случае нарушения им договорных условий, имеют даже право на революцию.

Представляется, что в решении вопроса о первенстве государственного интереса перед личным или наоборот следует искать золотую середину, отдавая предпочтение интегративному подходу. При этом нельзя государство понимать как особый слой людей, которые

только тем и заняты, что управляют всеми остальными. Если так, то эти люди действительно приобретут свои особые интересы, и обязательно придется выбирать, чьим интересам следует отдать предпочтение. Отчужденное государство, государство с чрезвычайной относительной самостоятельностью никак не может иметь первенства, хотя в действительности добивается этого. Напротив, государство хорошо устроенное, государство «правильное», государство, в котором умно, научно определены все приоритеты в интересах развития общества в целом и каждого его члена, — такое государство должно иметь главенство над индивидуальным, над личностными ценностями. И опять же не над всеми. *В хорошо устроенном обществе законодательно определены сферы, в которых главенствует личность, и сферы, в которых господствует государство. В этом суть.*

Долгое время советская доктрина сопротивлялась разделению прав на *права человека* и права гражданина. Опять же это было вызвано позицией, согласно которой государство наделяет правами, и наделяет оно ими своих граждан. Вне связи государство — гражданин никаких прав быть не может.

Представление о неотъемлемых правах человека (право на жизнь и др.), данных ему Богом или природой с рождения, было основным постулатом естественно-правовой идеологии, под флагом которой совершались буржуазные революции. Но и к правам человека нельзя сводить все права, все-таки некоторые из них может предоставлять государство, и только государство: право на защиту судебных органов, право на государственную охрану жизни и здоровья, право избирать и быть избранным и т.д.

Разделение прав на права человека и права гражданина, вероятно, главное деление. Но существуют классификации и по иным основаниям: по субъектам (носителям прав), по роду деятельности правоохранительных органов, по предметным сферам прав. Однако прежде чем рассмотреть эти классификации, следует коротко определиться с самим пониманием прав.

Ранее мы определяли право в объективном смысле. Сейчас речь идет о праве в субъективном смысле. Причем в зависимости от того, с чем это право сопрягается, содержание его будет несколько разниться. Право в правоотношении — одно, вне правоотношения — другое; носитель свободы — одно, носитель ответственности — другое. Правоспособность и дееспособность, правовой статус и правовое положение — все эти состояния придают разную качественную характеристику субъективному праву.

Различают право как *требование*, как *притязание*, как *пользование*, как *поведение*.

Правовой статус (вся совокупность прав) может быть *общим* (конституционным), *отраслевым, специальным, индивидуальным, статусом физических и юридических лиц, статусом граждан, иностранцев и лиц без гражданства, статусом федеральным и региональным*. Понятно, что набор и объем прав в каждом таком случае будет разным.

Весьма распространено деление прав на *личные, политические, социально-экономические, культурные.*

К личным относят право на жизнь, достоинство, честь, доброе имя, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, свободу совести.

В политические права включают право на участие в управлении государством, право избирать и быть выбранным (занимать должности), право на объединение в организации, участие в митингах и демонстрациях, свободу слова.

Социально-экономические права охватывают право на частную собственность, землю, предпринимательскую деятельность, свободу труда и труд в надлежащих условиях, охрану семьи, право социального обеспечения, право на жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь. Культурные права: на образование, свободу творчества, пользование учреждениями культуры.

С некоторых пор сложилось едва ли не общее представление, будто права человека и гражданина нарушаются государством. Правозащитные движения формировались именно в этой связи. И пропагандистская работа всегда велась против государства. Между тем беглого взгляда на права достаточно, чтобы увидеть: большая часть прав может быть нарушена другими гражданами, разными организациями, а государство всегда и везде выступает в качестве защитника этих прав. Преступления против жизни и здоровья расследуются, как известно, только государственными органами, и приговоры по уголовным делам выносят только суды. Конечно, проблема прав становится куда более острой, если нарушителем выступают государственные чиновники или государственные органы. Но и здесь государство все же чаще всего выступает в качестве защитника прав, привлекая к ответственности за должностные преступления. И наконец, нельзя не видеть, как государство само становится нарушителем прав, подслушивая, подсматривая, запрещая, принуждая, когда закон на это не уполномочивает и даже запрещает. Другими словами, картина получается весьма пестрой, и всякий раз в нее следует всматриваться внимательно.

Большое значение придается *закреплению* прав и их *охране* в законодательстве. В ст. 2 Конституции РФ указано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение

и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». К сожалению, законы могут оказываться без должных механизмов реализации. Тем не менее следует смотреть на то, какие акты устанавливают права человека и гражданина, какие акты посвящены их защите, какие органы и организации призваны защищать права, какими методами и в каких формах. Существуют внутригосударственные и международно-правовые механизмы защиты прав человека.

21.3. Теория правового государства

Основные положения теории правового государства, как и некоторых других концепций, были развиты в период буржуазных революций, преобразования традиционных государств в государства конституционные. Как известно из предыдущих глав, в основе деления государств на традиционные и конституционные лежит взаимоотношение государства и личности, соблюдение в государственной деятельности прав человека. Традиционные государства имели неограниченную власть над подданными, отрицали равноправие всех людей, не признавали естественные права человека (прежде всего — личные и политические). Это, к примеру, рабовладельческие и средневековые монархии. В конституционных государствах (республиках и парламентарных монархиях XIX—XX вв.) народ является источником государственной власти, формирует законодательные органы, государство подчинено обществу, сфера его деятельности ограничена, признаны и гарантированы права человека.

Суть концепции правового государства, исходный пункт для последующих рассуждений и обоснования конкретных требований заключается в анализе соотношения не столько государства и права, что предполагается исходя из названия, сколько государства и личности. Основное положение теории правовой государственности гласит: в любых ситуациях интересы личности имеют приоритет перед интересами государства. Человек, личность есть всегда и во всем только цель, но никогда не является средством, даже ради достижения великой и благородной цели. Это исходный принцип правовой государственности, принцип гуманизма. Одним из первых в новое время данному утверждению придал значение фундаментальной философской и политической идеи (т.е. на ее основе начал строить последующие рассуждения) немецкий философ И. Кант (XVIII в.).

Впрочем, идеи гуманизма известны с давних пор, можно вспомнить хотя бы древнегреческого философа Протагора, который говорил: «Человек — мера всех вещей». Кант рассуждал примерно так:

каждое лицо обладает совершенным достоинством, абсолютной ценностью; личность не есть орудие осуществления каких бы то ни было планов, даже благороднейших планов общего блага. Человек — субъект нравственного сознания, в корне отличный от окружающей природы, — должен руководствоваться в своем поведении велениями нравственного закона. Этот закон, который Кант называет «категорическим императивом», гласит: «Поступай так, чтобы максима твоего поведения могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства». Или иными словами: поступай так, чтобы ты относился к человечеству и в своем лице, и в лице любого другого как к цели, и никогда только как к средству (см.: История политических и правовых учений: Учеб. / Под ред. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. С. 324).

Чтобы более четко представлять содержание основного принципа правового государства, следует рассмотреть обратное положение вещей: человек становится средством для достижения каких-либо целей, стоящих перед государством, например, для достижения всеобщего счастья, построения нового общества, наведения порядка и т.д. Такая ситуация возможна, когда государство довлеет над обществом, стремится установить над ним всеобщий контроль, преследуя свои цели. Интересно встречающееся в научной и учебной литературе противопоставление теорий правового и полицейского государства (см., например: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. С. 409—435).

Отличительной чертой полицейского государства является многопредметность административной деятельности, регламентация мельчайших особенностей жизни общества, назойливая опека над подданными. Цель государства состоит в осуществлении народного благоденствия, народного счастья. Счастья можно достичь благодаря регламентации всего и вся, поскольку бесполезно надеяться на то, что индивид может сам понимать, что для него и для государства хорошо, а что плохо. Известны слова Фридриха Великого: «Народу, как больному ребенку, следует указывать, что ему есть и пить». Все, что важно для государства, входит в орбиту административной деятельности и не может быть предоставлено свободному усмотрению и самостоятельности индивида. Полицейское государство охраняет граждан даже от их собственных действий. Власть в паутину своих инструкций вовлекала все: брак, воспитание, религию, одежду, образование, ремесла, строительство, науку, качество продуктов, потребление пищи, чистоту воды и воздуха, здравоохранение, а кое-где и выражение лица. Формально-казуистические правила и регламенты стирали границу между сферой индивидуальной свободы и компетенцией власти (см. там же. С. 409—410).

Кстати говоря, в Пруссии времен И. Канта (XVIII в.) существовал такой политический режим, особенности которого позволяли назвать

это государство полицейским. «Более, чем где бы то ни было в Европе, в Пруссии установилась всеобъемлющая опека полиции и чиновничества над всеми явлениями общественной и частной жизни. Закон вторгался во все: предписывал способы изготовления товаров, время работы и торговли, указывал, где должна стоять зажженная лампа в гумне и доме, сколько бутылок вина разрешается выставить на крестьянской пирушке, какое приданое должно быть дано новобрачной и пр. Политическая юстиция отправляла на смерть или на каторгу тысячи людей без сколько-нибудь законной процедуры. И так как этим целям недостаточно хорошо служили суды, были изобретены специальные комиссии. Шпионство и доносы приняли массовый характер. Все значительное было оттеснено или ушло от общественной жизни. Галеры и каторжные тюрьмы поглотили лучших. Проникнутые кастовым духом, бесконтрольные в своем отношении к народу, чиновничество и офицерство были главной опорой этого режима» (Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1983. С. 151).

Из указанного выше фундаментального требования правового государства — *приоритета интересов личности* в деятельности государства, принципа *гуманизма* — следует ряд других. В настоящее время юридическая наука выделяет следующие требования.

1. *Наличие развитого гражданского общества*. Дать определение такому явлению, как гражданское общество, достаточно непросто, в литературе существует множество точек зрения на этот счет. В самом общем виде *гражданское общество* — это та сфера общественных отношений, в которую государство не имеет право вмешиваться административными методами. Без наличия развитого гражданского общества вообще невозможно говорить о противопоставлении государства и личности, о более или менее равных взаимных правах и обязанностях, поскольку здесь государство целиком поглощает личность. Такие государства в XX в. получили название тоталитарных, а ранее — полицейских (см. рассмотренные выше характерные особенности последних).

2. *Признание суверенитета народа, формирование обществом законодательных органов государства*. Изначально верховной властью обладает только народ, который делегирует эту верховную власть на выборах парламенту — высшему представительному органу государства. Лишь парламенту предоставлено право издания законов — обладающих высшей юридической силой нормативных актов, в которых содержатся нормы права, регулирующие наиболее важные общественные отношения. Это — принцип демократизма.

3. *Разделение властей*, необходимое для предотвращения узурпации власти одним лицом либо группой лиц (подробнее об этом см. параграф 3.3). Особо следует подчеркнуть независимость судебной

власти, поскольку судебная власть призвана разрешать возникающие в обществе споры, защищать нарушенные права граждан. В более широком плане в литературе иногда говорится о независимости всех правоохранительных органов, о подчинении их только закону.

Три указанных положения представляют собой общие начала организации государственной власти, ее соотношения с обществом. Теперь рассмотрим основные принципы, на которых должна основываться деятельность государства, называющего себя правовым:

■ *подчинение государства праву*. Данное положение нередко провозглашается как основной или даже единственный признак правового государства. Это теория правового государства в узком смысле, так она рассматривается в отдельных работах, посвященных в основном историческому аспекту настоящей проблемы. В подчинении государства праву состоит практический смысл концепции правового государства: в деятельности государственных органов не должен господствовать произвол, эта деятельность должна быть чем-то (правом) ограничена.

В науке сложилось два основных варианта понимания данного принципа, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки:

■ ограничение деятельности государства им же издаваемым писаным, положительным правом, правом, содержащимся в нормативных актах. Это так называемое государство законности. Однако только таким положением не исчерпывается понимание правового государства;

■ ограничение деятельности государства идеальным, справедливым правом, в качестве которого могут выступать, например, естественные права человека.

В последнее время этот принцип стал дополняться следующим положением: праву должны подчиняться не только органы государства, но и граждане и их организации. Должно быть единство прав и обязанностей граждан, взаимная ответственность государства и личности. Необходимы организация и функционирование на правовых началах не только государственной власти, но и всей общественной жизни:

■ *признание приоритета естественных прав человека в деятельности государства*. Поскольку естественные права человека в современном мире нашли свое выражение в международном праве и в конституциях демократических государств, из данного принципа следуют еще два:

■ *соответствие внутреннего законодательства общепризнанным нормам и принципам международного права*;

■ *верховенство и прямое действие конституции*.

В качестве обязательных характеристик правовой государственности указывают и на следующие положения:

■ *соответствие законов праву, верховенство законов* как актов высшего представительного органа государства над другими нормативными актами;

■ *наличие специального органа конституционного надзора* (конституционный суд, конституционный совет и т.д.) или же предоставление функции контроля за соответствием конституции иных нормативных актов высшей судебной инстанции (верховному суду). Это положение логически следует из предыдущих четырех;

■ *ограничение сферы деятельности государства* охраной прав и свобод личности, общественного порядка, созданием благоприятных правовых условий для хозяйственной деятельности; ответственность каждого за собственное благополучие. Осуществление данного принципа направлено на создание и обеспечение сохранения гражданского общества; государственные органы должны четко представлять пределы своей деятельности. Однако в последнее время этот принцип стал все чаще заменяться принципами *социального* государства, в первую очередь в связи с необходимостью социальной защищенности личности, социальной справедливости, что требует уже противоположного — вмешательства государства в социально-экономическую сферу жизни общества.

Концепция социального государства в учебной литературе по теории государства и права обычно не излагается (одно из немногих исключений: Гойман-Червонюк В. И. Очерк теории государства и права: в 2 ч. М., 1996. С. 95—100). Для более подробного знакомства с данной концепцией можно обратиться к специальным работам (см. в обзоре литературы к главе 5), а также к учебникам по конституционному праву Российской Федерации, в которых разъясняется конституционная характеристика российского государства как социального (см., например: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. М., 1996. С. 131—142).

На основе рассмотрения основных положений теории правового государства, а также изучения специальной литературы можно предложить следующий вывод. В отечественной и зарубежной юридической, политологической, философской науке не существует единого понимания концепции правового государства. Разные авторы, рассуждая, по существу, в одном направлении, дают различный перечень принципов правового государства, акцентируют внимание на тех или иных проблемах данной концепции.

В настоящем издании правовое государство предлагается рассматривать в широком смысле: как требование справедливого государственного устройства. С такой точки зрения теория правового

государства является интегративной: она впитала в себя положения концепций гуманизма, гражданского общества, народного суверенитета, демократии, разделения властей, естественного права и некоторых других. Представляется возможным утверждать, что именно в этом аспекте теория правового государства понимается в большинстве научных работ.

В узком, инструментальном смысле правовое государство означает требование подчинения государства в своей организации и деятельности праву. Деятельность всех государственных органов должна быть основана на правовых началах; произвол, который ведет к нарушению прав граждан, должен быть исключен.

Ниже предложены некоторые современные варианты понимания правовой государственности.

В одной из первых теоретических работ советского периода, посвященных уже не критике, а обоснованию теории правового государства, внимание обращалось на следующие принципы: господство закона во всех сферах общественной жизни; связанность законом самого государства, его органов; незыблемость свободы личности, ее прав и интересов, чести и достоинства, их охрана и гарантированность; взаимная ответственность государства и личности; эффективные формы контроля и надзора за осуществлением законов и других нормативных правовых актов (см.: Кудрявцев В. Н., Лукашева Е. А. Социалистическое правовое государство // Коммунист. 1988. № 11. С. 44—55).

«Правовое государство можно определить как правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права. К числу отличительных признаков правового государства, как минимум, относятся: верховенство правового закона, реальность прав и свобод индивидов, организация и функционирование суверенной государственной власти на основе принципа разделения властей, правовая форма взаимоотношений между государством и личностью» (Нерсесянц В. С. История идей правовой государственности. М., 1993. С. 15).

«Правовое государство — это такое государство, в котором создаются условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права политической власти в целях недопущения злоупотреблений» (Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 160).

К признакам правового государства относятся: идея народного суверенитета (по сути, это главный признак правового государства); господство закона (права); разделение властей: реальное обеспечение прав и свобод личности, наличие развитого гражданского общества; создание институтов политической демократии, препятствующих сосредоточению власти в руках одного лица или органа; верховенство и правовое действие конституционного закона, установление в законе и проведение на деле суверенности государственной власти; возвыше-

ние суда как одного из средств обеспечения правовой государственности; соответствие законов праву и правовая организация системы государственной власти и др. (см.: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. С. 424—428).

Некоторая неопределенность и расплывчатость концепции правового государства отмечается и зарубежными юристами (см., например: Государственное право Германии: Пер. с нем. Т. 1. М., 1994. С. 53—63).

Вот один из вариантов правового государства, принятый в политологии. «Немецкий политолог А. Альбрехт выделяет следующие основные положения теории правового государства: 1) конституционализм, требующий, чтобы деятельность государства регулировалась правовыми нормами, зафиксированными в конституции; 2) плюрализм структуры политического сообщества, обеспечивающий положение, при котором участие в политике множества конфликтующих и взаимодействующих друг с другом сил оказывает сдерживающее влияние на государство; 3) государственная монополия на верховную власть в политическом сообществе, исключающая вмешательство каких-либо особых интересов в формирование государственной воли; 4) институционализированная обратная связь государства с общественным мнением, обеспечивающая контроль общества над государственным аппаратом; 5) процессуальная, формальная и материальная рационализация государства, призванная гарантировать соблюдение государством права и закона; 6) защита интересов перед государственной властью и судебный контроль над деятельностью государства» (Гаджиев К. С. Политическая наука: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1995. С. 196).

История идей правовой государственности. Как отмечают исследователи, вопрос о том, кто впервые употребил сам термин «правовое государство», не столь важен и представляет скорее историко-литературный интерес. Термин «государство права» — Rechtsstaat — появился впервые в книге немецкого ученого К. Т. Велькера «Конечные основания права, государства и наказания», вышедшей в 1813 г.

В принципе с позиций понимания теории правового государства как теории интегративной, синтетической можно видеть, что основные принципы правовой государственности имеют свою историю развития, некоторые исследовались и продолжают исследоваться ныне практически независимо от теории правового государства. Отдельные положения о справедливом по отношению к человеку государственном устройстве, объединяемые в настоящее время в теории правового государства, разрабатывались в политико-правовой мысли Древней Греции, Древнего Рима, в Средние века, в Новое время, в период буржуазных революций (Дж. Локк, И. Кант и др.).

Понимание «правового государства» как особого состояния государственного устройства утвердилось в немецкой литературе по государственному праву в первой половине — середине XIX в. в трудах К. Т. Велькера, Р. фон Моля, Ф. Ю. Шталя, Р. Гнай-

ста, Л. Штайна и др. В начале XX в. теория правового государства становится популярной во всей европейской юриспруденции. Особую значимость этой доктрине придает закрепление ее и ее принципов на конституционном уровне.

В России до революции 1917 г. теория правового государства разрабатывалась в трудах А. С. Алексеева, В. М. Гессена, С. А. Котляревского, П. И. Новгородцева, Н. И. Палиенко, М. А. Рейснера и некоторых других ученых.

В дореволюционной литературе проблемы соотношения государства и права получали неоднозначную оценку — верховенство права, самоограничение государства правом как признавалось, так и опровергалось. Сейчас более популярна первая точка зрения, в то же время многие авторы не признавали возможность самоограничения государства правом. Так, авторитетнейший в конце XIX — начале XX в. юрист Г. Ф. Шершеневич в «Общей теории права» рассматривает популярные теории «первенства права», нашедшие себе защитников в конце XIX — начале XX в. во многих европейских государствах (Л. Дюги, Г. Еллинек и др.), и критикует их, говоря о том, что «государство предшествует праву исторически и логически... Государственная власть не подчинена праву, потому что требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения. В действительности государственная власть находится всецело под санкцией общественного мнения, и этим правила ее деятельности переносятся в сферу морали» (см.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910. С. 299, 308).

После революции теория правового государства была отвергнута, хотя и были попытки обосновать правовой характер Советского государства. Среди российских ученых, находящихся в эмиграции, развивал теорию правового государства и даже пробовал примирить ее с социалистическими учениями С. И. Гессен (см.: Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 147—542). С 1920—1930-х гг. теория правового государства активно критиковалась в советской научной и учебной юридической литературе вплоть до конца 1980-х гг. Официальный курс на построение правового государства в СССР был взят на XIX конференции КПСС в 1988 г. Конституция РФ 1993 года провозгласила эти государства правовыми.

О развитии идей правовой государственности в истории политико-правовой мысли см. также: Теория государства и права: Хрестоматия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. Т. 2. С. 479—497.

Современный этап развития теории правового государства характеризуется закреплением ее принципов в конституциях и законодательстве, широким обсуждением проблем формирования, построения правового государства.

Теория правового государства во второй половине XX в. уже не является исключительно умозрительной, рациональной, утопической и практически неосуществимой концепцией создания справедливого государства. Она получила признание на конституционном уровне, на началах правовой государственности строится деятельность современных западных демократических государств.

То или иное государство прямо может и не провозглашать себя правовым либо заменить именно такую характеристику сходными понятиями. Например, согласно абз. 3 ст. 20 Основного закона ФРГ 1949 г. «законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие — законом и правом»; несмотря на отсутствие здесь термина «правовое государство» данная формулировка, как отмечается в литературе, является классическим признанием ценностей правовой государственности.

Демократические конституции, принятые после Второй мировой войны, стремятся яснее выразить свою прогрессивную направленность и поэтому, как правило, содержат уже в первых статьях такие характеристики государства, как правовое, социальное, демократическое, светское. Термин «правовое государство» все чаще встречается в конституциях с 70-х гг. XX в. Так, абз. 1 ст. 1 Конституции Испании 1978 г. гласит: «Испания конституируется в социальное и демократическое правовое государство, которое провозглашает высшими ценностями своего правопорядка свободу, справедливость, равенство и политический плюрализм».

Известные процессы конца 1980 — начала 1990-х гг., связанные с развалом социалистического лагеря и СССР, повлекли изменение государственного строя и политических режимов в бывших социалистических странах, странах СНГ и Балтии, что привело к принятию новых конституций. Практически во всех этих документах встречается термин «правовое государство». Так, в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ сказано: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Конституция РБ 1994 г. (ч. 1 ст. 1) гласит: «Республика Беларусь — унитарное демократическое социальное правовое государство». В то же время — и данное обстоятельство имеет более существенное значение, чем прямое провозглашение того или иного государства правовым, — большинство принципов правового государства закреплены в конституциях современных демократических государств.

Положения Конституции РФ, в которых закреплены принципы правового государства:

- приоритет интересов личности, принцип гуманизма — ст. 2;

- суверенитет народа, принципы демократии — ч. 1, 2 ст. 3;
- принцип разделения властей — ст. 10;
- принцип независимости суда — ч. 1 ст. 120;
- подчинение государства праву — ч. 2 ст. 15;
- провозглашение нерушимости прав человека со стороны государства, установление основ механизма гарантий прав и свобод — ч. 1, 2 ст. 17, ст. 18;
- приоритет норм международного права перед нормами национального права — ч. 4 ст. 15;
- принцип верховенства конституции по отношению к другим законам и подзаконным нормативным актам — ч. 1 ст. 15.

Проблемы формирования правового государства актуальны для отечественной юридической науки в связи с изменением типа политической системы. Здесь так же, как и в понимании изучаемой теории, немало нерешенных проблем.

В Конституции РФ Россия уже провозглашена правовым государством. В то же время обсуждаются проблемы формирования правового государства. Поэтому сначала следует разобраться в вопросе: можно ли считать правовыми современные государства, которые так себя называют или провозглашают в законодательстве принципы правового государства? Научные публикации не дают однозначного ответа на этот вопрос.

Ответ зависит от того, будем ли мы рассматривать правовое государство как некую идеальную модель, к достижению сходства с которой будут стремиться все государства, или как ряд требований, которые обязуется выполнять государство во взаимоотношениях с личностью и обществом. В первом случае ни одно из существующих государств нельзя назвать правовым (по следующим причинам: нарушения прав человека неизбежны, хотя бы из-за отклоняющегося поведения должностных лиц; не везде провозглашенные права можно надлежащим образом гарантировать по причине бедственного экономического положения и т.д.), и все будут заниматься «построением» правового государства, находясь на разных стадиях этого строительства. Во втором случае в принципе все государства с демократическим политическим режимом, в конституциях которых закреплены основные положения правовой государственности, можно именовать правовыми. Возможен и промежуточный вариант, когда только некоторые государства с развитой экономикой и устойчивыми демократическими традициями (обычно к ним относят США, ФРГ, Швецию и некоторые другие страны) называют правовыми, а все остальные — стремящимися к этому качеству. По крайней мере, в научных публикациях встречается и такая точка зрения.

Исходя из изложенного, представляется вполне логичным употребление терминов «формирование» или «построение» правового

государства, когда речь идет о процессах провозглашения и реального соблюдения прав человека, связанности правами человека государственной власти и т.д. В процессе формирования правового государства представляется возможным выделить два направления.

1. Закрепление на конституционном уровне принципов правового государства.
2. Конкретизация этих принципов в правотворческой и оперативно-исполнительной деятельности государственных органов.

Конкретные шаги по формированию правового государства сводятся к обеспечению реального действия норм, закрепляющих принципы правового государства. Они состоят в следующем:

- деэтатизация (разгосударствление) социальной жизни (в тоталитарном государстве, каковым называют СССР, существовал всеобъемлющий контроль государства над обществом, сейчас же необходимо формировать гражданское общество);
- обеспечение верховенства закона во всех сферах жизни общества;
- демократизм и научность правотворчества, постоянное совершенствование законодательства;
- создание эффективной системы надзора за законностью;
- обеспечение правовой защиты всех субъектов социального общения от произвольных решений кого бы то ни было;
- обеспечение неотвратимости юридической ответственности;
- четкое разграничение компетенции властей, недопустимость подмены одной власти другой, создание механизма сдержек и противовесов;
- повышение авторитета представительных органов;
- повышение эффективности деятельности исполнительных органов, контроль за их деятельностью;
- обеспечение независимости суда;
- повышение правовой культуры населения и должностных лиц государственных органов и т.д.

Необходимо иметь в виду и следующие самые общие соображения. Процесс построения правовой государственности начался на территории бывшего Советского Союза не «снизу», а «сверху», со стороны именно государства, и в этом заключена скрытая опасность. Только мероприятия, навязанные обществу государством извне, не могут привести к желаемому результату. Для реального функционирования правовой государственности необходимы устойчивые культурные традиции, развитое правосознание народа, достаточно благополучное состояние экономики.

Обзор специальной литературы по теме

О ***механизме государственно-правового регулирования общественных отношений*** см.:

Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: Монография. Барнаул, 2005. 187 с.

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

Бобылев А. И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 104—109.

Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). М., 1992.

Дубинкина С. Н. Механизм международно-правового регулирования международных общественных отношений // Государство и право. 2007. № 7. С. 108—113.

Кожевников В. В., Марфицин П. Г. Уголовно-процессуальный аспект механизма правового регулирования: Учеб. пособие. Омск, 1998.

Лукьянова Е. Г. Механизм процессуального регулирования и его элементы // Журнал российского права. 2001. № 7.

Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 6.

Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров и др. Красноярск, 1989. 203 с.

Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002. 152 с.

Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4. С. 34—45.

Сырых В. М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2(3). С. 106—119.

Фатеев П. П. Механизм административно-правового регулирования: Учеб. пособие. Тюмень, 2004. 59 с.

Шиханцов Г. Г. Социальный механизм действия права // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14. С. 57—65.

Шундиков К. В. Механизм правового регулирования: Учеб. пособие. Саратов, 2001. 102 с.

Шундиков К. В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. 2006. № 12. С. 21—21.

Исследования проблем ***правового положения личности*** велись и в советской юридической науке, см. ***исследования 60—80-х гг.*** XX в.:

Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности. М., 1979.

Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. 175 с.

Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.

Вопросы развития и защиты прав граждан: Сб. ст. Калинин, 1977.

Гукасян Р. Е. Концепция слияния прав и обязанностей и административно-командные методы управления // Советское государство и право. 1989. № 2.

Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984.

Демократия и правовой статус личности в социалистическом обществе / Отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1987. 231 с.

Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве. М., 1982. 232 с.

Кабалшин А. Ю. Социально-экономические права советских граждан. М., 1986.

Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность: политико-правовые аспекты. Красноярск, 1986. 136 с.

Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. 256 с.

Кучинский В. А. Личность. Свобода. Право. Минск, 1978.

Личность в XX столетии: анализ буржуазных теорий. М., 1979.

Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М., 1986.

Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. М., 1987. 155 с.

Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968.

Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.

Мельникова Э. Б. Буржуазная юстиция и права человека: критический анализ механизма судебной охраны. М., 1987.

Олейник П. А. Личность. Демократия. Законность. М., 1981. 120 с.

Орзих М. Ф. Личность и право. М., 1975. 111 с.

Орзих М. Ф. Право и личность. Киев; Одесса, 1978.

Охрана прав и интересов личности по уголовному законодательству социалистических стран / Под ред. Ю. М. Ткачевского, И. М. Тяжковой. М., 1989. 230 с.

Патюлин В. А. Государство и личность в СССР: правовые аспекты взаимоотношений. М., 1974. 246 с.

Попков В. Д. Социальная политика Советского государства и право. М., 1979. 136 с.

Права личности в социалистическом обществе / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. М., 1981. 272 с.

Проблема свободы и прав человека в современной идеологической борьбе. М., 1986.

Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1983. 264 с.

Сабо И. Идеологическая борьба и права человека. М., 1981.

Смирнов О. В. Природа и сущность права на труд в СССР. М., 1964.

Социализм и личность: Сб. ст. М., 1979. 166 с.

Социалистическая концепция прав человека. М., 1986. 221 с.

Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.

Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека. М., 1978.

Эбзеев Б. С. Конституционные основы свободы личности в СССР. Саратов, 1987.

Эбзеев Б. С. Советское государство и права человека. Саратов, 1986.

С 90-х гг. XX в. развивается ***современная теория прав человека***:

Абашидзе А. Х., Абдалла И. А. Арабская хартия прав человека // Правоведение. 2000. № 1. С. 196—200.

Абдулаев М. И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты. СПб., 2004. 320 с.

Абдулаев М. И. Права человека: историко-сравнительный анализ. СПб., 1998. 283 с.

Анисимов П. В. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики. М., 2006. 478 с.

Багдасаров В. Ю. Права человека в Российской империи: вопросы истории отечественной правовой мысли. Ставрополь, 1996.

Бадирян Г. М. Права личности: исторические и теоретические аспекты обоснования и признания // Государство и право. 2006. № 8. С. 54—61.

Белая книга России: наблюдения и предложения в области прав человека. Франкфурт-на-Майне. М., 1994.

Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. 142 с.

Бернацкий Г. Г. Естественное право. Права человека. Мораль. СПб., 2000. 167 с.

Бондарь Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д., 1996.

Бондарь Н. С. Права человека и реформа советской политической системы // Правоведение. 1990. № 2. С. 3—13.

Василевич Г. А. Конституция. Человек. Государство. Минск, 2000. 312 с.

Василевич Г. А. Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства (комментарий к статьям Конституции Республики Беларусь). Минск, 1999. 192 с.

Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 448 с.

Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. М., 1997. 304 с.

Глотов С. А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека. Саратов, 1999.

Глотов С. А., Мазаев В. Д. Современная концепция прав человека в принципах и нормах Совета Европы: Путеводитель по спец. лекц. курсу. М., 2001. 554 с.

Глухарева Л. И. Методологические аспекты развития теории прав человека // Государство и право. 2006. № 3. С. 14—19.

Глушакова С. И. Права человека в России: Учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. 494 с.

Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.

Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство: Монография. М., 2001. 348 с.

Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. М.: Юристъ, 2005. 303 с.

Грачев А. А., Куницын А. С. Права человека и правовая мысль России (XVIII — начало XX вв.): Антология: Учеб. пособие. Курск, 2001. 388 с.

Дженис М. и др. Европейское право в области прав человека: Практика и комментарии: Пер. с англ. / М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли. М., 1997. 640 с.

Дмитриев Ю. А., Златопольский А. А. Гражданин и власть. М., 1994. 160 с.

Дробязко С. Г. Личность в праве // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 16 / Редколл.: В. Н. Бибило и др. Минск, БГУ. 2005. С. 3—20.

Евменов Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы — решения. Опыт философского исследования. Минск, 2000. 450 с.

Жуйков В. М. Права человека и власть закона. М., 1995. 284 с.

Затонский В. А. Государство и личность в системе государственности (К вопросу о содержании базовых категорий теории государства и права) // Государство и право. 2007. № 10. С. 5—12.

Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 1. С. 87—101.

Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир (Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию Всеобщей декларации прав человека / Р. В. Нигматуллин, Р. Ф. Хабиров // Государство и право. 1999. № 11. С. 95—99.

Институт прав человека в России / Г. Н. Комкова и др. Саратов, 1998.

Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. 134 с. (рецензия: Старушенко Г. Б. // Государство и право. 1996. № 4. С. 157—159).

Ковалев М. И. Генетика человека и его права (Юридические, социальные и медицинские проблемы) // Государство и право. 1994. № 1. С. 12—22.

Козулин А. И. Об источниках прав человека // Государство и право. 1994. № 2. С. 144—152.

Колотова Н. В. Право и права человека в условиях глобализации (Научная конференция) // Государство и право. 2006. № 2. С. 105—120.

Комаров С. А., Титенков Д. И. Реализация идеи «права человека» в российском законодательстве: международно-правовой аспект: Учеб. пособие. СПб., 2003. 148 с.

Конституционные права в России: дела и решения: Учеб. пособие / Т. Д. Зражевская и др. М., 2002. 749 с.

Королец Е. Личные права граждан в программных документах политических партий России дореволюционного периода (краткий обзор) // Право и жизнь. 1992. № 2. С. 158—166.

Кроткова Н. В. «Круглый стол»: «Права человека и стратегия устойчивого развития» // Государство и право. 1998. № 11. С. 103—119.

Крусс В. И. Личностные «соматические» права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 4350.

Крусс В. И. Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности: Монография / Отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юристъ, 2003. 672 с. (рецензия: Гаджиев Г. А. и др. // Государство и право. 2004. № 2. С. 121—123).

Лазарев В. М. Сущность и юридическая природа прав человека: вопросы теории. Волгоград, 2005. 39 с.

Левина М. И. Первая российская декларация прав и свобод: мечты и реальность (историко-правовой аспект) // Государство и право. 1995. № 11. С. 135—144.

Ледях И. А. Хартия основных прав Европейского Союза // Государство и право. 2002. № 1. С. 51—58.

Личность в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право. 1989. № 9—11.

Личность, общество, государство. Минск, 1996. 122 с.

Луковская Д. И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // История государства и права. 2007. № 15. С. 2—4.

Луковская Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. 2007. № 12. С. 32—36.

Лукьянцев Г. Е. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. М., 2000. 279 с.

Малеина М. Н. Право индивида на телесную (физическую) неприкосновенность // Государство и право. 1993. № 4. С. 97—106.

Медицина и права человека: Пер. с фр. М., 1992. 214 с.

Международные акты о правах человека: Сб. док. / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. М., 2002. 994 с.

Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практическое пособие / Алексеева Л. Б. и др. М., 1996.

Морозова Л. А. Права человека в условиях становления гражданского общества (Международная научно-практическая конференция) // Государство и право. 1997. № 10. С. 102—110.

Морозова Л. А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву («круглый стол» журнала «Государство и право») // Государство и право. 1998. № 7, 8, 10.

Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. 160 с.

Никифорова Н. А. Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика. М., 1991. 96 с.

Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1996. 520 с.

Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. 1999. № 10. С. 83—90.

Поленина С. В. Мультикультуризм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 5. С. 66—77.

Права русского человека: Материалы Русской Национальной правозащитной Секции Международного Общества Прав Человека. М., 2002. 127 с.

Права человека в России: декларация, нормы и жизнь (Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека) / Р. А. Каламкарян // Государство и право. 2000. № 3—4.

Права человека в современной религиозной мысли Запада. М., 1992.

Права человека и межнациональные отношения: Сб. ст. М., 1994. 132 с.

Права человека и политическое реформирование: юридические, этические, социально-психологические аспекты / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1997. 151 с.

Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2007. 464 с.

Права человека и статус правоохранительных органов (Материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. 1994. № 11. С. 81—119.

Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2000. 320 с.

Права человека накануне XXI века. М., 1994.

Права человека. История, теория, практика / Орг. авт. колл. Б. Назаров. М., 1995.

Права человека: вопросы истории и теории: Материалы межвуз. науч.-теор. конф. Санкт-Петербург, 24 апреля 2004 г. / Сост. Е. В. Тимошина, Н. А. Чекунов; Под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2004. 211 с.

Права человека: время трудных решений: Сб. ст. М., 1991. 176 с.

Права человека и социально-политические процессы в посткоммунистической России / И. Б. Михайловская и др. М., 1997.

Права человека: итоги века, тенденции, перспективы (Материалы «круглого стола») // Государство и право. 2001. № 5. С. 89—100.

Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под общ. ред. Е. А. Лукашевой. М., 2002. 448 с.

Права человека: проблемы и перспективы / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1990. 160 с.

Права человека: Учеб. / Под ред. А. Е. Лукашевой. М., 1999. 573 с.

Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека: Учеб. пособие. СПб., 2001. 95 с.

Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права: Труды разных лет. М., 2006. 1234 с.

Румянцева Т. С. Российская Конституция и права человека // Конституционный строй России: Сб. ст. Вып. 1. М., 1992. С. 114—124.

Рыбаков О. Ю. Личность и правовая политика в российском государстве. Саратов, 2003. 192 с. (рецензия: И. Ю. Козлихин // Правоведение. 2004. № 1. С. 256—257.

Рыбаков О. Ю. Личность. Права и свободы. Правовая политика: Монография. М, 2004. 258 с.

Саидов А. Х. Международное право прав человека: Учеб. пособие. М., 2002. 197 с.

Саидов А. Х. Общепризнанные права человека: Учеб. пособие / Под ред. И. И. Лукашука. М., 2002. 267 с.

Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека. Л., 1990.

Свобода. Равенство. Права человека: Пер. с англ. М., 1997.

Смоленский М. Б. Права личности в системе современного правопонимания: Учеб. пособие. Ростов н/Д., 1998.

Смоленский М. Б. Правовая личность: теоретико-правовой аспект самореализации ее полномочий в системе конституционного права: Монография. Ростов н/Д., 2000. 127 с.

Суворов Л. К. Об ограничении политических прав и свобод работников правоохранительных органов // Государство и право. 1994. № 11. С. 119—126.

Тарновский Е. Н. Четыре свободы. СПб., 1995.

Трошкин Ю. В. Права человека: нарушения и защита прав человека и прессы: Учеб. пособие. М., 1997. 245 с.

Фабрициус Ф. Права человека и европейская политика. М., 1995.

Фетюхин М. И. Поколения прав человека и механизм их защиты: Учеб. пособие. Волгоград, 2004. 142 с.

Цыбулевская О. И., Власова О. В. Достоинство личности и гражданское общество. Саратов, 2008. 208 с.

Чекунов Н. А. Права человека: вопросы истории и теории // Правоведение. 2004. № 3. С. 224—230.

Честнов И. Л. Универсальны ли права человека? (Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Правоведение. 1999. № 1. С. 73—82.

Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5—13.

Шайо А. Универсальные права, миссионеры, обращенные и «местные дикари» // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998. № 2 (23).

Шевцов В. С. Права человека и государство в Российской Федерации. М., 2002. 437 с.

Эбзеев Б. С. Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции (К методологии исследования) // Государство и право. 2004. № 2. С. 5—12.

Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. Черкесск, 1992.

Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционная обязанность. М.: Норма, 2007. 383 с. (рецензия: Левакин И. В., Серегин Н. С. Ответственность и обязанности, права и свободы в диалектике конституционализма // Государство и право. 2008. № 3. С. 120—121).

Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. М.: Юрид. лит., 2005. 567 с. (рецензия: Васильев А. В., Левакин И. В. Современный российский конституционализм: теоретическая модель и практическое содержание // Государство и право. 2006. № 2. С. 121—124).

Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции: Учеб. пособие. М., 2004. 496 с. (рецензия: Скуратов Ю. И. // Государство и право. 2005. № 3. С. 121—123).

Юнусов А. А., Юнусов М. А. Институт прав и свобод человека и гражданина в постсоветской России: Монография. Челябинск, 2004. 243 с.

О ***гендерных аспектах*** прав человека, см.:

Поленина С. В. Гендерное равенство. Проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин: Учеб. пособие. М., 2005. 2005. 269 с. (рецензии: Дудко И. Г., Потапова С. В. // Правоведение. 2006. № 2. С. 256—260; Богданова Н. А. // Государство и право. 2006. № 4. С. 116—118).

Скурко Е. В., Магомедова Е. А., Никитина Н. К. Правовые проблемы гендерного равенства в России: философия, социология, юридическая техника (Обзор материалов «круглого стола» // Государство и право. 2007. № 9. С. 113—119.

О возможности ***ограничения прав человека*** см.:

Гасанов К. К., Стремоухов А. В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. 2004. № 1. С. 164—173.

Дербин А. П. О некоторых аспектах ограничения прав и свобод личности // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2002. № 4. С. 79—85.

Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 103—115.

Малько А. В. Об ограничении прав и свобод человека и гражданина в проекте Конституции Российской Федерации // Государство и право. 1993. № 3. С. 97—101.

Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М.: Норма, 2006. 479 с.

Специальная литература по проблемам ***обеспечения прав человека***:

Анохин Ю. В. Контрольно-надзорный механизм обеспечения прав и свобод личности: Монография. Барнаул, 2005. 112 с.

Варламова Н. В. Юрисдикция государства как основание ответственности за обеспечение прав и свобод человека (Практика Европейского Суда по правам человека) // Государство и право. 2007. № 11. С. 34—39.

Калашников С. В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 17—25.

Луковская Д. И. Гарантии прав личности // История государства и права. 2007. № 16. С. 35—37.

Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.

Научно-теоретическая конференция в г. Саратове («Проблемы конституционного развития Российской Федерации и обеспечение прав человека» 26—27 мая 1994 г.) // Государство и право. 1994. № 12. С. 151—153.

Обеспечение и охрана советской милицией конституционных прав и свобод граждан. М., 1988.

Познер Р. Цена обеспечения юридических прав // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 1995. № 3.

Прудников А. С., Андриашин Х. А. Административно-правовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина: Учеб. / Предисл. В. П. Лобзякова. М., 1998. 148 с.

Ростовщиков И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР: вопросы теории. Саратов, 1988. 119 с.

Ростовщиков И. В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел. Волгоград, 1996.

Толкачев К. Б., Хабибулин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991.

Уваров А. А. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина // Государство и право. 2005. № 7. С. 82—84.

Ходаковский Д. В. Международные институты по контролю за соблюдением прав и свобод человека. Параметры становления и развития в современном миропорядке // Государство и право. 2004. № 12. С. 51—60.

Шадрин В. С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4. С. 96—104.

Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990.

Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции (По материалам научно-практической конференции) / Р. А. Каламкарян // Государство и право. 2002. № 4—5.

Специальные работы по проблеме ***защиты прав человека и гражданина***:

Барри Д. Возмещение убытков, причиненных государством: аспекты защиты прав человека в США // Государство и право. 1993. № 1. С. 110—119.

Беломестных Л. Л. Права человека и их защита: в 3 т. М., 2003.

Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005. 588 с. (рецензия: Крусс В. И., Суворова С. А. Конституционное правосудие и защита прав человека // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 154—157).

Бутылин В. Н. Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан. М., 2001. 177 с. (рецензия: Горобец В. Д. Права и свободы гражданина под охраной государства // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 165—167).

Бутылин В. Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 80—91.

Визер Б. Защита прав человека в Австрии // Государство и право. 1993. № 1. С. 100—109.

Глотов С. А., Петренко Е. Г. Права человека и их защита в Европейском Суде. М., 2000. 139 с.

Глущенко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика): Монография. СПб., 1998. 374 с.

Даниленко Г. М. Международная защита прав человека. Вводный курс: Учеб. пособие. М., 2000. 256 с. (рецензия: Каламкарян Р. А. // Государство и право. 2001. № 9. С. 127—128).

Дюрягин И. Я. Гражданин и закон (о защите прав и законных интересов граждан). М., 1989.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Государство и право. 1993. № 4. С. 37—53.

Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. 320 с.

Защита прав человека в современном мире: Сб. ст. М., 1993. 146 с.

Защита прав человека в условиях перехода к рынку («круглый стол») // Государство и право. 1993. № 6. С. 15—45.

Защита прав человека: международные и российские механизмы. М., 2000. 392 с.

Информационно-аналитические материалы и предложения по вопросу «О мерах по защите прав граждан Российской Федерации в государствах — участниках СНГ и странах Балтии» // Государство и право. 2005. № 6. С. 20—29.

История, философия, принципы и методы правозащитной деятельности. Вып. 1. М., 1995.

Кашепов В. П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации // Государство и право. 1998. № 2. С. 66—71.

Кашепов В. П. Судебная защита прав и свобод граждан: Науч.-практ. пособие. М., 1999.

Кивель В. Н. Права человека: проблемы формирования механизма защиты // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 8. Минск, 1997. С. 35—39.

Кириллов В. М. История репрессий и правозащитное движение в России: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1999.

Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека («круглый стол») // Государство и право. 1994. № 10. С. 3—31.

Лазарев В. В., Хабриева Т. Я. Охрана конституции и конституционных прав граждан. М., 1996. 55 с.

Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (Теория и практика современности): Монография. М., 2005. 268 с.

Лукашева Е. А. Совершенствование деятельности государства — необходимое условие обеспечения прав человека // Государство и право. 2005. № 5. С. 61—65.

Макушин А. А. Идея конституционной защиты человека в России // Правоведение. 2004. № 1. С. 15—25.

Мархгейм М. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования: Монография. Ростов н/Д., 2005. 199 с.

Матвеева Т. Д. Неправительственные организации в механизмах защиты прав человека. М., 1997. 227 с. (рецензия: Власенко И. Б. // Государство и право. 1999. № 1. С. 124—125).

Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990.

Механизм защиты прав человека в России. М., 1996.

Обзор роли и деятельности неправительственных правозащитных организаций. М., 1995.

Обухова Е. С. Совершенствование законодательства Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Государство и право. 2008. № 2. С. 24—31.

Рисдал Р. Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе // Государство и право. 1993. № 4. С. 29—36.

Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сб. ст. / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2003. 634 с.

Ростовщиков И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. 192 с. (рецензия: Сенякин И. Н., Синюков В. Н. // Государство и право. 2000. № 1. С. 124—125).

Сальников В. П., Цмай В. В. Современная система защиты прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 82—98.

Самович Ю. В. Международная судебная защита права человека: Монография. Казань, 2006. 317 с.

Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Т. Н. Москалькова и др. М., 1998. 388 с.

Снежко О. А. Государственная защита прав граждан: Монография. М., 2005. 265 с.

Снежко О. А. Проблемы совершенствования правозащитного законодательства // Правоведение. 2004. № 6. С. 17—22.

Социальное государство и защита прав человека: Сб. ст. М., 1994. 147 с.

Стремоухов А. В. Человек и его правовая защита. Теоретические проблемы: Монография. СПб., 1996. 375 с.

Терехин В. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан // Государство и право. 2001. № 8. С. 42—50.

Туманов В. А. Европейский суд по правам человека: Очерк организации и деятельности. М., 2001. 295 с.

Тутинас В. А., Тутинас Е. В. Системы защиты прав личности и социальные конфликты: Монография. Сочи, 2006. 254 с.

Участие власти в защите прав человека: комиссии и Уполномоченные / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2001. 215 с.

Хаманева Н. Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М., 1997. 216 с.

Холланд М., Аметистов Э. Защита прав человека в России и США: глазами друг друга. М., 1995.

Чурилов А. В., Гущин В. З. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве // Государство и право. 1998. № 5. С. 59—67.

Об институте ***омбудсмена*** см.:

Бойцова В. В. Народный правозащитник. Статус и функционирование: опыт сравнительного изучения (с авторскими комментариями). Тверь, 1994.

Бойцова В. В. Служба защиты прав человека и гражданина: мировой опыт. М., 1996. 385 с. (рецензия: Автономов А. С. // Государство и право. 1998. № 1. С. 113—114).

Вагизов Р. Г. Институт уполномоченного по правам человека: история, теория, практика: Учеб. пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 154 с.

Институт защиты прав человека в России: перспективы развития. Интервью с Уполномоченным по правам человека О. О. Мироновым // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 3—8.

Комарова В. В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации // Государство и право. 1999. № 9. С. 21—31.

Лохматов Е. А. Институт обмудсмена и конституционное правосудие в постсоциалистических государствах Балтийского региона: механизмы взаимодействия // Правоведение. 2007. № 5. С. 21—28.

Мальцев В. А., Сантуш Р. Д. Роль правового института омбудсмена в системе контроля соблюдения прав и свобод личности. Воронеж, 1997. 52 с.

Соколов А. Н. и др. Институт омбудсмена в современном мире: Монография. Калининград, 2001. 150 с.

Соколов А. Н., Трумпель К. Б. Парламентский омбудсмен: генезис, функционирование, тенденции развития: Монография. Калининград, 2000. 94 с.

Сунгуров А. Ю. Институт омбудсмана: эволюция традиций и современная практика: опыт сравнительного анализа. СПб.: Норма, 2005. 383 с.

Сунгуров А. Ю., Шишлов А. В. Сравнительный анализ законодательства об Уполномоченном по правам человека в некоторых субъектах Российской Федерации // Государство и право 2003. № 4. С. 41—47.

Хаманева Н. Ю. Контроль омбудсмена за соблюдением прав и свобод граждан // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. М., 1994

Хаманева Н. Ю. Уполномоченный по правам человека — защитник прав граждан. М., 1998. 80 с.

Хиль-Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмена). М., 1997.

Шеенков О. А. Зарождение и развитие института омбудсмана: мировой опыт: Монография. М., 2004. 151 с.

Шеенков О. А. Становление конституционного института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2004. 263 с.

Общая литература по проблемам ***правовой государственности***:

Айзенштадт Я. От тоталитарного государства к правовому. М., 1993.

Алексеев С. С. Правовое государство — судьба социализма: Научно-публицист. очерк. М., 1988. 176 с.

Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997.

Батурин Ю. М., Лившиц Р. З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению: Политико-правовой взгляд. М., 1989.

Бланкенагель А. О понятии правового государства // Общественные науки. 1990. № 2.

Бляхман Б. Я. Правовое государство: история и проблемы построения. Кемерово, 1995.

Боер В. М. и др. Правовое государство: идея, концепция, реальность. СПб., 1996.

Боер В. М., Янгол Н. Г. Российская государственность: от тоталитаризма к правовому государству. СПб., 1997.

Вавилов К. К. Социалистическое правовое государство, сущность и пути формирования. Л., 1991.

Василевич Г. А. Проблемы формирования социального правового государства в переходный период // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 16 / Редколл.: В. Н. Бибило и др. Минск, БГУ. 2005. С. 32—41.

Венгеров А. Б. «Несущие конструкции» правового государства // Право и власть. М., 1990.

Верховенство права: Сборник: Пер. с англ. М., 1992. 216 с.

Визер Б., Будер Й. Принцип правового государства в конституционном правосудии Австрии // Государство и право. 1999. № 11. С. 59—62.

Вишневский А. Ф. Правовое государство: основные черты и некоторые аспекты его формирования в Республике Беларусь // Проблемы формирования правового государства в Беларуси: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Кучинского. Минск, 1994. С. 6—17.

Ворожецов А. Г. Правовое социальное государство: Запад и Россия. Казань, 1999. 83 с.

Герасименко А. П. Правовые и партийные государства. Благовещенск, 1996.

Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» / Н. С. Серегин, Н. Н. Шульгин // Государство и право. 2002. № 1. С. 12—50.

Григонис Э. П. Механизм правового государства: Монография. СПб., 1999.

Дробязко С. Г. Социальное правовое государство и государство вообще // Вестник БГУ. Минск, 1996. № 2.

Дробязко С. Г. Формирование социалистического правового государства. Минск, 1990. 24 с.

Дробязко С. Г. Природа социального правового государства // Конституционные основы социального государства. Минск: БГУ, 2000. С. 10—15.

Дробязко С. Г. Суверенитет права в социальном правовом государстве // Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск: Университет, 1994. Вып. 6. С. 19—26.

Егоров С. Н. Клетка для Левиафана, или Размышления об основах конституционного строя Российской Федерации. СПб., 2000. 61 с.

Зарицкий А. В. Место и роль политического принуждения в современной теории правового государства // Государство и право. 2004. № 2. С. 98—104.

Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12.

Зорькин В. Д. Социалистическое правовое государство: основные черты концепции // Право и власть. М., 1990.

Исследования теоретических проблем правового государства: Труды Академии МВД России. М., 1996. 140 с.

Козлихин И. Ю. Идея правового государства. История и современность. СПб., 1993. 152 с. (рецензия: Графский В. Г. // Государство и право. 1995. № 2. С. 148—149).

Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства: Материалы международной научно-практической конференции / Редкол.: А. А. Головко и др. Минск, 2000. 462 с.

Кудрявцев В. Н., Керимов Д. А. Право и государство: опыт философско-правового анализа. М., 1993. 91 с. (см. С. 5—23).

Кудрявцев В. Н., Лукашева Е. А. Социалистическое правовое государство // Коммунист. 1988. № 11. С. 44—55.

Лазарев Б. М. Что такое правовое государство. М., 1990.

Макаров О. В. Соотношение права и государства // Государство и право. 1995. № 5. С. 16—22.

Малеин Н. С. О социальной защищенности личности в правовом государстве // Советское государство и право. 1990. № 6. С. 16—23.

Мамут Л. С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 108—116.

Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М., 1999. 160 с.

Манов Г. Н. Правовое государство и советский федерализм // Советское государство и право. 1991. № 1.

Манов Г. Н. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы // Советское государство и право. 1989. № 6. С. 3—10.

Мартышин О. В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. С. 3—13.

Модель И. М., Модель Б. С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург, 1998.

Морозова Л. А. Правовое государство Украины: проблемы, перспективы развития (Конференция) // Государство и право. 1996. № 10. С. 132—144.

Мухамет-Ирекле А. Методология правового и социального государства: Краткий очерк. М., 2003. 170 с.

Мушинский В. О. Правовое государство и правопонимание // Советское государство и право. 1990. № 3.

Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982.

Нерсесянц В. С. История идей правовой государственности: Лекция. М., 1993. 16 с.

Нерсесянц В. С. Правовое государство: история и современность // Вопросы философии. 1989. № 2.

Омельченко О. А. Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики. М., 1994. 140 с.

Петрухин И. Л. Правовое государство и правосудие // Советское государство и право. 1991. № 1.

Поляков С. Б. Принципы законодательства Бентама против миража правового государства. Пермь, 1993. 89 с.

Правовое государство, личность, законность / В. С. Нерсесянц и др. М., 1997. 138 с.

Правовое государство: реальность, мечты, будущее / Под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., перераб. СПб., 1999. 256 с.

Проблемы формирования правового государства в Беларуси: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Кучинского. Минск, 1994. 154 с.

Проблемы формирования социалистического правового государства: Труды Академии МВД СССР. М., 1991.

Пустогаров В. В. Социалистическое правовое государство и мировое сообщество // Советское государство и право. 1989. № 5.

Раянов Ф. М. Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. 2006. № 8. С. 45—49.

Ржевский В. А., Овсепян Ж. И. Конституционные основы социалистического правового государства // Правоведение. 1990. № 1.

Роль органов внутренних дел в формировании правового государства: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1991.

Ромашов Р. А. Конституционное государство (История, современность, перспективы развития). Красноярск, 1997.

Соколов А. Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. Курск, 1994. 426 с. (рецензия: Оксамытный В. В. // Государство и право. 1995. № 11. С. 156—158).

Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград, 2002. 456 с.

Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Под. ред. В. П. Казимирчука, М. М. Славина, Б. Н. Топорнина. М., 1989. 200 с.

Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1990. 320 с.

Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 21 июня 2003 г. / Сост. Н. С. Нижник, Н. А. Чекунов; Под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2003. 174 с.

Суверенная республика как правовое государство. Уфа, 1998.

Тиунова Л. Б. Право, Конституция, правовое государство. СПб., 1992.

Федоров В. П. Истоки идей правового государства. Владивосток, 1994.

Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1990. 173 с.

Чекунов Н. А. Социальное правовое государство: вопросы теории и практики // Правоведение. 2003. № 4. С. 250—258.

Черниловский З. М. Правовое государство: исторический опыт // Советское государство и право. 1989. № 4. С. 48—57.

Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство. М., 1993.

Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): Пер. с венг. М., 1999. 292 с.

Шелистов Ю. И. Становление правового государства в Российской Федерации: Монография. М., 2004. 107 с.

Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд: Учеб. пособие. М., 1997. 349 с.

В связи с историей правовой государственности возможно обращение к литературе по истории политических и правовых учений, по философии права (см. обзор специальной литературы к главе 1).

Проблемы правового государства обсуждались и ***в дореволюционной юридической науке***, как в учебной литературе по теории (энциклопедии) права и государственному праву, так и в специальных работах, см., например:

Алексеев А. С. Начало верховенства права в современном государстве. Речь, произнесенная председателем Московского юридического общества проф. Алексеевым в публичном заседании общества 11 апреля 1910 года // Вопросы права. 1910. Кн. 2. С. 5—16 (отдельное издание: М., 1910).

Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1907. 62 с.

Гессен В. М. Теория правового государства // Вестник права. 1905. Кн. 1—2 (есть отдельные издания 1912, 1913 гг.).

Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 85. С. 469—507; То же // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 141—159.

Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. 417 с.

Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика: (Диссертация). М., 1909. 428 с. (есть современное переиздание работы: М., 1993. 363 с).

Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. М., 1909. 393 с.

Новгородцев П. И. Право и государство // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74. С. 397—450.

Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. 342 с.

Рейснер М. А. Что такое правовое государство // Вестник права. 1903. № 4.

О развитии теории правового государства до 1917 г. имеется специальная работа, см.:

Скакун О. Ф. Теория правового государства в дореволюционной России // Советское государство и право. 1990. № 2.

См. также:

Корнев А. В. Формирование теории правового и социального государства в России (вторая половина XIX — начало XX века): Монография. М., 2002. 144 с.

Шелкопляс В. А. Концепция правового государства в юриспруденции России начала XX века (По трудам С. А. Котляревского) // Проблемы формирования правового государства в Беларуси: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Кучинского. Минск, 1994. С. 18—27.

Литература, изданная в СССР до 1988 г., посвящена, как правило, ***критике «буржуазной» доктрины правового государства***:

Куркин Б. А. Теория правового государства и практика конституционализма в ФРГ. М., 1982.

Ледях И. А. Доктрина «социального правового государства и права» и правовая действительность ФРГ // Критика буржуазно-реформистских и ревизионистских теорий в вопросах государства и права / Под ред. С. А. Покровского. М., 1960. С. 118—149.

Ледях И. А. Теория правового государства. М., 1967.

Алфавитно-предметный указатель

А

Абсентеизм — 175
Автономия — 162, 168
Аграрное (сельскохозяйственное) право как отрасль права — 324—325
Административное право как отрасль права — 322
Административно-территориальное деление — 162
Административно-территориальные единицы — 162
Аналогия
- закона — 455
- права — 455—456
- субсидиарная — 456
- юридическая — 455—457, 569—570

Антропология юридическая — 32, 73
Аппарат государства
- понятие — 161
- в унитарных государствах — 161—162
- в федеративных государствах — 163

Б

Библиография юридическая — 60
Бюрократия — 144—145

В

Вето — 152—154, 351—352
Вина — 506, 511
- умышленная — 511—512
- неосторожная — 511—512

Властей разделение — 94—99, 102—104
- и форма правления — 147—160
- как принцип организации и функционирования механизма государства — 129
- как принцип правового государства — 583

Власть — 83—87, 92—99, 100—102
- законодательная — 95—96, 134—135
- избирательная — 98
- исполнительная — 95—96, 136—137
- контрольная (контрольно-надзорная) — 98, 141—142
- общественная — 62
- политическая — 98
- президентская — 98, 135—136
- публичная — 62—63, 104
- судебная — 96—98, 138—139
- учредительная — 98
- федеративная — 98
- четвертая — 99

Возмещение морального вреда — 533
Воспитание правовое (см. Правовое воспитание)

Г

Герменевтика — 28
Гипотеза (см. Элементы структуры правовой нормы)
Гласность
- как принцип организации и функционирования механизма государства — 129
- как принцип правотворчества — 350—351

Глобализация — 78—79
Государственное право как отрасль права (см. Конституционное право)
Государственное устройство (см. Форма государственного устройства)
Государство — 83—107
- понятие — 83—88, 100
- возникновение — 61—63, 71—75
- как субъект политической системы общества — 542—543

- развитие (типология) — 67—71, 77
- сущность — 88—92

Граждане
- как субъекты политической системы общества — 553—554, 563—564, 575
- как субъекты права — 416—419

Гражданское общество — 93, 173—175, 563—566
Гражданское право как отрасль права — 322
Гражданское процессуальное право как отрасль права — 322
Гуманизм
- как принцип организации и функционирования механизма государства — 128
- как принцип правового государства — 573—575

Д

Дееспособность — 418—419
Деидеологизация юридической науки — 33—34, 36—37, 52
Действие нормативных правовых актов
- понятие — 378—379
- введение в действие (вступление в юридическую силу) — 351—352, 380—381
- пределы действия — 379—380
- во времени — 380—388, 391—392
- в пространстве — 388—390, 392
- по кругу лиц — 390—391, 391—393
- прекращение действия — 383

Делегированное законотворчество — 265
Деликтоспособность — 506
Демократия
- и законность — 459—460
- как политический режим — 171—176
- как принцип организации и функционирования механизма государства — 129
- как принцип правового государства — 573—574
- как принцип правотворчества — 347

Депутат — 95
Диалектика — 22—23
Диспозиция (см. Элементы структуры правовой нормы)
Дифференциация научного знания — 31—32
Договорная теория происхождения государства — 73—74
Договор нормативный — 269, 294
Доказательства — 446, 470—471

Е

Единоначалие — 130—132
«Естественного права» теория — 220—222, 431—432

З

Закон — 95, 263—266, 291, 351—352, 458
- понятие — 263
- виды — 263—266
- конституционный — 264—266
- органический — 264
- основной — 264
- стабильность закона — 370

Законность — 457—464, 476—479
- понятие — 457, 460—464
- гарантии — 463
- как принцип организации и функционирования механизма государства — 129
- как принцип правоприменительной деятельности — 449—450
- как принцип правотворчества — 346
- как принцип юридической ответственности — 527—528
- и правовое государство — 463—464, 576
- требования (принципы) — 458—460

Законодательная власть
(см. Власть — законодательная)
Законодательство — 267—268, 341—342, 376
Законотворчество — 349—351, 368—370, 432
Земельное право как отрасль права — 322

И

Идеализм правовой (см. Правовой идеализм)
Идеология государственная — 45, 110, 115—116, 408—409
Индивидуально-конкретное предписание — 443
Инкорпорация — 359—360, 362
Институт права — 315—316, 342
Интеграция научного знания — 31
Интерес в юриспруденции — 90, 241—242
Исполнение права — 434—435
Исполнительная власть
(см. Власть — исполнительная)
Использование права — 434—435
Исправительно-трудовое право как отрасль права (см. Уголовно-исполнительное право)
Истина в правоприменительной деятельности — 446
Историко-материалистическая теория происхождения государства и права — 61—67, 75—76
Историческая школа права — 285
История политических и правовых учений — 30, 39, 50—52
Источники права— 259—298
- понятие — 259—260
- виды— 261—298

К

Клерикальное государство
(см. Церковь и государство)
Кодекс — 361
Кодификация — 360—362
Коллегиальность — 130—132
Коллизия юридическая — 358, 469—470
Компаративистика (см. Сравнительное правоведение)
Компетенция — 131, 143
Компьютерные технологии в юриспруденции — 57—58, 362
Конкретизация права — 688—692
Консолидация — 361—362
Конституционная юстиция — 139—141, 279—285, 296—297
Конституционное право как отрасль права — 321
Конституция — 264—265, 290
Контрассигнация — 150
Конфедерация — 169—170
Конфликтология юридическая — 31—32, 69—70
Коррупция — 145—146
Криминология — 514—518
Культура
- и законность — 460
- и право — 197—205
- культурная функция государства (см. Функции государства)
- правовая (см. Правовая культура)

Л

Легитимность власти — 93—94, 96, 102
Личность (см. Права человека)
- политическое отчуждение — 564—565

Лоббизм — 563

М

Марксистско-ленинская теория государства и права — 36—37, 48, 89, 462—463, 515
Материализм — 22
Материальное право — 327, 341
Медицина и юриспруденция — 31, 73
Международное право — 320—321, 325, 342—343

Меры
- государственного принуждения — 519—521
- защиты (восстановительные) — 520—521
- предупредительного воздействия — 519—520
- пресечения — 520

Местное самоуправление — 552—553
Местное управление — 552
Методологическая основа юридических исследований — 22—23, 26—28, 34—39, 53—54
Методология науки — 22—28, 34—39, 53—60
Методы
- исторический — 25, 51
- конкретно-социологический — 24, 55—56
- лингвистический (филологический) — 25, 58—59
- логический — 24—25, 55
- математические — 25
- общенаучные — 22—23, 26—28, 34—39, 52—55
- системный подход — 25, 58, 539
- специально-юридический — 26
- статистические — 25
- структурно-функциональный — 25, 539
- частнонаучные — 23—24, 23—26, 55—60
- (см. Компьютерные технологии в юриспруденции)
- (см. Сравнительное правоведение)

Механизм государства — 125—133
- понятие — 125
- правовые формы деятельности — 126
- принципы организации и функционирования (см. Принципы организации и функционирования механизма государства)
- структура — 125, 126

Механизм правового регулирования (см. Правовое регулирование — механизм)
Механизм сдержек и противовесов — 96—97
Монарх — 95, 147—151
Монархия — 147—151, 179—180
- понятие — 147
- классификация — 149—151
- абсолютная (неограниченная) — 149
- дуалистическая — 149—151
- ограниченная — 149
- парламентарная — 149—151

Монизм политический — 173
Мониторинг законодательства — 370
Мононормы — 64
Мораль (см. Нормы морали (нравственности))
Мотив правонарушения — 512

Н

Налоги — 62, 84, 113
Насилия теория происхождения государства — 74
Наука (см. Методология науки, Теория государства и права как наука, Юридическая наука как источник права, Юридические науки)
Неолитическая революция — 63—64
Неосторожность (см. Вина — неосторожная)
Нигилизм юридический (или правовой) (см. Юридический нигилизм)
Нормативизм — 215
Нормативность — 190—191, 230, 300
Нормативный договор (см. Договор нормативный)
Нормативный правовой акт — 261—268, 289—290
- понятие — 261—263
- виды — 264—267

- действие (см. Действие нормативных правовых актов)
- как источник права — 261—268
- опубликование (см. Опубликование нормативных правовых актов)
- разработка (см. Правотворчество)
- систематизация (см. Систематизация нормативных правовых актов)
- юридическая сила (см. Юридическая сила нормативного правового акта)

Нормы корпоративные — 192—196
Нормы морали (нравственности) — 192—196, 207—208
Нормы права — 299—343
- понятие — 299
- как разновидность социальных норм — 193—196
- структура (см. также Элементы структуры правовой нормы) — 300—302
- виды — 303—307
- внешнего действия — 307
- внутреннего действия — 307
- временного действия — 305
- декларативные — 305
- дефинитивные — 305
- дискретного действия — 306
- диспозитивные — 305, 313
- запрещающие — 304
- императивные — 305, 313
- исключительные — 306
- коллизионные — 305
- материального права — 307
- непрерывного действия — 306
- нетипичные — 305, 312—313
- общезакрепительные — 305
- общие — 305
- обязывающие — 304
- оперативные — 305
- поощрительные — 305, 313
- постоянного действия — 305
- правоохранительные — 303
- процессуального права — 307, 313
- регулятивные — 304—305
- рекомендательные — 305, 313
- специализированные (см. нетипичные)
- специальные — 305—306
- типичные — 303—304
- управомочивающие — 304—305

Нормы социальные — 189—210
- понятие — 190—191
- классификации — 192—193

Нормы технические — 189—190, 193, 206—207

О

Обратная сила закона — 384—385
Общая часть нормативного правового акта — 262
Общественного договора теория (см. Договорная теория происхождения государства)
Общественное мнение — 410
Обыкновения деловые — 274—275
Обычай — 192—193, 207, 272—275
- как источник права — 272—275, 294—296

Обычное право — 272—275, 294—296
Объединения (организации) общественные — 546—547, 549, 561
Объективная сторона правонарушения — 508
Объекты
- правонарушения — 508
- правоотношений (см. Правовые отношения — объекты)

Обязанность субъективная (см. Субъективные права и обязанности)
Опубликование нормативных правовых актов — 351—352, 381—382
Органическая теория происхождения государства — 74
Органы государства — 131—133
- понятие — 131—132
- виды — 131—132

Основания построения системы права — 316—320, 329—339

Основания юридической ответственности (см. Юридическая ответственность — основания)
Особенная часть нормативного правового акта — 262
Ответственность юридическая (см. Юридическая ответственность)
Относительная самостоятельность государства и права — 105
Отношения правовые (см. Правовые отношения)
Отрасль права — 316, 323—325
Оценочные понятия — 473—475
Ошибки
- в правотворческой деятельности — 358
- в правоприменительной деятельности — 471—472

П

Парадигма — 34—35
Парламент — 95, 132, 134—135, 149—150, 184
Партии политические — 543—545, 560—561
Патриархальная теория происхождения государства — 72—73
Переживание действия нормативного правового акта — 385—387
Плюрализм политический — 173
Поведение
- правовое — 505
- правомерное (см. Правомерное поведение)
- противоправное (см. Правонарушение)

Подзаконный нормативный правовой акт — 266, 291—292
Подотрасль права — 316, 323
Позитивизм
- философский — 26
- юридический (см. Юридический позитивизм)

Политика — 539
- и право — 197—205, 242—243

Политическая партия (см. Партия политическая)
Политическая система общества — 537—566
- понятие — 539—542
- развитие — 554—556
- структура — 540—542
- типология — 554—556

Политический режим — 147, 171—178, 184—185
- понятие — 171
- виды — 172—178
- авторитарный — 172, 173—176
- демократический — 172—176, 185
- либеральный — 173
- тоталитарный — 172, 223

Политология и юриспруденция — 28—29, 538—539
Полицейское государство — 574—575
Права человека — 569—573, 584—595
Правительство — 95, 151—156
Правление (см. Форма правления в государстве)
Право
- понятие — 189—232, 242
- возникновение — 63—64, 75—76
- принципы — 235—236
  - как источники права — 278—279
- развитие (типология) — 71, 77
- различные подходы к пониманию — 212—229, 236—241
- субъективное (см. Субъективные права и обязанности)
- сущность — 232—236
- учения о праве — 212—229, 236—241
- функции — 235, 242
- ценность — 233—234

Правовая идеология — 395
Правовая культура — 402—407, 460
Правовая психология — 395—396
Правовое воспитание — 403
Правовое государство — 573—583, 595—599

Правовое положение лица — 418—419
Правовое регулирование — 243—244, 316—319
- методы — 317—319, 339—340
- механизм правового регулирования общественных отношений — 567—569, 584
- пределы (см. также Пределы деятельности государства) — 194—195
- предмет — 317
- стадии — 567—568
- юридический режим — 319—320

Правовое сознание — 394—412
- понятие — 394
- структура — 395
- типология — 398—402
- виды — 398
- групповое — 398
- индивидуальное — 398
- общественное — 398
- обыденное (эмпирическое) — 399
- профессиональное — 399
- теоретическое (научное) — 399
- как источник права — 278

Правовой акт (см. Нормативный правовой акт, Правоприменительный акт)
Правовой вакуум — 358
Правовой идеализм — 399
Правовой институт (см. Институт права)
Правовой менталитет — 410
Правовой порядок — 464—466, 479—480
Правовой статус лица — 418
Правовые отношения — 413—430
- понятие — 413—416
- виды — 415—416
- объекты — 421—422
- содержание — 415, 419—420, 427—429
- структура — 414, 415
- субъекты — 416—419, 425—427

Правомерное поведение — 422—423, 436—440, 467—468
- понятие — 436—439
- виды — 438—439
- состав — 438, 513—514
- субъекты — 436—437

Правонарушение — 505—518, 529—530
- понятие — 505—506
- борьба с правонарушениями — 513—518, 529—530
- виды — 506—507
- причины — 513—518, 529—530
- юридический состав — 507—513

Правообразование — 344, 368—370
Правоположения — 474—476
Правоприменительная деятельность (см. Применение права)
Правоприменительный акт — 450—453, 472—473
- понятие — 450
- виды — 452—453
- отличие от нормативного правового акта — 452
- формы — 451

Правоспособность — 418
Правосубъектность — 416—419
Правотворчество — 344—358, 367—372
- понятие — 411
- виды — 412—413
- принципы — 414—417
  - гласность — 415—416
  - демократизм — 347
  - законность — 346
  - научность — 346
  - справедливость — 346
- стадии — 349—352

Практика судебная — 269—270, 279
Преамбула — 263
Пределы деятельности государства — 91—92, 105
Пределы правового регулирования — 194—195
Предписания
- индивидуально-конкретные (см. Индивидуально-конкретные предписания)

- нормативные (см. Нормы права)

Преемственность в праве — 77
Президент — 95, 98, 135—136, 152—157, 265—266, 291
Презумпция — 423—424, 429—430
Премьер-министр — 95, 150, 152—153
Преступление — 423, 506
Прецедент
- административный — 272
- судебный — 269—272, 292—293

Применение права — 447—450, 469—476
- понятие — 441—443
- виды — 443—444
- принципы — 449—450
- стадии — 445—450

Принципы
- организации и функционирования механизма государства — 127—131, 134
- гласность — 129
- гуманизм — 127—128
- демократизм — 128—129
- законность — 129
- научный подход к управленческой деятельности, профессионализм в подборе кадров — 130
- равноправие — 130
- разделение властей — 94—99, 129
- сочетание единоначалия и коллегиальности — 130—131
- централизм — 130
- права (см. Право — принципы)
- правоприменительной деятельности — 449—450
- правотворчества — 346—349
- юридической ответственности — 527—528

Природоохранительное право (см. Экологическое право)
Пробелы в праве — 353—358, 370
Проект нормативного правового акта — 349—351
Промульгация закона — 352
Проступок — 424, 506—507
Профессиональные союзы — 547—548
Процесс юридический — 341, 442
Процессуальное право — 328, 341
Психологическая теория происхождения государства — 74
Психологическая школа права — 217—220, 285
Психология и юриспруденция — 31
Публичное право — 328, 340

Р

Разделение властей (см. Властей разделение)
Реализация права — 431—483
Регионалистское государство — 168
Регистрация ведомственных нормативных правовых актов — 351—352
Регулирование правовое (см. Правовое регулирование)
Режим политический (см. Политический режим)
Религиозные догмы как источник права — 275
Религия (см. Церковь и государство)
Республика — 147, 151—160
- понятие — 151
- виды — 152—160
- монократическая — 156—157
- народно-демократическая — 157
- парламентская — 152—153
- президентская — 153—154
- президентско-милитарная — 157
- смешанная (полупрезидентская) — 152, 155
- социалистическая — 157
- суперпрезидентская — 157

Референдум — 263, 290, 347
Реформы политические и правовые — 556—560, 564—565
Решение юридического дела — 447

С

Самоуправление местное (см. Местное самоуправление)
Санкция (см. Элементы структуры правовой нормы)
Светское государство (см. Церковь и государство)
Семейное право как отрасль права — 322
Семьи правовые — 248—258
Сецессия — 166, 170
Синергетика — 53
Система
- законодательства — 267—268, 341—342
- политическая (см. Политическая система общества)
- права — 315—343
- юридических наук (см. Юридические науки)

Систематизация нормативных правовых актов — 359—363, 372—374
Системный подход (см. Методы — системный подход)
Системы правовые — 246—258
Служба в государственном аппарате — 143—144
Соблюдение права — 433—435
Содружества, сообщества государств — 169—171
Состав правонарушения (см. Правонарушение — юридический состав правонарушения)
Социальная функция государства (см. Функции государства)
Социальное государство — 114, 577
Социологическая юриспруденция — 215—217, 285
Социологическое понимание государства — 86—88
Социология права (юридическая социология) — 31—32, 68—69
Специализации теория происхождения государства и права — 63, 66
Справедливость
- как принцип правоприменительной деятельности — 450
- как принцип правотворчества — 346
- как принцип юридической ответственности — 527
- как требование правового государства — 573—575

Сравнительное правоведение — 31—32, 59, 248, 256—257
Структура
- государственного аппарата — 125—126
- нормативного правового акта — 262—263
- нормы права — 304—306
- права (см. также Система права) — 315
- правоотношения — 421—422
- правосознания — 395
- субъективного права и обязанности — 425—427

Субъективная сторона правонарушения — 511
Субъективные права и обязанности — 425—428
Субъекты
- конфедерации — 169—170
- правовых отношений (см. Правовые отношения — субъекты)
- правомерного поведения (см. Правомерное поведение — субъекты)
- правонарушения — 510
- федерации — 163—165

Суверенитет — 84—85, 104
- в федеративном государстве — 163—164

Суд — 96, 444
Судебная власть (см. Власть судебная)
Сущность
- государства (см. Государство — сущность)
- права (см. Право — сущность)

Т

Теократическое государство (см. Церковь и государство)
Теологическая теория происхождения государства и права — 72
Теория государства и права
- понятие — 18
- возникновение и развитие — 30—31, 34—48
- как наука — 19—21, 28—32, 34—40, 48
- как учебная дисциплина — 18—21, 39—47
- методология — 22—28, 34—39, 51—60
- предмет — 18—21, 28—32
- советского периода (см. Марксистско-ленинская теория государства и права)
- структура — 19
- функции — 32—34

Терминология юридическая — 363—364, 375—376
Территория государства — 84, 104—105
Типология
- государства — 67—71, 76—77
  - формационный подход — 67—68, 70
  - цивилизационный подход — 67—68, 76—77
- политических систем — 554—556
- права — 70—71, 77

Толкование норм права — 483—504
- понятие — 484
- виды — 488—502
- объем — 495—497
  - адекватное (буквальное) — 495—496
  - ограничительное — 495—496
  - распространительное — 495—496
  - статический и динамический подходы к толкованию — 496—497
- способы — 493—495
  - грамматический — 493
  - исторический — 494
  - логический — 495
  - систематический — 493—494
  - специально-юридический — 495
  - телеологический (целевой) — 495
  - функциональный — 494
- по субъектам (по юридической силе) — 488—499, 503—504
  - аутентическое — 488—489
  - делегированное (легальное) — 489
  - доктринальное (научное) — 490
  - казуальное — 489, 490—493
  - неофициальное — 490
  - нормативное — 489, 490—493
  - обыденное — 490
  - официальное — 489—490
  - профессиональное — 490

Тоталитарное государство (см. Политический режим — тоталитаризм)
Традиции — 192
Трудовое право как отрасль права — 323
Трудовые коллективы — 553

У

Уголовное право как отрасль права — 321
Уголовно-исполнительное право как отрасль права — 322
Уголовно процессуальное право как отрасль права — 321
«Узкое» понимание права (см. Право — различные подходы к пониманию)
Умысел (см. Вина — умышленная)
Унитарное государство — 195
Управление
- государственное — 89—92
- и право — 233, 442

- местное (см. Местное управление)

Усмотрение в деятельности по реализации права — 448, 474—476
Учебная литература по теории государства и права
- в дореволюционной России — 40—41
- советского периода — 41
- с 90—х гг. XX в. — 41—48

Ф

Фактическая основа для разрешения дела — 446—447, 476—478
Фактические (правовые) состояния — 423
Фактический состав — 423
Факты юридические (см. Юридические факты)
Федерация — 162—168, 180—183
Феноменология — 28
Физические лица — 416—419
Фикция — 426, 429—430
Философия и право — 22—23, 48—50
Философское направление в юриспруденции — 220—222
Финансовое право как отрасль права — 322
Форма государства — 147—185
- понятие и элементы — 147, 176—178

Форма государственного устройства — 160—171, 180—183
- понятие — 160, 168—169
- классификация — 161—171

Форма правления в государстве — 147—160, 179
- понятие — 147, 159—160
- классификация — 147—160

Формы права (см. Источники права)
Функции государства — 109—120
- понятие — 108
- развитие — 114
- классификации — 110—120
- внешние — 110, 118—120
  - военная — 118—119
  - сотрудничества с другими государствами — 119—120
- внутренние — 110—118
  - культурная — 115—117
  - обеспечения общественной безопасности — 118, 124
  - охраны правопорядка, прав и свобод граждан — 117—118, 124
  - политическая — 110, 115
  - социальная — 113—114
  - финансовая — 113, 122—123
  - экологическая — 115, 123
  - экономическая — 111—113, 121—122

Функции права (см. Право — функции)

Х

Харизматическое господство — 94
Хрестоматия по теории государства и права — 47—48

Ц

Цели юридической ответственности (см. Юридическая ответственность — цели)
Целостность государства — 166
Цель правонарушения — 512
Централизм — 130
Церковь и государство — 549—552, 561—562
Цивилизация — 68—69

Ч

Частное право — 328—329, 340

Ш

«Широкое» понимание права (см. Право — различные подходы к пониманию)

Э

Экологическая функция государства (см. Функции государства)
Экологическое право — 326
Экономика
- влияние на политический режим — 173, 175
- и государство — 62—63, 65, 67, 88—89, 111—113, 121—122
- и право — 65, 197—205, 243—244
- присваивающая — 61, 65
- производящая — 62, 65

Экономическая функция государства (см. Функции государства)
Экстерриториальное действие закона — 389
Элементы структуры
- права — 315
- правовой нормы — 300—301
  - их строение — 302
  - способы изложения — 308—311
- правоотношения — 415

Эффективность
- правовых норм — 370, 469
- правоприменительных актов — 453

Ю

Юридическая наука как источник права — 275—277
Юридическая основа для разрешения дела — 445
Юридическая ответственность — 518—525, 530—533
- понятие — 518, 522—525
- виды — 524—525
- и меры государственного принуждения — 518—522
- и наказание — 521
- основания — 525
- принципы — 527—528
- цели — 527

Юридическая сила
- нормативного правового акта — 263
- правоприменительного акта — 452
- толкование по юридической силе — 488—493

Юридическая техника — 363—366, 374—375, 451—452
Юридические лица — 417
Юридические науки — 28—32
- исторические — 29
- отраслевые — 29
- прикладные — 30
- теоретические — 29

Юридические факты — 414, 422—424, 429
Юридический нигилизм — 399—401, 407—408
Юридический позитивизм — 213—215, 285
Юридическое мировоззрение — 398

Именной указатель

Абашидзе А. Х. — 78, 586
Абашмадзе В. В. — 102
Абдалла И. А. — 586
Абдрасулов Е. Б. — 502, 503
Абдрашитова В. З. — 297
Абдулаев М. И. — 47, 586
Абдулатипов Р. Г. — 180
Абдуллин А. И. — 286
Абдурахманова И. В. — 408
Абрамов А. И. — 242, 410, 424
Абрамов В. К. — 54
Абрамова А. А. — 584
Абрамова А. И. — 368, 391
Абрамова О. В. — 427
Абрамович А. М. — 101, 425
Абросимова Е. Б. — 138
Абушенко Д. Б. — 474
Авакьян С. А. — 104, 134, 290, 468, 561, 565, 587
Авдеева О. А. — 236
Авдеенкова М. П. — 530
Аверин А. В. — 236
Аверина Ю. А. — 470
Аврутин Ю. Е. — 124, 243, 479
Автономов А. С. — 294, 369, 563, 594
Авторханов А. — 100
Агапов А. Б. — 122, 561
Агарков М. М. — 340
Агашев Д. В. — 469
Агеев В. В. — 183
Агешин Ю. А. — 205, 207, 242, 408, 410
Аграновская Е. В. — 410
Аграновский К. В. — 411
Агутин А. В. — 470
Адаменко В. Д. — 533
Азаркин Н. М. — 50, 408
Азаров Н. И. — 45
Азарян Е. Р. — 479
Азми Д. М. — 184, 338
Айбазов Р. У. — 78
Айзенберг А. М. — 314
Айзенштадт Я. — 595
Акимов В. И. — 372
Акопов В. И. — 60
Акопов Л. В. — 105
Акопян Д. А. — 236
Александров А. С. — 375
Александров И. А. — 179
Александров Н. Г. — 286, 472, 482, 538
Алексеев А. А. — 104
Алексеев А. И. — 207, 529
Алексеев А. С. — 99, 580
Алексеев В. П. — 75
Алексеев И. А. — 134
Алексеев Л. И. — 236
Алексеев Н. Н. — 49
Алексеев С. С. — 39, 42, 44, 46, 47, 49, 51, 53, 99, 205, 233, 236, 244, 245, 272, 313, 320, 338, 340, 380, 393, 447, 489, 564, 565, 584, 595, 598
Алексеева Л. Б. — 271, 292, 588
Алешкова И. А. — 134
Алиев Т. Т. — 429
Аликперов Х. Д. — 529
Алисиевич Е. С. — 297
Алистратов Ю. Н. — 563
Алиэскеров М. А. — 339
Алмонд Г. — 555
Алпатов К. А. — 296
Альбрехт А. — 579
Аметистов Э. — 594
Амирбеков К. И. — 480
Андреев А. В. — 135
Андреев С. С. — 565
Андреева Г. Н. — 243
Андреева О. И. — 474
Андрианова М. А. — 392
Андриашин Х. А. — 591
Анисимов П. В. — 586
Анишина В. И. — 181, 286, 292
Анненкова В. Г. — 104
Аннерс Э. — 77
Аносова М. М. — 427
Анохин Ю. В. — 591
Ансон В. — 294
Антокольская М. В. — 329
Антоненко Т. А. — 55

Антонов И. А. — 209
Антонов М. В. — 239, 410
Антонова Л. И. — 243
Антонова Н. А. — 291
Антропов В. Г. — 55, 313, 338
Ануфриева Л. П. — 288, 340, 342
Анушат Э. — 55
Апраксина О. А. — 451
Апт Л. Ф. — 370
Аралова Е. В. — 100
Арановский К. В. — 54, 55, 427
Арендт Х. — 185
Арзамасов Ю. Г. — 371, 376, 377, 378
Аристотель — 72, 158, 229, 466
Арон Р. — 185
Аронов Д. В. — 290
Артемов В. М. — 479
Артемов В. Ю. — 256
Арутюнян Г. Г. — 139
Арутюнян М. Ю. — 411
Архипов С. И. — 425, 426
Аршинов В. И. — 53
Асланян Н. П. — 340
Астафичев П. А. — 338, 376, 563
Асташкин М. К. — 121
Астемиров З. А. — 529
Атаманчук Г. В. — 104, 106, 143
Атаманчук С. Г. — 143
Афанасова Ю. А. — 105
Афанасьев В. Г. — 55
Афанасьев В. С. — 476
Афанасьев С. Ф. — 470, 472
Афанасьева В. И. — 206
Афанасьева Л. В. — 313
Афанасьева О. В. — 134
Ахмадуллин А. С. — 470
Ахмедов Р. М. — 561
Ачкасов В. А. — 102
Ашихмина А. В. — 473
Ащеулов А. Т. — 502

Бабаев В. К. — 43, 44, 55, 77, 121, 255, 314, 360, 362, 398, 399, 424, 430, 464, 516
Бабаев М. М. — 144
Бабаев С. В. — 121
Бабенко А. Н. — 241, 410, 467
Бабичев А. М. — 121
Бабосов Е. М. — 56
Бабурин С. Н. — 104, 106
Бавсун М. В. — 474
Багдасаров В. Ю. — 586
Баглай М. В. — 122, 132, 135, 180, 264, 370, 474
Багратян Г. А. — 106
Бадалян Г. Л. — 184
Бадирян Г. М. — 586
Базылев Б. Т. — 531
Базылев В. Н. — 205, 529
Байниязов Р. С. — 408—411
Байрамов Ф. Д. — 121
Байтин М. И. — 48, 100, 121, 206, 236, 294, 314, 319, 333, 335, 337, 338, 341
Бакаева Ф. Х. — 42
Бакирова Е. Ю. — 429
Бакунин М. А. — 400
Бакщевичене Р. — 207
Баландин В. Н. — 341
Балытников В. В. — 481
Барабаш А. С. — 410
Барабашев А. Г. — 143
Барабашева Н. С. — 243
Барак А. — 474
Бараненков В. В. — 426
Баранов А. М. — 471, 476
Баранов В. М. — 44, 48, 60, 205, 245, 291, 313, 338, 341, 368, 372, 374, 375, 378, 470, 475, 476, 593
Баранов П. П. — 50, 55, 60, 205, 242, 410, 411
Баренбойм П. Д. — 102, 138
Барков А. В. — 529
Баркова Т. Н. — 561
Барнашев А. М. — 102
Барри Д. — 592
Барсенков А. С. — 135
Бартол — 276
Бару М. И. — 471, 473
Барциц И. Н. — 143, 180, 342, 256
Барщевский М. Ю. — 209
Басик В. П. — 392, 426
Баскин Ю. Я. — 49, 55
Басков В. И. — 477
Батлер У. Е. — 312
Батурин Ю. М. — 190, 205, 595
Баулин О. В. — 312
Бахлов И. В. — 180

Бахрах Д. Н. — 136, 292, 387, 391
Бахтиев Р. Х. — 236
Бачиашвили И. М. — 205
Бачило И. Л. — 57, 106, 137, 143, 369, 736
Бачинин В. А. — 49, 53, 59, 244
Бегинин В. И. — 106, 407
Безбородов Ю. С. — 376
Безденежных В. М. — 477, 479
Безина А. К. — 475
Безлепкин Б. Т. — 146
Безнасюк А. С. — 138
Безруков А. М. — 472
Безуглов А. А. — 103
Бейноравичус Д. — 207
Белкин А. А. — 294, 369, 473
Белкин А. Р. — 470
Белл Д. — 76
Белов А. — 292
Беломестных Л. Л. — 592
Белоновский В. Н. — 534
Белоносов В. О. — 473, 477, 502
Бельский К. С. — 52, 102, 122, 137, 143—145, 409, 530
Бельский К. Т. — 411
Бельчиков Ю. А. — 205
Белявский А. В. — 205
Белявский Д. С. — 134
Беляев В. П. — 141, 142
Белянская О. В. — 467
Беляцкин С. А. — 533
Бентам И. — 229
Берг О. В. — 313
Бережнов А. Г. — 426, 586
Берекашвили Л. Ш. — 477
Бержель Ж.—Л. — 46
Беркович Е. Ф. — 477
Берман Г. Дж. — 77, 207, 239
Бернам У. — 257
Бернацкий Г. Г. — 244, 586
Бернштейн Д. И. — 530
Берхуз Х. Н. — 257
Берченко А. Я. — 482
Бибило В. Н. — 102, 103, 138, 144, 205, 207, 313, 368, 377, 427, 475, 480, 584, 595, 596
Бирюков Н. И. — 565
Благов Е. В. — 480
Благож Й. — 179
Блажко П. К. — 528
Бланкенагель А. — 140, 595
Блауберг И. В. — 58
Блинов А. С. — 78
Блувштейн Ю. Д. — 144
Блум М. И. — 391
Блэксон Г. — 301
Бляхман Б. Я. — 245, 595
Бобнева М. И. — 205
Боботов С. В. — 140, 141, 239, 257, 480
Бобров В. В. — 375
Боброва В. К. — 343
Бобровников В. О. — 294
Бобылев А. И. — 53, 100, 137, 338, 341, 477, 479, 584
Богданов И. Я. — 121
Богданова Е. Е. — 530
Богданова М. С. — 530
Богданова Н. А. — 590
Богдановская И. Ю. — 271, 286, 291, 292, 313
Боголюбов С. А. — 123, 209
Боер В. М. — 208, 533, 595
Божьев В. П. — 143
Бойков А. Д. — 138
Бойцов А. А. — 393
Бойцова В. В. — 142, 257, 258, 286, 474, 475, 594
Бойцова Л. В. — 142, 257, 258, 286, 474, 475
Болгова В. В. — 340
Болтенкова Л. Ф. — 180
Бондарев А. С. — 287, 411, 530
Бондаренко Э. Н. — 429
Бондарь Н. С. — 140, 296, 564, 586, 592
Боннер А. Т. — 288, 294, 475, 477, 480
Борисов В. В. — 477, 479
Борисов Г. А. — 312
Борисов П. А. — 142
Борисова Н. Е. — 393
Бородин В. В. — 426
Бородин С. В. — 102
Бородянский В. И. — 312
Борщева Е. В. — 411
Бошно С. В. — 256, 289, 291, 369
Бражник С. И. — 210

Брайнин А. М. — 483
Братко А. Г. — 245
Братусь С. Н. — 243, 338, 373, 530
Брауде И. Л. — 374
Брежнев О. В. — 140
Брежнева А. П. — 208
Брезгулевская Н. В. — 238
Бриллиантов А. В. — 375
Бринчук М. М. — 123, 258, 565
Бро Ю. Н. — 480
Брызгалов А. И. — 51
Брычева Л. И. — 369
Брэдли Э. — 587
Буданов В. Г. — 53
Будер Й. — 595
Букреев В. И. — 209
Булденко К. А. — 210
Булыгин Е. В. — 239
Бурданова В. С. — 470
Бурков А. Л. — 292
Бурлай Е. В. — 313
Бурлаков В. Н. — 184, 530
Бурова М. — 480
Бурцев В.В. — 123
Бутаков А. В. — 106
Бутенко А. П. — 75, 106
Бутылин В. Н. — 135, 592
Бутько Л. В. — 339
Быков В. П. — 49
Быстров Г. Е. — 288

Вавилин Е. В. — 427, 428
Вавилов К. К. — 595
Вагизов Р. Г. — 594
Валеев Д. Х. — 288
Валентиниан III — 275
Валицкий А. — 400, 407
Ван Хоек М. — 54
Варламова Н. В. — 180, 244, 407, 424, 565, 591
Варул П. А. — 532
Васецкий Н. А. — 135, 369
Василевич Г. А. — 133, 140, 286, 294, 376, 480, 586, 595
Василенко А. В. — 425
Васильев А. В. — 590
Васильев А. М. — 41, 121, 237
Васильев В. И. — 135, 146, 290
Васильев Л. М. — 430, 475
Васильев Л. С. — 75
Васильев М. А. — 371
Васильев Р. Ф. — 289, 291, 369
Васильев Э. А. — 528
Васильева А. Ф. — 121
Васильева М. И. — 123, 533
Васьковский Е. В. — 502
Вахмистрова С. И. — 143
Введенский В. Г. — 180
Вебер М. — 28, 93, 94
Веденеев Е. Ю. — 430
Веденеев Ю. А. — 565
Ведяхин В. М. — 245, 341, 477, 528
Величко А. М. — 179, 237, 408, 409
Велькер К. Т. — 579
Венгеров А. Б. — 20, 26, 42, 53, 65, 66, 75, 86, 106, 229, 233, 237, 243, 277, 286, 323, 492, 540, 549, 595
Венедиктов А. В. — 277
Верещагин А. Н. — 292
Вершинин А. П. — 470
Ветютнев Ю. Ю. — 53, 101, 237, 411, 426
Виакер Ф. — 372
Визер Б. — 595
Викулин А. Ю. — 103, 340
Вильданова М. М. — 286
Вильдхабер Л. — 292
Вильнянский С. И. — 271, 288, 483
Виндельбанд В. — 28
Виноградов П. Г. — 40
Виссаров А. В. — 480
Витрук Н. В. — 140, 180, 279, 283, 284, 296, 426, 457, 464, 472, 530, 584, 586
Витрянюк С. В. — 105
Витушкин В. А. — 296
Витченко А. М. — 100, 105, 339
Вишневский А. Ф. — 185, 596
Вишняков В. Г. — 342, 563
Владимиров А. И. — 408
Власенко И. Б. — 593
Власенко Н. А. — 55, 58, 141, 245, 312, 369, 374, 375, 469, 593
Власова А. В. — 428
Власова О. В. — 590
Власова Т. В. — 292
Воеводин Л. Д. — 426, 584, 586
Войцехович В. Э. — 53

Волков Б. С. — 210, 530
Волков Ю. Н. — 184
Володина Н. В. — 561
Вопленко Н. Н. — 286, 412, 424, 467, 471, 477, 480, 481, 502, 530, 534
Воробьева С. И. — 294
Ворожецов А. Г. — 595
Воронов А. М. — 124
Воротников А. А. — 144
Ворошилов Н. — 104
Вышинский А. Я. — 470
Вятр Е. — 55

Габричидзе Б. Н. — 132, 133, 134, 530
Гаврилов В. В. — 342
Гаврилов О. А. — 38, 57, 58, 78, 79, 377
Гаврилов Э. П. — 391
Гаганова Н. А. — 102
Гадамер Г. — 28
Гаджиев Х. И. — 502
Гаджиев Г. А. — 279, 283, 296, 587
Гаджиев К. С. — 185, 579
Гаджиева А. А. — 313
Гаджимагомедов Г. А. — 369
Гай — 275
Гайворонская Я. В. — 313
Гайда А. В. — 182, 371
Гайдамакин А. А. — 55
Галаган И. А. — 313, 425
Галанза П. Н. — 483
Галмаи Г. — 141
Галузин А. Ф. — 528
Галузо В. Н. — 373
Гальперин Г. Б. — 51
Гамильтон А. — 183
Ганюшкина Е. Б. — 105
Гараймович Д. А. — 473
Гарапон А. — 184
Гармоза П. В. — 100
Гасанов К. К. — 591
Гегель Г. В. Ф. — 9, 120, 158, 220, 222, 229, 232
Гейвандов Я. А. — 208
Гельвеций К. — 127
Герасименко А. П. — 566, 596
Герлох А. — 55
Герцен А. И. — 400
Гессен В. М. — 99, 580, 598
Гессен С. И. — 580
Ги Де Вель — 209
Гимаев И. Р. — 143
Гимпельзон Е. Г. — 566
Гинзбургс Дж. — 342
Глазкова М. Е. — 370
Глазырин В. А. — 56
Глазырин В. В. — 469
Глебов А. П. — 46, 121, 313
Глигич-Золотарева М. В. — 180
Глотов С. А. — 586, 592
Глухарева Л. И. — 586
Глухова А. В. — 56
Глушакова С. И. — 586
Глущенко П. П. — 592
Глэнвилл — 277
Гнайст Р. — 579
Гоббс Т. — 9, 73, 120, 158, 229, 401
Гойман-Калинский И. В. — 377
Гойман-Червонюк В. И. (Гойман В. И.) — 43, 467, 584
Голик Ю. В. — 50, 181
Голованова Е. А. — 473
Головин Б. Н. — 59
Головистикова А. Н. — 392
Головкин Р. Б. — 205, 207, 208
Головко А. А. — 477, 596
Головко В. В. — 142
Головко Л. В. — 533
Головщинский К. И. — 370
Голощапов А. М. — 121
Голубев К. И. — 533
Голунский С. А. — 41, 295
Гомеров И. Н. — 100
Гомьен Д. — 586
Гончаров В. Б. — 475
Горбачев А. И. — 208
Гордиенко Д. В. — 122
Горобец В. Д. — 135, 592
Горобцов Г. А. — 184
Горожанин А. В. — 473
Горохов А. Ю. — 180
Горохов Д. Б. — 370
Горохов П. А. — 407
Горшенев В. М. — 245, 312, 341, 561, 598
Горшенков Г. Г. — 467
Горшкова Д. А. — 586

Горшкова Н. Д. — 137
Горшунов Д. Н. — 241
Горюнова Е. М. — 429
Горячева М. В. — 184
Гошуляк В. В. — 371
Грабарь В. Э. — 40
Градовский А. Д. — 99
Граждан В. Д. — 144
Гранат Н. Л. — 410, 477, 502
Гранкин И. В. — 135
Графский В. Г. — 50, 208, 238, 240, 596
Грачев А. А. — 586
Грачева Е. Ю. — 123
Грачева Ю. В. — 375, 476
Гребенников В. В. — 179, 369
Гревцов Ю. И. — 51, 55, 425, 429
Гречин А. С. — 411
Грешников И. П. — 426
Григонис Э. П. — 596
Григорьев Ф. А. — 472
Григорьева Ю. Г. — 183
Гримм Д. Д. — 40
Грин Р. — 100
Гринберг М. С. — 242, 534
Гриненко А. В. — 55
Гриценко Г. Д. — 237
Гриценко Е. В. — 257
Гришковец А. А. — 144
Гроздинский М. М. — 473
Громов Н. А. — 429, 473
Гросул В. Я. — 409
Гроте Г.—Р.де — 59
Гроций Г. — 73, 120, 229
Грошев А. В. — 377
Груздев В. В. — 296
Грязин И. — 59, 375
Грязнов Д. Г. — 295
Губаева Т. В. — 59
Губогло М. Н. — 182
Гуденица А. Н. — 561
Гудков В. — 145
Гудошников Л. М. — 258
Гук П. А. — 293
Гукасян Р. Е. — 585
Гулиев В. Е. — 54, 105, 564, 585
Гульпе А. Н. — 54
Гуляихин В. Н. — 407
Гумбольдт В. фон — 105
Гумплович Л. — 74
Гунель М. — 340
Гурвич Г. Д. — 222, 240
Гуревич Н. Я. — 76
Гусев А. В. — 144
Гуссерль Э. — 28
Гуценко К. Ф. — 142, 287
Гуциериев Х. С. — 51
Гущин В. З. — 594
Гущина Н. А. — 313, 338

Давид Р. — 205, 248, 249, 256
Давлетов А. А. — 410
Давыдова М. Л. — 314
Даев В. Г. — 341
Дамирли М А. — 49, 77
Данилевич И. В. — 184
Даниленко В. И. — 46
Даниленко В. Н. — 75, 560, 592
Даниленко Г. М. — 271, 295
Данильян О. Г. — 50
Дарвин Ч. — 74
Дашин А. В. — 295
Дашков Г. В. — 286
Даштамиров С. А. — 205
Дворкин Р. — 236, 240
Де Сальвиа М. — 297
Деготь В. А. — 314
Дегтев Г. В. — 135
Дегтярев С. Л. — 138
Дедков Л. Л. — 477
Деев Н. Н. — 49, 106, 146
Дементьев А. Н. — 106
Дементьева З. П. — 562
Демидов А. И. — 49, 51, 52, 407
Демидов И. Ф. — 138
Демин А. А. — 339
Денисенко В. В. — 469
Денисов А. И. — 41, 48, 54, 75, 185
Денисов Б. А. — 122
Денисов Г. И. — 374
Денисов С. А. — 145, 286, 374
Денисов Ю. А. — 534
Дербин А. П. — 591
Джагарян А. А. — 564
Джангирян Ж. Д. — 102
Джей Дж. — 183
Дженис М. — 587
Дженкс Э. — 258

Джинджолия Р. С. — 473
Джиффорд К. — 258
Дзапшба Ф. З. — 180
Дикарев И. С. — 313, 475
Дильтей В. — 28
Дмитриев А. В. — 56
Дмитриев Ю. А. — 179, 290, 393, 587
Дмитриева Г. К. — 208
Добролюбов А. И. — 100
Добролюбов Н. А. — 399
Добрынин Н. М. — 53, 180—181
Додин Е. В. — 470
Дозорцев В. А. — 391
Дозорцев П. Н. — 207
Дойблер В. — 285
Донская Н. А. — 48
Достоевский Ф. М. — 399, 400
Дрейшев Б. В. — 349, 377
Дресвянкин В. Б. — 372
Дробышевский С. А. — 59, 106, 237
Дробязко С. Г. — 237, 245, 368, 587, 596
Дубинин Н. К. — 534
Дубинкина С. Н. — 584
Дубов Г. В. — 210, 410
Дубовицкий В. Н. — 475
Дудин А. П. — 425, 427
Дудко И. Г. — 590
Думанов Х. М. — 59, 75, 295
Духно Н. А. — 477, 479, 530
Дюги Л. — 87, 559, 580
Дюринг Е. — 74
Дюрягин И. Я. — 481, 592

Евдокимов В. Б. — 370
Евдокимова Е. Г. — 481
Евменов Л. Ф. — 587
Евсеенко Т. П. — 100
Евсеичев В. И. — 240
Егоров А. В. — 78, 256
Егоров В. К. — 408
Егоров С. А. — 52
Егоров С. Н. — 596
Егоров Ю. Н. — 210
Егорова Н. Е. — 565
Елеонский В. А. — 313
Елисеев Б. П. — 133
Еллинек Г. — 87, 580
Емельянов Н. А. — 182
Енгибарян Р. В. — 182
Еникеев М. И. — 31
Ерасов А. М. — 391
Еременко Ю. П. — 477
Ермаков В. Г. — 181
Ермошин В. В. — 76
Ерпылева Н. Ю. — 319
Ершов В. В. — 271, 290
Ефремов А. Ф. — 477
Ефремова Н. Н. — 293

Жабинска М. — 141
Жалинский А. Э. — 258, 377
Жевакин С. Н. — 352, 292
Желдыбина Т. А. — 373
Желев Ж. — 184
Железнов Б. Л. — 182
Желтов В. В. — 100
Жеругов Р. Т. — 45, 436, 438, 439, 467
Жигалов Н. Ю. — 210
Жигарев Е. С. — 54
Жигачев И. Ю. — 257
Жидков О. А. — 138
Жилин Г. А. — 472
Жилинский С. Э. — 477
Жинкин С. А. — 469
Жишкевич В. И. — 477
Жоффре-Спинози К. — 256
Жуйков В. М. — 587, 592
Жуков В. Н. — 53, 240
Журавлев А. — 142
Журавлев М. П. — 207

Забигайло В. К. — 372
Завадская Л. Н. — 271, 291, 369, 481
Завьялов Ю. С. — 184
Загайнов Л. И. — 122
Загайнова С. К. — 271, 293, 472
Загорский Р. — 207
Зажицкий В. И. — 312, 470
Зазаева Н. Б. — 237
Зазнаев О. И. — 160, 179
Зайцев И. М. — 472
Закомлистов А. Ф. — 49, 209
Замковой В. И. — 185
Зарицкий А. В. — 75, 596
Заславская Т. И. — 38
Затонский В. А. — 467, 587

Захаров А. А. — 369
Захаров В. В. — 297
Захаров Н. А. — 408
Захарова М. В. — 43
Зваак Л. — 586
Звеков В. П. — 469
Звонарева О. С. — 76
Здравомыслов А. Г. — 56
Здравомыслов Б. В. — 526, 533
Здравомыслова О. М. — 411
Зевелев А. И. — 561
Зеленцов А. Б. — 425
Зеркин Д. П. — 56
Зивс С. Л. — 260, 273, 286, 477
Зиманов С. З. — 48
Зимин В. А. — 137
Зиммель Г. — 28
Златопольский А. А. — 587
Змушко К. С. — 53
Золотарева М. В. — 181
Зорькин В. Д. — 78, 240, 297, 596
Зражевская Т. Д. — 371, 587
Зубов А. Б. — 184
Зубов А. М. — 122
Зулькарнай И. У. — 75
Зыкин И. С. — 295

Ибрагимов А. М. — 136
Ивакин В. И. — 137, 530
Ивакина Н. Н. — 59
Иванец Г. И. — 78
Иваников И. А. — 280
Иванов А. А. — 530, 534
Иванов А. В. — 76
Иванов В. В. — 102, 181
Иванов В. В. — 294
Иванов В. Е. — 183
Иванов В. П. — 534
Иванов С. А. — 288, 289, 291, 292, 338, 472, 585
Иванова З. Д. — 425, 429, 477
Иванченко А. В. — 146
Иванюк О. А. — 286, 565
Ивашевский С. Л. — 240
Ивлиев Г. П. — 369, 370
Игнатенко В. В. — 368, 371, 474
Игнатенко Г. В. — 587
Игнатенко Д. Д. — 478
Игнатов В. Г. — 143
Игнатьева И. А. — 123
Игнатюк Н. А. — 143
Иеринг Р. фон — 241, 375
Изварина А. Ф. — 139
Илларионов В. П. — 207
Ильин А. В. — 377
Ильин В. В. — 409
Ильин И. А. — 158, 159, 180, 229, 407
Ильин М. В. — 59
Ильина Л. Н. — 48
Ильина Н. В. — 370
Инако Ц. — 258
Иовенко В. А. — 141
Иойрыш А. И. — 60, 206
Ионова А. И. — 209
Исаев И. А. — 53, 287, 478
Исаев М. А. — 141
Исаев М. М. — 293, 483
Исаков В. Б. — 79, 369, 429
Исаков Н. В. — 242, 289

Кабалшин А. Ю. — 585
Кабанов П. А. — 145, 531
Кабрияк Р. — 373
Кабышев В. Т. — 290
Кабышев С. В. — 343, 371
Кажлаев С. А. — 297
Казаков В. — 411, 480
Казаков В. Н. — 43, 411
Казанцев М. Ф. — 371
Казимирчук В. П. — 31, 54—57, 291, 370, 411, 437, 468, 516, 598
Казмер М. Э. — 240
Казьмин И. Ф. — 367
Каламкарян Р. А. — 49, 124, 207, 342, 392, 480, 503, 588, 592
Калашников С. В. — 591
Каленский В. Г. — 55
Калинин А. Ф. — 59
Калинин А. Ю. — 287
Калинин С. А. — 373
Калинина Н. А. — 376
Калинкин С. В. — 392
Калмыков Ю. Х. — 481
Калмыкова А. В. — 207
Каминская В. И. — 411, 430
Каминский С. А. — 179
Канашевский В. А. — 297, 342

Кант И. — 87, 120, 158, 208, 220, 222, 229, 233, 236, 573
Каплунов А. И. — 534
Каптерев С. Е. — 101
Капустин М. Н. — 40
Капустин М. П. — 408, 478
Капустина М. А. — 392
Карабанов А. Б. — 75
Каравай А. В. — 392
Карапетян Л. М. — 181
Карапетян С. А. — 298
Карасев А. Т. — 135
Карасев М. Н. — 502
Карасева М. В. — 123, 430
Каратеев П. Ю. — 374
Карбонье Ж. — 55, 240
Карева М. П. — 314
Карпец И. И. — 138, 534
Карпов А. И. — 481
Карташкин В. А. — 587, 588
Карташов В. Н. — 244, 338, 373, 374, 377, 411, 425, 473, 475, 481, 502
Каск Л. И. — 121
Касьянов В. В. — 55
Катаев Н. А. — 44
Катанчиев Т. М. — 295
Каутский К. — 74
Кац А. — 475
Качановский Ю. В. — 293
Кашанина Т. В. — 63, 67, 75, 245, 291, 374, 474, 566
Кашеваров А. Н. — 562
Кашепов В. П. — 593
Каширкина А. А. — 124
Кашкин С. Ю. — 184, 290
Квачева П. И. — 106
Кедров Б. М. — 48
Кейзеров Н. М. — 411
Кейнс Дж. — 111
Кельзен Г. — 28, 51, 213, 229, 325
Кембаев Ж. М. — 124
Кемулария Э. М. — 473
Кененов А. А. — 564
Керимов А. Д. — 53, 371
Керимов Д. А. — 49, 53—56, 58, 122, 338, 373, 374, 377, 480, 483, 596
Кетц Х. — 256, 365
Кечекьян С. Ф. — 271, 287, 425
Кивель В. Н. — 593
Кикоть В. А. — 44, 124, 474, 478, 479
Киреева С. А. — 124
Кириллов В. М. — 593
Кириллова Е. А. — 338
Кирин В. А. — 267
Кириченко В. Ф. — 472
Киселев С. Г. — 78
Киселева А. В. — 181
Киселева О. М. — 245
Кистяковский Б. А. — 49, 55, 99, 401, 407, 598
Кичигин Н. В. — 123
Клеандров М. И. — 138
Кленнер Г. — 244
Клепицкий И. А. — 534
Клепцова Т. Н. — 121
Климентьева Н. А. — 378
Клишас А. А. — 141
Клочков В. В. — 562
Клык Н. Л. — 60
Кнапп В. — 55, 58
Книпер Р. — 503
Княгинин К. Н. — 472
Князев С. Д. — 427
Кобзева Е. В. — 474
Кобликов А. С. — 208
Кобрин Р. Ю. — 59
Ковалев В. А. — 478
Ковалев Л. М. — 528
Ковалев М. А. — 142
Ковалев М. И. — 474, 587
Ковалевский М. М. — 99, 295
Коваленко А. Г. — 471
Ковачев Д. А. — 183, 372, 377
Ковлер А. И. — 32, 60, 176, 184, 264, 564
Ковтун Н. — 374
Коган В. М. — 534
Кожев А. — 102
Кожевников В. В. — 407, 475, 584
Кожевников М. В. — 483
Кожевников О. А. — 531
Кожевников С. Н. — 468, 469, 478. 529
Кожинов В. В. — 408, 468, 469
Козаченко И. Я. — 470
Козлихин И. Ю. — 51, 242, 596
Козлов А. Е. — 265
Козлов Б. В. — 314

Козлов В. А. — 51, 56
Козлов М. А. — 428
Козлова Е. И. — 577
Козлова Н. В. — 426
Козочкин И. Д. — 392, 478
Козулин А. И. — 587
Козырев А. А. — 133
Козюбра Н. И. — 54, 467
Козюк М. Н. — 371
Кок — 277
Кокорев Р. С. — 100
Кокотов А. Н. — 180, 369, 408, 468
Кокошкин Ф. Ф. — 87, 99
Коланда В. М. — 134
Колбасов О. С. — 123
Колдаев В. М. — 101
Колдаева Н. П. — 78, 79, 360, 368, 373
Колдин В. Я. — 470
Колесников А. В. — 105, 564
Колесников Е. В. — 287, 288, 290, 297, 468, 477
Колесникова О. М. — 502
Колобов О. А. — 181
Колодкин Л. М. — 144
Колоколов Н. А. — 138
Колотова Н. В. — 264, 587
Кольев А. Н. — 409
Комаров С. А. — 42, 45, 47, 176, 287, 347, 377, 378, 585, 587
Комарова В. В. — 290, 564, 594
Комиссаров В. С. — 290
Комков С. А. — 429
Комкова Г. Н. — 587
Кондратьев Р. И. — 372
Конина Е. Н. — 481
Кононов А. А. — 287
Кононов А. П. — 48
Константинов П. Ю. — 529
Конт О. — 120
Контарев А. А. — 409
Конюхова И. А. — 134, 181, 342
Конюшко С. — 563
Копейчиков В. В. — 146
Копылов В. А. — 58
Корельский В. М. — 21, 44
Коренев А. П. — 314, 481
Кореневский Ю. В. — 447, 471
Корецкий А. Д. — 294
Корецкий В. А. — 135
Коржихина Т. П. — 106
Коркунов Н. М. — 40, 87, 99
Корнев А. В. — 240, 599
Корнев В. Н. — 179, 181
Коробова А. А. — 246
Королев А. И. — 42, 51, 54
Королец Е. — 587
Короткова Н. В. — 205
Корсик К. А. — 392
Коряков В. П. — 76
Косарев А. И. — 76, 78
Косицын А. П. — 76
Косов Р. В. — 102, 103
Косопкин А. С. — 103, 369
Костенко Н. И. — 257
Костенников М. В. — 371
Костиков И. В. — 205
Костюк К. — 208
Костюков А. Н. — 429
Косцов А. — 298
Котелевская И. В. — 289, 292, 369
Котляр В. С. — 565
Котляревский С. А. — 580, 598
Кочетков Э. Г. — 78
Кочетыгова Н. И. — 409
Кошелев Д. А. — 100
Кравец И. А. — 53
Кравченко В. И. — 101
Кравченко Ю. Б. — 123
Красавчиков О. А. — 332, 429
Красиков Ю. А. — 526
Красков В. А. — 60
Краснов М. А. — 179, 531
Краснов М. И. — 267
Краснов Ю. К. — 135
Краснова И. О. — 123
Краснова О. И. — 369
Красовский О. А. — 60
Крашенинникова Н. А. — 60
Кремянская Е. А. — 183
Кресин А. В. — 256
Крестьянинов Е. В. — 369
Кривенко Л. Т. — 103
Кристи Н. — 534
Кросс Р. — 283, 293
Кроткова Н. В. — 531, 587
Кругликов А. Л. — 145
Круглов Д. Н. — 287

Крусс В. И. — 287, 428, 468, 531, 587, 591
Круталевич В. А. — 467
Крутоголов М. А. — 136, 141
Крылов Б. С. — 181, 257
Крылова Е. Г. — 144
Крылова Н. Е. — 208
Кряжков А. В. — 241
Кряжков В. А. — 279
Кряжкова О. Н. — 297
Ксенофонтов В. Н. — 56
Кудашкин В. В. — 425
Кудинов Н. А. — 181, 468
Кудрявцев В. Н. — 31, 54—58, 102, 185, 237, 290, 338, 438, 468, 469, 472, 477, 478, 516, 529, 534, 565, 578, 585, 596
Кудрявцев Ю. А. — 184
Кудрявцев Ю. В. — 206, 301
Кудряченко А. И. — 136
Кузнецов И. Н. — 482
Кузнецов Э. В. — 45, 49, 410
Кузнецова Н. Ф. — 210, 287, 290
Кузнецова О. А. — 312, 392, 430
Кузьменко А. В. — 339
Кузьмин Э. Л. — 104
Кузьмина М. Н. — 57
Кузьмина О. В. — 471
Кузьминов А. И. — 243
Кукса Т. Л. — 206
Кукушкин В. М. — 210, 410
Кукушкин Е. В. — 392
Кукушкин М. А. — 57
Кулагин Н. И. — 210
Кулажников М. Н. — 206
Кулапов В. Л. — 312
Кулиев И. О. — 561
Кулиев М-П. Р. — 76, 181
Кульчар К. — 56
Куманин Е. В. — 242
Куницын А. С. — 586
Куракин А. В. — 145
Курашвили К. Т. — 181
Курбатов А. Я. — 241
Курбатов В. И. — 55
Курдюк Г. П. — 339
Курдюков Г. И. — 24, 54
Курильски-Ожвэн Ш. — 411
Курицын В. М. — 478
Куркин Б. А. — 244, 599
Курманов М. М. — 369
Куроедов В. А. — 562
Кутафин О. Е. — 139, 140, 288, 289, 577
Кутюхин И. В. — 429
Куфаков А. В. — 478
Кучин М. В. — 293
Кучинский В. А. — 43, 425, 468, 529, 533, 585, 597, 599
Кэй Р. — 587

Лагун Д. А. — 292
Ладёр К.-Х. — 240
Лазарев Б. М. — 196, 596
Лазарев В. В. — 24, 42—44, 46, 48, 50, 54, 66, 70, 72, 75, 86, 87, 92, 158, 171, 196, 233, 234, 237, 245, 248, 250, 298, 323, 367, 372, 407, 411, 424, 431, 445, 450, 451, 458, 460, 461, 468, 472—475, 478, 480, 481, 490, 502, 503, 507, 520, 528, 532, 541, 565, 574, 579, 580, 593
Лазарев В. М. — 531, 587
Лазарев Л. В. — 279, 297
Лазарева О. В. — 341
Лазаревский Н. И. — 99
Лапаева В. В. — 56, 57, 560, 561, 591
Лапач В. А. — 427, 428
Лапина Н. Ю. — 566
Лаптев В. В. — 243
Лапшин И. С. — 312
Ларин А. М. — 341
Лафицкий В. И. — 183, 207, 208, 377
Лафонтен О. — 565
Лашин А. Г. — 178
Лебедев В. А. — 593
Лебедев В. М. — 56, 481
Лебедева Е. Н. — 246
Левада Ю. — 145
Левакин И. В. — 104, 181, 590
Леванский В. А. — 58
Левин В. Ф. — 137
Левин И. Д. — 104, 483
Левина М. И. — 588
Левинсон А. — 145
Левченко В. И. — 51
Левченко В. М. — 339
Левченко И. П. — 426, 481

Левченко О. В. — 430
Левшуков-Энгельгардт А. Б. — 561
Ледяев В. Г. — 101
Ледях И. А. — 588, 599
Лёзов С. В. — 59
Лейст О. Э. — 50, 51, 77, 237, 314, 531
Ленин В. И. — 9, 37, 67, 76, 89, 167, 202, 462, 478, 515
Леоненко Н. Т. — 374
Леонтенков А. В. — 291
Леонтьев А. А. — 205
Лепешко Б. М. — 55
Лесков Л. В. — 101
Лесников Г. П. — 101
Летяев В. А. — 246
Леушин В. И. — 239, 481
Ли Д. А. — 529
Ливеровский А. А. — 181
Лившиц Р. З. — 38, 42, 52, 237, 268, 291, 293, 341, 585, 595
Лильберн Дж. — 401
Линотт Д. — 122
Липатов С. В. — 124
Липень С. В. — 42, 46, 48, 60, 70, 75, 87, 158, 171, 196, 287, 367, 377, 407, 411, 424, 531, 450, 458, 475, 481, 502, 503, 507, 528, 565, 580
Липинский Д. А. — 242, 531
Лисица В. Н. — 295
Лисюткин А. Б. — 54, 376, 461, 472, 478
Литвинович Ф. Ф. — 78
Литлтон — 277
Литягин Н. Н. — 373
Лихачев В. Н. — 372
Ллойд Д. — 244
Лобер В. Л. — 184
Лобзяков В. П. — 591
Ловинюков А. С. — 562
Локк Дж. — 73, 98, 158, 401
Ломакина И. Б. — 295
Ломброзо Ч. — 514, 515
Ломидзе О. Г. — 427
Лопатин В. Н. — 57, 123, 124, 340, 377
Лопатина С. Н. — 287
Лохматов Е. А. — 594
Лужков Ю. М. — 146
Лузин В. В. — 140, 179, 287, 504
Лукашева Е. А. — 208, 411, 478, 578, 575, 588, 589, 593, 596
Лукашук И. И. — 78, 79, 287, 342, 343, 393, 503
Лукашук О. И. — 503
Лукич Р. — 54
Лукичев Ю. А. — 143
Луковская Д. И. — 51, 240, 588, 589, 591, 598
Лукьяненко М. Ф. — 474
Лукьянов А. И. — 264
Лукьянова В. Ю. — 207
Лукьянова Е. А. — 291
Лукьянова Е. Г. — 78, 79, 341, 368, 481, 584
Лукьянова Н. Г. — 208
Лукьянцев Г. Е. — 588
Луман Н. — 102, 240
Лунеев А. Е. — 478
Лунеев В. В. — 78, 290, 529, 530
Лупарев Г. П. — 562
Лупарев Е. Б. — 468
Лупинская П. А. — 472
Луць Л. А. — 257
Лучин В. О. — 44, 290, 291, 313, 314, 341, 377, 482, 531
Лучков В. В. — 531
Лушников А. М. — 504
Лушникова М. В. — 504
Лытов Б. В. — 208
Любашиц В. Я. — 78, 566
Любимов А. П. — 563, 566
Люблинский П. И. — 503
Люшер Ф. — 140, 141
Ляпунов Ю. И. — 372

Маврин С. П. — 340, 374
Магомедов С. К. — 376
Магомедова Е. А. — 591
Мазаев В. Д. — 243, 586
Мазуров А. В. — 290, 291
Маилян С. С. — 134
Майка Ю. — 562
Макаренко В. П. — 52
Макаров О. В. — 596
Макиавелли Н. — 158
Маклаков В. В. — 135, 141
Максимов А. А. — 293
Максимов И. В. — 531

Максимов С. В. — 145
Макуев Р. Х. — 534
Макушин А. А. — 593
Малахов В. П. — 49, 237, 287, 343, 411, 468
Малаш Т. А. — 531
Малеин Н. С. — 279, 287, 313, 370, 478, 531, 533, 534, 596
Малеина М. Н. — 60, 588
Малешин Д. Я. — 340
Маликов М. К. — 467, 475
Маликов М. Ф. — 181
Малинова И. П. — 49, 237, 377
Малиновская Е. В. — 370
Малиновский А. А. — 209, 372, 358, 428, 475
Малков В. П. — 381, 377, 392
Малков С. П. — 288
Малова О. В. — 295
Малый А. Ф. — 101
Малько А. В. — 42, 43, 45, 86, 233, 241, 242, 243, 245, 246, 289, 323, 324, 399, 425, 428, 461, 565, 578, 584, 591
Мальков Б. Н. — 49
Мальцев В. А. — 237, 595
Мальцев В. В. — 531
Мальцев Г. В. — 53, 76, 237, 243, 244, 295, 368, 585
Мамонов В. В. — 290
Мамут Л. С. — 38, 52, 106, 185, 244, 407, 597
Мамычев А. Ю. — 101
Мангейм Дж. Б. — 54
Манов Б. Г. — 233, 343
Манов Г. Н. — 44, 100, 275, 278, 286, 597
Манохин В. М. — 144, 371, 475
Марданов Р. Д. — 243
Маритен Ж. — 184
Маркс К. — 9, 37, 65, 76, 89, 229, 231, 353, 400, 515, 557
Марочкин С. Ю. — 343
Мартышин О. В. — 44, 46, 48, 50, 76, 79, 206, 237, 238, 409, 468, 566, 597
Марфицин П. Г. — 475, 584
Мархгейм М. В. — 593
Марцев А. И. — 474
Марченко М. Н. — 42—45, 47, 101, 103, 104, 105, 182, 248, 253, 254, 256, 287, 293, 298, 323, 326, 470, 531
Марышева Н. И. — 393
Масленников М. Я. — 341
Маслова М. Г. — 428
Масловская Т. С. — 371
Масловский М. В. — 145
Мастушкин М. Ю. — 565
Матвеева Т. Д. — 593
Матейкович М. С. — 134
Матузов Н. И. — 42, 43, 51, 86, 206, 233, 243, 244, 246, 287, 291, 293, 323, 324, 399, 407, 426, 428, 461, 470, 541, 578, 585
Матусевич А. В. — 567
Матюшкин Г. О. — 375
Мау В. — 122
Мах И. И. — 478
Махина С. Н. — 181
Маштаков И. В. — 529
Медведев А. М. — 387, 388, 392
Медведев Н. П. — 566
Медведева Н. Т. — 238
Медушевская Н. Ф. — 240
Медушевский А. Н. — 106, 180
Мелкумов А. А — 183
Мельников М. Г. — 392
Мельников Н. В. — 142
Мельникова Т. В. — 407
Мельникова Э. Б. — 138, 585
Менахем Э. — 258
Меньшиков В. В. — 101
Меняйленко Я. В. — 207
Меняйло Д. В. — 410
Месилов М. А. — 407
Местр А. — 122
Мецаев Б. К. — 48
Мещеряков А. Н. — 136
Милушева Т. В. — 208
Милюков С. Ф. — 532
Минашкин А. В. — 137
Мингазов Л. Х. — 469
Мингалева Ж. А. — 244
Минниахметов Р. Г. — 206, 479
Мириханов Н. М. — 181
Мироненко М. Б. — 531
Миронов А. В. — 474

Миронов О. О. — 594
Мисник Г. А. — 340, 428
Мисник Н. Н. — 340
Мисроков З. Х. — 295
Митюков М. А. — 297, 343
Михайленко А. Н. — 134
Михайлов О. В. — 373
Михайлов С. В. — 241
Михайловская И. Б. — 589
Михайловский И. В. — 40
Михаляк Я. С. — 483
Мицайков М. — 289
Мицкевич А. В. — 238, 267, 289, 342, 373, 378, 426
Мишин А. А. — 103
Мнишко В. В. — 122
Могилевский А. А. — 411
Могилевский В. Д. — 58
Могунова М. А. — 343
Модель Б. С. — 597
Модель И. М. — 597
Модестин — 275
Мозолин В. П. — 329, 332, 337, 339
Моисеев А. А. — 106
Моисеев С. В. — 49
Мокичев К. А. — 538
Молодцов М. В. — 342
Молчанов Б. А. — 295
Моль Р. фон — 579
Монтескье Ш. Л. — 94, 120, 158, 229, 401
Мордкович С. В. — 136
Мордовец А. С. — 134, 591
Мордовцев А. Ю. — 101
Морозов Н. Л. — 294
Морозова И. С. — 246
Морозова Л. А. — 42, 43, 106, 115, 120—122, 236, 255, 266, 268, 290, 291, 333, 378, 550, 551, 532, 562, 588, 597
Морхат П. М. — 209
Морщакова Т. Г. — 139
Москалькова Т. Н. — 594
Мотовиловкер Е. Я. — 244, 428
Мукамбаева Г. А. — 468
Муравский В. А. — 238
Мурадьян Э. М. — 293, 471, 476
Мураметс О. Ф. — 480
Мурашин А. Г. — 290
Мурашко Л. О. — 206
Мурашов В. И. — 428
Мурашова Е. Н. — 298
Муромцев Г. И. — 242, 287, 374
Муромцев С. А. — 229
Мурсалимов К. Р. — 471
Мухаев Р. Т. — 43
Мухамет-Ирекле А. — 123, 468, 597
Мухачев И. В. — 134
Мушинский В. О. — 238, 597
Мысливченко А. Г. — 78
Мышко Ф. Г. — 123
Мэдисон Дж. — 183
Мюллерсон Р. А. — 343, 588
Мяготин А. В. — 209

Надеев Р. К. — 369
Назаренко Т. Н. — 245
Назаров Б. Л. — 425, 531, 589
Наконечная Т. В. — 78
Нарижный С. В. — 533
Нарутто С. В. — 134, 181
Нарышкин С. Е. — 136
Насырова Т. Я. — 494, 503
Наумкина В. В. — 295
Наумов А. В. — 293, 482
Наумов В. Б. — 58
Наумов В. И. — 503
Нахова Е. А. — 430
Нашиц А. — 377
Неважжай И. Д. — 411
Недбайло П. Е. — 53, 341, 478, 483
Незнамова З. А. — 470
Нейштадт Р. — 136
Некрасов С. И. — 180, 470
Немытина М. В. — 482
Ненашев М. М. — 468
Неновски Н. — 77, 141, 244, 597
Нерсесян А. А. — 533
Нерсесянц В. С. — 32, 43, 45—47, 49, 50, 60, 76, 79, 87, 206, 221, 224, 238, 241, 244, 246, 264, 409, 574, 578, 597, 598
Нестеренко А. В. — 181
Нестеров А. В. — 246
Нетишинская Л. Ф. — 428
Нефедова Т. И. — 103
Нечаева А. М. — 426
Нечипуренко В. Н. — 55

Нешатаева Т. Н. — 293
Нигматуллин Р. В — 587
Нижник Н. С. — 238, 287, 295, 339, 426, 429, 586, 598
Никитина Н. К. — 591
Никитинский В. И. — 58, 378, 469
Никитова А. В. — 210
Никифоров А. В. — 472
Никифоров А. С. — 534
Никифоров Б. С. — 533
Никифорова Н. А. — 588
Николаев А. М. — 133
Николаева З. А. — 470
Николин А. — 562
Ницше Ф. — 9, 184
Новгородцев П. И. — 41, 559, 580, 599
Новик Ю. И. — 411
Новиков А. И. — 407
Новикова И. В. — 122
Новикова Н. И. — 60, 295, 296
Новикова О. В. — 313
Новицкий В. А. — 471
Новицкий И. Б. — 288
Новиченко А. А. — 482
Новичкова И. Ю. — 469
Ноздрачев А. Ф. — 137, 145, 564
Носырева Е. И. — 482
Нудель М. А. — 141
Нудненко Л. А. — 564
Нуирпесов Е. К. — 468

Облиенко С. В. — 426
Оболонский А. В. — 143—145, 254, 566
Обухова Е. С. — 593
Овсепян Ж. И. — 106, 134, 141, 288, 297, 531, 597
Овсянко Д. М. — 144
Овсянников И. В. — 471
Овчинников А. И. — 238
Овчинникова З. Л. — 50
Овчинский В. С. — 529
Ойгензихт В. А. — 208, 430
Ойзерман Т. И. — 409
Окара А. Н. — 407
Оксамытный В. В. — 43, 44, 257, 410, 598
Окуньков Л. А. — 136, 369
Окусов А. П. — 205, 210
Окушева Р. Т. — 266, 289
Олейник П. А. — 585
Олтеану О. М — 122, 141
Оль П. А. — 238
Ольков С. Г. — 52, 530, 531
Омельченко Н. А. — 209
Омельченко О. А. — 372, 597
Опалев А. В. — 210, 410
Орехова Р. Т. — 243
Орзих М. Ф. — 336, 585
Орлов Ю. К. — 471
Орлова О. В. — 468, 564
Орловский П. — 483
Орловский Ю. П. — 376
Осавелюк А. М. — 146
Осипов Д. И. — 49
Осипян Б. А. — 238
Осипян С. А. — 134
Основин В. С. — 564
Острогорский М. Я. — 561
Остром В. — 564
Остроумов Г. С. — 411
Отческая Т. И. — 472
Охотский Е. В. — 143
Ошеров М. С. — 410

Павел — 271
Павлов В. Г. — 563
Павлов В. И. — 57
Павлова О. К. — 529
Павлушина А. А. — 246, 341
Павлушкин А. В. — 135, 241
Палахов М. Ю. — 482
Палеев Р. Н. — 209
Палиенко Н. И. — 580, 599
Панова И. В. — 341
Пантин И. К. — 185
Панько К. К. — 374, 430
Папаян Р. А. — 207
Папиниан — 271
Папкова О. А. — 476
Парсонс Т. — 240
Паршиков Н. А. — 244
Парягина О. А. — 339
Пастухов М. И. — 139
Пастухова Н. Б. — 104
Патюлин В. А. — 426, 585
Пахман С. В. — 296

Пахоленко Н. Б. — 108
Пахомов Е. Ю. — 209
Пацуркивский П. С. — 375
Пашкевич П. Ф. — 476
Пашков А. С. — 469
Певцова Е. А. — 46, 411
Пекарев В. Я — 145
Пеньков Е. М. — 206
Первушина В. Н. — 53, 101
Перевалов В. Д. — 21, 44
Перегудов С. П. — 566
Перетерский И. С. — 504
Пернталер П. — 183
Перский Ю. К. — 244
Першиц А. И. — 59, 75, 294, 295
Петелин А. И. — 532
Петражицкий Л. И. — 41, 74, 217—219, 2290, 260, 486
Петренко Е. Г. — 592
Петров В. — 181
Петров В. С. — 77
Петров Д. Е. — 319, 333, 335, 337, 338, 339
Петров И. В. — 77
Петров К. В. — 293, 296
Петров С. М. — 241
Петрова А. В. — 290
Петрова Л. В. — 46, 238
Петровский Н. А. — 473
Петрухин И. Л. — 139, 142, 472, 588, 597
Петрушев В. А. — 503
Петухов В. Н. — 137
Печников Г. А. — 471
Печчеи А. — 85
Пиголкин А. С. — 43, 59, 78, 233, 236, 248, 278, 286, 289, 291, 367, 369, 371, 372, 373, 376, 378, 473, 502, 503
Пилипенко А. Н. — 373
Пионтковский А. А. — 483
Писаренко К. А. — 179
Пискотин М. И. — 185, 409
Питецкий В. В. — 474
Платон — 175
Плахов В. Д. — 206
Плешаков А. П. — 134
Плешанов А. Г. — 476
Плигин В. Н. — 79
Плишкин В. М. — 209
Плотникова И. Н. — 468
Пляйс Я. А. — 565
Побегайло Э. Ф. — 529
Погодина И. В. — 529
Погосян Н. Д. — 142
Подберезкин А. — 409
Подберезский Н. К. — 43
Подгурецкий А. — 56
Подмосковный В. Д. — 476
Подольская Н. А. — 293
Поздняков Э. А. — 50, 88, 96, 97, 321
Познер П. А. — 243
Познер Р. — 591
Покровский И. А. — 476
Покровский С. А. — 476
Полевой Н. С. — 58, 363
Полежай П. Т. — 243, 425
Поленина С. В. — 78, 79, 267, 289, 291, 323, 338, 339, 341, 342, 360, 367, 369, 372, 374, 588
Полибий — 158
Полищук Н. И. — 429
Половова Л. В. — 503
Половченко К. А. — 504
Полуян Л. Я. — 369
Поляков А. В. — 43, 51, 52, 239, 240, 4120, 597
Поляков С. Б. — 139, 410
Полянский И. А. — 137
Понкин И. В. — 562
Пономарев А. Д. — 479
Пономаренко Е. В. — 55
Попков В. Д. — 243, 585
Попов А. Н. — 392
Попов Г. Х. — 146
Попов Л. Л. — 144, 480
Попов Н. В. — 179
Попова В. В. — 210
Попова З. В. — 529
Попондопуло В. Ф. — 288, 339
Посконин В. В. — 46, 240
Посконина О. В. — 46, 240
Постников А. Е. — 135
Потапенко В. С. — 565
Потапов М. Г. — 289
Потапова С. В. — 590
Потемкина А. Т. — 372

Похмелкин В. В — 565
Поцелуев Е. Л. — 43, 52, 529, 532, 534
Прайс М. Э. — 104
Прибыткова Е. А. — 409
Прозоров В. Ф. — 469
Прокофьев Г. С. — 59, 470
Просвирнин Ю. Г. — 120
Протагор — 573
Протасов В. Н. — 21, 45, 246, 341, 425
Прохоров В. С. — 585
Прохорова Е. А. — 287
Процевский А. И. — 340
Проценко В. П. — 208, 339, 534
Прудников А. С. — 591
Прянишников Е. А. — 375
Пряхина Т. М. — 57, 287, 290, 504
Пугинский Б. И. — 238, 243, 302, 479
Пустогаров В. В. — 183, 597
Пучков О. А. — 52, 60, 244
Пчелинцев С. В. — 369, 591
Пшеничнов М. А. — 470
Пяткина С. А. — 240, 288

Рабинович П. М. — 233, 238, 241, 479
Рабцевич О. И. — 428
Радбрух Г. — 238
Радченко В. И. — 105, 136
Радько Т. Н. — 43, 47, 48, 238, 242, 373, 532
Разуваев Н. В. — 339
Разумович Н. Н. — 288
Райгородский Д. Я. — 101
Раманкулов К. С. — 243
Рарог А. И. — 375, 476, 526
Рассказов Л. П. — 589
Рассолов М. М. — 44, 58
Ратинов А. Р. — 411
Рахимов Р. А. — 101, 243, 426, 566
Рахманина Т. Н. — 367, 372, 373, 391
Раянов Ф. М. — 52, 479, 597
Ребане И. А. — 532
Рейснер М. А. — 218, 580, 599
Ремнев В. И. — 479
Ренненкампф Н. К. — 40, 41
Репников А. В. — 409
Рерихт А. А. — 258
Реутов В. П. — 287, 339
Решетников О. М. — 561
Решетников Ф. М. — 533
Решетникова И. В. — 471
Решетов Ю. С. — 467
Ржевский В. А. — 139, 597
Риккет Г. — 28
Римская И. Н. — 208
Рисдал Р. — 593
Рич Р. К. — 54
Рияд Таха Шамсон — 343
Ровный В. В. — 296, 426
Рогачев А. А. — 124
Рогачев Д. И. — 340
Родионов О. С. — 247
Родионова О. М. — 288
Рожкова Л. П. — 77
Рожнов А. П. — 481
Розаннвалон П. — 240
Розенбаум Ю. А. — 144
Розин В. М. — 244
Розин Л. М. — 480
Розин Э. Л. — 106
Романов А. К. — 258
Романова О. В. — 297
Романовский Г. Б. — 60
Ромашов Р. А. — 44, 45, 57, 124, 238, 246, 257, 287, 339, 426, 429, 478, 586, 597
Роми Р. — 122
Ростовщиков И. В. — 591, 594
Рощин В. А. — 369
Руденко В. Н. — 182, 564
Рудинский Ф. М. — 562, 585, 589
Руйе К. — 141
Рукавишникова И. В. — 340
Рулан Н. — 32, 60, 77
Румянцева Т. С. — 589
Руссо Ж. Ж. — 73, 158, 229, 401
Рустамов Х. У. — 138
Рыбаков В. А. — 78, 373, 532
Рыбаков О. Ю. — 243, 564, 589
Рыбалов А. О. — 425
Рыбушкин Н. Н. — 314
Рывкин К. А. — 426
Рывкина Р. В. — 38
Рыков В. А. — 60

Рыхтикова Л. Ю. — 343
Рябчун Н. П. — 77

Сабо И. — 585
Саванели Б. В. — 480
Савельев В. А. — 135
Савинский А. В. — 145
Савиньи Ф. К. — 495
Савицкий В. М. — 139, 376
Сагадар М. И. — 258
Садков В. Г. — 290
Садовский В. Н. — 58
Сазонов Б. И. — 467
Саидов А. Х. — 60, 135, 136, 248, 252, 253, 256, 257, 276, 589
Саленко А. В. — 182
Саликов М. С. — 183, 297
Салищева Н. Г. — 137
Саломатин А. Ю. — 534
Саломаткин А. С. — 182
Салыгин Е. Н. — 562
Сальников В. П. — 45, 49, 57, 77, 339, 410, 412, 594, 597
Саматов О. Ж. — 343
Самигуллин В. К. — 239, 245
Саммерс Р. С. — 240
Самович Ю. В. — 594
Самощенко И. С. — 58, 121, 373, 378, 469, 479, 482, 529, 532
Санникова Л. В. — 427
Сантуш Р. Д. — 595
Сапельников А. Б. — 45
Сапов В. В. — 49
Сапрунов А. Г. — 532
Сапсина М. А. — 122
Сапун В. А. — 246, 584, 412, 467, 482
Сарбаш С. В. — 504
Саркисова Э. А. — 425, 533
Сатаров В. С. — 139
Сауляк О. П. — 236, 428, 479, 480
Сафаров Р. А. — 410
Сафиуллин Д. Н. — 243
Сафонов А. А. — 562
Сафонов В. Г. — 407
Сафонов В. Е. — 181
Сахаров А. Д. — 589
Сахаров Н. А. — 136
Сахнова Т. В. — 471, 473
Свечникова Л. Г. — 296
Седов Л. — 145
Селезнев Г. Н. — 291
Селезнев Л. И. — 566
Селюков Ф. Т. — 378
Семененко И. С. — 566
Семенков В. И. — 566
Семенов В. Е. — 412
Семенов Ю. И. — 296
Семенова Я. М. — 470
Семигин Г. Ю. — 51
Семилетов С. И. — 427
Семитко А. П. — 412
Сенатова Е. В. — 393
Сенин И. Н. — 407
Сенякин И. Н. — 45, 124, 313, 23, 340, 376, 475, 594
Сергеев А. А. — 135
Сергеев А. Л. — 55
Серегин А. В. — 180, 409
Серегин Н. С. — 180, 237, 590, 596
Серегина В. В. — 532
Сериков Ю. А. — 430
Серкова В. В. — 184, 185
Сивицкий В. А. — 139
Сивков А. Л. — 288
Сигалов К. Е. — 77
Сидельников И. П. — 467
Сидорчук И. П. — 371, 373
Силинов П. М. — 183
Силуянова И. В. — 209
Сильченко Н. В. — 76, 105, 289, 378
Симкин Л. С. — 271
Симонян Р. Г. — 182
Синицына И. Е. — 296
Синха Сурия Пракаш — 50
Синюков В. Н. — 26, 28, 52, 53, 77, 107, 182, 254, 255, 409, 594
Синюкова Т. В. — 52
Сифурова Л. А. — 209
Скакун О. Ф. — 43, 257, 599
Скитович В. В. — 137
Скляров И. П. — 181
Скобликов П. А. — 470, 471
Скрипилев Е. А. — 107, 288, 566
Скрыпник В. И. — 107
Скуратов Д. — 136
Скуратов Ю. И. — 136, 564
Скурко Е. В. — 79, 409, 562, 591

Славин М. М. — 598
Слесарев А. В. — 503
Слободчиков Н. А. — 314
Смаль Л. Д. — 59
Сметанников Д. С. — 240
Смирнов А. В. — 430
Смирнов В. В. — 561, 564
Смирнов Л. В. — 294, 375
Смирнов О. В. — 585
Смирнова А. А. — 479
Смирнова Е. С. — 393, 426
Смирнова М. Г. — 429, 476
Смиртюков М. С. — 146
Смоленский М. Б. — 239, 412, 589
Смолин М. Б. — 409
Сморгунова В. Ю. — 206, 468
Снежко О. А. — 594
Собянин С. С. — 122
Согрин В. В. — 136
Сойфер В. Г. — 425
Сокол С. Ф. — 391
Соколов А. К. — 54
Соколов А. Н. — 595, 598
Соколов В. М. — 209
Соколов К. Н. — 135
Соколов Н. Я. — 412, 565
Соколова А. А. — 368, 378
Соколова Э. Д. — 122
Солдатов С. А. — 561
Соловьев В. Н. — 60
Соловьев В. С. — 229
Соловьев Э. Ю. — 207, 408
Соловьева А. В. — 122
Соловьева А. К. — 529
Соловьева Т. А. — 474
Солоневич И. Л. — 180
Сорокин В. В. — 43, 412
Сорокин В. Д. — 246, 340, 584
Сорокин П. А. — 41
Сорокин Ю. А. — 205
Сорокина Ю. В. — 50
Сошникова Т. А. — 561
Спасов Б. — 503
Спасская В. В. — 427
Спектор Е. И. — 370
Спиноза Б. — 73, 158, 229
Спиридонов Л. И. — 43, 56, 245, 259, 278, 286, 410, 540
Старилов Ю. Н. — 139, 144
Старков О. В. — 532
Стародубский Б. А. — 185
Стародубцев В. П. — 182
Старостенко В. К. — 122
Старушенко Г. Б. — 587
Статкявичус М. — 136
Степалин В. П. — 475
Степанов В. Ф. — 410
Степанов И. М. — 107
Степанов О. А. — 246
Степанова О. Л. — 183
Степанян В. В. — 242
Степашин С. В. — 77, 124
Степин А. Б. — 476
Стеценко С. Г. — 60
Стецовский Ю. И. — 139
Стешенко Л. А. — 182
Стовба А. В. — 239
Страшун Б. А. — 258, 266, 427, 474, 544
Стрекозов В. Г. — 44, 232
Стремоухов А. А. — 426
Стремоухов А. В. — 591, 594
Строгович М. С. — 41, 478, 479, 483, 532, 585
Студеникин С. С. — 478
Студеникина М. С. — 392
Стуканов А. П. — 529
Стучка П. И. — 216
Субботина И. Г. — 210
Субочев В. В. — 241, 242, 428
Суворов Л. К. — 243, 410, 590
Суворова С. А. — 592
Сулейманов Т. А. — 467
Султанов А. Р. — 298
Суменков С. Ю. — 246, 426
Сунгуров А. Ю. — 594, 595
Супатаев М. А. — 245, 296
Сурков Д. Л. — 103
Суслов В. А. — 53
Суслов В. В. — 53, 503
Суслов Ю. А. — 56
Суставова Е. Н. — 266, 378
Суханов Е. А. — 340
Сухарев А. Я. — 142, 479
Сыдорук И. И. — 479
Сырых В. М. — 24, 43, 48, 54, 56, 287, 323, 324, 342, 372, 469, 584
Сычева А. В. — 343

Сюкияйнен Л. Р. — 276, 288
Сюткина А. П. — 563

Табанов С. А. — 502
Тадевосян Э. В. — 56, 182
Таева Н. Е. — 503
Талапина Э. В. — 122, 145, 373
Тарадонов С. В. — 480
Тарановский Ф. В. — 41
Тарасов А. А. — 142
Тарасов А. М. — 136, 142
Тарасов Н. Н. — 54, 375
Тарасова В. А. — 429
Тарбер Дж. — 103
Тард Г. — 74
Тарновский Е. Н. — 590
Тархов В. А. — 532
Темнов Е. И. — 38, 45, 52, 412
Тенчов Э. С. — 471
Тепляшин И. В. — 469
Тепляшин П. В. — 532
Тер-Акопов А. А. — 55, 207, 532
Тер-Акопян Н. В. — 76
Терентьев В. Г. — 206
Терехин В. А. — 595
Терещенко Л. К. — 207
Тиковенко А. Г. — 101, 139, 408
Тилле А. А. — 185, 256, 391, 393
Тимонин А. Н. — 76
Тимофеев М. С. — 502
Тимохов Ю. А. — 392
Тимошина Е. В. — 43, 52, 239, 589
Тирских М. Г. — 184
Тит Ливий — 260
Титенков Д. И. — 587
Тиунов О. И. — 343
Тиунова Л. Б. — 58, 339, 598
Тихомиров А. В. — 60
Тихомиров Л. А. — 180, 184
Тихомиров М. Ю. — 479
Тихомиров Ю. А. — 78, 87, 88, 101, 103, 107, 121, 134, 137, 143, 145, 171, 175, 207, 242, 243, 245, 247, 248, 256, 257, 288—291, 294, 340, 343, 367, 372—376, 378, 393, 467, 469, 470, 479, 482, 502
Тихомирова Ю. С. — 561
Тихонравов Ю. В. — 50, 207, 562
Тишкевич И. С. — 294
Тишкина Л. Н. — 378
Тишков В. А. — 60, 295, 296
Тищенко П. И. — 210
Ткачев В. — 209
Ткачевский Ю. М. — 585
Ткаченко Ю. Г. — 425, 429, 483
Тогонидзе Н. В. — 145
Тойнби А. Д. — 77
Толкачев В. В. — 146
Толкачев К. Б. — 42, 591
Толочко О. Н. — 378
Толстик В. А. — 44, 239, 242, 288, 343
Толстой Л. Н. — 400
Толстой Ю. К. — 425
Толстых В. Л. — 392
Тонков Е. Е. — 57
Топорнин Б. Н. — 57, 103, 182, 183, 294, 598
Тосунян Г. А. — 103, 340
Тотьев К. Ю. — 242
Тоффлер Э. — 77
Трайнин И. — 103
Треушников М. Г. — 471
Трикоз Е. Н. — 145, 146
Троицкий В. С. — 266, 378
Трофименко А. В. — 427
Трофимов А. Н. — 244
Трофимов В. В. — 247
Трошкин Ю. В. — 590
Трубецкой Е. Н. — 41, 229, 559
Трумпель К. Б. — 595
Трусов А. И. — 185
Тугаринов — 569
Тузов Н. А. — 473
Туманов В. А. — 55, 139, 240, 256, 279, 398—400, 408, 594
Туманов Г. А. — 241, 248
Туманов Д. А. — 473
Тупикин А. П. — 134
Турчинов А. И. — 209
Тутинас В. А. — 297, 370, 594
Тутинас Е. В. — 594
Тэпс Д. — 182
Тяжкова И. М. — 585

Уваров А. А. — 592
Узилевский Г. Я. — 144
Улицкий С. Я. — 534
Ульпиан — 275, 281

Умнова И. А. — 182
Упоров И. В. — 589
Урсул А. Д. — 565
Усанов В. Е. — 103
Ушаков А. А. — 58, 59, 77, 376
Ушаков Н. А. — 107

Фабрициус Ф. — 590
Фалилиев П. А. — 314
Фарбер И. Е. — 412, 585
Фарукшин А. М. — 182
Фарукшин М. Х. — 182, 183, 532
Фархетдинов Я. Ф. — 288
Фаршатов И. А. — 425
Фастов А. Г. — 479
Фатеев П. П. — 584
Фаткуллин Ф. Н. — 314, 469
Фатьянов А. А. — 245
Федоров В. П. — 598
Федорова А. Н. — 534
Федорова В. Г. — 531, 532
Федосеева Н. Н. — 184
Федотов А. В. — 430, 476, 529
Федотов М. А. — 57
Фельдман Д. И. — 24, 54, 55
Фетюхин М. И. — 590
Филимонов В. Д. — 314
Филиппов Г. Г. — 76, 101
Филиппов С. В. — 139
Филиппова С. Ю. — 338
Фильмер Р. — 72, 401
Фирсов С. Л. — 562
Фоглесонг Т. — 139
Фоков А. П. — 209
Фомин А. А. — 124, 407
Фотиева И. В. — 76
Фрейд З. — 514
Фридмэн Л. — 258
Фридрих II — 574
Фролов Г. М. — 78
Фролов Е. А. — 474
Фукин И. А. — 378
Фуко М. — 59
Фуллер Л. Л. — 240

Хабермас Ю. — 184
Хабибулин А. Г. — 42, 77, 101, 107, 121, 146, 367, 368, 426, 503, 565, 566, 591
Хабибулина Н. И. — 375, 376
Хабиров Р. Ф. — 587
Хабриева Т. Я. — 85, 137, 140, 183, 207, 242, 290, 370, 376, 504, 593
Хайкин Я. З. — 208
Хайруллин В. И. — 239
Хакен Г. — 53
Хакимов Р. С. — 182
Халипов В. Ф. — 101
Халиулина В. П. — 209
Халфин Р. О. — 239, 377, 378, 425, 429, 467
Хаманева Н. Ю. — 137, 143, 564, 594, 595
Хаммер Д. — 254
Харитонов Е. О. — 257
Харитонова Е. И. — 257
Харрис Д. — 586
Харт Г. Л. А. — 241
Хархордин О. — 100
Хасбулатов Р. И. — 145
Хатаева М. А. — 206
Хачатуров Р. Л. — 531, 532
Хачим Ф. И. — 101
Хвостов В. М. — 41, 87
Хевсаков В. В. — 564
Хесина М. Н. — 480
Хеффе О. — 241
Хижняк В. С. — 343
Хижняк С. П. — 59, 376
Хиль-Роблес А. — 595
Хлестов О. Н. — 372
Хныкин Г. В. — 292
Хованская А. В. — 139
Ходаковский Д. В. — 592
Холланд М. — 594
Хомич В. М. — 294, 532
Хорос В. Г. — 184
Хорошильцев А. И. — 101
Хохлов Е. Б. — 51, 52, 426
Хропанюк В. Н. — 44, 47, 232, 451
Худойкина Т. В. — 56, 57, 370
Хутинаев И. Д. — 103, 136

Царев Д. Н. — 314, 425
Царегородская Е. В. — 296
Царьков И. И. — 239
Цвайгерт К. — 256, 365
Цивадзе Д. Ю. — 122

Цирин А. М. — 206
Цихоцкий А. В. — 296, 469
Цицерон — 87, 229
Цмай В. В. — 594
Цыбулевская О. И. — 208, 590

Чебаев В. Н. — 427
Чеботарев Г. Н. — 103
Чекунов Н. А. — 589, 590, 598
Челышев М. Ю. — 314
Чепурнов А. А. — 427
Чепурнова Н. М. — 139
Червонюк В. И. — 45, 78, 378
Черданцев А. Ф. — 44, 59, 190, 206, 503, 504
Черемных Г. Г. — 139, 562
Черепанов В. А. — 134, 183, 294
Черепахин Б. Б. — 340
Черкашин М. Д. — 209
Черненко А. Г. — 183, 409
Черненко А. К. — 54, 375
Черников В. В. — 146, 292
Черниловский З. М. — 430, 575, 598
Чернобель Г. Т. — 121, 239, 314, 368
Черноголовкин Н. В. — 108, 121
Черногор Н. Н. — 532
Черноков А. Э. — 44, 256
Черныш А. М. — 532
Чернышевский Н. Г. — 399
Чернявский А. Г. — 133, 530
Чертков А. Н. — 183
Чертова Н. А. — 123
Чеснокова М. Д. — 412, 482
Честнов И. Л. — 44, 45, 54, 239, 295, 479, 590
Четвернин В. А. — 46, 100, 106, 107, 239, 241, 598
Чечина Н. А. — 314, 483
Чечот Д. М. — 429
Чигринов С. П. — 179
Чиканова Л. А. — 144
Чинчиков А. А. — 105
Чиркин В. Е. — 88, 101—103, 134, 136, 142, 159, 160, 177, 179, 182, 183, 264, 291, 427, 479, 561, 564—566, 590
Чирков А. П. — 532
Чичерин Б. Н. — 99, 175, 559
Чичерюкин-Мейнгардт В. — 102
Чичнева Е. А. — 241
Чопорняк А. Б. — 206
Чувакова А. А. — 472
Чувилев А. А. — 142, 143
Чувилев Ан. А. — 143
Чугунов Ю. О. — 314, 425
Чугунова И. В. — 122
Чулюкин Л. Д. — 314, 469
Чуприс О. И. — 144
Чурилов А. В. — 594
Чурсин В. Д. — 467
Чуфаровский Ю. В. — 31
Чухвичев Д. В. — 375, 532
Чучелина Н. Н. — 564
Чхиквадзе В. М. — 585

Шабалин В. А. — 54
Шаблинский И. Г. — 179
Шагиева Р. В. — 482
Шадрин В. С. — 592
Шайкенов Н. А. — 242, 592
Шайо А. — 590, 598
Шамба Т. М. — 480
Шамсумова Э. Ф. — 340
Шамхалов Ф. И. — 122
Шанин А. А. — 184
Шапиро М. А. — 562
Шаповалов И. А. — 412
Шапп Я. — 208, 245
Шапсугов Д. Ю. — 107, 295
Шарвен Р. — 139
Шаргородский М. Д. — 483, 503
Шафиров В. М. — 239, 469
Шахов М. О. — 562
Шахрай С. М. — 79, 140, 183, 565
Швеков Г. В. — 78, 256
Шебанов А. Ф. — 260, 288, 340
Шебанова А. И. — 295
Шевцов В. С. — 590
Шевченко Л. И. — 247
Шеенков О. А. — 595
Шейндлин Б. В. — 245
Шейфер С. А. — 142, 471
Шелистов Ю. И. — 598
Шелкопляс В. А. — 599
Шемшученко Ю. С. — 122
Шепелев В. И. — 206
Шереги Ф. Э. — 56

Шершеневич Г. Ф. — 41, 87, 229, 580
Шершнева-Цитульская И. А. — 562
Шестакова М. П. — 479
Шеховцев В. А. — 135
Шилов Ю. А. — 75
Шиндяпина М. Д. — 532
Шинелева Л. Т. — 561
Ширко Е. Н. — 184
Шиханцов Г. Г. — 584
Шихата И. — 565
Шишин М. Ю. — 76
Шишлов А. В. — 595
Шкредов В. П. — 244
Шляпочников А. С. — 503
Шмаков А. В. — 244
Шмелева Г. П. — 476
Шопина О. В. — 289, 290
Шохин А. — 369
Шпак А. В. — 242
Шпренгер Г. — 239
Штайн Л. — 580
Шталь Ф. Ю. — 579
Штейнгард М. Б. — 473
Штыкова Н. Н. — 210
Штырбул А. А. — 76
Шувалов И. И. — 370, 378
Шувалова Н. Н. — 209
Шугрина Е. С. — 375, 453
Шукшина Е. Г. — 238
Шульгин Н. Н. — 595
Шульженко Ю.Л. — 141, 142, 290
Шумилов В. М. — 258
Шумилова Л. Ф. — 482
Шумпетер Й. — 175
Шундиков К. В. — 53, 246, 467, 584
Шупленков В. П. — 369
Шутак И. Д. — 375

Щегорцов В. А. — 412
Щенникова Л. В. — 208, 244
Щербакова Н. В. — 79, 412, 469

Эбзеев Б. С. — 44, 85, 140, 290, 504, 585, 590, 598
Эджубов Л. Г. — 57
Экимов А. И. — 52, 236, 242, 428
Экштайн К. — 590
Элькинд П. С. — 483, 503
Эминов В. Е. — 529
Энгельс Ф. — 9, 37, 65, 76, 89, 187, 231, 515
Энтин Л. М. — 104
Эрделевский А. М. — 503, 533
Эсмен А. — 164

Югов А. А. — 102
Юдин И. Г. — 58
Юдин Ю. А. — 141, 561
Юдовская А. Я. — 77
Южаков В. Н. — 370
Юнусов А. А. — 590
Юнусов М. А. — 590
Юрашевич Н. М. — 412
Юртаева Е. А. — 368, 374
Юсупов В. А. — 137, 482

Яблоков Н. П. — 210
Явич Л. С. — 42, 50, 56, 245, 247
Ягутян Р. Г. — 532
Якимов А. Ю. — 427
Яковенко О. В. — 341
Яковлев А. И. — 409
Яковлев А. М. — 534
Яковлев В. Ф. — 247, 340
Яковлев Н. Н. — 183
Яковлева Л. В. — 289
Яковлева О. А. — 533
Якуба Е. А. — 208
Якубов А. Е. — 392
Якунин В. И. — 409
Якупов Р. Х. — 482
Якушев В. С. — 342
Якушев П. А. — 429
Якушин В. А. — 472
Ямпольская Ц. А. — 478, 561
Ян Синьюй — 565
Янгол Н. Г. — 595
Яров Ю. Ф. — 180
Ярославский А. Б. — 475
Ярышева С. Ю. — 474
Ясин Е. Г. — 122
Ястржембский И. А. — 294
Яцеленко Б. В. — 476
Яценко В. Н. — 292, 297
Ячменев Ю. В. — 241, 468, 533

Покупайте наши книги:

В офисе издательства «ЮРАЙТ»:
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В логистическом центре «ЮРАЙТ»:
140053, Московская область, г. Котельники, мкр. Ковровый, д. 37,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В интернет-магазине «ЮРАЙТ»: www.urait-book.ru,
e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии
с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ обращаться
по тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

Учебное издание

Лазарев Валерий Васильевич,
Липень Сергей Васильевич

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебник для бакалавров

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «CharterITC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,63. Доп. тираж 1500 экз. Заказ № 4565

ООО «ИД Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru